

РУССКОЕ СЛОВО.

VIII.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОНЪ ГР. КУШЛЕВЫМЪ-ВЕЗВОРОДКО.

1860.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Рюмина и комп.

252901

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 3 августа 1860 года.

Ценсоръ *А. Ярославцовъ.*
Ө. Разманниковъ.

МИТЦЕВЪ.

Повѣсть.

(Посвящается С. Г. В—ой.)

Какъ бы ни была бѣдна внѣшними фактами жизнь челоѣка, но дневникъ его, рассказанный добросовѣстно, безъ всякихъ самоуслажденій, имѣеть огромный интересъ психологической повѣсти.

I.

СЕМЕНЫЧЪ.

Дѣло было осенью, глубокой осенью. Дождь хлесталъ по крышамъ, звенѣлъ по стекламъ, ручьями обливалъ улицы и мутными волнами катился подъ заборами. Вѣтеръ за-одно былъ съ нимъ — гудѣлъ, ревѣлъ, и взвизгивалъ, однимъ словомъ — было скверно на дворѣ, какъ бываетъ только ненастной осенью.

За-то въ маленькой комнатѣ было тепло и уютно. Двѣ свѣчки горѣли на зеленомъ столѣ; отъ стакановъ съ чаемъ несло душистымъ паромъ; чувствовалось какое-то эгонистичное удовольствіе: вы тамъ-себѣ какъ хотите, бѣдные путники, пожалуй себѣ злитесь на непогоды, а намъ съ Иваномъ Петровичемъ и Степаномъ Семеновичемъ — право не дурно!

Отд. I.

1

— Экъ его, — такъ и хлещеть! замѣтилъ съ досадою Иванъ Петровичъ, оставшись безъ двухъ въ червахъ.

— Да, таки поливаетъ! прибавилъ, потирая руки, Степанъ Семенычъ, только-что обремизившій Ивана Петровича.

«Благодѣтели карты! — думалъ я сдавая; ну что прикажите дѣлать въ уѣздномъ городишкѣ, куда неволя занесла для хожденія по своимъ дѣламъ, которыя у насъ рѣшаются годами, и чтобъ сдвинуть ихъ съ мѣста требуютъ извѣстнаго подталкиванія. Вотъ и теперь напрімѣръ: чѣмъ бы занялъ я моихъ добрыхъ собесѣдниковъ, почтившихъ меня своимъ посѣщеніемъ? Люди они умные, практическіе, — изъ пустаго въ порожнее переливать не любятъ, а надо же угостить, занять ихъ, потому... потому, что въ ихъ рукахъ всѣ лучшіе интересы моей жизни; они — сановники, предержавшія власти...

— Безкозырная! провозгласила торжественно одна изъ властей.

— Пасъ! сказалъ я скромно, очнувшись отъ раздумья. Игра продолжалась мирно, подъ завываніе и ливень осенней непогоды.

— Отъ Александра Николаича Митнева пріѣхалъ за вами экипажъ, доложилъ мнѣ человекъ, входя въ комнату: — просятъ васъ къ себѣ сейчасъ, если можно!

— Батюшка, не откажите, послышался другой голосъ у дверей: — будьте отецъ родной?

— Да что такое случилось съ Александромъ Николаевичемъ? спросилъ я у кланявшагося мнѣ въ поясъ стараго дядьки Митнева.

— Да ничего не случилось, а только больно имъ невозможно — отвѣчалъ старикъ — очень тоскуютъ, о васъ вспоминаютъ... не откажите, батюшка!

— Ну хорошо, хорошо! Напейся чаю Семенычъ, а тамъ увидимъ, — подожди!

Игра кончилась скоро. Власти простились со мной, въ надеждѣ опять сойдтись и провести пріятный карточный вечеръ, въ скромной гостинной ихъ покорнаго кліента.

Признаться, не хотѣлось мнѣ ѣхать семь верстъ по страшной, невообразимой слякоти, но желаніе видѣть мо-

его бѣднаго больнаго Митнева, заставило меня рѣшиться на путешествіе.

Черезъ часъ я уже сидѣлъ въ тарантасѣ и плыль по морю, какъ по-суху, въ родовое имѣніе сосѣда.

— Батюшка, благодѣтель вы нашъ, повторялъ мнѣ Семенычъ всякій разъ, какъ я, раздосадованный скучной ѣздой, ворчалъ на непогоду и скверную дорогу: — потерпите маленючко — какъ разъ прїѣдемъ!

— Да, вотъ что, сказалъ мнѣ Семенычъ, когда нашъ тарантасъ вѣхалъ въ большую аллею, ведущую къ дому: — вы, батюшка, обругайте меня стараго мужика, обругайте порядкомъ, только не жальтесь барину на меня. Вѣдь вызвалъ васъ изъ города-то не онъ, мой голубчикъ, а я же, дуралей. Вотъ захотѣлъ его утѣшить, да и сказался больнымъ, а самъ втихомолочку прыгъ въ тарантасъ-отъ, да и поскакалъ за вашею милостію. Простите меня — благодѣтель вы нашъ — и не выдавайте. Скажите Александрѣ Миколаичу, что-моль сами вздумали провѣдать его... не выдавайте меня, сердечный мой...

Съ трудомъ успокоилъ я старика.

Въ самую полночь очутились мы у подъѣзда деревенскаго домика Митнева. Все было темно. Ощупью добрался я до кабинета хозяина дома — и вошелъ.

Александръ Николаичъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, передъ бюро и перелистывалъ какую-то книгу. Лампа ярко освѣщала небольшой уголокъ комнаты.

— Кто тамъ? спросилъ онъ, услыхавъ шорокъ у дверей.

— Ужъ никакъ не отгадаете!... Виновать, продолжалъ я, подходя къ нему: — знаю, что незванный гость хуже татарина, да что прикажите дѣлать — выѣхалъ изъ города рано, а попалъ къ вамъ, благодаря грязи и сквернымъ дорогамъ, въ самую полночь.

Митневъ хотѣлъ привстать, но не могъ.

— Вы еще извиняетесь, сказалъ онъ мнѣ своимъ тихимъ, задушевнымъ голосомъ: — кетати-ли это? — и онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Я взглянулъ на него, и ужаснулся.

Двѣ недѣли какъ я не видѣлъ его, а въ это время болѣзнь страшно его измѣнила. Большіе темные глаза Митнева горѣли лихорадочнымъ огнемъ; блѣдное, выразительное лицо невѣроятно похудѣло, носъ заострился, грудь впала, — онъ показался мнѣ даже выше ростомъ, когда, послѣ небольшого усилія, всталъ съ своего кресла и направился къ большому дивану: такъ тонокъ и гибокъ сдѣлался его стройный станъ!

— Ну какъ вы себя чувствуете? спросилъ я его, самъ не думая о чемъ спрашиваю.

— Дурно; все по-прежнему. Докторъ мнѣ надоѣлъ невообразимо... ничего не смыслить, а туда же пишетъ рецепты, пичкаетъ какимъ-то вздоромъ изъ аптеки, да еще остерить, желая видно развеселить меня... Да что обо мнѣ говорить! Скажите лучше что вы подѣлываете; хлопчете, ублажаете нашихъ уѣздныхъ юристовъ?

— Сейчасъ только игралъ съ двумя изъ нихъ и проигралъ имъ, по обыкновенію. Надоѣли они мнѣ — не меньше вашего лѣкаря; я пріѣхалъ къ вамъ отвести душу.

Митневъ улыбнулся.

— Вотъ это дѣло. Это значить: попасть изъ огня да въ полымя. Живые люди надоѣли, такъ пріѣхали посмотрѣть на мертвеца. Однако вы дѣйствительно добрый человекъ, что вспомнили обо мнѣ — и именно сегодня. Меня одолѣла тоска!.. Митневъ еще разъ крѣпко пожалъ мнѣ руку. Ну какъ вы находите: хорошъ я, сказалъ онъ послѣ минутнаго роздыха: — вы продрогли, а я и не подумалъ до-сихъ-поръ о чаѣ.

Онъ позвонилъ. Дверь отворилась. Вошелъ Семенычъ съ полнымъ чайнымъ приборомъ на подносѣ.

— Что твой поясица? спросилъ его Митневъ.

— Да ничего — отлежался. Здравствуйте, батюшка, — обратился онъ ко мнѣ. Пскушайте-ка чайку, небось продрогли — легко ли семь верстъ проѣхать въ такую слякоть! да и вамъ бы Александра Миколайчъ не мѣшало тепленькаго-то пропустить; лучше заснете — продолжалъ онъ, придвигая столъ къ камину.

— Ахъ, они разбойники, лѣнтяп, — камелекъ - отъ по-

гась, никто и не подумаетъ! а баринъ словно малый ребенокъ, хоть заморозь его ничего не скажетъ, говорилъ Семенычъ, суется около чайнаго прибора.

— Ахъ они разбойники! ворчалъ онъ, выходя изъ кабинета.

Черезъ четверть часа затопили каминъ. Яркое пламя освѣтило комнату.

Больной съ видимымъ удовольствіемъ потянулся въ креслѣ. «Ну вотъ теперь хорошо!» прошепталъ онъ, и опять задумался. Я сталъ ему рассказывать мои похождения въ городкѣ, объяснять мою систему волокитства за мѣстными властями... Слово-за-слово, Митневъ разговорился, вспомнилъ старину. Я заслушался, — Александръ Николаичъ умѣлъ увлечь своего слушателя, а звуки его голоса такъ были симпатичны, что насильно врываются въ душу.

Ночь пролетѣла незамѣтно.

Три дня провелъ я у него и на прощаніе не выдержалъ: выдалъ Семеныча...

— Каковъ старый плутъ! сказалъ, смѣясь Митневъ. Знаете ли однако, прибавилъ онъ, его участіе меня трогаетъ. И за что онъ такъ любитъ мою хворую особу!..

— За то, что вы хорошій человекъ, Александръ Николаичъ... Прощайте — чрезъ недѣлю я буду у васъ!

Тарантасъ поплылъ въ обратный путь. Въ городѣ ожидали меня прежніе хлопоты, преферансы по-неволѣ, истребленіе гербовой бумаги, и прочія удовольствія провинціального захолустья.

Чрезъ недѣлю я вернулся въ Липино (имѣніе Митнева), и нашелъ больного въ постелѣ. Докторъ-острякъ суетился, составляя какія-то микстуры, теръ себѣ лобъ... Семенычъ похаживалъ по кабинету, постоянно заглядывая въ лицо «своего голубчика».

— Это вы, сказалъ мнѣ Митневъ, хорошо что пріѣхали — я удаляюсь, прибавилъ онъ грустно улыбувшись: — меня неотступно приглашаютъ туда...

— Ну полноте, ваша жизнь только начинается; вы остаетесь съ нами, Александръ Николаевичъ! проговорилъ я, стараясь ободрить больного.

— Нѣтъ, не останусь... да и не зачѣмъ! отвѣчалъ Митневъ, и засмѣялся...

Черезъ день его не стало. Семенычъ закрылъ ему глаза. Наканунѣ смерти ему сдѣлалось не много лучше. Онъ пожелалъ пересмотрѣть свои тетради. Перелистывая ихъ, онъ не разъ горько улыбался. Яркій румянецъ оживлялъ его блѣдныя щеки.

— Все прошло! прошепталъ онъ, откладывая въ сторону послѣднюю тетрадь, — и задумался...

— Знаете ли что? вы доказали мнѣ свою любовь, облегчили мнѣ послѣднія страданія добрымъ словомъ; къ тому же вамъ уже многое извѣстно изъ моей жизни, — вы знали меня въ *инля*, лучшія времена... будьте моимъ наслѣдникомъ. Вотъ *все*, что у меня осталось! — сказалъ онъ съ саркастическимъ выраженіемъ на лицѣ, показывая мнѣ на грудѣ бумагъ и тетрадей. — Только, не осудите меня слишкомъ строго. Я конечно во многомъ виноватъ, *поздно* опомнился, но никогда и ни одной силой души не измѣнилъ стремленію къ добру. Много я слышалъ стонать и проклятій въ этой глупой жизни, но самъ не участвовалъ въ нихъ; хотѣлъ что-то сдѣлать, что-то здоровое волновало грудь, и благородныя мечты горѣли въ мозгу, но... дѣйствительныхъ силъ не хватило... обстоятельства задавили ихъ. Не достало энергии бороться съ ними, и вотъ я умираю, хотя бы еще могъ жить... Впрочемъ — и хорошо дѣлаю, что оставляю другимъ мѣсто... авось новое поколѣніе будетъ умнѣй насъ. Прощайте, другъ! — Семеныча моего не забудьте. Липино мое давно описано за долги... Вотъ вольная моего дядьки, да послѣдніе двѣсти рублей; отдайте ему ихъ послѣ... Прощайте, теперь я хотѣлъ бы немного самъ съ собой поговорить, приготовиться въ неизвѣстный путь. И голосъ Митнева задрожалъ на послѣднемъ словѣ, какъ будто онъ испугался грядущей тайны за могилой.

Я вышелъ изъ его комнаты въ какомъ-то чаду. Въ послѣдніе полгода нашей пріязни, я полюбилъ Митнева болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Похоронивъ его, я возвратился въ городъ съ Семенычемъ, которому предложилъ переѣхать ко мнѣ на житье.

На старика тяжело было смотрѣть. Онъ былъ убитъ той сосредоточенной и безмолвной тоской, которая тѣмъ сильнѣй гнететъ душу, чѣмъ меньше для нея выраженія.

— Тридцать лѣтъ, — какіе это еще года? повторялъ онъ всхлиывая: — дитя, какъ есть дитя, а вотъ скончался батюшка, голубчикъ онъ мой! а я-то старый дуракъ — вольную получилъ, продолжалъ онъ горько усмѣхаясь. Эхъ, жизнь, жизнь! — и жизнь-то нѣ въ жизнь мнѣ теперь, старому дураку!

Имѣнье Митнева поступило въ продажу; мнѣ удалось его приобрѣсти за небольшую сумму.

Весною я переѣхалъ въ него на житье и по-неволѣ долженъ былъ познакомиться съ своими новыми сосѣдями.

На одномъ изъ деревенскихъ сѣздовъ подошелъ ко мнѣ какой-то старичекъ и просилъ не отказать ему въ чести пріѣхать къ нему откушать «хлѣба-соли». — Я вашъ близкій сосѣдъ, сказалъ онъ мнѣ, и хорошо зналъ прежняго владѣльца Липина: онъ былъ прекрасный молодой человекъ, только... (тутъ старичекъ покачалъ головой), немножко заразился какихъ-то странныхъ мыслей — ну — и не сдоброваль. По нашему живи спокойно, не бурляи, не кипятись, такъ все и пойдетъ какъ по-маслу... хе, хе, хе, хе... Такъ я буду васъ ждать...

Я поблагодарилъ. Старичекъ, пожавъ мнѣ руку, подошелъ съ низкимъ поклономъ къ входившему въ комнату старому моему знакомому Ивану Петровичу, одной изъ уѣздныхъ властей.

— Кто этотъ баринъ! спросилъ я у Ивана Петровича, когда тотъ, поговоривъ съ старичкомъ-помѣщикомъ, подошелъ ко мнѣ: — онъ звалъ меня къ себѣ, но не сказалъ своего имени.

— Это? о, это извѣстный всей губерніи коллежскій ассесоръ Звонковскій, помѣщикъ тысячи душъ, дипломатъ, ловкая штука, — я знаю всю его исторію наизусть, напомните мнѣ, я когда нибудь разскажу ее вамъ...

Тутъ гости засуетились, чтобы идти къ столу, и Иванъ Петровичъ, недокончивъ рѣчи, устремился къ гостинной для того вѣроятно, чтобы, какъ лицо значительное, вести хозяй-

жу дома въ столовую. Онъ по дорогѣ ужъ закруглялъ руку, но Звонковскій предупредилъ его. Онъ шелъ добродушно улыбаясь и толкуя что-то своей дамѣ. За нимъ вслѣдъ тянулась вереница фраковъ, мантилій, сюртуковъ, чепцовъ — цѣлый полонезъ!

Все это усѣлось и принялось кушать. Обѣдъ продолжался долго. Около меня помѣстился острякъ-докторъ, сообщившій мнѣ довольно подробныя біографическія свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, сидѣвшихъ за столомъ.

Къ концу обѣда, услыхавъ часто произносимое имя Мятнева, я сталъ прислушиваться къ разговору.

— Помилюйте, говорилъ какой-то баринъ въ пестромъ галстукѣ, я зналъ его еще мальчишкою — это былъ пустѣйшій человѣкъ, весь въ своего дядю, такой же надутый, чванливый.

— Такъ, совершенно такъ, прибавилъ хозяинъ дома: — за то Богъ и наказалъ его. Онъ умеръ, можно сказать, въ нищетѣ! и ораторъ посмотрѣлъ довольно строго на гимназиста, усердно трудившагося надъ огромнымъ кускомъ телятины.

— Толкуй, толкуй — проговорилъ себѣ подъ носъ докторъ-острякъ, а все-таки твой Мишка отиѣтый дуракъ!

— Нѣтъ вы ужъ слишкомъ нападаете на покойнаго Александра Николаевича; онъ былъ достойный молодой человѣкъ, замѣтилъ, поглядывая въ мою сторону Звонковскій: — Мнѣ его очень, очень жаль! Миръ праху его! И Звонковскій набожно вздохнулъ.

— Вы вѣчно заступаетесь за всѣхъ, возразила какая-то толстая барыня въ пунцовыхъ лентахъ: — конечно по человечеству его жаль, ну а впрочемъ... я всегда говорила, что изъ него прока не выйдетъ: онъ такой былъ странный, необщительный: *il ne me plaisait jamais*.

— Онъ былъ сумасшедшій, совсѣмъ сумасшедшій, — прибавила другая барыня, съ черной бородавкой на носу.

— И подѣ конецъ даже сталъ пить, оттого и умеръ въ чахоткѣ — подхватилъ какой-то худенькій господинъ, весь желтый какъ лимонъ, злобно поглядѣвъ на сидѣвшую противъ меня молодую дѣвушку, вспыхнувшую отъ его взгляда.

— Перегорѣлъ! замѣтилъ лаконически исправникъ, подбавляя себѣ хересу въ стаканъ.

— Да-съ, онъ пилъ горькую послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Я видѣлъ его — можно сказать — въ самомъ жалкомъ видѣ, — прибавилъ худенькій господинъ.

Дальше я уже не выдержалъ.

— Странно, милостивый государь, сказалъ я, обращаясь къ нему:— послѣдніе полгода жизни Митнева я видѣлся съ нимъ чрезвычайно часто и — никогда не пылъ чести встрѣчаться съ вами въ домѣ Александра Николаевича. Къ тому же мнѣ положительно извѣстно, что у него, во все время болѣзни его, никто кромѣ доктора и меня не бывалъ. Что же касается до упрека вашего....

— Помилуйте-съ, мнѣ говорили... я знаю.... перебилъ меня желчный господинъ, но запутавшись остановился, совершенно сбитый съ толку.

Молодая дѣвушка, моя сосѣдка за столомъ, пристально поглядѣла на меня....

На минуту все затихло. Всѣ ждали чего-то... но «чего-то» не случилось, и обѣдъ кончился безъ особенныхъ приключеній. Стулья загремѣли, общество воротилось тѣмъ же полонезомъ въ гостинную.

Послѣ обѣда я пошелъ въ садъ. Возвращаясь по большой аллеѣ къ дому, я взглянулъ на террасу. На ней красовалось уже нѣсколько барынь и два-три неизбежныхъ при нихъ уѣздныхъ льва. Поодаль отъ пестрой группы, прислонясь къ колоннѣ, стояла молодая дѣвушка, на которую я во время обѣда не разъ засматривался. Она была очень хороша! Вытянувъ немного свою бѣлую шейку, она внимательно слушала разсказъ худенькаго господина, такъ злобно поглядѣвшаго на нее за столомъ, во время разговора о Митневѣ. Черныя брови ея слегка сдвинулись; правая ножка, выглянувъ изъ подъ пышнаго бѣлаго платья, сердито била такъ по первой ступенькѣ террасы; — замѣтно было, что она еще не привыкла скрывать своихъ впечатлѣній....

Я засмотрѣлся на красавицу. Да и можно ли было не засмотрѣться? — стройная ножка ея, стянутая атласной ботинкою, роскошный станъ и черные глаза, метавшіе огнемъ на

желчную фигуру худенькаго барина, сообщали ей силу чудеснаго вліянія. Подойдя поближе къ разговаривающимъ, я услышалъ два раза произнесенную фамилію Митнева, наконецъ свою собственную, и вслѣдъ за тѣмъ немного рѣзкіе контральтовые звуки голоса молодой дѣвушки: «Неправда, неправда — этого быть не можетъ!» возразила она громко.

— Я вамъ докажу, — подождите только! отвѣчалъ баринъ.

Въ это время я показался изъ-за колонны. Худенькій господинъ суетливо повернулся на своихъ высокихъ каблучкахъ, и быстро удалился.

Молодая дѣвушка съ удивленіемъ прсмотрѣла вслѣдъ быстро удалившемуся барину, но увидавъ меня, едва замѣтно и — какъ мнѣ показалось — пренасмѣшливо улыбнулась. Я прошелъ мимо ее. Въ дверяхъ я встрѣтилъ Звонковскаго.

— Когда же вы ко мнѣ? сказалъ онъ — я вѣдь вашъ ближайшій сосѣдъ. Маша, прибавилъ онъ, обращаясь къ красавицѣ: — сбрайся, пора домой!

— Это моя воспитанница! — пояснилъ онъ, показывая мнѣ рукой на молодую дѣвушку.

Я поклонился, и далъ себѣ слово быть у Звонковскаго....

«Странно, — что сдѣлалъ имъ Митневъ? разсуждалъ я, возвращаясь домой — онъ жилъ такъ далеко отъ ихъ круга. Погруженный въ себя, страдалецъ терпѣливо ждалъ своей послѣдней части.... Но сплетня такъ безмысленна и клевета такъ близорука, что не пощадила ни чистаго имени, ни тихой, благородной жизни. «Что хуже въ людяхъ: душа или языкъ?» — повторилъ я вмѣстѣ съ поэтомъ.

Возвратившись въ свой уединенный домикъ, я пришелъ къ себѣ въ кабинетъ, въ которомъ еще такъ недавно просиживалъ я дни и ночи съ Александромъ Николаевичемъ. Тяжелыя воспоминапія нахлынули на меня съ невѣроятной силой. Я началъ повѣрять все слышанное мною за обѣдомъ, съ впечатлѣніями, произведенными на меня словами, мыслями, малѣйшими движеніями покойнаго, потомъ.... потомъ стали мало-по-малу исчезать одно за другимъ всѣ непріязненные лица. Исчезъ и добродушно улыбающійся Звонковскій, и барыня съ пунцовыми лентами, и баринъ въ пестромъ галсту-

кѣ, и чахлый господишъ, и исправникъ, наконецъ вся фантазмагорія деревенскаго дворянства; все это скрылось, какъ китайскія тѣни, уступивъ мѣсто какому-то туманному образу... Вотъ яснѣе и яснѣе стали обрисовываться черты задумчиваго лица; изъ глубокихъ впадинъ глянули на меня большіе темные глаза, спокойная улыбка мелькнула на полу-раскрытыхъ устахъ, шептавшихъ слова прощенія и любви...

Солнце скрылось. Пахнувшій вѣтерокъ принесъ въ растворенное окно свѣжее дыханіе весенней, свѣжей ночи. Въ роуцѣ раздались первые звуки влюбленной пѣсни соловья.

— Батюшка, а батюшка! послышалось около меня.

Я невольно вздрогнулъ.

— Это ты Семенычъ, — что такъ поздно?

— Поздно-то поздно, сударь — да я къ вамъ за дѣломъ. Хочу идти завтра на богомолье, въ Кіевъ, — такъ пришелъ вашего позволенія попросить.

— Иди, добрый путь тебѣ! Только подумай, не далеко ли это для тебя будетъ, старина?

— И батюшка — что за далеко! Все лучше какъ пройдуся, а то нѣтъ: здѣсь все мнѣ какъ-то жутко, такъ вотъ и сосеть, такъ и сосеть сердце, не вынести дальше. Охъ, голубчикъ мой, ужъ пустите меня, все одинъ конецъ... не донесутъ старыя ноги, такъ на дорогѣ добрые люди въ землю закопають. Вездѣ мѣсто свято....

— Ну такъ возьми свои деньги, Семенычъ!

— Деньги-то? — да куда мнѣ съ ними! Не ровень часть еще отымутъ. Семьсотъ рублей велики деньги! А вотъ двадцать пять на ассигнаціи пожалуйста, — это пригодится; а то двѣсти!... Чего только, голубчикъ, не придумаете!...

— Ну прощайте; дай вамъ Богъ всякаго благополучія, отецъ вы нашъ родной; свидѣмся — хорошо, нѣтъ — такъ поклонюсь отъ васъ Лександру Миколаичу. Я по немъ стосковался... Пора мнѣ къ нему! — и у старика блеснули слезы. Я понялъ, что это горе было выше силъ его, и не смѣлъ больше удерживать.

Когда на другой день я проснулся, то Семеныча уже не было въ домѣ. Помолвшись на могилѣ Митнева — какъ мнѣ послѣ передалъ — онъ простился съ дворней и побрелъ, опи-

раясь на клюку, въ далекое путешествіе; при поворотѣ околицы, онъ остановился, положилъ земной поклонъ, обратясь къ той сторонѣ, гдѣ схоронили «ненагляднаго его голубчика», и проговорявъ провожавшимъ его: «простите добрые люди!» — пошелъ далѣе, утирая глаза правымъ рукавомъ своего синяго сюртука.

Прошелъ годъ послѣ смерти Митнева. Я прочелъ и перечелъ разъ пять записки покойнаго, оставленныя мнѣ въ наслѣдство; ознакомился съ моими сосѣдами по деревнѣ. Иные изъ нихъ, игравшіе значительную роль въ жизни автора записокъ, такъ заинтересовали меня, что я постарался добыть возможно полныя біографическія свѣдѣнія о нихъ; однимъ словомъ, въ моихъ рукахъ очутились довольно богатые матеріалы для повѣсти. Что касается до самаго дневника Митнева, то читатель найдетъ въ немъ конечно много юношескаго увлеченія, пылкой страстности, вообще много — недоконченнаго; но онъ писалъ ихъ «подъ вліяніемъ момента», какъ говорятъ Французы, и писалъ слезами и желчью. И не смотря на это, измѣнять его мнѣ и въ голову не пришло. Оно было бы не только трудно, но и неумѣстно, даже не совсѣмъ добросовѣстно.

II.

Дневникъ Митнева

5 Октября 184....

Отъ чего мнѣ такъ грустно сегодня? Ничего, кажется, со мною не случилось, а никогда еще не было такъ смутно, такъ тяжело на душѣ. Состояніе ужасное!

И странно. Проснулся я весело, съ свѣжей головой, съ твердымъ намѣреніемъ приняться за давно начатый трудъ. Принялся съ увлеченіемъ, а на повѣрку вышло, что работа и на умъ нейдетъ. Я почувствовалъ, что не могу приступить какъ слѣдуетъ къ дѣлу, что не умѣю начать!

Впрочемъ я *постарался* сейчасъ же себя утѣшить: вѣдь

наконецъ не всегда же удается работа — это случается и не съ такими какъ я!

Но что такое я? подвернуса мнѣ этотъ вопросъ невольно; какое отношеніе между моимъ я и всѣмъ остальнымъ міромъ?

Если подумать хорошенько — разстояніе огромное: у другихъ я есть извѣстныя цѣли въ жизни, была приготовительная школа труда, такъ или иначе сплетенные интересы, у иныхъ даже есть вѣра въ будущее и надежды, а у моего бѣднаго я ни цѣли, ни задачи, ни вѣры, ни надеждъ. Зачѣмъ я вызванъ сюда? Неужели для того, чтобъ заживо закопать себя въ какой нибудь канцеляріи и вздыхать о пенсіи, какъ о величайшемъ благополучіи? Или всю жизнь мечтать о *превосходительствѣ* и съ подагрой въ ногахъ, съ ломотой въ спицѣ, достигнуть его? Или... но все это не цѣль, а средство жизни, и я вовсе не вижу передъ собой ни призванія, ни серьезной дѣятельности. А вѣдь нельзя сказать, чтобъ не было никакихъ стремленій и порывовъ; я чувствую припадки сильныхъ огненныхъ желаній, но, за неимѣніемъ исхода, они испаряются какъ мыльные пузыри, и жизнь лежитъ передо мной бесплодной пустошью. И вотъ, когда я мечусь отъ одного стремленія къ другому, когда неудовлетворенная мысль ищетъ того или другаго направленія, тоска незамѣтно подступаетъ къ сердцу, и обезсмысливаетъ все мое существованіе.

Воскресенье, вечеромъ.

Вотъ до чего довели меня, — пустота воспитанія, мелочи жизни окружающаго міра; прежде было просто скучно, по временамъ грустно, а теперь цѣлый адъ мученій, желчнаго раздраженія и сознанія собственнаго безсилія гложетъ душу. Звонять? Должно быть дядя пріѣхалъ....

Того же дня, вечеромъ.

Дядя пріѣхалъ, сѣлъ за столъ, объѣлся, легъ спать, и, выспавшись, уѣхалъ въ клубъ — счастливецъ! и то только потому, что глушь! Я завидую дядѣ; да кто-жъ мнѣ мѣшаетъ тоже дѣлать? Кто мѣшаетъ? — уже конечно не дядя. Онъ и такъ покоя мнѣ не даетъ, называя меня несправи-

мымъ мечтателемъ. «Тебѣ бы жить въ Германіи, мой милый, — повторяетъ онъ постоянно: — тамъ бы ты вдоволь наслаждался и туманными бреднями, навздыхался бы въ сласть, глядя на нестерпимо-скучныхъ Росхенъ да Минхенъ.»

Странное дѣло! Дядя, кажется и не совсѣмъ глупъ, а вѣчно порить глупости. Тотъ, кто не таскается всю свою жизнь по гостиннымъ съ утра до вечера, не восторгается при видѣ жирной стерляжьей ухи и сочныхъ ананасовъ, да не спитъ по десяти часовъ въ сутки, съ тѣмъ, чтобы, проснувшись, приняться снова за вчерашнее съ новымъ наслажденіемъ, тотъ, по его мнѣнію, — мечтатель. Спрашивается: ты-то почтеннѣйшій дядя, въ чемъ особенно положительъ? Не ударивъ палецъ о палецъ цѣлую жизнь, эти люди думаютъ, и, что удивительно, думаютъ серьезно, что они только и поняли ея цѣль и практическое значеніе. Съ безпрерывнымъ солнечнымъ затмѣніемъ въ мозгу и ровнымъ біеніемъ сердца, какъ маятникъ — въ старыхъ часахъ, имъ кажется, что они-то и созданы для великихъ дѣлъ. А въ сущности для нихъ всѣ формы жизни безразличны, и они легко укладываются въ нихъ, какъ въ свои поношенные фракы, была бы жирная уха и карточный столъ отъ бездѣлья.

Фл, какъ скверно! Я раздражилъ себя, и какъ капризный ребенокъ издѣваюсь то надъ дядей, то надъ самимъ собой.... Очень хорошее развлеченіе для человѣка «перешедшаго рубиконъ, отдѣляющій наивнаго юношу отъ мыслителя.» Но довольно, не хочу болѣе писать сегодня — уже десять часовъ вечера, пора.... на балъ.

6 Октября.

Балъ удался; отъ тѣсноты съ трудомъ двигались, а температура залы дошла до «жара крови.»

— Славный балъ, пропыхтѣлъ толстякъ Б-въ, съ огромными челюстями, какъ у бульдога.

— Безиодобный, отвѣчалъ я ему, допивая свой чуть-ли не питый стаканъ лимонада. Въ это время къ буфету подошелъ князь Н***, мой непосредственный начальникъ —

«А, Митневъ! сказалъ онъ, потрепавъ меня милостиво по плечу:—что это, *mon cher*, на тебя всѣ жалуются, всѣ начинающая съ твоего дяди;—работаетъ, говорятъ они, цѣлые дни, совсѣмъ записался. Служи, служи—это хорошо, это я люблю, продолжалъ онъ наставительнымъ тономъ:—но наконецъ, *mon cher, on ne deserte pas le monde à votre âge*—это не хорошо. Кончится тѣмъ, что я не велю тебѣ давать работы.»—Онъ смѣется надо мной подумалъ я. *Mais, monsieur le prince...* началъ было покорный его слуга.—*Monsieur le prince*, остановилъ онъ меня, шутливо улыбаясь:—хочетъ, чтобы ты жилъ съ людьми и въ свѣтѣ.

— Правда, правда князь, сказала хозяйка дома, подходя къ намъ:—мы съ Митневымъ, его дядей, просто не знаемъ, что съ нимъ дѣлать. Лина, прибавила она, обращаясь къ своей дочери, проходившей мимо буфета, показывая на меня:—заставь его танцовать и смѣясь отошла съ княземъ, продолжая ему что-то рассказывать.

— *Monsieur*, проговорила Лина насмѣшливо присѣдая и мы понеслись по залѣ. Какъ я люблю танцовать съ Линою! Въ ея дыханіи есть что-то согрѣвающее, на ея прекрасной талии ловко покоится рука и я не знаю взгляда, болѣе симпатичнаго и примиряющаго, какъ робкій взглядъ Лины. «Довольно, прошептала моя дама, останавливая меня, кажется на четвертомъ кругѣ:—довольно, я задыхаюсь, продолжала она, когда я остановился;—выйдемъ изъ залы, здѣсь невыносимо душно.» Я подаль ей руку. Пройдя рядъ освѣщенныхъ гостинныхъ, мы остановились въ маленькомъ угловомъ кабинетѣ. Лина бросилась въ большое кресло, а я помѣстился на низкомъ табуретѣ, почти у ногъ ея. Въ кабинетѣ не было ни души.—Ну теперь, начала Лина, —извольте признаваться, отъ чего вы цѣлѣю не показывались къ намъ; хорошо ли это М-г Alexandre? спросила она меня съ легкимъ отгѣнкомъ искренняго укора.

— Не хорошо, М-ле Лина, отвѣчалъ я съ видомъ глубокаго раскаянія.

— Вы все смѣетесь, М-г Alexandre, а право дурно, очень дурно забывать своихъ друзей, да еще друзей дѣтства, которыя васъ....

— Которыя что? спросилъ я, перебивая ее.

— Ничего, отвѣчала она, надувши губки. Ничего, прибавила она грустно, смотря па меня. Вы злой человѣкъ и я кончу когда нибудь тѣмъ, что васъ возненавижу!

— Ничего не можетъ быть лучше. За неимѣніемъ любви, я сочувствую и ненависти: въ ней есть своя жизнь, свое увлеченіе. Но Анна такъ томно взглянула на меня, во взглядѣ ея было такъ много любви, и нѣжной сосредоточенной грусти, — всѣ эти чувства такъ полно отразились, такъ ярко засвѣтились, въ ея глазахъ, что я остановился, схватилъ ея маленькую руку и, крѣпко сжавъ въ своихъ рукахъ, прошепталъ: простите меня Анна, я вшивать, но право, не передъ вами.

— Молчите, сказала она съ невыразимой граціей, погрозивъ мнѣ своимъ маленькимъ пальчикомъ: — молчите, повторила она. И я замолчалъ, какъ и всегда, поддаваясь неотразимому вліянію хорошенькой кокетки.

Отдаленные звуки бальной музыки, доносившіеся вмѣстѣ съ гуломъ и неяснымъ говоромъ изъ залы въ наше уединеніе, раздражительный запахъ цвѣтовъ отъ стоявшей у окна роскошной жардиньеры, наконецъ томительно-сладкое ощущеніе, невольно охватывающее все наше существо, когда мы чувствуемъ устремленный на насъ, страстный взглядъ молодой женщины, — все это произвело на меня одуряющее дѣйствіе. Голова моя горѣла, кровь прилила къ сердцу....

— Анна, неужели вы и теперь шутите, неужели, подаривъ меня сегодня такимъ блаженнымъ мгновеніемъ, вы будете въ сстояніи завтра же холодно взглянуть на меня и снова начать вашу невыносимую игру въ «кошку-мышку»? Вѣдь я я васъ знаю, говорилъ я ей, страстно цѣлуя ея маленькую, дрожавшую ручку: — я васъ изучилъ, слѣдилъ за вами съ вашихъ дѣтскихъ лѣтъ. Я знаю, что вы привязаны ко мнѣ, знаю, что даже подчасъ безжалостно играя мною, когда я измученный вами, терзаюсь въ припадкѣ безсильной досады и жгучей ревности, знаю, что и тогда вы любите меня *по своему* и за горькіе часы всегда съумѣете заплатить мнѣ чудными минутами наслажденій; — все это знаю, но пора намъ взглянуть прямо въ лицо жизни....

Лина слушала меня внимательно, на лицѣ ея проглянула глубокая дума.... Въ это время послышались чьи-то скорые и тяжелые шаги за нами. Лина выпрямилась. Въ дверяхъ кабинета показался высокій, атлетически построенный баринъ.

— Наконецъ-то я васъ нашелъ, графиня, сказалъ онъ громко, я велѣлъ музыкантамъ начинать мазурку — *vous bras, s'il vous plait*, проговорилъ онъ, проворно сгибая руку. — А вы, Митневъ, имѣете даму? спросилъ присяжный распорядитель, фельдмаршалъ всѣхъ баловъ въ городѣ, обратясь ко мнѣ, и, недождавшись отвѣта, повлекъ за собой Лину, командуя, какъ танцмейстеръ, на право и на лѣво: «по мѣстамъ, по мѣстамъ господа, мы начинаемъ мазурку!»

— Чертъ тебя поберетъ! проговорилъ я ему вслѣдъ, отпрявляясь въ залу инстинктивно.

Въ залѣ ужъ образовался кругъ. «Знакомыя всѣ лица,» подумалъ я, сядясь за стуломъ Лины.

Фельдмаршалъ влетѣлъ въ средину круга, подавъ какой-то мудреный знакъ помѣщенной на эстрадѣ музыкѣ и съ озабоченнымъ видомъ подошелъ къ своей дамѣ. Оркестръ грянулъ. Танцующія пары понеслись, и все сложилось въ какую-то пеструю, живую и подвижную картину. Я слѣдилъ за Линою.

— Пойдемъ, сказала мнѣ Лина, обѣжавъ залу и возвращаясь къ своему мѣсту. — Вы завтра у насъ обѣдаете, слышите, шепнула она, подходя вмѣстѣ со мной къ какому-то молодому человѣку. — Чѣмъ вы хотите быть? спросила она его. — Вашимъ вѣчнымъ поклонникомъ, отвѣчалъ онъ довольно пошлымъ тономъ, поспѣшно вставая и еще поспѣшнѣе вставляя стеклышко въ глазъ. Лина молча окинула его ходнымъ и вмѣстѣ удивленнымъ взглядомъ: — я буду-съ, продолжалъ, страшно покраснѣвъ и иловко улыбаясь, неудавшійся поклонникъ: — я буду....

— Пionъ, быстро проговорила Лина: — а вы? добавила она, — вы, что-нибудь, — хоть геліотропъ. — Пionъ достался какой-то отцвѣтшей розѣ.

— А вы еще помните языкъ цвѣтовъ? спросилъ я Лину.

ну, дѣлая съ нею кругъ по залѣ; на Востокъ гелиотропъ значить....

— Я люблю тебя, сказала она своимъ звучнымъ, ровнымъ голосомъ.

Мазурка продолжалась еще долго, Лина видимо скучала, кавалеръ ея былъ чрезвычайно занятъ выдумываніемъ фигуръ—ему было не до нея.

«И мнѣ не до васъ теперь, провинціальныя львы и веселыя дѣвы печальнаго сѣвера,» думалъ я, спускаясь въ швейцарскую.

Но лампа потухаетъ и я, на этотъ разъ, не жалѣю вечера.

Черезъ недѣлю.

Когда дядя заговорить со мной по-русски, (что съ нимъ рѣдко случается), да еще начнетъ къ каждому слову прибавлять свистящую частичку—съ, то это всегда бываетъ признакомъ его особенно-веселаго расположенія духа. Сегодня утромъ онъ рѣшительно засыпалъ меня галлицизмами.

— А мы вчера, въ то время, какъ ты болталъ въ залѣ съ Линою, долго говорили о тебѣ съ графиней Ризничъ, — сказалъ онъ мнѣ, какъ-то ужъ черезъ-чуръ хитро улыбаясь.

— И вѣрно опять брали меня? спросилъ я его.

— Напротивъ, напротивъ, графиня отъ тебя въ восхищеніи. Она сказала мнѣ, что вотъ ужъ съ недѣлю, кажется съ самаго дня бала, ты опять бываешь у нихъ по-прежнему, каждый день. Слово-за-слово, и... да что тутъ долго толковать: — графиня намекнула мнѣ, что она ничего тайнъ не желаетъ, какъ видѣть тебя мужемъ.... ея дочери.... А? какъ это тебѣ нравится? прибавилъ онъ, весело потирая руки.

«Сдѣлаться мужемъ Лины! — подумалъ я, и почувствовалъ вдругъ такой непреодолимо страстный порывъ, что съ минутой простоялъ столбнякомъ, и не могъ произнести ни слова.

— Сдѣлаться мужемъ Лины? повторилъ я громко, обращаясь къ дядѣ.

— Ну да; мужемъ Лины, графини Ризничъ, наследницы громаднаго состоянія, той самой, которая.... *enfin est allié à tout ce qu'il y a de plus haut placé*.... отвѣчалъ дядя, ударя на каждый слогъ своей громкой фразы.

— Но я не знаю, согласится ли Лина....

— Какой вздоръ, перебилъ меня дядя; во-первыхъ, она слишкомъ хорошо воспитана, что бы не выйти за того, кого ея мать сочтетъ достойнымъ быть ея мужемъ; во-вторыхъ, мы знаемъ, что... знаемъ... прибавилъ онъ, щуря свои маленькія глазки и качаясь на стулѣ.

— Чоѡ вы знаете? спросилъ я, чувствуя, что кровь бросилась мнѣ въ лицо.

— Мы знаемъ, что... le jeune Mitneff любимецъ нашихъ барынь и кружить имъ головы; знаемъ также, что Лина — эта маленькая кокетка, отъ него безъ-ума — проговорилъ онъ, вынимая щепотку табаку изъ миниатюрной золотой табатерки, и поднося ее съ видимымъ наслажденіемъ къ носу.

«Эта маленькая кокетка!» повторилъ я мысленно за дядей, и мнѣ представилась Лина, окруженная толпою молодежи; мнѣ представилась она, холодная, вѣтреная, вся преданная свѣту, его условіемъ, приличіямъ и толкамъ. — Знаете ли что? мнѣ кажется мы не созданы другъ для друга, проговорилъ я нерѣшительно.

— Чтѡ? чтѡ ты такое сказалъ, повтори-ка свою фразу — откуда это, изъ какого романа? спросилъ онъ. Какъ будто люди рождаются другъ для друга? Чтѡ за галиматья, мой милый; объясни мнѣ пожалуйста, какъ это люди создаются одинъ для другаго? Стыдись, Саша — продолжалъ онъ, тебѣ двадцать-пять лѣтъ, ты живешь въ свѣтѣ, а говоришь какъ мальчикъ, какъ герой мѣщанскихъ романовъ. Вы оба созданы съ Линой для того, что бы занимать блестящее положеніе въ свѣтѣ. Ты, получивъ за ней богатое состояніе, станешь твердой ногой въ обществѣ, а она, сдѣлавшись твоей женой, сумѣетъ поставить свой домъ на барскій, истинно-барскій тонъ, а остальное все вздоръ, все пустяки. Просто непонятно, счастье идетъ къ нему на встрѣчу, а онъ?... нужно быть сударь сумасшедшимъ, чтобъ хоть минуту колебаться, рѣшилъ дядя, вставъ съ своего мѣста и подвигаясь къ двери.

Все это правоученіе, пересыпанное отвратительными, хотя совершенно безсознательными совѣтами и наставленіями, возмутило меня, и я поспѣшилъ дохнуть струей чистаго воз-

духа. Такъ вотъ они — эти практическіе люди, готовые продать съ аукціона до послѣдняго чувства!

Ночью того же дня.

Полный новыхъ тревожныхъ мыслей, отправился я сегодня вечеромъ къ Ризничъ. У нихъ было нѣсколько человѣкъ гостей.

— Кто-жъ такъ поздно пріѣзжаетъ, сказала Лина, протягивая мнѣ руку.

— Какъ поздно? отвѣчалъ я, смотря на часы: — всего десятый часъ!» Нѣсколько молодыхъ людей, окружавшихъ Лину, переглянулись между собой.

Не поправилось мнѣ такое привѣтствіе; желаніе меня видѣть высказалось въ ней слишкомъ откровенно, чтобы быть искреннимъ. Женщина скрываетъ свою любовь отъ равнодушныхъ взглядовъ, бережетъ, лелѣетъ ее.... Положимъ, короткость обращенія со мною Лины ни кого не могли удивить. Въ свѣтѣ знали о дружескихъ, близкихъ, даже слишкомъ близкихъ, какъ увѣряли злые языки — отношеніяхъ ея матери къ моему дядѣ, вслѣдствіе которыхъ я почти выросъ въ домѣ Ризничъ, считаясь въ немъ *roug un enfant de la maison* — все это такъ, и въ эту минуту я вовсе не думалъ о свѣтскихъ толкахъ, и спрашивалъ себя невольно: любить ли меня дѣйствительно Лина? Въ эту минуту я думалъ о словахъ дяди, выхваченныхъ имъ изъ кодекса, по которому воспитываются, живутъ, чувствуютъ и чуть-ли не умираютъ люди, такъ гордо и исключительно называющіе свою среду *свѣтомъ*; я припоминалъ слова его: «хорошо воспитанная дѣвушка не можетъ не желать сдѣлаться женой того, кого отецъ или мать ея считаютъ достойнымъ ея руки»... Вотъ о чемъ думалъ я, отходя отъ чайнаго стола и отправляясь въ гостиную къ хозяйкѣ дома. Ея сіятельство, когда я, по обыкновенію подошелъ къ ея рукѣ, схватила меня за ухо и даже слегка ущипнувъ его, сказала мнѣ притворно-строгимъ голосомъ: «вотъ вамъ за то, что заставили себя сегодня ждать обѣдать;—а въ другой разъ еще не то будетъ!» прибавила она съ улыбкой. Двѣ барыни, игравшія съ ней въ карты, взглянули на меня, какъ обыкновенно взглядываютъ на тѣхъ.

кого хозяйка дома, подобная гордой Ризничъ, принимаетъ съ такой оборожительной фамильярностью.

«Да что-жъ это такое? подумалъ я — они встроимъ: дядя и маменька съ дочкой, переговоривъ между собой, рѣшили, что я гожусь въ мужья, что я приличная партія и вотъ теперь...— «Хотите чаю? Если хотите, то ступайте въ залу» — сказала графиня. Я отправился. Лина, блестящая и окруженная чарующимъ вліаніемъ, весело занимала своихъ гостей. «Этой женщиной, подумалъ я, которой такъ необходимо вѣчное удивленіе свѣта, ничего не составитъ въ жизни любовь и привязанность *одного* человѣка. Я убѣжденъ, что она никогда, никого искренно не полюбитъ», — продолжалъ я размышлять, приближаясь къ чаю

Лина взглянула на меня и, вѣроятно, замѣтивъ на моемъ лицѣ нѣсколько кислыхъ черты, слегка нахмурила брови, но сейчасъ же, какъ бы одумавшись, скрыла недовольное выраженіе и кинула на меня взглядъ, полный неотразимаго кокетства, который однако на этотъ разъ я выдержалъ равнодушно. Я былъ слишкомъ занятъ, развлеченъ мыслью о будущемъ, и въ первый разъ я какъ будто почувствовалъ, что вовсе не люблю Лину.

Я ли это написалъ?... Увы, въ эту минуту я почти убѣдился въ томъ, что и прежде никогда не любилъ ее, что то, что я принималъ за любовь, было страстное, раздраженное желаніе ея прелести, и только! Въ самомъ дѣлѣ, я никогда не ставилъ вопроса глубже, когда восхищался Линой. Она мнѣ нравилась, какъ нравится превосходная картина, изящная статуя, какъ звѣзда яснаго неба, но чтобъ быть ея мужемъ, я никогда не смотрѣлъ на нее съ этой точки, и никогда не видѣлъ въ ней такого идіала. Мнѣ стало грустно, досадно. Воспользовавшись минутою жаркаго спора гостей о профилѣ какого-то французскаго путешественника, недавно пріѣхавшаго въ городъ, я незамѣтно вышелъ изъ залы и поспѣшилъ уѣхать.

На другой день утромъ.

Неужели, однакожъ, чувство такъ долго жившее во мнѣ, было не болѣе какъ юношеская горячка, — а не любовь, къ

которой я стремился всѣми силами души? Что же такое любовь, настоящая, истинная любовь? Или дядя правъ, увѣряя меня, что я мечтатель, годный только въ герои мѣщанскаго романа, толкую о не возможномъ, о чемъ-то несбыточномъ.

Сколько сомнѣній, неотвязчивыхъ вопросовъ законошило слова на дѣѣ моей души. Зачѣмъ же я живу, куда стремлюсь?.. Изъ какихъ наконецъ элементовъ сложилась жизнь моя?..

Рано, слишкомъ рано остался я круглымъ сиротой.... Я помню свѣжую, просторную комнату въ домѣ моего дяди, въ которой меня поселили, помню старушку няню и дядьку Семеныча. Дядя рѣдко бывалъ дома, но забота его обо мнѣ была замѣтна во всемъ. Онъ любилъ своего роднаго брата, отца моего, и перенесъ эту любовь на мое крошечное существо. Раза два, три въ день, — правда на короткое время, — заходилъ онъ въ дѣтскую, трепалъ меня по щеки, иногда бралъ къ себѣ на руки. И игрушекъ и конфетовъ было у меня всегда много.... Стукнуло мнѣ семь лѣтъ, и мнѣ дали гувернера—старика Англичанина.... Дядя, не зная ни одного языка, кромѣ французскаго и отчасти русскаго, приставилъ ко мнѣ Англичанина для того, — какъ онъ мнѣ самъ потомъ говорилъ, — чтобы во-первыхъ приучить меня къ чистоплотности, а главное потому, что свѣтъ требуетъ въ настоящее время, чтобы молодой человѣкъ свободно умѣлъ объясняться на нѣсколькихъ языкахъ. Свѣтъ, — повторялъ онъ мнѣ безпрерывно, — прощаетъ все, кромѣ неумѣнья въ всемъ жить и незнавiя того, что обязанъ знать благовоспитанной человѣкъ. И онъ правъ, дядя; свѣтъ улыбается тѣмъ, кто дорожить имъ и его условiями и какъ разъ затретъ, выкинетъ изъ своего завѣтнаго круга того, кто не захочетъ покориться его законнымъ требованiямъ. Надо замѣтить, что дядя, говоря о свѣтѣ, одушевлялся до неподдѣльнаго краснорѣчiя, и не зная другой темы, болѣе глубокой и интересной для разговора. Когда мнѣ исполнилось десять лѣтъ, меня обставили такимъ количествомъ учителей всякаго рода звания и роста, что Семенычъ откровенно и рѣшительно объявилъ дядѣ въ моемъ присутствiи, что «онъ меня уморить, что эдакъ ребенка нельзя же мучить!» за что и удостоился получить названiе стараго болвана. Изрѣдка появлялся дядюшка въ классной ком-

натѣ, но за то всякій разъ экзаменовалъ меня: — изъ исторіи спрашивалъ всегда о Екатеринѣ Великой и о времени регенства во Франціи, изъ географіи объ уѣздахъ Московской губерніи, изъ ариметики — таблицу умноженія. Все остальное, казалось, его мало интересовало.... Изъ учителей же моихъ онъ особенно любилъ М-г. Пишо и рѣдко пропускалъ его лекціи. И дѣйствительно, М-г. Пишо былъ необыкновенно разнообразенъ, обладалъ рѣдкимъ талантомъ общити, напримѣръ, толкуя о французскихъ глаголахъ или мѣстоименіяхъ, множество интересныхъ свѣдѣній объ электричествѣ, Наполеонѣ, магнетизмѣ, и снова о глаголахъ, незамѣтно переходя отъ одного предмета къ другому. «Самое высшее знаніе для человѣка вашего сословія — говорилъ онъ мнѣ съ сильнымъ драматическимъ движеніемъ въ голосѣ: — умѣнье говорить быстро, перелетая, какъ бабочка, съ цвѣтка на цвѣтокъ!»

— *C'est vrai, M-r Pichot, c'est vrai!* — прибавлялъ всегда дядя: — *c'est une belle idée.* И Пишо не упускалъ удобнаго случая бросить лестную фразу самолюбивому старнику. За то болтунъ-педагогъ и стоялъ въ его мнѣніи едва ли не восьмымъ мудрецомъ міра.

Наконецъ въ семнадцать лѣтъ я поступилъ въ университетъ, выдержавъ экзаменъ блестятельно. Первый годъ я прилежно слушалъ лекціи, пріѣзжая въ каретѣ, въ которой постояннымъ блюстителемъ моимъ былъ добрый Семенычъ.

На другой годъ студенческой жизни я измѣнилъ свой образъ жизни. Мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ.

Въ памятный мнѣ день моего рожденія, дядя объявилъ мнѣ, что теперь я уже не мальчикъ и что, продолжая мои занятія, мнѣ слѣдуетъ при этомъ начать ближе знакомиться съ тѣмъ кругомъ людей, въ которомъ мнѣ впоследствии придется жить и дѣйствовать; — потомъ онъ прибавилъ, что отдаетъ въ полное мое распоряженіе пару лошадей съ кучеромъ, новаго камердинера, болѣе расторопнаго, чѣмъ мой Семенычъ, и наконецъ подалъ мнѣ пакетъ съ надписью «двѣсти рублей серебромъ», сказавъ, что въ первое число каждаго мѣсяца, я буду получать по стольку же, до выхода

моего изъ университета. Я принялъ все это съ восторгомъ, отказался только отъ новаго камердинера.

Въ тотъ же день дядя повезъ меня (и такъ торжественно!) — представитъ двумъ важнымъ старикамъ и не менѣе важной старухѣ, которымъ я, по словамъ дяди — очень понравился; меня нашли совершенно приличнымъ: — *Très distingué*, прибавилъ онъ. Совѣстно теперь признаться, но не могу забыть, какъ громко заговорило во мнѣ въ эту минуту до-тѣхъ-поръ вовсе незнакомое мнѣ чувство. Съ этого дня я прилежно занялся возможно-тщательно выдѣлкой изъ себя человѣка *безукоризненнаго тона*, другими словами, отдался всею душою свѣтскимъ приличіямъ. Первые успѣхи въ немъ придали мнѣ бодрость и увѣренность и я, подстрекаемый дядею, незамѣтно втянулся, а наконецъ и совсѣмъ потонулъ въ омутѣ ежедневныхъ визитовъ, баловъ и обѣдовъ, совершенно забывъ объ университетѣ. Женщины, обращаясь со мной какъ съ ребенкомъ, — онѣ же такія охотницы до восемнадцатилѣтнихъ ребятъ, — быстро развили во мнѣ способность и видоизмѣняться, смотря по надобности, и позволять себѣ тѣ милыя дерзости, которыя становятся мало-по-малу привилегіею того, который удачно сжумѣлъ воспользоваться ими съ самаго начала.

Это повело меня къ самонадѣливости, къ наглой увѣренности въ своихъ исключительныхъ достоинствахъ, едва-едва прикрываемой ласкомъ, условными формами чисто-виѣшной вѣжливости, той наружной *distinction*, за которою гоняются и вѣчно будутъ гоняться мелкія душонокки этого мѣлкаго свѣта.

Такъ прошло три года. Экзамены, благодаря моей памяти и репутаціи человѣка съ большими способностями, сдавались благополучно. Я не занимался ни чѣмъ, кромѣ постоянного чтенія журналовъ, газетъ, вновь выходящихъ брошюръ и романовъ, — съ увѣренностію подходилъ я къ экзаменаторскому столу и импровизировалъ довольно удачно отвѣты, полные фразерства и на ясту схваченныхъ свѣдѣній изъ записокъ одного небогатаго товарища.

За полгода до выпуска, возвратившись разъ домой часовъ въ шесть утра послѣ отвратительно-глупо проведенной

маскарадной ночи, я нашелъ у себя на столѣ записку, принесенную ко мнѣ, по словамъ Семеныча, въ одиннадцать часовъ вечера. Пробѣжавъ ее, я какъ сумасшедшій кинулся въ мой экипажъ, котораго еще не успѣли отложить. Записка эта была написана слишкомъ знакомой мнѣ женскою рукою, написана въ припадкѣ безвыходнаго отчаянія

Тяжелое воспоминаніе! оставишь ли ты меня когда-нибудь въ покоѣ?

Забуду ль я? — да наконецъ можно ли и забыть тѣ безконечно длившіеся часы, которые я провелъ, мучимый стыдомъ, раскаяньемъ и бесплоднымъ сожалѣніемъ? Бесплоднымъ!.... нѣтъ, не бесплоднымъ. Этотъ ужасный день заронилъ во мнѣ страстное желаніе борьбы съ самимъ собою, хотя оно скоро заглохло и, казалось, даже совсѣмъ уничтожилось отъ наплыва новыхъ впечатлѣній и гордаго самодовольства; но на самомъ дѣлѣ, оно запало въ душу, нзрѣдка давая о себѣ знать мнутами непобѣдимой грусти и безотчетной тоски....

Проходила тоска и снова обращался я въ того Митнева, которому все улыбалось: и счастье, и люди, и жизнь, куда наконецъ не столкнулся лицомъ къ лицу съ суровыми опытами дѣйствительнаго быта.

Мучительныя двѣ недѣли пережилъ я послѣ памятной мнѣ ночи, забывъ о свѣтѣ и его удовольствіяхъ, а потомъ опять возвратился къ прежнему, съ какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ. Приостановился только на время, передъ самымъ началомъ выпускнаго экзамена, наконецъ сдавъ и его, также счастливо, какъ и всѣ прежніе, очутился въ одно прекрасное утро — кандидатомъ словесныхъ наукъ, и дѣйствительнымъ членомъ общества. — Одѣвшись въ новое, официальное платье, поспѣшилъ я представиться своему новому начальнику, при которомъ и до-сихъ-поръ присмыкаюсь. Явился, и тутъ же получилъ отъ него приглашеніе отдохнуть послѣ недавнихъ трудовъ моихъ, взялъ четырехмѣсячный отпускъ и уѣхалъ съ дядей въ его имѣніе, на все лѣто.

Въ деревнѣ, не смотря на полный чемоданъ книгъ съ собой захваченныхъ, я продолжалъ городскую жизнь; тѣшилъ свое мелкое самолюбіе въ кругу людей, которыхъ въ душѣ

считалъ ничтожествомъ. Полный заносчивой гордости, которую мирный сельскій житель и провинціальная барыня считаютъ за признакъ высокаго происхожденія, я пришелся по вкусу сосѣдей дяди. Съ репутаціей образованнаго и вродѣ свѣтскаго человѣка, я легко выигралъ въ ихъ мнѣніи и мѣсто, хотя довольно скромно, позволяя за собой волочатся. Женщинамъ понравилось мое простое обращеніе, мужчинамъ — моя фамильярность, хотя чисто-внѣшняя; — они и не подозрѣвали, что въ послѣдней было много обиднаго для ихъ чувства. Къ тому же моя манера держаться слишкомъ рѣзко отличалась отъ покровительственнаго тона, съ которымъ мой маркизь-дядя уже слишкомъ безцеремовно обращался съ ними.

Никогда мнѣ не забыть, какъ разъ на одномъ изъ деревенскихъ праздниковъ, въ самомъ пылу моего разказа, я вдругъ остановился, почувствовавъ чей-то взглядъ, устремленный на меня; — то былъ взглядъ синихъ глазъ, полный какой-то упрямой пытливости. Въ свою очередь я пристально посмогрѣлъ на нихъ; они не опустились.... Мнѣ стало неловко, — я отвернулся, досадуя на свое ребяческое смущеніе.

Не знаю, чувствуютъ ли это другіе, но я рѣшительно не въ состояніи выносить внимательнаго взгляда умныхъ дѣтскихъ глазъ; мнѣ всегда представлялось, что онъ обладаетъ какимъ-то необъяснимымъ даромъ инстинкта, способнымъ различить многое, что въ состояніи подъ часъ укрыться даже отъ самаго опытнаго взора взрослыхъ людей.

Синіе глаза хорошенькой дѣвочки, дочери какого-то помѣщика, остались мнѣ единственнымъ воспоминаніемъ о лѣтѣ, проведенномъ мной въ Линнѣ — имѣніи дяди. И теперь, по прошествіи четырехъ лѣтъ, какъ будто вижу я ихъ передъ собою, чувствую ихъ глубокой, задумчивый взглядъ. Что прочли они? Отчего не отвернулись сейчасъ же, а долго, долго смотрѣли на меня эти чудные, синіе глаза!...

Стоять ли вспоминать о годѣ, проведенномъ мной по приѣздѣ изъ деревни? Онъ былъ глупымъ повтореніемъ моей прежней глупой жизни, пустой, но иногда интересной.

Настало наконецъ мое гражданское совершеннолѣтіе.

Дядя, бывшій момъ попечителемъ, счелъ нужнымъ объявить мнѣ цифру моего состоянія.

— Твой отецъ, сказалъ онъ мнѣ: — оставилъ свои дѣла въ большемъ запущеніи; я нашелъ нужнымъ съ согласія опеки продать принадлежащія тебѣ три тысячи душъ и, заплативъ вопіющіе долги, пустилъ остальную сумму сто сорокъ пять тысячъ вмѣстѣ со своимъ капиталомъ въ оборотъ; процентами же довольно значительными я далъ тебѣ воспитаніе и содержаніе, какъ мнѣ кажется, приличныя твоему имени и положенію въ свѣтѣ, а остальную за тѣмъ сумму отсылалъ ежегодно въ опекунскій совѣтъ.... Теперь, продолжалъ дядя — ты достигъ совершеннолѣтія, слѣдовательно имѣешь право распорядиться всѣмъ, что у тебя есть: — просмотри твои документы — вотъ они, прибавилъ онъ, вынимая изъ своего бюро связку бумагъ — повѣрь мои дѣйствія, обревизуй ихъ.....

— Э, дядюшка, отвѣчалъ я ему: — къ чему мнѣ повѣрять ваши дѣйствія; — я вполне увѣренъ въ томъ, что всѣ распоряженія ваши были проникнуты благоразуміемъ и искреннимъ желаніемъ мнѣ добра. Сохраните всѣ документы у себя, распоряжайтесь какъ вамъ угодно момъ состояніемъ по прежнему, если это только не покажется вамъ обременительнымъ — мнѣ остается одно: благодарить васъ вотъ сей души за ваши нѣжныя попеченія, за вашу любовь, заставившую меня забыть, что я имѣлъ несчастіе лишиться отца и матери.

— Merci mon enfant, сказалъ мнѣ дядя дрожавшимъ отъ волненія голосомъ: — въ эту минуту ты заплатилъ мнѣ за всѣ мои хлопоты и труды. Пусть будетъ по твоему, отъ тебя зависитъ теперь назначить себѣ сумму на твои надобности; мое дѣло быть твоимъ кассиромъ. И онъ меня нѣжно поцѣловалъ. Помни — продолжалъ онъ — что на свѣтѣ у меня нѣтъ никакихъ привязанностей; — ты единственный мой наслѣдникъ, послѣдняя отрасль нашей фамиліи. Помни, что у тебя все впереди: и блестящая карьера и завидное положеніе въ свѣтѣ. — Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился и ужъ болѣе ни разу не возобновлялся. Дядя вообще неохотникъ толковать о дѣлахъ, а я довольный получаемыми день-

гамъ, рѣшительно не интересовался узнать въ какомъ положеніи — коммерческіе обороты нашихъ соединенныхъ капиталовъ. Жизнь моя текла не совѣтъ мутной струей. Современныя вопросы занимали меня; я слѣдилъ внимательно за тѣмъ, что составляетъ насущную пищу людей мыслящихъ, но безъ волненія, безъ увлеченія. Во мнѣ не было того громко говорящаго голоса, который дѣлаетъ насъ иногда мучениками своихъ собственныхъ убѣжденій; — я не страдалъ, не ощущалъ въ себѣ непреодолимаго желанія разрѣшать темныя задачи жизни; разладъ мыслей съ словами и дѣйствіями не поражалъ меня на столько, чтобъ возмущать мою совѣсть.... Беззаботно, непростительно беззаботно продолжалъ я жить безъ привязанностей, безъ цѣли и безъ особенныхъ интересовъ. День за день—ныпче теплое слово женщины, брошенной случайно, завтра новая встрѣча, потомъ дружеская пирушка и, на эти варіаціи, разыгралась вся юношеская молодость. И дайте ей другое направленіе, укажите благородное поприще, и она съ той же жаждой и конечно съ большимъ увлеченіемъ, ринулась бы къ дѣятельности, какъ теперь вся изошла безплодными вздохами, и еще больше безплодными порывами.

Опять, какъ грозный призракъ, встаетъ передо мной тѣнь страдалицы; опять слышу голосъ женщины, преданной мнѣ съ такой безграничной довѣренностью. Чѣмъ же я заплатилъ ей за любовь, за все, что погубило ее? Безполезнымъ для нея раскаяніемъ, двумя недѣлями горькихъ упрековъ въ своемъ легкомысліи. А что я отнял у нея? Лучшіе дни ея жизни, незапятнанную честь, ея дѣвственныя мечты и право на счастье, — и все это я разрушилъ варварской черствой рукой мелкаго эгоиста. Еще есть одно утѣшеніе, что во всемъ этомъ отнюдь не было преднамѣреннаго замысла злодѣя или подлеца; нѣтъ, это было сдѣлано вслѣдствіе того же удалства, соединеннаго съ пошлыми понятіями о правѣ брать и ломать все, что подъ силу намъ, — того удалства, которымъ живутъ сотни тысячъ нашихъ юношей. И что горько, рѣдкій изъ нихъ доходитъ даже до сознанія своей грубой, калмыцкой природы.

Но вотъ настала и для меня пора страданій, пора томл-

тельной болѣзни и жгучихъ слезъ. Я влюбился въ женщину — ребенка, воспитаннаго «невинными» дѣтскими вечерами, безчисленнымъ садомомъ модныхъ учителей, домашними театрами и гуляньями, ребенка, служившаго съ десятилѣтняго возраста нарядной выставкой бессмысленныхъ заботъ и кривыхъ понятій о воспитаніи ея нѣжныхъ родителей, графа и графини Ризничъ.

Скоро свѣтъ сталъ мнѣ надоѣдать; я скучалъ на балахъ, тяготился визитами, зѣвалъ въ маскарадахъ, — меня тянуло только туда, гдѣ слышался звонкій голосъ Лины.... Цѣлые вечера, и особенно лѣтомъ на дачѣ, — цѣлыя дни проводилъ я въ домѣ Ризничъ.

Лина обращалась со мной какъ сестра съ братомъ; но въ этихъ дружескихъ отношеніяхъ было столько неуловимыхъ оттѣнковъ искренности; въ разговорахъ нашихъ скрывалось столько смысла, что, признаюсь, и до-сихъ-поръ не понимаю, какъ почти въ дѣтской головѣ Лины могла образоваться вся эта хитросплетенная система уловокъ и расчетовъ свѣтской женщины? Откуда, когда успѣло зарониться въ ней это страстное желаніе видѣть у своихъ ногъ влюбленнаго человѣка?... Долго я считалъ ее за ребенка и не прежде взглянулъ на нее другими глазами, какъ послѣ одного по видимому незначительнаго разговора, въ которомъ она мнѣ тонко намекнула, что она уже не дитя. Одно это слово заставило меня задуматься и потомъ усумниться. «Я уже не дитя» — это значитъ для насъ кончены всѣ прежнія искреннія отношенія. Но это сомнѣніе еще далеко было отъ положительнаго убѣжденія, и я былъ счастливъ попрежнему. Рано развившаяся Лина дѣйствительно, казалось, полюбила меня, — по крайней мѣрѣ, мнѣ было такъ легко и хорошо близъ нея, что я, убаюканный сладкимъ сновидѣніемъ, дышалъ одной съ ней жизнью.

Годъ прошелъ незамѣтно. Лину вывезли въ свѣтъ, — и она перемѣнилась. Вокругъ ея толпился рой влюбленныхъ; отсюду слышались восторженные похвалы и раболѣпная лесть блестящаго невѣжества. Затѣмъ уроки житейской мудрости со стороны матери, ложное увлеченіе своими небывалыми достоинствами, — и отъ Лины-ребенка чрезъ годъ

не осталось ни одного дѣвственнаго цвѣтка, ни одной цѣлой черты на ея чудномъ образѣ. Я отошелъ на задній плацъ и горячо принялъ къ сердцу первую обиду, ему нанесенную. Толпа росла, а вмѣстѣ съ нею росла и безумная страсть моя, подстрекаемая ревностью. Лина ничего по видимому не замѣчала. Когда же я измученный ея холодностью переставалъ на время съ нею видѣться и наконецъ послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, будучи не въ силахъ бороться съ желаніемъ взглянуть на нее, снова возвращался истомленный разлукой, она встрѣчала меня такимъ задушевнымъ взглядомъ, такимъ милымъ словомъ, что я опять все забывалъ до поры до времени.

Боже мой! сколько молодыхъ здоровыхъ силъ истратилъ я, просиживая долгіе дни и безсонныя ночи, одинъ на одинъ въ своемъ кабинетѣ. И чего я не передумалъ въ этомъ отшельническомъ уединеніи! Надъ чѣмъ я не выстрадалъ всѣми страданіями уязвленнаго сердца! И за что? За одну ошибку упорной воли и отуманеннаго мозга. Только теперь понятно, что моя любовь къ Линѣ была игрушкой въ рукѣ бездушнаго дѣвушки, приготовленной не для мирнаго счастья *у себя*, а для блеска и шума на показъ другимъ. Я сталъ чувствовать свое ложное положеніе, и рѣшился вырвать послѣдніе корни привязанности, все еще глубокой.

Наконецъ и Лина стала уставать однообразными успѣхами въ свѣтѣ или вѣрнѣе, послѣ двухлѣтнихъ выѣздовъ поняла что ей пора подумать о томъ, что составляетъ развязку этой жалкой комедіи свѣтской женщины. Она попристальнѣе взглянула на свою блестящую свиту молодежи и не нашла въ ней «предмета своей мечты...» Ея мать — какъ это послѣ открылось мнѣ, озаботилась выбрать ей человѣка, который бы отвѣчалъ всѣмъ условіямъ ея дочери, и этотъ человѣкъ былъ — я. *Благовоспитанная* дочка вполне одобрила выборъ *благовоспитанной* маменьки. Тогда началось закидываніе сѣтей, та искусственная тактика, на которую часто истрачивается вся молодость современной женщины. Это умѣнье говорить, не договаривая, вздыхать безъ малѣйшаго внутренняго побужденія, эти неясныя намеки, эта игра глазъ и животная способность хитрить и обманывать — все

это было передано Линѣ, и она пользовалась своимъ орудіемъ не безъ успѣха.

Но я зналъ ее раньше, и потому, можетъ быть, пелена упала съ глазъ скорѣй.

Вотъ ужъ годъ все рѣже и рѣже сталъ я появляться въ кругу Ризничъ. Въ эту пору жизни я вдругъ почувствовалъ, какъ глупо, безцѣльно трачу свои нравственныя силы, что мнѣ грозитъ опасность опшлѣть среди бездѣйствія. Я сталъ догадываться, что дѣлаюсь — если ужъ не сдѣлался — пустымъ человѣкомъ.

Скажи мнѣ это слово другой, я кажется убилъ бы его!

Странное дѣло! Въ современномъ человѣкѣ пустота и непомѣрное самолюбіе почти всегда соединяются вмѣстѣ. Чѣмъ объяснить это! Мнѣ кажется, что самолюбіе, развившееся до уродливыхъ размѣровъ, есть сознаніе собственнаго бессилія, той нравственной лѣни, которая боится быть замѣченной другими. Не имѣя ни энергіи, ни средствъ разрывать цѣпкіе пути дѣйствительнаго ничтожества, мы стараемся скрыть его или придать ему наружное оправданіе. И если кто понимаетъ насъ, зорко видитъ наше лицемѣріе, мы ненавидимъ или боимся того.

Къ сожалѣнію, я долго находился подъ вліяніемъ самообольщенія и проснулся отъ него такъ поздно, что уже не было ни силъ, ни времени возвратить потерянное.

Въ эту пору неотступно стали преслѣдовать меня вопросы жизни. Я отдался тяжелой работѣ, и тогда впервые убѣдился, что все мое прошедшее было пустымъ пробѣломъ въ моемъ существованіи. Воспитаніе не дало мнѣ ни положительныхъ свѣдѣній, ни охоты къ систематическому труду; пожалуй, я зналъ многое, но въ этомъ многомъ не было ни цѣльной идеи, ни логической связи, ни практическаго направленія. Это была самая жалкая компиляція всего, не имѣвшая въ сущности ничего. И вотъ я увидѣлъ наконецъ, что все свѣжее и здоровое начало во мнѣ гложутъ, что я — гибну....

Разговоръ мой съ дядей о женитьбѣ, поставилъ меня лицомъ къ лицу съ дѣйствительностію, объяснилъ мнѣ многое,

а слѣдующій за нимъ вечеръ у Ризничъ окончательно разбилъ во мнѣ остатки моей безумной страсти. Пробужденіе было страшное, но оно снасло меня отъ преждевременной нравственной смерти.

III.

РАЗСКАЗЪ.

За этими страницами слѣдуютъ четыре тетради, наполненныя отрывчатыми мыслями, навѣянными на Митнева его усиленными занятіями и выписками изъ книгъ, прочитанныхъ имъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Отдавшись кабинетнымъ занятіямъ, онъ, казалось, забылъ о всеиъ остальномъ, что было внѣ его; по крайней мѣрѣ, ни въ одной изъ этихъ тетрадей не упоминается о лицахъ, имѣвшихъ такое сильное вліяніе на его жизнь; только на одномъ мѣстѣ, написано не совсѣмъ разборчивой рукой: «Сейчасъ отъ Ризничъ, — онѣ ѣдутъ въ деревню. Лина похудѣла, но мила, удивительно мила, она напомнила мнѣ много изъ прежняго... Мнѣ стало жаль и себя, и ее, и любви своей, и даже страданій?... А если я ошибся? А если Лина... и далѣе крупными, слишкомъ крупными буквами, какъ-бы противъ воли съ тѣмъ ребяческимъ движеніемъ, которымъ человѣкъ иногда наивно хочетъ заглушить болѣзненный крикъ души, написано: «взоръ» и вслѣдъ затѣмъ натянутое и рѣшительно неудавшееся разсужденіе о какомъ-то философскомъ тезисѣ.

Дневникъ снова начинается нѣсколько мѣсяцевъ спустя, съ помѣткою на тетради «въ деревнѣ.»

IV.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

1 Іюня.

Вотъ уже мѣсяць, какъ я въ Липинѣ и веду жизнь довольно правильную. Встаю рано, купаюсь, хожу до утомленія и послѣ завтрака принимаюсь за работу.

Незамѣтно проходитъ время до обѣда, потомъ, уѣвъшись на террасѣ, пробѣгаю газеты и журналы, привозимые изъ города или отдаю съ сладкому *far niente*; далѣе, снова работаю вплоть до вечера, опять купаюсь, и наконецъ настаетъ задумчивое, немного сентиментальное сидѣніе «*in Grünen*» и торжественная встрѣча благоухающей, торжественной ночи!... Усталая грудь пьетъ жадно весенній воздухъ, пьетъ и не напьется...

Это не жизнь, а рай! Я начинаю любить природу по мѣрѣ того, какъ ненавижу людей. Контрастъ очень понятный. Чего мнѣ еще нужно, — чего? Пока ничего, но послѣ... Зачѣмъ же это вѣчное раздумье о будущемъ?...

Одно только скучно: грудь и бокъ подчасъ слишкомъ назойливо напоминаютъ мнѣ о разстроенномъ здоровьи. Пускай бы болѣли себѣ, да по-тише.

Доктора меня отправили въ деревню поправиться. Умные люди, ничего лучшаго доселѣ не придумали. «Благодѣтели наши!» — по выраженію моего болтуна Семеныча.

А дядѣ не хотѣлось со мною разставаться. Онъ привыкъ ко мнѣ, къ тому же наши Эскулапы напугали его опаснымъ состояніемъ моего здоровья.

— Вотъ тебѣ твои вѣчныя занятія, и чертъ знаетъ, зачѣмъ! — повторялъ онъ мнѣ, и на этотъ разъ дѣйствительно сердялся, что съ нимъ случается рѣдко: — все это вздоръ, пустяки! — прибавлялъ онъ, всматриваясь въ мое исхудалое лицо.

— Брось эти глупости, Саша, — убѣждалъ онъ меня; — къ чему онѣ? Что ты въ профессора что-ли готовишься? Вѣдь ты служишь, идешь впередъ, получаешь награды! Чего тебѣ еще? Зачѣмъ портишь свое здоровье, читая всякія бредни... Читать конечно нужно, только чтонибудь другое...» И онъ принимался мнѣ доказывать разумную цѣль легкаго чтенія, сбиваясь и путаясь въ непривычныхъ для него сужденіяхъ о томъ, чего онъ совершенно не смыслилъ!

Бѣдный дядя! Виноватъ ли онъ однако въ томъ, что понимаетъ *по-своему* то, что намъ кажется такъ осязательнымъ? Онъ по другой логикѣ учился, и всей мудрости жи-

тейской нажился въ нарядныхъ будуарахъ и роскошныхъ столовыхъ.

Виновать ли онъ, напримѣръ, что поэзія Байрона и Гёте рѣшительно невозможная для него поэзія; что Лизета Беранже — воспоминаніе молодости — единственная любимая его пѣсенка, и едва ли не лучшее произведеніе изъ всѣхъ литературъ на свѣтѣ. Самъ же Беранже, въ простотѣ его головы и сердца, казался ему ужаснымъ либераломъ, и это мнѣніе было не его собственное, а онъ слышалъ его отъ парижской гризетки. Послѣ Пушкина, пзъ котораго онъ прочелъ когда-то главы двѣ-три, русскихъ поэтовъ для него вовсе не существуетъ: «все вздоръ, все пустяки пишутъ, — и какимъ языкомъ и о какихъ предметахъ?» повторялъ онъ, качая головой. Наконецъ, виновать ли онъ и въ томъ, что ненавидитъ Гоголя и называетъ его насмѣшливо (и, по его мнѣнію, весьма остроумно) «казакомъ-самоучкой.»

На дняхъ писалъ онъ мнѣ, и между прочимъ о Липѣ. «Графиня Ризничъ — заключаетъ онъ — еще не отказалась отъ надежды видѣть тебя мужемъ своей дочери, а Анна, продолжаетъ онъ: — спрашивала меня съ такимъ участіемъ о тебѣ и такъ часто во все время, которое я провелъ у нихъ въ подмосковной, что, нѣтъ сомнѣнія, она тебя сильно любитъ. Нѣтъ, вы поколѣніе бездушное, несчастное, вы просто — плохая и жалкая копія вашихъ отцовъ. Sacre bleu, — не то было въ наше время и проч. и проч...» Я промечталъ весь вечеръ о Липѣ. Кто знаетъ? быть можетъ, она, опомнившись, почувствовала, что на свѣтѣ нельзя обойтись безъ искренней привязанности. Въ ней есть и умъ; и сердце; виновата ли она, что ее также какъ и меня, воспитали на огромномъ житейскомъ базарѣ...

Черезъ двѣ недѣли.

Плотноя опять прорвалась! Приѣхавъ въ деревню, я не считалъ нужнымъ объѣзжать моихъ сосѣдей. Они, не видявъ меня года четыре, вѣроятно, совсѣмъ позабыли о моемъ существованіи, слѣдовательно и интересоваться мною не будутъ, думалъ я. Къ тому-жъ, выѣзды опротивлял мнѣ и

въ городѣ, а здѣсь я никого не знаю, да, правду сказать, и не желаю знать. Обсудивъ этотъ вопросъ, я успокоился и прожилъ полтора мѣсяца вдвоемъ съ Семенычемъ спокойно и мирно, какъ вдругъ, сегодня, когда я послѣ обѣда, расположился на террасѣ, мнѣ доложили о прїѣздѣ какого-то барина.

Субъектъ этотъ оказался близкимъ сосѣдомъ и стариннымъ знакомымъ моего дяди; — какая-то странная смѣсь — самодовольства зажиточнаго помѣщика, подъяческаго смиренія и стариковскаго добродушія, — Звонковскій или Звонковскій, на вѣрное не знаю. Баринъ этотъ, отставной коллежскій асессоръ съ Станиславомъ въ петлицѣ, просидѣлъ у меня часа четыре, болтая безъ умолку. Между прочимъ, онъ, по словамъ его, давно и хорошо меня знаетъ; потомъ объявилъ мнѣ, да чуть ли еще и не побожился, — что я непременно буду если не министромъ, то ужъ конечно губернаторомъ, и даже въ самомъ скоромъ времени; — срока впрочемъ не назначилъ. На чѣмъ основалъ онъ свое убѣжденіе? — трудно сказать... Звонковскій уѣхалъ, но въ комнатѣ сохранился послѣ него еще на цѣлый вечеръ какой-то особый воздухъ, пропитанный запахомъ табаку à la gôse и о-де-колона. Отвратительный запахъ! Нечего дѣлать — надо ѣхать къ этому пророку. Не заплатитъ ему визита, значитъ — разжаловать себя изъ губернаторовъ въ медвѣдя.

Черезъ недѣлю.

Звонковскій опять прїѣзжалъ. Несносный человекъ — что ему нужно отъ меня?

— Обвороженный вашимъ прїемомъ, я не могъ устоять и рѣшился снова васъ беспокоить моимъ посѣщеніемъ, — сказалъ онъ входя. Каковъ! гдѣ-жъ нашелъ онъ обворожительный прїемъ? Правда, я его не выгналъ изъ дому, не показавъ ему ничѣмъ, что онъ мнѣ надобѣтъ; еще бы я это сдѣлалъ! За то особенно и не старался занимать его, предоставивъ ему полную свободу витійствовать, а въ этомъ, право, я еще не впью ничего хоть немного похожаго на обворожительный прїемъ.

Чтобы не оставаться у него въ долгу, я поѣхалъ къ нему съ утреннимъ визитомъ.

Широкою, но совершенно изрытой липовой аллеей, на которой я чуть было не сломалъ своей легонькой коляски, подъѣхалъ я къ крыльцу огромнаго барскаго дома. Близъ него раскинулся роскошный, старинный паркъ съ подстриженными деревьями.

На встрѣчу мнѣ выскочилъ маленькій и не бритый лакей съ сѣдою головою, одѣтый въ какой-то, необыкновеннаго покроя, сюртукъ изъ толстаго домашняго сукна. — Дома баринъ? спросилъ я.

Онъ не отвѣчалъ. Подскочилъ къ моему экипажу и, желая вѣроятно помочь мнѣ изъ него выйти, преобильно толкнулъ меня въ правый бокъ. Послѣ чего опрометью кинулся въ домъ, не интересуясь узнать мое имя, и въ попыткахъ захлопнуть за собою дверь.

Я вошелъ въ переднюю. Въ передней ни души, кромѣ кошки, игравшей на столѣ съ огромнымъ смазнымъ саломъ. На залавкѣ валялся чей-то тулупъ и красная сатцевая рубашка.

Прошло добрыхъ четверть часа. Вдругъ обѣ половинки дверей отворились съ шумомъ, и тотъ же лакей, только теперь уже во фракѣ, появившись на порогѣ, угрюмо произнесъ: — «пожалуйте-съ, сейчасъ выйдуть!»

Но не успѣлъ я ступить въ залу, какъ услыхалъ издали чьи-то мелкіе, торопливые шаги: на встрѣчу мнѣ летѣлъ хозяинъ дома, широко и умильно улыбаясь.

— Извините, извините, заговорилъ онъ, крѣтко сжавъ мою руку и не выпуская ее изъ тисковъ:— я васъ заставилъ прождать столько времени, душевно уважаемый мною Александръ Николаевичъ. Захлопотался по хозяйству — ей-ей захлопотался.

— Помилуйте....

— Нѣтъ, виновать, кругомъ виновать — простите старика! Но я не зналъ, что вы мнѣ сдѣлаете честь, пожелаете ко мнѣ сегодня. Прошу, дорогой сосѣдь, вотъ сюда на диванъ — сдѣлайте милость.... тутъ будетъ покойнѣе, говорилъ

онъ суетливо, указывая мнѣ на мягкую кушетку въ гостиной.

Въ свою очередь я извинился, что такъ рано пріѣхалъ къ нему.

— Э, полноте, что за рано? Когда бы вы не пріѣхали, всегда будете желаннымъ гостемъ въ Бѣлополья.

— Не прикажете ли чегонибудь покушать? Чаю, шоколаду, кофе, или позавтракать—ради Христа безъ церемоній.

Я поблагодарилъ и отказался. Гостепріимство Звонковскаго совсѣмъ меня ошеломило.

— Ну чтò, скажите—вы пріѣхали въ свое имѣніе на хозяйство взглянуть, или только отдохнуть отъ городской жизни? спросилъ онъ меня мягкимъ голосомъ, вызывающимъ на откровенность.

— Я признаюсь вамъ, мало смыслю въ агрономіи.

— Вы скромничаете, при вашемъ образованіи вамъ стоитъ только захотѣть и вы сдѣлаетесь сейчасъ же отличнымъ хозяиномъ.

Видно Звонковскій прочелъ на моемъ лицѣ что-то недоумѣвающее, потому что немного замаялся.

— Хотя конечно, продолжалъ онъ, навѣкъ тоже при этомъ великое дѣло, но вѣдь вамъ, молодымъ *ученымъ* людямъ, право и неприходится возиться съ мужикомъ.

— Отчего же не приходится?

Звонковскій съ минутою помолчалъ; онъ искалъ выхода изъ своего запутаннаго разсужденія.

— Потому что русскій мужикъ либо плутъ, либо звѣрь и надо много стариковскаго терпѣнія, чтобы имѣть съ нимъ дѣло... Вотъ я вамъ скажу, — продолжалъ онъ довольно таинственно: — когда мнѣ удалось пріобрѣсти это имѣніе, Бѣлополье, то я первые два года чуть съ ума не сошелъ, до того тяжело было мнѣ сладить съ дьяволомъ народомъ, прости Господи, котораго прежній владѣлецъ рѣшительно развратилъ, а развратилъ своимъ крайне безпечнымъ управленіемъ. По моему мнѣнію, мужикъ только тогда и хорошъ, когда его держишь въ ежовыхъ рукавицахъ, да на привязи, — дай ему немного воли, онъ тебя осѣдаетъ.....

Тяжки, тяжки труды помѣщика; онъ, такъ сказать, отецъ огромнаго семейства, о которомъ и денно и ношно обязанъ пещись, но что же дѣлать! — долгъ прежде всего для челоуѣка. Святую обязанность, возложенную провидѣніемъ, слѣдуетъ каждому исполнять по крайнему своему разумѣнію.

При этомъ онъ скорчилъ такую скверную рожу, что я не могъ не улыбнуться.

Долго еще говорилъ Звонковскій. Стереотипныя фразы такъ и сыпались изъ его тонкихъ устъ.

«Вотъ прожигающая каналья-то,» подумалъ я и поднялся съ мѣста.

— Что же — вы уже уѣзжаете?

— Я спѣшу домой.

— А я думалъ, что вы доставите мнѣ наслажденіе откушать со мною, — мнѣ хотѣлось имѣть честь *представить* вамъ мое семейство... Душевно сожалѣю, душевно сожалѣю! — повторялъ Звонковскій, входя со мною въ переднюю.

— Не забывайте насъ, мы ваши ближайшіе сосѣди, говорилъ онъ, когда я садился въ экипажъ. «До свиданія, до свиданія!» слышалось мнѣ до самаго поворота дороги съ двора въ линовую трущобу, названную мной аллеей.

А домъ-то великолѣпный, старинный у коллежскаго ассесора, барскій домъ, временъ Растрелли! Кто-то строилъ его, ужъ конечно не предокъ Звонковскаго? Въ то время еще *Звонковскихъ* вѣроятно и на свѣтѣ *не было*, а былъ какой-нибудь кумъ Иванъ, либо кумъ Петръ, мужъ тетки Агафьи..... Глядь анъ внукъ-то тетки Агафьи и пробрался въ громадныя палаты, подъ пменемъ Онуфрія Звонковскаго «и вдругъ сталъ онъ баринъ важный, русскій дворянинъ!». Прескучный однако этотъ *баринъ*, онъ вѣжливъ до дерзости и приторенъ какъ паточное варенье.

V.

Звонковскій.

Какъ ни скученъ и пошлъ Звонковскій, но онъ занимаетъ меня. Чтобъ разобрать эту личность, я постарался распро-

силь о немъ до послѣдней подробности, и передамъ моимъ запскамъ все что знаю о немъ.

Звонковскій былъ средняго роста, довольно плотный и крѣпкій старикъ, но иѣсколько сутуловатый. Лицо, его очень некрасивое, выражало безпредѣльную готовность плакать и смѣяться по волѣ того, къ кому обращалось. Глаза желтовато-сѣрые безпокойно поглядывали на людей и на божій міръ. Ротъ — вѣчно улыбался, и обязательно до отвращенія. Тонкія губы съ трудомъ закрывали два ряда толстыхъ зубовъ. Правая рука любила дѣлать жесты, лѣвая кажется ничего не любила; она вѣчно пряталась куда-то.....

Одѣвался коллежскій ассесоръ довольно чисто. Платье его благоухало о-де-колономъ. Сапоги слегка скрипѣли. На груди покоилась увѣсистая золотая цѣпь. Въ петличкѣ сюртука или фрака красовался орденъ Станислава.

Объяснялся Звонковскій очень плоховито, но писалъ крайне плохо. — Грамота ему не далась.

Краткая біографія Онуфрія Алексѣевича.

Звонковскій (коллежскій ассесоръ и кавалеръ) получилъ образованіе въ глинской губернской гимназіи. Онъ — (по словамъ его сверстника Ивана Петровича, одной изъ властей К—го уѣзда), плохо занимался науками, но былъ необыкновенно благоправенъ, за что его очень любило все учебное начальство, исключая Француза-воспитателя. Мг. Пётръ, должно быть оскорбленный равнодушіемъ Звонковскаго къ его родному языку, терпѣть его не могъ.

— Эта Званковски — говаривалъ онъ непрерывно — хитрый лисица, но парфеть невѣждъ! И не смотря на то, этотъ «парфеть невѣждъ» получилъ при выходѣ изъ гимназіи похвальный листъ «за отличные успѣхи въ наукахъ и примѣрное благоправіе.» Директоръ, подавая его, потрепалъ Звонковскаго по плечу, и чмокнулъ его въ грудь, да такъ быстро, что это могли замѣтить только весьма немногіе. Черезъ годъ эксъ-гимназистъ уже подвизался съ примѣрнымъ усердіемъ на многотрудномъ поприщѣ гражданской службы.

Скромный и работящій, онъ понравился и своему главному начальнику, секретарю гражданской палаты, и своему

непосредственному начальнику г. Жевелкину, столоначальнику крѣпостной экспедиціи.

Прошло года три, и Звонковскому поручили исправлять должность столоначальника, — что еще болѣе сблизило его съ секретаремъ.

Жилъ онъ въ это время такую незамѣтную жизнью, что особенно нелюбившіе его чиновники увѣряли, будто бы онъ нанялся къ секретарю въ услуженіе, и потому вовсе не имѣетъ квартиры, а ночуетъ въ чуланчикѣ секретарскаго дома. Зависть на выдумки неистощима.

Но призамолкли злые языки, когда скромный столоначальникъ Звонковскій, вернувшись разъ въ канцелярію изъ присутствія, куда былъ призванъ г. предсѣдателемъ, объявилъ съ краскою въ лицѣ, что «его высокородіе сооблаговолило поручать ему исправленіе должности секретаря, скончавшагося вчера вечеромъ — дай Богъ ему царствіе небесное! — отъ апоплексическаго удара.»

Затихли враги его и низко поклонились Онуфрію Алексѣичу, прося его быть ихъ отцомъ-покровителемъ.

Новый секретарь общалъ.

И онъ конечно исполнилъ бы свое обѣщаніе, еслибы враги его ревностно отправляли свои обязанности. Видно вышло на оборотъ. Вслѣдствіе чего добросовѣстный секретарь замѣнилъ ихъ новыми чиновниками, воплиъ преданными... государственной службѣ.

На четвертый годъ его секретарства (ему уже исполнилось тогда тридцать пять лѣтъ) — съ нимъ случилось несчастіе. Онъ лишился отца. (Матушка его скончалась гораздо прежде). Взявъ четырнадцатидневный отпускъ, секретарь поспѣшилъ въ деревню, отстоявшую верстахъ въ пятьдесятъ отъ города, чтобы поклониться праху виновника своего бытія.

Отдавъ долгъ приличію, т. е., обливъ холодное тѣло родителя достодолжнымъ ручьемъ сыновнихъ слезъ, онъ дѣлательно принялся за домашнія дѣла.

На немъ лежала обязанность совершить раздѣлъ; судьбѣ угодно было поставить его старшимъ братомъ Петеньки,

Васеньки и сестры Сашеньки. Задумался лихой секретарь гражданской палаты, и было отчего!

Во-первыхъ, имѣние — приобретенное покойнымъ во время его двадцати пяти лѣтняго служенія казначеемъ въ Радомскѣ — было ничтожное, — всего какихъ нибудь сто ревизскихъ душъ, и дробить его не приходилось; во-вторыхъ, братьевъ его на лицо не было.

Васенька квартировалъ съ полкомъ въ одной изъ отдаленныхъ южныхъ губерній, а Петенька служилъ въ виленскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, въ которомъ непрѣмнымъ членомъ былъ родственникъ его, надворный совѣтникъ Побровка.

Думалъ долго Звонковскій и наконецъ придумалъ написать братьямъ о постигшемъ ихъ несчастіи и предложить имъ выслать ему довѣренности на совершеніе раздѣла.

О томъ же какъ совершить раздѣлъ, онъ вѣроятно, еще и самъ не зналъ въ то время, иначе конечно не преминулъ бы и объ этомъ ихъ извѣстить.

Послѣ этихъ предварительныхъ распоряженій, поручивъ четырнадцати-лѣтнюю сестру Сашеньку престарѣлой нянькѣ Авдотѣ, онъ поспѣшно воротился къ мѣсту своего служенія.

Письма отъ братьевъ не заставили себя долго ждать.

Не болѣе какъ черезъ мѣсяць, на основаніе присланныхъ ему *полныхъ* довѣренностей на право залога и даже продажи наследственнаго имѣнія, Звонковскій проектировалъ слѣдующій раздѣлъ: онъ разсудилъ оставить все имѣніе за собой, а братьямъ и сестрѣ выдать ихъ доли деньгами.

Кое-какія формальности, въ попыхахъ, онъ упустилъ изъ виду, но палата, въ которой онъ — какъ уже было сказано, — состоялъ секретаремъ, немедленно утвердила раздѣльный актъ.

Денежныя доли (цифра ихъ намъ извѣстна) были сейчасъ же препровождены Васинкѣ и Петинкѣ. Сестрину же часть Онуфрій Алексѣичъ оставилъ при себѣ, яко опекунъ надъ личностію и имуществомъ ея.

Сдѣлавшись помѣщикомъ, секретарь сталъ частенько разсуждать о семейной жизни.

— Неприлично человѣку извѣстныхъ лѣтъ оставаться холостымъ. Холостой человѣкъ — говаривалъ онъ своимъ пріятелямъ — чертъ знаетъ, что такое! Въ священномъ писаніи сказано: не добро человѣку жити одному.... Да, наконецъ, для кого, для чего тружусь я въ потѣ лица? — Вѣдь не для себя же, а для будущаго потомства моего!

Энергически сталъ онъ прискивать себѣ посредницу между имъ и его потомствомъ.

Нашлась наконецъ посредница въ видѣ молодой и довольно пригожей купеческой вдовы Макробиной, не за долго предъ предъ тѣмъ потерявшей своего мужа, кунца первой гильдіи.

Познакомившись съ ней, Онуфрій Алексѣичъ сталъ частенько навѣщать ее, подносить кое-какіе подарочки, и хотя отнюдь не былъ привлекательной наружности, а успѣлъ таки поправиться ей.

А ужъ какъ онъ говорилъ. И не купеческая вдова могла расплавиться отъ его велеречія!

Вотъ дѣло и пошло на ладъ, да такъ пошло, что пришлось наконецъ подумать о счастливомъ исходѣ его...

Надо однако отдать справедливость благоразумію Онуфрія Алексѣича. Другой, упоенный успѣхомъ, предался бы сладостной пѣгѣ; говоря проще: упустилъ бы изъ виду обезпеченіе будущаго потомства; но секретарь гражданской палаты былъ мужъ строгихъ правилъ и убѣжденій!...

Расточая ласки п, повидимому, весь отдавшись теплomu чувству любви къ молодой женщинѣ, онъ не приминулъ собрать подробныя свѣдѣнія о финансовыхъ обстоятельствахъ «своего прѣдмета; — и наконецъ предложилъ себя вдовѣ въ безвозмездные ходатаи по ея довольно запутаннымъ дѣламъ.

Вооружившись довѣренностію, Онуфрій Алексѣичъ принялся усердно хлопотать. Никогда не приходилось еще Макробиной подписывать столько разныхъ бумагъ.

Послѣднею былъ вексель на имя Звонковскаго по тому случаю, что онъ успѣлъ передать ей въ разные времена порядочное таки количество рублевиковъ; ея же собственныя доходы, собираемые Онуфріемъ Алексѣевичемъ, шла, по его словамъ, на уплату безчисленнаго множества долговъ покойнаго ея мужа.

— Что же Анна Карповна, сказалъ онъ разъ молодой вдовѣ: — срокъ вашего траура истекаетъ — соблаговолите осчастливить меня вашей драгоценной ручкой!

Анна Карповна задумалась.

— Это необходимо, продолжалъ Звонковскій: — ваше положеніе — сами знаете.... Злые языки пстерзаютъ насъ; а скрыть шила въ мѣшкѣ невозможно....

Анна Карповна прослезилась.

— Вы меня погубили, прошптала она: — я... васъ... боюсь, — вы ревнивы, да къ тому же....

Онуфрій Алексѣичъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ комнаты.

Въ тотъ же день вдовѣ принесли письмо отъ Звонковского.... Она слегла въ постель, не отъ нервическаго удара, а отъ лимфатической горячки, и черезъ двѣ недѣли уже ѣхала въ имѣніе своего жениха, который, взявъ семидневный отпускъ изъ палаты, явился туда вслѣдъ за нею, гдѣ немедленно и обвѣнчался въ приходской церкви.

Въ глинскихъ присутственныхъ мѣстахъ стало однимъ холостякомъ менѣе. А три мѣсяца спустя, Анна Карповна Звонковская извѣщала своего супруга, съ нарочнымъ, что разрѣшилась отъ бремени, въ его помѣстьи Сапожникахъ, младенцемъ, наименованнымъ въ честь папеньки Онуфріемъ.... Возрадовался секретарь гражданской палаты, и набожно перекрестился; но умолчалъ о своей *прибыли*....

Лишь только чрезъ полгода привезъ онъ изъ деревни свою жену, и, представивъ ее глинскому обществу, объявилъ о томъ, что онъ *отецъ*.

Вмѣстѣ съ Анною Карповною переѣхала въ городъ и сестра Онуфрія Алексѣевича, Сашенька, уже значительно подросшая.

Мирно зажила семья Звонковского.

Анна Карповна вздумала было первое время похорохориться, *характеръ* свой выказать, но мужъ счумѣлъ ее осадить сразу такъ, что она ужъ больше и не думала брать удла въ зубы.

— Женщина — созданіе слабое; она должна быть послушна, кротка, сталъ поучать свою жену отецъ Онички

(такъ называлъ Звонковскій малютку-сына):— ея дѣло въ кладовой, въ дѣвичьей, тамъ она полная хозяйка, а до всего остальнаго она не должна касаться, иначе помѣшаетъ мужу, законному главѣ семейства!...

Анна Карповна нагнула выю подъ суровой дланью своего супруга повелителя. И все пошло гладко и мирно.

Но судьба неразборчива; она иногда даетъ чувствительные щелчки и своимъ избраннымъ кліентамъ.

Звонковскому пришлось скоро горько оплакать неблагодарность людей и узнать всю тщету кровныхъ привязанностей.

Петенька— военный, братъ его, взявъ отпускъ, пріѣхалъ къ нему на побывку. Онуфрій Алексѣичъ принялъ его въ полныя объятія, кормилъ на убой, ласкалъ, какъ роднаго сына.

Приблизился наконецъ день отъѣзда Петеньки. Наканунѣ онъ пришелъ къ старшему брату въ кабинетъ и повелъ такую рѣчь:— «дайте мнѣ, братецъ, денегъ. Я много долженъ въ полку.»

— Что же Петенька, я этому не причиною, что ты надѣлалъ долговъ. Я не имѣю денегъ, воля твоя. Какъ члену семейному, мнѣ надо думать о будущемъ— и конечно болѣе, чѣмъ тебѣ, холостому.

— Да, помилуйте братецъ, я многого и не требую, всего какихъ-нибудь тысячу рублей!

— Ты меня удивляешь Петенька. Да гдѣ же мнѣ взять такія деньги? Имѣнье у меня маленькое, доходы съ него самыя ничтожныя, жалованье получаю скудное, а ты просишь, какъ у Креза.

— Вамъ стыдно это говорить! Вы значитъ обманули и меня и Васеньку;— вздоромъ по губамъ помазали, а себѣ взяли все имѣніе, благо старше и опытиѣ насъ были.

Огорчился Онуфрій Алексѣичъ, даже слезы показались на его глазахъ.

— Грѣшно, Петенька, грѣшно и безсовѣстно подозрѣвать меня въ такомъ злодѣйскомъ поступкѣ. Я боюсь, чтобы Богъ не наказалъ тебя за твою гнусную неблагодарность!...

Тѣмъ разговоръ и кончился. Петенька уѣхалъ.

Но не успѣлъ Онуфрій Алексѣичъ оправиться отъ огорченія, какъ посѣтило его новое и болѣе чувствительное горе.

Васенька, видно раззадоренный офицеромъ-братцемъ, прислалъ ему отиѣнно дерзкое письмо. Онъ упрекалъ его въ обманѣ, но денегъ не требовалъ.

Особенно конецъ письма оскорбилъ Звонковскаго. Иванъ Петровичъ сообщилъ намъ его содержаніе почти слово въ слово.

«Вы, Онуфрій Алексѣевичъ, человекъ какихъ много; но скорблю, что одинъ изъ этихъ многихъ, братъ мой. Скорблю потому, что презирать родныхъ по крови, невыносимо тяжело, лучше постараться забыть ихъ. Вотъ все, что я могу сдѣлать въ отношеніи васъ.»

— У меня нѣтъ болѣе братьевъ! сказалъ Звонковскій своей женѣ: — я васъ прошу никогда не помнить мнѣ про нихъ, прибавилъ онъ мрачно.

Кто-то сказалъ, что только счастливымъ людямъ выпадаетъ на долю разомъ нѣсколько несчастій. Остальные же смертные страдаютъ всю жизнь *по-немногу*: и сегодня, и завтра, и послѣ завтра и такъ — до самой смерти. Счастливый же оттерѣлся разъ хорошенько, — ну и помно! Правда, нужно умѣть выдержать этотъ натискъ; нужны здоровые нервы, крѣпкія мышцы, чтобы не пасть подъ ударами судьбы, быстро слѣдующими одинъ за другимъ. — Все это такъ, — да вѣдь въ томъ-то и состоитъ счастье этихъ дилыхъ, что они въ состояніи удержаться на ногахъ, какъ бы ихъ не принялась бить судьба.

Поколотили таки злыя обстоятельства почтеннаго Онуфрія Алексѣевича.

Вслѣдъ за двумя кровными оскорбленіями послѣдовала тяжкая для него утрата. Оничка скончался. Но не успѣлъ бѣдный отецъ прійти въ себя отъ этого удара, какъ новый ударъ хлопнулъ прямо въ голову....

Сестра Сашенька влюбилась!

— Благословите меня на бракъ любезный братецъ, — сказала она ему стыдливо краснѣя: — мнѣ очень понравился Петръ Петровичъ Сидоровъ и я... ему понравилась!

— Что такое? спросил секретарь, — тебѣ по-ю-билея Сидорова, продолжалъ онъ, спотыкаясь на каждомъ слогѣ, и презрительно улыбаясь: — этотъ мальчишка, неучъ, который таскаетъ ко мнѣ на домъ бумаги изъ палаты?... Какія ты глупости говоришь Сашенька, я за тебя краснѣю!

Молодая дѣвушка вспыхнула.

— Отчего же глупости братецъ? прошептала она боязливо.

— Отъ того что... Если ты не выкинешь этого вздора изъ головы, то ты мнѣ не сестра! энергически заключилъ Звонковскій и — вышелъ изъ комнаты.

Черезъ недѣлю Сашенька тайно обвинчалась съ Сидоровымъ.

«Вамъ не угодно было устроить моего счастья, такъ я принуждена была помимо васъ имъ заняться» — писала она брату: — «когда вамъ подадутъ этотъ пакетъ, я уже буду женою Петра Петровича.»

Разовръгнулъ Звонковскій, но не потерялся.

Въ то же утро отправился онъ въ палату, и доложивъ конфиденціально предсѣдателю о дерзкомъ поступкѣ чиновника Сидорова, просилъ исключить его изъ списка служащихъ подъ его начальствомъ, яко неблагонамѣреннаго и заворскаго поведенія человѣка; — потомъ, думалъ было ѣхать къ архіерею жаловаться на священника, обвинявшаго сестру его, но, убѣжденный однимъ изъ своихъ друзей, оставилъ дѣло безъ послѣдствій и предалъ его суду Божию. Къ тому же сердце его внезапно размячилось: у него радилась въ этотъ же горестный день дочка, по имени Вѣра (въ честь супруги предсѣдателя гражданской палаты).

Сестрица куда-то исчезла съ своимъ возлюбленнымъ, точно въ воду канула....

Прошло года четыре.

Онуфрій Алексѣичъ былъ выбранъ благороднымъ глинскимъ дворянствомъ въ засѣдателя палаты; дочка его развивалась и крѣпла; жена становилась все слабѣе и слабѣе (она страдала нервными припадками); денежный капиталъ его, — по словамъ его недоброжелателей — росъ не по днямъ, а

по часамъ; уваженіе къ нему глинскаго общества возрастало въ той же пропорціи: судьба явно покровительствовала своему баловню. И, видимое разрушеніе Анны Карловны нисколько не нарушало душевнаго спокойствія ея мужа. Правду сказать, онъ давно тяготился своей чахлой половиной, и въ минуты откровенности признавался, что пора бы возвратиться къ прежнему независимому состоянію....

Бѣдная, богатая вдова! — Она родилась ступенькой, подставкой, чрезъ которую шагнулъ Онуфрій Алексѣевичъ, и не оступился. Поставивъ жену, какъ игрокъ ставитъ карту, случайной цѣлю своего богатства, онъ выигралъ и карта болѣе ему ненужна. Обнявъ горячо младенца Вѣру и прижавъ его въ послѣдній разъ къ своей впалой груди, она ушла прочь отъ людей, искупивъ минуту увлеченія тяжкими страданіями. Надъ могилой ея поднялся богатый памятникъ съ слѣдующею эпитафією: «Миръ праху твоему! Мать нѣжная и примѣрная супруга, прощай до радостнаго дня.» Послѣ смерти жены, Звонковскій вышелъ въ отставку. Онъ, какъ будто усталъ — по крайней мѣрѣ, онъ самъ такъ выразился на дворянскихъ выборахъ, по истеченіи шестилѣтняго служенія засѣдателемъ гражданской палаты. Однако дѣятельной натурѣ его тяжело было остаться въ бездѣйствіи.... Побывъ въ Петербургѣ, Звонковскій вернулся оттуда глинскимъ откупщикомъ.

Съ новой карьерой, онъ вдругъ выпрямился. Смиренный секретарь, скромный засѣдатель утонули въ откупщикѣ. Домъ его заблестѣлъ богатою мебелью, штофомъ и бронзою.... Столовая наполнилась посѣтителеми, передняя официантами.

Дочь его Вѣрочка стала появляться въ гостиной, въ сопровожденіи Француженки-гувернантки, выписанной изъ Петербурга за баснословную цѣну.

Пятилѣтній ребенокъ, привыкшій къ тишинѣ маленькой дѣтской, въ душной спальнѣ больной матери, робко поглядывалъ на толпу, которая нахлынула въ комнаты эксъ-засѣдателя. Нужно ли говорить, что маленькая квартира Звонковскаго замѣнилась двухъ-этажнымъ каменнымъ домомъ.

Гувернантка, выписанная изъ столицы, Юлія Придѣ, цѣлою не думала быть воспитательницею. Покойный мужъ

ея—природный Французъ—пріѣхалъ съ нею въ Россію лекторомъ въ университетъ, но поживъ лѣтъ десять въ Петербургѣ захотѣлъ вернуться на родину. Судьба иначе распорядилась имъ: недѣли за двѣ до предполагаемаго отъѣзда за-границу онъ простудился и умеръ, оставивъ жену въ крайне стѣсненномъ положеніи. Кромѣ двухъ тысячъ ассигнаціями у него ни чего не оказалась, а долговъ приходилось заплатить тысячъ до пяти.

Въ это время, старинный знакомый Звонковскаго искалъ, по его просьбѣ, гувернантку - Француженку для маленькой Вѣры. Судьба наткнула его на мадамъ Прадо. Онъ предложилъ ей тысячу рублей, и она, — посовѣтывавшись съ своимъ консуломъ, — согласилась, хотя не безъ страха. Внутреннія губерніи Россіи казались ей чѣмъ-то весьма похожимъ на безкончныя степи, въ которыхъ можно умѣреть отъ ужаса и скуки. И еслибъ попросили ее отправиться во внутренность Африки или въ Новую Гренландію, она менѣе испугалась бы своего путешествія. Но четыре тысячи франковъ впереди или, безъ нихъ, гнетущая бѣдность, убѣдили ее посѣлиться въ домѣ Звонковскаго.

— Вотъ ваша будущая ученица, сказалъ откупщикъ, подводя къ ней свою пятилѣтнюю Вѣрочку.

— Oh! comme elle est charmante! прошептала Француженка, взглянувъ на ребенка.

Вѣрочка посмотрѣла на новое лицо пристально. Должно быть ей понравилась мадамъ Прадо. Она подошла къ ней и улыбнулась.

— Я полюбила тебя съ первой же минуты, повторяла потомъ Француженка Вѣрѣ.

— И я тоже! отвѣчала ей всегда воспитанница.

Вся особа тридцатилѣтней мадамъ Прадо, выразила идею жюжскаго достоинства и той неуловимой граціи, которую даетъ природа и воспитаніе.

Въ задумчивыхъ глазахъ ея струилась безконечная доброта, — выразительное ея лицо по неволѣ правилось, влекло къ себѣ.

Звонковскій словно боялся ее. Онъ былъ съ ней даже поч-

тителевъ, не смотря на то, что не она ему, а онъ платилъ ей деньги.

Впрочемъ Онуфрій Алексѣевичъ не вдругъ началъ уважать мадамъ Прадѣ; — онъ сначала рѣшился было подчинить себѣ ее по праву найма, и даже разъ очень рѣзко замѣтилъ ей (мѣсяца черезъ два послѣ вступленія къ нему въ домъ), что она обязана слушаться его, что Вѣра *его* дочь, а не *ея*.

(Все это было сказано съ извѣстнымъ тономъ откормленнаго откупщика, и плохимъ французскимъ языкомъ).

Гувернантка отвѣчала, что если *ея* система воспитанія не нравится *Mr. Звонковскій*, то она готова сейчасъ же оставить его домъ.

Тонъ *ея* былъ такъ увѣренно-спокоенъ, что Звонковскій смутился.

Эта минута рѣшила вопросъ о воспитаніи Вѣры.

Мадамъ Прадѣ начала свой трудъ съ любовью матерью; *ея* осиротѣвшее сердце привязалось къ малюткѣ Вѣрѣ. Дѣвочка въ свою очередь сильно полюбила *ее* и сама не знала за что: за голосъ ли Юліи (такъ стала она называть Француженку), который такъ ласкалъ ребяческое *ея* ухо; за глаза ли *ея* такъ иѣжно смотрѣвшіе въ умное лицо дѣвочки; за веселія ли *ея* рѣчи — почему она знала... Дѣло въ томъ, что живая связь между педагогомъ и воспитанницею уже образовалась! Дѣвочку не смущало присутствіе гувернантки, *ей* не хотѣлось уходить куда-нибудь, чтобы пошалить на свободѣ, напротивъ *ей* было вдвое веселѣй въ присутствіи Юліи. Юлію такъ смѣшили *ея* дѣтскія шалости!

Настало наконецъ время учить дѣвочку (*ей* исполнилось семь лѣтъ); но о томъ, что оно настало, она узнала не прежде, какъ уже первыя тайны азбуки были *ей* вполне извѣстны. Она поняла ихъ шутя «между куклой и мячикомъ.» Никогда не говорила *ей* Юлія: «учись, учиться *надо*», иначе надъ тобою все будутъ смѣяться, и назовутъ тебя дурочкою», и не смотря на то, дитя училось, само того не замѣчая, училась не *из-за чего* иибудь, а потому что *ей* нравилось и хотѣлось учиться.... Юлія такъ увлекательно рассказывала! Дитя не могло до сыта *ее* послушаться, хотя чудные рассказы тѣ были не сказки про уснувшихъ краса-

виць да про рыцарей - избавителей, а эпизоды изъ дѣйствительной жизни, легкіе очерки изъ натуральной исторіи. Смотрѣла ли Вѣрочка на луну, любовалась ли она вечерней звѣздой, прикасалась ли она къ цвѣтку или зеленой вѣтви дерева, Прадѣ умѣла растолковать ребенку смыслъ каждаго явленія и заронить въ его душу доброе впечатлѣніе.

Но заботясь о нравственномъ и умственномъ ея развитіи, Юлія обращала чуть ли не большее еще вниманіе на ея физическое здоровье.

И дитя строилось, крѣпло.

Станъ его, не стѣсненный преждевременно корсетомъ, становился гибкимъ и прямымъ: лицо — приученое къ холоду и къ зною было свѣжо, какъ полевой цвѣтокъ, распустившійся на свободѣ; движенія рукъ и ногъ естественны, потому что танцмейстеру еще не удалось придать имъ ту условную грацію, которая такъ кидается въ глаза въ дѣтяхъ, исполняющихъ едва изъ колыбели и *à de шамъ* и всякія другія *à*, къ превеликой утѣхѣ своихъ нѣжныхъ папенокъ и маменокъ.

Звонковскій, глядя на Вѣрочку, только удивлялся. «Ты у меня будешь молодецъ - дѣвочка» говорилъ онъ, трепля ее за щечку.» Это случалось довольно часто, — иногда по утрамъ, когда Вѣра приходила къ отцу поздороваться, а чаще послѣ обѣда.

Остальное время Онуфрій Алексѣичъ не видѣлся съ дочерью. Ему было нѣкогда; онъ хлопоталъ и денно и ночью о ея будущемъ. Последнее онъ повторялъ часто, но не просто, а съ глубокимъ умилениемъ во всѣхъ чертахъ своего лица.

И дѣйствительно онъ ничего не жалѣлъ для воспитанія Вѣры. Не заступись за ребенка Юлія, — ретивый отецъ заучилъ бы его до смерти. «Моя дочь должна все знать — я не хочу, чтобы она когда нибудь могла упрекнуть меня въ томъ, что я не далъ ей средствъ къ блестящему образованію! Не такъ ли Юлія Францовна?» спрашивалъ Звонковскій гувернантку.

Прадѣ молча соглашалась.

— А знаете ли что, мы изъ нея сдѣлаемъ знатную ба-

рыню, графиню, продолжалъ Звонковскій, — съ ея роскошнымъ воспитаніемъ и... будущими средствами ей не придется выйти за какого нибудь чиновника или общипаннаго помѣщика.... если судьба повезетъ, мы ее пристроимъ важнымъ образомъ!...

— Постарайтесь сдѣлать ее счастливою — отвѣчала ему Юлія.

— Ну да объ этомъ-то я и говорю, доканчивалъ нѣжный отецъ и задумывался. Фрунцуженка тоже задумывалась. Одна только будущая графиня беззаботно поглядывала своими умными глазками и на божій міръ и на свои книги и на папеньку.

Время шло. Дѣвочка строилась въ женщину, и превращеніе это начало совершаться такъ быстро, что Юлія призадумалась. Сосредоточенность и пропидательность молодого ума Вѣры стали смущать ее. Духъ анализа развился съ такою силою въ пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ, что она рѣшительно не знала какъ и что отвѣчать ей, когда подъ-часъ разговоръ касался вопросовъ, которые, кажется, должны были превышать силы молодой дѣвушки. — Но разъ возбужденный вопросъ не давалъ покоя Вѣрѣ. Оставлять ее въ недоумѣніи тоже было невозможно. Мечтательная и пытливая ея натура занесла бы ее въ міръ фантазій, который въ состояніи населить пылкую голову такими обоятельно-ложными представленіями.... И мучительно сознавалась добросовѣстная мадамъ Прадѣ, что она увлеклась своею горячею любовью къ ввѣренному ей ребенку, слишкомъ быстро развила, подвинула ее впередъ.

Напрасно впрочемъ было бы упрекать Юлію въ ея увлеченіи; причину преждевременнаго развитія Вѣры нужно было искать въ участіи, которое вдругъ принялъ Звонковскій въ дѣлѣ ея воспитанія.

Перемѣнивъ званіе откупщика на званіе главноуправляющаго имѣніями графа Линовскаго, проживавшаго съ своимъ семействомъ за-границею, Онуфрій Алексѣичъ переѣхалъ на житье въ столицу. И странно, — принявъ на себя трудныя обязанности: привести въ порядокъ крайне разстро-

няя дѣла графа, онъ — прежде дѣятельный, неутомимый — предался вдругъ совершенному бездѣйствію, ограничивъ кругъ своихъ занятій поверхностнымъ надзоромъ за главной конторою и частою посылкою къ своему патрону денегъ за границу. Слѣдовательно большую часть дня онъ проводилъ дома и на досугѣ принялся учить Вѣру трудной науки жизни.

Часто, послѣ продолжительныхъ лекцій, Вѣра возвращалась въ свою комнату и просиживала цѣлые часы въ глубокой задумчивости. Она соображала, хотѣла *понять* и — не могла. Слова отца, какъ плодъ его житейской опытности, пополамъ съ соромъ и грязью прожитыхъ имъ дней, грубо отзывались въ сердцѣ дочери, навѣвали такой холодъ на ея нѣжную душу, что она не могла не задуматься. Реакція происходила незамѣтно. Все привитое къ ней женскимъ гуманнѣйшимъ воспитаніемъ Юліи, и соединенное съ вражденнымъ стремленіемъ къ добру и истинѣ, не могло не начать упорной борьбы съ новыми понятіями, которыя такъ деспотически и слѣдственно бездоказательно хотѣлъ въ нее вложить отецъ ея.

Человѣку сродно, ему необходимо вѣрить тому, кого онъ любитъ; — и бѣдное дитя, полное горячей любви къ Юліи и естественной, кровной привязанности къ отцу, очутилась вдругъ между двумя противными потоками.

Юлія открыла ей міръ чисто-идеальный, полный любви и симпатій къ ближнему; она учила ее искать счастья не въ наружномъ блескѣ, а въ тихомъ семейномъ спокойствіи; она старалась указать ей на благородныя стороны труда и возбудить искреннюю любовь къ нему. «Полюби знаніе и искусство, говорила она, и они полюбятъ тебя.» Иныя правила ввѣшалъ отецъ своей дочери. «Не вѣрь людямъ, говорилъ онъ, когда они вздумаютъ убѣждать тебя, что любятъ. Прежде размотри ихъ. *Даромъ* никто теперь не любитъ; это я знаю по опыту. Повѣрь мнѣ, я твой отецъ; никто не можетъ желать тебѣ столько добра, какъ я.»

Вѣра удивилась.

«Будь со всѣми ласкова, старайся всѣмъ нравиться и хорошимъ и дурнымъ, и тѣ и другіе могутъ пригодиться въ

жизни. — «Я для того и далъ тебѣ такое блистательное образованіе, чтобы свѣтъ обратилъ на тебя вниманіе. Образованіе — лучшее средство для дѣвушки сдѣлать блистательную партію, выйти за знатнаго человѣка....

— Да развѣ непременно нужно выйти замужъ? спрашивала Вѣра. (Объ этомъ ей никто не говорилъ прежде.)

— Ну конечно. Богатый мужъ будетъ тебя веселить, наряжать какъ куколку, повезетъ на балы во дворецъ.... Ахъ, когда я дождусь этого наслажденія; это будетъ мнѣ лучшей наградой за всѣ жертвы, которыя я принесъ для твоего счастья.... Только поступиай умненько! — старайся понравиться человѣку знатному, не такъ какъ дѣлаютъ иногда глупыя дѣвушки, которыя учатся, учатся, а потомъ и выходятъ Богъ знаетъ за кого!

— Да развѣ надо не для себя учиться, а только для другихъ?

— Нѣтъ, отчего же, — оно пріятно само по себѣ, а главное-то для того, чтобы свѣтъ не осмѣялъ, чтобы онъ не сказалъ: какая мужичка, видно родители были у нея пустые люди, вовсе не занимались ею!...

— А мнѣ Юлія говорила, что чѣмъ болѣе женщина знаетъ, тѣмъ она становится лучше, и что напротивъ въ свѣтѣ ничѣмъ не занимаются, кромѣ выѣздовъ и нарядовъ...

— Какой вздоръ! Она говоритъ это потому, что бѣдная, а бѣднымъ нѣчего дѣлать въ свѣтѣ. Деньги — все. Безъ денегъ человѣкъ пропасть. Деньгами приобрѣтается и любовь и уваженіе людей, т. е., они будутъ оказывать тебѣ и то и другое, если у тебя много золота, а если нѣтъ его — отвернутъ. Таковы люди, повѣрь мнѣ....

Подобные разговоры повторялись часто. Тоскливо сжималось отъ нихъ впечатлительное сердце Вѣры — они такъ противорѣчили всему, что говорила ей Юлія; а вмѣстѣ съ тѣмъ отцу нельзя не вѣрить, онъ любитъ ее, всѣмъ для нея пожертвовалъ и живетъ - то только для нея, — онъ самъ ей это не разъ говорилъ.

Но какъ можно перестать вѣрить Юлію, перестать вѣрить — значитъ перестать любить. Разлюбить Юлію!... Нѣтъ, это невозможно. При одной мысли объ этомъ сердце ея за-

мирало отъ боли и она, въ невольномъ порывѣ тоски, кидалась на шею къ мадамъ Прадò, взволнованная до глубины души.

— Что съ тобою дитя? спрашивала ее заботливо Юлія.

— Миѣ жить грустно, Юлія! шептала Вѣра. Юлія задумчиво начинала гладить ея милую, бѣлокурую головку. «Полю Вѣра — тебѣ улыбается жизнь, ты такое доброе, хорошее дитя»... говорила Юлія, осыпая поцѣлуями «свое сокровище», какъ она ее называла въ минуты особой задушевности.

Слова наставницы, пророчившія ей счастье, упоковали молодую дѣвушку. Умъ ея переставалъ работать, голосъ ея покрывался громкимъ голосомъ сердца, летѣвшимъ на встрѣчу словамъ неподдѣльной горячей любви...

Но отчего же Вѣра танла отъ Юліи причину своихъ волненій, отчего не передавала она ей словъ отца?

Оттого видно, что онѣ слишкомъ рѣзко противорѣчили мыслямъ и убѣжденіямъ Юліи. Въ этомъ молчаніи оказалась благородная, истинно-женская натура.

Понятно однако, что подобная борьба въ молодомъ существѣ не могла остаться безъ послѣдствій. Исходъ борьбы: торжество одной стороны надъ другою.

Юліи пришлось торжествовать. Но чего стоило это торжество бѣдной Вѣрѣ!

Любить отца она не перестала, но сила любви къ нему замѣтно въ ней ослабѣла.... Въ душу ея закралось тяжелое чувство недовѣрія къ нему. Для мертвой морали Онуфрія Алексѣича нашлось живое, грустное приложеніе къ дѣлу...

Этому помогли еще болѣе обстоятельства.

Каждое лѣто семейство Звонковскаго проводило въ селѣ Бѣлопольѣ (имѣніи графа Линовскаго). Вѣра уѣзжала съ гувернанткою весною, а отецъ ея мѣсяца два спустя, потому что отправлялся обыкновенно осматривать въ это время другія имѣнія своего патрона.

Разъ онѣ пробылъ въ городѣ чуть ли не все лѣто, по случаю накопленія разныхъ дѣлъ, какъ онѣ писалъ Вѣрѣ, и явился въ деревню въ концѣ Августа, въ сопровожденіи дѣ-

вочки лѣтъ десяти, которую и отдалъ на попеченіе старой экономки Ананьевны.

На вопросъ дочери, откуда онъ взялъ Машу (такъ звали дѣвочку), онъ отвѣчалъ, что она круглая сирота и что онъ рѣшился дать ей приютъ въ своемъ домѣ, видя ея безпомощное положеніе. — «Она дочь бѣднаго чиновника, котораго я зналъ нѣкогда во время моей службы», окончилъ онъ. Вѣра привязалась къ сироткѣ. Бѣдняжка грустила, ея большіе черные глаза такъ задумчиво глядѣли; во всѣхъ чертахъ хорошенкаго личика ея, было разлито столько скорбнаго чувства....

— О чемъ ты все грустишь Маша? спросила ее разъ Вѣра.

— Развѣ вы не знаете? — отвѣчала та и зарыдала.

— Нѣтъ, не знаю.

— Да развѣ вамъ жаль меня?

Вѣра ее молча поцаловала.

Маша отерла слезы, обняла крѣпко Вѣру и прошептала: «Я вамъ все расскажу, вы такіе добрыя!»

«Годъ тому назадъ мы жили втроемъ: я, папа и мама въ маленькомъ городѣ Морховѣ. Папа тамъ служилъ. Квартирка была маленькая: всего двѣ комнатки. Папа рѣдко бывалъ дома. Мама часто плакала и часто, бывало, цѣловала меня. Она меня очень любила, все разговаривала со мною, учпла читать и писать.... Папа постоянно бранилъ за что-то маму, сердился, и разъ даже сказалъ, что не будь ея, онъ жилъ бы хорошо. Особенно часто вспоминалъ онъ брата маменьки, прибавляя, что онъ обманулъ ее.... Мама очень убивалась.

«Разъ какъ-то папа вернулся домой поздно ночью, легъ въ постель, да ужъ и не вставалъ — умеръ. Мама зарыдала и упала на полъ; вся похолодѣла. Мнѣ сдѣлалось страшно, и стала кричать. Пришла сосѣдка, посмотрѣла на отца. «Ишь пьяный — должно быть, ударъ хватилъ!» Я такъ разсердилась, что даже забыла о мамѣ, которая все лежала на полу. Сосѣдка стала ей лить воду на голову. Она очнулась.... Потомъ пришли какіе-то люди, поговорили о чемъ-то, наконецъ принесли бѣлый гробъ и снесли папу на кладбище. На

Другой день вечеромъ мама взяла бумагу и стала что-то писать, но едва могла кончить, — она была слабенькая, такая худенькая. «Молись Маша, сказала она мнѣ, молись, а то, если по этому письму ничего не выйдетъ, то намъ дурно будетъ!» Я стала на колѣни и мама тоже. Мы обѣ плакали, да и холодно очень было, и ѣсть то мнѣ хотѣлось, а хлѣбъ весь съѣли утромъ.... Ахъ! какъ трудно было тогда.... Ужъ не знаю какъ мы прожили еще мѣсяць, все что было продали.... Наконецъ въ одно утро принесъ почтальонъ листикъ какой-то, — мама вскрикнула и стала меня крѣпко цѣловать, а у самой слезы такъ и льются, такъ и льются.... Потомъ она пошла на почту, принесла письмо и деньги. На деньги эти наняла сани въ одну лошадку, вотъ мы и поѣхали. Господи, чего мы въ дорогѣ-то не намучились! Шубъ не было, а мама все меня грѣла, да безъ мѣха трудно — ну, я вижу что она ужъ очень за меня боится, я и молчу, а сама едва удерживалась, чтобы не кричать: такъ морозъ и щипалъ мнѣ руки и ноги. Ъхали мы долго. Вотъ пріѣхали въ большой городъ; остановились въ какомъ-то домѣ. Я осталась съ извозчикомъ, а мама уѣхала; потомъ вернулась и сказала мнѣ, что вечеромъ ея братъ пріѣдетъ. Но, не дождавшись брата, легла отдохнуть, голова разболѣлась.... Вѣрно на дорогѣ очень застудила себя. Жаръ сдѣлался, стала метаться на постелѣ; вечеромъ услышала я чей-то незнакомый мужской голосъ. Дверь отворилась и вошелъ — вашъ отецъ. Мама видно не узнала его, говоритъ: «братецъ, я не могу встать, — вотъ Маша моя!»

«Отецъ вашъ поглядѣлъ меня по головѣ и вышелъ изъ комнаты. Скоро пріѣхалъ докторъ, видно вашъ отецъ посылалъ за нимъ, и объявилъ, посмотрѣвъ на маму, что у нея какая-то мудреная болѣзнь отъ простуды; выходя онъ шепнулъ что-то вашему отцу, показавъ на меня.... Поздво уѣхалъ вашъ отецъ отъ насъ. Къ мамѣ пришла какая-то старушка и осталась всю ночь.»

«На другое утро опять пріѣхалъ Онуфрій Алексѣичъ и докторъ, который велѣлъ позвать священника. Я испугалась и закричала. Мама открыла глаза. (Она съ самаго вечера не открывала ихъ и тяжело дышала).»

— Братецъ, сказала она, видно опять принимая вашего отца за брата своего, который обманулъ и не пріѣхалъ: — вы позаботьтесь о ней, о моей Машѣ, она останется одна! Отецъ вашъ обѣщалъ. Къ вечеру мама умерла. Ужъ какъ она меня обнимала, какъ цѣловала!... Боже мой, я этого никогда не забуду.... Похоронили маму. На похоронахъ не было ни вашего отца, ни брата мамы, котораго я такъ и не видала....»

«Послѣ этого меня взяла какая-то старушка къ себѣ, но мнѣ было дурно у ней. Я все плакала, а она на меня сердилась. Отецъ вашъ пріѣзжалъ раза два къ ней и старушка провожала его всегда на улицу. Со мною вашъ отецъ совсѣмъ не говорилъ. Онъ кажется строгій, — я его боюсь!... Вотъ вы, да Француженка добрыя — я полюбила васъ!... А вѣдь странно, вы вотъ еще и не знали меня, когда отецъ вашъ уже успѣлъ мнѣ сдѣлать много хорошаго и все-таки... я его боюсь!..» окончила Маша.

Съ слезами на глазахъ выслушала Вѣра дѣтскій рассказъ сиротки и въ тотъ же день стала просить отца позволить ей заняться воспитаніемъ Маши. Отецъ не вдругъ согласился. Онъ сказалъ, что Маша бѣдная дѣвушка и что ей вовсе не нужно учиться многому, потому что будущее ея не будетъ блестяще, слѣдовательно лишнее знаніе скорѣе повредитъ ей въ томъ кругу, въ которомъ ей придется вѣроятно жить и проч. и проч.; но Вѣра настояла, Юлія помогла ей — и кровать Маши перенесли изъ чуланчика экономки въ свѣтлую и просторную комнату дочери Онуфрія Алексѣича.

Странно однако было положеніе сиротки въ домѣ ея благодѣтеля. Звонковскій обращался съ нею почти оскорбительно, такъ какъ обыкновенно обращаются съ дѣвочками-приживалками.

Вѣра и Юлія занимались ею, какъ сестра и мать, не смотря на то, что главѣ семейства это рѣшительно не нравилось.

— Вы избалуете ее, говорилъ онъ часто гувернанткѣ: — вѣсто добра вы дѣлаете ей вредъ.

Вѣру изумляло равнодушіе ея отца къ сироткѣ; ея юношеское сердце не понимало полу-благодѣній, — благоразуміе Онуфрія Алексѣича возмущало ее....

Прошло еще два года. Вѣру стали показывать свѣту. Звонковскій захлопотался: принялся украшать свою квартиру, дѣлать новыя знакомства и наконецъ объявилъ, что онъ даетъ балъ.

Насталъ день бала. Вѣра появилась въ освѣщенной залѣ, наполненной массой незнакомыхъ или почти незнакомыхъ ей людей. (До-тѣхъ-поръ у нихъ бывали, и то мзрѣдка, два, три семейства сосѣдей по деревнѣ, переѣзжавшихъ на зиму въ столицу).

Молодая хозяйка дома произвела странное впечатлѣніе.

Ее нашли красавицею, но она не *понравилась*. «Она корчитъ изъ себя графиню!» замѣтила тутъ же на балѣ одна генеральша. «Правда, правда!» отвѣчала жена откупщика. «И чего только она, дочь Звонковскаго, важничаетъ?» прибавила свояченица генеральши.

Барышни рѣшили, что она просто невоспитана, хотя и говорить на нѣсколькихъ языкахъ, она просто.... «*c'est une petite sottie, une poupée en bois.*»

Молодые люди окрестили ея красоту безжизненной и прозвали ее въ насмѣшку: «царевною не тронь меня!»

Вѣрѣ тоже не понравилось общество, окружившее ее.

Ее смутили развязность и пошлое обращеніе молодыхъ людей. Удвигли ее и разговоры барышень, эта затверженная наивность и распросы о такихъ вещахъ, о которыхъ она и не слыхивала. Наконецъ маменьки этихъ барышень такъ важно, такъ свысока обошлись съ ея Юліей!...

Вѣра рѣшительно обрадовалась, когда наступилъ великій постъ, пріостановившій безконечный потокъ вечеровъ и вечерянокъ.

За то Звонковскій почивалъ, какъ говорится, на лаврахъ. Его самолюбіе было удовлетворено.... Его Вѣра хороша, его Вѣра говорить по-французски, по-англійски, его Вѣра поетъ, его Вѣра нарядна, его Вѣрѣ удивляются, — нѣжныя попеченія его о ней не остались незамѣченными, *свѣтъ* одѣнилъ ихъ. Одно только тревожило сердобольнаго отца, —

неохота, съ которой Вѣрочка выѣзжала и принимала гостей.

Онъ не понималъ, что дочери его, воспитанной истинно образованной женщиной, не могло нравиться пестрое общество, состоявшее изъ степныхъ помѣщиковъ, разбогатѣвшихъ подъячихъ и разстолетѣвшихъ откупщиковъ, однимъ словомъ, то общество, которое стоитъ между дикой и полуобразованной жизнью. Отъ первой оно удерживаетъ всю грубость, отъ второй беретъ всѣ нечлѣпныя претензиі аристократической спѣси.

Мудрено ли, что здержанность и скромность нѣсколько застѣчивой Вѣры были приняты этимъ обществомъ за гордость и не благовоспитанность. Мудрено ли, что Вѣрѣ не понравился кругъ людей, котораго она рѣшительно не понимала.

За то, съ какимъ восторгомъ вернулась она къ своимъ привычнымъ занятіямъ, съ какимъ пламеннымъ усердіемъ принялась она за воспитаніе хорошенькой Маши. Тихія радости домашняго очага получили для нея новую цѣну. Опять сравнила она слова мадамъ Прадѣ съ словами отца своего, и опять согласилась съ Юліей.

На лѣто поѣхала она снова въ Бѣлополье. Черезъ мѣсяць явился туда Онуфрій Алексѣичъ и объявилъ, что Богъ услышалъ его молитвы, сподобилъ его окончательно устроить свои дѣла. Графъ Линовскій умеръ, имѣніе его пошло въ продажу съ акціону и бывшій главноуправляющій приобрѣлъ одно изъ нихъ — великолѣпное, но разоренное Бѣлополье...

Съ приобретениемъ новаго имѣнія, Онуфрій Алексѣичъ вдругъ измѣнилъ свой образъ жизни. О столицѣ онъ почти забылъ. Хлопоты по имѣнію поглотили все его время и дѣятельность; да къ тому же и квартира, на которой онъ жилъ въ Москвѣ, отошла отъ него вмѣстѣ съ званіемъ главноуправляющаго. Онъ сдѣлался необыкновенно расчетливъ!... Труды его не знали мѣры. Цѣлые дни проводилъ онъ, запершись въ кабинетѣ и большею частію съ другомъ своимъ Левандовскимъ (бывшимъ стряпчимъ Линовскаго), а

иногда уѣзжалъ съ нимъ вмѣстѣ на мѣсяцъ или на два, даже не говоря своимъ домашнимъ, куда отправляется.

Вѣра, Юлія и Маша зажили согласною, невозмутимо-тихою жизнію. Глава семейства предоставилъ имъ полную свободу скучать или веселиться.

— Ахъ Юлія, если бы всегда такъ жить—говорила часто Вѣра своей гувернанткѣ.

— Тебя ждутъ иныя радости на свѣтѣ, кто знаетъ будущее?—отвѣчала Юлія.

На лицѣ Вѣры отражался лучъ какой-то сокровенной души. Глаза ея, полузакрытыя длинными рѣсницами, смотрѣли въ даль «въ безпредѣльную, даль волшебную!... Какъ хороша бывала она въ эти минуты глубокой задумчивости, такъ хороша, что Маша иногда смотритъ—смотритъ на нее, а потомъ, подкравшись къ ней едва слышными шагами, наклонится къ ея плечу въ порывѣ дѣтскаго восторга....

— Что тебѣ Маша? спросить бывало молодая дѣвушка, встрепенувшись.

— Миѣ?—ничего. Миѣ захотѣлось только поцѣловать тебя,—ты такъ мила, ты лучше *всѣхъ* Вѣра!...

Блѣдныя щеки Вѣры загорались легкимъ румянцемъ.

Неподѣльный восторгъ обаятельно дѣйствуетъ на душу: въ немъ слышится голосъ правды, а правда въ чемъ и какъ бы она не выразилась—влечетъ къ себѣ магнетическою силою здоровья, неспорченныя натуры.

Мертвая, сухая мораль отца не только не привилась къ Вѣрѣ, напротивъ заставила ее еще болѣе вдуматься въ слова Юліи.

Прошелъ еще годъ. Звонковскій продолжалъ неумоимо работать. Разсчетливость его усилилась, а вмѣстѣ съ нею и разладъ его съ членами небольшого его семейства. Онъ сдѣлался мелоченъ и придирчивъ. Юлія стала замѣчать, что ея присутствіе сдѣлалось лишнимъ въ домѣ богатаго помѣщика. Она слишкомъ хорошо изучила характеръ Онуфрія Алексѣича, чтобы не понять его намековъ на огромныя, не нужныя издержки; но разстаться съ Вѣрою было жалко,

когда особенно, ея присутствіе было болѣе, чѣмъ необходимо для молодой дѣвушки.

Юлія чувствовала, что вліяніе отца погубить ея любимую питомицу, надъ которой она истратила такъ много заботъ, любви и участія.

Сердце ея ныло отъ одной мысли о разлукѣ. «Скоро прощусь я съ тобой,» думала она, прислушиваясь къ голосу Вѣры, раздававшемуся подъ высокими сводами барскаго дома.

Вѣра превосходно пѣла. Недостатокъ знанія и искусства искупался въ ея пѣніи глубокимъ смысломъ и рѣшительнымъ отсутствіемъ манерности въ выраженіи; отъ того-то оно и производило такое впечатлѣніе на слушателя, что даже Звонковскій, равнодушный ко всему прекрасному, говорилъ иногда, что его Вѣра «какъ-то особенно поетъ!»

— Ужь не влюблена ли она? спросилъ онъ разъ Юлію съ такой строгой миной, что та невольно улыбнулась:— чего добраго — продолжалъ нѣжный отецъ — она такая задумчивая всегда и все отъ книжскъ, да отъ разговоровъ о чувствахъ и тому подобномъ вздорѣ.

Улыбка исчезла съ лица Юліи.

— Ваша дочь всегда со мной, слѣдовательно и разговоры и книги.... начала было она.

— Вы всѣ женщины мечтательницы, перебилъ ее грубо Звонковскій:— а особенно изъ вашей націи.... Хе, хе, хе.... докончилъ онъ, смѣясь своимъ фальшивымъ смѣхомъ.

— Меня удивляетъ одно, что вы только теперь, послѣ пятнадцати-лѣтнихъ моихъ зонтиій съ вашею дочерью, опомнились, что женщины моей націи не годятся въ дѣлѣ воспитанія — отвѣчала съ достоинствомъ мадамъ Прадѣ.

Звонковскому стало совѣстно; онъ неловко извинился тѣмъ, что плохо говоритъ по-французски, что сказалъ не то, что думалъ. Солгать было ему ни почемъ. Подобныя сцены стали повторяться. Двадцать разъ собиралась Юлія разстаться съ домомъ Звонковскаго и каждый разъ — у нея не хватало силъ.

Отъ пытливыхъ глазъ молодой дѣвушки не скрылись странныя отношенія Онуфрія Алексѣича къ мадамъ Прадѣ, и послѣ долгихъ сомнѣній, она рѣшилась наконецъ объ-

ясниться съ отцомъ; но тотъ сейчасъ же остановилъ ее. «Что ты, душенька, сказалъ онъ ей, это тебѣ показалось, я по прежнему люблю Юлію Францовну, а если ты замѣтила какое нибудь измѣненіе въ нашихъ отношеніяхъ, то этому вовсе не я причиною, — *можетъ быть ей* самой хочется уѣхать отъ насъ, а по мнѣ живи она хоть сто лѣтъ въ моемъ домѣ, я очень радъ, тѣмъ болѣе, что ты ее любишь за нѣжныя заботы о тебѣ, мнѣ *даже* нравится въ тебѣ это высокое чувство благодарности къ наставникамъ, и тѣмъ хуже для мадамъ Прадò, если она платитъ тебѣ равнодушіемъ за твою похвальную къ ней привязанность; а впрочемъ, — душа моя, люди всегда люди — годъ тому назадъ я ей убавилъ, съ ея же согласія, жалованье, потому что работы ей теперь меньше и она, можетъ быть, хочетъ получать больше.... Эти наемныя особы всѣ таковы. Какъ волка не корми — а онъ все въ лѣсъ глядитъ!

Вѣра ничего не отвѣчала. Ее оскорбило разсужденіе отца. Она поняла намѣреніе его — заставить Юлію оставить ихъ домъ. У него на это были свои *разсчеты*; но зачѣмъ же онъ хитрилъ, къ чему игралъ онъ роль человѣка, готоваго на всякія жертвы для счастія и удовольствія ея? — вотъ этого она понять не могла.

Дѣло въ томъ, что ей, дѣвушкѣ съ душой, дѣйствительно была непонятна и загадочна любовь отца. Она любила, потому что привыкла любить и никогда не говорила о своемъ чувствѣ, считая его простымъ естественнымъ чувствомъ!...

Тогда какъ Звонковскій любилъ прежде всего себя самого въ дочери, и при первомъ столкновеніи ея интересовъ съ своими собственными, онъ и не задумался пожертвовать первыми во имя какой-то *разумной* необходимости, а вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не могъ не чувствовать, что люди пожалуй обвинять его въ скупости, даже болѣе того, въ равнодушіи къ привязанностямъ дочери его, слѣдовательно требовалось *умненько* устроить дѣло: прослыть нѣжнымъ отцомъ и исполнить свою непреклонную волю.

Кончилось тѣмъ, что молодая дѣвушка рѣшилась принести въ жертву свою глубокую привязанность, и послѣ му-

чительно откровеннаго разговора съ мадамъ Прадо, сказала отцу, что Юлія хочетъ оставить ихъ домъ.

Звонковскій принялся уговаривать Юлію остаться, и въ одно и то же время говорить съ нею о наслажденіи увидѣть снова давно покинутую родину....

Юлія поняла. Съ надорваннымъ сердцемъ разставалась она съ Вѣрой. Послѣдняя ночь прошла въ разговорахъ и сожалѣніяхъ. Долго за полночь свѣтился огонь въ комнатѣ Юліи.

На другое утро, сѣринькое и довольно холодное, тащился неуклюжій тарантасъ по вязкой дорогѣ. Исчезалъ изъ виду Прадо и домъ Звонковского и темная окрестная дубрава. Когда уже давно не видно было экипажа, Вѣра все еще стояла на балконѣ, устремивъ прощальный взоръ на дорогу, которая разлучила ее съ Юліей.

Въ то самое утро, когда Прадо покидала семейство Звонковского, а съ нимъ и «свое сокровище» — Вѣру, Митневъ посѣтилъ своего сосѣда.

(Окончаніе будетъ.)

ПАРАЛЛЕЛ.

(Статья 2-я.)

IV.

Города. — Узкія и широкія улицы. — Производство построекъ и новые дома. — Магазины и рынки. — Мясныя лавки и бойни. — Рестораны. — Жизненные припасы и цвѣты. — Похороны и кладбища.

Поговоривъ о селахъ и деревняхъ западной Европы, я скажу нѣсколько словъ и о городахъ. Но предупреждаю читателя, что я не буду рисовать картинъ ни самыхъ городовъ, ни городской жизни европейскихъ народовъ; не буду даже исчислять всѣхъ удобствъ, которыя представляютъ тамошніе города для жизни. Для всего этого надобно ближе познакомиться съ тѣмъ краемъ; общія же мѣста ни къ чему не послужатъ. Я рѣшительно не лонямаю, какую пользу можетъ принести одинъ перечень качественныхъ и количественныхъ прилагательныхъ, набираемыхъ въ похвалу или хулу даннаго города; напримѣръ: такой-то городъ очень красивъ, расположенъ на возвышенной горѣ, откуда открывается величественная панорама окрестностей его; дома отличаются изящнымъ стилемъ; множество гостиницъ; по такимъ-то и такимъ-то днямъ бывають публичныя гулянья, концерты и театры и т. д. и т. д. Я того мнѣнія, что какъ бы подобныя описанія многорѣчивы, даже краснорѣчивы ни были, — читатель не составитъ по нимъ никакого понятія объ описываемомъ городѣ; гораздо лучше онъ познакомится съ нимъ, взглянувъ на какой нибудь незатѣйливый политинажъ, чѣмъ прочитавъ двѣ-три страницы описанія. Въ путеводительныхъ

книжкахъ, которыми такъ богатъ заграничный міръ, эти описанія имѣютъ мѣсто, но въ путевыхъ запискахъ, передаваемыхъ публикѣ, — по моему мнѣнію, — никакого.

Но что же я скажу о городахъ? То ли, что мнѣ не привелось быть ни въ одномъ заграничномъ городѣ, который не былъ бы превосходно освѣщенъ газомъ? Но объ этомъ, кажется, не разъ говорили наши путешественники, — и я не могъ не подивиться — какъ же это мы отстаемъ и на этотъ разъ отъ Запада? У насъ не только обыкновенные города не освѣщены газомъ, но и первая наша столица — до сего времени освѣщена кое-какъ, и притомъ только по главнымъ улицамъ. Первый иностранный городъ, по выѣздѣ моемъ изъ Россіи, былъ Пестъ; и когда я увидѣлъ, что по нѣкоторымъ его улицамъ горятъ въ четыре ряда газовые фонари, — невольно вскричалъ: какъ! Пестъ! — городъ націи, подавленной іезуитскимъ деспотизмомъ дряхлой Австріи, — освѣщенъ лучше, чѣмъ нашъ Петербургъ и Москва! О, это больше, чѣмъ больно! А когда я присмотрѣлся къ мостовымъ и нашелъ ихъ гладкими и похожими на паркетъ (что впоследствии привелось видѣть почти во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ) — мнѣ еще досаднѣе стало! —

Вообще газъ въ заграничныхъ городахъ, по видимому, въ настоящее время, составляетъ такую же потребность, какъ вода: на улицахъ газъ, на мостахъ газъ, въ магазинахъ газъ, въ ресторацияхъ газъ, въ гостиницахъ газъ, въ городскихъ садахъ газъ, на станціяхъ газъ, даже въ иныхъ городахъ, — въ загородныя гулянья, отстояція отъ города на двѣ, на три версты, проведенъ газъ, и чего здѣсь изъ него не дѣлаютъ? — какія великолѣпныя иллюминаціи! (Впрочемъ, мнѣ привелось видѣть ихъ только въ одномъ Парижѣ.) Да, чистая вода и газъ, въ настоящее время, можно сказать, составляютъ для западно-европейскихъ народовъ стихіи, въ полномъ значеніи этого слова.

О тамошнихъ городскихъ мостовыхъ, я уже сказалъ нѣсколько словъ выше, и болѣе не буду распространяться; вообще онѣ такъ хороши, что въ сравненіи съ мостовыми, не только нашихъ губернскихъ городовъ, но даже обѣихъ столицъ, — могутъ назваться паркетами, и грязь, составляющая у насъ, по выраженію покойнаго Наполеона, пятую стихію, тамъ совершенно неизвѣстна, и я думаю, что названіе этой стихіи скоро войдетъ въ энциклопедическіе лексиконы — для объясненія, что называется грязью; — потому что этого вещества тамъ нѣтъ ни въ селахъ, ни въ городахъ, ни на дорогахъ.

Красивы ли заграничные города? — Красота понятие относительное. Если взять во внимание, что многие тамошние города, особливо в Германіи, окружены садами, лѣсами и рощами; если припомнить безукоризненную чистоту улицъ, людность чисто одѣтаго народонаселенія, праздничныя лица, совершенное отсутствіе нищихъ *), многочисленность магазиновъ на всѣхъ улицахъ, архитектурные стили всѣхъ вѣковъ, статуй, фонтаны, (которыми конечно украшены не всѣ тамошніе города, однако и не немногіе) и проч. и проч.; то невольно представляется, что заграничные города красивѣе, или, какъ говорятъ, занимательнѣе, интереснѣе нашихъ. Но если взять во вниманіе собственно архитектурный стиль домовъ, то приходишь къ другому убѣжденію, именно: что большею частью этимъ стилемъ руководилъ расчетъ и удобство, чѣмъ изящный вкусъ. Идя по улицѣ почти любого тамошняго города, вы видите сплошныя высокія каменные стѣны, унизанныя въ различныхъ направленіяхъ окнами и дверями; посмотрѣвши на эти стѣны издали, вы видите, что всѣ онѣ завершаются очень остроконечными черепичными крышами, откуда также въ свою очередь выглядываютъ окна. Только въ позднѣйшее время, при перестройкѣ нѣкоторыхъ улицъ, или въ новыхъ частяхъ города, образующихся вокругъ станцій желѣзныхъ дорогъ, воздвигаются зданія въ новомъ стилѣ. Вотъ только въ этомъ отношеніи мы можемъ сказать, что наша сѣверная столица, если не красивѣе, то удобнѣе или просторнѣе всѣхъ столицъ западной Европы, не исключая и щегольского Парижа.

Русскіе путешественники, привыкшіе къ простору, вообще жалуются на тѣсноту улицъ заграничныхъ городовъ. Она даже досадуетъ, что иногда бокомъ приходится проходить по тротуарамъ, или останавливаться на нѣсколько минутъ, чтобы разѣхаться съ встрѣтившимся экипажемъ. Признакъ-ли это — широкой, размашистой нашей природы, или пошлаго эгоизма, отсутствія признанія правъ человѣческихъ, — рѣшить это мы не беремся.

На мой взглядъ узкія улицы (конечно не черевъ-чуръ узкія), имѣютъ предъ нашими неимоверно широкими не мало преимуществъ. Вы скажите: при первыхъ менѣе опасности со стороны

*) Въ Баваріи, при входѣ въ село, мнѣ случилось прочесть на столбѣ слѣдующую надпись: «подавать милостыню запрещается; нарушители этого распоряженія начальства подвергаются штрафу въ пять гульденовъ».

пожаровъ. Да, это правда, и эту правду доказываютъ наши ежегодно пылающіе города и села, — явленіе, сравнительно, рѣдкое за границей, гдѣ въ городахъ и селахъ, улицы несравненно уже нашихъ. Другіе говорятъ, что при узкихъ улицахъ обыкновенно бываетъ спертый воздухъ. И это не правда; я ни въ одномъ русскомъ городѣ не чувствовалъ такого чистаго воздуха, какъ за-границей, не исключая даже и Парижа, о которомъ вообще идетъ молва, какъ о городѣ самомъ неопытномъ. Почему? очень просто: тамъ улицы не только по-нѣскольку разъ выметаютъ, но и поливаютъ, даже моютъ; а на дворахъ не позволяютъ залежаться сору и навозной кучѣ; помѣтъ и другія жидкія нечистоты стекаютъ особыми, крытыми канавами, которыя, въ свою очередь, полощатся водою. Не мало къ чистотѣ воздуха тамошнихъ городовъ и селъ способствуетъ и то, что всѣ они закутаны въ яркую зелень садовъ, или по крайней мѣрѣ эти сады, а съ ними рощи и лѣски, окружаютъ ихъ, — тогда какъ у насъ обыкновенно отсутствіе лѣса можетъ служить для путешественника признакомъ, что онъ скоро увидитъ городъ или село. Особенно германскіе города богаты зеленью. Посмотрѣвъ на Дрезденъ, я невольно называю его сельскимъ городомъ, — а мой знакомый — столицей германскихъ селъ.

Обращаясь къ русскимъ, широко-уличнымъ городамъ, я еще разъ повторю, что размашистое положеніе ихъ нисколько не содѣйствуетъ чистотѣ воздуха. При малоходности нашихъ городскихъ домовъ (не исключая даже и столицъ) домовладѣльцу или городской думѣ трудно содержать широкія улицы въ чистотѣ, и еще труднѣе ремонтировать ихъ. И вотъ почему мы на нашихъ улицахъ, верѣдко поросшихъ бурьянами, находимъ и дохлыхъ кошекъ, и гніющихъ собакъ, а въ иномъ отдаленномъ переулкѣ и цѣлую лошадь, точимую червями: въ добавокъ къ этому, какъ часто у насъ, даже въ знаменитыхъ губернскихъ городахъ, промолны и выбоины заваливаютъ навозомъ. Напримеръ, лучший въ семьѣ губернскихъ городовъ Саратовъ имѣетъ два огромнѣйшихъ оврага, которые лежатъ почти внутри города; былъ еще и третій, который какъ разъ находится въ центрѣ города. Въ эти овраги сваливаютъ навозъ, и они постоянно дымятся; даже помню я время, когда они буквально горѣли, почему-одинъ изъ нихъ, бывший посреди города, и нынѣ называется горѣлымъ баракомъ; теперь онъ засыпанъ, и засыпанъ однимъ навозомъ, который перешелъ уже въ землястое состояніе. Подобныя явленія въ тѣхъ нашихъ городахъ и се-

лахъ, которыхъ окрестныя поля еще не удобряются, — не рѣдкость. Прибавьте еще къ этому, что очень часто изъ заваленныхъ навозомъ овраговъ, съ улицъ, ремонтируемыхъ тоже навозомъ или дохлыми кошками и собаками, — стекаетъ дождевая и снѣговая вода въ рѣку, изъ которой берутъ воду для питья и приготовленія пищи. Такъ, я знаю — въ Саратовѣ, въ Симбирскѣ и подобныхъ имъ городахъ, стоящихъ на такой большой рѣкѣ, какъ Волга, вода, во время водополья, обращается во что-то подобное суслу или тинѣ, и вы не можете не видѣть, что источникъ этого сусла — навозомъ покрытыя улицы, навозомъ заваливаемые овраги. Вотъ вамъ и удобство широко-уличныхъ городовъ. Очень мало у насъ мощеныхъ городовъ. Городскія думы наши вообще не богаты деньгами и не имѣютъ средствъ мостить улицы; но будь эти улицы уже, — въ такомъ случаѣ если не вездѣ, то во многихъ городахъ можно бы обязать самыхъ обывателей мостить принадлежащія имъ участки.

Мнѣ, можетъ быть, скажутъ: что и на западѣ Европы начали узкія улицы передѣлывать въ широкія; стало быть, убѣдился въ превосходствѣ послѣднихъ надъ первыми? — Правда, въ Парижѣ, вмѣсто прежнихъ узенькихъ и неправильныхъ улицъ, являются широкія. Но, во-первыхъ, что побудило къ этой передѣлкѣ стараго на новое? Неудобства ли жизни? Бывшія ли барикады? Или вообще какія нибудь другія причины? Касательно перваго мы можемъ сказать положительно, что къ удобствамъ жизни отъ широкихъ улицъ прибавилось немного; но барикады дѣлать труднѣе, и артиллерія можетъ дѣйствовать на широкихъ улицахъ свободнѣе. — Во-вторыхъ, положимъ, что нѣкоторыя улицы перестроились изъ видовъ большихъ удобствъ для жизни; но отъ этихъ перестроекъ никто не остался въ убыткѣ. — А потому, мнѣ кажется, напрасный страхъ, что со временемъ узкія улицы придется расширять; если и придется, то, повѣрьте, отъ этой передѣлки въ убыткѣ никто не будетъ.

Скажу нѣсколько словъ о производствѣ самыхъ построекъ въ заграничныхъ городахъ, что мнѣ неволью бросилось въ глаза. Положимъ, разбирается старый домъ. Если вы, читатель, бывали при подобной работѣ, — вы конечно помните стукъ, шумъ, падающіе съ трескомъ камни, громадыя кучи мусору, столбами взвивающуюся пыль, отъ которой на сотню шаговъ дышать нельзя. А за-границей всего этого вы не увидѣли бы и не испытали. Разбирающееся старое зданіе и сверху и снизу плотно закрывается досками, такъ что снаружи не видно этой

работы и вы преспокойно ходите мимо ломаемаго зданія. Для носки мусора дѣлають закрытыя галлерей; въ Вѣнѣ привелось мнѣ видѣть подобную галлерей, перекинутую чрезъ улицу. Здѣсь нечего опасаться, чтобы проходящему упалъ камень на голову, или пыль засорила ему глаза. — У насъ не только подобныя предостереженія не дѣлають, но обыкновенно, не смотря на широту улицъ нашихъ, не бываетъ проѣзду и прохожу мимо разбирающихся домовъ, и полусонный Сидоръ или Трофимъ нарочно сброситъ лопату мусору на бѣднаго проходящаго. При постройкѣ новаго дома у насъ не рѣдко, не только половина улицы занимается строительнымъ матеріаломъ, но даже и ближайшая площадь. За-границей улица предъ строящимся домомъ остается неприкосновенной и лѣса занимають мѣсто по тротуарамъ менѣе, чѣмъ на аршинъ (это мнѣ приводилось видѣть въ Вѣнѣ, Парижѣ и другихъ городахъ). И здѣсь нельзя не видѣть уваженія къ человѣку. Полотно улицы принадлежитъ всѣмъ, и бездомный калека-нищій имѣетъ на него такое-же право, какъ и сіятельство, строящее себѣ пышный дворецъ. Мало того, что наши строители домовъ захватываютъ улицы, — по нимъ опасно даже ходить во время работы: того и гляди, или камень въ голову, или обдадутъ тебя съ ногъ до головы известковымъ растворомъ.

Не могу еще умолчать объ одномъ нашемъ страшномъ промахѣ. Мы какъ только выстроимъ домъ (я разумѣю здѣсь преимущественно дома каменные) сейчасъ же и переходимъ въ него, или, сберегая собственное драгоценное здоровье, пускаемъ въ него постояльцевъ. Я знаю множество домовъ въ Одессѣ, которые въ маѣ начали строиться, въ августѣ ихъ штукатурили и отдѣлывали, а въ Сентябрьѣ уже жили постояльцы. Надобно замѣтить, что въ Одессѣ строительный матеріалъ — раковистый известнякъ, который не только отъ капельной влаги, но и отъ парообразной, т. е. отъ тумана и вообще влажнаго воздуха, очень скоро сырѣетъ; почему въ Одессѣ рѣдкій домъ можетъ назваться воишь сухимъ. Какъ же жить въ только-что выстроенномъ изъ такого матеріала домѣ? — Та же самая опасность ведется и въ другихъ городахъ широкой русской земли. Многочисленные примѣры доказываютъ, что наши ревматизмы, грудныя боли и относительно огромная смертность есть слѣдствіе сырыхъ и неудобныхъ домовъ; но ни домовладѣльцу, отдавшему въ наемъ домъ, ни полиціи дѣла нѣтъ до этихъ несчастныхъ жертвъ. Домовладѣлецъ, видя мокрыя стѣны въ

своемъ новомъ домѣ и больныхъ постояльцевъ, говоритъ: «развѣ я навязывалъ свой домъ постояльцу? развѣ у него глазъ не было? — онъ видѣлъ, что домъ новый; кто же ему велѣлъ перебраться въ него? — Нѣтъ, барышникъ! запри и запечатай свой домъ. Иной, напримѣръ пріѣзжій, по незнанію нанимаетъ твой домъ; другой отъ нужды; третьяго прельщаетъ дешевизна необитаго дома; четвертый разсчитываетъ на авось, и по глупости разсуждаетъ такъ: живутъ и въ подземельяхъ, да не умираютъ. Не то за-границей. Въ нѣкоторыхъ городахъ Германіи мнѣ говорили, что вновь выстроенный домъ запечатывается мѣстнымъ начальствомъ года на два. Сдѣлай у насъ это, — и начнется вопль: бѣда! стѣсненіе! Какъ будто только взятка и воровство и составляютъ свободу.

Извѣстный германскій писатель Чшокке въ одной своей повѣсти высказалъ такую мысль, что вообще русскіе люди, т. е. масса народа, не умѣютъ даже приготовить здоровой для себя пищи. Но я, какъ болѣе знающій мое милое отечество, позволилъ бы себѣ сказать нѣчто больше сказаннаго Чшокке..... Вѣшняя опрятность, порядокъ во всемъ, окружающемъ человѣка, есть вывѣска благородства чувствъ и стройности направленія духовныхъ силъ. Эстетическія потребности, конечно, являются у народа послѣ удовлетворенія его насущныхъ нуждъ.

Изъ любопытства заходилъ я въ нѣкоторые магазины или зѣвалъ передъ окнами ихъ. Что же я тамъ замѣтилъ? Необыкновенное богатство. Магазины Парижа, Вѣны, Женева, Брюсселя такъ великолѣпны, что просто глаза разбѣгаются, и особенно они бываютъ хороши вечеромъ, при освѣщеніи газомъ. Магазины, напримѣръ съ золотыми и серебряными вещами, при шести или болѣе газовыхъ лампахъ (въ каждой по три и болѣе рожка) — просто представляются золотыми волшебными игрушками. Но надобно сказать — иностранцы — мастера показать свой товаръ лицомъ; они такъ умѣютъ его разложить, особенно въ Парижѣ, что и обыкновенныя вещицы получаютъ особенный болѣе или менѣе привлекательный видъ. Въ Парижѣ, какъ мнѣ сказывали, будто существуетъ особый классъ артистовъ, которые только и занимаются группировкою и раскладкою товаровъ. Не знаю, касается ли рука артиста тѣхъ лавокъ, гдѣ продаются свекла, морковь, капуста, салатъ, картофель и т. п.; но и этотъ товаръ такъ раскладываютъ Французы, что любо посмотрѣть и притомъ онъ такъ чистъ, опрятенъ, что сыръемъ просится въ ротъ.

Ходить я за-границей и по рынкамъ, гдѣ продаютъ мясо, зелень, хлѣбъ и т. п. И здѣсь иностранцы обогнали насъ. Первое: мѣста рынковъ вымощены какъ нельзя лучше, — такъ вымощены, что мостовыя самыхъ лучшихъ улицъ обѣихъ нашихъ столицъ не могутъ сравняться съ мостовыми базарныхъ площадей любого городка Германіи. Для спуска нечистотъ сдѣланы повсемѣстно едва замѣтные склоны или желобки, примыкающіе къ отверстиямъ, покрытымъ желѣзными рѣшетками, сквозь которыя дождевая вода и всѣ нечистоты стекаютъ въ подземныя канавы. А у насъ гдѣ не пролазная грязь, гдѣ всякая гадость сбрасывается? — особенно на базарныхъ площадяхъ, тамъ, гдѣ продаются жизненные припасы, куда тащется съ трудовою копейкою оборванный бѣднякъ, гдѣ сидитъ въ грязи и навозѣ, съ своимъ грошевымъ товаромъ, несчастная торговка, прокармливающая этимъ трудомъ многочисленное семейство, гдѣ по колѣно въ мокротѣ по пяти и семи часовъ стоятъ запряженныя бѣдныя лошаденки, и гдѣ, наконецъ, чаще всего употребляютъ нѣсколько паръ воловъ для вытаскиванія засѣвшихъ скипажей. Воля ваше, это — варварство! По моему, пусть лучше останутся не мощенными наши московскія улицы, чѣмъ базарныя площади, всѣми посѣждаемая и болѣе всего заражающія городскою воздухъ своими испареніями. И кажется, если бы для этой цѣли обложить копеечнымъ сборомъ всѣхъ привозящихъ и приносящихъ товаръ на рынокъ, — это было бы не обременительно и давно бы наши рынки были устроены хотя не много по опрятнѣй и сноснѣй.

На заграничныхъ рынкахъ огородныя овощи, плоды и подобныя имъ произведенія держатся въ чистыхъ корзинкахъ, а не валяются по мосту, и, обыкновенно, покрываются полотнами безукоризненной чистоты; молоко, сливки, масло продаются въ такихъ чистыхъ и даже изящныхъ сосудахъ, — что любо посмотреть. Самыя торговки не засалены, не запачканы, не издають отъ себя того особеннаго запаха, который у самаго невзыскательнаго покупателя отбиваетъ аппетитъ на цѣлый день. Не встрѣтите вы на тамошнихъ базарахъ торгашей, у которыхъ вязанки живыхъ гусей или поросятъ были бы перекинуты черезъ плечи; не увидите вы, чтобы и купившіе эту живность такъ безжалостно тащили ее въ домъ. — Не мелочи я выставляю на видъ. Повѣрьте и пара привязанныхъ за ноги и перекинутыхъ черезъ плечи индюковъ — въ свою очередь поддерживаетъ грубость чувствъ. Да и благоразумно ли истязать бѣдныхъ жи-

вотныхъ, которыхъ мы и безъ того обрекаемъ на смерть по праву сильнаго! Вѣдь иногда бѣдные индюки или гуси такъ чисятъ часовъ пять-шесть, и у нихъ даже глаза налпаваются кровью!...

Не видѣлъ я, чтобы тамъ перевозили на рынокъ говяжьи и бараньи стяги, съ окровавленными шеями, что въ большомъ ходу у насъ, и что такъ неприятно дѣйствуетъ на эстетическое чувство. А видѣли ли вы, любезный читатель, какъ у насъ полными повозками, безъ всякой покрыши, перевозятъ, среди бѣлаго дня, окровавленные внутренности животныхъ: печенки, легкія, требуху и проч. и проч. Что можетъ быть отвратительнѣе подобныхъ картинъ! Безъ мяса современное человѣчество не можетъ обходиться; но надобно дѣлать такъ, чтобы ему ничто ни напоминало кровавыхъ жертвъ. Кусокъ мяса хорошо вырѣзанный не производитъ такого неприятнаго впечатлѣнія, какъ цѣлое ободранное животное. Заграничныя мясныя лавки, удивляютъ васъ своей изящной обстановкой. Онѣ каждое утро обвѣшиваются внутри самымъ бѣлымъ полотномъ, говяжьи стяги покрываются цвѣтами и висятъ на желѣзныхъ или мѣдныхъ крючкахъ. Наши мясники запачканные, растрепанные, съ окровавленными по локоть руками, а иные съ длинными, отъ-роду нечесанными бородами, напоминаютъ вамъ героевъ изъ Фра-Дьявола. Не услышите вы въ тамошнихъ мясныхъ рядахъ стука топоровъ и ножей, какъ у насъ; потому что тамъ большею частію мясо рѣжется на извѣстныя части заблаговременно. Кончился утренній торгъ, и мясныя лавки запираются; все прибирается такъ, что и слѣдовъ нельзя замѣтить, что здѣсь продавался кровавый товаръ. Но у насъ — за сто и болѣе сажень вы узнаете по запаху присутствіе мясныхъ рядовъ; сотни собакъ лижутъ столы, гдѣ продавалось мясо, и если гдѣ опасно, особливо по ночамъ, ходить, такъ это вблизи мясныхъ лавокъ; столы, столбы, крючки, колодки, на которыхъ рубятъ мясо, — все черно, грязно и пропитано нестерпимой вонью; въ добавокъ въ лѣтнюю пору всѣ эти предметы покрываются, какъ чернымъ сукномъ, мухами. Въ нѣкоторыхъ городахъ допускается въ самыхъ же лавкахъ, или на примыкающихъ къ нимъ дворахъ, и бить скоть; тутъ кучаши лежатъ и гниютъ внутренности и земля на сажень пропитывается кровью, распространяя заразу въ воздухъ.

Я могъ бы здѣсь сравнить заграничныя бойни съ русскими; но картина, представляемая послѣдними, до того отвратительна, что я боюсь разстроить моего добраго читателя. Напримѣръ,

какъ вамъ покажется подобный эпизодъ изъ скотобойни русскаго народа: загоняются въ загородъ штукъ 200 или 300 овецъ, и какой нибудь Ванюшка или Петрушка обходитъ это стадо съ колотушкою, и бьетъ бѣдныхъ овецъ по головамъ. Спустя два или три часа, а иногда и болѣе, другой Ванюшка посмышлентѣе и послыльнѣе перваго идетъ съ ножемъ и прикалываетъ бѣдныхъ жертвы, изъ которыхъ одиѣхъ застаеть въ предсмертной агоніи, другихъ уже мертвыми.... Но довольно! скажу одно: за-границей всѣми мѣрами стараются облегчить смерть убиваемаго животнаго, и бойни тамошнія отнюдь не напоминаютъ кровавыхъ сценъ и не издають того зловоннаго смрада, какимъ дышитъ нашъ народъ.

Не встрѣчалъ я за-границей, такъ называемыхъ, обжорныхъ рядовъ, и не знаю — есть ли они тамъ; кажется, нѣтъ. Да и знаете ли вы, любезный читатель, что такое обжорный рядъ? Это — мѣсто, гдѣ продаются разныя яства для простаго народа: вареныя печенки, легкія, требушпа, помѣщаемыя въ горшкахъ и покрываемыя чѣмъ-то въ родѣ грязной онучи; лапша, алады, пирожки, закутанныя въ дѣтское стеганое одѣялишко; груши и грушевыи квасъ — въ кувшинахъ, заткнутыхъ поломойкой; бараньи головы и ножки, допекаемыя солнышкомъ; вишня, смородина, крыжевникъ, печеныя яблоки, — облѣпленные мухами какъ грязью; кислое-прокислое молоко, соленые, мозглые и вонючіе огурцы, такого же достоинства моченыя яблоки; вареныя четырехдневные раки; соленая вонючая рыба и проч. и проч. — Въ этихъ рядахъ полное господство самой отвратительной нечистоты, а грязь — буквально по колѣна! и какъ все это продается, какими руками берется, — и какъ ѣтся!...

И почему бы въ нашихъ городахъ, подобно заграничнымъ, незавести рестораціи для простаго народа, гдѣ бы онъ не только могъ сытно поѣсть, но и перенять порядочный столъ, со всѣми его принадлежностями? Въ настоящее время много у насъ затѣялось компаній, но болышею частью — на гигантскія предпріятія; — почему бы не составить компаній въ каждомъ городѣ и большомъ селѣ, для заведенія простонародныхъ ресторацій? Капиталовъ здѣсь большихъ не нужно; но подобныя заведенія были бы въ высшей степени гуманны; обжорные же ряды — вонь! Чѣмъ меньше будетъ отвратительныхъ предметовъ передъ глазами народа, тѣмъ менѣе онъ будетъ грубѣть и ожесточаться.

Въ заключеніе прибавлю, кто захочетъ составить полное понятіе о чистотѣ и изящномъ вкусѣ заграничныхъ рынковъ, тотъ

пусть посмотреть парижскія Галл (Halles). Это грандіозное зданіе, построенное, въ огромныхъ размѣрахъ, изъ желѣза и стекла, составляетъ центральный рынокъ французской столицы. Мраморные столы, столь обыкновенные во Франціи, мѣдные тазы съ водосточными желобками, порядокъ и симетрія въ распредѣленіи товаровъ, опрятность и приличіе торгующаго люда— все это настраиваетъ васъ иначе, чѣмъ на нашихъ вонючихъ базарахъ. Думаю, что ни Лувръ и улица Риволи, а Галл останутся лучшимъ памятникомъ наполеоновскаго архитектурнаго погрома въ Парижѣ.

Дороги ли за-границею жизненные припасы? Трудно на этотъ вопросъ отвѣтить, хотя повсюду тамъ цѣны болѣе или менѣе уравнины. Могу сказать, что бѣлый хлѣбъ (чернаго я не видѣлъ тамъ) вообще дешевле, чѣмъ въ Россіи, даже дешевле, чѣмъ въ Одессѣ — этой первой русской пшеничной житницѣ. Мясо вдвое и даже втрое дороже, чѣмъ у насъ; но за то тамъ не продаютъ дурнаго мяса. Зелень и всѣ вообще огородныя овощи, думаю, по отношенію ко всему нашему отечеству, вдвое если не втрое дешевле; плоды тоже. Самую лучшую черешню и вишню я покупалъ въ Баваріи, Виртембергѣ, Саксоніи, въ Верхней Швейцаріи, по три и пяти копеекъ серебромъ за фунтъ. Въ самомъ Парижѣ можно купить лучшую откормленную индѣйку за полтора рубля серебромъ, а гуся за семьдесятъ пять копеекъ. Меня страшили дороговизной въ Швейцаріи. Приѣхалъ я въ Бернъ, остановился въ гостинницѣ, и такъ какъ время было къ вечеру, я и мой спутникъ попросили себѣ чаю. Намъ подали чай и при немъ: сахарницу, полную сахару, съ пол-фунта масла превосходнаго, полный лотокъ бисквитовъ и булокъ и глубокую тарелку превосходнаго бѣлаго сотоваго меду, который намъ такъ понравился, что мы оставили себѣ для другаго дня. Ну, думаемъ, возьмутъ же съ насъ за этотъ чай. Но угадайте — что взяли? Около сорока копеекъ серебромъ. Не забудьте, что мы какъ русскіе люди выпили по три огромныхъ чашки, да и отъ булокъ не отказались.

Но особенно замѣчательна дешевизна въ гостинницахъ. Въ Германіи за общій столъ, состоящій изъ пяти блюдъ, фруктовъ и вина, я платилъ отъ тридцати пяти до сорока и пятидесяти копеекъ, — въ лучшихъ гостинницахъ; въ Женевѣ за подобный столъ брали съ меня по семидесяти пяти копеекъ; въ Парижѣ мы заказывали особый столъ и съ насъ брали по рублю серебромъ съ cadaго. Одно семейство (изъ четырехъ человѣкъ), про-

живающее тамъ, имѣеть очень хорошій столъ за полтора рубли серебромъ, готова кушанье у себя на квартирѣ. Пиво,—да и какое пиво? въ Германіи нипочемъ: вы платите за кружку, въ которой около трехъ стакановъ, двѣ-три копейки серебромъ. Что касается до квартиръ, то можно смѣло сказать, что онѣ вдвое дешевле, — чѣмъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ и другихъ большихъ губернскихъ городахъ. Въ Вюрцбургѣ одно русское семейство платило за двѣ комнаты съ двумя кроватями въ лучшей тамошней гостинницѣ восемь руб. сер. въ мѣсяцъ, — правда въ третьемъ этажѣ.

Но я опять-таки вернусь съ вами, любезный читатель, на базаръ. Знаете ли, что тамъ еще продаютъ вмѣстѣ съ жизненными припасами? Небывши за-границей, вы едва ли отгадаете. Въ такомъ случаѣ поспѣшу вывести васъ изъ догадокъ: тамъ, разумѣется въ лѣтнюю пору, продаютъ цвѣты и, судя по множеству этихъ предметовъ торга, слѣдуетъ заключить, что цвѣты составляютъ у иностранцевъ извѣстнаго рода потребность, что тамъ въ нихъ, повидимому, также нуждаются, какъ въ моркови, петрушкѣ, фруктахъ, мясѣ и т. п. Цѣлые ряды вы видите торговко съ букетами и вѣнками, изъ которыхъ послѣдніе назначаются собственно для могильныхъ памятниковъ, и которыми дѣйствительно во все лѣто бывають обвѣшаны надгробные памятники. Далѣе — вы видите довольно значительныя пространства — уставленныя цвѣтами и разною зеленью въ горшкахъ, которыхъ въ иной день можно насчитать до 1000; и продаются они по баснословно-дешевымъ цѣнамъ; помню — за одну гортензію, на которой было четыре огромныхъ (почти съ дѣтскую голову) пучка цвѣтовъ, съ меня просили около двадцати копеекъ серебромъ. Вообще Германія, послѣ Италіи, можетъ назваться страной цвѣтовъ. Если на дворѣ есть порожище мѣстечко въ пол-квадратную сажень, — оно непременно въ цвѣтахъ; если при стѣнѣ тянется свободная полоска въ аршинъ ширины, — то и она тоже превращена въ цвѣточную грядку, изъ которой цѣпляются по стѣнѣ какія нибудь вьющія растенія. Въ нѣкоторыхъ городахъ и деревняхъ почти каждое окно у дома имѣеть маленькій балкончикъ, на которомъ стоятъ вазы съ цвѣточными растеніями, что производитъ на глаза и сердце очень пріятное впечатлѣніе. Часто случается, что въ гостинницахъ, послѣ обѣда, обѣдныя дѣвочки приносятъ гостямъ маленькіе букеты съ цвѣтами и душистою зеленью. Вообще, не только въ Германіи, но и въ другихъ государствахъ западной Европы, цвѣты вошли въ потребность жизни,

п этого нельзя не отнести къ облагороженію и извѣстной чистотѣ чувствъ тамошняго человѣка.

Ниже я постараюсь развить мысль, что жестокое обращеніе съ животными поддерживает и развиваетъ грубость души, и что эта грубость препятствуетъ развитію высшихъ потребностей жизни, за развитіемъ которыхъ слѣдуетъ усиленная дѣятельность и большое благосостояніе человѣческихъ обществъ. Приучая простолюдина къ кроткому обращенію съ окружающей его тварью, мы можемъ дѣйствовать на умягченіе и облагороженіе его сердца отрицательнымъ путемъ; но картинами изящной природы мы этой цѣли можемъ достигнуть путемъ положительнымъ. Поэтому цвѣты и сады — какъ прекрасное природы, въ нравственномъ развитіи человѣческихъ обществъ, должны занять не послѣднее мѣсто. У человѣка есть врожденное эстетическое чувство на всѣхъ ступеняхъ его развитія: доказательствомъ этого въ нашемъ мірѣ могутъ служить великолѣпныя мѣстоположенія большей части нашихъ городовъ. Но какъ они обратились въ эти кучи сору паломанныхъ мостовыхъ — на это отвѣчать не трудно. Вина въ этомъ не природа, а самое общество, не умѣющее обставить себя самыми простыми удобствами жизни. Взгляните на наши провинціальныя пустыри, голыя загорюди и вы согласитесь, что русскій человѣкъ кромѣ капусты и вѣнниковъ какъ будто не чувствуетъ потребности въ другихъ растеніяхъ, которыхъ свѣжесть, зелень и тѣнь украсила бы его жилище. Теорія розокъ только у насъ можетъ процвѣтать....

Отсюда рождается невольное желаніе, чтобъ какими бы то ни было мѣрами мы постарались развить въ массѣ нашего народа садоводство и цвѣтоводство. Нѣтъ сомнѣнія, что популярно изложенныя сочиненія по этимъ предметамъ и продаваемые по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ могли бы много пособить дѣлу. Заведеніе сѣмянныхъ депо, во всѣхъ значительныхъ городахъ, — также было бы очень полезно. Вѣдь даже не вѣрится, чтобы цвѣлю Россію снабжали сѣменами одни рижскія депо; правда, есть у насъ подобныя заведенія въ столицахъ, Одессѣ и еще нѣсколько при учебныхъ заведеніяхъ министерства государственныхъ имуществъ; но эти депо до-сихъ-поръ не приобрѣли извѣстности и во всякомъ случаѣ ихъ такъ мало, что о нихъ только носятя слухи, да и то въ высшей сферѣ общества.

У насъ, почти во всѣхъ губернскихъ городахъ, существуютъ, такъ называемые, бульвары или городскія сады, которые большею частію посѣщаются людьми только извѣстнаго разбора.

Почему бы при нихъ или даже вмѣсто ихъ не учредить ботаническихъ садовъ, въ которыхъ разводились бы хозяйственныя, садовые, огородныя, цвѣточныя и лѣкарственныя растенія. За границей я видѣлъ во многихъ городахъ подобныя сады, въ которыхъ всѣ растенія имѣютъ систематическія (латинскія) и мѣстныя названія, и въ которые всякій имѣеть свободный входъ. Можемъ ли мы требовать отъ нашихъ крестьянъ разведенія тѣхъ или другихъ растеній, когда онъ и не видывалъ ихъ? Конечно, для этихъ заведеній потребуются капиталы, хотя и незначительныя; но можно быть увѣрену, что эти капиталы скоро начнутъ приносить проценты, если дѣйствительно означенныя сады будутъ доступны всѣмъ и каждому. Особенно важно было бы разведеніе въ этихъ садахъ лѣкарственныхъ растеній. При недостаткѣ врачей въ Россіи, при вредномъ предубѣжденіи противъ нихъ нашего простаго народа, при общемъ желаніи лѣчиться домашними средствами, — какъ бы хорошо было ознакомить его съ тѣми полезными и даже вредными растеніями, которыя или растутъ въ дикомъ состояніи, или могутъ быть воздѣлываемы искусствомъ. Сколько разъ случалось мнѣ слышать и видѣть, что нѣкоторыя изъ деревенскихъ старухъ лѣчатъ отъ лихорадки дурманомъ (*Atropa*) и бѣленою (*Hyosciamus*) и отправляютъ своихъ націентовъ на тотъ свѣтъ. Случилось мнѣ однажды видѣть, какъ крестьянскіе мальчишки, поѣвши бѣлены вмѣсто маку, — катались въ безпамятствѣ по полу, извергая клубами пѣну. Какое пособіе могла бы оказать въ извѣстныхъ болѣзняхъ горчица, — но можно смѣло сказать, что у насъ изъ сотни тысячъ едва ли одинъ знаетъ, что такое горчичникъ, и очень многіе даже не видывали растенія горчицы. Цѣлительныя дѣйствія бузины, палфея, буквицы, липоваго цвѣта, хрѣна — многимъ ли извѣстны изъ нашихъ крестьянъ? Но пусть эти и подобныя имъ растенія воздѣлываются въ общественныхъ садахъ, пусть посѣщающіе эти сады знакомятся съ ними наглядно и еще лучше изъ нарочно составленныхъ для этой цѣли книжекъ, — и народное здоровье очень много чрезъ это выиграетъ.

Между прочимъ скажу еще и то, что введенію въ употребленіе или просто въ сознаніе нѣкоторыхъ растеній, въ Россіи, много препятствуетъ неопредѣленность и разнородность названій, даваемыхъ растеніямъ. У насъ не только каждая губернія, даже каждый уѣздъ знаетъ то или другое растеніе подъ своимъ именемъ. Если бы изъ русскихъ ботаническихъ названій выбрать болѣе характеристическія и надписывать ихъ на растеніяхъ, воспи-

тываемыхъ въ предполагаемыхъ ботаническихъ садахъ, — нѣтъ сомнѣнiя, что мало-по-малу эти названiя обобщились бы въ народѣ, и изгнали бы названiя мѣстныя и слишкомъ спеціальныя.

Поговоривъ о жилищахъ и потребностяхъ текущей жизни, скажу еще нѣсколько словъ и о жилищахъ отшедшихъ въ иной мiръ. Впрочемъ не думайте, читатель, что я буду описывать памятники и кресты, обыкновенно за-границей украшаемые цвѣтами; не буду распространяться о томъ, что тамъ всѣ кладбища обнесены каменною стѣной, и большая часть могилъ закрывается каменными сводами, — я здѣсь скажу только о самомъ переходѣ въ могилу умершаго. Впродолженiе трехъ мѣсяцевъ, прожитыхъ мною въ различныхъ городахъ западной Европы, я не видѣлъ ни одной погребальной процессiи, и однажды, увидѣвъ кабриолетъ, довольно красивый, отличавшiйся отъ обыкновенныхъ своею замкнутостiю, съ кучеромъ въ большой черной шляпѣ, кабриолетъ, замѣчу, сопровождавшiйся двумя, повидимому, полицейскими служителями, я спросилъ сопутствовавшаго мнѣ Нѣмца: что это значитъ? онъ отвѣчалъ мнѣ, что везуть тѣло умершаго на кладбище. Изъ дальнѣйшихъ распросовъ я узналъ отъ моего спутника, что у нихъ ни одинъ покойникъ, даже самый знатный, и часу не остается въ домѣ, а немедленно перевозится въ особо устроенный для помѣщенiя умершихъ домъ. Нельзя не похвалить этого прекраснаго обычая: во-первыхъ, съ отнятiемъ мертваго тѣла, болѣе или менѣе отнимается у родныхъ поводъ къ напраснымъ слезамъ, что подтверждается и нашею, всѣмъ извѣстною, поговоркою: дальнiе проводы — лишнiя слезы; во-вторыхъ, оставленный на три дня трупъ, — естественно долженъ заражать собою воздухъ, — и эта зараза иногда бываетъ такъ велика, что за однимъ покойникомъ отправляется еще два или три новыхъ, какъ напримѣръ, послѣ умершаго отъ тифа.

Нельзя не похвалить обычая—не сопровождать покойника на кладбище съ церемонiями, на показъ всѣмъ. Смерть на всякаго производитъ впечатлѣнiе непрiятное; — какое же право имѣеть трупъ частнаго лица, уже принадлежащаго другому мiру, нарушать спокойствiе цѣлаго общества? Конечно на человѣка развитаго смерть ближняго иначе дѣйствуетъ, но много ли людей развитыхъ?? Проводы умершаго первоначально имѣли смыслъ; они были соединены съ молитвою за упокой отшедшаго ближняго; но теперь, за исключенiемъ родныхъ и истинныхъ друзей (которыхъ въ нашъ вѣкъ такъ мало), погребальная процессiя

тоже, что свадебный обрядъ, на который обыкновенно сбѣгается народъ, чтобы поглазѣть — и потомъ, если можно, пообѣдать.

Услышавши отъ моего спутника о кладбищенскомъ домѣ, куда ставятъ покойниковъ, я попросилъ его показать мнѣ этотъ домъ. Спутникъ согласился и мы отправились. Дѣйствительно я нашелъ на кладбищѣ, не вдалекѣ отъ воротъ, домъ довольно красивой архитектуры, съ большими окнами; предъ домомъ просторная галлерей, съ которой чрезъ большія и чистыя окна можно видѣть всѣхъ покойниковъ, лежащихъ въ гробахъ на соответственныхъ возвышеніяхъ. Чистота пола, стѣнъ и даже самаго воздуха, какой только можно желать для жилаго покоя. Покойники, въ продолженіе всего своего пребыванія въ этомъ домѣ, лежатъ съ открытыми лицами; къ рукамъ же ихъ, въ связи съ туловищемъ, придѣланъ особый очень простой механизмъ, сообщающійся съ звонкомъ; этотъ механизмъ такъ устроенъ, что при слабѣйшемъ напряженіи силъ вздумавшаго ожить мертвеца, онъ приходитъ въ движеніе и чрезъ звонокъ даетъ знать служителямъ (которые тутъ находятся безотлучно), о началѣ возвращающейся жизни. Согласитесь, читатель, что это учрежденіе въ высшей степени гуманное! Хотя рѣдко, но все-таки у насъ, на Руси, нѣкоторые пробуждаются въ могилѣ, потому что трехдневный срокъ строго не соблюдается, — да и почему назначенъ только трехдневный срокъ? развѣ нельзя ожить чрезъ четыре дня, какъ оживають чрезъ два и три? Напротивъ, въ кладбищенскихъ домахъ, при описанныхъ предостереженіяхъ, быть этого не можетъ, потому что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, трупу оставляють и долѣе трехъ дней.

— Былъ ли хотя одинъ случай, чтобы мертвецъ ожить? спросилъ я своего спутника. — Сказываютъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, что въ тридцать лѣтъ былъ только одинъ.

Стоить ли, скажутъ у насъ, изъ такого ничтожнаго результата заводить подобныя устройства! Стоить, и одна человѣческая жизнь заслуживаетъ такого учрежденія.

Все описанное мною я видѣлъ въ одномъ баварскомъ городѣ Вюрцбургѣ. Хотя спутникъ мой и говорилъ мнѣ, что подобныя учрежденія существуютъ во всей Германіи; но въ другихъ городахъ и государствахъ западной Европы мнѣ какъ-то не привелось лично убѣдиться въ справедливости его словъ.

V.

Собаки. — Занимательный рассказ. — Рабочий животные и поучительный слова кучера. — Извозчики, русская перста и источник словесной грязи. — Трудь животных и тачки.

Жизнь и смерть неразлучны въ органическомъ царствѣ; что живетъ, то непремѣнно и умираетъ. Да и что назвать жизнью, и что смертію? Видозмѣненіе формъ, въ которыхъ струится одно и тоже начало. Съ другой стороны и самая жизнь извѣстнаго организма — не есть-ли медленное разрушеніе. Въ гниющей соломѣ не тотъ ли же самый процессъ, какъ и въ живущемъ человѣкѣ или овцѣ? И то и другое гниетъ или тлѣетъ. И такъ существуетъ ли въ природѣ одна жизнь, или одна смерть? Конечно одна жизнь, и притомъ жизнь не старѣющая, съ вѣчнымъ и неизмѣннымъ запасомъ силъ, — жизнь, только до безконечности разнообразная въ своихъ проявленіяхъ.

Начну я съ скотоводства — какъ первой и главной пружины сельскаго хозяйства.

Но прежде чѣмъ буду говорить о немъ, скажу нѣсколько словъ о собакахъ, которыя хотя и не входятъ въ кругъ скотоводства, но псы и вѣсковъ счтаются домашними животными.

Меня вообще за-границей поразила малочисленность собакъ. И знаете ли: на какую мысль наваль я по поводу этой малочисленности?... Нельзя ли количествомъ собакъ мѣрять доброту, мягкость сердца извѣстнаго народа? Конечно, вы скажете: это уже черезъ-чуръ парадоксально. А я думаю — едва ли. Константинополь и вся Турція, говорятъ, запружены собаками, и притомъ голодными, которыя таскаются, какъ тѣни. Въ нѣкоторыхъ юговосточныхъ провинціяхъ Австріи, напримѣръ въ Венгріи, также довольно собачьей породы. Но что сказать о нашемъ отечествѣ? Вспомните описаніе деревни Коробочки Гоголя. Да и зачѣмъ вспоминать, когда не только по нашимъ селамъ и деревнямъ, но и по городамъ ходить небезопасно; въ русскомъ народѣ, даже среди храбрыхъ, есть поговорка: я ничего не боюсь, какъ только собакъ. Дѣйствительно, есть чего бояться, особливо когда незванымъ гостемъ попадешь на сватовство или свадьбу, которыя такъ торжественно, безъ соблюденія всякихъ приличій, собаки совершаютъ у насъ на всѣхъ городскихъ площадяхъ. А что на Руси дѣлаютъ бѣшенныя собаки — это каждому извѣстно.

И какъ послѣ этого не похвалить прекраснаго распоряженія

баварскаго правительства, которое обязываетъ každого, подъ взысканіемъ довольно значительнаго штрафа, два раза въ годъ представлять содержимую имъ собаку въ ближайшее присутственное мѣсто полиціи, гдѣ всѣ собаки въ это время свидѣтельствуется ветеринаромъ, вслѣдствіе чего всѣхъ больныхъ и старыхъ предписывается немедленно убивать. Тутъ же вносятся и деньги за право имѣть собаку (помнится, сорокъ крейцеровъ). А почему въ самомъ дѣлѣ за это право не брать пени! Собака полезное животное; однако для многихъ она — предметъ роскоши, покоющійся на бархатныхъ подушкахъ и имѣющій по нѣскольку нянекъ изъ разумной породы. Право, мнѣ кажется, что для собаколюбивой Россіи здѣсь могъ бы открыться богатый денежный источникъ. По самому снисходительному расчету можно получить за содержаніе собакъ по крайней мѣрѣ миллионъ. А на этомъ миллионѣ сколько бы можно успокоить бѣдныхъ инвалидовъ, или просвѣтитъ грамотой какихъ нибудь несчастныхъ сиротъ.

Я предвижу, что меня назовутъ мелочнымъ — и, можетъ быть, прибавятъ: «что ему помѣшали собаки? за что такое гоненіе противъ этихъ полезныхъ животныхъ? Въ Россіи хлѣба много! Это тамъ собакъ мало, гдѣ самимъ нечего ѣсть. Конечно бываютъ и несчастные случаи отъ этихъ животныхъ, но вѣдь и ножами рѣжутъ людей, — стало быть, и ножей нельзя держать въ домѣ!»

Нѣтъ, я иначе смотрю на это дѣло.

Вы согласитесь, что простой нашъ народъ имѣетъ довольно черствое сердце: обругать, поколотить не только чужаго, но жену, дѣтей, а подъ часъ и отца съ матерью, — ему непочемъ; забить лошадь, переломать ребра вола, пустить изъ-за угла камень въ своего мнимаго врага, — ему также непочемъ; но ко всему этому онъ привыкаетъ мало-по-малу. Гдѣ же школа этой грубости? Какъ кому угодно, но я думаю, эта школа собачій родъ, а за нимъ всѣ домашнія животныя, вся тварь, — но прежде — именно собачій родъ, потому что и во мнѣніе простаго народа собака стоитъ ниже другихъ близкихъ къ нему животныхъ, напимѣръ лошади, вола, овцы и т. п., что между прочимъ можно заключить изъ общей поговорки нашихъ крестьянъ: «что ты его или ее бьешь, какъ собаку!» Собака первый классъ въ той школѣ, гдѣ простой нашъ народъ учится грубости и сердца. Не угодно ли еще поближе всмотрѣться въ это дѣло: вотъ крестьянскій ребенокъ всталъ на ноги, — и первое его удовольствіе — бѣгать

съ кнутомъ или палкой за домашнимъ псомъ, который иной разъ и огрызнется на него, но изъ нѣкоторыхъ своекорыстныхъ видовъ большею частью спускаетъ глупому ребенку, — а этотъ между тѣмъ все больше и больше совершенствуется въ умѣннѣ владѣть кнутомъ, и душа его постоянно черствѣетъ. Ребенокъ дѣлается по сильнѣе — и избираетъ занятія болѣе серьезныя: душитъ и истязаетъ щенятъ, травитъ собаками кошекъ, и утѣшается, если кошка выпарапаетъ глаза бѣдной собакѣ, или собаки растянутъ кошку. Надобно прибавить, что подобныя занятія нерѣдко дѣлаются цѣлыми обществами мальчишекъ, и, стало быть, здѣсь сильнѣе разгарается страсть къ мученію и крови. А за тѣмъ что? Повозмужавши, мальчишки и даже дѣвочки ватагами отправляются разорять птичьи гнѣзда, вынимать яйца или бѣдныхъ птенцовъ, которыми они для потѣхи бросаютъ другъ въ друга. Нѣкоторыя изъ безвинныхъ и даже полезныхъ птичекъ, считаются предметомъ особой ненависти нашихъ (даже и взрослыхъ) мальчишекъ, и они грѣхомъ считаютъ не убивать ихъ птенцовъ или ихъ самихъ, напримѣръ воробьи, которые, по ихъ понятіямъ, Христа распяли; вслѣдствіе чего эти бѣдныя животныя особенно терпятъ; напримѣръ, въ глаза имъ втыкаютъ острыя спички и въ такомъ видѣ пускаютъ летать. Какая шкода для ожесточенія сердца! Водяное царство также обильную пищу представляетъ для нашихъ маленькихъ палачей: вотъ цѣлыя полчища отправляются на прудъ или озеро избивать лягушекъ, что дѣлается совершенно спокойно. Мнѣ приводилось видѣть цѣлыя ватаги грязно-ногихъ дѣвченокъ, которыя, набравъ полныя по долы лягушатъ, становились въ ряды, и кидали ими другъ въ друга. Приводилось мнѣ видѣть удящихъ рыбу мальчишекъ, которые всѣмъ мелкимъ рыбкамъ, попавшимся на удочку, дѣлали страшныя казни, напримѣръ отрѣзывали хвосты, вырывали плавательныя перья, выкалывали глаза и т. п. И невинное царство растительное терпитъ отъ дѣтей нашихъ крестьянъ, и даже тѣхъ, которыя стоятъ повыше ихъ, по своему положенію и даже образованію: посмотрите на мальчика лѣтъ двѣнадцати или пятнадцати, который идетъ по межѣ, или по лугу съ кнутомъ или палкой, — что онъ дѣлаетъ? — хлыщетъ всякій, одиноко подымавшійся стебель и сбиваетъ съ него цвѣтокъ, хотя бы этотъ цвѣтокъ былъ одинъ изъ красивыхъ. Но довольно. Послѣ такой приготовительной школы, конечно, нетрудно перейти къ кнуту по лошади, по женѣ и, на случай пьянства, по матери.

Кстати я расскажу здѣсь анекдотъ, слышанный мной отъ

одного почтеннаго старика, снывшего между знавшими его за мудреца жизни. Анекдотъ этотъ разсказанъ былъ потому же поводу, по которому и я намѣренъ передать его читателямъ. «Вотъ, сударь мой, такъ началъ старикъ свой разсказъ, въ Петербургѣ жилъ одинъ богатый помѣщикъ, человѣкъ довольно образованный, пользовавшійся большимъ уваженіемъ—это извѣстный NN. Онъ былъ бездѣтенъ. Желая, чтобы кому нибудь изъ родныхъ достались его богатая помѣстья, онъ взялъ къ себѣ племянника, а не-то двоюроднаго внука, и занялся его воспитаніемъ. Живетъ у него этотъ племянникъ, или внукъ, учится—и учится очень хорошо, ведетъ себя также безукоризненно, — тихъ, послушенъ, почитателенъ. Старикъ радуется и начинаетъ любить его, какъ роднаго сына, всюю душой и, конечно, въ сѣдой головѣ его подь часъ носились сладкія мечты, что онъ передастъ свои двѣ или три тысячи душъ человѣку воспитанному и благонамѣренному. Но всѣ эти мечты въ одно прекрасное утро разлетѣлись въ пухъ и прахъ, — и, повидному, отъ такого случая, на который другой и не обратилъ бы никакого вниманія. Старикъ съ нѣкотораго времени сталъ замѣчать, что воспитанникъ его каждое утро, аккуратно въ извѣстный часъ, куда-то бѣгаетъ. На вопросъ: куда ты бѣгаешь?—мальчикъ отвѣчалъ съворотливостью, что еще болѣе увеличило подозрѣніе старика. Вотъ однажды утромъ онъ приказываетъ своему доброму камердинеру подсмотреть — куда бѣгаетъ его воспитанникъ. Камердинеръ присматриваетъ разъ, и два, и три, и докладываетъ, что мальчикъ бѣгаетъ на ближайшую бойню. Что же онъ тамъ дѣлаетъ? спрашиваетъ старикъ. Да ничего, сударь, онъ прибѣжитъ, станетъ въ сторонкѣ и дожидается, когда скотину ударятъ въ голову обухомъ; та конечно зашатается, упадетъ, ей ножъ къ горлу, — и воспитанникъ вашъ бѣжитъ домой съ веселыми глазками, размахивая руками, какъ будто отъ вашей милости получилъ какой нибудь подарокъ. Выслушавъ это, старикъ сію-же мнунту велѣлъ приготовить экипажъ, посадилъ въ него своего воспитанника и приказалъ везти его къ отцу, сказавъ ему на прощаньи: »тебѣ полюбилась, мой другъ, бойня, и ты никогда не будешь отцомъ моихъ крестьянъ.»

Признаюсь, продолжалъ мой собесѣдникъ, я всегда съ величайшимъ негодованіемъ смотрѣлъ на тѣхъ матерей — нашихъ крестьянъ, которыя заставляютъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей рѣзать куръ или поросать, также и тѣхъ отцовъ, которые, убивая овцу, позволяютъ своимъ дѣтямъ смотрѣть на эту картину. И

сколько разъ я замѣчалъ, что нѣкоторые изъ сельскихъ учитель обыкновенно рѣжутъ куръ или гусей руками своихъ школьничковъ. Они вливаютъ ядъ въ молодую душу. Вообще пролитіе крови по дальше отъ глазъ дѣтей, и тогда мы рѣже будемъ встрѣчаться съ дубинами или тяжелыми кистенями, по большимъ дорогамъ. Когда я былъ еще ребенкомъ, и учился читать псалтырь, одинъ изъ моихъ товаришей попался въ воровствѣ — самомъ пустомъ: онъ укралъ у своего товарища перышко; но куда-какъ дорого онъ заплатился за это перышко! Какъ теперь помню слова учителя, которыми онъ приправлялъ свое нравоученіе: ты, братъ, теперь укралъ перышко, а завтра стащишь тетрадку, а послѣ книжку; а вырастешь примешься за лошадокъ, а тамъ не далеко и до большой дороги, и дубины.

Нѣтъ, подальше кровь отъ дѣтей! И скажите: какой смыслъ имѣетъ шпага, которую вѣшаютъ на воспитывающуюся молодежь? — Учись колоть другихъ!

Но перейду къ животнымъ.

Вообще, за-границею я былъ удивленъ прекраснымъ состояніемъ не только племянныхъ, но и всѣхъ рабочихъ животныхъ. До отъѣзда моего, мнѣ не разъ приводилось видѣть на картинахъ лошадей или воловъ, запряженныхъ въ плугъ или огромную фуру, и признаюсь, не разъ я думалъ, смотря на эти картины: «полно-те, господа, морочить насъ! неужели вы тамъ дѣйствительно на такихъ животныхъ пашете и возите тяжести! вѣрно и у васъ такіе же исхудалые волы и тощія клячи, какъ и у насъ.» Приѣхавъ же за-границу, я увидѣлъ, что насъ иностранцы не обманывали, что они на самомъ дѣлѣ употребляютъ въ работу превосходныхъ лошадей и воловъ. Вообще роскошь, сытность, бодрый и веселый видъ, чистота — вотъ отличительныя качества всего рабочаго класса домашнихъ животныхъ западной Европы, гдѣ только мнѣ приводилось бывать. Я увѣренъ, что если бы любую пару воловъ, взятыхъ изъ-за плуга показать нашимъ хозяевамъ, — они сказали бы: эти волы вѣроятно откормлены на убой, или приготовлены если не на выставку, то, по крайней мѣрѣ, на продажу. Посмотрите, если будете въ Германіи, на любую пару воловъ, везущихъ на поле навозъ; длинная фура чуть не ломится отъ тяжести, но ее весело везетъ, бодро ступая, повидному безъ всякаго напряженія силъ, — пара воловъ, здоровыхъ, вычищенныхъ, выглаженныхъ, такъ что шерсть на нихъ отливается шелкомъ. Я нерѣдко бывалъ на пашнѣ, и видѣлъ воловъ и лошадей, — и убѣдился, что тамъ

эти работы не такъ тяжелы для нихъ, какъ у насъ. Право, я смотрѣлъ не чрезъ радужныя очки, — но мнѣ представлялось, что животныя подъ плугомъ будто прохаживаются по нивѣ. И что еще рѣзко бросается въ глаза при видѣ тамошнихъ рабочихъ животныхъ, — это развитость ихъ инстинктовъ: на пашнѣ они знаютъ — когда идти, гдѣ стать, гдѣ повернуть, — и это почти безъ всякихъ указаній пахаря, — по крайней мѣрѣ безъ криковъ, безъ ругательствъ. Я помню одного земледѣльца, шедшаго за плугомъ, запряженнымъ въ двѣ пары воловъ, изъ которыхъ къ одному была привязана, сколько мнѣ помнится, къ лобовой упряжи, тоненькая веревочка, и эту веревочкою оратай передавалъ свои приказанія возамъ. О разумности лошадей въ исполненіи работы — и говорить нечего. И все это конечно зависитъ отъ образа воспитанія или приготовленія къ работѣ домашнихъ животныхъ. За-границей, сколько мнѣ приводилось видѣть, къ ярму вола, къ хомуту или сѣдлу лошадь приучаютъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и приучаютъ такъ, что будущее бремя для нихъ сначала представляется игрушкой и мало-по-малу переходитъ въ настоящее бремя. Здѣсь угаданы и физическая и нравственная стороны животнаго.

Но едва ли здѣсь еще не большее значеніе имѣеть нравственное воспитаніе, или приученіе животнаго къ работѣ. Хотя жеребенокъ или бычекъ и видятъ своихъ родителей подъ ярмомъ, но нѣтъ сомнѣнія, что очутившись сами подъ тяжестью его, они бываютъ жестоко потрясены въ нравственномъ отношеніи; и если будущее содержаніе не искупитъ этого потрясенія, то, по всей вѣроятности, онъ остается съ ними на цѣлую жизнь. Мы очень много видимъ примѣровъ, что нѣкоторыя лошади во всю жизнь остаются капризными, или съ подавленнымъ духомъ, безъ любви къ хозяину и труду. Я не сомнѣваюсь, что сравнительная глупость нашихъ рабочихъ животныхъ непосредственно происходитъ отъ глупаго и грубаго воспитанія ихъ и отъ перваго ярма, которое потрясаетъ ихъ нервную систему. Припомните, какъ у насъ крестьяне и даже многіе помѣщики обучаютъ молодую лошадь. Самый обыкновенный способъ состоитъ въ томъ, что двухъ или трехъ-лѣтнюю лошадь, неиспытавшую на себѣ ничего, кромѣ какого-нибудь одноуздка, вдругъ запрягаютъ. Зная, по наглядности, что такое хомутъ, тяжелая повозка и тяжеловѣсный кнутъ, молодая лошадь естественно при одномъ взглядѣ на нихъ топырится или становится на дыбы, — и здѣсь въ первый разъ испытываетъ, что значить

имѣть дѣло съ деспотомъ-человѣкомъ: она получаетъ нѣсколько ударовъ кнутникомъ въ морду и нерѣдко обагрываетъ первый хомутъ кровью. За тѣмъ начинаютъ вводить неуква въ оглобли; онъ сопротивляется и на него сыпятся со всѣхъ сторонъ неистовые крики и жестокіе удары кнутовъ, кнутниковъ, палокъ, а подѣ часъ и тяжелаго кола. Запрягли, сѣли человѣкъ пять или даже десять съ кнутьями и палками, отворили ворота, гаркнули, — и лошадь или стремглавъ бросается, или ставивится на дыбы и падаетъ; вслѣдствіе чего начинаются еще жесточайшія истязанія: здѣсь хозяинъ выместитъ будущему своему работнику и за переломленную оглоблю, и за порванную, можетъ быть, мочальную шлею, и за все, за все. Покорили бѣдную лошадь, вышла она со двора, направили ее по улицѣ, — и здѣсь принимаются бить и кричать — сколько у кого достанетъ силъ, выѣдутъ на поле и еще большій просторъ даютъ своимъ жестокостямъ, какъ бы празднуя торжество свое надъ бѣднымъ животнымъ. Чѣмъ же все это кончается? лошадь, усталая, избитая, измученная, едва способная тащить ноги, — идетъ шагомъ, повѣся голову, — и хозяинъ съ веселымъ лицомъ возвращается домой, радуясь, что ему удалось обучить лошадь. Нерѣдко это торжество завершается угощеніемъ подвизавшихся въ кнутабитіи; причемъ обыкновенно всякій хвалится числомъ ударовъ, нанесенныхъ лошади и всѣ вообще выхваляютъ хозяину будущаго коня, который съ перваго обученія уже годится въ работу, и ставятъ въ примѣръ нѣкоторыхъ лошадей, которыхъ нужно было подобнымъ образомъ объѣзжать пять или даже десять разъ. — Вотъ обыкновенная выѣздка нашихъ лошадей, не только крестьянскихъ, но и помѣщичьихъ! И если вамъ придется увидѣть въ селѣ или въ окрестностяхъ его лошадь, запряженную въ телѣгу, на которой сидятъ съ полдюжины ряжихъ мужиковъ съ арапниками, — не трудитесь спрашивать: что это такое? — Это обученіе лошади, которое можно видѣть едва ли не въ одной Россіи.

Если о степени просвѣщенія извѣстной націи или государства можно заключать по количеству высшихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, или вообще по количеству учащихся; если степень благосостоянія можно измѣрять потребленіемъ сахара, мяса и употребленіемъ желѣза, то я не сомнѣваюсь, что степень нравственнаго развитія, — степень мягкости и благородства чувствъ можно и должно измѣрять тяжеловѣсностію кнутовъ.

А если это такъ, то едва ли мы далеко ушли на поприщѣ чело-вѣколюбія.

Мнѣ не разъ приводилось видѣть такъ называемыхъ ломо-выхъ извозчиковъ, перевозящихъ грузы на дальнія разстоянія: вотъ подѣзжаютъ они къ селу или деревнѣ, къ трактиру или постоялому двору, передъ которыми обыкновенно стоитъ по нѣскольку переносныхъ яслей; подѣзжаютъ тихо, безъ всякихъ криковъ, только слышно хлопанье бичей въ воздухъ; стали и первымъ дѣломъ считаютъ обтереть лошадь отъ поту и вымыть ей ноги, для чего у многихъ имѣются губки *); потомъ подста-вляютъ ясли, насыпаютъ овса, ячменя или накладываютъ куски печенаго хлѣба. Устроивъ все это, извозчикъ отправляется въ трактиръ, пьетъ тамъ или пиво, или кофе, закусываетъ, и за тѣмъ идетъ къ лошади, и остается при ней безотлучно, то по-правляя ей кормъ, то очищая ее. Въ дождливую пору или большую жару лошади, во время отдыха, обыкновенно прикрываются попонами. Я слышалъ, что тамошніе тяжелые извозчики не дѣлаютъ станцій болѣе десяти-двѣнадцати верстъ, послѣ чего лошадямъ дается часовой или двухъ-часовой отдыхъ и кормъ. А у насъ подобныя извозчики дѣлаютъ по двадцати пяти и тридцати верстъ безъ отдыха, да по какимъ дорогамъ и на какихъ лошадяхъ! Но вы не думайте, что Нѣмецъ меньше нашего про-ѣдетъ въ сутки; — нисколько: лошадь его здорова, сыта, сильна, дороги превосходныя; но главное — самъ возница точенъ, какъ машина; онъ не просидитъ за столомъ лишняго часу, не запьетъ въ трактирѣ, не продумаетъ надъ переломленною осью, что такъ часто случается съ нашими извозчиками, — и случается большею частью не вслѣдствіе дурныхъ дорогъ и дурныхъ повозокъ, а вслѣдствіе отсутствія тормозовъ и бдительности извозчика. Вообще Нѣмцы меньше ѣдутъ, но дальше бываютъ. Но и то надобно сказать, что пути у нихъ прямѣе, а слѣдственно и короче.

Какъ вы думаете, читатель, чему равняется наша верста, даже на столбовыхъ дорогахъ? Вы скажете: стоитъ ли задавать подобный вопросъ? всякій школьникъ знаетъ, что верста имѣетъ 500 сажень. Не правда, а я скажу вамъ, что въ ней будетъ добрыхъ 1000 сажень. Приводилось ли вамъ смотрѣть съ значительной возвышенности на почтовую дорогу? если приводилось, то вы не могли не замѣтить, что по этой широкой дорогѣ собствен-

*) Въ городахъ, также для извозчиковъ, на многихъ переулкахъ имѣются ведры съ водой для обмывки лошадей.

но проѣздная извивается какъ змѣя, и эта змѣющаяся линія иногда втрое, въ пять разъ больше, чѣмъ прямая, обозначенная валами. Но возьмите еще въ расчетъ наши дороги въ дождливую пору и подъ конецъ зимы — въ разгаръ нашихъ знаменитыхъ ухабовъ: здѣсь дорога отступаетъ не только отъ горизонтальной прямолинейности, но и вертикальной; и сколько въ эту пору дѣлаютъ объѣздовъ! Мнѣ не разъ случалось на одной верстѣ раза три переѣзжать поперегъ большую дорогу, и при каждомъ разѣ удаляться отъ вала сажень на десять или даже на двадцать. Сочтите все это; и вы повѣрите, что русская верста равняется 1000, а иной разъ и 2000 сажень, даже съ хвостикомъ. Послѣ этого намъ легко убѣдиться, что наши прапорщики дѣлаютъ въ часъ не пятнадцать верстъ, а всѣ двадцать, и что наши двадцати-пяти верстныхъ станціи равняются пятидесяти верстнымъ. А всему причиною нашъ тяжеловѣсный кнутъ съ сыромятнымъ наконечникомъ.

Продолжая рѣчь о скотоводствѣ, я могъ бы здѣсь сказать, что крестьяне наши почти никакого вниманія не обращаютъ на выборъ племенныхъ животныхъ; что они слишкомъ рано употребляютъ молодой скотъ въ работу, что во время полевыхъ работъ, и, въ-особенности, во время пашии бѣдная лошадь или волъ у нихъ питаются болѣею частію подножнымъ кормомъ или сухимъ сѣномъ; но все это болѣе или менѣе извѣстно многимъ читателямъ, и всего этого они, право, не увидѣли бы на западѣ Европы, исключая, можетъ быть, Франціи, Венгріи, а въ Германіи, рѣшительно скажу, — не увидѣли бы. Здѣсь хозяинъ скорѣе самъ останется голоденъ, чѣмъ оставить вола или лошадь съ тощимъ желудкомъ. На выборъ же племенныхъ животныхъ повсемѣстно обращено вниманіе; потому что тамъ всѣ твердо знаютъ слѣдующіе два афоризма сельскаго хозяйства: а) пороки и добрыя качества родителей передаются дѣтямъ; в) плохая лошадь или плохой волъ дороже хозяину стѣять, чѣмъ хорошіе.

Не могу не обратить вниманія русскихъ хозяевъ на то важное обстоятельство, бросившееся мнѣ въ глаза, что рабочія животныя за-границей сравнительно менѣе работаютъ, чѣмъ у насъ, — отчего очень естественно, и лучше сохраняютъ свои силы. Тамъ только въ тѣхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ помощи рабочаго скота, когда или силы одного человѣка отказываются, или когда работа требуетъ поспѣшности. Исчислять подобныя работы излишне: онѣ всякому болѣе или менѣе извѣстны. Но у насъ дѣлается иначе: если есть у крестьянина лошадевка,

такъ онъ всю работу валить на нее. Нужно взять съ гумна охапку-двѣ соломы, — лошадь за бока; надобно въ лѣсу вырубить выны, — опять лошадь, хотя бы лѣсъ былъ всего въ верстѣ отъ дому; надобно снѣгъ или грязь вычистить со двора, — и тутъ опять бѣдная лошадь; нужно побывать у кума или кумы — опять лошадь, хотя бы кумъ или кума жили всего за какую нибудь версту или двѣ. И притомъ не нужно упускать изъ виду нашей небрежности къ дѣлу и неумѣнья цѣнить время и трудъ. Не такъ дѣлается въ тѣхъ краяхъ, гдѣ дорожатъ рабочими силами животныхъ, тамъ безъ нужды не заставятъ лошадь или вола и десяти сажень сдѣлать. Какую важную роль играютъ тамъ тачки и подобныя имъ двухколесныя небольшія повозки, которыя у насъ такъ мало извѣстны, или употребляются только при постройкахъ и земляныхъ работахъ. Когда я проѣзжалъ чрезъ длинныя тунели по желѣзной дорогѣ, — большею частью пробитыя сквозь каменныя твердыни; когда я посмотрѣлъ на тамошнія рѣки, и въ особенности, гдѣ по берегамъ ихъ идутъ желѣзныя дороги — и увидѣлъ — на какое огромное разстояніе онѣ одѣты камнемъ, — невольно подивился исполнискимъ трудамъ, и мнѣ даже и въ голову не приходило, что здѣсь дѣло обходилось большею частью безъ помощи лошадей и воловъ. Но послѣ мнѣ случилось видѣть, что здѣсь главную роль послѣ человѣка играетъ двухколесная тачка, которую возятъ два или три человѣка, и рѣдко употребляется лошадь. Посмотрите же на нашихъ грабарей, — здѣсь вся тяжесть работы падаетъ на бѣдную лошадь.

Не рѣдко мнѣ приводилось видѣть поселянъ, спѣшащихъ за пять и болѣе верстъ на рынокъ съ своими сельскими произведеніями, — и всѣ эти произведенія они везутъ въ двухколесныхъ телѣжкахъ, или несутъ на плечахъ. А у насъ мужику или бабѣ нужно продать пѣтуха, — хотя бы и всего рынокъ бытъ за версту, — онъ непременно запрягаетъ лошадь, которая нерѣдко, по случаю медленной продажи пѣтуха, стоитъ во всей упряжѣ, на базарѣ, до полудня. А посмотрѣлъ бы русскій крестьянинъ, какія вьюки прутьевъ и вѣтвей носить на плечахъ Нѣмка или Швейцарка, и носить ихъ свободно и легко, потому что корзина ея устроена удобно и она умѣетъ ловко приладить ее на спинѣ или плечахъ. Еслибъ мы поставили рядомъ Италіянку съ ея водоносомъ на головѣ и нашу бабу съ ея коромысломъ, мы увидѣли бы ясно, на чьей сторонѣ грація манеры и сбереженіе механической силы.

Но я попалъ на слишкомъ обильный предметъ; конца бы не было, если бы мнѣ вздумалось описывать трудъ европейскаго

человѣка. Выказанными примѣрами я хотѣлъ только показать, какъ за-границей берегутъ силы рабочиѣхъ животныхъ, и потому сохраняютъ ихъ въ превосходнѣйшемъ состояніи. Не думайте, что тамъ такъ много работаетъ человѣкъ за неизмѣнимъ рабочаго скота. Если, говоря вообще, численность западнаго скотоводства не превосходитъ численности нашего; за то сумма силъ взятаго числа тамошнихъ животныхъ, по крайней мѣрѣ въ два, если не въ три раза превосходитъ сумму силъ того же числа животныхъ у насъ; потому что тамошнія животные, какъ я выше сказалъ, здоровѣи, бодрѣи, менѣе изнурены,—чѣмъ наши.

VI.

Разведеніе кровныхъ животныхъ породъ. — Общества состраданія къ животнымъ. — Русская тройка и каретники. — Сельско-хозяйственныя компаніи и школы. — Гарбы и фуры. — Ярмы и хомуты — Преміи и ковокрадство.

За исключеніемъ Венгріи и юго-востока Франціи (департ. Сены и Лоары) во все время моего путешествія по средней Германіи, верхней Швейцаріи, нѣкоторымъ частямъ Бельгіи и Пруссіи, я не видѣлъ ни одного даже маленькаго пасущагося стада; тамъ почти повсемѣстно скотъ держится въ хлѣвахъ. При такомъ содержаніи скота, тамошніе хозяева достигаютъ четырехъ, очень важныхъ цѣлей: 1) скопленія большей массы навоза, 2) возможности малымъ клочкомъ земли прокормить большое количество скота, 3) болѣе здороваго состоянія воспитываемыхъ животныхъ и 4) удобства сохранять скотъ отъ повальныхъ болѣзней. Какъ извѣстно моимъ читателямъ, способъ содержанія скота на стойлахъ въ лѣтнюю пору, у насъ — еще рѣдкость, видимая только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Остзейскихъ губерній и на западѣ Россіи; среди же крестьянъ онъ рѣшительно нигдѣ не введенъ. Послѣ этого, взвѣсивъ важность означенныхъ четырехъ цѣлей, легко прійти къ заключенію, что наше скотоводство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и земледѣіе, должны быть очень далеки отъ совершенства; дѣйствительно такъ и выходитъ. Исключая степныхъ нашихъ губерній, едва ли можно положить, что у насъ на одно тягло въ общей сложности приходится по десяти сѣнокоса, съ которой получается не болѣе пятидесяти пудовъ.

сѣна. Если у тягловаго крестьянина двѣ лошади, одна корова, два теленка да пять овецъ,—скажите—чѣмъ онъ долженъ кормить ихъ? Почти одной соломой, а въ случаѣ недостатка ея,—старой соломенной крышей. Можно ли послѣ этого требовать, чтобы его скотъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи. Но пусть только уничтожатся выгоны и введется травосѣяніе, и крестьянинъ будетъ получать 200 и 500 пудовъ сѣна; это одно уже поставитъ его скотоводство въ болѣе выгодное состояніе. На выгонахъ содержимый у насъ скотъ некормится, а бѣдствуетъ: онъ постоянно находится подъ вліяніемъ различныхъ враждебныхъ стихій и вѣтъ или негодный бурьянъ, или выбитую сухую траву, по-поламъ съ пылью; для него одна надежда—конецъ лѣта, или осень, когда онъ можетъ выйдти на живище или на убранные сѣнокосы; но эти Эльдорадо нашихъ домашнихъ животныхъ мало поправляютъ ихъ, и они переходятъ въ зиму болѣе или менѣе исхудалыми. Зима съ своими морозами, отъ которыхъ масса нашихъ домашнихъ животныхъ незащищена, съ своею соломой или гнилой крышей, еще въ худшее состояніе приводитъ ихъ силы, и къ веснѣ болѣею частью эти несчастные выходятъ изъ хлѣбовъ на подножный кормъ скелетами, изъ которыхъ для нѣкоторыхъ уже готовы: соха, плугъ, борона, скуднѣйшій подножный кормъ и плотные удары кнута. Послѣ этого не трудно понять—почему наше скотоводство и особливо рабочій скотъ находится въ такомъ жалкомъ состояніи? Правительство наше, слѣдуя добрымъ примѣрамъ Запада, даетъ и племянныхъ производителей; и призы за лучшей скотъ, и назначаетъ выставки; но всѣ эти мѣры намъ не удаются. Тамъ, гдѣ въ самомъ обществѣ нѣтъ побужденій къ улучшенію своего хозяйства, тамъ напрасно власть будетъ учить или предписывать.

Сколько разъ мнѣ, да вѣроятно и вамъ, случилось слышать отъ нашихъ крестьянъ, что они единственно изъ боязни кражи не заводятъ лучшихъ лошадей, или стараются какъ можно поскорѣе продать порядочную лошадь, оставляя себѣ такую клячу, которой даже послѣдній воръ не захочетъ стащить. Мнѣ приходилось очень часто говорить съ крестьянами объ улучшеніи скотоводства и особенно лошадей, и нерѣдко я указывалъ имъ на случныя конюшни или на хорошихъ производителей, находящихся у помѣщика,—и почти всегда слышалъ, что они не имѣютъ никакого желанія пользоваться предлагаемыми милостями,—только потому, что на хорошихъ лошадей,—какъ они говорятъ, слишкомъ зарятся. Нѣкоторые даже мнѣ доказывали, что кровные

производители, размножая лучшую породу скота, размножают вместе съ тѣмъ и воровъ!... Этому отчасти можно и повѣрить.

Наши призы, выдаваемые на выставкахъ и состязаніяхъ домашними животными, конечно раздаются по заслугамъ; но вопросъ: дѣйствуютъ ли они на массу нашего скотоводства? Рѣшительно нѣтъ. Два-три приза на пять губерній, да черезъ пять или болѣе лѣтъ — рѣшительно капля въ морѣ. Эта мѣра улучшения скотоводства тогда только можетъ оказать свое благотворительное вліяніе, когда масса народнаго скотоводства болѣе или менѣе будетъ подходить подъ одинъ знаменатель. Конечно не безъ того, чтобы въ пяти или даже въ одной губерніи не нашлось сотни хорошихъ лошадей или воловъ, — и они завладѣютъ назначенными призами; но какая изъ того будетъ польза, когда миллионъ подобныхъ животныхъ даже и не смѣетъ ступить на арену состязанія?

Что же изъ всего этого слѣдуетъ? уничтожить производителей, предназначенныхъ преимущественно для улучшения народнаго скотоводства? Не давать болѣе призовъ за лучшей скотъ? Нѣтъ! пусть эти мѣры останутся, какъ яснѣйшее свидѣтельство заботливости правительства и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ о благѣ нисшаго класса народа; онѣ могутъ достигнуть своей цѣли, о чемъ скажется нѣсколько словъ ниже; но надобно, въ помощь этимъ мѣрамъ, присоединить еще другія.

1) Такъ какъ можно поставить неоспоримую аксіомою, что при грубомъ обращеніи съ домашними животными не можетъ быть улучшения въ скотоводствѣ; то слѣдуетъ употребить самыя дѣятельныя мѣры для уничтоженія этого злоупотребленія. И здѣсь, во-первыхъ, можно безусловно послѣдовать примѣру нѣкоторыхъ западныхъ государствъ — брать штрафъ за грубое и жестокое обращеніе съ домашними и даже съ другими болѣе или менѣе полезными и безвредными животными. Конечно, здѣсь откроется огромнѣйшій источникъ для лихоимства, взяточничества и другихъ тяжкихъ грѣховъ, вредно дѣйствующихъ на общественное благосостояніе; но не безъ того, чтобы не представилось закону случая достигнуть вполне своей доброй цѣли. Много значить для невѣжды, если онъ будетъ знать, что существуетъ законъ противъ жестокаго обращенія съ животными, или иначе — что это жестокое обращеніе противозаконно. Вѣроятно и въ Англіи и Германіи не вдругъ этотъ законъ благотворительно отразился на общество; но съ другой стороны, видно онъ нуженъ былъ, если его издали. Во-вторыхъ надобно соста-

внѣ общества состраданія къ животнымъ, и не-два и не-три, а пожалуй—въ каждой губерніи по одному, съ особыми комитетами въ уѣздахъ. Подобныя общества мы тоже находимъ на западѣ Европы. Въ Баваріи, сколько мнѣ извѣстно, предсѣдатель подобнаго общества одинъ изъ герцоговъ, братъ короля. Я увѣренъ, что сотни тысячъ найдутся такихъ лицъ въ нашемъ отечествѣ, которыя горько жалуются на жестокое обращеніе съ животными, и готовы служить по мѣрѣ силъ своихъ къ искорененію этого величайшаго зла. Вслѣдствіе этого подобныя лица не откажутся быть членами упомянутыхъ обществъ, и если будутъ за званіе члена вносить по одному руб. сер., — вотъ и капиталъ у обществъ, которымъ они могутъ располагать на благо страждущихъ животныхъ и на исправленіе грубой природы нашего крестьянина. Сюда же можно бы причислить и штрафныя деньги за грубое обращеніе съ животными. Допустимъ, что подобное общество имѣетъ въ своемъ бюджетѣ 2000 руб. сер., и на эти деньги ежегодно издастъ 5—10,000 брошюръ объ уходѣ за домашними животными, — брошюръ, которыя должны быть написаны тепло, убѣдительно и просто;—можно ли думать, чтобъ все это не привилось къ нашему обществу. Правда, путь этотъ къ достиженію предполагаемой цѣли слишкомъ продолжительный! Но грубость природы, закоренѣлая привычка, завѣтныя предразсудки никогда не искоренились вдругъ.

Но мнѣ скажутъ, какъ неоднократно и говорилъ: кто будетъ читать подобныя книжки, когда у насъ грамотный человѣкъ между простымъ народомъ еще рѣдкость! Во-первыхъ ихъ будутъ читать тѣ, кто умѣетъ. Во-вторыхъ, если изъ тысячи одинъ прочитаетъ, то вѣрно, сто или двѣсти услышатъ прочитанное. Въ-третьихъ, говорятъ: нѣкому читать, потому что нашъ народъ безграмотенъ; а я спрошу ревнителей грамотности: что у насъ есть для чтенія? и недостатокъ ли книгъ, доступныхъ, занимательныхъ, удерживаетъ тьму безграмотности надъ нашимъ людомъ? Священныя книги мы имѣемъ почти на непонятномъ для простаго народа языкѣ, и въ этомъ случаѣ даже Калмыки счастливѣе нашихъ крестьянъ. А дальше что?—нѣсколько пѣсенниковъ, нелѣпыхъ гадальныхъ книгъ и сказокъ; все же прочее и выше понятій и внѣ интересовъ крестьянина. А между тѣмъ въ немъ бездна любознательности и желанія учиться.

Кромѣ изданія упомянутыхъ сочиненій, общества состраданія къ животнымъ могутъ дѣйствовать и другими средствами: устнымъ убѣжденіемъ, нѣкоторыми наградами, напримѣръ похваль-

ными листьями и т. п. Если я не ошибаюсь, въ нашемъ отчетѣ одно только общество сельскаго хозяйства южной Россіи обратило на этотъ предметъ свое вниманіе и выдаетъ похвальные листы за краткое обращеніе съ домашними животными, которые мнѣ приходилось видѣть на стѣнкахъ у крестьянъ, въ приличныхъ рамкахъ, и которыми они гордятся.

Еслибъ мое слово встрѣтило сочувствіе, и открылись бы эти благодѣтельные общества! Спасая отъ истязанія бѣдныхъ животныхъ, они спасительно дѣйствовали бы и на исправленіе народнаго характера. Жестокость сердца есть болѣзнь; но болѣзнь излѣчивается только съ удаленіемъ тѣхъ причинъ, которыя производятъ и поддерживаютъ ее. И здѣсь еще разъ повторю, только при мягкости сердца, при облагороженіи чувствъ—возможенъ для народа истинный прогрессъ. Стало бытъ, какую возвышенную цѣль могутъ имѣть въ виду эти, повидимому, незначительныя общества!

Состоятся или нѣтъ желаемыя общества, но независимо отъ нихъ надобно вмѣнить въ обязанность всякаго рода учителямъ и въ-особенности сельскимъ, чтобы они внушали дѣтямъ правила добраго обращенія съ животными и развивали бы любовь ко всему живому, и чтобы за всякое нарушеніе этихъ правилъ строго взыскивали съ своихъ питомцевъ. Прекрасно было бы, если бы въ курсъ первоначальнаго обученія были включены уроки ухода за домашнимъ скотомъ и краткая зоологія, которая знакомила бы дѣтей съ окружающими ихъ животными, а главное—съ тою пользою, которую они, по мѣрѣ силъ своихъ, приносятъ человѣку. Прекраснѣйшій образчикъ подобнаго сочиненія былъ когда-то напечатанъ, кажется въ «Звѣздочкѣ», о дождевомъ червѣ. Все это заняло бы крестьянскихъ дѣтей, входило бы въ ихъ кровь, и отъ нихъ естественно переходило бы въ народъ, даже въ среду безграмотныхъ отцовъ и матерей.

Думалъ я о всѣхъ подобныхъ мѣрахъ и прежде, до поѣздки моей за-границу; но иной разъ возникало сомнѣніе въ успѣхѣ дѣла. Теперь же, когда я лично убѣдился, что эти мѣры дѣйствительно полезны,—я даю имъ полную гласность и за успѣхъ могу поручиться.

2) Употребить возможное содѣйствіе къ измѣненію упряжной сбруи. Здѣсь я опять долженъ припомнить видѣнное мною за-границей. Вообще упряжная сбруя: хомуты, ярмы, повозки и т. п. — за-границей несравненно совершеннѣе, — чѣмъ у насъ. И если гдѣ, то здѣсь при осмотрѣ этихъ предметовъ, я неволь-

но дѣлать вопросъ: почему наши сельскіе жители, часто ѣздившіе съ цѣлью познакомиться съ заграничнымъ хозяйствомъ, — не замѣтили этихъ предметовъ, стоящихъ на первомъ планѣ общественной жизни. Какіе хомуты, ярмы, телѣги были у насъ назадъ тому столѣтія, — тѣже и въ настоящее время. Это изъ рукъ вонъ худо! Я уже не говорю объ упряжѣ, употребляемой нашимъ простымъ народомъ; но и въ помѣщачьихъ имѣніяхъ почти не замѣтно никакихъ улучшеній въ этомъ отношеніи, — можетъ быть, вслѣдствіе того, что для этихъ имѣній работали чужія силы. Трудно ввести плодосѣнное хозяйство; помѣха ему то чрезполосность, то недостатокъ рациональныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству; не легко обзавестись улучшенными сельско-хозяйственными орудіями и машинами: здѣсь приходится бороться съ предубѣжденіями, стародавнюю привычкою, и для нѣкоторыхъ изъ этихъ машинъ нужны спеціальныя свѣдѣнія въ механикѣ; не легко также замѣнить дурныя породы домашнихъ животныхъ улучшенными иностранными, — и здѣсь иногда можно встрѣтить препятствіе или со стороны климата и мѣстополюженія, или со стороны грубой природы простаго народа, или — вообще неумѣнья обращаться съ благородною кровью и т. д. Но замѣнить хомутъ или ярмо лучшими, болѣе приспособленными къ цѣли, ввести ковку воловъ, ввести заграничныя сельскія повозки, на мѣсто русской телѣги, — дѣло, право, возможное и притомъ такое, которое едва ли встрѣтитъ противодѣйствіе со стороны крестьянъ. Доказательство у насъ на лицо: въ Саратовской, Самарской и подобныхъ имъ губерніяхъ, гдѣ поселены Нѣмцы, очень многіе русскіе крестьяне цѣлкомъ переняли всю упряжную систему переселенцевъ изъ Германіи и даже ввели у себя ихъ земледѣльческія орудія. Мужика нашего, при нововведеніяхъ, страшатъ два обстоятельства: новый трудъ и новыя надѣржки. По этому, если онъ видитъ, что тотъ же самый ремень и та же кожа идутъ на нѣмецкій хомутъ, какіе и на русскій, — онъ не затруднится перенять ихъ; также точно, если онъ рассчитываетъ, что нѣмецкая фура хотя и дороже стоитъ, но можетъ прослужить лишніхъ пять-десять лѣтъ, и что она гораздо легче и уѣмистѣе русской, — онъ постарается замѣнить послѣднюю первой. И еще разъ повторю, — доказательство у насъ на глазахъ. Правда и здѣсь не безъ предубѣжденій; но дѣло нашихъ передовыхъ людей въ хозяйствѣ разрушать эти предубѣжденія, — разрушать словомъ, и еще болѣе примѣромъ, котораго, какъ я выше сказалъ, мы почти не видимъ даже сре-

ди тѣхъ помѣщиковъ, которые употребляютъ въ работу своихъ лошадей и воловъ.

Конечно, для заграничной упряжи надобно имѣть и скоть заграничный, т. е., рослый, сильный, здоровый и обученный; и мнѣ, можетъ быть, скажутъ: прежде нужно обзавестись коровей, а потомъ покупать подоинокъ. Но подоинокъ не истощаетъ коровы, не третъ ей холки и спины, не налагаетъ на нее излишней тяжести, какъ наша дуговая упряжь и не уклюжая повозка. Я думаю, что улучшеніе скотоводства безъ улучшенія упряжной системы — дѣло невозможное; она, т. е., эта улучшенная система можетъ и поддержать улучшенную породу, и способствовать къ улучшенію плохой породы, разумѣется, при другихъ благопріятныхъ условіяхъ.

Возьмите самую тройку нашу, которая слыветъ удаюю, которой мы любуемся на картинкахъ, и которую покойный Гоголь взялъ за символъ полета Россіи. Что можетъ быть безобразнѣе этой тройки! Полный разладъ съ механикой, съ тѣми законами ея, которые извѣстны послѣднему школьнику гимназіи. Здѣсь двѣ боковыя лошади — изогнуты чуть не въ кольцо и имѣютъ подтянутыя къ боку головы, — самымъ безжалостнымъ образомъ; центръ тяжести падаетъ на одну изъ сторонъ этихъ животныхъ, а не на весь ихъ корпусъ; во время бѣга, онѣ владѣютъ только однимъ глазомъ и мордой чуть не бьются о землю. Лошадь, замѣчу, тогда только бѣжитъ свободно, безъ особеннаго напряженія силъ, когда она сама выбираетъ — гдѣ ступить ей ногой. Въ доказательство этого довольно взглянуть на нашихъ прістѣжныхъ съ несущимися по землѣ головами: какъ скоро покрываетъ ихъ пѣна! Положимъ, по смыслу русской правды, эти лошади должны бѣжать вскачь, когда коренная бѣжитъ рысью; но эта скачь не была бы для нихъ такъ утомительна, если бы весь корпусъ ихъ былъ на одной линіи къ центру тяжести. Коренная въ этой тройкѣ замкнута въ оглобляхъ, большею частію до того короткихъ, что при быстрой ѣздѣ бѣдная лошадь приподнимаетъ всю переднюю часть экипажа; далѣе — она стянута сѣделкою, подпругой, подавлена тяжеловѣснѣйшею дугою; голова подтянута къ верху, нерѣдко до такой степени, что дыханіе, становится довольно затруднительнымъ; коротко, эта лошадь опутана, переплетена кругомъ, кромѣ ногъ, — и ее заставляютъ бѣжать не только рысью, но и вскачь! Любуйтесь, господа патриоты, лихими тройками; см. трите съ Гоголемъ на нихъ, какъ на полетъ любезнаго отечества; но подобный полетъ едва ли

вы встрѣтите во всемъ западѣ Европы, который догонять мы такъ пламенно хотимъ: наша тройка не совсѣмъ хорошая вывѣска, она обличаетъ и незнаніе основныхъ законовъ механики, и черствость нашей натуры; — и въ добавокъ напоминаетъ намъ тотъ возъ, который еще и до-сихъ-поръ стоитъ, я разумѣю возъ, который взяли везти лебедь, щука и ракъ. Всмотритесь въ дѣло, и вы сами убѣдитесь, что наша тройка похожа на тройку Крылова: коренная, положимъ, несется въ облака, но пристяжныя, — право, въ разныя стороны. Конечно, я не много преувеличиваю, но скажите сами: будетъ ли гармонія въ силѣ, когда двѣ лошади бѣгутъ вскачь и направлены въ противоположныя стороны, а третья рысью? можетъ ли идти плавно экипажъ? и можетъ ли быть, чтобъ какая нибудь изъ силъ (пристяжная и коренная) не подавляла другой?.. Только удалая, размашистая натура русскаго можетъ довольствоваться такой тройкой! да и что ей за дѣло до этой тройки, — несла бы она хорошо! — Самъ сѣдокъ голову сломить? — и то не бѣда: жизнь копѣйка, голова дѣло наживное — у русскаго народа!..

Отъ тройки естественный переходъ къ телѣгѣ, въ которую запрягается эта тройка, или вообще къ русской телѣгѣ. Но нужно ли о ней много распространяться? стоитъ только припомнить, что въ Англіи какой-то любитель механики назначалъ премію тому, кто изобрѣтетъ телѣгу во всѣхъ отношеніяхъ хуже русской. Говорятъ, что на этотъ конкурсъ не нашлось охотника; — это значитъ, что хуже того, на чемъ возить Россія всѣ свои сельскія произведенія, всѣ свои товары, нельзя и придумать. Замѣйте, это въ такой странѣ, гдѣ такъ мало сносныхъ путей сообщенія; гдѣ существуетъ только одинъ громоздкій товаръ, гдѣ повозка, слѣдовательно, должна играть одну изъ первыхъ ролей. Какъ это грустно и даже досадно!

Впрочемъ, вина здѣсь нашу безсознательную небрежность, мы не можемъ не свалить вины, во-первыхъ, на недостатокъ у насъ желѣза и, во-вторыхъ, ремесленнаго класса. Сибирскіе богатѣйшіе наши рудники слишкомъ далеки отъ насъ, и потому желѣзо вообще въ Россіи дорого. Кромѣ того, эти рудники, богатые рудой, не бѣдны и рутинной, видимой какъ въ самомъ добываніи желѣза, такъ и въ выдѣлкѣ его. Я знаю одинъ заводъ на югѣ Россіи, который тысячь пудовъ желѣза ежегодно выпускаетъ изъ Сибири; но такъ не доволенъ имъ, что по его мнѣнію, гораздо выгоднѣе, съ уплатою пошлины, получать желѣзо изъ Англіи, чѣмъ изъ Россіи. Почему? Потому что въ Англіи,

приготавливаютъ желѣзо, приспособленное къ различнымъ издѣліямъ, между тѣмъ какъ на сибирскихъ заводахъ, съ небольшимъ исключеніемъ, выдѣлываютъ его въ видѣ большихъ массъ, изъ которыхъ приготовленіе издѣлій механику обходится очень дорого, а слѣдовательно и покупателю. Я недавно имѣлъ случай любоваться англійскимъ желѣзомъ, выписаннымъ на заводъ Ковалевскаго (въ Одессѣ): что за разнообразіе и какая примѣнимость къ различнымъ потребностямъ! Нуженъ желѣзный валъ, ось, шворень — все есть, отруби, обточи — и вещь готова! За все это желѣзо г. Ковалевскимъ одной пошлпы заploчено до 1,500 руб. сер., но онъ находитъ, что его выгоднѣе покупать, нежели сибирское.

Выше я сказалъ, что для введенія у насъ улучшенныхъ сельскихъ экипажей, а равно и другихъ подобныхъ предметовъ — большое препятствіе въ недостаткѣ ремесленнаго класса. Дѣйствительно такъ. Во многихъ нашихъ деревняхъ и даже селахъ иногда нѣтъ ни одного кузнеца, или — на огромнѣйшее село одинъ Васька кузнецъ, который притомъ умѣетъ только лошадей подковать, гвоздь сдѣлать, сердечникъ сварить, — и больше не спрашивайте отъ него; вамъ нужно опиновать колеса, — поѣзжайте въ городъ, или къ какомунибудь помѣщику; но у помѣщиковъ своя система экономіи: они воспитываютъ каретниковъ, музыкантовъ, парикмахеровъ, а не тѣхъ ремесленниковъ, которые нужны большинству подвластнаго имъ крестьянства.

Недостатокъ сельскихъ ремесленниковъ большое зло — величайшая потеря силы и человѣческой и животной, огромнѣйшая трата времени, которую можно сравнить развѣ только съ молдавскими праздниками, коихъ число, по моимъ соображеніямъ, равняется 122 — я разумѣю здѣсь и дни похмѣльные.

Это зло можетъ устраниться: а) соответственнымъ распределеніемъ поземельной собственности; б) составленіемъ компаній для производства сельскихъ экипажей, сбруй, земледѣльческихъ орудій и т. п. и в) образованіемъ сельско-хозяйственныхъ реальныхъ школъ. О первомъ мы будемъ имѣть случай сказать нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ; о двухъ же послѣднихъ поговоримъ теперь.

Составленіемъ компаній мы скорѣе всего можемъ удовлетворить настоятельнѣйшей нашей нуждѣ, — и составить ихъ — дѣло очень возможное, потому что здѣсь не потребуется огромныхъ капиталовъ: 25,000 руб. сер., данныхъ въ дѣльняныя, энергическія руки, достаточны для устройства завода — съ неболь-

шою литейной, кузницей и столярной. Что же касается до сбыта; то можно навѣрное положить, что онъ обезпеченъ: среди помѣщиковъ нашихъ, въ послѣдніе десять, и еще болѣе въ послѣдніе четыре года, повсемѣстно стала проявляться потребность улучшенія хозяйства во всѣхъ его видахъ; то же желаніе къ усовершенствованію своего быта замѣтно и между крестьянами; но это желаніе быстро разовьется съ измѣненіемъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ и съ окончательнымъ освобожденіемъ ихъ, — и особливо если крестьянамъ (какъ этого и можно ожидать) дадутся ограниченныя участки земли, изъ которыхъ они принуждены будутъ добывать хлѣбъ и деньги на удовлетвореніе различныхъ потребностей — усиленнымъ и улучшеннымъ трудомъ.

Я выше сказалъ, что нашего крестьянина удерживаетъ отъ различныхъ нововведеній, положимъ отъ введенія лучшей упряжной системы, дороговизна. Но очень естественно полагать, что компанейскіе заводы будутъ продавать свои издѣлія, сравнительно, по дешевымъ цѣнамъ; потому что желѣзо и дерево они будутъ получать изъ первыхъ рукъ и большими партіями, и на заводахъ ихъ многія руки будутъ замѣнены машинами. Я позволю себѣ указать на одинъ примѣръ: въ окрестностяхъ Одессы есть два или три кузнеца-колониста, которые продаютъ свои далеко нехорошіе плуги по 25 — 30 и даже 40 руб. сер.; но на заводѣ г. Ковалевскаго подобные плуги, гораздо совершеннѣйшіе, можно заказать за 20 — 25 руб. Еще примѣръ: здѣшніе колонисты продаютъ свои фуры отъ 50 до 100 руб. сер., но на заводѣ, по мнѣнію знатоковъ дѣла, эти фуры могли бы быть продаваемы за 30, много за 70 руб. Впрочемъ напрасно я стараюсь доказывать, что предполагаемыя мною компаніи могутъ продавать свои произведенія по болѣе дешевымъ цѣнамъ: это для всякаго очевидно. Сколько намъ извѣстно, общество сельскаго хозяйства южной Россіи имѣетъ въ виду учредить компанію для устройства завода сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ, и при немъ школы ремесленниковъ. Дай Богъ, чтобы его предположеніе осуществилось и доброму примѣру его нашлись добрые послѣдователи. Здѣсь и выгоды и польза — предъ глазами; однако едва ли можно надѣяться, чтобы нашлось соответственное число капиталистовъ на подобныя предпріятія. Русскій народъ — странный народъ! Высокихъ качествъ, въ немъ много. Онъ готовъ подъ часъ жертвовать послѣднимъ; богачамъ русскимъ бросить на иное общепольное дѣло десять и даже сотню

тысячъ — иной разъ также легко — какъ встать съ постели. Но предложите этимъ же самымъ богачамъ взять сторублевою акцію такой компаніи, которая будетъ трудиться какъ муравейникъ, для общей семьи, но которой труды не будутъ имѣть блеска и быстроты въ достиженіи цѣли, — они поспеютъ; докажите имъ, что отъ этого предпріятія вѣрныхъ 10—15%, — они скажутъ: да что мнѣ эти 10—15 руб. А почему? — потому что здѣсь нѣтъ пищи ихъ эгоизму, что про нихъ не будутъ трубить! О, мы страшные эгоисты!

Заведеніе реальныхъ сельскихъ и притомъ сельско-хозяйственныхъ школъ, очевидно, дѣло первой важности. Намъ надобно имѣть доморощенныхъ сельскихъ механиковъ, и притомъ въ такомъ количествѣ, которое соотвѣтствовало бы общирности нашихъ сельско-хозяйственныхъ производствъ и земледѣльческому народонаселенію. Еще можно купить телегу, плугъ, какую-нибудь машину и т. п.; — но чинить, исправлять и направлять ихъ надобно имѣть дома. Есть множество сельскихъ орудій, которыя несложны, которыя выгоднѣе дѣлать самимъ поселянамъ, или живущимъ съ ними мастеровымъ, — чѣмъ покупать и перевозить изъ далекихъ мѣстъ: всѣмъ этимъ и подобнымъ имъ потребностямъ могутъ удовлетворить мастера, которые будутъ работать въ самыхъ деревняхъ. Доброе правительство наше въ различныхъ концахъ Россіи основало нѣсколько сельско-хозяйственныхъ учебныхъ фермъ, собственно для распространенія улучшеннаго сельскаго хозяйства между простымъ народомъ. Почему бы не основать даже на счетъ сельскихъ обществъ такихъ школъ, гдѣ бы обучались молодые крестьянскіе ребята кузнечеству, столярству и сельско-хозяйственной механикѣ, т. е., дѣланію плуговъ, телегъ, молотилокъ, вѣялокъ, мельницъ и т. п. И почему бы не обязать эти общества непремѣнно обучать въ этихъ школахъ нужное для нихъ число мастеровыхъ? — Вы скажете: это будетъ обременительно для нашихъ крестьянъ. Почему же германскіе поселяне не считаютъ обременительнымъ обязательство, подѣ взясканіемъ довольно значительнаго штрафа, обучать всѣхъ безъ исключенія дѣтей грамотѣ?

Любезный читатель! я вижу, что нить моего разсказа давно прервана и я, потерявъ систему, совершенно сбился съ толку на русской дорогѣ. Да и трудно не сбиться съ пантылыку: меня оглушаетъ и одуряетъ: скрипъ немазанныхъ и полумазанныхъ телегъ, соломою начиненные хомуты, мочальные плеи, сѣделки, оставляющія послѣ себя обильную пищу не только червямъ, но

и птицамъ небеснымъ; плуги съ безободными колесами, оглушительный трескъ отъ постоянно-гомящихся осей, дуги, которыя едва подымаетъ одной рукой дюжій мужичина, хромья лошади отъ худойковки, такія же съ разбитыми копытами за неимѣніемъ подковъ, брусья, влачimyе на однихъ передкахъ, чумацкія фуры, въ которыхъ не стыдно бы впречъ и допотопнаго маконта или мастадона, дорожныя кареты большихъ господъ, въ которыхъ могъ бы помѣститься Ной съ своимъ семействомъ и со всѣми, бывшими съ нимъ въ ковчегѣ тварями; пудовыя сѣдла, чекушки, равняющіяся плечу оси, и со всѣмъ этимъ причѣтомъ кнуты, плети, дубины, и т. д.

Заграничная упряжь вообще отличается простотою, прочностію и меньшею тратою упряжной силы. Относительно перваго достоинства достаточно сказать, что тамъ почти исключительно существуетъ одна дышловая упряжь, въ которой, какъ извѣстно, находится только одна оглобля (дышло), которая не имѣетъ надобности ни въ сѣделкахъ, ни въ подругахъ и чрезсѣдельникахъ, ни въ дугахъ; и вообще здѣсь запряжка и выпряжка легче и производится скорѣе, — достоинство очень важное во многихъ случаяхъ. Далѣе: при такой упряжи животное чувствуетъ себя болѣе свободнымъ, а потому и трудъ для него менѣе изнурителенъ. Конечно, дышловая упряжь требуетъ пары и слѣдовательно не для всякаго доступна; въ такомъ случаѣ пусть дуговая остается для бѣдняка; но почему не постараться ввести ея тѣмъ, которые имѣютъ по пяти, десяти и болѣе лошадей, — а такихъ у насъ не мало. Пора намъ убѣдиться, что дышловая упряжь гораздо легче для животныхъ, чѣмъ одинокая: не все равно для двухъ лошадей — вести, на примѣръ, пятидесятипудовую тяжесть въ разпряжку, т. е., на двухъ телѣгахъ, или парой на одной фурѣ. Въ первомъ случаѣ къ пятидесятипудовой тяжести прибавляется лишняя телѣга, которая въ грязную пору иной разъ одна, сама по себѣ, составляетъ двадцать пудовъ вѣсу. И еще: не все равно припречъ къ извѣстной тяжести лошадь съ боку, какъ это дѣлается въ дуговой упряжѣ, или двѣ лошади прямо противъ центра тяжести. Правда, въ послѣднемъ случаѣ обѣ лошади должны быть равносильны одна другой, — между тѣмъ какъ во второмъ одна можетъ быть слабѣе другой: но что же за расчетъ для хозяина держать плохую лошадь вмѣсто хорошей. Скажу болѣе: пристяжныя наши просто служатъ только къ умноженію влячь, и съ уничтоженіемъ ихъ много бы выиграло наше коноводство. Я могъ бы на этотъ разъ сослаться

на Нѣмцевъ, поселенныхъ въ Россіи, у которыхъ упряжь дышловая и коповодство несравненно въ лучшемъ видѣ, чѣмъ у нашихъ крестьянъ; но на нихъ страшно указывать, потому что сейчасъ же раздадутся крики, что эти выходцы пользуются на русской землѣ льготами и различными преимуществами.

Знаю, что мнѣ могутъ сказать, еще и то, что при дальности нашихъ полей и вообще центровъ, съ которыми намъ приходится сообщаться, нельзя завести дышловой упряжи, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы употреблять въ работу постоянно двухъ лошадей, — между тѣмъ какъ теперь одна изъ нихъ можетъ отдыхать, а другая работать. На это я, во-первыхъ, скажу, что нужно какъ можно болѣе ограничить употребленіе животныхъ въ работу, и то, что можетъ человѣкъ сдѣлать собственными силами, не сваливать на лошадь, т. е., за охапкой сѣна не гонять ее; а во-вторыхъ, сколько у насъ работъ, въ которыхъ всѣ лошади бываютъ заняты, напримѣръ, возка хлѣба, доставка сельскихъ произведеній къ рынкамъ и т. п. Такъ какъ при этихъ работахъ всѣ лошади на ногахъ, то спрашивается: за чьи же грѣхи онѣ таскаютъ двойное число телѣгъ? Разочтите сами, умный хозяинъ. — практикъ: вы посылаете двадцать подводъ въ распряжку за снопами, или съ хлѣбомъ въ городъ; развѣ той же самой тяжести нельзя перевести на десяти телѣгахъ, запряженныхъ парами? Правда, для пары повозка должна быть пообширнѣе; но какъ бы она обшпрна ни была, все же будетъ имѣть только четыре колеса, которыя, какъ извѣстно, у насъ большею частію не уклюжи и тяжелы, и на каждомъ въ мокрую пору нацѣпляется по пяти пудовъ грязи. Разочтите, — п вы убѣдитесь, что и возка сноповъ, и доставка хлѣба въ городъ на шарныхъ фурахъ производилась бы у насъ и поспѣшнѣе, и менѣе была бы изнурительна для животныхъ. Странно, но приходится иногда слышать, что въ Россіи потому нельзя ввести дышловой упряжи, что у насъ нѣтъ шоссеиныхъ дорогъ. А наши Нѣмцы по какимъ дорогамъ ѣзятъ? — У нихъ-де лошади лучше! — Какой же этотъ расчетъ? лошади скверныя, дороги нѣтъ, — такъ пусть и повозки будутъ сквернѣйшія! Чѣмъ бы одно зло выкупать какимъ-нибудь добромъ, а мы къ одному злу прибавляемъ другое, — мало двухъ — третье. Мнѣ кажется, здѣсь-то, при дурныхъ дорогахъ и слабосильныхъ лошаденкахъ, и надобно позаботиться по крайней мѣрѣ о порядочной повозкѣ!

Выше я сказалъ, что заграничная упряжь отличается прочностію. Эту прочность я видѣлъ въ повсемѣстномъ употребленіи

ремня, вмѣсто веревокъ и мочала, и въ употребленіи веревокъ, пропитанныхъ смолою или масломъ вмѣсто обыкновенныхъ сухихъ; дагѣ въ употребленіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣсто веревокъ и ремней, желѣзныхъ цѣпей, наконецъ, въ самихъ экипажахъ, которые всѣ безъ исключенія въ извѣстныхъ мѣстахъ окованы желѣзомъ, имѣютъ по большей части желѣзныя оси и непремѣнно превосходно устроенныя и ошипованныя колеса, у которыхъ, между прочимъ, та особенность передъ нашими, что нѣтъ между передними и задними такой разницы въ величинѣ, какъ у нашихъ колесъ.

Въ Германіи во всеобщемъ употребленіи четырехколесныя фуры; между тѣмъ какъ во Франціи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгій и Англіи въ большомъ употребленіи — двухколесныя, на подобіе тѣхъ гарбъ, которыя употребляютъ наши крымскіе татары, — но, конечно, въ совершеннѣйшемъ видѣ.

Четырехколесныя нѣмецкія фуры имѣютъ нѣсколько видоизмѣненій: легкія — для переѣздовъ и перевозки небольшихъ тяжестей; тяжелыя — для перевозки сноповъ, дровъ и т. п.; есть особыя повозки для перевозки зѣса, бочекъ съ пивомъ или виномъ и т. п. Эти повозки состоятъ изъ двухъ длинныхъ (до $2\frac{1}{2}$ — 3 саж.) толстыхъ дрогъ, имѣютъ всѣ четыре колеса равныя, и притомъ эти колеса сравнительно не велики (менѣе $\frac{3}{4}$ арш. въ діам.) и отличаются особою прочностію. Особенно хороши германскія фуры, употребляемыя для возки сноповъ, сѣна, дровъ и т. п. Длина ихъ двѣ и болѣе сажени; дрожины въ нѣсколькихъ мѣстахъ окованы желѣзомъ; вмѣстительность такая, что едва ли въ одной фурѣ не уложится двѣ изъ разряда обыкновенныхъ нашихъ телѣгъ; сзади обыкновенно находится винтъ, который при двухъ-трехъ оборотахъ тормазитъ оба заднія колеса, — и притомъ по желанію — слабѣе и туже. Для пригнетанія сноповъ или сѣна имѣется особый очень легкій механизмъ. Мнѣ случалось видѣть перевозку дровъ на подобныхъ фурахъ; и я невольно дивился ихъ вмѣстительности; кромѣ укладки дровъ въ самую фуру, къ бокамъ ихъ привѣшаны, на подобіе вьюковъ у верховой лошади, на цѣпяхъ вязанки дровъ такой величины, что каждая изъ нихъ можетъ составить возъ для крестьянской лошаденки. Я думаю, что на недалеое разстояніе, по гладкимъ шоссе, можно перевести безъ малаго сажень трехполѣнныхъ дровъ на одной такой фурѣ.

Отъ души совѣтую хозяевамъ обзавестись подобными фурами. Въ убыткѣ они не будутъ; напротивъ — въ большомъ

выигрышѣ; во-первыхъ потому, что упомянутыя фуры вдвое долѣе прослужать, чѣмъ наши обыкновенныя телѣги; во-вторыхъ, при этихъ фурахъ сократится число телѣгъ, которыя своею численностью нерѣдко составляютъ большое бремя для хозяйства, (потому что ихъ трудно сохранять отъ гніенія и онѣ требуютъ ремонта) и не менѣе тяжелое бремя для рабочей животной силы.

Двухколесныя французскія и англійскія повозки или гарбы также мнѣ очень понравились; въ сельскомъ хозяйствѣ ихъ употребляютъ въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и четырехколесныя. Онѣ имѣютъ за собою тѣ неспоримыя достоинства, что во-первыхъ, дешевле четырехколесныхъ, а во-вторыхъ, легче на ходу. Последнее достоинство легко объясняется во-первыхъ тѣмъ, что два колеса терпятъ менѣе тренія, чѣмъ четыре, а во-вторыхъ тѣмъ, что радиусъ колесъ обыкновенно большой — до 2—2½ арш. На такихъ гарбахъ Французы обыкновенно перевозятъ самыя большія тяжести, напримѣръ, камни огромнаго размѣра. Смотра по величинѣ гарбы и по тяжести, въ нихъ впрягаютъ двѣ, три и даже четыре лошади—гусемъ, т. е., одну за другой, при которыхъ, кстати скажу, идетъ одинъ только рабочій, хлопывая издали бичемъ. Одинъ, проживающій въ Парижѣ русскій архитекторъ (не имѣю права назвать его по имени), говорилъ мнѣ, что на подобныхъ гарбахъ Французы силою восемь лошадей перевозятъ такую массу камня, для перевозки которой мы должны бы употребить тридцать пять и даже сорокъ лошадей, на обыкновенныхъ нашихъ телѣгахъ, или на такъ называемыхъ ломовыхъ дрожняхъ. Не удивляйтесь этому расчету; тамъ лошади такихъ размѣровъ и такъ сильны, что не даромъ ихъ величаютъ то львами, то слонами; а гарбы, какъ я сейчасъ говорилъ, имѣютъ большія колеса и вообще устроены съ полнымъ знаніемъ механики. Чтобы при перевозкѣ такихъ огромныхъ тяжестей не портилась мостовая и выдерживала экипажи,—колеса имѣютъ ободья до трехъ вершковъ ширины, а шины на нихъ въ вершокъ толщины; оси вообще желѣзныя.

Одно неудобство въ подобнаго рода гарбахъ, что онѣ болѣе пригодны для ровныхъ мѣстностей, а слѣдовательно, за неимѣніемъ у насъ гладкихъ шоссе и хорошихъ подъемовъ на горы, нельзя безусловно рекомендовать французскія или англійскія двухколесныя гарбы. Впрочемъ для перевозки сноповъ, гѣсу, камней, кирпича и т. п. на недалнія и на негористыя разстоянія онѣ очень годились бы; за то для степей Заволжья и для равнинъ Новороссійскаго края, гдѣ хлѣбопашество развито до

огромныхъ размѣровъ, и гдѣ свозка сноповъ и доставка хлѣба къ портамъ, составляютъ одну изъ труднѣйшихъ работъ, — эти гарбы должны считаться драгоценнымъ кладомъ, — но конечно онѣ должны быть болѣе или менѣе измѣнены и приспособлены къ росту и силѣ нашихъ лошадей или воловъ. При этомъ не нужно выпускать изъ виду и того, что эти гарбы сравнительно менѣе требуютъ дѣла (что очень важно въ упомянутыхъ бездѣльных краяхъ), устроены просто и потому не требуютъ частыхъ починокъ.

Смѣло могу сказать, что подобная гарба замѣнить двѣ русскихъ телѣги, прослужить втрое долѣе ихъ и уменьшить сумму рабочей силы — если не на $2\frac{1}{2}$, то, по крайней мѣрѣ, на $\frac{1}{2}$, — здѣсь я разумѣю силу и человѣка, что очень важно въ упомянутыхъ краяхъ.

За фурой естественный переходъ къ ярму. Что у насъ ярмо тяжело и грубо сдѣлано, — это всякому извѣстно; но всякому ли приходило на мысль, что оно слишкомъ обременяетъ вола. Извѣстный законъ: тяжесть становится менѣе чувствительною, если она падаетъ на большую поверхность тѣла, и напротивъ — болѣе чувствительною, если давить на меньшую. Поэтому-то пяти-пудовый мѣшокъ на спинѣ не производитъ такой боли и легче переносится, чѣмъ пяти-пудовая гиря, тоже положенная на спину. Послѣ этого не трудно понять, въ чемъ состоитъ не выгода обыкновеннаго нашего ярма: оно такъ устроено, что давить только на одну холку; и слѣдовательно, если бы оно давило гораздо на большую поверхность, — вола несравненно было бы легче. Удивительно, что въ видѣнныхъ мною англійскихъ ярмахъ этотъ недостатокъ не со всѣмъ устраненъ, хотя усовершенствованныя ими ярма болѣе обнимаютъ шею, на подобіе хомута. На этотъ разъ я вообще даю преимущество германскимъ ярмамъ, которыя болѣе походятъ на хомутъ, чѣмъ на ярмо, и въ которыхъ слѣдовательно тяжесть болѣе или менѣе распределена не только на холку, но и на боковыя соотвѣтственныя ей части. И притомъ болѣею частію эти ярма у нихъ одиночныя (т. е., для cadaго вола особое ярмо) и если несовершенно кожанныя, то по крайней мѣрѣ, обтянутыя кожей. Нѣкоторыя же ярма имѣютъ очень близкое сходство съ хомутомъ, и мнѣ кажется, что ихъ можно считать самыми лучшими. Вообще я врагъ парныхъ ярмъ: къ чему это мучительное стѣсненіе для трудящихся животныхъ? посмотрите — сколько неудобствъ они терпятъ при отдыхахъ, когда одному изъ нихъ хочется лечь, или

при недружномъ ходѣ, при неравенствѣ силъ и т. п. Противники одиночныхъ ярмъ, сколько мнѣ помнится, одно неудобство находятъ въ нихъ, именно: что разъединенные волы бодаютъ другъ друга, особливо — когда беспокоятъ ихъ мухи. Въ такомъ случаѣ не трудно подпилить рога. Но вообще это неудобство не можетъ перевѣсить тѣхъ выгодъ, какія представляютъ одиночныя ярма.

Кромѣ шейныхъ ярмъ, за-границей, и по большей части въ Германіи, можно встрѣтить лобовую, или правильнѣе — роговую упряжь, которую нѣкоторые хозяева предпочитаютъ шейнымъ ярмамъ на томъ основаніи, что, по мнѣнію ихъ, вся сила вола сосредоточена во лбу. Признаюсь, мнѣ очень не понравилась эта упряжь, и я не посовѣтовалъ бы вводить ее. На какомъ основаніи можно думать, что у вола вся сила во-лбу? на томъ, — что онъ лбомъ или рогами бьетъ другихъ? Но если такъ, то лошадь надобно бы запрягать за заднія ноги, которыми она преимущественно наноситъ ударъ противнику. Вообще лобовая упряжь ставитъ вола въ несовершенно-естественное положеніе: она принуждаетъ его держать въ наклонномъ положеніи голову, въ изогнутомъ — шею и даже всю спину; слѣдовательно здѣсь сила расходуется не только для уничтоженія сопротивленія со стороны тяжести (т. е., для передвиженія тяжести); но и для того, чтобы держать тѣло въ такомъ положеніи, при какомъ возможно это уничтоженіе сопротивленія со стороны тяжести. Пояснимъ это опытомъ, который мы можемъ пропзвести не выходя изъ комнаты: будемъ приподнимать извѣстную тяжесть, стоя обѣими ногами; и потомъ попытаемся сдѣлать тоже самое, но ставши на землю одной ногой. Естественно, въ послѣднемъ случаѣ будетъ труднѣе приподнять тяжесть — труднѣе именно потому, что потерявъ центръ опоры и сила расходуется на поддержаніе тѣла въ неестественномъ положеніи. Да вотъ еще ближе примѣръ: почему на гору труднѣе идти, — чѣмъ по ровному мѣсту? — Потому, что въ первомъ случаѣ часть нашихъ силъ отдѣляется на то, чтобы не допустить корпусъ опрокинуться назадъ.

Не могу не сказать нѣсколько словъ и о хомутахъ. Что крестьянскіе наши хомуты вообще дурны, — объ этомъ и говорить не стоитъ: ихъ кругловатая форма, кровавые слѣды, оставляемые ими на холкѣ, груди и плечахъ, — ясно свидѣтельствуютъ объ ихъ дурныхъ качествахъ. Но удивительно, что и такъ-называемыя наши барскія лошади тоже большею частію не носятъ порядочныхъ хомутовъ, исключая лошадей Царства Польскаго и

нѣкоторыхъ западныхъ губерній. Заграничныя хомуты и въ-особенности на возовыхъ лошадахъ имѣютъ большое сходство съ такъ называемыми у насъ польскими или краковскими хомутами. Эти хомуты болѣе или менѣе всякому извѣстны, а потому я ограничусь здѣсь указаніемъ только главныхъ ихъ достоинствъ: 1) Занимая на груди, сравнительно, большую площадь, они въ такой же мѣрѣ лежатъ на холкѣ и плечахъ лошади; слѣдовательно здѣсь тяжесть дѣйствуетъ на большую поверхность, и, потому для лошади, легче вести ее; 2) эти хомуты широки, слѣдовательно еще имѣютъ важное преимущество предъ нашими тѣмъ, что не врѣзываются въ тѣло лошади, которая поэтому не терпитъ большаго давленія и не такъ скоро получаетъ мозоли и сеадины. Многіе изъ нашихъ щеголей, желая соблюсти гармонию между тонкою дугою и хомутомъ, — и этотъ послѣдній утоняютъ до послѣдней возможности. Оно конечно — красиво, но безжалостно; впрочемъ еще для проѣздной лошади сносно, — бѣда, что и возовые наши кони имѣютъ хомуты сравнительно тонкіе и въ добавокъ жесткіе, особливо въ нижней своей части. Я не погрѣшу, если заграничныя хомуты сравню съ широкою тесьмою, а наши обыкновенныя — крестьянскія — съ веревкою. Судите же сами, объ удобствахъ перваго и неудобствахъ втораго.

Кто видѣлъ польскія хомуты, тотъ не могъ не замѣтить, что они выдаются вверхъ двумя рогами (оконечностями клешней), къ которымъ привѣшиваютъ различныя пестрыя матеріи и даже нѣчто въ родѣ шалей. Въ Германіи мнѣ не разъ приводилось видѣть, что на эти рога Нѣмцы (собственно воловые извозчики) вѣшаютъ лисьи и волчьи шкуры, вязки конскихъ хвостовъ, которые довольно красиво спускаются на одну изъ сторонъ лошади (обыкновенно на лѣвую). Служатъ ли эти шкуры и хвосты для отогнанія мухъ или для другой болѣе положительной пользы, — не знаю; но во всякомъ случаѣ, при огромныхъ фурахъ, на рослыхъ и сытыхъ лошадахъ, при массивной упряжи, они дѣлаютъ очень красивую картину, особливо въ длинныхъ поѣздахъ: такъ и чудится что-то мощное, сильное, торжественное, такъ и видится — дюжій трудъ человѣка, отзывающійся какимъ-то величіемъ, сознаниемъ пользы труда и желаніемъ чѣмъ-нибудь подкрасить его. Хороши наши бубенчики, которыми обвѣшиваютъ извозчики своихъ лошадей; но они своею безконечною пѣсней, Богъ вѣдаетъ, какую грусть навѣваютъ на сердце. Я даже недоволенъ и тѣми крупными бляхами, которыми у насъ унизыва-

ють узды, шлеп и подпруги; оно, конечно, красиво; но за то эти бляхи излишне обременяють лошадь и не дозволяютъ держать сбрую въ должномъ видѣ т. е., смазывать ее. Эти бляхи невольно напоминають мнѣ бляхами выбитыя, въ широкихъ размахъ, ворота, при одноглазыхъ избенкахъ, въ которыхъ челоуѣкъ живетъ вмѣстѣ съ своимъ скотомъ. Есть блескъ и, пожалуй свѣтъ, а тепла и воздуха нѣтъ.

Этимъ я кончаю мои размышленія о заграничной упряжной системѣ. Знаю, что они мало познакомили читателя съ дѣломъ; но какъ бы я широко не описывалъ эту систему, безъ рисунковъ мое описаніе не будетъ яснымъ; по этому я и ограничился одними бѣглыми очерками. Теперь множество нашихъ хозяевъ посѣщаютъ западъ Европы; — пусть же сами присмотрятся, и еще лучше — вывезутъ оттуда образцы фуръ, гарбъ, ярмъ, хомутовъ и т. п. Это было бы гораздо полезнѣе тюковъ съ юбками и, конечно, безвреднѣе скандальныхъ гравюръ и картинокъ, которыми многіе изъ русскихъ путешественниковъ стараются запастись и съ ними внести въ отечество медленную нравственную отраву. Въ нашей гражданской жизни еще такъ шатки учрежденія, въ семейной — такъ мало установились нравы, мы еще дѣти во всѣхъ отношеніяхъ, и потому всякая добрая черта, занятая у другихъ націй есть истинно-полезное приобрѣтеніе, и всякій дурной примѣръ обращается въ школу разврата и опошленія. Нарды высоко развитые живутъ размышленіемъ, а молодые — подражаніемъ.

Теперь перейду къ полеводству.

VII.

Полеводство на западѣ Европы и въ Россіи. — Значеніе откуповъ въ русскомъ полеводствѣ. — Права на поземельную собственность. — Сельское хозяйство Германіи, Франціи и Англій. — Агрономическія учебныя заведенія. — Теорія и практика. — Заключение.

Что полеводство на западѣ Европы стоитъ гораздо выше, что оно совершеннѣе, чѣмъ у насъ, — это всего лучше видно изъ цифръ, опредѣляющихъ степень производительности полей главнѣйшихъ государствъ европейскаго континента. Такъ, въ

Англіи считаютъ урожай — самъ 12, въ Германіи — самъ 10, во Франціи — самъ 8, а въ Россіи только — самъ 5. На послѣднюю цифру всякому русскому, не совсѣмъ бездушному въ дѣлѣ общей пользы, даже посмотрѣть больно. Въ самомъ дѣлѣ больно видѣть, что въ странѣ, гдѣ ни торговля, ни фабрично-заводская промышленность, еще не пустили самостоятельныхъ корней, — въ странѣ, гдѣ и характеръ и топографическое положеніе указываютъ на сельское хозяйство, какъ на первый источникъ народнаго богатства, — эта промышленность стоитъ ниже, — чѣмъ въ другихъ государствахъ Европы. Я знаю, что мнѣ сей часъ же наши хозяева скажутъ: тамъ климатъ другой, — чѣмъ у насъ. Нѣтъ, смыслъ и руки другіе, — и это главное. Что и говорить, наше лѣто короче; мы не пользуемся дождями равноденствія; мы терпимъ отъ быстрыхъ перемѣнъ атмосферы; но не забудемъ и того, что мы владѣемъ болѣе, чѣмъ 80 милліонами десятинъ такой земли (чернозема), которой и подобія не имѣетъ почти вся западная Европа; не забудемъ и того, что большая часть Россіи ограничивается воздѣлываніемъ двухъ-трехъ хлѣбовъ (ржи, овса, гречихи), которые (за исключеніемъ однако послѣдней) легче переносятъ непріязненное вліяніе климата, — чѣмъ другія хозяйственные растенія, напримѣръ: пшеница, ячмень, кукуруза, рьса и т. п., которыя занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ западно-европейскомъ полеводствѣ. Стало быть, тамошнее полеводство не только превосходитъ наше количествомъ, но и самымъ качествомъ своихъ произведеній.

Еще повторяю, у насъ руки не тѣ, и распоряженія по хозяйству другія, — чѣмъ тамъ. Здѣсь, и почти только здѣсь, причина скудости нашихъ урожаевъ и односторонности нашего полеводства.

Имѣя въ виду ознакомиться съ хозяйствомъ Запада, я вообразалъ, что увижу чудеса; но убѣдился, что тамъ одно почти неизвѣстное у насъ средство — разумный и усиленный трудъ, трудъ, который можетъ изумить нашихъ хозяевъ и до котораго, во всей его обширности, можетъ быть, для насъ еще и не наступило время. — Впрочемъ инымъ русскимъ путешественникамъ, — и собственно помѣщикамъ, съ которыми мнѣ приводилось встрѣчаться, хозяйство, напримѣръ Германіи, представляется дѣйствительно чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ и они, глядя на какую-нибудь красную глину, перебитый щебень, крупно зернистую супесь, покрытые тучною илвою, невольно спра-

шиваютъ: какъ у нихъ такія земли *родятъ*? у насъ на этихъ земляхъ и былинки не выросло бы!

Подобные вопросы мнѣ всегда напоминали вопросъ, сдѣланный мною еще въ дѣтствѣ одному камердинеру, по случаю блестящихъ половъ въ гостинныхъ его барина: скажите, пожалуйста, спросилъ я, чѣмъ вы натираете полы? — Костью, сударь, костью! — Какъ, костью? какою костью? снова спросилъ я. — А вотъ эту! — и замѣсловатый камердинеръ указалъ на свою ладонь. Тоже можно сказать и о заграничномъ хозяйствѣ, стоящемъ на такой высокой степени! Не мудрено, если тамъ пользуются болѣе постоянными и болѣе обильными урожаями, когда земля нѣсколько разъ и самымъ тщательнымъ образомъ перерабатывается и удобряется всѣми возможными веществами. Тамъ въ порядкѣ вещей перепахать три и даже четыре раза подъ ячмень; очень обыкновенное дѣло раза три поднять землю подъ рожь, столько же разъ проборонить ее, да разъ укатать, и потомъ весною снова переборонить самую озимь. Я думаю, что вообще трудъ русскаго пахаря къ труду заграничнаго, на примѣръ Нѣмца, можетъ смѣло относиться какъ 1: 3, т. е., на обдѣлываніе и удобреніе тамошнихъ полей употребляется втрое больше труда, — чѣмъ у насъ.

Мнѣ скажутъ: мы согласны съ вами, но согласитесь и вы съ нами, что подобный трудъ возможенъ только при множествѣ рукъ, которыми мы, русскіе хозяева, гораздо бѣднѣе тамошнихъ. Я согласенъ; но замѣчу, что собственно руками человеческими только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ запада Европы обрабатывается и удобряется земля, — главный же трудъ возлагается и тамъ, какъ и у насъ, на лошадь и вола. И вотъ одна изъ существенныхъ причинъ, почему тамъ возможна такая тщательная обработка земли, — именно тамошній рабочій скотъ, болѣе сильный и лучше содержимый, чѣмъ нашъ, почти втрое больше нашего можетъ работать. Да, обработка земли не требуетъ многочисленности рукъ человеческихъ; другое дѣло уборка. Если бы мы свои самъ пять могли отнести къ перестояю хлѣбовъ, къ разтрускѣ ихъ при уборкѣ, — въ такомъ случаѣ пришлось бы согласиться, что скудость нашихъ жатвъ существенно зависитъ отъ недостатка рабочихъ рукъ; но на дѣлѣ мы видимъ иное: наши поля менѣе производительны, чѣмъ поля заграничныхъ хозяевъ.

Другіе говорятъ: тамъ возможна такая обработка земли, потому что тамошніе посѣвы гораздо ограниченнѣе нашихъ. — Да, сказала мнѣ встрѣтившійся со мной на поляхъ Германіи хозяйничъ;

нѣмецкому землевладѣльцу можно обрабатывать землю по-огородному, когда у него въ запашкѣ всего 25 десятинъ, а у меня, напримѣръ 500!!!...

Вотъ здѣсь-то и ошибка въ нашемъ хозяйствѣ; здѣсь-то и корень нашей рутинны: русскіе хозяева лучше согласятся взять по пяти четвертей съ 100 десятинъ, чѣмъ 10 съ 50. Что послѣдняя цифра возможна и преимущественно обуславливается тщательною обработкою земли и удобреніемъ, — это доказываетъ намъ Западъ, владѣющій менѣе плодородными почвами, чѣмъ мы. Я знаю многихъ и очень многихъ хозяевъ въ Новороссійскомъ краю, также на востокѣ европейской Россіи, которые, засѣвая на дурно-обработанной землѣ по 300-500 и даже по 1000 десятинъ, по пяти лѣтъ сряду получаютъ самые скудные урожаи, — и между тѣмъ эти горькія неудачи не приводятъ ихъ къ сознанию невыгодъ большихъ, дурно производимыхъ запасекъ; эти хозяева обыкновенно говорятъ: выпадетъ одинъ хорошій годъ и мы все воротимъ. Докажите имъ какъ дважды два четыре, что при такомъ разчетѣ, вмѣсто выигрыша, — явная потеря, — они съ вами согласятся, но придетъ время посѣва и русское азось заглушитъ всѣ разчеты, нѣкогда пробудившагося сознанія. Если я не ошибаюсь, менониты на югѣ Россіи, въ пятьдесятъ лѣтъ имѣли три или четыре скудныхъ урожая; это менѣе чѣмъ 1 на 10; но южно-русскіе и даже почти всѣ русскіе обыкновенно изъ семи лѣтъ имѣютъ только два хорошихъ, (8—10 четвертей), два скудныхъ и три ниже посредственныхъ. Считайте же, засѣвающіе по 500 десятинъ, сколько вы теряете! Если въ пять лѣтъ, въ общей сложности, вы получите по четыре и въ два по восьми четвертей; то весь семилѣтній урожай вашъ будетъ равняться 14,000 четвертей; но если бы вы засѣвали вмѣсто 500 половину, т. е. 250 десятинъ, тщательно обработанныхъ и мѣстами удобренныхъ; то вы получили бы въ общей сложности — если не по десяти, то навѣрное по восьми, что составитъ тѣ же 14,000 четвертей. Даже если бы по той же семилѣтней сложности приходилось только по семи четвертей; то и въ этомъ случаѣ былъ бы выигрышъ, а не проигрышъ. Правда, получится 1650-ю четвертями меньше; но не забудьте, что здѣсь употреблено на посѣвъ только половина сѣмянъ; слѣдовательно если положить шесть четвертей на десятину, въ семь лѣтъ сберегается 10,500 четвертей. — И все же, скажутъ поклонники обширныхъ запасекъ: недостаетъ до 14,000, получаемыхъ съ 500 десятинъ 587½ четвертей; значитъ, мы въ явномъ выигрышѣ. — Нѣтъ, теперь счи-

тайте съ другой стороны: излишніе переѣзды и переходы при двойномъ количествѣ воздѣлываемыхъ полей; двойная уборка; двойная молотьба; умноженіе сорныхъ травъ при скудныхъ урожаяхъ, да и самая первоначальная обработка земли (одну и ту же десятину легче вспахать два раза, боронить также легче, чѣмъ десятины нови, перелога и даже обыкновенной мягкой земли, т. е. бывшей уже подъ хлѣбомъ): все это, конечно, составитъ цѣнность недостающихъ 587½ четвертей. Но эта цѣнность еще увеличится, если вы прибавите, что 250 десятинъ, остающихся невоздѣланными, во-первыхъ, могли бы дать или сѣно, или пастбище; во-вторыхъ, оставаясь подъ сѣнокосомъ или пастбищемъ сохранили бы свой тукъ; между тѣмъ, какъ пробывши подъ посѣвомъ, онѣ естественно должны истощаться. Къ этому расчету я могъ бы присоединить трудность надзора при обширныхъ заплатахъ, большое количество земледѣльческихъ срудій, пахарей и рабочаго скота и т. п.; но довольно и сказаннаго. Отъ многихъ хозяевъ, особенно близъ большихъ хлѣбныхъ рынковъ, на примѣръ на югѣ Россіи, мнѣ приводилось слышать, что при уменьшеніи посѣвовъ не было бы возможности отпускать такіа огромная массы хлѣба за-границу. Правда, можетъ быть, въ иные благодатные годы и менѣе вышло бы изъ нашихъ портовъ хлѣба; но за то постоянство урожаявъ дѣлало бы эти рынки болѣе постоянными, и западъ Европы дѣйствительно смотрѣлъ бы на югъ и юго-востокъ Россіи, какъ на западный хлѣбный магазинъ. Теперь онъ намъ не довѣряетъ, и потому хлѣбная наша торговля не имѣетъ правильнаго, плавнаго и непрерывнаго хода.

Говорятъ еще, что у насъ такого сложнаго приготовленія земли нельзя производить потому, что наши хлѣбныя произведенія дешевы, и потому не могутъ окупить издержекъ на усиленнѣйшій трудъ. На это я скажу, во-первыхъ, что иной расчетъ будетъ, если мы ограничимъ свои посѣвы, т. е., если будемъ расходовать тотъ же самый трудъ на 250 десятинъ, какой мы расходуетъ на 500; въ такомъ случаѣ, естественно, по вышеприведенному расчету, наши произведенія обойдутся намъ дешевле, при томъ же самомъ, если еще не большемъ, количествѣ ихъ. Во-вторыхъ, дѣйствительно, годами и мѣстами у насъ хлѣбъ продается по самымъ низкимъ цѣнамъ, которыя иной разъ не могутъ покрыть расходовъ даже рутиннаго хозяйства, но въ общей сложности выходитъ, что западъ Европы ѣстъ хлѣбъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ русскій народъ. Разумѣется,

здѣсь принимается въ расчетъ и самое качество хлѣба *) Въ Марсели, Парижѣ, даже въ Константинополѣ печеный хлѣбъ бываетъ дешевле, чѣмъ въ южно-русскихъ торговыхъ городахъ, откуда упомянутые города получаютъ хлѣбъ въ зернѣ. Много причинъ, обуславливающихъ это замѣчательное явленіе, и, конечно, между ними первую роль играютъ пути сообщенія; но я думаю, что въ числѣ этихъ причинъ, надо поставить непостоянство нашихъ урожаевъ, зависящихъ, какъ я выше сказалъ, отъ обширныхъ запашекъ, оттого, что у насъ, выражаясь словами пословицы, вдругъ густо, и вдругъ пусто. Да, у насъ въ хлѣбномъ производствѣ бываетъ тоже водополе, что въ вешнюю пору на юго-востокѣ Россіи: вдругъ сухія балки превращаются въ бурныя рѣчки, а низменные котловины — въ огромныя озера, — но проходитъ весенняя вода, — и на этихъ мѣстахъ капли воды нѣтъ. Будущія наши желѣзныя дороги болѣе или менѣе уравниють ходъ хлѣбной торговли; но, не измѣнивъ системы нашего хозяйничества, — едва ли мы избѣжимъ упомянутого водополя, которое и на земледѣіе и на торговлю произведеніями его всегда будетъ имѣть невыгодное вліяніе. Пусть наше полеводство болѣе будетъ походить на плавный, неизсякаемый ручей, чѣмъ на кратковременный бурный потокъ, — и мы будемъ гораздо въ большемъ выигрышѣ. Курочка по зернышку клюетъ, но сыта бываетъ. Есть у насъ и другая пословица: какъ приходитъ, такъ и уходитъ, — пословица, которая довольно ясно характеризуетъ наше хозяйство. При урожаяхъ мы имѣемъ массы хлѣба, и эти массы, по видимому, тяготятъ насъ, — мы стараемся — во что бы то ни стало избавиться отъ нихъ, и такимъ образомъ, ожидаемый нѣсколько лѣтъ урожай, спускаемъ иной разъ по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ. Еще хуже для хозяевъ, если они успѣють продать эти массы по высокимъ цѣнамъ: они вдругъ получаютъ груды золота, которыя потомъ и разбрасываютъ щедрою рукою и на право и на лѣво, куда попало. Такое явленіе исторія замѣтила у цѣлыхъ государствъ. Припомните Испанію, вдругъ очутившуюся среди слитковъ золота, и припомните до чего эти слитки довели ее. — Конечно, если бы наши хозяева были люди съ болѣе положительнымъ взглядомъ на вещи, —

*) Въ Германіи мнѣ не разъ приводилось видѣть печеный хлѣбъ, приготовленный собственно для кормленія рабочихъ лошадей, — и я нащелъ, что этотъ хлѣбъ чище и бѣлѣе чѣмъ хлѣбъ, которымъ питается масса русскаго народа.

Большой приливъ дохода не послужилъ бы имъ и ихъ хозяйству во вредъ, напротивъ онъ далъ бы имъ возможность, вдругъ поставить свое хозяйство на прочныхъ основахъ: но теперь мы видимъ иное: вдругъ полученные 10, 20, 50 тысячъ рублей идутъ на постройку великолѣпныхъ домовъ, на покупку каретъ, брильянтовъ и т. п., а сохи, плуги, повозки, скоть, остаются прежними. Глушому сыну не въ пользу богатство! На это я могъ бы привести сотню примѣровъ, особливо изъ той области, въ которую столѣтیا лился золотой дождь, но хозяйство которой осталось при той же рутинѣ, при которой находилось назадъ тому пятьдесятъ лѣтъ, и только теперь пробудилось и, надобно сказать, пробудилось сильно, дружно!

Слѣдовательно, будемъ ли на обширныя наши запашки смотрѣть съ чисто-финансовой точки зрѣнія, или съ психологической, т. е., со стороны внутренняго направленія нашихъ еще не созрѣвшихъ хозяевъ,—мы придемъ къ тому убѣжденію, что лучше не много да хорошо, чѣмъ много да дурно, и лучше держать снницу въ рукахъ, чѣмъ гоняться за журавлемъ въ небѣ.

Итакъ первое, что я замѣтилъ на заграничныхъ поляхъ, это усиленный трудъ въ обработкѣ ихъ. Второе — это разнообразіе воспитываемыхъ растений, и между ними, за исключеніемъ колосовыхъ, которыя и тамъ остались господствующими, рѣзче другихъ бросаются въ глаза корнеплодные и травныя (кормовыя), которыя вообще на русскихъ поляхъ — явленіе очень рѣдкое, а для нѣкоторыхъ обширнѣйшихъ краевъ, напримѣръ для всего юго-востока Россіи, — почти не бывающее.

Если какая промышленность, то сельское хозяйство, или ясное — полеводство, стоитъ подъ вліяніемъ различныхъ случайностей, которыхъ иной разъ не можетъ ни предусмотрѣть, ни устранить никакая человѣческая сила. Даже надъ тѣми сельскими хозяевами, которые, познакомившись съ химіей, физикой, физиологіей, метеорологіей, физической географіей, механикой и т. д., поставили свою промышленность на довольно прочныхъ основахъ, враждебныя силы природы нерѣдко одерживаютъ верхъ, и всеоружіе рациональнаго труда остается безплоднымъ! А потому-то очень благоразумно дѣлаютъ тѣ изъ нихъ, которые основываютъ свою доходность отъ полей, на разнообразіи воспитываемыхъ растений. Простое наблюденіе показываетъ, что при разнообразіи полеводства, доходность съ полей болѣе обеспечивается, чѣмъ при однообразіи; какъ часто мы видимъ, что одно поле вызлѣбаетъ, засыхаетъ или поѣдается насѣкомыми, другое, рядомъ съ нимъ

лежащее, даетъ хорошую жатву. Еще рѣзче бросается въ глаза работа самой природы: для обезпеченія царства растительнаго, она почти вездѣ держится разнообразія; на этотъ разъ дѣлаютъ исключенія одиѣ, и притомъ только нѣкоторыя, древесныя породы. Въ позднѣйшее время этой благоразумной предусмотрительности природы стали подражать и на искусственныхъ лугахъ.

Впрочемъ я напрасно говорю въ пользу разнообразія полеводства; едва ли въ этой пользѣ кто сомнѣвается. Но отъ чего же русскія поля такъ однообразны? — почему русскіе хозяева ограничиваются только воздѣлываніемъ ржи, овса и пшеницы? Миѣ пришлось бы слишкомъ много высказать причинъ, если бы я хотѣлъ разсмотрѣть это явленіе со всѣхъ сторонъ. Но такъ-какъ подобныя подробности будутъ неумѣстны въ настоящей статьѣ, — то я приведу только нѣкоторыя изъ причинъ, удерживающихъ наши поля отъ разнообразія.

Низкая степень образованія нашего народа и, какъ слѣдствие этого, — недостатокъ лучшихъ и высшихъ потребностей жизни. На этотъ разъ, кажется, достаточно сказать одно, что въ массѣ господствуетъ убѣжденіе, что бѣлымъ хлѣбомъ нельзя наѣсться до сыта, а бѣлорусъ думаетъ, что и обыкновеннымъ чернымъ не возможно утолить голода, и потому онъ, даже и при достаточномъ запасѣ хлѣба, смѣшиваетъ его съ мякиной, почему исеченный хлѣбъ его скорѣе походитъ на свиное мѣсиво, или даже на навозный кирпичъ, чѣмъ на насущный хлѣбъ. Этимъ однимъ я хотѣлъ высказать все; но поставлю еще нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ: почему у насъ огородная овощъ, за исключеніемъ одной капусты, почти рѣдкость между поселянами? — По невѣжеству и неразвитости вкуса. Почему льняное производство, не смотря на старанія правительства и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, у насъ не развилось, между тѣмъ какъ эта промышленность можетъ и должна бы быть нашей національной? — Потому, что русскій человѣкъ привыкъ носить на себѣ засаленныя тряпки. Почему почти только одна Сарепта, въ Россіи, производитъ горчичное масло и его употребляютъ только въ высшемъ слоѣ? — потому, что русскому народу нравится конопляное — вонючее и отвратительное. Почему русскій мужикъ носить толстую сѣрмагу, или бѣлый зипунъ, а баба его крашенинный толстый сарафанъ? — Потому что ему все равно — въ чемъ ни ходить, — и потому-то не думаетъ разводитъ марену, церву, вайду и т. п.

Вѣдь даже больно сердцу, когда вообразишь, что есть у насъ цѣлыя губерніи, гдѣ неизвѣстны: полба — этотъ добрый и

благодарный хлѣбъ, фасоль, бобы, чечевича и т. п., — и что то, что на западѣ Европы употребляется на кормъ скоту, напримѣръ: картофель, морковь, свекловица, земляныя груши, рѣпа, бобы и т. п. — У насъ, на святой Руси, эти растенія считаются лакомствомъ или маловиданною рѣдкостью.

Одно спасеніе для нашего народа и для его полей — это примѣръ и образованіе! Нѣкоторые говорятъ, что у насъ не можетъ быть разнообразія на поляхъ, потому что многимъ предметамъ нѣтъ сбыта. Была бы рожь, господа, и мѣра будетъ. Конечно, безъ внутренняго рынка, полеводство не можетъ достигнуть цвѣтущаго состоянія; вѣдь не повезешь же рѣпы или моркови въ Англію или Испанію! Потому-то я и говорю, что для самого полеводства нашего необходимо образованіе народа, за которымъ русскій внутренній рынокъ представится самымъ обширѣйшимъ. Хорошая обработка земли всегда была слѣдствіемъ высокой цивилизаціи, и не началось ея.

Вторая причина разнообразія нашего полеводства, по моему мнѣнію, лежитъ въ откупахъ. Впрочемъ я не буду раскрывать до совершенной наготы зла, которое отражается на русскомъ полеводствѣ — какъ слѣдствіе откупной системы, — это повею бы меня къ слишкомъ обширному разсужденію, и потому ограничусь только одними замѣчаніями.

Ячмень на западѣ Европы и особливо въ Германіи, является однимъ изъ цѣнныхъ хлѣбныхъ растеній; у насъ же во многихъ мѣстностяхъ, онъ вовсе не выдѣлывается, въ другихъ воздѣлывается въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, какъ говорятъ поселяне, на кормъ свиньямъ. Между тѣмъ этотъ хлѣбъ, восходя выше всѣхъ на сѣверъ, превосходно выносящій сухой вѣтеръ юга, — причисляется къ надежнѣйшимъ и благодарнѣйшимъ. Отъ чего же воздѣлываніе его такъ ограничено въ Россіи? Отъ того, что у насъ, къ истинному сожалѣнію, не развито въ народѣ употребленіе пива — этого здороваго и сообразнаго съ нашимъ климатомъ напитка. Но что удерживаетъ это развитіе? — Стѣснительныя мѣры откупщиковъ? Итакъ откупъ не допустилъ водвориться на поляхъ Россіи одному изъ доходнѣйшихъ растеній, которое при случаѣ неурожая другихъ хлѣбовъ, могло бы облегчать самое продовольствіе народа!...

За-границей во многихъ мѣстахъ полеводство соединено съ садоводствомъ. Франція сотни тысячъ ведръ сидра, приготовляетъ изъ дикихъ яблокъ. У насъ не только по полямъ не выращиваютъ плодовыхъ деревьевъ, но вообще садоводство наше

занимаетъ самыя тѣсныя предѣлы, — и не только у крестьянъ, но даже и у богатыхъ землевладѣльцевъ. И этого нельзя не отнести къ тому, что мы не можемъ безъ извѣстныхъ денежныхъ взносовъ въ пользу откупа, дѣлать фруктовыя вина. Если бы не грозилъ благодѣтельная рука правительства вырвать эту гангрену, заражающую здоровое тѣло русской земли, — мы не усомнились бы, что откупъ со временемъ прибралъ бы къ своимъ рукамъ и обыкновенный квасъ, какъ онъ успѣлъ прямо и косвенно уничтожить русскія пива и браги. Я слышалъ, что въ одномъ городѣ дѣйствительно квасники были отданы на съѣденіе откупа, и они совершенно вывелись въ этомъ городѣ. Разнообразьте послѣ этого полеводство!...

Главный хлѣбъ Россіи — рожь. Большая часть этого хлѣба идетъ на продовольствіе, но почти весь избытокъ употребляется на винокуріе, которое очень многіе главнымъ образомъ имѣютъ въ виду, ведя свое трехпольное хозяйство. Но для кого льется потъ земледѣльцевъ, воздѣлывающихъ этотъ хлѣбъ? для кого рдѣютъ колосья ржи, на необъятныхъ пространствахъ нашей земли? — Для удобрѣнія нѣсколькихъ откупщиковъ; на улучшеніе же самого полеводства отъ золотого дождя, — и сотая капля не падаетъ. А потому можетъ ли оно совершенствоваться и разнообразиться? Пусть хоть десятая доля барышей, получаемыхъ откупщиками, попадетъ въ руки земледѣльцевъ, — и рожь не будетъ господствующимъ хлѣбомъ; она уступитъ часть своего мѣста другимъ, неменѣе цѣннымъ, хозяйственнымъ растениямъ. Благодаря современной литературѣ и гласности, злоупотребленія по откупамъ нѣсколько раскрыты и, конечно, не оживутъ въ прежней силѣ. Но странно, какъ являются люди, которые печатно осмѣливаются утверждать, что безъ откупной системы, т. е. при свободной продажѣ вина, при дешевизнѣ его, русскій народъ сопьется съ кругомъ! Эти люди забываютъ, что, по странной наклонности, человѣкъ всегда стремится къ запрещенному плоду и вообще къ тому, что превышаетъ его средства. Владѣлецъ сада, видя предъ собою груды зрѣлыхъ плодовъ, иной разъ въ цѣлую недѣлю не съестъ и одного изъ нихъ, — ему, повидимому, даже глядѣть на нихъ не хочется; но въ тоже самое время находятся охотники, которые перелезаютъ черезъ острый тынъ сада, и подъ страхомъ опасности, крадутъ плоды и объираются ими до болѣзни. Почему? — только потому, что на этихъ плодахъ лежитъ для нихъ запрещеніе. — Положимъ, что это — теорія, но вотъ положительный фактъ: еслибъ наши крестьяне, имѣли лучшую

водку, они удовлетворяли бы свою потребность съ меньшими расходами, чѣмъ теперь, употребляя разведенную на седьмой водѣ.

За-границей одно изъ первыхъ мѣстъ въ полеводствѣ занимаютъ растенія, служащія кормомъ для скота; сюда относятся травы, бобы, корнеплодные растенія и т. п. У насъ, какъ я уже сказалъ, кормовыя скотскія средства еще не вошли въ систему полеводства. Нѣтъ сомнѣнн, что не вошли они, во-первыхъ потому, что мы не сознали пользы лучшаго содержанія домашнихъ животныхъ; во-вторыхъ потому, что мы еще не обѣднѣли естественными лугами. Но нѣтъ также сомнѣнн, что не послѣднее препятствіе къ лучшему содержанію скота и въ особенности рогатаго и овецъ — незначительное употребленіе мяса въ русскомъ народѣ, что между прочимъ слишкомъ некрасиво характеризуетъ его благосостояніе, потому что сравнительно на западѣ Европы потребленіе мяса несравненно обширнѣе, чѣмъ въ Россіи. Но пусть разовьется это употребленіе, и тогда вмѣсто обширныхъ пространствъ ржи, явятся бобы, картофель, рѣпа, клеверъ и т. п., которые пойдутъ на откармливаніе скота. Отъ этого поля оразнообразятся, слѣдовательно въ общей сложности будутъ болѣе доходны; народное здоровье улучшится; трудъ увеличится. Вѣдь больно становится, когда подумаешь, что у насъ порядочно откормленный скотъ потребляется только въ однѣхъ столицахъ! И всему виной — наша рожь, или, яснѣе, откупъ, для котораго она воздѣлывается. Удешевите водку, дайте ей настоящее качество, — и у русскаго народа найдутся средства ѣсть мясо не по однимъ свѣтлымъ праздникамъ, разговѣннямъ и заговѣннямъ.

Третья причина, замѣдлнющая наше полеводство въ однообразіи, заключается въ пользованіи землею, преимущественно нашими поселннами. Причина эта самая могущественная, и притомъ составляетъ современный вопросъ.

Здѣсь я опять напомню читателю, что почти весь западъ Европы представился мнѣ прекраснѣйшимъ паркомъ, или изящно устроенной фермой. Но при какихъ условіяхъ, отъ какихъ причинъ — земли его пришли въ такое состояніе? Всѣ эти условія и причины, по моему мнѣнію, вытекаютъ изъ распредѣленія поземельной собственности. — Я чувствую, что выхожу на дорогу, на которой стоятъ страшные ратоборцы, — и одни изъ нихъ ратуютъ за общинное владѣніе землею, другіе за участковое, третьи защищаютъ пользованіе землею, безъ права владѣнн его,

четвертые не отличаютъ, въ своихъ понятіяхъ, пользованія отъ владѣнія. Не мѣсто здѣсь и не по силамъ мнѣ разбирать — на чьей сторонѣ правда, и потому я только слегка коснусь этого вопроса, можетъ быть, повторяя то, что было высказано о немъ въ послѣднее время многими экономистами и хозяевами, заинтересованными этимъ вопросомъ.

Что только вѣчное владѣніе землею, со всѣми правами на нее, можетъ довести сельское хозяйство до самаго цвѣтущаго состоянія — неопровержимымъ доказательствомъ этому можетъ служить почти весь западъ Европы *). Слѣдовательно, здѣсь нечего и строить воздушныхъ замковъ. Землю, которою только пользуются, я сравниваю съ домомъ, отдаваемымъ въ наймы; напротивъ, землю, которая составляетъ твердую собственность, сравниваю съ домомъ, въ которомъ живетъ самъ владѣтель его. Нечего и говорить о томъ, какой изъ этихъ домовъ содрогнется небрежнѣе, требуетъ большаго ремонта и скорѣе рушится.

Я и мое опора свободы, а свобода есть источникъ труда, благосостоянія и умственнаго прогресса. Это аксіома. При невольничествѣ Негры вѣчно останутся дикарями, безъ сознанія правъ человѣка, безъ вѣры въ будущее и съ вѣчнымъ ропотомъ на настоящее.

Если наши крестьяне будутъ только пользоваться землею, — это не только не улучшитъ ихъ быта, напротивъ поставитъ ихъ еще въ худшее состояніе, а съ развитіемъ *я* пробудится право на *мое*. Только индивидуальная личность, крѣпкая собственными силами, вноситъ духъ предпріимчивости и дѣятельности въ общество; только она можетъ отстаивать право собственности, въ полномъ его значеніи.

Думаю, что напрасно опасаются, что земли, раздѣленныя на участки, съ полными правами на нихъ, могутъ или чрезмѣрно раздробиться (какъ во Франціи), или перейти въ руки богатыхъ. Такъ какъ это естественный ходъ дѣла, то онъ не долженъ быть страшнымъ ни въ какомъ отношеніи, какъ насъ не страшитъ переливъ капиталовъ изъ однихъ рукъ въ другія. Раз-

*) Фермерство Англіи, по моему мнѣнію, не можетъ опровергнуть высказаннаго положенія. Продолжительное пользованіе землею имѣетъ характеръ владѣнія. И притомъ къ такому фермерству надобно быть очень приготовленнымъ и имѣть въ такомъ же громадномъ развитіи торговлю и мануфактуру, — какъ Англія. Это государство не можетъ не только Россіи но и всей Европѣ быть примѣромъ. Оно шагнуло на цѣлыя столѣтія впередъ.

дробятся участки, явятся бѣдняки, у бѣдняковъ скупаютъ богатые, но эти богатые опять раздробятъ свое богатство, и опять оно явится въ рукахъ бѣдняковъ, и снова ихъ скупаютъ богатые. Такой приливъ и отливъ поземельной собственности мы видимъ уже во Франціи. Какъ бы то ни было; но я убѣжденъ, что только владѣніе (а не пользованіе) землею можетъ возвести сельское хозяйство на степень совершенства, и что только тогда членъ общества явится истиннымъ гражданиномъ, когда онъ или имѣетъ землю, отдѣленную отъ другихъ, или имѣетъ право на подобное владѣніе.

Приведу здѣсь примѣръ изъ Бессарабіи, но думаю, что этотъ примѣръ покажется слишкомъ безсильнымъ, когда наши политико-экономисты ищутъ примѣровъ въ цивилизованныхъ государствахъ западной Европы. Однако приведу его. Всякаго путешественника по Бессарабіи поразитъ противоположность селъ, такъ называемыхъ *резешей* и *царанъ*: селы первыхъ очень красиво обстроены, закутаны въ сады и виноградники, — просто заглядѣнье! — такъ и напоминаютъ собой Швейцарію или Баварію; здѣсь всякій клочекъ земли занятъ. Напротивъ селы царанъ похожи на навозныя кучки, ни кола ни двора, ни куста ни зелени. Отъ чего такая разниа? Оттого, что резешин владѣютъ собственною землею, а тѣ только пользуются ею за трудъ или за деньги, у помѣщиковъ. И спросите: куда устремлены всѣ желанія царана? купить клочекъ земли и сдѣлаться резешемъ. Къ довершенію всего этого резешъ трудолюбивъ и заботится о семействѣ; царанъ лѣнивъ и безпеченъ: у того развито желаніе окружить себя большими удобствами жизни, у этого, напротивъ, всѣ желанія нерѣдко ограничиваются кускомъ мамалыги и кое-какимъ рубищемъ.

Нѣтъ, сколько бы мы не дали земли крестьянамъ, но если каждый глава семейства изъ среды ихъ не скажетъ: это земля моя, она достается мнѣ и дѣтямъ и внукамъ и правнукамъ, — повѣрьте, онъ не омочитъ ее каплями пота, безъ которыхъ никогда сельское хозяйство не достигнетъ цвѣтущаго состоянія.

Конечно, я не успѣлъ доказать преимущество владѣнія предъ пользованіемъ; но еще разъ повторю, держась нити моего разсказа, что если наше сельское хозяйство и особенно полеводство гораздо ниже стоитъ, чѣмъ на западѣ Европы, то это, между прочимъ, именно потому, что въ Россіи, говоря вообще, земледѣльцы только пользуются землею, а не владѣютъ ею. Если безграмотные резешин успѣли превратить свои участки въ

цвѣтушіе сады и тучныя нивы, то давно бы мы тоже самое увидѣли и на всей русской землѣ, если бы наши поселяне были поставлены въ иныя условія по отношенію къ своимъ полямъ.

Въ числѣ причинъ, удерживающихъ наше полеводство въ худомъ состояніи, нѣкоторые ставятъ: трехпольную систему, несовершенство земледѣльческихъ орудій, дурной рабочей скотъ, отсутствіе рациональныхъ свѣдѣній и т. п. Я всѣ эти причины оставляю, потому что онѣ несущественны и вытекаютъ изъ приведенныхъ мною, особливо изъ послѣдней.

Я выше сказалъ, что главную разницу между сельскимъ хозяйствомъ Запада и нашимъ я ставлю въ трудѣ. Послѣ этого меня естественно спросятъ: не ужели же тамъ такъ мало усовершенствованій, о которыхъ мы такъ много слышимъ? Признаюсь, я думалъ найти больше, чѣмъ сколько нашелъ.

Да, отличительный характеръ заграничнаго хозяйства въ сравненіи съ нашимъ состоитъ въ усиленнѣйшемъ трудѣ и въ разнообразіи полеводства. Если къ этому еще присоединить почти повсемѣстное уничтоженіе пара, удобреніе, которое составляетъ главный нервъ тамошнихъ хозяйствъ (удобреніе, замѣчу, почти исключительно навозное), и наконецъ плодослѣдовательность, болѣе или менѣе основанную на физиологіи растений и опытѣ, — вотъ и все, что можетъ охарактеризовать сельское хозяйство видѣнныхъ мною государствъ западной Европы. Конечно я видѣлъ не все, что думалъ увидѣть. Особенно механика, я разумѣю сельско-хозяйственныя орудія и машины, ни въ Германіи ни во Франціи, не сдѣлали большихъ успѣховъ. Съ самыми ничтожными исключеніями вы видите всюду колесныя плуги, съ деревяннымъ отваломъ и прочими частями, отзываются отсутствіемъ знанія механики; бороны также далеки отъ совершенства, хотя съ деревянными зубьями рѣдко встрѣчаются; катки, эксципаторы, скарифкаторы, почвоуглубители, хорошіе окучники, — еще далеко не пользуются популярностью и ихъ вообще можно считать достояніемъ или учебныхъ земледѣльческихъ заведеній, или богатыхъ имѣній. Земледѣльческія орудія нашихъ менонитовъ и нѣкоторыхъ колонистовъ Саратовской губерніи, смѣю сказать, совершеннѣе и разнообразнѣе, чѣмъ орудія германскихъ и французскихъ поселянь.

То же можно сказать и объ искусственныхъ тукахъ, о которыхъ особливо Нѣмцы такъ много пишутъ: эти туки не только не пользуются общимъ распространеніемъ, но говоря вообще, большей части хозяевъ даже неизвѣстны. Искусственное ороше-

нѣ луговъ также можетъ считаться во всей Германіи рѣдкостью. По крайней мѣрѣ множество мѣстностей, при всей удобности для искусственной ирригаціи, еще не пользуются ею. Откармливаніе рогатаго скота дѣлается съ большимъ расчетомъ, не оно не то, что въ Англіи.

На основаніи многихъ данныхъ, я могу сказать, что свѣтъ сельскаго хозяйства ярко свѣтится въ Англіи, и оттуда этотъ свѣтъ заимствуютъ и Германія и Франція.

Идите въ магазины земледѣльческихъ орудій и машинъ Вѣны, Праги, Дрездена, Парижа и другихъ, и вы найдете, что болѣею частію эти орудія и машины или прямо выписаны изъ Англіи, или сдѣланы по образцу англійскихъ, хотя Французы не рѣдко выдаютъ ихъ за собственное изобрѣтеніе.

Сколько я ни отыскивалъ заводовъ земледѣльческихъ орудій и машинъ, но какъ во Франціи, такъ и въ Германіи я видѣлъ небольшія мастерскія, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ назваться заводомъ, и обыкновенно ограничиваются производствомъ только нѣкоторыхъ орудій или машинъ, но не всѣхъ, — подобно заводамъ англійскимъ.

Мастерская напримѣръ Гогенгеймскаго института даже не имѣетъ своей литейни; работа вся производится руками и всѣхъ рабочихъ, думаю, не болѣе пятнадцати человекъ. Тоже можно сказать о мастерской Гриньонской академіи и другихъ.

Боясь, чтобы меня не заподозрили въ пристрастіи къ Англіи, я приведу здѣсь нѣсколько строкъ изъ сочиненія доктора Гамма, въ которомъ онъ описываетъ земледѣльческія орудія и машины Великобританіи. Сказавъ въ предисловіи, что сельское хозяйство Англіи назадъ тому около шестнадцати лѣтъ еще было для Германіи тайной книгой, что это хозяйство Нѣмцы считали не примѣнимымъ къ ихъ странѣ, что англійскія сельско-хозяйственныя орудія и машины, оставаясь въ однихъ технологическихъ собраніяхъ, имѣли противъ себя большое предубѣжденіе со стороны нѣмецкихъ хозяевъ, — г. Гаммъ, такъ описываетъ сельское хозяйство нѣкоторыхъ провинцій Англіи, желая показать превосходство его надъ германскимъ: «если съ известной высоты посмотрѣть на какое нибудь графство Англіи, занимающееся сельскимъ хозяйствомъ, то оно все представится обширнымъ богатымъ садомъ. (А мнѣ вся Германія — весь западный материкъ Европы — въ сравненіи съ Россією показались садомъ! Чѣмъ же Англія будетъ по сравненію съ Россіей?) Пространныя поля, не разрѣзанныя на узенькія полоски, покрытыя высокими

тучными нивами, — всё окружены живыми изгородьями; сильные, откормленные, пропорционально сложенные животные впряжены в красивые и математически устроенные земледельческие орудия; в разных мѣстах пасутся по лугамъ многочисленныя стада красивыхъ коровъ и жирныхъ овецъ; изящныя и чистыя дома фермеровъ стоятъ среди садовъ и нивъ. Все это, при одномъ поверхностномъ взглядѣ, располагаетъ иностранца въ пользу сельскаго быта Англичанъ; но при ближайшемъ осмотрѣ этого быта расположеніе еще болѣе усиливается. Посѣвы вообще свободны отъ сорныхъ травъ и болѣзней; тамъ головня на пшеницѣ — рѣдкость. Роскошный видъ и сила растений свидѣтельствуютъ о богатомъ удобреніи и тщательной обработкѣ земли; всюду замѣчается на поляхъ разнообразіе. Живыя изгороди плотны, какъ стѣны, прямы и гладко острижены, — въ нихъ не найдете вы даже гнѣздъ личинокъ. Скотъ сильный и красивый; легкія и пріятныя формы дойныхъ коровъ возбуждаютъ такое же удивленіе, какъ и тучныя массы откормленныхъ воловъ, овецъ и свиней. Сельско-хозяйственныя орудія и машины превосходны по своей формѣ, изобрѣтенію и матеріалу; на нихъ невольно останавливается глазъ, и иностранецъ долженъ сознаться, что здѣсь заключается причина превосходства сельской промышленности Англіи предъ другими странами. Далѣе — вы видите повсюду на поляхъ трудящихся работниковъ, дюжихъ, здоровыхъ, съ пріятной наружностью, изъ-подъ которой нельзя не замѣтить сознанія внутренняго достоинства и своихъ правъ. По превосходно устроеннымъ дорогамъ, по всѣмъ направленіямъ движутся фуры съ сельскими продуктами, начиная отъ откормленнаго скота, который перевозятъ въ закрытыхъ экипажахъ, до удобрительныхъ веществъ, которыя тамъ составляютъ важный предметъ внутренней торговли. Красивая статная порода упряжныхъ земледельческихъ лошадей свидѣтельствуетъ о высокой степени ихъ содержанія. Нѣмцамъ особенно нравятся дома и службы англійскихъ сельскихъ хозяевъ; дѣйствительно, эти постройки сколько сообразны съ цѣлью ихъ назначенія, столько же и красивы на видъ. Домъ обыкновенно осѣняется высокими деревьями и окружается мило устроеннымъ садомъ. — Вообще здѣсь все, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ, носитъ печать благосостоянія, дружбы и удобствъ жизни. Здѣсь царствуетъ во всемъ примѣрный порядокъ и чистота.»

Впрочемъ и въ англійскомъ домохозяйствѣ — въ нѣкоторыхъ графствахъ, — какъ говоритъ г. Гамъ, есть довольно черныя

пятна; но тамъ, т. е. въ тѣхъ графствахъ, гдѣ Англія хотѣла трудиться, — она гораздо выше стоитъ всей Европы. — Саксонія можетъ считаться образцемъ германскаго хозяйства; но вотъ что говоритъ о ней г. Гаммъ: «и въ Германіи есть страны, которыя, какъ напримѣръ Саксонія, могли бы соперничать своимъ хозяйствомъ съ Англіей, — если бы онѣ имѣли: 1) до такой высокой степени доведенное воздѣлываніе кормовыхъ средствъ, — это основаніе выгоднѣйшаго откармливанія скота; 2) всеобщее рациональное употребленіе искусственныхъ туковъ и 3) такія превосходныя сельско-хозяйственныя орудія и машины, какими владѣетъ одна Англія.»

Изъ этого видно, что Саксонія, а слѣдовательно и всей Германіи не немногого не достаетъ. Саксонія не имѣетъ хорошихъ орудій, слѣдовательно и полеводство не можетъ быть совершеннымъ, какъ войско безъ хорошаго оружія; Саксонія не употребляетъ искусственныхъ туковъ, слѣдовательно удобреніе полей ея одностороннее; — она не пользуется всѣми средствами для этой цѣли, и практика ея отстала отъ указаній земледѣльческой химіи. Саксонія слабо занимается воздѣлываніемъ кормовыхъ средствъ, слѣдовательно одна отрасль ея хозяйства, — скотоводство находится не въ цвѣтущемъ состояніи, — а скотоводство, если можно такъ выразиться, — рычагъ сельскаго хозяйства, основа и опора полеводства.

Слѣдовательно я не погрѣшилъ, сказавъ, что хозяйство Германіи (о хозяйствѣ Франціи и говорить уже нечего) только беретъ усиленнѣйшимъ трудомъ, но не представляетъ предметовъ, гдѣ бы видѣнъ былъ вполнѣ рациональный трудъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и десяти лѣтъ не пройдетъ, какъ новый свѣтъ прольется надъ хозяйствомъ Германіи, — но все-таки фокусъ этого свѣта будетъ Англія. Всемирная ея выставка открыла глаза всему міру и особенно земледѣльческому; но отъ готовящейся второй выставки этого свѣту упадетъ еще больше. Самы Нѣмцы сознаются, что они только со всемірной лондонской выставки узнали цѣну англійскаго хозяйства и стали вводить его у себя.

Я думалъ, что въ агрономическихъ академіяхъ Гогенгейма, Таранта, Гриньона и въ другихъ подобныхъ имъ, посмотрю чудеса сельскаго хозяйства, но и на этотъ разъ мои ожиданія не сбылись. Всѣ эти заведенія, даже знаменитый Гогенгеймскій институтъ гораздо ниже стоятъ нашего Горыгорѣцкаго института, — особенно относительно пособій для наукъ естественныхъ

и сельскаго хозяйства. Я не скажу, чтобы и науки въ заграничныхъ сельско-хозяйственныхъ заведеніяхъ читались общирнѣе и отчетливѣе: тамъ еще не перестали гг. профессора диктовать своихъ лекцій, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ довольно странный взглядъ на науку сельскаго хозяйства. Въ Тарантѣ напримѣръ, директоръ этого заведенія доказывалъ мнѣ, что дѣло агрономическаго училища — указать воспитанникамъ при какихъ условіяхъ развивается жизнь органическихъ существъ, но не приложеніе этихъ познаній на практикѣ; это — дѣло работника, простаго земледѣльца. Я иначе смотрю на приготовленіе будущихъ хозяевъ въ высшихъ агрономическихъ заведеніяхъ: если питомцы ихъ не будутъ умѣть сами ходить за плугомъ, то всѣ теоріи, на которыхъ строятся и приводятся въ движеніе улучшенныя плуги, ни къ чему не послужатъ. И особливо на это надобно обратить вниманіе нашимъ русскимъ агрономамъ, которые будутъ имѣть дѣло съ рабочими, далеко не подготовленными къ улучшеніямъ въ сельскомъ хозяйствѣ и даже имѣющими противъ нихъ дурное предубѣжденіе. Я увѣренъ, что давно бы мы улучшили свои земледѣльческія орудія и вообще сельскую механику и архитектуру, если бы наши помѣщики ужьли за все это взяться собственными руками, не довѣряя иной разъ коварнымъ рукамъ Ивановъ и Прохоровъ. Сколько разъ мнѣ случалось видѣть у нашихъ помѣщиковъ превосходныя орудія, выписанныя изъ Англіи, и, по отзыву Ивановъ и Прохоровъ, сложенные въ сарай на добычу тѣлня, какъ орудія негодныя.

Мнѣ случалось видѣть на заводахъ, гдѣ изготовляются локомотивы и локомобили, будущихъ инженеровъ и техниковъ (въ томъ числѣ и нашего соотечественника Топковича, который пріобрѣлъ извѣстность своими поршнями), въ блузахъ, въ фартукахъ, съ молотками, въ сажѣ и копоти, работающихъ на равнѣ съ чернорабочими, съ утра до поздняго вечера. Безъ этого, говорятъ они, нельзя быть строителемъ желѣзныхъ дорогъ и царовыхъ машинъ. Но этого мало, всякій изъ нихъ по крайней мѣрѣ полгода долженъ прослужить кочегаромъ. Если такъ смотреть на дѣло тамъ, гдѣ, по видимому, для строителя-техника достаточно однихъ теоретическихъ познаній и умѣнья составлять чертежи и планы, то тѣмъ болѣе практическій навыкъ необходимъ для сельскаго хозяйства, которое почти не подчиняется никакимъ чертежамъ, формамъ и формуламъ.

Въ Горыгорѣцкомъ институтѣ, не знаю, какъ теперь, но въ прежнее время вся преподаваемая воспитанникамъ механика

состояла въ одной теоретической части, — въ раскрытіи условій, при которыхъ дѣйствуютъ движущія силы; но съ устройствомъ мельницъ, молотилокъ, вѣялокъ и т. п. — не знакомили, и вышедшій агрономъ, встрѣтившійся съ практикою лицомъ къ лицу, становился въ тупикъ предъ этими машинами, а на вопросы: какая лучше молотилка? чѣмъ различаются между собою молотилки бутеноскія отъ американскихъ? — былъ, какъ рыба, безгласенъ. Нѣтъ, пусть наши агрономы умѣютъ разобрать и составить всякую сельско-хозяйственную машину или орудіе, — и даже починить ее собственными руками, — тогда будетъ существенная польза отъ ихъ знаній.

Я немного уклонился отъ затронутой темы. Впрочемъ считаю здѣсь неумѣстнымъ входить въ разсмотрѣніе — чѣмъ богаты и чѣмъ бѣдны видѣнныя мною за границей агрономическія заведенія. Скажу еще одно, что желающаго учиться сельскому хозяйству — Горыгорѣцкій институтъ можетъ вполне удовлетворить, — и гораздо больше, чѣмъ знаменитый Гогенгеймъ, на который, между прочимъ скажу, я даже немного сердитъ, за то, что онъ показалъ мнѣ искусственное орошеніе луговъ на алебастровыхъ фигурахъ, а не на дѣлѣ, которое, при тамошнемъ обиліи воды, такъ удобоисполнимо. Впрочемъ денежные средства этого института очень скудны!

Однимъ могутъ похвалиться Гогенгеймъ, Тарантъ и другія подобныя заведенія, что они имѣютъ нѣсколько почтенныхъ и достойныхъ представителей науки, и двигаютъ ее впередъ. Практика практикой, но теорія должна дѣлать свое; и дѣйствительно, въ химическихъ лабораторіяхъ Гогенгейма, Таранта и т. под. она работаетъ подобно Либиху, Буссенго и другимъ. Въ Тарантѣ я увидѣлъ въ лабораторіи и на открытомъ воздухѣ длинныя ряды стеклянныхъ банокъ съ растениями, изъ которыхъ въ однѣ проведена углекислота, въ другія — амміакъ, третья имѣютъ почву, состоящую изъ чисто-промытого песка, четвертая, вмѣсто почвы, — воду, насыщенную извѣстными солями и т. д.

Пора и намъ, гг. профессоры, разработывать науку, а не подбирать крупныя, падающія отъ трапезы иностранныхъ ученыхъ.

И такъ, русскіе сельскіе хозяева, если вы хотите ознакомиться съ сельскимъ хозяйствомъ, — сѣдните въ Англію. Если путь вашъ будетъ лежать чрезъ западъ Россіи, я совѣтовалъ бы вамъ заѣхать въ Горки: они будутъ для васъ предверіемъ;

послѣ нихъ вы проѣзжайте по Германіи и Бельгіи — это будетъ передняя; оставя ихъ отправляйтесь прямо въ Англію, — тамъ вы найдете гостинную съ полнымъ комфортомъ раціональнаго хозяйства. Германія, кромя улучшеній въ области сельскаго хозяйства, поучитъ васъ честности, довольству и прямому взгляду на жизнь; Англія представитъ вамъ умъ, отразившійся со всѣми отбѣнками въ практической жизни, и уваженія къ правамъ человѣческимъ, утвержденнымъ на незыблемыхъ основахъ индивидуальной свободы.

Мнѣ кажется, если уже мы должны перенимать иностранное хозяйство, то по преимуществу англійское. Англія стремится сдѣлать и въ сельскомъ хозяйствѣ тоже, что она сдѣлана на фабрикахъ и заводахъ, — т. е. замѣнить руки человѣческія машинами. А такъ какъ въ Россіи вообще рукъ мало, а сельское хозяйство ведется въ громаднхъ размѣрахъ, — то машины и орудія, замѣняющія значительное число рукъ, имѣютъ для русскихъ хозяевъ особую важность. Это теперь начали понимать наши хозяева и особливо южно-русскіе, которые постоянно выписываютъ сельско-хозяйственныя машины изъ Англіи. Но благодѣтельнѣйшаго предрасположенія къ этимъ машинамъ мы должны ожидать съ окончательнымъ освобожденіемъ даровыхъ рукъ... Тогда мы вполне поймемъ цѣну англійскаго хозяйства, какъ умѣла понять и развить его многоземельная Америка.

Этимъ я кончаю мои замѣтки по поводу заграничныхъ впечатлѣній. Самъ сознаю, что я не много видѣлъ впродолженіе трехмѣсячнаго моего путешествія по западу Европы и, можетъ быть, ничего новаго не передалъ въ этихъ замѣткахъ, но чтобъ проникнуть во всѣ исходы жизни западно-европейскихъ обществъ, и чтобъ отыскать новыя стороны въ этой жизни, — нужно не разъ побывать тамъ и прожить не такое короткое время. Тамъ жизнь течетъ моремъ, по всѣмъ направленіямъ человѣческой дѣятельности. Чтобъ уловить ея оригинальную физиономію и отдѣлать въ ней жизненные нервы отъ мертвыхъ частей, надо соединить въ одномъ мозгу съ глубокимъ образованіемъ пронизательный взглядъ и вѣрный анализъ.

Знаю, что, прочитавъ мои параллели, нѣкоторые скажутъ: стоило ли ѣздить за-границу, — когда переданное авторомъ можно было написать не выѣзжая изъ Россіи, даже не выходя изъ кабинета. Я согласенъ съ этимъ замѣчаніемъ, и у меня не разъ пробивалось наружу чувство сожалѣнія, смотря на неурядицу нашего домохозяйства; но не бывъ за-границей, я думалъ, что

эта неурядица царствуетъ вездѣ, что тонуть въ грязи, перевозить тяжести на клячкѣхъ, жить въ дымныхъ и грязныхъ лагучахъ, расточать сокровища природы лѣнивой и небрежной рукою, не уважать правъ человѣческихъ, — удѣлъ всего, даже цивилизованнаго человѣчества. На людяхъ, говорится, и смерть красна!... Дѣйствительно, тѣ или другія неудобства и горечи жизни легче переносятся — когда видишь, что отъ нихъ не избавленъ ни одинъ смертный, — чѣмъ тѣ неудобства и горечи, которыя испытываются только нѣкоторыми обществами человѣческими, или нѣкоторыми изъ членовъ извѣстнаго общества. И потому-то невольно закрадывается грусть и досада, когда видишь, что мы русскіе дѣйствительно отстали отъ той жизни, которою пользуются народы Запада, — и невольно просится рука указать на язвы, которыя носить русское домохозяйство на своемъ тѣлѣ.

Дружите впередь! Теперь дѣло стоитъ только за нами; двери отворены на всѣ стороны, — любую выбирай дорогу, — иди и трудись. Но прежде всего проникнемся искреннимъ убѣжденіемъ, что мы дѣти одной великой семьи; что великія цѣли въ судьбахъ народа достигаются общими силами; что наши передовые люди не уйдутъ далеко, если они не заберутъ съ собою Пахомовъ, Трофимовъ и Сидоровъ. Только съ ними и въ братскомъ союзѣ мы можемъ приготовить лучшее будущее Россіи.

И. ПАЛКИНСЕВЪ.

ИСЛАМЪ.

III.

МОХАММЕДЪ.

ГЛАВА I.

Отечество Мохаммеда; его происхождение и вѣроисповѣданіе, въ которомъ онъ родился. — Взглядъ на состояніе идолопоклонства. — Сабизмъ. — Состояніе арабской литературы въ Меккѣ.

1. Отечество Мохаммеда и его родъ.

Меккэ, иначе *Беккэ* *), составляетъ одно изъ тѣхъ историческихъ достояній Аравіи, съ которыми соединены воспоминанія о глубокой древности народа, его самобытности, вѣроисповѣданіи и литературѣ. Недостатокъ точныхъ географическихъ свѣдѣній, относительно древнѣйшаго міра, лишаетъ насъ возможности указать на начало этого славнаго города. Греки его называли *Мокораба*: въ окончаніи этого слова (раба) нѣкоторые

*) См. Коранъ, гл. 3, ст. 90. Оба слова значатъ *множество*, тѣмъ-то: значить *многолюдный городъ* (см. примѣчаніе 2). Пережѣна *н* на *б*, по увѣренію восточныхъ филологовъ, чисто идиоматическое проявленіе (см. Бейзави, въ толкованіи приведеннаго стиха).

историки *) видѣли выраженіе величины и многолюдства города. Ученые старались найти Мекку въ священной географіи и пришли къ аналогическому заключенію, основанному на однѣхъ догадкахъ, что какъ Ромуль былъ основатель Рима, такъ и седьмой сынъ Измаила, по имени *Меса*, долженъ быть основатель Мекки, давшій этому городу свое имя, и что, слѣдственно, эта Меса впоследствии измѣнилась въ *Мекку* **).

Прошло почти тринадцать вѣковъ, какъ Мохаммедъ возвѣстилъ своимъ ученикамъ, что «первый домъ, основанный для людей неопровержимо есть тотъ, который находится въ Меккѣ». (Коранъ. Сурэ 3, стр. 90). Спросили его, какой это домъ, онъ отвѣчалъ, что это *Месджиду-ль-Хэрамъ* ***) священная мечеть, т. е., *Ка'ба*. Конечно, Мохаммедъ основалъ названное откровеніе на народныхъ преданіяхъ, въ цѣпи которыхъ первое звѣно теряется въ незапамятной древности. За непмѣнѣемъ, однакожъ, фактическихъ указаній на древность Мекки, не лишнимъ считаемъ познакомить читателей съ баснословными свѣдѣніями о Меккѣ и его храмѣ, переданными намъ Арабами до Мохаммедовой эпохи.

Родъ Измаила твердо хранилъ утѣшительное для себя воспоминаніе, что храмъ Мекки основанъ Авраамомъ, или, по крайней мѣрѣ, его сыномъ Измаиломъ. Слѣдовательно храмъ этотъ игралъ важную роль между всѣми другими; число ихъ всѣхъ насчитываютъ до семи во всей Аравіи, во имя семи планетъ. Въ извѣстное время года богомольцы стекались въ Мекку на поклоненіе со всѣхъ краевъ Аравіи. Энтузіасты между арабскими племенами, въ-особенности у Гкорейшевъ, претендовали, что Ка'ба основана самимъ Адамомъ, а потомъ послѣ потопа возоб-

*) См. Гибонъ, *The decline and fall etc. m. L.* Онъ же отвергаетъ эту величину и увѣряетъ, что Мекка никогда не была многолюднѣе *Марсели*. Это скорѣе неосновательное предположеніе, чѣмъ историческій фактъ; остроумный скептикъ не составляетъ исключенія въ изученіи древнихъ географическихъ свѣдѣній: они столько же темны для него, сколько и для другихъ, особливо въ отношеніи древнѣйшей Аравіи.

**) См. George Sale «Preliminary discourse» Корану, (тамъ же указаніе на источники,) стр. 4, — о Месѣ, или по славянскому переводу *Масси*. (См. Ки. Бытія, гл. XXV, ст. 14.)

***) *Хэрамъ* — запрещенное, недоступное всему незаконному. Это слово стало собственнымъ именемъ Ка'бы съ самаго начала ислама. Русское слово храмъ вообще производятъ отсюда. Если даже оно отсюда и не происходитъ, то по крайней мѣрѣ есть очевидное сходство въ значеніи и въ звукѣ.

новлена Авраамомъ, поддержана сперва *Джорхамидами*, *Амаликидами*, а потомъ *Гкорейшидами*. На основаніи этихъ преданій явилось въ исламѣ первыхъ вѣковъ повѣрье, еще болѣе лестное для храма Мекки, еще утѣшительнѣе для его жителей, — что Ка'ба — храмъ Божій, — существовала еще до сотворенія Адама, что она носила названіе «*Торакъ*», что сонмы небесныхъ силъ спускались на поклоненіе въ этомъ храмѣ. — Адамъ, по изгнаніи своемъ изъ рая, дѣлалъ тоже по примѣру ангеловъ и Богъ назвалъ храмъ этотъ «*Бейтуль-ма'муръ*,» т. е. домъ посѣщенія, домъ благолѣпный. Послѣ, когда людскіе грѣхи осквернили землю и *воспослѣдовалъ* потопъ, Богъ перенесъ свой священный храмъ съ земли и помѣстилъ его въ четвертомъ небѣ, куда впослѣдствіи сошелъ и Иисусъ Христосъ, скрывшійся отъ глазъ недостойныхъ грѣшниковъ. Послѣ же потопа на мѣстѣ этого первобытнаго храма сооружена была Авраамомъ нынѣшняя Ка'ба, которая получила названіе отъ своей формы — «квадратное», или, буквально, *кубическое* *).

Это повѣрье, основанное на политикѣ Мохаммеда, имѣло такое сильное вліяніе на жителей Мекки, что самые закоренѣлые идолопоклонники охотно слушали похвалы изъ устъ мусульманъ о своемъ храмѣ, и слѣдственно легче предавались другимъ *придаточнымъ*, болѣе или менѣе льстивымъ и заманчивымъ пѣснямъ, которыя напѣвалъ имъ какъ самъ «пророкъ», такъ и его *коммисары* о истинѣ новой вѣры, о новомъ значеніи храма.

Мохаммедъ, въ поэтическомъ воззваніи къ невѣрнымъ, въ которомъ онъ устрашаетъ ихъ божьимъ судомъ въ день воскресенія мертвыхъ и ласкаетъ слухъ *впругищихъ* обѣщаніями блаженства, — клянется между прочимъ храмомъ Мекки, называя его Бейтуль-ма'муромъ, т. е., почетнымъ его именемъ въ упомянутомъ смыслѣ. Я приведу здѣсь слова Корана; они будутъ любопытны для читателя: «Клянусь Синаемъ и предвѣчнымъ словомъ, на скрижали судебъ начертаннымъ; клянусь «*Бейтуль-ма'муромъ*» и небеснымъ сводомъ и бездоннымъ океаномъ, что не-

*) Слово *Ка'бъ* принадлежитъ древней исторіи и литературѣ Арабовъ. Мы имѣемъ и собственныя имена отъ этого корня. Восьмой праотецъ Мохаммеда, правнукъ *Гкорейша*, назывался Ка'бъ. Какъ по этому, такъ и по формѣ слова, я думаю, что оно чисто арабское, или по крайней мѣрѣ *самитическое*. Въ математикѣ оно значить *кубъ*; слѣдственно должно полагать, что греческое *кубосъ* заимствовано у Арабовъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ языкѣ не встрѣчается производныхъ словъ отъ этого корня, какъ это дѣлается въ арабскомъ.

преложна мечь господа твоего; итъ ей преграды. Въ день, когда небеса *кшимя будутъ кшимя* и земныя горы въ разъ разойдутся, тогда горе тѣмъ, которые приписываютъ (тебѣ) ложь, а сами суетятся во лжи. Въ тотъ день они будутъ влекомы и брошены въ огонь ада, въ огонь, о которомъ скажутъ имъ: — вотъ то, что вы отрицали; вотъ (слѣдствіе того, какъ вы говорили съ насмѣшкою о чудесахъ нашихъ), не волшебство ли это? Или и теперь не видите истины?! Войдите же въ огонь вѣчный; перенесете ли мученіе или не перенесете, это все равно въ отношеніи къ вамъ: это возмездіе за ваши дѣла. Благочестивые же въ этотъ день будутъ наслаждаться въ раю; они будутъ утѣшены тѣмъ, что Господь устроилъ для нихъ, сохранивъ ихъ отъ огня геены; (имъ скажутъ тогда): ѣште, пейте весело за ваши дѣла, преклонившись на подушки, устроенныя для васъ на богатыхъ ложахъ; тогда мы дадимъ имъ въ супруги гурій — чистыхъ райскихъ дѣвъ *).

Эти повѣрья, какъ они ни нелѣпы, относятъ древность Мекки къ весьма отдаленнымъ періодамъ исторіи міра. Если намъ взять съ другой стороны преданіе отъ Мохаммеда, во многомъ противоположное предъидущему и болѣе содержащее въ себѣ вѣртія, то основаніе храма Мекки можно отнести къ XI вѣку до Р. X. Мохаммеда спросили, какая разница во времени между основаніемъ храма Мекки и храма Іерусалимскаго, онъ отвѣчалъ: «Месджадуль-херамъ выстроень сорока годами прежде *Бектуль-Мукаддаса*», т. е., святаго дома храма Іерусалимскаго. Исслѣдователи библейской древности полагаютъ построеніе Іерусалимскаго храма въ 1011 — 1004 годахъ до Р. X.; слѣдственно основаніе Ка'бы, по словамъ Мохаммеда, было въ 1051 году до Р. X. **).

Хотя этотъ періодъ арабскихъ исторікамъ кажется очень *«желкимъ въ океанъ древности»*, по отношенію къ началу Мекки и его храму, — ибо они единогласно утверждаютъ, что *чистые Арабы* Адъ, Самудъ, Тасмъ, Джурхамъ и другіе до-Авраамовы Арабы, посѣщали храмъ Мекки, слѣдственно онъ существовалъ

*) Коранъ, 52 гл. стр. 1 — 20.

**) Желая согласить противорѣчіе, мусульмане говорятъ, что слова вышеупомянутыя въ Коранѣ, — *первый домъ*, основанный для человѣковъ, — и проч. значатъ первый домъ, по своему значенію, а не въ отношеніи времени. Притомъ, иные, избѣгая этого толкованія, думаютъ, что отвѣтъ пророка на сдѣланный ему вопросъ касается *возобновленія* храма Мекки за 40 лѣтъ до основанія Іерусалимскаго храма.

еще въ до-историческія времена; однакожь, въ пользу правдоподобія мы пожертвуемъ ихъ любовью къ неизмѣримой старинѣ, будемъ довольствоваться эпохою, указанною Мохаммедомъ, — и тогда Мекка не менѣе примѣчательна своею древностію, чѣмъ многіе славные города Азіи; — и тогда можно предполагать, что основаніе города по крайней мѣрѣ нѣсколькими столѣтіями предшествовало основанію самого храма.

Кто жилъ въ этомъ древнемъ городѣ XI вѣка до Р. Х., т. е. какія именно племена арабскія населяли его, — это никому неизвѣстно. Извѣстно только, что Измаилиты или *нечистые* Арабы, смѣшанные бракосочетаніемъ Еврея съ дочерью *чистаго* родового Араба (т. е. Измаила съ дочерью Джархамида *Аль-Модада* *) — первоначально поселились въ каменистой Аравіи (*Хиджазъ*) и родъ ихъ расплодился тамъ и занялъ все пространство отъ *Тахамэ* до *спрійскихъ степей* **), съ одной стороны, и отъ *Нажда* до Чермнаго моря съ другой. Слѣдственно первые аборигены Мекки были Джархамиты, по господствующей женской линіи, ***) смѣшанные съ Евреями по браку съ Измаиломъ.

Родъ Измаила, въ смѣшеніи съ родомъ своихъ братьевъ отъ *Хеттуры*, распространился по Хиджазу и сталъ господствующимъ народомъ, тогда какъ *чистые* Арабы мало-по-малу исчезли, сливаясь съ господствующимъ народомъ. Во время Мохаммеда, какъ и нынѣ, ихъ было немного; лишь степные Арабы еще носятъ родовое имя Джархама или Тасма и называютъ себя до сихъ поръ чистыми Арабами.

Родословная, составленная по источникамъ арабскимъ, выводитъ происхожденіе Мохаммеда и всего его поколѣнія отъ *Адмана*, между которыми и Измаиломъ прерывается нить родословія по недостатку свѣдѣній. Аднанъ былъ *десятымъ* праотецъ *Фахра*,

*) *Модадъ* отецъ жены Измаила, полагается въ 10-й линіи по происхожденію отъ *Каттана* или *Иктана*, праотца *чистыхъ* Арабовъ.

***) Указаніе арабскихъ историковъ не противорѣчитъ смыслу Св. Исторіи. По указанію Моисея (кн. Бытія, XXV, 12) Измаиль съ своими дѣтьми 12-ти родовъ, занималъ пространство отъ Хавила до Шуры къ Египту. Это совершенно тоже, что мы говорили выше. Жена Измаила, Египтянка могла быть изъ рода Джархама; между тѣмъ у Измаила были и другія жены.

****) Тутъ полагается, что Измаиль, изгнанный изъ дома отца, поселился между Джархамитами и съ него начался новый родъ; но какъ господствующее племя тутъ было Джархами, то еврейскій совершенно исчезъ и родъ Измаила представилъ новое общество Арабовъ.

прозваннаго *Гкорейшъ*, въ прямой линіи, *) и этотъ *Гкорейшъ* считался родоначальникомъ огромнаго и сильнаго поколѣнія, которое господствовало въ Меккѣ, въ продолженіе почти 200 лѣтъ**), къ которому принадлежитъ и родъ Мохаммеда, прозванный *Гашемскимъ* отъ имени его праотца, и которое въ послѣдствіи было гонителемъ пророка до утвержденія ислама въ Меккѣ.

Въ этомъ городѣ Меккѣ родился Мохаммедъ отъ Абдуллы, сына Абдуль-Мушталиба, сына Гашемъ***), сына Абдуль-Менафа, сына Гкосы, и этотъ Гкоса былъ праправнукъ Фахра Гкорейша въ седьмой прямой нисходящей линіи. Рожденіе его, по точнѣйшимъ вычисленіямъ, было въ понедѣльникъ 11-го Апрѣля 571 года до Р. X.

Родъ Мохаммеда, какъ аристократическій представитель всего арабскаго сословія въ Меккѣ и вообще въ Хиджазѣ, имѣлъ ближайшее попеченіе о храмѣ Мекки; слѣдственно всѣ Гкорейшиды, въ-особенности Гашимиты, были усерднѣйшими поклонниками. Хотя Мохаммедъ и его послѣдователи старались утѣшить себя мыслию, что весь родъ Измаила по прямой линіи, на-

*) По другимъ (См. *Гамза, Исфгани и Мирхондъ*) Гкорейшемъ назвался въ первый разъ *Надръ*, дѣдъ Фахра; слѣдственно это имя было извѣстно у Арабовъ почти за полвѣка прежде.

**) Изъ многихъ поколѣній арабскихъ до утвержденія власти Гкорейшидовъ *Хазайиты* составляли аристократію меккскихъ жителей, и какъ управленіе городомъ, такъ и завѣдываніе храмомъ принадлежало ихъ роду. Около 200 лѣтъ до бѣгства Мохаммеда возникли безпорядки между *Хазайитами*. Абу Габшанъ, послѣдній ихъ правитель Мекки, былъ человекъ неблагонадежный и любилъ вино. По словамъ Абуль-Феды и другихъ историковъ, этотъ господинъ, въ припадкѣ пьянства продалъ право управленія Меккою и его храмомъ одному вельможѣ изъ поколѣнія Гкорейша, по имени Гкоса, праотцу Мохаммеда въ пятой восходящей линіи, отцу *Абдуль-Менафа*. Это обстоятельство подало поводъ къ разрыву между Гкорейшидами и *Хазайитами*, который окончился войною въ пользу первыхъ, и управленіе Меккою и его храмомъ съ тѣхъ поръ оставалось въ рукахъ Гкорейшидовъ. Сынъ Гкосы Абдуль-Менафъ успѣлъ утвердить это управленіе за своимъ родомъ, и именно за Гашимидами, что и продолжалось до временъ Мохаммеда.

***) Этотъ Гашимъ есть родоначальникъ Гашимидовъ. Какъ глава сильнаго поколѣнія, онъ имѣлъ большую силу и значеніе въ Хиджазѣ. Восточные писатели увѣряютъ насъ, что онъ былъ такъ привлекателенъ своими достоинствами, такъ извѣстенъ, что Византійскій императоръ пожелалъ выдать за него замужъ одну изъ своихъ дочерей (*Мирхондъ*, ч. II. стр. 8). Сынъ этого Гашима Абдуль-Мушталибъ былъ уже историческое, важное лицо въ Меккѣ.

чная отъ него самого въ восходящей линіи до Адама, были чистые мусульмане, т. е., исповѣдывали одного Бога Аллаха и его пророка Мохаммеда и гнушались идолопоклонничествомъ; но, разсматривая исторію обращенія въ новую вѣру Мохаммеда, его ближайшихъ родственниковъ, мы видимъ, что, не поднимаясь такъ далеко, даже Абу-Талибъ, опекунъ и воспитатель Мохаммеда, въ послѣдній день своей жизни не успѣлъ принять исламъ, когда онъ былъ еще въ сознаніи и здравомъ смыслѣ; отчего племянникъ его приходилъ въ отчаяніе, и умирая едва ли онъ сповѣдывалъ эту вѣру, хотя и говоритъ объ этомъ утвердительно его братъ Аль-Абасъ, уже принявшій ученіе своего племянника. Мы объ этомъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ; теперь же я хочу сказать нѣсколько словъ о вѣроисповѣданіи Гокрейшидовъ: объ идолопоклонствѣ въ Аравіи.

Въ Аравіи, какъ и въ Сиріи, мы находимъ весьма слабыя зачатки религіозной философіи Индусовъ и Египтянъ; тутъ исторія застала лишь внѣшнія формы поклоненія небеснымъ тѣламъ, небеснымъ духамъ и представителямъ ихъ — идоламъ, и застала все это въ самомъ искаженномъ видѣ, какъ застали его ветхозавѣтные патріархи въ Египтѣ, Сиріи и Палестинѣ. Мы постараемся разсмотрѣть его въ подробности.

2. Идолопоклонство.

Всякая истинно-религіозная идея въ первоначальной своей чистотѣ представляетъ богатый источникъ высокихъ мыслей, достойныхъ созерцанія. Она принадлежитъ мыслителю, какого бы слоя, историческаго или до-историческаго общества, онъ ни былъ, она есть чистое, незапятнанное достояніе его духа, перво-родное дѣтище его ума и убѣжденій; она можетъ быть ошибочная, но не ложная.

Мое убѣжденіе состоитъ въ томъ, что начало всякой религіи, — я разумѣю религію по убѣжденію, а не по расчетамъ, — не могло не быть сродно съ христіанствомъ. Исслѣдуя всю глубину религіозной философіи древнихъ, почти вездѣ мы находимъ подтвержденіе этому. Разные символы древнихъ указываютъ на одну и ту же истинную идею: *Богъ единый, Богъ предвѣчный, Духъ всеобъемлющій*, выраженіемъ котораго служатъ солнце съ міриадами небесныхъ тѣлъ, который своею силою далъ жизнь и бытіе вселенной и который, наконецъ, изъ своего существа ниспослалъ

Хранителя или Спасителя грѣшному міру. Какъ близко все это къ евангельскому ученію! Истина, безъ сомнѣнія, руководила первыхъ мыслителей, искавшихъ единого Бога, и вдохновеніе должно было открыть имъ ея предѣлы. Невѣжество съ вѣками брало верхъ и истина замкнулась въ тѣсный кругъ людей. Вѣковой народъ Израиля, составившій себѣ особый типъ единствомъ вѣры, продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ, былъ отдѣленъ отъ громадной массы язычниковъ усердіемъ пророковъ; но и въ средѣ ихъ мы видимъ непрерывное отступленіе отъ истиннаго Бога и преданность кумирамъ, — о чемъ святые пророки жаловались, плакали и неусыпно увѣщевали заблудшихъ. Начиная съ Моисеева времени вплоть до пророка Малахія (около 400 лѣтъ до Р. Х.), Израиль постоянно охраняемъ былъ ревностными учителями противъ соблазновъ языческихъ, и за всѣмъ тѣмъ пророки часто оплакиваютъ увлеченіе ихъ къ идолопоклонству. Если этотъ самый Израиль, при такомъ неусыпномъ попеченіи о немъ, могъ гнѣвить Бога и падать въ невѣжество, то что можно было ожидать отъ безчисленной массы язычниковъ, слѣпо преданныхъ своекорыстнымъ вождямъ. Человѣкъ искалъ вѣры для спасенія, но невѣжество преграждало ему путь къ понятію этого спасенія, и онъ оставилъ вѣру въ глубокомъ пренебреженіи. Въ такомъ положеніи легко было злоумышленникамъ, изъ видовъ выгодъ, отвлечь людей отъ истины, которой начало было основано въ нѣдрахъ духовной жизни каждаго народа, увлечь къ пошлымъ забавамъ, которыя получили какую-то торжественность въ роскоши внѣшнихъ обрядовъ. Поэтому у древнихъ язычниковъ не было привязанности къ нравственному смыслу вѣры: идея ея была для нихъ отвлеченнымъ понятіемъ, недоступнымъ ихъ разумѣнію, а внѣшняя поэтическая сторона, дѣйствуя на ихъ фантазію, вполне удовлетворила ихъ мистическому чувству. Они охотно и безъ затрудненія перемѣняли однихъ идоловъ на другихъ, одну систему вѣрованія на другую; и все это дѣлалось безсознательно, какъ мы видимъ много примѣровъ того, не только между язычниками, но даже и въ исторіи раскола первыхъ вѣковъ христіанства. Трудно подмѣтить какое-нибудь сознаніе въ толпѣ, возводившей Симона Мага въ божество, Ивіона, Керинеа, Менаандра, Евсевія, Арія, Несторія и многихъ другихъ въ православныхъ отцовъ Церкви.

Въ системѣ древняго богослуженія, тамъ, гдѣ истина не была еще уяснена, первое мѣсто, по общему результату всѣхъ изслѣдованій, конечно, принадлежало солнцепоклошенію. Религіоз-

ныя начала въ человѣкѣ, лишенномъ возможности усвоить отвлеченныя идеи, по необходимости вели его къ символизму. Первые предметы окружающаго его міра, которые наиболѣе могли поразить его чувства своимъ величіемъ, конечно, были небесныя сѣтила: въ нихъ прежде всего искали символы божества, предметы поклоненія. Причины, побудившія къ символизму, ослабѣли, исчезли, явился письменный языкъ, развивалась духовная сторона въ человѣкѣ, но привычки слишкомъ были сильны, чтобы оторваться ему отъ давноначатаго и сложившагося культа. Притомъ, первыя поколѣнія людей, находясь подъ вліяніемъ привычки и собственного интереса, лишь развивали прежнія мысли и на основаніи новыхъ приложений придумывали новые символы; явилось ученіе, сперва о двухъ началахъ божественной силы: *производительномъ* и *пассивномъ* (*). Здѣсь придумали полъ мужескій, полъ женскій. Потомъ создали составленное изъ этихъ двухъ началъ *единство*, цѣлое, *гермофродитное* божество, обнимающее собою всю вселенную; — начало всего, въ которомъ все видимое и невидимое представлялось въ видѣ отдѣльныхъ частей. Затѣмъ эта двойственность возведена была въ тройственность: сила творящая, сила охраняющая, сила производящая или уничтожающая.

Всѣ эти представленія у древнѣйшихъ людей, не смотря на громадныя разстоянія, отдѣлявшія ихъ общества, — были почти тождественны и выражались однимъ и тѣми же символами. Отсюда не исключаются и американскіе аборигены, неизбѣжныя исторической связи съ старымъ міромъ (**). Первые символы божества въ ученіи *взаимныхъ принциповъ природы*, въ которомъ важную роль играли мужской и женскій полъ, — были солнце, луна; солнце и земля; или: солнце — луна, огонь — земля. Первая изъ каждой пары была символъ *творящей силы*, вторая — *пассивной, производительной*. Слѣды этого ученія найдены, начиная отъ Индіи, — повсему лицу земли стараго и новаго міра, совер-

* По увѣренію Мильтона (History of Christianity, vol. 1, p. 12), этотъ дуализмъ, состоящій изъ двухъ противоборствующихъ силъ — была первая естественная религія человѣка.

** Исслѣдователи ихъ древности, Гумбольдтъ, Фатеръ, Пришардъ, Мартовъ, Галлатанъ, Депоусо и Пиккерингъ, сквозь непроходимыя лабиринты скалій, каждый по своей части, всѣ наковецъ пришли къ одному результату, что американская раса *одна* и что она совершенно и радикально отличается отъ всѣхъ великихъ семействъ земнаго шара (The Serpent Symbol etc. by E. G. Squier. New-York 1851, p. 15).

шенно въ одинаковомъ направленіи и съ аналогическими видоизмѣненіями на пути его развитія.

Въ Египтѣ божественному *Озирису* поклонялись какъ первобытнѣйшій силѣ, началу производительному; символомъ его было *солнце*. *Изисъ* разсматривалась какъ сила пассивная, воспріимлющая и производящая; символомъ его была *земля*. Изъ этихъ двухъ началъ происходилъ Горъ или Горусъ (*Horus*), символомъ котораго была *весна*, или новорожденный годъ. Эту же самую поэзію мы находимъ въ Линг'амѣ и Иони или въ Спвѣ и Вгавани Индусовъ; въ Урании и Гаѣ или Фаллусѣ и Ктеѣ (*Phallus-Kteis*) древнихъ Грековъ; въ Апазонѣ и Іанетѣ (*Aposon — Ianthe*) Вавилонянъ; въ *Тескатлипокт* и *Циуакоуатль* (*Tescatlipoca и Ciuacoatl*) древнихъ Американцевъ, символами которыхъ также были солнце и луна *).

Изъ дуализма исходящее *третье*, тождественное первымъ двумъ началамъ, какъ я замѣтилъ выше, въ соединеніи съ ними составляло виѣсть единого Бога, Всесильнаго, Предвѣчнаго. Въ Индіи Брахма всесильное единство, творецъ всего, желая создать міръ, — говоритъ Миню (**), — поступалъ такъ: — «Все было непроницаемый мракъ; все было въ непробудномъ снѣ. Самодержавный, Предвѣчный, желая произвести міръ изъ своего существа, сперва разсѣялъ мракъ; затѣмъ онъ сотворилъ воды и далъ имъ силу движенія. Воды взволновались и отъ этого волненія образовалось золотое *лицо*, сіяющее мириадами лучей, подобно тысячѣ звѣздъ. Въ этомъ яйцѣ было зачатіе и рожденіе (образа) Брахмы, великаго источника и праотца разумныхъ существъ, того, который былъ и есть самодержавный владыка всего: онъ былъ невидимъ и, множество лѣтъ пробывъ въ яйцѣ этомъ, мыслилъ о судьбѣ міра. Послѣ онъ раздѣлилъ яйцо на двѣ половины, перегородивъ ихъ непостижимымъ эфиромъ; изъ этихъ двухъ половинъ образовалъ онъ небо и землю, съ ихъ источниками свѣта и влаги».

У Египтянъ *Кнефъ* или *Кнуфисъ* иначе *Аммонъ-Ра*, былъ выраженіемъ этого же единого Предвѣчнаго Творца, началомъ

*) Слѣдующая формула самой священной присяги древнихъ Мексиканцевъ передана намъ авторомъ «*The Serpent Symbol*»: Клянусь жизнью солнца, и владычицей нашей матерью — землею, что изъ подтвержденнаго мною ничего нѣтъ ложнаго, и въ заключеніе моей присяги я ѣмъ сію землю (при этомъ присягающій поднимаетъ нѣсколько земли и ѣстъ ее).

**) Transactions of the Institutes of Menu etc. v. VII, p. 92.

мужескимъ, съ которымъ неразлучно соединено было начало женское — *Муоз*, и оба произвели *Хонса* (*). Этотъ тройственный Кнефъ, единый «гермофродитный богъ», въ видѣ змѣя, извергъ изо-рта своего яйцо, и это яйцо было богъ *Фта*—производительная сила міра. Отъ этихъ двухъ аналогическихъ началъ, отъ этого *міроваго яйца*, перешли и къ другимъ народамъ и мелкимъ племенамъ древняго міра много тождественныхъ рассказовъ: отсюда заимствовано рожденіе *любви* съ золотыми крыльями — *фани*; появленіе изъ яйца — *протогона* или *Фта Грековъ* и много другихъ (**).

Въ орфическихъ басняхъ можно замѣтить кромѣ того идею о *тройственности* Индо-Египетской. Поученію, приписанному Орфею, утверждаютъ, что по его взгляду на космогонію, Демургія, т. е., творящая сила, которая произвела вселенную въ бытіе изъ хаоса, заключалось въ тройствѣ, именно въ *Фани* (свѣтъ), *Ерикапсъ* (жизни) и *Метисъ* (энергія), и всѣ эти три заключались въ *Фани* ицъ въ *Протогонъ* — выраженіи *единого*, всеильнаго Бога. (См. The Serpent Symbol etc., p. 59, примѣч.).

Между древними аборигенами Америки также находили слѣды этого *единого* предвѣчнаго Бога; въ Мексикѣ эта идея выражалась въ божествѣ *Теотль*, въ Перу — въ божествѣ *Варикахль*, въ центральной Америкѣ — въ божествѣ *Гунабкюль*. Но повсемѣстное единство — эмблема божества мудрости, во всей древности міра принадлежитъ *змѣю*. Въ Индіи, въ Египтѣ, въ Сиріи, въ Китаѣ, въ Греціи, въ Скандинавіи, въ Америкѣ, однимъ словомъ вездѣ, змѣя на землѣ, солнце и планеты на небесахъ — были первыми эмблемами божества мудрости, силы, начала добра и зла.

*) Клотъ-Боя исторія Египта, стр. XV.

**) Эту аллегорію мы видимъ въ мифологіи почти всѣхъ древнихъ народовъ. У Китайцевъ хаосъ предшествовалъ творенію въ формѣ огромнаго яйца; въ Японіи до сихъ поръ можно видѣть въ храмѣ *Данбода* изображеніе такого яйца (Mauric'es Indostan v. 1, p. 69). Аристофанъ, въ своей комедіи *птицы* также упоминаетъ объ этомъ, говоря о хаосѣ, о черномъ Эребѣ (Erebus), который произвелъ воздушное яйцо, изъ котораго родилась злато-крылая любовь, и отецъ всей вселенной создалъ изъ хаоса родъ человѣческій въ обширномъ пространствѣ тартара. Въ орфическихъ сказкахъ мы находимъ *Протогона* (Зевса), который также какъ *фани* (крылатая любовь) вышелъ изъ яйца съ золотыми крыльями. (См. все это въ Squier's Serpent Symbol, p. 148—151). Подобные рассказы о дивныхъ праотцахъ человѣческихъ, о дивныхъ герояхъ мы часто находимъ въ китайскихъ, манчжурскихъ и монгольскихъ басняхъ.

Почти всё идеи о божествѣ всякаго достоинства и рода ишли свои символы въ предметахъ окружающаго насъ міра. Кромѣ змѣй входитъ въ реестръ ихъ и образъ человѣческой въ разныхъ фантастическихъ формахъ, изображеніе животныхъ, насѣкомыхъ и растений. Кто не знаетъ изображеній Брахмы, Вишны, Сивы, Шакемуниа, Ундины и Тезкатлипоки, въ полныхъ и уродливыхъ ихъ ополченіяхъ? Кто не знаетъ изображенія простаго жука — эмблемы невидимаго, предвѣчнаго Бога у Египтянъ, или — изображенія водянаго растенія *лотосъ* — эмблемы самобытной державной силы (*) на всемъ Востокѣ? Быкъ, левъ, орелъ, человѣческія фигуры, наконецъ камни, вытесанные въ различныхъ формахъ, болваны различныхъ величинъ и представлений, входили въ число идоловъ различныхъ пантеоновъ.

Во всей Аравіи господствующая вѣра, было идолопоклонство и Сабізмъ. Христіанство съ ученіемъ маговъ также давно распространялось тамъ, при содѣйствіи миссіонеровъ и учителей того и другаго вѣрисповѣданія. Христіанство, давно открывшее путь въ Аравію, вслѣдствіе расколовъ, о которыхъ мы подробно изложили во второмъ отдѣлѣ нашего труда, — доведено было до самаго печальнаго положенія. Мафріанъ (патріархъ) Яковитовъ имѣлъ въ Аравіи двухъ епархіальныхъ епископовъ, себѣ подчиненныхъ, Несторіане одного. Сверхъ того, въ южной Аравіи мы видимъ въ то время слѣды давнишняго христіанства, но непзвѣстно какому расколу подчиненнаго. Юдеизмъ за 700 лѣтъ до Мохаммеда былъ извѣстенъ въ Аравіи, и исповѣданіе древнихъ Персовъ было принято нѣкоторыми поколѣніями, въ-особенности между *Бени-Темимъ*; но все-таки господствующей религіей Арабовъ было идолопоклонство.

Мы замѣтили выше, что въ Аравіи не находимъ философіи религіи, какъ застала ее исторія просвѣщенія въ Индіи и въ Египтѣ. Раннія наши свѣдѣнія тамъ начинаются только съ наружныхъ формъ богослуженій.

*) По изслѣдованіямъ ученыхъ, это водяное растеніе почиталось на Востокѣ повсюду и даже въ Америкѣ. Самопроизводная его сила, описанная ботаниками (См. Maurice's Ind. Antiquity, v. III, p. 265), посредствомъ которой оно производится и производитъ, безъ содѣйствія посторонняго элемента, кромѣ воды, заставило древнихъ мудрецовъ видѣть въ этомъ красавомъ цвѣткѣ эмблему самодержавной силы. Такое же свойство Египтяне приписывали и жукамъ, и потому жукъ возведенъ былъ на степень божественнаго символа.

Древніе Арабы имѣли семь храмовъ, посвященныхъ семи планетамъ. Изъ нихъ намъ извѣстны: *Гамданъ*, въ столицѣ Емена, посвященный *Венерѣ*; *Ка'ба* въ Меккѣ, первоначально будто посвященный *Сатурну*; Лекмское и Юдамское или Джодимское племена поклонялись Юпитеру; Асадское—Меркурію; Химъериды—солнцу, — слѣдственно и храмы ихъ были посвящены этимъ небеснымъ тѣламъ. Думаютъ, въ Меккѣ былъ храмъ, посвященный лунѣ (одной изъ семи планетъ по системѣ Птолемея), почему старые маги давали цѣлому городу названіе *Месъ-Кедъ* — домъ или обитель луны; это слово осталось собственнымъ именемъ города и сократилось въ Мекку. Не знаемъ только, на чью долю достался *Меррихъ* — Марсъ, тогда бы число семи планетъ, обоготворенныхъ Арабами, было полно, ибо у древнихъ семью планетами были Солнце, Юпитеръ, Венера, Марсъ, Меркурій, Сатурнъ и Луна.

Сверхъ этихъ планетъ древніе Арабы поклонялись и другимъ звѣздамъ и созвѣздіямъ, какъ напримѣръ, *Сиріусу*, *Канопусу* (Канова), Альдебарану и другимъ. Въ одно время съ боготвореніемъ звѣздъ, поклонялись они и идоламъ, по толкованію ихъ—изображеніямъ боговъ или ангеловъ, которыхъ высочайшая, самодержавная, небесная сила — невидимый Творецъ вселенной ниспосылалъ въ разные періоды для управленія дѣлами міра. Идоловъ этихъ, или идеп, которыя они представляли, называли *Амхетъ*, боги (въ единственномъ *Илхетъ*—богиня или *Илахъ*—богъ). Высочайшее существо они называли *Аллахъ*, съ присовокупленіемъ къ слову еще эпитета *Таала* — высочайшій, что до-сихъ-поръ повсюду сохранилось между мусульманами.

Изъ древней литературы, предшествовавшей исламу, мы можемъ знать, что слово *Аллахъ* въ смыслѣ высочайшаго творца, находилось въ языкѣ Арабовъ и прежде Мохаммеда; но фактически доказать не можемъ, давно ли оно существовало. Геродотъ (I. III. с. 8), говоря о богахъ арабскихъ, утверждаетъ, что у нихъ только два божества: *Бахусъ* и *Уранія*. Первое они называютъ *Ораталь*, а второе *Алилатъ*. Такое указаніе отца греческихъ историковъ дало позднѣйшимъ изслѣдователямъ восточной древности болѣе или менѣе правдоподобную мысль, что *Ораталь* и *Алилатъ* не иное что, какъ искаженное *Аллат'але* и *Аль-Илаетъ*. Только тутъ встрѣчаются два затрудненія, требующія поясненія: 1) у Арабовъ былъ идолъ подъ названіемъ *Аллатъ*, о которомъ мы будемъ говорить ниже, упоминаемый въ Коранѣ: *Алилатъ* скорѣе можетъ быть искаженное *Ал-лята*,

нежели Аль-Илягетъ. 2) Хотя по восточнымъ источникамъ мы не имѣемъ никакого названія идола у Арабовъ, которое могло бы быть созвучнымъ Геродотову Оратаю, слѣдственно и нельзя отвергать принятое мнѣніе (см. Sales Kogal. prelim. disc. p. 20) въ отношеніи существованія у древнихъ Арабовъ Аллаха-Та'аля; но Геродотъ увѣряетъ насъ, что Арабы, почитающіе Бахуса — Оратая, говорили, что они стригутъ свои волосы, какъ остригали ихъ Бахусъ; слѣдственно это несообразно съ понятіемъ, какое мы приписываемъ древнимъ Арабамъ о высочайшемъ, невидимомъ духѣ, творцѣ всего, называемомъ ими Аллаха-Та'аля.

Съ другой стороны, Шагрисгани сообщаетъ намъ молитву, которую Арабы-идолопоклонники читали во время богослуженія: «Посвящаю себя служенію твоему, боже; посвящаю себя твоему служенію, боже! Нѣтъ у тебя товарища, кромѣ твоего товарища, его же и всего ему принадлежащаго ты неизмѣнный владыко!» Это значитъ — правители міра считались содѣятелями высочайшаго духа; но какъ они сами, такъ и все, что находилось въ ихъ власти, подчинялось этому единому неизмѣнному духу, владыкѣ всего. Изъ этого слѣдуетъ, что дѣйствительно самые древнѣйшіе Арабы поклонялись истинному Богу и признавали надъ собою непосредственную власть ангеловъ и другихъ небесныхъ духовъ, которымъ ввѣрено было управление міромъ. При такомъ предположеніи можно допустить, что невѣжество, господствовавшее вѣками въ Аравіи, какъ и вездѣ въ Азіи, содѣлалось орудіемъ жрецовъ для удовлетворенія собственному интересу и властолюбію и чрезъ то безсловесные истуканы, на которыхъ чернѣ жертвовала и жизнь и имущество, носили имя боговъ, и идея о высочайшемъ невидимомъ духѣ или всѣмъ исчезла между ними и оставила одно лишь имя, или сдѣлалась отвлеченнымъ понятіемъ, недоступнымъ невѣжеству. При такомъ взглядѣ на вещи можно допустить, что дѣйствительно выраженіе Алла-Таая и Аль-Илягетъ, которыя первоначально различались по своему содержанію или значенію, впоследствии, подъ вліяніемъ равнодушія людей, стали собственными именами идоловъ, истукановъ извѣстныхъ формъ и примѣтъ, а можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, идола Оратая, о которомъ упоминаетъ Геродотъ, представлялся съ остриженнымъ въ особомъ вкусѣ волосами, которому подражали Арабы Геродотова времени. Что же касается до Алията, Аллята, то оба они могли быть одно и тоже — отъ *Аль-Илягета*, хотя мусульмане въ ряду своихъ эти-

мологическихъ суждений о словѣ Аллятъ вовсе не упоминаютъ объ этомъ *). Смотри ниже объ этомъ словѣ.

Какъ бы то ни было, идолопоклонство господствовало во всей Аравіи, и Гкорейшское поколѣніе было средоточіемъ всевозможныхъ злоупотребленій, происходившихъ отъ его невѣжества. Я не думаю, чтобы одинъ Мохаммедъ гнушался этимъ печальнымъ положеніемъ своихъ соотечественниковъ; но онъ одинъ сталъ явнымъ преслѣдователемъ идоловъ, и слова, обращенныя имъ къ своимъ собратомъ — Гкорейшидамъ, всегда были сильны и отличались отъ всѣхъ прочихъ его подобныхъ увѣщаній Евреевъ и Христіанъ, энергіею и поэтическимъ вдохновеніемъ. «Клянись плеядою, когда она восходитъ и заходитъ **), — говорилъ Аллахъ, въ одномъ случаѣ, устами своего пророка (Коранъ, гл. 53), — что вашъ согражданинъ ***), (Мохаммедъ) не заблуждается; онъ не по увлеченію говоритъ; его рѣчь не что иное, какъ откровеніе, ему внушенное; его училъ мощный вѣдѣніи, твердый въ познаніи, который въ первобытномъ образѣ явился ему съ высотъ горизонта, спускался къ нему ближе и ближе, на разстояніи двухъ стрѣлъ, и даже менѣе, и открылъ рабу-пророку то, что должно было быть ему открыто ****)... Онъ постигъ

*) Глубокому невѣжеству все можно допустить. Мы имѣемъ совершенно подобное проявленіе между нашими черемисскими и чувашскими идолопоклонниками. Между ихъ идолами одинъ носитъ нааваніе *Пулмбара* или *Пизамбара*; сверхъ того, у Чувашъ одинъ кумиръ называется *Каба*. Оба слова заимствованы у Татаръ. У нихъ *Шейтумберъ* или правильнѣе *Пайзамберъ* (изъ персидскаго языка) значить *пророкъ*, а *Ка'аба* — священный храмъ въ Меккѣ, куда обращаются лицомъ мусульмане во время молитвы. Жрецамъ чувашскимъ и черемисскимъ понадобился еще кумиръ — и вотъ они взяли эти слова и составили изъ нихъ имена идоловъ и помѣстили ихъ въ ресстръ своихъ боговъ, точно также, какъ сдѣлала Мордва съ священнымъ именемъ Николая - Чудотворца. Они между своими божествами одно называютъ *Николай пась* (слово пась или пась у Ерсявъ значить Богъ), т. е. богъ — Николай. Нельзя поэтому удивляться невѣжеству, въ которомъ апостолы нашли язычниковъ, отъ всей души готовыхъ, какъ разъ замѣчено нами, возводить Павла и Варнаву въ боги, въ Меркурія и въ Юпитера. (Дѣянія Апостольскія XIV, 8—13.)

**) Одна изъ группъ небесныхъ тѣлъ, которой Арабы также поклонялись. Аллахъ клянется великолѣпіемъ ея движеніи, а между тѣмъ намекаетъ, что подвергающееся измѣненію не можетъ быть божествомъ. (См. Коранъ гл. 6, стр. 76—79.)

***) Слова обращены къ Гкорейшидамъ въ ихъ спорахъ съ Мохаммедомъ въ защиту своихъ идоловъ.

****) Рѣчь идетъ объ архангелѣ Гавріилѣ, который передавалъ пророку откровенія Аллаха.

великіе признаки Бога *). Такъ ли думаете вы объ Аліатѣ, Аль' Уззѣ и Манатѣ, — о трехъ послѣднихъ вашихъ богиняхъ: вамъ принадлежать дѣти мужскаго пола, а ему женскаго! — Это дѣлежь несправедливый **).

Усердіе жрецовъ, повидимому, въ пользу идоловъ или представителей боговъ и богинь, всегда было такъ неистощимо, такъ постоянно, что идея объ истинномъ Богѣ совершенно была оставлена въ пренебреженіи. Идолопоклонникъ-Арабъ, произнося въ храмѣ молитву, нами выше изложенную, забывалъ о томъ, что слова его внушаютъ исповѣдь истиннаго Бога, владыки всего и даже всѣхъ боговъ и богинь, имъ боготворимыхъ, и отдавалъ послѣднимъ предпочтеніе. Онъ открыто исповнялъ всѣ условія, которыя человѣкъ своимъ дѣйствіемъ, можетъ выражать это предпочтеніе; духовное же созерцаніе было ему вовсе чуждо. Повѣривъ дѣйствія Арабовъ-идолопоклонниковъ, въ отношеніи къ ихъ богамъ, съ тѣмъ, что мы видимъ у Чувашъ и Черемисъ въ Россіи, мы находимъ много сходства между ними, исключая только того, что, принимая въ соображеніе ту низкую степень, которую послѣдніе занимаютъ въ человѣческомъ обществѣ, они, по-своему, умнѣе и осторожнѣе дѣйствуютъ въ отношеніи къ своимъ *льснымъ* богамъ и богинямъ, чѣмъ Арабы дѣйствовали въ отношеніи къ Аллаху. Извѣстно, что Чуваши и Черемисы приносятъ въ «*Керемети*» (мѣсто ихъ богослуженія въ лѣсу) жертву и *доброму* и *злому* духу, — первому — какъ дань умиленія, послѣднему — какъ подать возмѣжаніе его преслѣдованій. Шайтану — духу злomu, они угождаютъ болѣе, надѣясь на благость *Тора* или *Томы* (духа благости), но принимаютъ во крайней мѣрѣ всевозможныя мѣры осторожности, чтобы *Тора*

*) Т. е. «Онъ постигъ величіе Бога и имѣеть о немъ понятіе высокое, чистое, не такое, какое вы имѣете о своихъ идолахъ и даже о высочайшемъ Творцѣ вселенной... Вслѣдъ затѣмъ Мохаммедъ указываетъ на понятіе, которое Гкорейшиды имѣють о трехъ богиняхъ.

**) Мохаммедъ насмѣхается надъ своими собратьями, что они приписываютъ Аллаху дочерей, называя ими своихъ богинь. Въ Аравіи, какъ и вездѣ между кочующими необразованными племенами, отцы всегда желали, чтобы Богъ далъ имъ сыновей. Это эгоистическое понятіе основано на идеѣ, что дочери не приносятъ никакой пользы, а между тѣмъ ихъ содержаніе и воспитаніе стоитъ многихъ заботъ и лишеній (см. ниже примѣч. 28). На этомъ основаніи Мохаммедъ, насмѣхаясь говоритъ: вы себѣ желаете сыновей, а ему предоставляете сколько угодно ему дочерей! (см. ниже примѣч. 30.)

или Юка не знали о ихъ жертвоприношеніи Шайтану. Арабы не такъ поступали въ отношеніи къ Аллаху; они ёго явно обижали, въ сравненіи съ прочими идолами, удѣляя ему *меньшую* часть изъ своихъ жертвоприношеній. Въ жертвоприношенія, напримѣръ, если жребій пагъ на лучшіе и драгоцѣнные предметы для Аллаха, а на худшіе для идоловъ, то жрецы позволяли пережѣнять и назначенное Аллаху нести идоламъ, а назначенное идоламъ нести Аллаху; если же, напротивъ, лучшіе предметы по жребію доставались идоламъ, то пережѣна не позволялась.

Въ сельскомъ хозяйствѣ богатые садовники назначали часть земли въ пользу боговъ. Эту часть они дѣлили на равныя половины, одну для Аллаха, другую для извѣстныхъ идоловъ; но если изъ части, назначенной для идоловъ, произведенія ея—плоды, ягоды и т. п., случайно попадали на долю Аллахову, то жрецы приказывали положить эту долю опять на свое мѣсто; напротивъ же, если изъ Аллаховой части что-нибудь попало на долю идоловъ, то они оставляли это тамъ, говоря, что Аллахъ не *хочетъ* того. Подобнымъ образомъ поступали при поливаніи полей: изъ части земли, посвященной идоламъ, не допускали водѣ переливаться на часть Аллахову, а если изъ Аллаховой части земли вода лилась на землю идоловъ, то ее не удерживали.

Подобныя суевѣрія, державшія Аравію въ цѣпяхъ глубокаго невѣжества, вооружали Мохаммеда противъ своихъ соотечественниковъ, и нетрудно было ему обличать ихъ въ безсмыслии поступковъ и побѣдить ихъ своимъ краснорѣчіемъ. Сверхъ того, ихъ варварскій, по Корану, обычай въ зарываніи дѣтей женскаго пола живыми въ землю, чтобы освободиться отъ ихъ тягости и отъ срама, могущаго обезчестить семейство въ случаѣ распутной ихъ жизни *), еще болѣе придавъ Мохаммеду твердости въ рѣчи и сознанія въ своей правотѣ; онъ сильно нападалъ на нихъ въ расплохъ, чтобы внушить имъ идею болѣе разумаго культа. Слѣдующая глава (81-я) Корана ниспослана, говорятъ,

*) Коранъ обвиняетъ въ этомъ Арабовъ. Но не думаю, чтобы это была правда, иначе Геродотъ упомянулъ бы объ этомъ. Дѣйствительно, Арабы, какъ и вообще всѣ номады и нисшаго класса люди всегда желаютъ имѣть дѣтей болѣе мужскаго пола и тяготятся, если у нихъ рождаются одиѣ дочери. Арабы въ этомъ отношеніи не менѣе Дагистанцевъ равнодушны къ дочерямъ, если еще не болѣе. Можетъ быть и случалось, что Арабъ-дикарь и убивалъ, или какъ говорится въ Коранѣ: *отъ стыда предавалъ земль* живое свое дѣтище, но это отнюдь не могло быть общимъ обычаемъ. (См. ниже, въ прилѣчаніи 30.)

мусульмане, въ Меккѣ, когда Мохаммедъ обличалъ своихъ соплеменниковъ — Гкорейшидовъ, въ ихъ варварствѣ и безсознательныхъ поступкахъ. Мохаммедъ рисуетъ картину страшнаго суда и въ этой картинѣ выставляетъ яркими красками мсть за преступленія невѣрныхъ своихъ соотечественниковъ и въ заключеніе приглашаетъ ихъ къ истинному Богу. Слозь Мохаммеда здѣсь неподражаемъ. Мы постараемся передать его мысли сколько возможно ближе къ подлиннику.

«Когда солнце померкнетъ, когда звѣзды затмятся, когда горы разойдутся, когда облака псякнутъ, когда животныя на земля воскреснутъ *), когда моря, закипѣвъ въ одно сольются; когда души съ тѣлами опять соединятся, когда живо-зарытыя дыры къ вопросу приведутся: «за что они убиты, простятся **); когда предъ грѣшниками книги ихъ дѣлній раскроются, когда небеса раздвинутся, когда адъ воспланиетъ и когда рай приблизится ***), — тогда всякая душа распознаетъ (что она творила на землѣ), что она уготовала себѣ! — Клянусь запоздавшимъ звѣздами, блѣднѣющими сожигательницами (блуждающими спутницами) ****) солнца; клянусь ночью тьмой, клянусь утромъ, когда оно дышетъ пріятно, — что это рѣчь благаго пророка, сильнаго у Господа горняго престола, почетнаго, ангелами чтимаго и вѣрнаго! — Согрежданнитъ вамъ (т. е. Мохаммедъ) не

*) Это сдѣлается, — говорятъ толкователи Корана, — для того, чтобы просить Бога о мести идолопоклонникамъ за то, что ихъ (животныхъ) по-напрасно приносили въ жертву.

**) Въ XVI гл. Корана, ст. 60, говорится объ этомъ подробно: «Когда поздравляютъ кого-нибудь изъ нихъ съ новорожденною дочерью, то лицо поздравляемаго, пренеполненаго оттого гнѣвомъ, темнѣетъ и чернѣетъ, онъ скрывается отъ людей своего племени, стыдится несчастія, поздравленія и думая, оставитъ ли новорожденное дитя въ презрѣніи или скрыть его въ землѣ!» Тутъ же Мохаммедъ насмѣхается надъ своими Арабами, что то, что они считаютъ безчестіемъ, т. е. дочерей, предоставляютъ Богу, называя идоловъ дочерьми Аллаха, а себѣ желаютъ сынопей! — «Дѣлежъ въ справедливыи!» говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. (См. выше, въ приведенномъ переводѣ, 53 гл. Корана, примѣч. 27.)

***) Т. е., откроется завѣса рая и вѣрующіе приготовятся получить мзду за праведную свою жизнь.

****) Вступленіе солнца въ другой зодіакъ выражается тѣмъ, что звѣзды запоздали въ своемъ ходу и солнце догнало будто ихъ. Звѣзды же эти, находясь въ сожигательствѣ съ великимъ свѣтиломъ, лишаются своего свѣта.

сумасшедшій *). Онъ дѣйствительно видѣлъ его (т. е. архангела Гавріила) надъ свѣтлымъ горизонтомъ; онъ не клеветаетъ (какъ вы) на тайны откровенія; его рѣчь не рѣчь отверженнаго сатаны. Куда вы идете отъ него? Его слова вѣдь всѣмъ народамъ увѣщанія; да, всѣмъ, которые изъ насъ пожелаютъ прійти къ истинѣ: но вы не захотите, развѣ только Богъ захочетъ вашего исправленія: онъ Господь всѣхъ тварей!»

У Арабовъ было безчисленное множество идоловъ. Въ храмѣ Ка'бы и около него, говорятъ, находилось столько идоловъ, что на каждый день круглаго года пришлось бы по одному. Этого мало. Каждый домохозяинъ имѣлъ своего отдѣльнаго кумира, съ которымъ онъ прощался и просилъ благословенія, оставляя домъ, и къ которому всего прежде прикладывался по возвращеніи своемъ назадъ. Кромѣ того, каждое племя, каждое поколѣніе имѣло своего особаго идола, свою особую звѣзду или созвѣздіе; но случалось иногда, что нѣкоторые идолы были общи нѣсколькимъ поколѣніямъ, нѣсколькимъ семействамъ. Въ Коранѣ мы находимъ восемь именъ идоловъ древнихъ арабскихъ. Три изъ нихъ, а именно *Аллятъ*, *Аль-Манатъ* и *Уzza* представляются представителями ангеловъ дочерей божіихъ. Мохаммедъ однажды говоритъ объ нихъ въ приведенномъ выше отрывкѣ. По толкованію мусульманскихъ ученыхъ Аллятъ былъ идолъ, принадлежащій племени *Сакифы*, одному изъ остатковъ древнихъ Арабовъ, жившихъ въ Таифѣ. Храмъ, посвященный этому идолу или ангелу, находился въ томъ же городѣ; говорятъ, что у Гкорейшидовъ также былъ храмъ, посвященный этому идолу въ мѣстечкѣ *Налла* и послѣ названіе самого идола. Какъ эти храмы, такъ и ихъ идолы, со многими другими въ окрестностяхъ находящимися кумирами, были разорены и разбиты въ 8-мъ году *Гиджрэ*, во время похода мусульманъ-Арабовъ, въ Таифъ, подъ личнымъ предводительствомъ Мохаммеда **). Относительно этимологіи этого слова мы находимъ два мнѣнія: 1) Одни производятъ его отъ корня *леуа*, что значитъ дѣлать кругообращеніе около чего-нибудь, какъ

*) Такъ называли его постоянно Гкорейшиды, въ-особенности, когда онъ говорилъ, что получаетъ откровенія черезъ архангела Гавріила (См. гл. II, о женитбѣ Мохаммеда)

**) Prideaux и Sale, слѣдуя АбульФедѣ, спутали и названіе полководцевъ и годъ похода и мѣсто храма. Я слѣдовалъ повѣствованію Мирхонда и Аль-Бейзави. Полководцами этого похода подъ личнымъ начальствомъ Мохаммеда были Абу-Убейда и Джеррахъ, а не Абу-Суфьянъ и Мунир. (См. Sale's Koran. Pril. dis. p. 23.)

нынѣ дѣлаютъ пилигримы въ храмѣ Ка'ба, и увѣряютъ, что въ древнія періоды исторіи во время поклоненія ходили вокругъ этого идола; почему онъ и названъ первоначально *леуанъ*, т. е., предметъ кругообращенія, а потомъ *лятъ* (по правиламъ производства неправильныхъ корней — *аль* есть членъ арабскаго языка). 2) Другіе говорятъ, что этотъ идолъ первоначально изображалъ одного благочестиваго человѣка, который кормилъ на свой счетъ всѣхъ богомольцевъ похлебкой, приправленной масломъ. Дѣйствіе же такой приправы выражалось глаголомъ *ляма*, отъ котораго *аль-лятъ* будетъ причастіе: приправляющій масломъ. Когда умеръ этотъ благодѣтельный человѣкъ, то его изображение для памяти начали чтить и назвали его *Аль-ляма* (Бейзави, толков. Корана, 20 с. 53 гл.) Но лучше всего я думаю то, что мы замѣтили выше, что *Аль-лятъ* искаженное *Аль-Ияхетъ* *)!

Уза, по Бейзави, было священное дерево у поколѣнія Гатфана, которому Арабы поклонялись и приносили жертву. Его срубилъ Халидъ, извѣстный полководецъ Мохаммеда, въ 8-мъ году Гиджрэ. Другіе говорятъ, что это было имя идола, и всѣ однакожъ согласны въ годъ истребленія этого идола или священнаго дерева Халидомъ. *Уза* на арабскомъ языкѣ значить *честная, чтимая*.

Менатъ происходитъ отъ *мена* — рѣзать, отрубить и т. п., т. е., отъ того же корня, отъ котораго производятъ нынѣшнее *Мина* — долина въ Меккѣ, гдѣ приносятъ мусульманскіе пилигримы свои обычные жертвоприношенія, въ 10-й день 12-го мѣсяца луннаго года. «Это было, — говоритъ Аль-Бейзави, огромный кусокъ камня, которому поклонялись поколѣнія *Гузель*, *Хеза'а* и *Сакифъ* и приносили жертвы, и отъ этого жертвоприношенія (рѣзанія или закланія) взяли свои названія, по словамъ Аль-Бейзави, какъ этотъ камень, такъ и долина *Мина*. По нѣкоторымъ другимъ толкователямъ *Менатъ* былъ идолъ, принадлежавшій поколѣніямъ *Ауса*, *Хезраджа* и *Сакифа*. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ истребленъ въ 8-мъ году Гиджрэ полководцемъ *Саадомъ*.

*) Въ исторіи похода султана Махмуда Сабуктекина въ Индію мы читаемъ объ истребленіи идоловъ въ *Суменатъ*, въ храмѣ того же названія. Главнѣйшій идолъ этого храма назывался также *Латъ*. По описанію историковъ XI столѣтія, идолъ этотъ имѣлъ въ вышину 50 локтей, а нѣкоторые писатели говорятъ, что вышина его была 50 сажень, и состоялъ изъ одной массы чистаго золота, а храмъ, въ которомъ онъ стоялъ, былъ построенъ на 56 столпахъ.

Сверхъ этихъ, Коранъ упоминаетъ еще о пяти идолахъ, какъ о допотопномъ достояніи язычниковъ, праотцовъ древнѣйшихъ Арабовъ. Они суть: *Ваддъ*, *Суа*, *Насръ*, *Егусъ* и *Е'ука*. О нихъ говорится въ исторіи Ноя, въ 71 главѣ этой книги: Богъ будто разсказываетъ Мохаммеду о томъ, что происходило между Ноемъ и падшимъ человѣчествомъ. Ной въ своемъ воззваніи къ Богу говоритъ: «Господи, я ночью и денно призывалъ мой народъ (къ тебѣ) и мои молебны ничего не прибавили мнѣ отвращенія. Всякій разъ, какъ я призывалъ его къ тебѣ, общая прощеніе грѣховъ грѣшникамъ, они затыкали уши пальцами и закрывали лица одеждами и упрямо продолжали свое невѣріе и гордились имъ (неописанной) гордостью!... Жрецы ихъ наказывали имъ строго, говоря: «Не оставляйте вашихъ божествъ; смотрите не оставляйте ни *Вадда*, ни *Суа'а*, ни *Егуса*, ни *Е'ука* и ни *Нэсра*, — и такимъ образомъ развратили ихъ еще болѣе.»

Бейзави увѣряетъ насъ, что это были названія пяти благочестивыхъ мужей, жившихъ между Адамомъ и Ноемъ. По смерти ихъ, друзья для памяти и для счастья, держали у себя ихъ портреты и бюсты и оказывали имъ почтеніе; потомъ, по прощевніи многихъ вѣковъ, они обратились въ кумиры. Такъ вообще только мусульмане начало идолопоклонства.

Послѣ потопа эти идолы были найдены въ разныхъ мѣстахъ и сатана не дремалъ, — по словамъ восточныхъ писателей, — и позаботился размѣстить ихъ съ почестями въ народѣ. Арабы также не были обойдены этой честью; по словамъ Бейзави, поколѣнію *Кальбъ* достался *Вадда*, *Гамдану* — *Суа'а*, *Мезхиджю* — *Егусъ*, *Мураду* — *Е'угкъ* и *Гимьеру* — *Насръ*.

Объ этихъ идолахъ мусульмане знали только по преданію. Въ исторіи походовъ Мохаммеда и его послѣдователей мы не видимъ, чтобы идолы подъ этими названіями были разбиты или ограблены фанатиками. Только предполагаютъ, что идолы такихъ описаній и даже названій находились внѣ Аравіи. Я предполагаю, что Мохаммедъ эти имена заимствовалъ изъ дошедшихъ до его слуха именъ индійскихъ или греческихъ божествъ; напримѣръ, въ *Суа'а* мы можемъ узнать Сиву (*Siva*), въ *Веддѣ* — Будду; въ названіи *Насръ*, что значитъ *орелъ*, мы можемъ видѣть хоть *Вишну*, котораго Индійцы символизировали орломъ. (Брахму они символизировали *львомъ*, а Сиву — *быкомъ*); остаются *Е'угкъ* и *Егусъ*; въ послѣднемъ если предположить, что первые переписчики Корана могли ошибиться въ *первой буквѣ* этого

слова и вмѣсто *одной* точки поставили *две*, — что очень часто случается *) — то въ этомъ словѣ могли легко узнать Бахуса, потому что чтеніе было бы тогда: Бегусъ, Багусъ, тогда и Геродотово указаніе, приведенное нами выше, имѣло бы какую-нибудь поддержку. Что же касается до *Егукка*, то я не могу указать на подобное имя въ мифологіи Индусовъ, Египтянъ или Грековъ. Въ дополненіе къ этому нельзя не замѣтить, что восточные писатели говорятъ, что Егукъ у Арабовъ изображался въ формѣ *козла*, а Егусъ — въ формѣ *льва*; Нэсръ же въ формѣ *орли* — что и значитъ это слово на арабскомъ языкѣ.

Кромѣ трехъ первыхъ *арабскихъ* идоловъ, изображеній ангеловъ — *дочерей* Аллаха, мы встрѣчаемъ имена и другихъ арабскихъ же кумировъ, дошедшихъ до Мохаммедова времени. Между ними примѣчательны: *Хобаль*, привезенный изъ Сиріи въ Мекку еще въ древности, въ годъ неслыханной засухи, въ предположеніи, что черезъ посредство этого идола можно умягчить небо; *Исафъ* — мужскаго изображенія и *Населе* женскаго. Первый и главный изъ этихъ идоловъ по своему сану занималъ почетное мѣсто въ самомъ храмѣ Ка'абы, Исафъ — на горѣ *Сафа*, *Населе* на горѣ *Мервэ* **). Всѣ они истреблены при взятіи Мекки: Мохаммеда не удержали мольба и увѣреніе Гкорейшидовъ, что *Хобаль* есть изображеніе прапраотца Арабовъ — Авраама.

3. САБИЗМЪ.

Кромѣ чистаго идолопоклонства, еще господствовало въ Аравіи особое исповѣданіе подъ названіемъ Сабійскаго. Во время появленія Мохаммеда оно состояло въ поклоненіи небеснымъ свѣтиламъ, съ примѣсью идолопоклонства, юдаизма и христіанства.

*) Это зло неизбежно на Востокѣ, пока не измѣнятъ восточные своего алфавита, въ которомъ половина звуковъ языка означается только *точками*. Александръ (Великій), сынъ Филиппа, упалъ, черезъ такую ошибку сдѣланную въ *первыхъ порахъ* историко-литературной дѣятельности, пишется *Искендръ-Филиппусъ*. Это извѣстно всѣмъ ориенталистамъ. Въ разныхъ редакціяхъ Корана мы не рѣдко встрѣчаемъ подобныя варианты, особенно въ созвучныхъ буквахъ.

**) Названія двухъ горъ въ Меккѣ, между которыми богомольцы исполняютъ положенный обрядъ предъ приношеніемъ жертвы въ долину *Мима*. Коранъ объ этихъ горахъ говоритъ: «По истинѣ, *Сафа* и *Мервэ* суть изъ божіихъ знаменій.» (Гл. II, с. 153). Объ упомянутыхъ идолахъ см. въ Бейляви, въ толкованіи этихъ именъ.

Поклоненіе небеснымъ свѣтламъ, какъ вездѣ, такъ и въ Аравіи предшествовало чистому идолопоклонству. Между именами первыхъ праотцевъ Арабовъ, напимѣръ, между внуками Кахтана (Ектана св. писанія) мы имѣемъ собственное имя *Абдуш-шамсъ*, что значитъ *рабъ солнца*, равнозначащее имени *Абду-лаха* — рабъ божій, которые и нынѣ въ исламѣ въ большемъ употребленіи, подобно христіанскому *Теодулъ* (по-гречески). Этотъ древнѣйшій способъ богослуженія, по нашему чисто символическій, прошедъ въ до-историческіе вѣка непроницаемый мракъ невѣжества, преобразовался въ различныя формы, сообразно вліянію господствовавшихъ обычаевъ страны или народа; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ болѣе или менѣе удерживалъ свой первоначальный характеръ, въ другихъ же, напротивъ, принималъ новые виды: то господствовало одно звѣздопоклоненіе, съ малой примѣсью идолопоклонства, то брало верхъ чистое идолопоклонство съ примѣсью звѣздопоклоненія.

Сабинъ первоначально представлялъ чистое звѣздопоклоненіе, потомъ, по прошествіи вѣковъ, онъ смѣшивался по немногу, незамѣтно съ другими исповѣданіями и во время Мохаммеда дѣлился на многія вѣтви, въ которыхъ, впрочемъ, звѣздопоклоненіе составляло повсюду главный его характеръ. Это исповѣданіе, считаемое самымъ древнѣйшимъ въ Аравіи, Сиріи, Месопотаміи и въ другихъ мѣстахъ, извѣстно было подъ различными наименованіями. Названіе *Сабій* (во множественномъ *Сабіунъ* или *Сабіинъ*), даваемое исповѣдующему его, взято изъ Корана. (Гл. 2, с. 59, гл. 5, с. 73; гл. 22, ст. 17). Толкователи этой книги и историки ислама говорятъ, что этимъ именемъ назывались звѣздопоклонники и ангелопоклонники Аравіи, которые считали свою вѣру за ту самую, которую исповѣдывалъ Ной, Энохъ (Енохъ), Метушалахъ (Мадусала) и Сноъ и даже Адамъ, и имѣютъ свое священное писаніе, оставленное будто отъ Сноа и Еноха, котораго они называютъ *Гермесъ*.

Считаю не лишнимъ обратить вниманіе читателя на это вѣроисповѣданіе, о которомъ на рускомъ языкѣ еще нѣтъ ничего положительнаго, вѣрнаго, и указать на нѣкоторые пункты ихъ религіозныхъ обрядовъ, которые заимствованы Мохаммедомъ и его послѣдователями.

а) Имя Сабій и Сабинъ.

Сабіи того мнѣнія сами, что это названіе взято отъ имени *Сабі*, будто бы одного изъ сыновей Сноа, который изобрѣлъ

письмо и передать потомству законъ своего отца въ письменныхъ памятникахъ. Есть еще у нихъ мнѣніе, что этотъ Саби былъ одинъ изъ сыновей Эноха, который былъ первый изобрѣтатель письма и имѣлъ откровеніе Бога. Но восточные филологи производятъ это названіе отъ арабскихъ корней *саба* и *саба'а* (т. е., въ послѣднемъ случаѣ считая корнемъ вмѣсто конечнаго *а-лифъ-гамзу* *). Глаголь перваго корня значитъ *склониться къ чему нибудь, предаться*. Глаголь же втораго корня имѣетъ между прочимъ два значенія: а) *смотреть на небо, поднявъ голову*; б) *выйти*. Производящіе это слово отъ перваго корня и даже отъ втораго *по второму* значенію, говорятъ, что Сабии значитъ ренегатъ, оставившій свою вѣру и уклонившійся къ другой. Такіе этимологи думаютъ, что Евреи и христіане, принявъ идолопоклонство или звѣздопоклонство, были названы этимъ именемъ, конечно въ смыслѣ *еретиковъ*. Производящіе это названіе отъ глагола втораго корня, *по первому* его значенію, говорятъ, что Сабии назывались этимъ именемъ потому, что во время богослуженія они *смотрятъ на небо, поднявъ голову къ звѣздамъ и ангеламъ, которымъ они поклоняются*. Нѣкоторые ученые изъ Европейцевъ **) предпочли производство этого названія отъ еврейскаго слова *сава'* (небесная сила), т. е., единственнаго числа слова *Саваофъ*, на томъ основаніи, что Сабии поклонялись небеснымъ силамъ. Но это мнѣніе весьма слабо, потому что еврейскій корень *сава'* только *иносказательно* употребляется въ смыслѣ *небесныхъ силъ*, и то только въ своемъ мѣстѣ; а то просто *сава* значитъ воевать, собирать войско, распоряжаться. Во множественномъ числѣ *савамъ* и *саваавъ* — войска, легіоны ***).

Какъ бы то ни было, этимологія восточныхъ ученыхъ совершенно сообразна ихъ понятію о Сабизмѣ и Сабіяхъ, какъ мы сейчасъ увидимъ.

б) Въ чемъ состоитъ ихъ ученіе.

Бейзави, въ толкованіи 59 стиха 2-й главы Корана, гдѣ рѣчь идетъ о *Сабіяхъ*, говоритъ: «они представляютъ собою

*) Въ самомъ Коранѣ во всѣхъ вышеприведенныхъ мѣстахъ принято чтеніе по послѣднему производству; только одинъ *Нафи'* изъ всѣхъ ученыхъ *шайховъ* Корана предпочитаетъ первое производство:

**) См. Рос. Спец. etc. p. 138; также Salés Kogan, V. I, p. 20.

***) См. кн. Бытія, II, 2; XXI — 22; кн. чиселъ XXXI, 7, 42; Исая XXIX, 7, 8; Ерем. XL, 2, много другихъ мѣстъ.

нѣчто между христіанами и магами. Говорятъ, что первоначальная ихъ вѣра есть та, которую исповѣдывалъ Ной; иные говорятъ, что они поклоняются ангеламъ; другіе же — звѣздамъ...» Аль-Кашифи, также извѣстный комментаторъ Корана, говоритъ о Сабіяхъ: «они не что иное, какъ люди, перемѣнившіе вѣру, т. е., составившіе свою вѣру изъ отрывковъ разныхъ вѣръ; они поклоняются ангеламъ; читаютъ псалтирь и во время молитвы обращаются лицомъ къ Ка'абѣ. Иные считаютъ ихъ *Зимдыками* *), а другіе — звѣздопоклонниками.»

Изъ этого можно заключить, что мусульмане не знаютъ на вѣрное, къ какому именно вѣроисповѣданію приписать Сабіевъ. Между учеными ислама есть и такіе, которые думаютъ, что Сабіи были тѣ изъ христіанъ, которые наяву выдавали себя за христіанъ, а втайнѣ поклонялись звѣздамъ. Дѣйствительно, мы находимъ въ описаніяхъ ихъ вѣроисповѣданій и обрядовъ совершенную смѣсь всего: они поклонялись звѣздамъ, въ особенности *семи планетамъ*, и имѣли храмы, посвященные этимъ планетамъ, посвящали каждый день недѣли одной изъ семи планетъ, и приносили постоянно всесожженіе; поклонялись ежедневно пять разъ солнцу, считая его ангеломъ, имѣющимъ духъ, понятіе, умъ и способности, освѣщающимъ всю вселенную; имѣли особый храмъ, посвященный солнцу, куда ходили ежедневно три раза для поклоненія особому идолу, представляющему собою солнце; призывали его быть ходатаемъ ихъ и свидѣтелемъ предъ солнцемъ, что они ему молятся, поклоняются и приносятъ жертву. Съ другой стороны мы видимъ въ нихъ нѣкоторые обряды іудейскіе и нѣкоторые элементы христіанской религіи. Напримѣръ: 1) Во время богослуженія они обращались лицомъ къ сѣверу — по однимъ, къ югу — по другимъ, и къ Ка'абѣ, — по третьимъ. 2) Имѣли три **) *положенныхъ* ежедневныхъ молитвъ, съ извѣстнымъ числомъ поклоновъ *въ поляхъ* (*рук'атъ*) и поклоновъ *въ землю* (*седжде*); сверхъ этого еще *три добровольныхъ* молитвы, съ такими

*) Общее названіе, которое даютъ мусульмане всѣмъ атеистамъ. Но частнымъ образомъ имъ выражаютъ то послѣдователей Зороастра (производя слово отъ *Зенда*), то Манихѣиновъ (производя слово отъ *Зен-динъ*, т. е., имѣющие *женскую веру*), то послѣдователей *Мездека*, извѣстнаго социалиста V-го вѣка.

**) У мусульманъ *пять* положенныхъ ежедневныхъ молитвъ, но онѣ совершаются въ три періода дня: *утромъ*, до *возхожденія* солнца, *въ полдень* и *вечеромъ*, по закатѣ солнца.

же поклонами, какъ у мусульманъ *). 3) Нпкогда не приступали къ молитвѣ безъ предварительнаго положеннаго очищенія или омовенія **). 4) Имѣли въ году три положенныхъ поста: а) изъ *тридцати* дней, начиная съ 9-го дня послѣ новолунія въ Мартѣ; б) изъ *девяти* дней, начиная съ 9-го дня до декабрскаго новолунія, и с) изъ *семи* дней, начиная съ 9-го Февраля ***). Кромѣ того имѣли два произвольныхъ поста, изъ 16-ти и 27-ми дней ****). 5) Соблюдали праздники іудейскіе и христіанскіе. 6) Имѣли установленныя очищенія *****). 7) Допускали разводъ только при обличенномъ развратѣ. 8) Вѣрили псалмамъ Давида. читали ихъ въ молитвахъ; кромѣ того имѣли еще и другія священныя книги, изъ которыхъ одна на халдейскомъ языкѣ, которую считали книгою *Сива*. 9) У нихъ было нѣчто въ родѣ крещенія, и соблюдавшіе это таинство говорили, что они дѣлаютъ это по преданію Іоанна-Крестителя, учителя ихъ отцовъ.

Такое неясное изложеніе Сабіизма произвело споръ между мусульманами законниками: къ какому разряду причислить *не-спрныхъ*, исповѣдующихъ это ученіе, — къ *мушикамъ*, т. е. политеистамъ, или — къ *«сословіямъ книгъ»*, каковы суть Іудей и христіане, со всеѣми ихъ сектами? *****) Однакожъ большинство причисляетъ ихъ къ *сословію книгъ*.

в). Кто же были Сабіины.

Сабизмъ, въ смыслѣ звѣздопоклоненія, какъ сказано, принадлежитъ къ самымъ древнѣйшимъ вѣроисповѣданіямъ Востока и даже цѣлаго свѣта. Въ Аравіи, какъ я упомянулъ, онъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ, но впоследствии подпалъ подъ влияніе ученія постороннихъ и незамѣтно пзмѣнился тамъ и сямъ,

*) Если вѣрить восточнымъ писателямъ X-го вѣка, въ описаніи этихъ подробностей, то можно заключить, что все это, даже и назначеніе числа поклоновъ *въ поле (рук'ать)* и поклоновъ *въ землю (седжде)* въ ежедневномъ богослуженіи Мохаммедомъ заимствовано прямо у Сабіевъ.

**) Это самое и у мусульманъ: омовеніе технически называется *сузу*.

***) Профессоръ Хвольсонъ думаетъ, что съ 9-го дня послѣ февральскаго новолунія, и имѣетъ на то основаніе, хотя въ подлинникѣ сказано глухо.

****) У мусульманъ тридцать дней положеннаго поста и нѣсколько постовъ произвольныхъ.

*****) Тоже что у мусульманъ технически называется *Тайдромъ*.

*****) Въ законѣ мусульманскомъ *«сословіе книгъ»* имѣетъ большое преимущество предъ язычниками, какъ объ этомъ будемъ говорить въ ученіи Мохаммеда.

сообразно принципамъ другихъ учений. Аравія, какъ страна свободы, вольная, непоробоченная, манила въ свои нѣдра притѣсненныхъ и угнетенныхъ отъ преслѣдованія сосѣднихъ государствъ, отъ безпрерывныхъ смуть въ Персїи, Месопотамїи и Сирии; туда стремились для снисканія счастья и покоя и халдейскіе мудрецы, и персидскіе маги, и іудейскіе и христіанскіе эмигранты. Сближеніе туземныхъ звѣздопоклонниковъ съ новыми пришельцами, открыло имъ новыя идеи. Сначала они видѣли къ себѣ сочувствіе въ своихъ единовѣрцахъ Халдеяхъ, удивлявшихъ ихъ своею мудростью, и вѣроятно заимствовалъ отъ нихъ письменное ученіе и ихъ философію, потому что восточные изслѣдователи древности приписываютъ Сабіямъ то же, что и Греки Халдеямъ и даже считаютъ послѣднихъ за одну изъ отраслей Сабіевъ *). Затѣмъ эти звѣздопоклонники познакомились съ персидскимъ магамъ, Іудеямъ, переселившимися въ счастливую Аравію еще до Рождества Христова, а потомъ и съ христіанскими миссіонерами изъ Маркіонитовъ, Манпхеевъ, накопецъ изъ Якобитовъ и Несторіанъ, съ рвеніемъ распространявшихъ тамъ христіанство. Конечно, и тамъ Иеофоны или Этнофоны (Ethnophones) старались о слитїи христіанства съ язычествомъ и чрезъ то образовалось настоящее ученіе Сабіевъ, — какъ его описываютъ восточные ученые.

4). СОСТОЯНІЕ АРАВСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Семитическіе языки, совершенно отдѣльные своимъ строеніемъ и характеромъ отъ всѣхъ прочихъ языковъ древней Азіи, представляли богатѣйшіе запасы формъ и выраженій для идеи матеріальнаго и духовнаго міра. На почвѣ арабскихъ, іудейскихъ, самарянскихъ и халдейскихъ письменъ существовали въ до-исто-

*) Это можно допустить только, если принять Сабизмъ какъ общее выраженіе *звѣздопоклоненія*, какъ дѣлаютъ иные, а не какъ собственное имя отдѣльнаго народа или сословія, какимъ они являются въ Аравїи во времена Мохаммеда. Послѣ ознакомленія Сабіевъ съ Халдеями между первыми начали показываться философы и мудрецы. Одинъ восточный авторъ замѣчаетъ, что «Сабїи воображаютъ себя мудрецами, но они пѣли хуже Халдеевъ». Авторъ разуметь, какъ видно изъ предыдущаго у него, что Сабїи заимствовали до безумія, хуже чѣмъ Халдеи въ отношеніи къ богопознанію. Въ греческомъ текстѣ, изъ котораго, по указанію ученаго нашего профессора Хвольсона (*Die Babier and der Babismus*. В. II, р. 524), составленъ арабскій переводъ анекдота, вмѣсто Сабіевъ мы находимъ Эллиновъ.

рическія времена, росли тамъ и обрабатывались и поэзія и наука. На арабскомъ языкѣ, существовавшемъ съ письмъ со времени патріарха Іакова *), писалъ Іовъ свою поэтическую книгу, неподражаемымъ слогомъ, за семнадцать вѣковъ до Рождества Христова. Послѣдніе остатки письма Гимъяридовъ, носившаго названіе *Аль-Моснадъ*, пережившаго самую династію, существовали еще за 350 лѣтъ до появленія Мохаммеда.

Не мѣсто здѣсь представлять историческій обзоръ арабской литературы, какъ мы сдѣлали это по необходимости, говоря о религіозномъ и политическомъ бытѣ Арабовъ до Мохаммеда, но нельзя и умолчать о состояніи арабскаго языка во время появленія Мохаммеда, языка, на которомъ написанъ Коранъ вдохновеннаго неподражаемымъ слогомъ. Нельзя не пояснить причины, почему Мохаммедъ выдавалъ свое твореніе за *чудо*, за неподражаемое божественное слово, которому ничего подобнаго не могутъ представить ни люди, ни духи **).

Множество нарѣчій арабскаго языка, употребляемыхъ въ немногочисленныхъ городахъ и между кочующими бедуинами (бедуинами) было единственнѣйшимъ поводомъ къ неизъяснимому богатству языка *Гкорейшидовъ*, на которомъ написанъ Коранъ. Всякому Русскому это можетъ быть легко понятно, когда онъ представитъ себѣ возможность собрать *вмѣстѣ* всѣ слова и вы-

*) Въ археологическихъ преданіяхъ древняихъ Арабовъ говорится о металлической доскѣ, найденной въ *Еменѣ*, въ раскрывшейся отъ горныхъ потоковъ могилѣ, богато убранной, гдѣ лежали останки женщины, обложенной кругомъ драгоценностями. На доскѣ этой была надпись на *Гимъерскомъ* арабскомъ языкѣ, почеркомъ *Моснадъ*: «Богъ мѣй, Богъ Гимъяровъ! Я, *Мадже*, дочь Зи-Шафара, послала своего комиссіонера къ *Іосифу* (въ Египетъ), но онъ запоздалъ; послала я свою служанку повсюду то съ *мѣрою* серебра, то съ *мѣрою* золота, то съ *мѣрою* крупныхъ жемчуговъ, — чтобы достать за это *мѣру* муки, но нигдѣ не достала; велѣла я смолоть жемчугъ въ муку, но не могла воспользоваться (напитаться) ею, — и такъ я (умерла съ голоду) и заперлась съ своимъ богатствомъ и проч. Это событіе относится къ періоду всеобщаго голода въ Египтѣ. (Книга Бытія, гл. XL).

**) «Скажи, — будто бы говорить Богъ Мохаммеду, — если бы собрался вкупѣ и человѣки и духи, чтобы представить что-нибудь подобное Корану, то я тогда не представлять ничего ему подобнаго.» (Коранъ, суръ XVII ст. 90.)

раженія однихъ и тѣхъ же идей, употребляемыхъ въ областныхъ говорахъ его отечества, — какой бы величественный океанъ составился изъ полного областного словаря! А надо еще замѣтить, что въ Россіи, благодаря господству просвѣщенія, каково оно ни есть у насъ, не существуетъ такого разнорѣчія, какое мы замѣчаемъ, хотя напримѣръ, въ Германіи, при всей ея огромной цивилизаціи. Въ Аравіи письменный языкъ сперва былъ у Гимьяридовъ въ южной, такъ называемой счастливой Аравіи. Объ успѣхахъ литературы тамъ, по отдаленности времени и, вѣроятно, по трудности сношенія съ ними другихъ народовъ, вовсе неизвѣстно. Было странное замѣчаніе въ Аравіи, что покуда въ одномъ какомъ-нибудь поколѣніи письменный языкъ процвѣталъ, всѣ прочія посылали туда своихъ пѣвцовъ и лишь въ этомъ кругу прославлялись подвиги поэтовъ, одѣивались ихъ произведенія. Въ самой Меккѣ, столицѣ и единственномъ городѣ Хиджаза, по весьма естественной причинѣ письменность явилась гораздо позже, чѣмъ въ Еменѣ. Городъ этотъ, до возстановленія его достоинства, важности, какую позднѣе Арабы стали придавать ему по забытому тамъ храму, что было лишь за нѣсколько вѣковъ до Мохаммеда (за 250 или 300 лѣтъ до него), не имѣлъ никакихъ сношеній ни съ какимъ просвященнымъ краемъ; его посѣщали только пилигримы изъ внутренней Аравіи и рѣдко изъ Емена. Эти пилигримы большею частію были кочующіе идолопоклонники и очень немногіе изъ осѣдлыхъ приверженцевъ Мекккаго храма изъ другихъ городовъ, по старости памяти, привязанные къ нему преданіемъ.

Какъ я ужъ замѣтилъ, ничего не было легче между язычниками, какъ привлечь ихъ вниманіе отъ одного бога къ другому, отъ идола къ идолу, лишь была бы пища ихъ суевѣрію, лишь бы интересующійся однимъ кумиромъ съумѣлъ представить его важность, его святость. Этого довольно было, чтобы привлечь къ нему толпу безсознательныхъ невѣждъ и предать забвенію старые кумиры. Вотъ, почему много идоловъ времени Ману черезъ 1000 лѣтъ возрасло до невѣроятнаго количества въ Индіи *). Вотъ почему, одни идолы часто замѣнялись другими, и даже сотнями, и въ Аравіи. По этимъ-то причинамъ Мекка и ея храмъ

*) Эльфинетонъ (Maunt Stuart Elphinstone. Hist. of India, p. 8-) говоритъ, что, по рассказамъ самихъ Индійцевъ, число ихъ боговъ и богинь доходитъ слишкомъ до трехъ сотъ милліоновъ, тогда какъ во время Ману, за 1000 лѣтъ до Р. X, оно было весьма незначительно.

долго оставались въ пренебреженіи и слѣды письменнаго языка тамъ открываются лишь не задолго до Мохаммеда.

Когда *Хазайиты*, довольно сильное поколѣніе, утвердили за собою старшинство въ Меккѣ и, черезъ свое попечительство надъ меккскимъ храмомъ, получили важное значеніе между прочими поколѣніями, въ нихъ должна была сосредоточиться литературная дѣятельность тогдашнихъ Арабовъ. Но до насъ ничего не дошло изъ произведеній того времени и даже навѣрное не знаемъ, какое письмо тамъ было въ употребленіи. Почеркъ, изобрѣтенный *анбарскимъ* Мераметомъ и улучшенный *Аль-Кендѣмъ*, который считается основаніемъ купческаго письма Мохаммедова времени, не могъ существовать тогда между *Хазайитами*, слѣдственно они должны были употреблять *Аль-Моснадъ Гимъяридовъ*. Съ переходомъ аристократическаго правленія въ Меккѣ изъ поколѣнія *Хазайи* въ руки *Гкорейшидовъ*, началось славное поприще арабскихъ литераторовъ, позднѣйшіе остатки котораго едва-едва могли спастись отъ преслѣдованія арабскихъ фанатиковъ *Омарова* времени.

Мы замѣтили выше, въ концѣ 2-й нашей статьи (*Русское Слово* за Май, стр. 306), что Арабы суть единственный народъ изъ семитической породы, болѣе всѣхъ имѣвшіе призваніе къ пропагандѣ. Это самое обнаруживается также въ любви ихъ къ поэзійи и наукѣ. Не смотря на всѣ мѣры, предпріятыя фанатизмомъ во время и послѣ Мохаммеда, Арабы не переставали воспѣвать важные моменты своей жизни, дикую дѣятельную природу своей отчины, свирѣпаго льва, быстроногаго коня, терпѣливаго верблюда, голыя скалы, блескъ молніи, шумные потоки, любовь, храбрость и великодушіе. Они не переставали любить прогрессъ; трудомъ, самоотверженіемъ и кровью приобрѣтали драгоценныя науки у *Индійцевъ*, *Грековъ* и *Римлянъ*; обработали ихъ, возделѣвали и передавали потомству, какъ самое богатое *наслѣдство* *). Нельзя не удивляться любви и рвенію Арабовъ до Мохаммедова времени къ той отрасли науки, которая была имъ доступна въ ту пору, — это въ-особенности поэзія, за тѣмъ и лексикографія.

Въ исторіи литературы Арабовъ намъ извѣстенъ рядъ пре-

*) Одинъ поэтъ говоритъ: «желаешь ты получить наслѣдство у отца? — возмись за его познанія: ибо богатство отца можно истратить въ одинъ день, а науки — вѣчное твоё достоиніе.»

красныхъ стиховъ и куплетовъ, писанныхъ арабскими государями Лехэмидской династїи, начиная съ II-го столѣтія Р. Х. (см. *Гамзай-Испани* описаніе Лехэмидскихъ государей), что доказываетъ степень просвѣщенія Арабовъ того времени и существованіе поэзіи между ними гораздо раньше. Это изящное искусство, къ которому Арабы по своей независимой и разгульной жизни болѣе всего имѣли призваніе, соединенное съ ихъ природной способностью легко управлять своимъ богатымъ, гармоническимъ языкомъ и легко импровизировать стихи, — это искусство безъ сомнѣнія, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, должно было увѣнчаться успѣхомъ. Притомъ, любовь Арабовъ къ поэзіи до того всегда была велика, что изрѣченія стихотворцевъ обращались у нихъ въ пословицы; ими взвѣшивали они свои дѣйствія, воспѣвали добродѣтели, осмѣивали порокъ, утѣшали несчастныхъ и пробуждали сознаніе въ изнѣженныхъ любимцахъ счастья. Коль скоро кто соединялъ въ себѣ поэтическую способность съ умѣньемъ свободно владѣть своимъ языкомъ, первымъ дѣломъ его было воспѣть честь своего поколѣнія, своего рода, его свободу, его права и его славу; *касыды* или оды свои онъ посвящалъ памяти прославившихся изъ своего поколѣнія, и наконецъ писалъ о всемъ томъ, что только было мило его сердцу, доступно его восторженной и тихо-тайно-грустной душѣ.

Въ обычныхъ племенныхъ, семейныхъ праздникахъ, установленныхъ въ честь поговъ, участвовали присланные изъ другихъ поколѣній поэты-депутаты. Изъ нихъ каждый отъ имени своего общества подносилъ торжествующимъ приличное поздравленіе, что «небо даровало имъ въ лицѣ *такого* поэта прославленіе своего рода, защиту его чести на всѣ грядущіе вѣка.» Собраніе торжествующихъ состояло не изъ однихъ мужчинъ; туда стекались въ своихъ обычныхъ свадебныхъ нарядахъ и женщины съ пѣснями на устахъ, съ тимпанами въ рукахъ и вмѣстѣ съ мужьями и родными проводили праздникъ въ національномъ весельи. Въ пляскахъ онѣ пѣли хвалы герою торжества — поэту, въ его присутствіи, или заочно, въ его память, и сельское пиришество оканчивалось щедрымъ угощеніемъ. Чтобы придать болѣе важности такимъ выраженіямъ привѣтствія поэту, или его памяти, Арабы отпраздновали такіа торжества и у себя, въ своемъ семейномъ быту при каждомъ важномъ, по ихъ понятію, событіи, какъ напримѣръ, когда праздновали рожденіе мальчика или кровнаго, породистаго жеребчика, и т. п.

Изъ всего этого можно понять, до какой степени простирались любовь и уваженіе Арабовъ къ своимъ поэтамъ. Обычай, до сихъ-поръ соблюдаемый на Востокѣ, обратиться предъ каждымъ важнымъ предпріятіемъ за *сольтомъ* къ трудамъ ниславнѣйшихъ поэтовъ, какъ къ оракулу *), перешелъ отъ Арабовъ до исламскихъ временъ. Конечно, все это служило лучшимъ поощреніемъ талантовъ, и арабская поэзія достигла высшей степени развитія еще до появленія Мохаммеда.

Соревнованіе различныхъ поколѣній, изъ которыхъ каждое считало свое нарѣчіе лучшимъ и болѣе звучнымъ, не могло удержать пальму первенства въ поэзій за однимъ какимъ нибудь племенемъ; она переходила, какъ мы замѣтили, отъ племени къ племени, отъ поколѣнія къ поколѣнію, смотря потому, гдѣ она находила больше духовной пищи, больше простора для своей славы. Переходя изъ одного мѣста въ другое, поэзія переносила туда и богатые свои запасы и на новой почвѣ давала новый урожай. Такъ, когда она поселилась у Гкорейшидовъ, прямыхъ потомковъ рода Измаила, богатство ея дошло до необычайной степени; она усовершенствовалась тамъ и оставила потомству памятники блистательной славы, въ числѣ которыхъ Коранъ занимаетъ первое мѣсто.

Въ то время, въ V и VI столѣтіяхъ, Мекка, по своему возобновленному храму занимала первое мѣсто во всей Аравіи; туда стекались отсюду богомольцы и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ совершали свои религіозные обряды. Склонность Гкорейшидовъ къ торговлѣ, чѣмъ они болѣе другихъ отличались (и самъ Мохаммедъ впослѣдствіи занимался этимъ), и наследственная любовь ихъ къ поэзій были поводомъ къ постепенному образованію невдалекѣ отъ Мекки чего-то въ родѣ ярмарки.

*) Это родъ гаданія, небезызвѣстнаго и у насъ: берутъ сочиненіе какого-нибудь поэта, задумываютъ о чемъ нибудь и открываютъ книгу — и на арабской страницѣ въ первыхъ семи строкахъ ищутъ отвѣта на задуманный вопросъ. Такой обычай вошелъ и въ религіозные обряды у мусульманъ, въ отношеніи къ Корану: его называютъ *истихарэ*, т. е. желаніе найти счастье, — почему въ особенныхъ случаяхъ за этимъ счастьемъ и обращаются къ извѣстнымъ своимъ благочестіемъ ученымъ мулламъ. *Истихарэ* такого рода имѣетъ свои правила, заключающіяся въ умовеніи и въ предварительномъ прочтеніи особой молитвы. Гаданіе по книгамъ любимыхъ поэтовъ называется *тафа'уль*, т. е. *гаданіе*. Часто съ этимъ обращаются къ хафизу. *Истихарэ* часто дѣлается четками: тутъ *четы* значить хорошо, *нечеты* — дурно.

Между Таифомъ и мѣстечкомъ Нахлэ, на пути къ Меккѣ, обыкновенно сбѣгались путешественники въ одномъ красивомъ и богатомъ своею природою мѣстѣ для того, чтобы въ назначенное время имъ *вмѣстѣ* идти на богомолье и совокупитѣ и удобнѣе совершать свое богослуженіе. Чтобы среди отдохновенія пользоваться свободнымъ временемъ, Арабы занимались тамъ и торговлей и литературой. Ежегодное повтореніе этого вошло въ обычай и на этомъ мѣстѣ открыли ярмарку. Литературная дѣятельность взяла верхъ надъ интересомъ торговли, и ярмарка стала извѣстною подъ названіемъ *Саукуль-Иказъ* — ярмарка литературныхъ бесѣдъ, споровъ и состязаній *).

Самое названіе ярмарки *'Иказъ* (хвастовство, тщеславіе) вполне характеризовало господствующій духъ этихъ литературныхъ бесѣдъ: каждый поэтъ старался, какъ замѣчено выше, выставить въ яркихъ краскахъ подвиги *своего* рода, преимущество своего очага, своего коня, меча, верблюда, и т. п. Любители изящнаго безъ всякаго пристрастія оцѣнивали достоинство произведеній и прославляли автора единогласнымъ признаніемъ его *царемъ* всѣхъ наличныхъ поэтовъ. Его стихотвореніе писали на шелковой бумагѣ золотыми буквами **) и вѣшали по окончаніи ярмарки на ворота Ка'абы ***), какъ трофей славы. На этихъ ярмаркахъ бывали и рассказчики и повѣствователи и ораторы; словомъ, это дѣйствительно была выставка произведеній ума и искусства. На одномъ концѣ рассказчикъ занималъ народъ сказкой о древности Аравіи и Арабовъ, о несчастной судьбѣ своего прародителя Измаила ****), о молодецкой жизни своихъ праотцевъ, всегда метящихъ дѣтямъ Иссахака за похищенные будто бы права старшаго брата, о подвигахъ героевъ, великодушій, добродѣтели, любви, свободѣ, волѣ и тому подобномъ. Такого же почти или подобнаго содержанія вели рѣчь *Гкассъ* — повѣствователь, сидя на возвышенномъ мѣстѣ, и *Аэмибъ*, ораторъ, разбѣгая на дромадерахъ между толпами народа. Между тѣмъ импровизаторы вели стихотворное ратоборство въ кругу веселой толпы, и именитые поэты оживляли бесѣды избраннаго общества. Этотъ обычай велся въ своей силѣ до появленія Мохам-

*) Слово *Иказъ* заключаетъ въ себя всѣ эти идеи.

**) По этому такіа стихотворенія носили названіе *Аль-Музагабатъ* — позолоченныя.

***) Отъ этого эти стихотворенія назывались еще *Аль-Муаллакатъ*, т. е. развѣшанныя.

****) Т. е., какъ онъ съ своею матерью былъ обиженъ Авраамомъ.

меда и его Корана *), и хотя пророкъ явно порицалъ его **), но въ самомъ дѣлѣ ненначе, какъ только увлекаясь его вліяніемъ, излагалъ свои повѣствованія въ Коранѣ объ *Адъ*, *Селудъ* и вообще о баснословныхъ лицахъ и временахъ древней арабской жизни, равно какъ о библейскихъ патріархахъ, по еврейскимъ источникамъ ***). Этого мало; онъ вошелъ самъ въ состязаніе съ стихотворцами своего времени; вызывалъ на состязаніе лучшихъ ораторовъ и поэтовъ и побѣждалъ ихъ, какъ говоритъ историкъ арабской литературы, и народъ называлъ силу его рѣчи *чародѣйствомъ* ****).

Вотъ, въ какомъ положеніи засталъ Мохаммедъ литературу своего роднаго языка и отчего онъ свой поэтический даръ выдавалъ за чудодѣйствіе божественнаго откровенія и назвалъ свое твореніе, признанное многими выше лучшихъ образцовыхъ стихотвореній того времени, — *сверхъестественнымъ чудомъ*, тѣмъ болѣе, что авторъ его, какъ знали его всѣ его современники, былъ безграмотный человѣкъ и даже носилъ эпитетъ *Аль-уммій* — *безграмотный*.

М. А. КАЗЕМЪ-БЕКЪ.

*) Изъ до-Мохаммедовой литературы между прочимъ дошли до насъ семь образцовыхъ *Муаллакатъ*, изъ коихъ послѣдняя принадлежитъ *Лебиду*, принявшему мусульманскую вѣру отъ Мохаммеда (см. примѣч. 62). Всѣ эти муаллакаты давно извѣстны нашимъ ориенталистамъ.

**) «Между людьми есть такіе, — говоритъ Коранъ (31 суръ, ст. 5), — которые покупаютъ глупыя басни, чтобы ими сбить съ пути божьяго человѣка...» Толкуютъ это такъ: Нѣкто *Назръ-бини-Харисъ* покушалъ персидскія повѣствовательныя книги (составленныя въ царствованіе Нуширвана или Козрова I-го) и передавалъ ихъ содержаніе на арабскомъ языкѣ любопытнымъ на этихъ ярмаркахъ. Это правда, что персидская литература своею современною обработкою была извѣстна Арабамъ, и они послѣ себя признавали только Персовъ могущими стать съ ними наряду въ эпосѣ; однакожь, я думаю, что Мохаммедъ вообще порицалъ любовь Арабовъ къ баснямъ и ихъ обычай.

***) Въ Коранѣ, въ 20-ти слишкомъ мѣстахъ, мы находимъ выраженія: «мы будемъ повѣствовать тебѣ (будто Богъ говоритъ Мохаммеду); мы воздадимъ вамъ; Коранъ повѣствуетъ и т. п. Въ 12 гл. ст. 3, Коранъ говоритъ: «Вотъ, мы повѣствуемъ тебѣ (о, Мохаммеду) лучшее повѣствованіе. Все это чисто доказываетъ вліяніе существовавшего тогда обычая литературнаго ратоборства.

****) См. Коранъ. гл. 46. ст. 6. Вторая глава Корана, говорятъ, была выставлена; на состязаніи этомъ, на воротахъ *Ка'абы* и *Лебидъ*, именитый поэтъ призналъ ея преимущество — и принялъ исламъ. Мы будемъ имѣть случай сказать объ этомъ подробнѣе въ главѣ о *Коранѣ*.

Ии ии и й.

Чрезъ село, на клюку опираясь,
По домамъ отъ воротъ до воротъ,
Христораднымъ кускомъ побираясь,
Старый нищій съ котомкой бредётъ.
На лицѣ и страданье и горе
Положили свой слѣдъ роковой,
Бродить бѣдный съ мольбою во взорѣ,
Съ непокрытой сѣдой головой.
По неволѣ нль доброю волей
На дорогу онъ вышелъ съ сумой?
Съ баловства ль да по глѣности болѣ
Или вытолкнуть точно судьбой?
Все въ немъ ветхо, старо и убого —
Кафтанишко и тѣло. Народъ
Приютить и подастъ ради Бога,
Не пытая: куда онъ идетъ,
И кому что за дѣло, бѣдняга,
Знать откуда и кто ты такой?
Безпаспортный ли, просто, бродяга,
Богомолецъ ли, что ли, какой,
Мѣщанинъ, инвалидъ, нль дворовый,
Старикашка негодный безъ силъ,
Что за дряхлостью баринъ суровый
На свое прощтанье пустилъ!
Ты и самъ, въ безъисходномъ скитаньи,
Одичалый среди сиротства,
Позабылъ про свое ужъ названье,

Ты и самъ не упомнишь родства.
 Всѣмъ чужой и бездомный бродяга,
 Вся родня твоя — эта клюка,
 И живешь ты день за день, бѣдняга,
 Словно божія птица; пока
 Истошатся послѣднія силы;
 По дорогамъ скитаясь какъ тѣнь,
 Ты запросишь у Бога могилы;
 И наступитъ когда-нибудь день:
 Задыхаясь въ истомѣ недуга,
 Черезъ поле ты будешь брести —
 И подыметъ на полѣ вьюга,
 И захватитъ тебя на пути.
 Побойшься замерзнуть ты въ полѣ —
 И послѣднія силы сберешь,
 Полуертвый отъ стужи и боли,
 До села кое-какъ добредешь;
 Костенѣя, дрожа у окошка,
 Христа ради ты будешь просить,
 Чтобъ пустили погрѣться немножко,
 Да не пустятъ — опасно пустить!
 Въ подаянии никто не откажетъ,
 Да вѣдь всякъ бережетъ и себя,
 Дастъ и староста, только прикажетъ.
 За околицу выведетъ тебя.
 Видишь: дряхлость-то больно забла.
 Ну, храни Мати Божья, умрешь —
 За твое горемычное тѣло
 На полвѣка бѣды наживашь.
 Самому тебѣ вѣдомо это,
 Ты и самъ бы такъ сдѣлать съ другимъ,
 И пойдешь ты отъ нихъ безъ отвѣта,
 И не бросишь проклятiя имъ.
 Спотыкаясь, дрожа, по загонамъ
 Чуть живой ты опять побредешь,
 Побредешь ты, покуда со стономъ
 Полуертвый на снѣгъ упадешь
 И подняться не станетъ ужъ силы
 Пригвоздить тебя къ мѣсту недугъ
 И начнетъ онъ вытягивать жилы,
 Корчить тѣло, захватывать духъ.

И никто тамъ тебя не подыметъ ;
 Развѣ душу помилуетъ Богъ,
 И умрешь ты, бродяга, и приметъ
 Буйный вѣтеръ послѣдній твой вздохъ.
 На лицо твое въ корчахъ недуга
 Онъ накинеть покровъ снѣговой.
 И закроетъ глаза тебѣ вьюга,
 И заплачетъ она надъ тобой,
 И подъ саваномъ снѣжной покрывшей
 Будешь долго ты, долго лежать,
 Пока слышутъ случайно мальчишки
 И примчатся въ деревню сказать.
 И пойдетъ суматоха, ругая,
 Завопятъ на тебя мужики,
 И въ кабакъ, и крехтя, и вздыхая,
 Поплетутся рядить старики,
 И положатъ, надъ штофомъ радѣя,
 Что-де, надоть, въ охрану себя,
 На сосѣднее поле скорѣе
 За межу перекинуть тебя.
 А сосѣди, провѣдавъ о гостѣ,
 Тѣмъ же самымъ порядкомъ рѣшатъ —
 И твои горемычныя кости
 Съ перебранкой потащутъ назадъ.
 И пойдетъ между селъ передряга,
 Для обоихъ ты станешь бѣдой,
 Только радъ тебѣ будетъ, бродяга,
 И весьма будетъ радъ становой:
 Онъ почуветъ поживное дѣло
 И загонитъ коней до-бѣла,
 И нагрянетъ на мертвое тѣло,
 И наплачутся оба села!
 А когда отчураются данью,
 Тяжкій окупъ за трупъ твой дадутъ;
 Отнесутъ на погостъ тебя съ бранью
 И съ проклятьемъ землѣ предадутъ.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

ДВѢ ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ

О САНСКРИТСКОМЪ ЭПОСѢ.

Лекція II.

Мы. Гг.

Первое рѣшительное торжество Арійскихъ племенъ надъ туземцами древней Индіи изображено въ Рамаѣ. Эти племена, распространившись путемъ, описаннымъ мною въ прошлую лекцію, по всѣмъ направленіямъ страны, покоренной ими, основали множество болѣе или менѣе обширныхъ государствъ, изъ которыхъ каждое управлялось царемъ изъ касты кшатріевъ и которыя всѣ были связаны единствомъ религіи и коренныхъ обычаевъ. Бытовое единство этихъ государствъ скрѣплялось и политическимъ, ибо всѣ они одинаково были устроены и всѣ признавали власть одного вѣрховнаго царя, носившаго титулъ *самрат*, что собственно значитъ: *всеобщій царь, императоръ*. Достоинство царя вообще, по древнѣйшимъ брахманпческимъ постановленіямъ, условливалось не столько династическимъ правомъ, сколько происхожденіемъ изъ племени кшатріевъ, и потому, званіе древне-Индійскаго императора обезпечивалось собственно однимъ правомъ политическаго могущества того государя, за которымъ утверждалось это высокое достоинство. Какъ ни старались древне-Индійскіе цари упрочить подобную власть за своимъ

родомъ и хотя на время успѣвали въ этомъ, но, безъ надлежащихъ династическихъ правъ, верховная власть надъ всѣми древне-Индійскими государствами нерѣдко переходила, со смертію одного царя, къ другому, болѣе могучему, и въ другое царство. Такимъ образомъ, централизація народовъ древней Индіи очень часто мѣнялась во весь огромный періодъ ихъ политической независимости, что не производило впрочемъ никакого существеннаго вліянія на ихъ внутренній бытъ, такъ какъ переходъ ея отъ одного государства къ другому едва ли значилъ болѣе того, что, напримѣръ у насъ перенесеніе столицы въ одномъ и томъ же государствѣ. Вездѣ брахманы оставались, при подобномъ переворотѣ, какъ и послѣ его совершенія, неприкосновенными и святыми, кпартрія признавались мышцами Брахмы и т. д., побѣжденные же ими признавали верховную власть побѣдителя, или погибали въ бою, но никогда не считались завоеванными. Къ тому же, эта власть, особенно для отдаленныхъ государствъ, имѣла обыкновенно значеніе титулярное; да и не всегда съ смертію верховнаго царя мѣнялась централизація страны.

Первымъ такимъ императоромъ, признаннымъ единодушно всѣми царями древней Индіи, присутствовавшимъ при его коронованіи въ городѣ Аюджа, нынѣшнемъ Аудѣ, былъ Рама. Въ эпоху Магабараты столицею верховнаго царя былъ городъ Гастинапура у Гангеса близъ нынѣшняго Мирата, на сѣверо-востокъ отъ Дели, называвшагося въ то время Индрапраста. Борьба двоюродныхъ братьевъ, оспаривавшихъ верховную власть надъ всѣми царями полуострова, составляетъ предметъ Магабараты, эпоса втораго періода героической жизни древне-Индійскихъ Арійскихъ народовъ.

Всѣ государства древней Индіи приняли участіе въ этой борьбѣ, въ которой, также какъ и въ Рамажанѣ, замѣшаны были всѣ вещественныя и духовныя ихъ силы. Съ этой стороны и по безукоризненному объективному представленію событій, которыми изобилвала древняя испанская междоусобная война всего Индійскаго полуострова, Магабарата имѣетъ неоспоримо полное значеніе такого художественнаго эпоса, характеристику котораго я старался представить въ моей первой лекціи. Но независимо отъ различія двухъ эпохъ,

изображаемых обоими эпосами, Магабарата, какъ произведеніе поэтическое, имѣеть совершенно особый характеръ. Предметъ Рамаѣаны одинъ, это — смиреніе туземцевъ Индіи, довершенное Арійскими племенами подъ предводительствомъ Рамы. Всѣ событія, рассказываемыя въ этой поэмѣ или способствуютъ отдаленной катастрофѣ, или ее разъясняютъ; вся жизнь эпохи отразилась въ этихъ событіяхъ и между ними нѣтъ ни одного, которое не было бы тѣсно соединено съ главнымъ ходомъ поэмы; вся эта поэма *aus einem Gusse*, какъ выразился объ ней Лассенъ. Не то мы находимъ въ Магабаратѣ. Борьба родственныхъ племенъ героической Индіи и торжество правой стороны, правда, составляютъ основу этой поэмы, но ея основа подъ-часъ исчезаетъ изъ вида отъ безчисленнаго множества вошедшихъ въ нее эпизодовъ и разсказовъ, очень часто состоящихъ съ главною нитью повѣствованія только въ отдаленныхъ и едва замѣтныхъ соотношеніяхъ. Магабарату можно сравнить съ извѣстнымъ величавымъ деревомъ Индіи, котораго высокія вѣтви, опускаясь до земли, даютъ кругомъ жизнь новымъ деревьямъ, связаннымъ съ нимъ и между собою органически, въ глубинѣ же роскошнаго лѣса, ими образуемаго, красуется и растетъ, мало и непримѣтно возносясь надъ своимъ потомствомъ, дерево-прародитель, — или съ великолѣпно построеннымъ храмомъ, но такимъ, въ которомъ цѣлый лабиринтъ пристроекъ изнутри и снаружи, совершенныхъ многими поколѣніями, соображавшимися большею частью, по мѣрѣ возможности, въ живомъ усердіи своемъ, съ главною идеею зданія, оставляетъ въ недоумѣніи самаго искуснаго архитектора на счетъ того, что принадлежитъ въ немъ первому строителю и что присоединилось впоследствии. Изображая всеобщую борьбу Арійскихъ племенъ въ Индіи, творцы Магабараты соединяютъ въ этомъ произведеніи всѣ героическія преданія, предшествовавшія этой борьбѣ, всю мудрость временъ минувшихъ, всѣ положительные и отрицательные результаты мысленія, которые были выработаны человѣчествомъ древней Индіи въ эпоху окончательной редакціи нашей поэмы. Такъ Магабарата представляетъ, не только эпосъ извѣстной эпохи: она, въ тоже время, поэтическая энциклопедія всѣхъ со-

бытій и всѣхъ ученій, предшествовавшихъ ей; даже жизнь и походъ Рамы, только въ другомъ и въ болѣе сокращенномъ изложеніи, составляютъ одинъ изъ ея эпизодовъ, не говоря уже, что всѣ почти героическія легенды, находящіяся въ Ведахъ, также вошли въ ея составъ въ видѣ эпизодовъ, пересказанныхъ на ея языкѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями.

Такое произведеніе, по самому содержанію, не говоря объ исполненномъ его объемѣ (оно состоитъ изъ 200,000 стиховъ; Рамаѵана, если не ошибаюсь, состоитъ изъ 20,000), не могло быть произведеніемъ одного человѣка: оно не только результатъ поэтической и философской дѣятельности многихъ поколѣній, но и составлялось въ продолженіе вѣковъ. Громадность матеріаловъ, раскрывающихъ многовѣковую религіозную, философскую, историческую и политическую дѣятельность Арійскихъ племенъ въ Индіи, этихъ разнообразныхъ матеріаловъ, сложенныхъ въ Магабаратѣ въ одно цѣлое и приведенныхъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, къ одному знаменателю съ понятіями, современными окончательной ея редакціи, недоступна бѣглому изложенію. Въ нынѣшнюю бесѣду я намѣренъ представить *краткое* содержаніе поэмы, держась событій только непосредственно относящихся до описываемой ею распри, не останавливаясь на эпизодахъ и даже не упоминая о многихъ такихъ, которые, объемомъ своимъ, сами по себѣ представляютъ обширныя философскія и поэтическія произведенія. Къ сожалѣнію, время не позволитъ мнѣ также коснуться и критики нашего эпоса: ограничусь однимъ содержаніемъ одной его стороны и почту себя счастливымъ, если сумѣю передать, по крайней мѣрѣ, сущность дѣла съ нѣкоторою ясностью.

Въ поэтическомъ предисловіи къ Магабаратѣ, между прочимъ, сказано: «Если ты прочтешь это повѣтствованіе, то уже не увлечетъ тебя никакой другой рассказъ: послѣ пѣнія соловья, способно ли тебя плѣнить пѣніе другихъ птицъ? Вся сладость мысли и чувства — въ этомъ произведеніи; поэзіи нѣтъ безъ него, какъ безъ пищи нѣтъ крѣпости человѣческому тѣлу. Какъ гражданинъ, ищущій благоденствія, обрѣтаетъ его въ мудромъ и добромъ государѣ,

такъ поэтъ, ищущій вдохновенія, обрѣтаетъ его въ этомъ океанѣ мысли и поэзіи». Не найдетъ ничего преувеличеннаго въ отзывѣ брахмановъ и европейскій читатель поэмы, если только поставитъ себя въ уровень съ тѣми, къ кому относился этотъ отзывъ. Магабарата имѣла вліяніе на всѣ отрасли словеснаго творчества въ древней Индіи и, какъ Гомеръ въ Греціи, вызывала это творчество. Даже буддистическіе писатели съ жаромъ предавались подробному изученію колоссальнаго брахманскаго эпоса и не отказывали мнѣ опическому его автору, Вјасѣ, въ названіи *мужа мудраго, святаго* (риши). Предположенное мною содержаніе Магабараты, также какъ и содержаніе Рамаѣаны, представленное въ прошлой лекціи, способно изобразить только самый внѣшній очеркъ, и то, какъ я сказалъ, одной только стороны произведенія, которое по выраженію древне-индійскихъ поэтовъ, обхватываетъ и землю, и небо, и адъ, и видимый міръ и невидимый, что есть и чего нѣтъ, и что за предѣлами бытія и небытія. Приступаю къ моему разсказу.

Въ Гастинапурѣ, столицѣ земли Кауравовъ, три брата кшатріи: Панду, Дритараштра и Видура. Правитъ землею Панду и подданные благоденствуютъ подъ его управленіемъ. Царь Панду, упрочивъ за собою верховную власть на востокѣ, сѣверѣ, западѣ и югѣ полуострова и усмиривъ всѣ племена, враждебныя его государству, какъ Аріицевъ, такъ и варваровъ, слагаетъ съ себя бремя правленія и передаетъ его меньшему брату своему Дритараштрѣ, самъ же съ женою уходитъ на сѣверъ къ Гималайскимъ горамъ, поселяется тамъ какъ отшельникъ и ведетъ покойную жизнь въ развлеченіяхъ, представляемыхъ ему очаровательною природою, непричастныхъ никакимъ житейскимъ тревогамъ. Въ отшельничествѣ рождается у него пять сыновей: Јудиштира, Арджуна, Бима и т. д. Дѣти не успѣли еще получить воспитаніе, какъ отецъ ихъ умираетъ скоропостижною смертію, послѣ чего мать ихъ, царица Кунти, по совѣту брахмановъ, схоронивъ мужа, отправляется вмѣстѣ съ ними въ Гастинапуру къ своему деверю, царю Дритараштрѣ.

Царь Дритараштра имѣлъ много дѣтей и такимъ образомъ, наслѣдство престола должно было перейти, по праву,

на старшаго сына его Дурјодану, если бы не появились дѣти старшаго умершаго брата его Панду. Появленіе племянниковъ не лишало царя Дритараштры престола, переданнаго ему братомъ, но дѣтей его поставляло въ другое уже положеніе. Послѣ нѣкотораго колебанія, царь Дритараштра призналъ однако сыновей Кунти за сыновей своего старшаго брата, обласкалъ и принялъ ихъ, равно какъ и ихъ мать, въ свой дворецъ, и было положено, чтобы дѣти умершаго и живаго царя воспитывались вмѣстѣ. Царь надѣялся предотвратить будущіе раздоры чувствомъ любви и товарищества между братьями, которымъ думалъ связать ихъ. Строгая правда требовала бы отъ него тутъ же признать наслѣдникомъ старшаго племянника.

Приглашается брахманъ Дрона, славившійся мудростью и силою характера, и ему ввѣряется воспитаніе тѣхъ и другихъ царевичей. Дрона обучаетъ ихъ ведамъ, но, бывъ характера воинственнаго, особенное обращаетъ вниманіе на развитіе въ нихъ военныхъ наклонностей и преимущественно ихъ обучаетъ военному искусству. Въ военныхъ упражненіяхъ и играхъ дѣти Панду всегда оказываются способнѣе и проворнѣе дѣтей Дритараштры. Воспитатель отдаетъ, вслѣдствіе этого, преимущество первымъ; но постоянныя похвалы сыновей Панду въ укоръ сыновьямъ царя Дритараштры, при сѣменахъ недоброжелательства, не могшихъ не зарониться въ дѣтскія ихъ сердца уже съ самого прихода къ нимъ братьевъ съ высшими, хотя и безмолвными, правами, возбуждали между этими братьями не соревнованіе, а желчную ревность, перешедшую потомъ въ непримиримую вражду, особенно со стороны дѣтей Дритараштры.

Воспитаніе царевичей кончено. Брахманъ Дрона награждается нѣсколькими областями и уѣзжаетъ въ свои владѣнія, совершеннолѣтніе же царевичи остаются въ Гастинапурѣ. Огонь взаимной ненависти между братьями продолжаетъ тлѣть подъ удобовоспламеняемымъ пепломъ. Дѣти Панду пребываютъ почтительны къ Дритараштрѣ, какъ къ родному отцу, и, въ отношеніяхъ своихъ къ гордымъ и не жалующимъ ихъ братьямъ, они не обнаруживаютъ никакихъ притязаній на первенство, но не оставляютъ, за то, случая

проучать ихъ каждый разъ въ предѣлахъ должнаго и позволеннаго. Такъ напримѣръ, съ военныхъ ристалищъ всегда возвращается тотъ или другой сынъ Дритараштры позвѣстнымъ, или изувѣчанымъ, виновникомъ же посрамленія всегда оказывается кто нибудь изъ Пандавовъ; особенно бывалъ не церемоненъ въ такихъ случаяхъ съ Дартараштрами, т. е. сыновьями Дритараштры, Бима, второй сынъ царя Панду, одаренный исполинскимъ ростомъ и непомерною силою.

Дурјодана, старшій сынъ Дритараштры, рѣшается наконецъ извѣсть своихъ опасныхъ братьевъ, начиная съ Бимы. Онъ не рѣшается сдѣлать это открыто, боясь сколько отца, столько и могущества своихъ братьевъ, но мысль о томъ, чтобы вступить на престолъ отца безъ соперниковъ, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Личными соперниками Пандавы для него не были, ибо они не обнаружили ни разу ни даже малѣйшаго стремленія къ утвержденію за собою царской власти и не питали никакихъ желаній наследовать отцовское достояніе: волю дяди они безусловно признавали отцовскою волею. Но, тѣмъ не менѣе, для Дурјоданы они продолжали быть нравственными соперниками: на сторонѣ ихъ оставалось, хотя и безгласное, но могучее право, право, укорененное въ совѣсти всего государства, соединенное съ ихъ именемъ Пандавовъ. Къ тому же, Дурјодана бывалъ свидѣтелемъ выраженной пламенной любви, предпочтительно имъ оказываемой подданными отца его. Дурјодана старается извѣсть ихъ тайно; умертвивъ ихъ, онъ желаетъ остаться чистымъ въ ихъ смерти какъ передъ отцомъ, такъ и передъ государствомъ.

Устроивалась прогулка по морю: корабль, на которомъ находились Пандавы, былъ снаряженъ такъ, что долженъ былъ уйдти ко дну на самомъ опасномъ мѣстѣ морской пучины. Корабль дѣйствительно ушелъ ко дну, но Пандавы спаслись вплавь. Дурјодана прибѣгаетъ, послѣ этого, къ другому средству: онъ окармливаетъ Биму ядомъ. Ядъ мало по дѣйствовалъ на атлетическую натуру Бимы, но обнаружилъ Пандавамъ явный злой противъ нихъ умыселъ. Пандавы не переносятъ посягательства на жизнь ихъ и требуютъ удовлетворенія. Родительская слабость Дритараштры внушаетъ

ему побережъ сына. Напрасно самая мать Дурјоданы, Гандари, протестуетъ противъ низости поступка, совершеннаго ея сыномъ, и энергически отвергаетъ его отъ своего материнскаго лона: дѣло кончилось тѣмъ, что царь осудилъ своихъ племянниковъ съ ихъ матерью на почетную ссылку въ городъ Варанавата, повелѣвъ выстроить тамъ для нихъ великолѣпный дворецъ и сдѣлавъ распоряженія на счетъ всего, что условливалось приличнымъ пребываніемъ въ этомъ городѣ царевичей и племянниковъ царя.

Пандавы уѣзжаютъ въ изгнаніе, покоряясь безпрекословно волѣ дяди: они чтутъ въ немъ любовь къ сыну, не разбирая душевныхъ качествъ этого сына, и, уѣзжая, искренно примиряются со всѣми братьями. Дурјодана могъ бы, кажется, послѣ этого оставаться въ покоѣ: съ одной стороны, его попытки противъ Пандавовъ всегда были неудачны, съ другой, не трудно было испросить ему у слабодушнаго отца своего званіе *юваражы*, т. е., наследника престола, и вступить въ управленіе краемъ даже при жизни отца, такъ какъ цари древней Индіи передавали обыкновенно на старости лѣтъ власть свою наследникамъ, сами удаляясь на покой и посвящая себя религиозной жизни. Особенныхъ возраженій не могло предвидѣться ни откуда, испытанный же неоднократно характеръ братьевъ, живущихъ въ ссылкѣ, могъ ему ручаться въ томъ, что съ ихъ стороны не появится рѣшительно никакихъ возраженій противъ того, что было бы рѣшено отцомъ его.

Но не такъ разсуждаетъ честолюбіе, когда перейдетъ оно въ страсть и поработитъ всѣ стороны души человѣческой. Пандавы ушли, но сопутствуетъ имъ и, въ тоже время, осталась въ Гастинапурѣ любовь къ нимъ подданныхъ Дритараштры, сопутствуетъ имъ также ихъ право. Честолюбіе не соображаетъ, что уничтожая предметъ чьей бы то ни было любви, оно не способно обратить эту любовь къ себѣ и что право живетъ при жизни того, кто имъ обладаетъ, — если же причинена гибель его владѣльцу, то и тогда живетъ оно, и живетъ тогда еще съ большею силою. Когда сдѣланы были Дритараштрою распоряженія на счетъ постройки въ городѣ Варанаватѣ дворца Пандавамъ, Дурјодана съ сво-

ей стороны, въ тоже время, дѣлаетъ тайныя распоряженія, чтобы строительный матеріалъ былъ въ немъ переложень горючими веществами и, потомъ, поручаетъ смотрителю этого дворца, вѣрному слугѣ своему Пурочанѣ, зажечь его ночью, для удаленія же подозрѣній сдѣлать это не тотчасъ же послѣ переѣзда въ него Пандавовъ, а спустя нѣкоторое время и со всѣми возможными предосторожностями.

Добродѣтельный Видура, меньшой братъ Дритараштры, узнавъ о коварныхъ распоряженіяхъ племянниковъ противъ братьевъ и спѣшить предупредить послѣднихъ о гибели, имъ угрожающей. Пандавы вѣзжаютъ въ городъ Варанавата. Жители города встрѣчаютъ ихъ съ радостными восклицаніями. Царевичи поселяются во дворцѣ, но не спятъ они по ночамъ: тщательно, хотя и непримѣтно для Пурочаны, они наблюдаютъ за всѣми его движеніями и между тѣмъ проводятъ въ тайнѣ, соединенными силами, подкопъ изъ одной изъ самыхъ внутреннихъ комнатъ дворца за предѣлы города. Работа длится годъ и Пурочана не находитъ удобной минуты чтобы выполнить порученіе Дурјоданы; наконецъ она окончена, и тогда Пандавы, предупреждая его, зажигаютъ въ глубокую ночь свой дворецъ, и быстро уходятъ вонъ изъ города черезъ подземелье, сдѣланное въ тайнѣ ихъ руками. Дворецъ вспыхиваетъ мгновенно: въ немъ погибъ Пурочана и одна охмелѣвшая старая женщина, оставшаяся ночевать во дворцѣ вопреки искуснымъ распоряженіямъ Пандавовъ, по которымъ должны были, послѣ праздника, остаться въ эту ночь во дворцѣ только одни они съ матерью, да Пурочана, стражъ дворца ихъ.

Что теперь Пандавы? Вернуться въ Гастинапuru или Варанавату и разоблачить черное дѣло брата значило бы поднимать безплодно семейную вражду: уже положено было имъ спастись въ тайнѣ и объявить себя, развѣ находясь въ положеніи совершенно независимомъ. Они вышли подземнымъ ходомъ къ рѣкѣ Гангѣ. Тутъ ожидала ихъ лодка и вѣрные люди, переправившіе ихъ черезъ рѣку. Очутившись по ту сторону Гангеса, быстро направили они путь свой на югъ къ дремучему лѣсу: они не были вполне увѣрены, сгорѣлъ ли Пурочана, опасаясь, въ тоже время, непредвидѣн-

ныхъ козней, которыя могли быть противъ нихъ устроены Дурјоданомъ на случай неудачи, и потому, спѣшили къ лѣсу — за лѣсомъ предѣлъ другаго царства. Силачъ Бима взялъ мать на руки и не шелъ, а бѣжалъ; братья не отставали, слѣдуя за нимъ рука объ руку. Наконецъ усталость, жажда и сонъ одолювають братьевъ Бимы и нѣжную мать его: они не могутъ далѣе слѣдовать. Бима слагаетъ тогда драгоценную свою ношу подъ развѣсистымъ фиговымъ деревомъ. «Слышу сладостный говоръ журавлей, говоритъ онъ братьямъ и матери: здѣсь по близости должна быть вода. Побудьте подъ деревомъ: я принесу воды, которая освѣжитъ насъ». Оставивъ мать и братьевъ, Бима уходитъ и приноситъ воду. Но спутники его спятъ: онъ не рѣшается ихъ будить и караулить милыхъ сердцу. Въ лѣсу этомъ имѣлъ пребываніе Ракшасъ Гидимба. Людоѣдъ почувялъ, что во владѣніи его проявилась человѣческая кость и уже разглядѣлъ, что судьба послала ему цѣлыхъ шестеро. «Ступай, говоритъ онъ сестрѣ: перебей эту дичь. Давно не имѣли мы ее въ такомъ изобиліи. Ступай: весело намъ будетъ поужинать вдвоемъ и вдоволь наплясаться, напившись человѣческой крови». Сестра Ракшаса идетъ къ дереву, подъ которымъ спятъ Пандавы, но, когда увидѣла Биму, она почувствовала, что не можетъ исполнить повелѣніе брата. «Я сестра людоѣда, говоритъ она ему, посланная братомъ, чтобы перебить васъ. Спасайся, позволь мнѣ спасти тебя. Мнѣ вѣдомы пути, которые недоступны ни какой живой ступѣ: братъ не отыщетъ насъ». «Мнѣ спастись, оставивъ мать и братьевъ? мнѣ быть измѣнникомъ?» — «Такъ буди же ихъ скорѣе: я спасу васъ всѣхъ. Не трать времени, другъ мой: мы непременно должны предупредить приходъ сюда брата». — «Не стану будить я мать мою и братьевъ, спящихъ такъ покойно. Никогда, никогда этого не будетъ». Покуда длился разговоръ, Ракшасъ Гидимба, не дождавшись сестры, идетъ наконецъ къ дереву, подъ которымъ покоились Пандавы. Увидѣвъ сестру, заботливо разговаривавшую съ Бимомъ, людоѣдъ вошелъ въ ярость и хотѣлъ убить ее. Но Бима говоритъ Ракшасу: «Попробуй сперва убить меня, а потомъ наказывай сестру за чувство, въ которомъ никто не велекъ». Гидимба и Бима

вступають въ бой: Пандавы и мать ихъ пробуждаются отъ сна и Ракшасанка объясняетъ имъ все происшествіе. Бима, повидимому, началъ слабѣть; тогда Арджуна, меньшей братъ, говоритъ ему: «Разрѣши помочь тебѣ: людодѣа падить нечего. Накула и Сагадева (имена остальныхъ братьевъ) между тѣмъ будутъ сторожить мать. Мы отдохнули и не утомлены». — «Я одинъ доконаю его: ты оставайся спокоенъ. Живымъ опъ не выйдетъ изъ моихъ объятій». Бима давалъ Ракшасу волю, какъ будто для того, чтобы испробовать весь запасъ его силы; когда же Арджуна опять напомнилъ, что не должно продолжать жизнь изверга, тогда Бима сдѣлалъ, съ своей стороны, усиліе: оба борца гнулись, подобно высокимъ деревьямъ, колеблемымъ бурей, Бима повергъ людодѣа на землю, умертвилъ его и потомъ, для потѣхи братьевъ, разломилъ его на двое. Пандавы пошли далѣе; съ ними пошла и Ракшасанка.

Не далеко за лѣсомъ былъ городъ, столица земли Качаковъ, Экачакра. Пандавы вступили въ этотъ городъ, прикинувшись брахманами: сдѣлали они это, чтобы ускользнуть отъ шпионства Дурјоданы, которое могло ихъ преслѣдовать повсюду.

Въ Экачакрѣ они поселились въ семействѣ бѣднаго брахмана, приютившаго странниковъ: оно состояло изъ брахмана, жены его, взрослой дочери и малолѣтняго сына. Мать Пандавовъ постоянно оставалась дома, нять же сыновей ея днемъ собирали подаишіе, къ вечеру возвращались домой и приносили матери все собранное ими. Приносимую сыновьями пищу мать дѣлила надвое: одну половину давала Бимѣ, другую четверть остальнымъ сыновьямъ. Богатырское сложеніе его отличалось и аппетитомъ богатырскимъ.

Однажды случилось, что братья ушли за подаишіемъ, Бима же съ матерью оставался дома. Вдругъ за стѣною ихъ жилища они слышатъ жалобные вопли. Сердце матери и сына тронулось. «Несчастіе случилось съ семействомъ нашего хозяина», съ этими словами они входятъ къ нему и что же видятъ? Все семейство брахмана въ неописанномъ уныніи: безутѣшная скорбь изображена на лицахъ каждаго изъ его членовъ. Брахманъ сперва хранитъ молчаніе, понуря го-

лову, потомъ сталъ разсуждать о жалостной роли, играемой человѣкомъ на зѣмлѣ. «Безъ семейства, человѣкъ не человѣкъ; съ семействомъ еще хуже. Разстаться съ собою тягостно, разстаться со своими еще хуже. Но лучше я разстанусь съ собой и съ вами. Мой родъ, моя надежда основаны въ дѣтахъ: дѣтей я не отдамъ никому. Не предамъ я на погибель и матери ихъ: на то-ли коснулся я съ нею священнаго огня, чтобы отдать ее на смерть, ее, родительницу и кормилицу моихъ дѣтей, ее, первую помощницу мою во всѣхъ тягостяхъ жизни, сподвижницу правды моей, ни въ чемъ предо мною неповинную, добрую, нѣжную?» «Нѣтъ, я пойду на смерть, говоритъ брахманка: безъ меня, семейство будетъ существовать; безъ тебя, оно погибнетъ. Кто воспитаешь безъ тебя, единственную надежду дома, нашего немощнаго мальчика? Кто будетъ для его юныхъ лѣтъ живымъ примѣромъ чести и правды? Безъ тебя, въ комъ найдешь защитника и хранителя наша дочь? Ты знаешь, что жертва безъ охраненія, то дѣвушка безъ головы родителя. Безъ тебя погубятъ ее хищники. Миѣ ли слабой уберечь ее? Кто менѣе нуженъ семейству, тотъ и умри для семейства. Отъ меня тебѣ нужно было потомство: ты имѣешь сына и дочь; остальное все не важно. Не позволено тебѣ, разрушая себя, разрушить этого бѣднаго мальчика, и нашу дочь, и меня съ ними».

«Никто изъ васъ погибать не долженъ, воскликнула тогда дочь; я одна должна погибнуть. Корень семейства въ отцѣ: сынъ, это тотъ же отецъ, поддерживающій родъ его. Безъ матери, нѣтъ благосостоянія ни отцу, ни сыну. Что такое дочь? она предметъ заботы и домашняя тягость. Я пойду къ Ракшасу: смертью моею, повѣрьте миѣ, я только избавлю васъ отъ заботъ». Горько заплакалъ послѣ этого отецъ. «Дочь и сынъ совершенно равны для моего сердца, воскликнулъ онъ. Пусть сожретъ насъ всѣхъ вмѣстѣ людоѣдъ Ракшасъ: не нахожу я другаго исхода нашему горю».

Все это несчастіе произошло отъ того, что городъ, въ которомъ поселились Пандавы, состоялъ подъ властью Ракшаса Ваки, обложившаго жителей его страшною податью—доставлять этому извергу ежедневно на съѣденіе живаго че-

ловѣка. Въ ту пору очередь дошла до семейства бѣднаго брахмана и вотъ причина его воплей.

Узнавъ о дѣлѣ, царица Кунти, имѣвшая на себѣ обличіе брахманки, говоритъ имъ: «Горю вашему помочь возможно. У меня пять сыновей: это не все равно, что одинъ сынъ. Мой Бима пойдетъ къ Ракшасу отъ имени вашего.— «Намъ пожертвовать, для своего спасенія, гостемъ и брахманомъ? говорятъ они. Этого никогда не будетъ». Но и намъ не сродно, говорятъ имъ Кунти, смотрѣть на гибель, угрожающую ближнему и не броситься къ защитѣ того, кто пріютилъ насъ, у кого въ домѣ мы обрѣли миръ и спокойствіе. Впрочемъ, мое пожертваніе, продолжаетъ мать, не есть прямая и вѣрная жертва. Мой Бима уже перевѣдывался съ Ракшасами и не ново для него убивать ихъ. Повѣрьте, онъ убьетъ и этого, и очиститъ городъ отъ позорной даи. Я сказала вамъ это, чтобы васъ успокоить; но не надо разглашать о моемъ сынѣ: на свѣтѣ много завистливыхъ, не соизмѣряющихъ дѣлъ другаго съ тѣмъ, къ чему самъ кто способенъ. (Кунти опасалась, чтобы не раскрылась какъ нибудь тайна дѣтей ея и чтобы вѣсть о пребываніи здѣсь Пандавовъ не дошла до Дурјоданы). Между тѣмъ пришли братья; вѣсть о предстоящемъ Бимѣ опасномъ боѣ сперва смутила ихъ; но мать мгновенно ободрила своихъ сыновей слѣдующими словами. «Кто на землѣ человѣкъ? Тотъ для кого не пропадаютъ добрыя дѣла. Что намъ теперь Дурјодана и его клеветы? А кому мы обязаны этимъ, если не семейству пріютившему насъ?» Бима отправился, по общему согласію, къ Ракшасу Вака и убилъ его: Вака былъ другомъ и родственникомъ Ракшаса Гидимбы, убитаго этимъ же Бимомъ. Остальные Ракшасы, составлявшіе дружину Ваки, поклялись Бимѣ отказаться на вѣкъ отъ своего гнуснаго промысла и съ той поры уже не упоминается въ древнѣйшихъ сказаніяхъ Индіи о племени Ракшасовъ, какъ о людоедахъ. Совершивъ свой подвигъ, Бима воротился домой также скрытно, какъ скрытно выходилъ онъ изъ города для совершенія его. Весь городъ Экачакра по утру, узнавъ о неожиданной смерти губителя, ищетъ доблестнаго виновника ея, и не пахотить; благодарное же семейство бѣднаго брахмана держитъ

въ строгой тайнѣ имя своего избавителя. Царь земли Кичаковъ возвращается изъ изгнанія и его подданные опять благодаренствуютъ, возсылая моленія о жизни того невѣдомаго, который воротилъ имъ прежнее спокойствіе.

Послѣ нѣкотораго времени, Пандавы узнаютъ въ Экачакрѣ отъ пришедшаго туда брахмана, что одинъ изъ могущественныхъ царей Индіи, Друпادا, царь Панчаловъ, назначилъ срокъ для свадьбы своей дочери, славившейся необыкновеннымъ умомъ и красотою. Со всѣхъ сторонъ стекаются на эту свадьбу: въ томъ числѣ идетъ туда множество брахмановъ изъ города Экачакры.

Много было формъ законнаго брака у кшатріевъ древней Индіи. Самая потѣшечная изъ этихъ формъ брака называлась *свајамвара*, по которой невѣста сама выбрала себѣ жениха. Однимъ изъ условій такого брака были красота и знаменитость невѣсты.

Къ царю, объявившему свајамвару дочери, собирались ближніе и дальніе цари и царевичи. Празднество продолжалось нѣсколько дней. Наконецъ всѣ щипціе руки царевны-невѣсты собирались въ обширную залу: царица проходила мимо каждаго изъ царей и царевичей съ гирляндю въ рукѣ и опускала гирлянду на счастливецъ, избраннаго ею. Послѣ этого раздавалась музыка: жениха и невѣсту осматривали приѣзжими и поздравленіями. Гости разъѣзжались на другой день, женихъ же оставался нѣкоторое время у тестя и потомъ уѣзжалъ съ женою въ свои владѣнія. Но эта же форма соединялась иногда съ другимъ обычаемъ, подобный которому мы находимъ и въ Гомерѣ. Мало было расположенія невѣсты: мужъ дочери кшатрія долженъ былъ, по этому обычаю, представить напередъ образчикъ своего военнаго искусства и физической силы. По срединѣ залы полагался огромный величанный лукъ. Счастливецъ долженъ былъ сперва натянуть этотъ лукъ, а потомъ, выстрѣлить изъ него и попасть въ цѣль. Въ обширной залѣ царя Панчаловъ былъ положенъ подобный снарядъ. Кшатріи одинъ за другимъ подходили къ нему и не могли даже тронуть его съ мѣста. Тогда изъ среды брахмановъ подходитъ къ нему Арджуна: онъ беретъ его, какъ игрушку, натягиваетъ безъ вся-

каго усилія, потомъ прикладываетъ стрѣлу къ тетивѣ и падаетъ въ цѣль. Раздались крики удивленія и одобренія со стороны зрителей и брахмановъ. Царь Панчаловъ признаетъ побѣду за Аржуною и отдаетъ ему дочь: Аржуна беретъ невѣсту подъ руку и подводитъ ее къ брахманамъ. Но кшатрии воспламеняются гнѣвомъ противъ царя Друпады, «не брахманы женихи здѣсь, а кшатрии, говорятъ они ему. Брахманы здѣсь только свидѣтели». Когда же кшатрии стали настаивать, чтобы отецъ расторгнулъ этотъ союзъ, какъ незаконный, тогда Аржуна и другіе Пандавы восклицаютъ: «царевна принадлежитъ уже намъ, а не отцу: она уже наша по праву выбора.» Кшатрии не перестаютъ настаивать: положено рѣшить дѣло оружіемъ. Завязывается единоборство между Пандавами и двумя претендентами изъ кшатріевъ: Аржуна сражается съ Карною, ближайшимъ другомъ врага Пандавовъ Дурјоданы, Бима съ Салъею, царемъ Мадраса, и оба побѣждаютъ противниковъ. Кшатрии остаются все-таки неудовлетворенными и послѣ пораженія Пандавами претендентовъ. Но въ собраніи ихъ былъ одинъ изъ вождей могучаго племени Жадавовъ — Кришна. Въ лицѣ этого героя Вишну во второй разъ низошелъ на землю, чтобы очистить ее отъ неправды (первое его воплощеніе было въ образѣ Рамы). Приближенные, хотя еще не сознавали, но чували въ немъ бога, и потому вѣрили словамъ его. Кришна торжественно объявилъ всѣмъ, что этотъ бракъ законенъ, ибо юные брахманы въ то же время должны быть признаны и кшатріями по подвигу, достойному кшатріевъ и свойственному имъ. Пристыженные цари разѣхались, Пандавы же и Кришна остались у царя Панчаловъ.

Но кому быть мужемъ красавицы Пандалакки? Всѣмъ пятерымъ Пандавамъ она въ одинаковой степени понравилась. Ближе всего казалось бы бросить жребій; но тогда только одинъ изъ нихъ былъ бы счастливъ, другіе же не могли бы не чувствовать лишенія. Ни одному Пандаву не сродно, какъ ни пламенна любовь каждаго изъ нихъ отдѣльно къ одной красавицѣ, желать себѣ какого бы то ни было преимущества въ ущербъ братьямъ. Отказаться отъ нея всѣмъ — это превосходило ихъ силы; притомъ, прекрасная

Драупади не могла бы уже, по брахманскимъ постановленіямъ, выйти замужъ и безчестіе оставалось бы на ней во всю ея жизнь. Пандавы рѣшаются взять ее за себя всѣ, съ тѣмъ, чтобы каждому изъ нихъ оставаться ея мужемъ поочередно въ продолженіе извѣстнаго періода времени. Но что скажетъ царь Друпادا, при подобномъ предложеніи на счетъ его дочери, которое неслыхано и чуждо во всемъ племени Арјевъ; что скажетъ царица, хотя, видимо, всѣ братья нравятся ей, какъ и она нравится всѣмъ имъ въ равной степени?

Недоумѣніе Пандавовъ уничтожилъ уже появившійся имъ мионическій ихъ прадѣдъ и авторъ всего этого повѣствованія, Вјаса. Онъ подтвердилъ, что и высшія судьбы требуютъ бракосочетанія Драупади не съ однимъ, а съ каждымъ изъ нихъ. Въ предшествующей жизни Драупади, по объясненію его, была дочерью одного святаго отшельника (риши). Она молила бога Сиву послать ей мужа достойнаго ея: пять разъ повторила она молитву свою и пять разъ было обѣщано ей богомъ. Дѣвушка умерла, родилась опять, и вотъ нынѣ Пандавы являются осуществленіемъ обѣщанія, которое было дано ей божествомъ. Вјаса разъяснилъ это Пандавамъ еще на пути ихъ въ землю Панчаловъ и рассказалъ имъ, при этомъ случаѣ, прекрасную повѣсть, въ которой ярко изображены пагубныя послѣдствія, неразлучныя съ безуміемъ ревности. — Кршна помогъ склонить царя Друпаду, и бракъ дочери его былъ заключенъ по очередно съ каждымъ изъ Пандавовъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ, предписываемыхъ законами брахмановъ.

Само собою разумѣется, что Пандавы открылись Друпадѣ, кто они, и что въ тестѣ своемъ, другѣ отца ихъ, они обрѣли мощнаго защитника и союзника. Вѣсть о томъ, что Пандавы живы, что ими, а не брахманами, смиренны были всѣ кшатрин, претендовавшіе на руку Драупади, доходитъ до Гастинапуры. Нерѣшительный Дритараштра и радъ и не радъ ихъ жизни: онъ уже ихъ оплакалъ и приносилъ усердно объ упокоеніи душъ ихъ похоронныя жертвы.

Собрался совѣтъ царя Кауравовъ. Бишма, прадѣдъ Пандавовъ и Дартараштръ, бездѣтный братъ отца Панду, —

Видура, брахманъ Криша и самъ Дритараштра, вопреки возраженіямъ Дурјоданы и Карны, рѣшаютъ выслать почетныхъ людей государства къ Пандавамъ и пригласить ихъ воротиться на родину. Благородные Пандавы готовы предать забвенію все старое. При нихъ право наследовать владѣнія отца; но они теперь независимы. Царь Друпада, Дриштадјумна сынъ его и всѣ Панчалы любятъ ихъ и гордятся ихъ союзомъ. Пандавы прѣзжаютъ въ Гастинапuru въ сопровожденіи многочисленныхъ своихъ союзниковъ. Трогательна была встрѣча ихъ съ родными, не причастными умыслу Дурјоданы. Самъ Дурјодана прикинулся обрадованнымъ спасенію и возвращенію братьевъ. По истеченіи нѣкотораго времени, которое большею частью прошло въ увеселеніяхъ и празднествахъ, Дритараштра, чтобы предотвратить новые семейные раздоры, предлагаетъ раздѣлить свое царство промежъ сыновей и племянниковъ. Пандавы охотно соглашаются на предложеніе дяди. Близъ рѣки Јамуны, нынѣ Джамны, Пандавы строятъ столицу для своего царства. Названіе этой столицы Индрапраста; ея развалины находятся еще и нынѣ близъ города Дели. Отовсюду съѣзжаются и селятся въ новомъ городѣ ремесленники, купцы и т. д. Владѣнія Пандавовъ съ юго-востока граничатъ съ владѣніями Панчаловъ, съ сѣвера съ владѣніями Дритараштры. Пандавы переѣзжаютъ въ свою столицу и въ лицѣ старшаго брата Јудиштиры управляютъ государствомъ, которое процвѣтаетъ подъ ихъ справедливымъ и кроткимъ управленіемъ. Близость новой столицы къ Гастинапурѣ была какъ бы рассчитана на то, чтобы роднымъ оставаться ближе и видѣться чаще: союзъ между обоими государствами имѣлъ быть неразрывенъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ и сыновья верховнаго царя Панду вступили въ дружественныя сношенія со всѣми державами, которыя были покорны отцу ихъ; непокорныхъ они смирили оружіемъ. Не было никакихъ препятствій, послѣ этого, старшему изъ нихъ провозгласить себя верховнымъ царемъ или императоромъ, каковымъ былъ отецъ его. Признаніе этого достоинства за царемъ Индіи праздновалось великодушнымъ жертвоприношеніемъ, называвшимся *ражасуја* или *асвамеда*, на которое стекались всѣ цари и всѣ знатные

люди полуострова. Философы спорили публично на этомъ празднествѣ о началѣ вещей, поэты читали свои произведенія и т. д.; улицы и дома украшались цвѣтами, драгоценными тканями, знаменами. Вездѣ гремѣла музыка, вездѣ раздавались гимны въ честь новаго повелителя земли.

Празднество это рѣшало окончательно торжество Пандавовъ и вотъ, во время приготовленій къ этому празднеству, Дурјодана, сговорившись съ братомъ матери своей, Саубаломъ, положилъ окончательно погубить Пандавовъ. Племянникъ и дядя предлагаютъ игру будущему императору; слабодушный Дритараштра поддерживаетъ предложеніе. Жудиштира и Саубала садятся и чѣмъ болѣе играютъ они, тѣмъ болѣе и болѣе проигрываетъ Жудиштира. Кончилось тѣмъ, что онъ проигралъ все, царское свое достоинство, императорство, личную свою свободу, братьевъ, и наконецъ — жену. Сдѣлалъ онъ это не отъ увлеченія игрою, а вслѣдствіе того, что не хотѣлъ противиться Дритараштрѣ, брату отца своего, въ которомъ не переставалъ видѣть другаго отца. Братья ропщутъ, но смиряются, ибо опять старшій братъ для нихъ и отецъ и царь: послушаться его, значило бы послушаться закона и умереть правственно.

Дритараштры, обыгравъ Пандавовъ, теперь принимаютъ совершенно уже другой тонъ. «Вы наши рабы и собственности у васъ нѣтъ», говорятъ они имъ. Духсасана, одинъ изъ братьевъ Дурјоданы, обращается къ Драупади съ предложеніемъ: «Оставь ихъ, прекрасная Панчаладка. Будешь свободна: хочешь, я женюсь на тебѣ», сказавъ это, онъ подперся въ бока. — «Гордись, сказалъ ему тогда Бима, гордись: Бима не успокоится, пока не выпьетъ полной чаши крови изъ твоего бока». Звонкій хохотъ презрѣнія былъ отвѣтомъ Бимѣ со стороны Духсасаны. «Что же, красавица, что молчишь?» продолжалъ онъ рѣчь свою къ дочери царя Панчаловъ. — «Я не признаю вашего выигрыша, сказала Драупади съ негодованіемъ. Жудиштира не имѣлъ права располагать ни мною, ни собой, ни братьями, а если бы и имѣлъ, то выиграли вы игрою не законною, а обманомъ.» Слова беззащитной Драупади привели Духсасану въ ярость; онъ схватилъ ее за косу и потащилъ по полу залы собранія.

Тогда затмилось небо, на дворѣ послышался шелестъ крыльевъ плотоядныхъ птицъ, завывли шакалы и оселъ завопилъ человѣческимъ голосомъ. «Незаконно, незаконно!» послышались голоса въ залѣ собранія; положено совѣщаться и не откладывая рѣшить: могутъ ли быть рабами дѣти царя Панду, или нѣтъ. Во время совѣщанія старѣйшинъ самъ Дритараштра рѣшилъ, что Пандавы свободны. Тѣмъ и кончилось дѣло въ этотъ разъ. Признаніе верховной власти за царемъ Јудиштира было прервано.

Пандавы опять живутъ по прежнему. Но Дурјодана не даетъ покоя слабому отцу. «Пандавы враги наши, твердитъ онъ ему: ихъ должно уничтожить, пока они не опомнились.» Дритараштра приглашаетъ племянниковъ въ Гастинапуру и когда они пріѣхали, предлагаетъ имъ играть снова. Предложеніе игры состояло въ томъ, что проигравшіе, Пандавы или Дартардштры, должны оставить отечество на тринадцать лѣтъ: двѣнадцать лѣтъ прожить отшельниками, послѣдній же годъ изгнанія провести такъ, чтобы никто не зналъ, гдѣ живутъ они; въ противномъ случаѣ — снова провести въ изгнаніи другія двѣнадцать лѣтъ. Јудиштира, вѣрный тѣмъ же правиламъ, играетъ и проигрываетъ. Пандавы съ женою отправляются въ изгнаніе; мать ихъ Кунти остается въ Гастинапурѣ на попеченіи добродѣтельнаго своего деверя Ви­дуры.

Пандавы ушли на сѣверъ: отъ одного святаго мѣста переходятъ къ другому и поселяются потомъ, сперва въ Кам­жакѣ, очаровательной лѣсистой странѣ, населенной отшельниками, а потомъ въ другой такой же странѣ, называемой Двайтавана. При нихъ осталось ихъ движимое имущество, и потому они живутъ, большею частію, въ довольствѣ. Время у нихъ проходитъ въ прогулкахъ, въ созерцаніи таинствъ природы, въ размышленіяхъ о началѣ міра, о древнихъ патриархахъ, о Рамѣ и т. п. Ихъ посѣщаютъ святыя мужи и укрѣпляютъ своими бесѣдами и рассказами, указывая имъ иногда, мимоходомъ, и на лучшее будущее, ожидающее ихъ. Одинъ изъ этихъ рассказовъ извѣстенъ моимъ слушателямъ, это рассказъ о вѣрной и кроткой Дамаянти. Жена Пандавовъ начинала было тяготиться отшельническою жизнью:

она стала вспоминать прежнюю свою счастливую жизнь у отца и съ Пандавами, и винила Јудиштиру за идеальную его правду, которая не всегда безотносительно примѣнима на землѣ. Одинъ изъ брахмановъ, гостившихъ въ то время у Пандавовъ, успокоилъ и образумилъ ее этимъ рассказомъ. «Правда одна, сказалъ въ заключеніе повѣствователь, и къ ней должны быть примѣняемы всѣ дѣла человѣческія, а не она къ нимъ. Временное счастье или несчастье человѣка не имѣетъ ничего общаго съ правдою: тотъ истинно несчастливъ, кто дерзнетъ примѣнять ее къ своимъ личнымъ видамъ.» Однажды Пандавы отправились на охоту; дома осталась Драупади одна. Вдругъ къ ней врываются вооруженные люди: это царь Жаадрата и другіе цари, состоявшіе въ союзѣ съ Дурјоданою; отправляясь на свадьбу къ царю Сальвы, они завернули мимоходомъ въ пустыню Пандавовъ и вздумали, похитивъ Драупади, этимъ угодить Дурјоданѣ. Тщетно грозитъ она хищникамъ отмщеніемъ со стороны оскорбленныхъ мужей ея: они увлекаютъ ее за собою. Но къ счастью, Пандавы находились недалеко: успѣли разбить наѣздивиковъ и отняли у нихъ жену. Были и другія попытки набѣговъ на отшельниковъ Пандавовъ со стороны Дурјоданы: однажды дѣло дошло до боя Дурјоданы съ Аржуною: Аржуна побѣдилъ, но не воспользовался побѣдою и даровалъ жизнь врагу. Была минута колебанія въ душѣ побѣжденнаго, но кончилось тѣмъ, что благодѣяніе, оказанное ему, еще болѣе ожесточило, а не смягчило его надменную душу. Надо замѣтить, что и въ Магабаратѣ, какъ и въ Рамајанѣ, герои являются воплощеніемъ высшихъ существъ. У Касяна, говорятъ арійскія преданія Индіи, были двѣ жены: одна Адити, другая Дити. Отъ первой родились боги (дева), отъ второй Дайтји, непримиримые враги ихъ. Тѣ и другіе, братья добивались безсмертія, *амриты*, но Дайтји пожелаѣи овладѣть имъ измѣною и только для себя. Вотъ источникъ вѣчной вражды тѣхъ и другихъ. Весь порядокъ въ природѣ, все благое и чистое устроивается и поддерживается Девами; Дайтји же вѣчно стараются портить этотъ порядокъ и вѣчно оскверняютъ его. Въ эпоху нашей поэмы, Дайтји родились на землѣ въ лицѣ Дартараштръ. Чтобы имъ противодѣйство-

вать, скоро Дарма и другіе Девы также низошли на землю и родились въ лицѣ Пандавовъ. Дурјодана бывъ обязавъ жизнью великодушію Пандавовъ, почти склонялся уже, чтобы не враждовать болѣе съ ними; но ночью, когда этотъ чловѣкъ-Дайтја спалъ, душа его была восхищена и онъ очутился въ паталѣ, области постояннаго пребыванія Дайтјевъ. «Ты забываешь, кто ты, зажившись на землѣ. Не на то, чтобы брататься съ Девами, а чтобы неутомимо сокрушать ихъ дѣло, рожденъ ты отъ Дритараштры. Не Адити и не Гандари, а Дити истинная мать твоя,» сказали ему тамъ. Дурјодана, проснувшись, опять сдѣлался непримиримымъ врагомъ Пандавовъ, и никакое великодушіе не дѣйствовало уже на него. Цари, друзья Пандавовъ и, въ-особенности, Друпада, тесть ихъ, предлагали имъ поселиться въ ихъ столицахъ. Но Пандавы оставались вѣрными обѣту прожить отшельниками двѣнадцать лѣтъ. «По истеченіи срока вы возведете насъ въ наслѣдіе наше, если Дурјодана и тогда не оставитъ своей злобы. Теперь же мы надъ собою не властны». Ближайшій другъ Пандавовъ, Кришна, почти не оставлялъ ихъ.

Впродолженіе двѣнадцати лѣтъ отшельнической жизни, Аржуна и Бима, по временамъ, дѣлали экскурсіи, обильныя приключеніями и способствовавшія ихъ будущему торжеству: въ-особенности примѣчательны были экскурсіи Аржуны. Въ одну такую экскурсію онъ разбилъ цѣлое полчище Дайтјевъ, упомянутыхъ мною существъ, враждебныхъ богамъ, по которымъ могли быть смиренны только рукою чловѣка; на самомъ отдаленномъ сѣверѣ онъ проникъ въ бѣлую область (свѣта двипа), въ которой живутъ люди бѣлые и праведные, не знающіе ни зла, ни вражды, ни болѣзней. Однажды онъ встрѣтилъ Кирату — чловѣка изъ варварскаго племени, и вступилъ съ нимъ въ бой. Долго боролись они: никогда не устававшій, непобѣдимый Аржуна началъ изнемогать, но не было видно ни даже тѣни изнеможенія въ дикарѣ. Еще прежде рукопашнаго боя Аржуна употребилъ противъ Кираты всѣ оружія имъ обладаемыя; но ни одно оружіе не было способно ни даже прикоснуться до тѣла дикаря. Дикарь Кирата предсталъ наконецъ Аржунѣ въ настоящемъ своемъ образѣ: это былъ богъ Сива, желавшій испытать

Пандава. Сива даровалъ Аржунѣ одно изъ своихъ оружій, несокрушимыхъ въ бою и объявилъ ему въ добавокъ, что истинный отецъ его, богъ Индра, дастъ ему также свое оружіе, что онъ вышлетъ за нимъ колесницу на ту гору, гдѣ Аржуна совершалъ свои религіозныя обѣты, что богъ грома и молніи приметъ его въ своемъ небесномъ дворцѣ, гдѣ будетъ дана ему возможность довершить свое неполное земное воспитаніе. Невыразимо трогательно было прощаніе Аржуны съ горою, на которой онъ молился и долго проводилъ время весело и беззаботно, съ той поры какъ разстался съ братьями. Наконецъ засіяло небо, какъ будто вдругъ зажжены были на немъ цѣлыя тысячи солнцевъ. Это колесница бога Индры, управляемая любимымъ — возницею его Матали: она опустилась на гору, сказанную богомъ Сивою. Аржуна возсѣлъ на дивную колесницу Индры: проносится на ней мимо звѣздъ — обители людей праведныхъ и приближается наконецъ къ надзвѣздному жилищу своего отца. Индра обнимаетъ его руками, на которыхъ отпечатлѣлись слѣды молніи, бросаемой изъ этихъ рукъ; сажаетъ его рядомъ съ собою на престолѣ своемъ и даетъ ему въ товарищи Гандарва Читрасену, предлагая перенять здѣсь отъ него всѣ тѣ искусства, которыхъ усвоеніе не дано человѣку на землѣ и которыя будутъ необходимы для предстоящихъ тамъ ему подвиговъ и для окончательнаго истребленія на землѣ всѣхъ враговъ божества. Нѣтъ земныхъ красокъ, чтобы описать блескъ и совершенство жизни, ведомой въ чертогахъ бога Индры. Аржуна однако, и среди высшихъ наслажденій этого міра, стосковался наконецъ о братьяхъ. «Братья слишкомъ долго меня не видятъ, говорятъ онъ однажды своему другу Гандарву: продолжительное отсутствіе не иначе какъ привело ихъ въ смущеніе на счетъ моей участи, да и дѣло правды, дѣло возвращенія брату престола зоветъ меня на землю.» Индра снабдилъ его всесокрушающимъ своимъ лукомъ Гандивною, и удержалъ его еще не малое время. Подъ конецъ уже пребыванія Аржуны на небѣ, одна изъ очаровательнѣйшихъ Апсаръ, Урваси, замѣтила, что Аржуна очень часто слишкомъ пристально смотрѣлъ на нее: она убѣдила себя, что онъ ее любитъ, сама почувство-

вала къ нему любовь и предалась этому чувству. Аржуна не только пребылъ выше соблазна, но и не былъ причастенъ ему. «Я на колѣнахъ передъ тобою, Урваси, какъ передъ матерью, говорилъ онъ ей, но любить тебя не въ правѣ. Мой прапрадѣдъ былъ твоимъ сыномъ на землѣ: въ тебѣ я вижу прекрасную праматерь, я праправнукъ твой; потому и засматривался я на тебя. Но позволенъ ли подобный союзъ любви, который ты мнѣ предлагаешь, для правнука и для прабабушки?» Урваси вспылала гнѣвомъ противъ Аржуны и, уходя, прокляла его. «Не быть же тебѣ мужчиною на землѣ!» воскликнула она уходя отъ него. Аржуна рассказалъ всю сцену своему небесному другу, но скоро самъ Индра успокоилъ его, объяснивъ, что это проклятіе не только не принесетъ вреда, но даже послужитъ ему въ пользу, какъ это дѣйствительно и было по возвращеніи его на землю.

Аржуна воротился къ своимъ братьямъ уже къ концу двѣнадцатаго года ихъ отшельнической жизни. Остатся одинъ только годъ, по истеченіи котораго Пандавы вступятъ въ свои владѣнія; но пребываніе ихъ должно остаться втеченіе этого года неизвѣстнымъ ни для кого на землѣ.

Ясна политика подобнаго условія. *Во-первыхъ* исполненіе его въ высочайшей степени было трудно, и *во-вторыхъ*, если бы Пандавы и успѣли укрыться отъ всего міра впродолженіе цѣлаго года, то подобное укрывательство все же должно было лишитъ ихъ, въ самое пужное время, возможности искать для себя защитниковъ и не могло бы не ослабить отчасти ихъ прежнихъ связей, между тѣмъ какъ Дартараштрамъ ничто не мѣшало, во всѣ двѣнадцать лѣтъ и особенно въ тринадцатый, когда и имена ихъ соперниковъ будто бы не существовали на землѣ, — успиваться противъ нихъ и изнутри и извнѣ, — ибо Дартараштры не были намѣрены возвратитъ Пандавамъ ихъ владѣній по истеченіи положеннаго срока, въ случаѣ даже, еслибы послѣдніе и не нарушили обязательства, принятаго ими. Но есть политика высшихъ судебъ и могущественна бываетъ правда, когда не падаетъ она духомъ. Неутомимъ, дальновиденъ и распоряди-

теленъ былъ Дурјодана: судьба, однако, и правда оказались распорядительнѣе и сильнѣе его.

Къ концу двѣнадцатаго года, Пандавы, отославъ свою прислугу и дѣтей въ землю Жадавовъ, къ другу своему Кришнѣ, сами отправились изъ своей обители гористыми и дикими путями въ землю Матсјевъ. Царь этой страны, Вирата, былъ старымъ союзникомъ Јудиштиры и не любилъ Дартараштрѣ. Приближаясь къ предѣламъ его владѣній, они переодѣваются и прячутъ оружіе свое въ дуплѣ огромнаго дерева. Всѣ они мѣняють имена и принимаютъ роль слугъ Јудиштиры, будто отправившаго ихъ и ушедшаго съ братьями и женою неизвѣстно куда. Јудиштира прикидывается брахманомъ, состоявшимъ у Пандавовъ въ должности *саба-стары*, полушута, полупрiятеля: обязанность его состояла въ томъ, чтобы развлекать царя и его семейство въ часы досуга занимательными разговорами и придумывать увеселенія: онъ назвалъ себя Канкою. Бима принялъ на себя роль повара и назвался именемъ Баллава. Красавецъ Арджуна переодѣлся въ женское платье и прикинулся учительницею пѣнія, музыки, танцевъ и вообще женскаго воспитанія, состоявшею будто въ услуженіи Драупади, и назвалъ себя именемъ Вриханнала (искусство это перенялъ онъ отъ Апсаръ въ мірѣ Индры). Проклятiе небесной Апсары, произнесенное Аржунѣ, осуществляется, такимъ образомъ, волею Индры, въ пользу земному его сыну, на цѣлый годъ. Драупади приняла роль камеръ-юнгферы, служившей сперва у Сатјабамы, жены Кришны, перешедшей потомъ въ услуженіе къ Драупади, и назвала себя именемъ Малини и т. д. Царь Вирата, скорбя объ участи союзника своего Јудиштиры, охотно принимаетъ ихъ къ себѣ и опредѣляетъ въ тѣ же должности, какія занимали они у Пандавовъ. Переодѣтому Аржунѣ, поговоривъ съ нимъ, царь ввѣрилъ воспитаніе юной своей дочери Уттары.

Случилось, къ концу тринадцатаго года, что красота Драупади плѣнила брата царицы Матсјевъ Кичаку, гордаго сына царя Кекајевъ, командовавшаго войсками свояка. Напрасно Панчалаянка противопоставляла все нерасположеніе свое къ нему: сама царица снисходила къ страсти своего брата

и — бороться съ нимъ уже было невозможно. Наконецъ Драупаді сказала наставившимъ: «Знайте, что я жена пятерыхъ гандарвовъ: горе тому смертному, который дерзнетъ оскорбить ихъ.» Гордый Кекајанинъ смѣлся надъ ея упрямствомъ и надъ всѣми гандарвами и тогда она сказала его агентамъ: «Я вижу, что я должна покориться силѣ: царевичъ можетъ видѣться со мною ночью въ такой-то залѣ дворца.» Обрадованный Кекајанинъ считаетъ мгновенія: въ условленный часъ онъ входитъ въ условленный залъ, но вмѣсто прекрасной Малини, онъ нашелъ тамъ оскорбленнаго грознаго Биму, который убилъ его. По утру страшная тревога поднялась во всемъ дворцѣ, когда нашли убитаго и утопающаго въ своей крови храбраго царевича и полководца. Зовутъ Малини и требуютъ отъ нея объясненій. «Я говорила, сказала она, что меня стерегутъ и днемъ и ночью невидимые гандарвы. Я не виновата въ смерти царевича: мужа моего поражаютъ всякаго, кто ни посягнетъ на меня.» — «Такъ уйди же отъ насъ, если ихъ мечъ поражаетъ даже сквозь стѣны моего дворца и если мои приближенные, черезъ тебя, должны дѣлаться жертвами ихъ гнѣва.» — «Царь, я уйду, сказала Драупаді твердымъ голосомъ, но мои гандарвы уже не враждебны никому въ вашемъ государствѣ и домѣ. Да будетъ мнѣ позволено остаться только 13 дней: пребываніе мое не причинитъ вреда никому и, быть можетъ, окажется даже не вовсе здѣсь бесполезнымъ.» Выраженіе правоты и особенной силы, съ которою были произнесены эти слова, еще при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, склонили царя согласиться.

Между тѣмъ шпионы Дурјоданы, искавшіе по всему свѣту вѣстей о Пандавахъ, донесли ему о тайномъ убіеніи храбраго Кичаки, командовавшаго войсками царя Матејевъ. Сусарма, царь Тригартовъ, совѣтуетъ Дурјоданѣ воспользоваться смятеніемъ, происшедшимъ отъ убіенія Кичаки и неожиданно вторгнуться въ предѣлы своего недоброжелателя. Тригарты и Кауравы снаряжаютъ походъ и нападаютъ на Матејевъ. Противъ нихъ выступаетъ самъ царь Вирата; царю сопутствуютъ и Пандавы, такъ какъ царь имѣлъ уже нѣкоторые случаи увѣриться въ ихъ храбрости. Но Тригарты разбиваютъ Матејевъ и самого царя Вирату берутъ

въ плѣнъ. Тогда Пандавы одушевляютъ его воинство: сраженіе изъ оборонительнаго дѣлается наступательнымъ. Тригарты и Кауравы разбиты и Бима освобождаетъ царя изъ плѣна. Едва царь Матсjevъ успѣлъ оправиться, какъ доносятъ ему что другое воинство Кауравовъ и Тригартовъ неожиданно вторгнулось съ противоположной стороны его государства и производитъ тамъ грабежи и опустошенія. Царь ввѣряетъ команду надъ воинствомъ единственному сыну своему Уттару. Прежде чѣмъ уѣхать царевичу на войну, Пандавы совѣтуютъ ему взять къ себѣ возницею Вриханналу. «Она на всѣ руки, говорятъ они ему; нерѣдко управляла она лошадьми Аржуны и Аржуна разбивалъ съ нею цѣлыя толпы недруговъ.» Уттаръ беретъ съ собою передѣлтаго Аржуну; но лишь приблизились они къ непріятелямъ — у молодого царевича, первый разъ отправившагося на войну, потемнѣло въ глазахъ. Непріятельскія стрѣлы сыплются на право и на лѣво около ихъ колесницы, у царевича же не достаетъ наконецъ ни силъ, ни присутствія духа, чтобы вынуть стрѣлу изъ колчана и приложить ее къ тетивѣ лука. Непріятельскія войска вторгнулись съ сѣверо-западной стороны царства Матсjevъ, недалеко отъ того пути, которымъ вошли сюда Пандавы. Аржуна говоритъ царевичу Уттару: «Царевичъ, мы должны помѣняться нашими ролями: вы правьте лошадьми, я буду сражаться. Но сперва я облачусь въ настоящіе мои доспѣхи.» Мгновенно исчезли они, послѣ этихъ словъ Аржуны, на полѣ битвы и направили путь свой къ дереву, въ которомъ Пандавы сложили свое оружіе, вступая въ эту страну. Аржуна надѣлъ на себя свой золотой панцырь, взялъ лукъ Гаудиву, дарованный ему Индрою, взялъ другое свое оружіе и быстро помчались они на встрѣчу побѣдоноснымъ Кауравамъ и Тригартамъ. Дрожала земля, когда ѣхали Аржуна и Уттаръ; оглушительный звонъ Аржуновой трубы, девадатты, рокоталъ по всѣмъ странамъ свѣта. Наконецъ Аржуна выпустилъ стрѣлу изъ лука, дарованнаго ему богомъ: зашаталось небо и помрачилось солнце отъ полета этой стрѣлы. Кауравы догадались, что здѣсь присутствуютъ Пандавы и бѣжали въ паническомъ страхѣ, оставивъ на полѣ битвы и добычу, и собственное имущество.

Вѣсть о поражениі непріятелей доходитъ до царя Вираты прежде возвращенія его сына. Царь приписываетъ побѣду сыну и радуется мнимому его подвигу. Но возвращается царевичъ, и объявляетъ, что побѣдилъ не онъ, а божество, видимо спасшее ихъ, которое покажетъ себя, говорилъ онъ отцу, не далѣе какъ дни черезъ три.

На третій день царь Вирата входитъ въ торжественный залъ дворца и видитъ тамъ Пандавовъ, возсѣдающихъ на мѣстахъ, которыя назначены только для царей и высшихъ кшатріевъ. Царь негодуетъ за дерзость и тогда Аржуна, объясняетъ ему, кто они и кто эта служанка Мални, жена пятерыхъ невидимыхъ гандарвовъ, царевичъ же Уттаръ говоритъ: «Вотъ то божество, которое спасло меня и даровало намъ побѣду.»

Царь Вирата, обязанный Пандавамъ жизнью, своею и своего сына, и двойнымъ поражениемъ непріятелей, признаетъ, въ изліяніи чувствъ благодарности, себя и все свое на вѣкъ принадлежащими не ему, а Пандавамъ, потомъ говоритъ, обращаясь къ Аржунѣ: «ты воспитывалъ вирождение цѣлаго года мою дочь; ты знаешь ее: да будетъ же она твоею женою. Дружественный союзъ нашъ укрѣпится и родственнымъ союзомъ.» — Воспитатель и отецъ одно и то же, отвѣчаетъ Аржуна на это предложеніе: «позволь мнѣ сватать прекрасную Уттару, не за себя, а за моего сына.» Отецъ согласился и объявляется свадьба Абимаңу, сына Аржуны, рожденнаго отъ Субадры, сестры друга Пандавовъ Кривны, — и Уттары, дочери царя Матсѣевъ.

Кришна, Драупада, царь Панчаловъ съ сыновьями, союзные цари Матсѣевъ и Панчаловъ и всѣ друзья Пандавовъ съѣзжаются на свадьбу. Послѣ свадьбы дѣлаются совѣщанія союзныхъ царей на счетъ возвращенія Пандавамъ владѣній, которыя отняты у нихъ корыстолюбивыми братьями.

Отъ имени Пандавовъ посылается къ Дартараштрамъ Пуроһита царя Друпады; это былъ высокій духовный санъ брахмана приближеннаго къ царю. Пандавы объявляютъ черезъ этого сановника, что они будутъ довольствоваться пятью городами, поименованными въ ихъ требованіи, и что пребудутъ съ ними въ мирѣ, въ случаѣ уступки имъ только

этихъ городовъ; въ противномъ же случаѣ — что стануть искать своего права вооруженною рукою. Дартараштры не дали никакого отвѣта. Въ слѣдъ за симъ царь Дритараштра присылаетъ къ Пандавамъ приближеннаго къ себѣ сановника, Санжаю, съ предложеніями, которыхъ цѣль состояла только въ одномъ, чтобы выиграть время для приготовленія къ войнѣ, питая противниковъ пустыми ожиданіями; но Пандавы и друзья ихъ не сдались на льстивыя слова. Если бы Дритараштра потребовалъ отъ Пандавовъ, какъ отецъ отъ дѣтей своихъ, смиренія, то они покорились бы ему и въ этотъ разъ; но добрый старецъ имѣлъ все таки совѣсть, которая уже не позволяла ему дѣлать подобныхъ предложеній. Наконецъ самъ Кришна отправляется въ Гастинапуру и энергически совѣтуетъ Кауравамъ удовлетворить Пандавовъ; въ противномъ же случаѣ, грозитъ имъ неслыханнымъ кровопролитіемъ, которое должно обрушиться на ихъ головы. Бишма, Крипа, самъ Дритараштра и всѣ старѣйшины Гастинапуры соглашались съ требованіемъ Кришны, но Дурјодана, уже управлявшій въ то время самостоятельно землею Кауравовъ, воскликнулъ повелительно: «Лучше поглыбнуть, нежели дать малѣйшую пищу гордости врага. Но не погибнемъ мы: и у насъ есть союзники.»

Дурјодана, какъ и всякій эгоистъ, судилъ о другихъ по себѣ и не признавалъ истиннаго благородства въ Пандавахъ, потому что не находилъ его въ собственной своей душѣ.

Готовится, такимъ образомъ, непримиримая война, на жизнь или на смерть, цѣлыхъ милліоновъ человѣчества; ибо всѣ государства Индіи, отъ запада до востока и отъ сѣвера до юга, одни принимаютъ сторону Кауравовъ, другіе Пандавовъ. Индія раздѣлилась на двѣ половины, восточную и западную: западная вооружилась за Кауравовъ, восточная за Пандавовъ. Войска днемъ и ночью стекались къ сѣверу: земля Кауравовъ наводнилась народами, прихлынувшими сюда, чтобы найти здѣсь смерть; но главная участь этой войны рѣшалась на необозримой долигѣ Курукшетра, къ западу отъ нынѣшняго Мирата и Дели.

Уже обѣ необозримыя рати стали приближаться одна къ другой, уже стрѣлы начали падать съ обѣихъ сторонъ, какъ

Аржуна, вооруженный своимъ дивнымъ лукомъ, възсѣдая на колесницѣ, говоритъ другу своему Кришнѣ, възсѣдающему съ нимъ вмѣстѣ и правящему лошадьми его: «Прежде чѣмъ смѣшаются рати, хочу посмотрѣть на невредимую еще рать моихъ противниковъ: останови нашу колесницу посреди обонхъ воинствъ.» Кришна направилъ лошадей впередъ и остановилъ ихъ, по желанію Аржуны. Аржуна долго смотрѣлъ на рать противниковъ и узналъ въ ней дѣда, своихъ воспитателей, родныхъ своихъ. Вдругъ руки опустились у него: вся бодрость оставила его душу. — «Нѣтъ, другъ мой Кришна, пустая вся эта наша затѣя! Изъ-за чего собрались сюда со всѣхъ концовъ земли люди? Изъ-за чего ведемъ мы ихъ на смерть? — Чтобы удержать за собою власть? Стоитъ ли наша власть, стоятъ ли богатства всего міра, стоитъ ли власть не только надъ людьми, но даже надъ богами, чтобы изъ за нее проливать кровь? Я вижу моего дѣда, моихъ воспитателей, братьевъ, — тѣхъ, на радость которымъ и могло бы быть только пріятно имѣть власть и богатства, ихъ вижу я возставшимъ противъ меня и идущими на явную погибель. Нѣтъ, не хочу я ни власти, ни богатствъ, если для того, чтобы имѣть все это, надо сперва убить родныхъ. На каждомъ кускѣ хлѣба, который поднесу ко рту, я буду видѣть кровь. Лучше пусть ужъ они убьютъ меня.» Съ этими словами Аржуна отворотилъ лицо свое отъ противоположнаго ему строя враговъ и понурилъ уныло голову. — «Что говоришь ты? возразилъ ему Кришна. Развѣ ты можешь кого убить? Развѣ тебя могутъ убить? Развѣ духъ убиваютъ? Развѣ онъ знаетъ смерть? Развѣ есть ему или конецъ или начало? Ни я, ни они, ни ты, не было того, что мы не были, и не будетъ того, что насъ не будетъ. Духъ не разсѣкаетъ желѣзо, не сожжетъ его огонь, вода не зальетъ его. Какъ платье ветхое оставляетъ человѣкъ и возлагаетъ на себя новое, такъ духъ постоянно пріемлетъ новое тѣло, оставаясь несокрушимымъ и неизмѣннымъ. Итакъ, брось малодушіе и сражайся!» Возраженія Аржуны безпрестанно уничтожаются неотразимыми возраженіями Кришны. — «Есть одно, говоритъ потомъ Кришна, чему должно покоряться одушевленное существо, это — высшей правдѣ: во имя этой прав-

ды, а не личныхъ выгодъ, не во имя сочувствій или ненависти, дѣйствуетъ духъ. И ты, отринувъ недостойную тебя нѣжность, долженъ дѣйствовать сообразно съ требованіемъ твоей правды. Не твое дѣло, будетъ ли отъ того выгода, или невыгода, сопряжено ли съ скорбью, или съ радостью это дѣло: ты долженъ стоять выше и скорбей и радостей. Дѣйствуя такъ, ты не унизишь своей души; въ предѣлахъ ограниченнаго, условливаемаго всякимъ движеніемъ, всякимъ дѣйствіемъ, самъ ты пребудешь неограниченъ и превыше всякаго дѣла. Ты будешь истинно свободенъ и даже болѣе нежели свободенъ; ибо ты будешь равенъ необъятному, безначальному, безконечному, непредѣльному духу, какимъ и есть ты по твоей природѣ.» — «Но что непредѣльный духъ?» спросилъ Аржуна. Кришна долго объяснялъ ему высокое значеніе того, что превыше всякой твари и творимаго, всего совершаемаго и несовершаемаго, что неуловимѣе и нѣжнѣе атома и въ тоже время обширнѣе всѣхъ представленій безконечнаго; но Аржуна, постигая наконецъ умомъ успокоительныя объясненія своего друга, какъ человѣкъ, не могъ все-таки не колебаться въ своемъ убѣжденіи, хотя и находилъ его наконецъ во глубинѣ души своей: онъ не могъ сосредоточиться на немъ, хотя логическая сила словъ Кришны предотвратила уже всѣ возможныя съ его стороны возраженія. Тогда Кришна сказалъ Аржунѣ: «Ты милъ мнѣ, Аржуна, и потому я дамъ тебѣ на одно мгновеніе небесный глазъ, ибо земнымъ глазомъ божества ты не увидишь.» И тогда Аржуна въ лицѣ Кришны увидѣлъ и прошедшее и будущее, и Дритараштру и Пандавовъ и себя и все, что въ природѣ и все что за предѣломъ природы, и смерть и жизнь, и все сущее и несущее; все это увидѣлъ онъ, какъ нѣкую малѣйшую частицу движеній Кришны, питающаго, разрушающаго и содержащаго все это. Аржуна, пораженный избыткомъ радости и ужаса, упалъ на землю передъ другомъ своимъ и воскликнулъ изъ глубины сердца: «Я не перенесу этого зрѣлища: возьми, возьми отъ меня божественное око. Лучше мнѣ быть человѣкомъ, и, оставаясь въ плоти, созерцать это живое безконечное, эти живыя движенія смерти, этотъ океанъ гармоніи и противорѣчій, этотъ ослѣпительный блескъ и эту тьму — лучше со-

зерцать все это сквозь завѣсу.» Кришна опять принялъ прежній свой образъ и въ логическихъ формахъ дополнилъ ему свои объясненія, окончательно его успокоивъ и ободривъ къ битвѣ, предстоявшей ему.

Шестнадцать дней и шестнадцать ночей сражались войска Кауравовъ и Пандавовъ. Побѣда нерѣдко колебалась, но постоянно оставалась за Пандавами. Пали всѣ вожди Кауравовъ, назначаемые одинъ послѣ другаго Дурјоданю; самъ неустрашимый Бишма, прадѣдъ Пандавовъ и Дартараштрѣ, сражавшійся на сторонѣ послѣднихъ, привязывавшихъ его по родовымъ отношеніямъ къ Дритараштрѣ, хотя и возставалъ всегда противъ войны, — наконецъ смертельно раненъ, но силою душевной энергіи (тежаһ) онъ удержалъ въ себѣ жизнь и остался на ложѣ изъ стрѣлъ (сара-талпа) въ ожиданіи, пока солнце не обратится къ сѣверу, ибо умереть при поворотѣ солнца къ югу, въ который происходили эти сраженія, почиталось у Индусовъ дѣломъ дурнаго предзнаменованія; онъ желалъ также быть на землѣ свидѣтелемъ развязки дѣла, въ которомъ участвовалъ земными своими силами. Наконецъ остатки Кауравовъ нападаютъ ночью на станъ Judiштиры, но разсѣяны Пандавами. Дурјодана спасается, погрузившись въ близъ протекавшую рѣку. Рѣка охранила его отъ напора непріятелей: она упокоила его въ хрустальныхъ своихъ чертогахъ. Но оттуда онъ слышитъ насмѣшки надъ нимъ Пандавовъ, стоящихъ на берегу и не переносятъ ихъ. Онъ выходитъ на твердую землю и умираетъ въ единоборствѣ съ Аржуною. Бима убиваетъ Духсасану и, по обѣту, пьетъ его кровь.

Сто сыновей Дритараштры, за исключеніемъ одного Ју-јутсу, сражавшагося на сторонѣ Пандавовъ, были убиты. Пандавы наконецъ не имѣютъ на землѣ соперниковъ. Но и они не досчитываются многихъ своихъ; сыновья ихъ всѣ также убиты; изъ потомства ихъ остался одинъ малолѣтній Парикшитъ, внукъ Аржуны, родившійся отъ убитаго сына его храбраго Абиманю и дочери также убитаго въ эту войну, друга Пандавовъ, царя Вираты.

Вѣсть объ окончательномъ пораженіи Кауравовъ и наконецъ о томъ, что и Дурјодана палъ въ бою, быстро доходятъ до Гастинапуры. По улицамъ и домамъ города раздаются вопли матерей, женъ, дочерей убитыхъ героевъ. Старый Дритараштра, царица Гандари, жена его, царица Кунти и Видура отправляются на поле сраженія, для того чтобы схоронить умершихъ. Грустна и непостижимо для понятій нашихъ возвышенна встрѣча Judiштиры съ Дритараштрою и матерью убитыхъ Пандавами сыновей его. «Твое теперь все, говоритъ этотъ старецъ Judiштирѣ; правда доставила тебѣ побѣду.» — «Я не желалъ имъ смерти, отвѣчаетъ ему непобѣдимый племянникъ, но ты, а не другой кто и податель и преемникъ власти: ты царствуй, намъ же дозвожь одно — служить тебѣ.» Старецъ обнялъ героя и горькими слезами оросилъ его голову.

По совершеніи похоронъ умершимъ, Пандавы вступаютъ въ Гастинапуру. Даумја, пурохита Пандавовъ, совершаетъ жертвоприношенія, обычныя при коронованіи царей. Кришна возлагаетъ царскій вѣнецъ на голову Judiштиры и Драупади, жены Пандавовъ; Judiштира принимаетъ власть, но въ то же время торжественно, какъ сказалъ, признаетъ надъ собою царемъ Дритараштру, брата отца своего, воздаетъ ему почести, какъ простой подданный, и пребываетъ ему вѣрнымъ до конца.

Послѣ коронованія, Пандавы и весь дворъ Judiштиры спѣшатъ проститься съ прадедомъ своимъ Бишмою, оставшимся на ложѣ изъ стрѣлъ близъ рѣки Могавати, гдѣ онъ смертельно былъ раненъ, и принять отъ него послѣднія наставленія. Кончена война, долгъ Дритараштрѣ со стороны Бишмы уплаченъ: умирающій тѣломъ, но не духомъ, старецъ встрѣчаетъ съ любовью внуковъ своихъ, и долго бесѣдуетъ съ ними, особенно же съ Judiштирою обо всемъ, что предстоитъ ему на его новомъ высокомъ поприщѣ, какъ человѣку и царю.

Спустя нѣсколько дней совершенно было и горестное торжество, утверждавшее за Judiштирою власть верховнаго царя, или императора, надъ всею землею Индіи.

Повѣствованіе Магабараты не останавливается на этомъ происшествіи: оно очень подробно проводитъ читателя черезъ довольно еще обширный лабиринтъ судебъ и движеній героевъ, пережившихъ войну, до самой смерти каждаго изъ нихъ; ограничусь кончною Пандавовъ.

Долго царствовали Пандавы въ Гастинапурѣ; наконецъ Кришна, ихъ первый другъ и защитникъ, оставилъ земное свое пребываніе. Жизнь не въ жизнь показалась тогда Пандавамъ; и они положили за нимъ послѣдовать. Они короновали на царство еще молодаго внука Аржуны, Парикшита, поручивъ его попеченіямъ и руководству бабушки его Субадры и брахмана Крипы, правителемъ же царства, до извѣстной поры, сдѣлали благороднаго Южугсу, сына Дрита-раштры, потомъ сняли царственныя украшенія, опять возложили на себя скромное одѣяніе отшельниковъ и, въ сопровожденіи Драупади, надѣвшей такое же облаченіе, поклонившись всѣмъ мѣстамъ полуострова, освященнымъ пребываніемъ божества на землѣ, направили путь свой къ сѣверу, ибо на отдаленномъ сѣверѣ есть гора Меру, входящая въ самое небо: тамъ живутъ праведники, тамъ пребываетъ, посреди ихъ, самъ Вишну. Тамъ нѣтъ утратъ: все утраченное возвращается тамъ и человѣку и богу и дѣлается уже неотъемлемымъ достояніемъ.

Многознаменательно въ поэмѣ нашей символическое шествіе Пандавовъ въ другой міръ. Юдиштира шель впереди, за нимъ братья, одинъ за другимъ, за братьями Драупади. Каждый изъ нихъ падаетъ на пути по-очередно, но въ страданіяхъ братьевъ своихъ Юдиштира видитъ присущее дѣло правды. Сердце его разрывается отъ горя, но до послѣдней минуты онъ остается вѣрнымъ голосу, который слышитъ во глубинѣ души своей: онъ все идетъ и идетъ не останавливаясь. Наконецъ онъ близокъ уже къ *сваргъ*, къ міру Индри, къ міру, въ которомъ блаженствуютъ герои, проведеншіе безукоризненно свою воинственную жизнь на землѣ. При Юдиштирѣ оставалась одна собака, слѣдовавшая за нимъ до самаго крайняго предѣла. Ему предлагаютъ оставить собаку.

«Условія небесной жизни, говорятъ ему здѣсь, исключаютъ земныя привязанности и вкусы.»— «Не хочу же я того неба, которое исключаетъ благодарность и вѣрность;» сказавъ это Јудиштира отвратилъ лицо свое отъ сіяющихъ дверей жилища безсмертныхъ. Но въ задержаніи собаки было произведено не болѣе, какъ только испытаніе для Јудиштиры: съ похвалами и радостью ведутъ послѣ этого Јудиштиру и собаку его въ рай. Что же онъ видитъ въ раю? онъ видитъ и не вѣрять самому себѣ: онъ видитъ тамъ на первомъ планѣ Дурјодану, Духсасану и другихъ враговъ своихъ. Всѣ они сіяютъ во славѣ; нѣтъ слѣдовъ, ни досады, ни угрызенія совѣсти на ихъ лицахъ. Безмятежное счастье, безукоризненное совершенство выражаются въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи этихъ существъ, имѣющихъ видъ праведниковъ, которые не только никогда не грѣшили, но и не способны къ грѣху.— Гдѣ же мои братья? воскликнулъ съ уныніемъ Јудиштира, гдѣ мать моя? гдѣ Драупади?»— «Зачѣмъ тебѣ они? слышитъ онъ роковой отвѣтъ. Предъ тобою блаженство, которое отъ тебя неотъемлемо. Каждый имѣетъ свою судьбу: судьба испытываемая ими, не можетъ быть твоею судьбою.»— «Не можетъ? говоритъ послѣ этого, какъ громомъ пораженный Јудиштира. Такъ и для меня блаженства быть не можетъ, доколѣ не знаю, вкушаютъ ли блаженство мои ближніе.»— «Ты непременно желаешь ихъ видѣть, говорятъ ему тогда; такъ пойдемъ. И входятъ онъ въ край, гдѣ обхватило всего его какой-то удушливой, мертвящей атмосферой. Тлѣнь, зловоніе, холодъ, зной едва даютъ ему возможность переводить дыханіе; глаза его, наливаясь кровью, едва могутъ смотрѣть сквозь бурый, густой дымъ въ этомъ краю безъ свѣта и безъ солнца. Вглядываясь потомъ, онъ отличаетъ подобіе какихъ-то валяющихся въ отвратительной грязи и вязнущихъ въ ней челоувѣческихъ фигуръ, все хочетъ идти далѣе, но ноги у него подкосились и самъ онъ повязъ въ тинѣ. Онъ уже не можетъ идти далѣе, но не перестаетъ все вглядываться, не перестаетъ искать милыхъ сердцу. Не видя уже глазами тѣла, онъ все-однако смотритъ душею, ищетъ ихъ душею и что же? посреди этихъ измученныхъ, изчахшихъ привидѣній, при которыхъ бы-

ла какъ бы оставлена одна только способность страданія, онъ узнаеть своихъ братьевъ. «Оставьте меня здѣсь, говорятъ онъ тогда сопутствовавшимъ ему, я не тронусь отсюда съ мѣста, Я не хочу, я не заслуживаю блаженства, когда бѣдствуютъ близкіе моему сердцу. Дайте мнѣ одну награду — испытывать тѣже мученія, которыя испытываетъ моя мать.»

Тартаръ вдругъ освѣтился свѣтомъ, при этихъ словахъ Јудштиры, свѣтомъ, передъ которымъ померкнулъ бы свѣтъ миліона солнцевъ. Небесная музыка раздалась въ этомъ дивномъ краю, въ сравненіи съ которымъ небо видѣнное прежде Јудштирою, теперь показалось бы ему Тартаромъ. Къ нему бѣгутъ на встрѣчу съ свѣтлыми веселыми лицами: мать, Драупади, Аржуна, Абиманжу, Бима, всѣ родные, всѣ ближніе, умершіе за него въ войнѣ, умершіе послѣ войны. Мученія его друзей были ни чѣмъ инымъ, какъ вторымъ и послѣднимъ его испытаніемъ. Јудштира возвращаетъ себѣ божественность, которую онъ вновь добылъ, находясь въ мѣрѣ явленій, безукоризненною правдою, всегда руководившею его при жизни; страданія же, перенесенныя имъ на землѣ и при переходѣ въ другой мѣръ, очистили на немъ всѣ пятна отъ соприкосновенія съ землею, гдѣ исполняя священныи законъ одной правды, трудно бываетъ подъ частъ въ то же время не разойтись съ другою, пбо высшей, безотносительной правдѣ, гласить ученіе брахмановъ, едва ли есть мѣсто на землѣ.

Этимъ оканчивается исполненное повѣствованіе Магабараты. Парикшитъ, сынъ Аржуны, царствовалъ шестьдесятъ лѣтъ и умеръ отъ укушенія змѣи. Въ отмщеніе укусившему, сынъ его, Жанамежаја, вступивъ на престолъ царства Кауравовъ, положилъ сечь всѣхъ змѣй. Замѣчу мимоходомъ, что змѣи, противъ которыхъ вооружился Жанамежаја, носятъ характеръ не простыхъ змѣй изъ царства пресмыкающихся, но змѣй разумныхъ и миическихъ. Въ городѣ Такшасилѣ, гдѣ умеръ Парикшитъ, былъ сложенъ огромный костеръ и на немъ совершалось двѣнадцатилѣтнее сожиганіе змѣянаго племени. Эта жертва изъ змѣй (сарпа-сатра) со-

составляла въ землѣ Кауравовъ продолжительный праздникъ и вотъ на этомъ праздникѣ брахманъ Вайсампаіана, ученикъ Вјасы, рассказываетъ царю и гостямъ подвиги его предковъ, образовавшіе огромный эпосъ, которому дано названіе — Магабарата.

К. КОССОВИЧЪ.

18 Апрѣля 1860.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

I.

— Прощай Sophie, прощай душка моя! говорила, въ день выпуска изъ пансіона, взрослая семнадцати лѣтняя дѣвушка, прощаясь съ своей подругой.

— Прощай Маша! грустно отозвалась послѣдняя. Подруги поцѣловались.

— Ты не забудешь меня; мы будемъ встрѣчаться въ оперѣ; быть можетъ, на вечерахъ у нашихъ общихъ знакомыхъ; наконецъ, ты будешь пріѣзжать ко мнѣ, я къ тебѣ; намъ будетъ весело. Смотри Sophie, я рассчитываю на тебя, говорила первая, тотчасъ же, на дняхъ пріѣзжай, вѣдь ты недалеко живешь? — Папаша, Коломна близко отъ насъ? неожиданно обратилась она къ стоявшему сзади господину, сіявшему бѣлой звѣздой на черномъ фракѣ.

— Нѣтъ, мой другъ, далеко, отвѣтилъ господинъ съ улыбкой.

— Неужели!? какъ жаль!.. какъ-же папаша, стало быть и мы далеко живемъ?

— Мы живемъ, мой другъ, въ центрѣ города, а Коломна, это тамъ, далеко, отозвался генералъ.

— Ну все равно, что за бѣда — что далеко, твой папаша отпустить тебя Sophie, онъ добрый! Она взглянула на стояшаго неподалеку, низенькаго, старенькаго господина въ пстертомъ вицъ-мундирѣ.

— Помилуйте, какъ не отпустить, я такъ сказать, почти за счастье, робко отвѣчалъ послѣдній, низко кланаясь.

— Папаша, познакомьтесь съ папенькой Sophie, сказала вполголоса Маша господину со звѣздой, и слегка толкнула его къ вице-мундиру.

Подруги стали снова обниматься.

— Моя дочь кажется такъ любить вашу? нехотя и довольно сухо произнесъ отецъ Маши, въ полъ-оборота обращаясь къ вице-мундиру.

— Подруги-съ, ваше превосходительство, отвѣчалъ послѣдній, низко нагибаясь. — Дѣтская привязанность! прибавилъ онъ робко.

— Вы ее отпускайте къ намъ, она у насъ не соскучится.

— Благодарю за честь, ваше превосходительство, такое лестное вниманіе.... не знаю чѣмъ заслужила дочь моя, отвѣтилъ господинъ въ вице-мундирѣ и опять поклонился.

— Вы гдѣ служите? спросилъ генералъ, оглядывая отца Софьи.

— Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ваше превосходительство!

— Что-жь, хорошее министерство. — А чинъ какой имѣете?

— Небольшой чинъ, ваше превосходительство. — Коллежскій совѣтникъ, ваше превосходительство.

— Ну что-жь, чинъ хорошій!... Богъ дастъ пойдете и выше, была бы на то добрая воля! замѣтилъ генералъ покровительственнымъ тономъ.

— Не жалуюсь, ваше превосходительство, Господь Богъ не оставляетъ; лѣта мои ужъ старыя, я и этимъ доволенъ.

-- А мѣсто какое имѣете?

— Столоначальникъ, ваше превосходительство!

— *Merçi mon Général!* вдругъ произнесла, съ особенной ужимкой, подошедшая бывшая наставница Маши, перетянутая въ рюмочку.

Генералъ быстро обернулся и вполголоса, очень почтительно заговорилъ съ дамой.

— *Merçi, merçi!* повторяла она, беспощадно закатывая глаза къ небу.

— Сонечка голубушка, не пора-ли домой, ужъ и обѣдать время, вполголоса замѣтилъ господинъ въ вице-мундирѣ, обращаясь къ дочери.

— Сію минуту папаша, только съ папаша пропускъ, отвѣтила послѣдняя и полетѣла на другой конецъ залы, къ пожилой содержательницѣ пансіона, окруженной роемъ воспитанницъ.

Скоро двѣ дочери и два отца вышли на лѣстницу.

Въ богатой ливреѣ лакей набросилъ на Машу бархатную шубу и побѣжалъ за каретой.

Сатентюрковый салонъ съ бѣличьимъ воротникомъ надѣла Софья.

— Папаша, а карета наша, у насъ и человѣка нѣтъ, какъ-же это, кто же подастъ ее? спускаясь съ лѣстницы, спрашивала послѣдняя у своего отца.

— А я и не взялъ кареты, голубушка, на саночкахъ еще лучше доѣдемъ; теперь Ванекъ много, довезуть мигомъ.

— Боже мой! безъ кареты! развѣ можно, что вы папаша, побойтесь Бога; что же скажутъ; такъ нельзя ѣхать! произнесла она оскорбленнымъ голосомъ.

— Да, вѣдь теперь не достанешь, Сонечька, я и думалъ нанять, да дорого показалось; все одно, получше сани возьмемъ.

— Карета готова! крикнулъ лакей генерала.

— Sophie, вмѣстѣ выйдемъ, сказала Маша, схватила подругу за руку и весело потащила ее съ лѣстницы. — А ваша карета? вопросительно произнесла она, на подъѣздѣ.

— Должно быть не подали еще, робко отвѣтила Соня и поцѣловала Машу.

Генералъ кивнулъ головой виць-мундиру, сказалъ по французски нѣсколько словъ его дочери, и чинно влѣзъ въ карету. Лакей подсадилъ туда-же свою барышню, хлопнулъ дверцами и вскочилъ на козлы. — Карета помчалась. — Маша стучала въ окно и дѣлала ручку Сонѣ.

— Пойдемъ папаша, ради Бога, поскорѣй пойдемъ, бѣда будетъ, меня увидятъ, говорила послѣдняя, съ трудомъ переступая по снѣгу, и таща за руку отца своего.

— Извозчикъ, къ Покрову! произнесъ онъ, наткнувшись на первыя сани.

— Четвертакъ безъ лишняго.

— Двугривенный.

— Папаша!... ради Бога! почти закричала Соня и вскочила въ сани.

Они усѣлись и поѣхали.

Иванъ Петровичъ Рябинкинъ, отецъ Сонинъ, былъ бѣдный чиновникъ, жилъ небольшимъ казеннымъ содержаніемъ, нанялъ двѣ комнаты у Покрова; для прислуги держалъ одну кухарку.

Его превосходительство, Григорій Сергѣичъ Копанскій, отецъ Маши, занималъ очень видное мѣсто, былъ богатъ, жилъ на Литейной, въ собственномъ домѣ, въ великолѣпной квартирѣ съ швейцаромъ и цѣлымъ легиономъ лакеевъ.

Иванъ Петровичъ, за исключеніемъ службы, большую частію сидѣлъ дома, изъ знакомыхъ рѣдко кто навѣщалъ его, развѣ пріѣзжалъ курьеръ изъ департамента съ какойнибудь экстренной бумагой или заходилъ домовой хозяинъ, отставной подпоручикъ лѣтъ семидесяти.

У Григорія Сергѣича, напротивъ, постоянно были люди и за дѣломъ и безъ дѣла; Машу его ожидали нескончаемые вечера и дома и въ гостяхъ.

Лѣтомъ, по воскресеньямъ, Иванъ Петровичъ посѣщалъ Екатерингофъ; Григорій Сергѣичъ имѣлъ собственную, прекрасную дачу въ Павловскѣ.

Иванъ Петровичъ былъ человѣкъ далеко не привлекательной фигуры, худенькій, приземистый, съ огромной лысиной. — Григорій Сергѣичъ — полный, округленный, отличался какою-то гипозирующей сановностію и сѣдыми, гладкими, ровно подстриженными бакенбардами.

Иванъ Петровичъ выпросилъ впередъ жалованье, долго бѣгалъ по гостинному двору съ одной старухой родственницей и наконецъ, рѣшился купить Сонѣ дешевенькой матеріи на два платья. — Григорій Сергѣичъ, съ туго набитымъ бумажникомъ отправился во французскій магазинъ и скупилъ чуть-ли не половину его.

Иванъ Петровичъ вдовѣтъ лѣтъ десять; супруга его превосходительства скончалась недавно гдѣ-то за-границей, отъ нервическаго разстройства.

Иванъ Петровичъ долго не могъ утѣшиться послѣ смерти жены своей; Григорій Сергѣичъ, напротивъ, тогда только и утѣшился, когда получилъ извѣстіе о кончинѣ своей лишней половинны.

Иванъ Петровичъ любилъ Соню, какъ божество; благоговѣлъ предъ ней; она была его единственнымъ утѣшеніемъ, счастіемъ, онъ дорожилъ ею собственно для себя, потому что вся жизнь его, всѣ радости и надежды покоились на ней; — Григорій Сергѣичъ также любилъ дочь, но любилъ больше изъ тщеславія, ему хотѣлось чтобъ Маша блестяла въ обществѣ, составляла его лучшее украшеніе, чтобъ всѣ восхищались, любовались ею, самъ же онъ и любовался и восхищался ею не много.

У Ивана Петровича, кромя дочери; не было никого близкаго сердцу; Григорій Сергѣичъ имѣлъ сына гвардейскаго офицера.

Соня была очень хороша собой. — Большіе, темноглазые глаза ея свѣтились добротой, всѣ черты лица не отличались строгою правильностію, но заключали въ себѣ что-то особенно привлекательное, задушевное. Тепло, отрадно было смотрѣть на это нѣжное, томное личико съ свѣтлорозовыми щечками, отгнѣненное густыми каштановыми волосами, такъ отрадно, что долго, долго не хотѣлось отвести глазъ отъ прекраснаго видѣнія. — Напротивъ, наружность генеральской дочери отличалась только свѣжестію и молодостію. — Небольшіе, сѣрые, лукавые глаза, нѣсколько курносый носъ и довольно большой, смѣющийся ротъ, придавали ея физиономіи что-то черезъ чуръ бойкое, развязное рѣзкое.

По характеру и внутреннимъ достоинствамъ, обѣ подруги также нисколько не походили другъ на друга.

Соня хорошо училась; Маша, изъ всего своего воспитанія, вынесла только умѣнье болтать по-французски; не смотря на щедрыя пожертвованія отца въ пользу разныхъ наставницъ заведенія, она считалась весьма посредственной ученицей. — Соня была дѣвушка самаго мягкаго характера, любимая своими подругами; напротивъ Маша, пользовалась болѣе начальственнымъ расположеніемъ и между дѣвками называлась: «отличкой.» — Соня была до крайности впечатлительна; каждая бездѣлица тревожила, огорчала ее; для Маши все было тринь-трава. — Соня, если кого любила, то любила искренно, всѣмъ сердцемъ, она никогда не измѣняла предмету своей дѣтской привязанности, съ полнымъ самоотверженіемъ готова была страдать за него, дѣлиться съ нимъ послѣднимъ. — Маша мирилась и ссорилась съ своими подругами по нѣскольку разъ въ день. — Соня смѣялась рѣдко, Маша рѣдко не смѣялась. Соня никогда не сидѣла сложивъ руки, работала и для себя и для другихъ; Маша заказывала свою работу и расплачивалась за нее отцовскими подарками. — Соня обыкновенно одѣвалась чисто, опрятно; передникъ Маши былъ постоянно въ пятнахъ.

Что было общаго между двумя подругами — это воспитаніе, если только можно назвать *воспитаніемъ* простую дрессировку нашихъ институтовъ. — Съ дѣтства отданныя въ пансіонъ, онѣ обѣ одинаково прониклись его духомъ, въ одно розовое стекло смотрѣли на будущую жизнь, одинаково думали о блескѣ, роскоши, богатыхъ нарядахъ, одинаково мечтали, затвердивъ одну

общую роль своего будущего значенія въ свѣтѣ; программа ихъ будущего была также одинакова: выпускъ, радость родныхъ, визиты, балы, театры, молодой статный женихъ, особенно военный, свадьба, наконецъ безмятежная супружеская жизнь, съ послѣобѣденнымъ спомъ и вѣчной зѣвотой. Другія, темныя стороны жизни не возмущали ихъ дѣтскіе сны.

Быстро докатила карета его превосходительства и остановилась у одного изъ подъѣздовъ на Литейной. — Соскочившій съ козелъ лакей отворилъ дверцы, Марья Григорьевна выпрыгнула, за нею вышелъ Григорій Сергѣичъ и, подъ руку съ дочерью, поднялся по устланной ковромъ и уставленной цвѣтами лѣстницѣ. — Въ передней ихъ встрѣтилъ статный гвардейскій офицеръ, братъ Маши.

— Bonjour Marie, mon Dieu, какая ты пышная! говорилъ онъ, цѣлуя сестру и оглядывая ее съ ногъ до головы. — Дай руку, я тебя представлю нашимъ знакомымъ.

Дѣйствительно, въ гостинной толпа гостей, и мужчины и женщины, ожидала отца съ дочерью.

— Григорій Сергѣичъ! Марья Григорьевна! честь имѣемъ поздравить; наконецъ-то, — *quelle charmante personne!*... давно ли я знала ихъ маленькихъ; какъ похорошѣла, выросла, какая радость! какъ разцвѣли, пополнили! раздались отвсюду заученные возгласы.

Марья Григорьевна едва успѣвала благодарить и присѣдать; дамы цѣловали ее въ голову, щеки и губы, мужчины почтительно цѣловали ручку.

Иванъ Петровичъ съ Соней заѣхалъ по дорогѣ въ церковь, помолился, свѣчку поставилъ, и только спустя часъ дошелъ до своего жилища, небольшого, сѣраго, деревяннаго домика.

Отецъ съ дочерью вошли въ комнату, вступили на низенькое крыльцо и были встрѣчены кухаркой Матреной.

— Барышня, голубушка, радость наша, дождался нашего солнушка! говорила она цѣлуя руки Софьи Ивановны. — Господи, что за красавица такая, писаная, просто писаная!

Войдя въ комнату, Иванъ Петровичъ бросился цѣловать руки дочери, какъ бы благодаря ее за свое счастье; но она вырвала ихъ и горячо обвила ими шею отца.

Но осмотрѣвшись кругомъ, она призадумалась; на ея лицѣ мелькнула тѣнь того грустнаго чувства, которое такъ неумовимо въ минуты отдыха и радости, какъ неумовимы сумерки въ нашу сѣверную майскую ночь.

— Папаша голубчикъ, отчего здѣсь такія низенькія комнаты? вдругъ спросила Соня: — у насъ въ пансіонѣ свѣтлыя и высокія.

— Тамъ, голубушка, помѣщеніе большое; на вольной квартирѣ за высокія комнаты дорого заплатить надо; да что-жь Сонечка, вѣдь и здѣсь хорошо, было бы дружно да весело, а на что намъ высокія-то! — Вотъ здѣсь, за перегородкой, твоя спальня будетъ, а по эту сторону гостинная, ну, а въ другой комнатѣ тамъ ужъ я буду; съ насъ двоихъ и довольно, вѣдь довольно, Сонечка?»

— Да, папаша, довольно! нерѣшительно произнесла Софья Ивановна, опустила голову и опять нѣсколько задумалась.

Въ столовой его превосходительства, оживленный разговоръ кипѣлъ за обѣдомъ, лакеи съ блюдами сновали взадъ и впередъ, искрилось разлитое въ бокалы шампанское, гости дружно поздравляли и дочь и отца, Марья Григорьевна была весела какъ птица, выпущенная изъ кѣтки.

Иванъ Петровичъ надѣлъ халатъ, выпилъ водки, перекрестился и сѣлъ съ дочерью за маленькій столикъ. Матрена подала кушанье. — Софья Ивановна отвѣдала одного, другаго и, къ великой досадѣ отца и кухарки, кушала только третье, состоявшее изъ блинковъ съ вареньемъ.

Послѣ обѣда, около дочери генерала, увивалась цѣлая толпа поклонниковъ, какой-то конно-гвардеецъ побрякивалъ шпорами и отпускалъ самые пошлые комплименты; ему вторилъ господинъ во фракѣ, съ лорнеткой на носу; другой господинъ рассказывалъ забавные анекдоты, третій спрашивалъ про пансіонъ. — Марья Григорьевна наввно улыбалась и хохотала; глаза ея искрились особеннымъ удовольствіемъ.

— Ахъ, папаша, какое визгтное платье сдѣлали Лизѣ Лепарской, говорила Софья Ивановна отцу своему, сидѣвшему на диванѣ: — чудо какъ хорошо; знаешь, этотъ цвѣтъ называется bleu de Napoleon, точно небо; всѣ наши дѣвицы налюбоваться не могли, а этой противной гувернанткѣ даже завидно стало; представь себѣ, вдругъ говорить, что этотъ цвѣтъ ей къ лицу, просто приговаривалась, такая жадная! — Папаша, у тебя часто гости бываютъ? знаешь, ты назначь дни, нынче всѣ такъ дѣлаютъ.... послушай папаша.... папаша! — Она взглянула на отца, онъ спалъ повѣся голову.

II.

Нѣсколько дней спустя, въ изящно-убранномъ кабинетѣ Марьи Григорьевны, сидѣли двѣ подруги.

— Ахъ, Sophie, право я послѣ выпуска еще опомниться не могу; мнѣ такъ раздольно, весело, что и сказать нельзя!... какіе папаша подарки мнѣ сдѣлалъ, просто восхищеніе! — Знаешь, *entre nous soit dit*, за мной ухаживаетъ одинъ прехорошенькій офицеръ! — Ну, а ты, гдѣ ты была, что видѣла?... видишь, я тебѣ все рассказываю, говорила Марья Григорьевна, обнимая Софью Ивановну.

— Я все больше дома сижу, отвѣтила послѣдняя съ нѣкоторымъ смущеніемъ. — Бѣдили мы съ папашей къ тетенькѣ, только она такая странная, старая да сердитая, гостей у насъ не бываетъ, папаша уйдетъ утромъ въ должность, придетъ, отобѣдаетъ, спать ляжетъ... вотъ и все!

— Да, вѣдь это скучно, Sophie!

— Что-жъ дѣлать, я и сама не знаю.... иногда скучно.

— Стало быть твой папаша не любитъ тебя!

— Что ты Маша, какъ можно, онъ меня очень любитъ, только... она замаялась, можетъ, у него денегъ мало, — добавила она со вздохомъ.

— Такъ онъ бы постарался достать какънибудь; для того, кого любишь, все легко сдѣлать.

— Ужъ не знаю Маша; только онъ такой добрый; я не смѣю при немъ скучать, боюсь огорчить его; онъ такъ и смотреть мнѣ въ глаза, любитъ меня, а только.... право у насъ въ пансіонѣ какъ-то веселѣе было, бывало мы шутишь, смѣемся.

— Фи, Sophie, какъ не стыдно, ужъ одно то, что быть подъ началомъ какойнибудь гувернантки; теперь мы на волѣ, что хотимъ то и дѣлаемъ. — Знаешь, меня всѣ называютъ ваше превосходительство, горничная иначе и не говоритъ, все ваше превосходительство; послушай, оставайся гостить у меня, какъ намъ будетъ весело, мы вмѣстѣ поѣдемъ въ гости, въ театръ, Сонечка, ангель, оставайся. — Она поцѣловала Софью Ивановну.

— Что ты Маша, развѣ это можно, а папаша?

— Ну, что-жъ папаша, онъ будетъ знать, что ты здѣсь веселишься.

— Онъ соскучится безъ меня.

— Ахъ, какой вздоръ, ну поскучаетъ и перестанетъ, вонъ я своего папашу вногда по цѣлымъ днямъ не вижу, что-жъ за бѣда.... за то тебѣ будетъ весело, вмѣстѣ танцовать будемъ!

— Ужъ я право не знаю.... да, нѣтъ, какъ можно, лучше другой разъ, тогда я отпрошусь у папашы, скажу ему; онъ добрый, отпустить меня.

Въ комнату вошелъ Сергѣй Григорьичъ, братъ Маши. Онъ ловко поклонился Софѣ Ивановнѣ и поцѣловалъ сестру.

— Серѣжа, рекомендую тебѣ, — подруга моя, Sophie Рябинкина, сказала Марья Григорьевна. Сергѣй Григорьичъ еще разъ поклонился, Соня сдѣлала реверансъ.

— Я васъ помню, началъ онъ, обращаясь къ Софѣ Ивановнѣ: — когда вы еще въ маленькомъ классѣ были.

— Да-съ, вы тогда юнкеромъ были, отвѣтила Соня, слегка покраснѣвъ.

— Да, юнкеромъ, еще танцовалъ у васъ на балѣ, вы помните?

— Помню.

— Еще бы не помнить, онъ тогда такой противный былъ, стриженный, подсказала Маша: — всѣ дѣвицы смѣялись надъ нимъ.

Обѣ подруги улынулись.

— А теперь какой, вы противный? спросилъ Сергѣй Григорьичъ, закручивая усы.

— Такъ — себѣ! отвѣтила Маша.

— Только?

— Еще бы, разумѣется только; и то можетъ я сужу пристрастно какъ сестра; вотъ спроси у ней.

— Софья Ивановна, за вами дѣло, рѣшите! произнесъ онъ, улыбаясь.

— Ахъ, Маша, какъ тебѣ не стыдно! съ упрекомъ отвѣтила Соня, покраснѣла и отвернулась.

Долго еще просидѣла Софья Ивановна у своей подруги, много болтали онѣ, вспоминали про пансіонъ, про старое житье бытѣе. — Марья Григорьевна рассказывала о балахъ, передавала свои впечатлѣнія, надежды, показывала обновки — и дала полную волю задушевнымъ мечтамъ.

— Господи, какая ты счастливая Маша! говорила Соня, разсматривая какое-то великолѣпное платье. Боже мой! какъ это хорошо!

— У меня лучше есть! отвѣтила Марья Григорьевна и съ такой улыбкой взглянула на Соню, точно дразнила ее. — Знаешь, я скоро поѣду на большой, большой вечеръ, и вотъ увидишь,

мой туалетъ будетъ самый лучший, мнѣ и папаша сказали, чтобъ я ничего не жалѣла, я хочу, говоритъ онъ, чтобъ моя дочь была лучше всѣхъ. — Она торжественно улыбнулась.

— Воображаю какъ всѣ смотрятъ на тебя, любятъ, замѣтила Соня нѣсколько грустно. — «Боже мой! какъ это должно быть весело.... ахъ, еслибъ мнѣ разбогатѣть какъ нибудь!

— Что-жъ, можетъ быть и разбогатѣешь, выйдешь замужъ... знаешь, я тебѣ скажу по секрету, у папашъ есть на примѣтѣ женихъ для меня, князь! — Последнее слово Марья Григорьевна произнесла съ особеннымъ удареніемъ, и ужъ гордо взглянула на свою подругу.

Софья Ивановна вздохнула.

Вечеромъ въ тотъ же день, въ квартирѣ Рябникина, за чайнымъ столикомъ сидѣли отецъ съ дочерью.

— Что ты Сонечка, такая, какъ будто скучная сегодня? говорилъ Иванъ Петровичъ, съ участіемъ глядя на дочь свою.

— Нѣтъ, папаша, ничего.... напротивъ, мнѣ было очень весело у Маши, какая она добрая, милая, богатая! — Знаешь, папаша, у меня до тебя просьба есть.... ты не осердишься, ты добрый? — Она обняла отца.

— Господь съ тобой! да развѣ можно сердиться на тебя? что ты Сонечка, да я и подумать-то этого не могу, говорилъ Иванъ Петровичъ, цѣлуя Союю. — Ну что, что тебѣ?

— Папаша, голубчикъ! отпусти меня погостить къ Машѣ, только на цѣлую недѣлю, папаша.

— Погостить?! а меня-то развѣ не жаль тебѣ, что я-то безъ тебя буду дѣлать; какъ же это Сонечка, я вѣдь стоскуюсь совсѣмъ?

— Ахъ, папаша, ты будешь писать, у тебя дѣла есть, вѣдь недѣля скоро пройдетъ, тамъ такъ весело, я съ Машей на базъ поѣду!

— А вѣдь я безъ тебя плакать буду.

— Ужъ и плакать! полно папаша.... ну, ты тоже въ гости поѣдешь.

Иванъ Петровичъ улыбнулся.

— Веселись, голубушка, я останусь, я пошутить.... за что же, въ самомъ дѣлѣ, и сидѣть тебѣ, почему и не отпустить, самъ не въ силахъ доставить развлеченіе, ну такъ другимъ спасибо... поѣзжай съ Богомъ, за то потомъ-то какъ радостно будетъ: домой приѣдешь, расскажешь.... когда тебѣ весело, такъ и у меня на сердцѣ легко.

— Милый, добрый папочка! съ чувством произнесла Софя и обняла отца. — Только вот что, у меня еще просьба, мнѣ платье нужно, добавила она весело-плаксивымъ тономъ. — Знаешь, я думаю розовое сдѣлать.

— Платье?! что ты Сонечька, а у меня и денегъ нѣтъ; вонъ и за квартиру за этотъ мѣсяцъ не отдано, жалованье тоже не скоро раздадутъ. — Вѣдь у тебя есть платьице, что-жъ, его бы надѣла, вѣдь за богатыми не угодяешься.

Софья Ивановна надула губки.

— Боже мой, развѣ это можно?! надо мной смѣяться станутъ; тамъ всѣ наши будутъ.... Папаша, голубчикъ, вѣдь я не много прошу у тебя, другимъ вонъ сколько дѣлаютъ, ни въ чемъ не отказываютъ, чѣмъ же я хуже ихъ? — Она совершенно неожиданно заплакала.

Иванъ Петровичъ бросился утѣшать дочь.

— Сонечька, жизнь моя! говорилъ онъ, ну.... ну, не плачь.... ангелъ мой, радость моя... ну, устроимъ, какъ нибудь, Богъ дастъ, все устроимъ.... утри глазки-то, утри.... сдѣлаемъ, лучше всѣхъ платье сдѣлаемъ, красное, желтое, голубое, слышишь, какое хочешь, лучше всѣхъ будетъ.

Софья Ивановна просвѣтлѣла и поцѣловала отца.

— Знаешь, папаша, начала она уже весело, мнѣ хочется такое какъ у Вѣрочки Завалишиной.

— Такое и сдѣлаемъ, точно такое.

— Только немножко бы лентъ побольше.

— Ну, и лентъ побольше.

— А рукава кружевами убрать.

— И кружевами можно! кружевами, такъ кружевами.

На другой день Иванъ Петровичъ съ трудомъ, рано утромъ пошелъ къ казначею; долго онъ ждалъ и унизительно просилъ выдать ему двадцать пять рублей, — и какъ онъ радостно шелъ домой съ этими деньгами.

— Вотъ тебѣ Сонечька, не скучай только, я твоихъ слезъ видѣть не могу; чтобъ не было ихъ, возьми, говорилъ онъ, отдавая дочери ассигнацію.

— Ахъ, сколько денегъ! Господи, какой ты добрый, душа папаша! отвѣтила Софья Ивановна и бросилась обнимать отца.

На слѣдующее утро Иванъ Петровичъ съ дочерью отправились по лавкамъ и магазинамъ.

— Господи, какъ все дорого у васъ, говорила Софья Ивановна, перебирая разложенныя предъ нею матеріи. Уступите! про-

изнесла она почти со слезами. — Купецъ улыбнулся и нѣсколько понизилъ цѣну. — Иванъ Петровичъ сидѣлъ поодаль и, казалось, не обращалъ вниманія на происходившее, объгавъ съ дочерью не мало магазиновъ онъ порядочно умаялся. —

— Боже мой, это все таки дорого, уступите, пожауйста, еще; у меня столько денегъ нѣтъ, ей Богу нѣтъ! по прежнему прознесла Софья Ивановна.

Но купецъ оказался неумолимымъ, притомъ же и торговаться было далеко; матерія, которую желала приобрести покупательница, стоила чуть-ли не вдвое дороже предлагаемой цѣны.

Отецъ съ дочерью перешли въ другую лавку, тамъ повторилась прежняя сцена. — Софья Ивановна начинала сердиться, не разъ назвала одного изъ купцовъ «противнымъ,» вопросительно взглядывала, то на отца, то на разбросанные предъ нею куски матерій, и, казалось, отчаялась въ возможности покупки. — Наконецъ, уже послѣ многихъ поисковъ и убѣдительныхъ упрямствъ, была приобретена какая-то эфирная кисея.

Иванъ Петровичъ возвратился домой совершенно измученный, но нисколько не жаловался дочери, а напротивъ хвалилъ ея покупку, повидимому радовался вмѣстѣ съ нею, и только послѣ обѣда проспалъ дольше обыкновеннаго. .

Нѣсколько дней прошло въ сборахъ и приготовленіяхъ къ предстоящему балу; платье было сшито, убрано, разъ десять примѣрено. — Иванъ Петровичъ только любовался на свою дочь, она прыгала, восхищалась и нетерпѣливо ожидала вождедѣннаго времени.

Наконецъ Софья Ивановна въ сопровожденіи отца, обремененная множествомъ картонокъ, уѣхала на Литейную. Иванъ Петровичъ проводилъ дочь на лѣстницу, перекрестилъ, крѣпко поцѣловалъ, и, повѣся голову, побрелъ къ должности.

«Господи! думалъ онъ лежа у себя на диванѣ, дня черезъ два послѣ отъѣзда Сони: — что-жь это такое?... ждалъ, ждалъ ее, дождаться не могъ, все бывало думаешь, вотъ Сонечка выйдетъ, какъ весело будетъ, а вышла, не успѣла кажется и оглядѣться дома, какъ и уѣхала!... Нѣтъ, не пушу другой разъ, какъ хочеть, а не пушу; на' день, ну на два, другое, а то легко сказать недѣля, мало ли что можетъ случиться, чего только не передумаешь!... И не ужъ-то ей скучно дома? кажется по силѣ возможности все доставляешь, полакомиться захочеть — лакомится; работы никакой не знаетъ, гулять вздумаетъ — гуляетъ; кушать захочеть — кушаетъ, голодомъ не сидитъ, а все точно

не довольна чѣмъ!... Годы-то вѣтряныя, хочется вотъ попрыгать, нарядиться, на людей посмотрѣть, себя показать. — И въ самомъ дѣлѣ, что ей со мною старикомъ сидѣть-то тоже, одурь возьметъ. — Вонъ теперь, шутка, платье какое сдѣлашь, задолжалъ кругомъ, а какъ отказать-то ей, стыдно, ну и тянешься!... и что это за наряды нонче выдумали, Господи, Господи! дороговись-то какая... Поѣхала бы себѣ, потанцовала, да на другой бы день и домой приѣхала, а то недѣля, — экая тоска беретъ!» И старикъ видимо закручинился. Въ его душѣ какъ-то нечаянно сошлись два противоположныя чувства — безотчетная тоска отъ прошлаго съ неясной думой о будущемъ. Въ головѣ его пропла длинная вереница воспоминаній — и о бѣдной юности, о гнетущей служебной карьерѣ, и о томъ, какъ онъ проводилъ безсонныя ночи за неблагодарнымъ трудомъ, и о томъ, какъ часто оскорбляла его нищета и униженіе. И все это тяжелымъ грузомъ ложилось на-сердцѣ коллежскаго ассесора.... А Софья Ивановна между тѣмъ носилась въ вихрѣ вальса, подъ звуками прекраснаго оркестра, на балѣ у одного изъ родственниковъ Копанскихъ. — Разгорѣвшись и запыхавшись, она опускалась на стулъ, переводила духъ и тотчасъ неслась снова съ первымъ подскочившимъ кавалеромъ. — Музыка, танцы, богатые наряды дамъ, блестящія эполеты кавалеровъ, кружили и туманили незнакомую съ жизнію головку. — Теперь она была довольна и счастлива; какой-то тайный голосъ шепталъ ей: «посмотри, ты лучше другихъ, всѣ отдають тебѣ первенство, ухаживаютъ за тобой.» — Самолюбіе ея было раздражено; она вся отдалась окружающему, забыла отца, забыла, что настоящее ея положеніе не отвѣчаетъ ни этому балу, ни этой роскоши, что она не можетъ принадлежать этому обществу, что другая роль и другая доля суждены ей въ жизни.

— Вы вѣроятно устали, не угодно ли вамъ сѣсть? говорилъ Сергѣй Григорьевичъ, становясь съ Софьей Ивановной въ кадрили и предлагая ей стулъ.

— Non, merci, я не устала, отвѣтила она улыбувшись.

— Стало бытъ вы часто танцуете, привыкли?

— Напротивъ, послѣ выпуска первыйъ разъ.

— А любите танцовать?

— Очень!

— Побольше гостите у насъ, сестра танцуетъ часто.

— Merci, я не могу располагать собою, у меня есть отецъ.

— Я это знаю, такъ что-жъ?... вѣроятно вашъ батюшка такъ благоразуменъ, что радъ, когда вы веселитесь.

Софья Ивановна опустила глаза и замаялась.

— Право я не знаю, что сказать вамъ, нерѣшительно отвѣчала она. — Въ чужомъ домѣ я могу наконецъ надобѣсть, правда, Маша меня такъ любитъ, но....

— Что же, но? вы не договорили?

— Она не одна.

— Mon Dieu! отвѣтилъ Сергѣй Григорьичъ, право еслибъ я не зналъ васъ, я бы подумалъ, что вы напрашиваетесь на комплиментъ. — C'est à vous de commencer, добавилъ онъ....

Софья Ивановна начала вторую фигуру.

— Кому же вы боитесь надобѣсть? говорилъ Сергѣй Григорьичъ, становясь на свое мѣсто: — скажите откровенно, мнѣ или моему отцу?

— Боже мой, никому, вашъ папенька такъ добръ! отвѣтила Софья.

— Стало быть мнѣ, а я вѣдь злой, замѣтилъ кавалеръ.

Она улыбнулась.

— Да, молчаніе — знакъ согласія, повторилъ онъ.

— Нѣтъ, вы.... Mais vous me faite rougir, замѣтила она, слегка покраснѣвъ.

— Et vous êtes charmante, отвѣтилъ въ полголоса Сергѣй Григорьичъ.

Софья Ивановна отвернулась и стала перебирать складки на платьѣ.

— Подарите мнѣ листочекъ изъ вашего букета, снова началъ Сергѣй Григорьичъ, протанцовавъ одну изъ фигуръ.

— Это зачѣмъ?

— Такъ, на память!

— Къ чему? вы меня видите часто.

— Я бы желалъ видѣть еще чаще, отвѣтилъ онъ и взглянулъ на Софью Ивановну.

Она молчала и казалось не слышала словъ Копанскаго.

— Такъ подарите, повторилъ онъ.

— Finissez donc, vous plaisez, отвѣтила она и перенеслась на другую сторону.

Контръ-дансъ кончился.

Далеко за полночь продолжался балъ, много еще танцевала Софья Ивановна, много выслушала всевозможныхъ комплимен-

товъ, нѣсколько разъ краснѣла, не разъ отпалчивалась или скромно улыбалась.

На другой день между двумя подругами происходилъ слѣдующій разговоръ.

— Знаешь, Sophie, говорила Марья Григорьевна, право я такъ рада, когда ты у меня, что кажется вѣкъ бы съ тобой не разсталась, такая скука, вспомнить не могу, что ты скоро уѣдешь.... душка, Sophie, оставайся еще погостить, ну, денька на два.

— Ни за что Маша, я воображаю, какъ папаша скучаетъ.

— Твой папаша несносный! намъ съ тобой такъ весело, мы вотъ говоримъ, смѣемся, а безъ тебя, ты только подумай, мнѣ вѣдь не съ кѣмъ слова сказать, все одна да одна! — Она немножко надулась.

— Ахъ, Маша, у васъ постоянно гости? замѣтила Софья Ивановна.

— Такъ что-жъ гости, все больше мужчины, а кромѣ тебя у меня нѣтъ ни одной подруги, папаша и то мнѣ хочетъ компаньонку взять, да это что!... другая такая несносная попадется, пожалуй важничать будетъ.— Она задумалась.— Sophie, миленькая Sophie, нѣсколько спустя, вдругъ произнесла Марья Григорьевна:— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову.... душка Sophie, переѣзжай ко мнѣ!

— Какъ къ тебѣ?

— Ну, да, переѣзжай ко мнѣ жить.

— Что ты Маша, развѣ это можно?!

— Разумѣется можно, ты упроси своего папашу, а я скажу своему, вѣдь мнѣ же нужно компаньонку, вотъ ты и будешь моимъ другомъ, мы тебѣ жалованье положимъ.... вмѣстѣ будемъ ѣздить, спать въ одной комнатѣ.... душка, Sophie, миленькая, согласиись! говорила Марья Григорьевна, обнимая свою подругу.

Софья Ивановна совершенно растерялась.

— Маша, да развѣ я могу, что ты!... какъ же останется папаша, говорила она.

— Ну, онъ будетъ пріѣзжать къ намъ, съ полною увѣренностію замѣтила Марья Григорьевна. — Нѣтъ, я сама упрошу его, продолжала она, вѣдь ты.... ты согласна?

— Боже мой, я такъ люблю тебя, мнѣ такъ пріятно здѣсь, я такъ благодарна тебѣ, только.... да нѣтъ, этого нельзя, какъ же я?... это невозможно!

— Ахъ, Sophie, да ты разсуди только, ты будешь получать хорошее жалованье, прекрасно одѣваться, я тебя дарить буду, вѣдь ты же говоришь, что тебѣ дома скучно да скучно? — что ты все одна, не имѣешь никакого удовольствія, а тутъ, подумай только, у тебя все будетъ; правда, ты согласна? — Она устала глаза на Софью Ивановну.

— Нѣтъ Маша, папаша меня ни за что не отпустить! рѣшительно отвѣтила послѣдняя и вздохнула.

Марья Григорьевна нетерпѣливо пожала плечами.

— Боже мой, ты не сердись, Sophie, а только твой папаша право противный! Ну, пускай онъ переѣдетъ сюда поближе, ходить къ намъ хоть цѣлый день, не все ли ему равно?! — Вотъ что Sophie, когда ты приѣдешь домой, ты скажи своему папашѣ, что вотъ такъ и такъ, объясни ему, а я попрошу своего къ вамъ съѣздить, тогда твой отецъ конечно согласится, не можетъ же отказать онъ?

— Ахъ, что ты, нѣтъ, нѣтъ, этого нельзя, какъ можно! поспѣшно, какъ бы испугавшись, произнесла Софья Ивановна.

Нѣсколько времени еще спорили и толковали подружки. Марья Григорьевна продолжала упрашивать, сердилась, представляла всѣ выгоды, Софья Ивановна отказывалась какъ-то нехотя, не по своему убѣжденію, а только изъ состраданія къ отцу.

Вообще, на задуманный планъ обѣ подружки смотрѣли съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Марья Григорьевна видѣла въ немъ исключительно собственное свое удовольствіе, ей хотѣлось имѣть возлѣ себя существо, вполне ей преданное, такое, съ которымъ бы она могла болтать когда ей вздумается, смѣяться, когда захочется, сердиться и мириться по своимъ капризамъ, которое, хотя по наружности, восхищалось бы ея радостями, горевало ея горемъ, думало одинаково съ нею. — Она не любила, наприимѣръ, спать одна въ комнатѣ, а класть съ собою горничную дѣвушку считала униженнымъ; иногда ей хотѣлось подѣлиться впечатлѣніемъ, передать какую нибудь тайну своего сердца, отецъ или братъ не поймутъ ее или засмѣются надъ пансіонскими замашками, а другаго близкаго человѣка, никого не было. — Словомъ, ей хотѣлось имѣть друга, но друга ей вполне покорнаго, обязаннаго, не имѣющаго одинаковыхъ правъ съ нею, друга, который бы признавалъ ея первенство и преклонялся ему. — Sophie, наостривъ уши, съ разгорѣвшимися щеками, слушала когда Марья Григорьевна болтала о своихъ удовольствіяхъ; Sophie восхищалась ее нарядями, уди-

взялась ея роскоши и богатству, умилялась предъ ея величіемъ, вздыхала глядя на ея дорогіе браслеты, наконецъ, Sophie отличалась скромностію, умѣньемъ ужитья, характеромъ способнымъ поддаться постороннему влиянію, и во всемъ этомъ олицетворяла собою того друга, котораго искала Марья Григорьевна.

Напротивъ, Софья Ивановна, въ задуманномъ планѣ видѣла единственную возможность измѣнить свой скучный образъ жизни. Ей представились и богатые наряды, которые она надѣлаетъ изъ получаемаго жалованья, и выѣзды, и вообще вся эта беззаботная и легкая жизнь, которая легѣла ея подругу, и которой втайнѣ она завидовала; Софья Ивановна не задумалась бы произнести — да; она готова была тотчасъ согласиться на предложеніе Марьи Григорьевны, но ее остановившала мысль объ отцѣ, и сожалѣніе о немъ. Она не знала, какъ объявить свое желаніе. То ей казалось, что отецъ обрадуется ея намѣренію, возможности пользоваться всѣми удобствами богатой жизни. «Что-жь, говорила она сама съ собою, я вѣдь въ Петербургѣ останусь, папаша будетъ меня видѣть; я его также буду любить, онъ будетъ знать, что меня ласкаютъ, что я весела, покойна, ему же лучше; я отъ него ничего не потребую, наконецъ, онъ долженъ считать за честь себѣ!..» То какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ей: «Нѣтъ, это огорчить, убѣть твоего отца, стало быть ты не любишь его, ты заботишься только о себѣ, о пустыхъ удовольствіяхъ, ты не помощь, а бремя его». И Софья Ивановна задумалась. «Господи! что мнѣ дѣлать?» шептала она. «Нѣтъ, я люблю папашу, я не оставлю его!»

— Прощай, Sophie! — говорила Марья Григорьевна, цѣлуя свою подругу: — смотри же я не на долго расстаюсь.

— Прощай, Маша, благодарю тебя! — грустно отвѣтила Софья Ивановна, — очень, очень благодарю, я теперь ничего не знаю, потомъ увижу, скажу тебѣ, — добавила она.

— Не потомъ, а скорѣй, скорѣй, какъ можно скорѣй! — замѣтила первая.

Онѣ крѣпко поцѣловались и расстались.

— Что ты, Сонечка, словно огорчена чѣмъ, словно сказать что-то хочешь, говорилъ Иванъ Петровичъ въ тотъ же день вечеромъ: — ужъ не обидѣли ли тебя въ гостяхъ-то?

— Ахъ, папаша, что это вы право говорите, въ этакое донѣ и обидѣли!.. тамъ такъ пріятно, весело, не замѣчаешь какъ и время проходитъ, отвѣтила она со вздохомъ, какъ бы сожалѣніе о прошедшемъ.

— Ну и слава Богу! я вѣдь такъ только изъ любви же къ тебѣ сказалъ; мнѣ все кажется, что вотъ ты точно скучаешь дома, точно недовольна чѣмъ?

— Полноте, папаша, ужъ у меня характеръ такой, нельзя же смѣяться все.

Софья Ивановна немножко надулась; въ комнатѣ все замолчало.

— Вотъ Богъ дастъ послѣ 1-го Мая въ Екатерингофъ будемъ ходить, началъ Иванъ Петровичъ, воздухъ тамъ, Сонечька, чудесный, качели есть.

— Фи, папаша, какъ вамъ не стыдно, кто-жъ тамъ гуляетъ!.. лучше же я въ Павловскъ поѣду, къ Машѣ. Иванъ Петровичъ ничего не отвѣтилъ и задумался.

— Скучаешь ты, Сонечька, дома, заговорилъ онъ нѣсколько спустя:—Богъ тебя знаетъ, а только скучаешь; ты бы вотъ работою какой нибудь занялась, рукодѣльемъ.

— Купите мнѣ бархату и синели, я вамъ туфли вышью.

— Куда же мнѣ такія туфли, некстати!.. Вонъ и въ хозяйствѣ мало ли что найдется, только посмотрѣть такъ работы не оберешься, что починить, поправить, что самой сдѣлать, что кухарку заставить... Иванъ Петровичъ замолчалъ и изъ подлѣбья взглянулъ на дочь. — Она плакала.

— Господи! Сонечька, что съ тобой?!.. произнесъ онъ почти съ ужасомъ, разводя руками. Сонечька, ангелъ мой, да развѣ я тебя чѣмъ обидѣлъ?.. ну, ну не сердись, прости меня, вѣдь я дуракъ, старый дуракъ! говорилъ Иванъ Петровичъ сквозь слезы.

Софья Ивановна заплакала сильнѣй.

— Господи! да что-жъ это такое?.. сокровище ты мое, ну, коли виновата, накажи меня, что-ли, — не плачь только, Сонечька! а Сонечька.

— Богъ съ вами, папаша, отвѣтила Софья Ивановна всхлипывая:—развѣ я затѣмъ воспитывалась, чтобъ работать только; ужъ лучше бы вы меня и домой не брали; насъ не учили всякую дрянъ дѣлать, не въ ключницы же я готовилась!

Иванъ Петровичъ не зналъ, что и отвѣчать. Онъ только цѣловалъ руки дочери, какъ бы прося у нее прощенія за нанесенное оскорбленіе. — Софья Ивановна долго не могла утѣшиться, но, наконецъ, предложеніе отца ѣхать къ какимъ-то знакомымъ нѣсколько успокоило ее.

Вообще, съ этого вечера отношенія между отцомъ и дочерью сдѣлались какъ-то холодны и натянуты. Софья Ивановна явно выказывала свое неудовольствіе на все окружающее, иногда отвѣчала отцу какъ-то нехотя, иногда по нѣскольку часовъ сряду сидѣла задумавшись, иногда плакала, безъ всякой видимой причины. У Ивана Петровича, отъ такого обращенія ныло сердце; чѣмъ только могъ, онъ старался угодить дочери, кое-какъ развеселить, разговаривать, занять ее; но всѣ его старанія не только не имѣли успѣха, напротивъ, дѣйствовали отрицательно.

Однажды, нѣсколько дней спустя, Софья Ивановна вдругъ повеселѣла, она шутила, смѣялась, прыгала, безпрестанно цѣловала отца. Иванъ Петровичъ также развеселился и надвигаться не могъ внезапной, неожиданной переменѣ.

— Папаша, голубчикъ папаша! говорила она, крѣпко сжимая руки отца:— знаешь, у меня къ тебѣ просьба есть, ты не откажешь, не осердишься на меня?

— Что ты, Сонечька, Богъ съ тобой, да могу ли я сердиться на такого ангела, лишь бы весела была да спокойна! — Небось новую шляпку хочется, вотъ погоди, получимъ мы жалованье, вмѣстѣ къ Французенкѣ поѣдемъ и выберемъ!

— Что шляпку, не шляпку, папаша... угадай! Она пристально посмотрѣла на отца.

— Ну, гостинцу что-ли какого?

— И не гостинцу!— Она съ досадою махнула рукой. Знаешь, мнѣ ничего не нужно, ничего, ничего!.. только... ну, вотъ что, отпусти меня жить къ Машѣ, вдругъ произнесла она, проворно поцѣловала Ивана Петровича и взглянула на него такъ, какъ будто заранѣе хотѣла знать, какое дѣйствіе произвели слова ея.

— Что ты сказала Сонечька? какъ жить?.. вѣдь ты со мной живешь, у себя дома, въ недоумѣніи отвѣтнѣть отецъ, не совсѣмъ понимая просьбу дочери.

— Такъ папаша!.. вотъ видишь ли, я давно собиралась сказать... Маша меня такъ любитъ, тамъ такъ ласкаютъ меня... ну, и папаша ея хочетъ взять къ ней компаньонку; вотъ Маша и предлагаетъ мнѣ... они и жалованье положить... я отъ тебя ничего не буду требовать, мнѣ тамъ весело будетъ!

Иванъ Петровичъ не зналъ что отвѣчать, казалось онъ не довѣрялъ ушамъ своимъ и вопросительно смотрѣлъ на дочь.

— Да, какъ же, Сонечька?.. что это говоришь ты?!.. какъ требовать ничего не будешь; да развѣ я запрещаю тебѣ требо-

вать?.. Господи! да требуй ты у меня, заключилъ онъ какъ-то отчаянно.

— Ахъ, папаша, я сама буду получать жалованье, тебѣ же лучше... у нихъ такъ хорошо, они такъ любятъ меня!

— Любить!.. Господи! да побойся Бога, Сонечька, опомнись, подумай что говоришь ты, да развѣ я-то не люблю тебя, кто-жъ можетъ любить такъ, развѣ я могу жить безъ тебя, что ты... Господи, Господи! до какого сраму дожили!.. когда я умру, тогда дѣлать нечего, ступай въ чужіе люди, а покажѣсть живъ, совѣсть у меня не повернется на такое дѣло!

— Значить вы не хотите мнѣ счастья, Богъ съ вами, отвѣтила Софья Ивановна сквозь слезы:—а только я умру здѣсь, я не могу такъ жить, я непременно умру! добавила она и заплакала.

Иванъ Петровичъ хотѣлъ что-то сказать, но махнулъ рукой и самъ заплакалъ.

— Что-жъ, ступай! говорилъ онъ нѣсколько минутъ спустя, отпустить тебя по своей волѣ я не могу, ну, а насильно тоже не удержишь, насильно какая жизнь, тягость одна! — Что-жъ, ступай, если сердце ни о комъ не болитъ, если свой домъ постылъ, въ чужихъ людяхъ лучше, отецъ что!.. отецъ вотъ ѣздилъ, ѣздилъ, а не то и пѣшкомъ въ пансіонъ таскался, просилъ, выпрашивалъ, изъ послѣдняго все отдавалъ, думалъ выйдеть дочь на радость, на утѣху ему, а вышла дочь, какъ чужой человекъ точно!.. Что-жъ, ступай, у отца вонъ комнатки маленькія, не то что ваши залы тамъ, парадныхъ каретъ тоже нѣтъ, отецъ дряннъ, бѣднякъ, не генералъ, что въ немъ!.. Ступай, Соня, ступай, прыгай, танцуй!.. Я только одно скажу—вспомнишь ты меня да поздно будетъ; своя черствая корка лучше чужихъ ананасовъ! заключилъ онъ, вставая и уходя въ свою комнату.

Софья Ивановна продолжала плакать.

— Полно, Сонечька! заговоришь снова Иванъ Петровичъ, вѣдь ты свои слезами все сердце мнѣ высушишь, вѣдь я же говорю тебѣ, дѣлай какъ хочешь; о чемъ же плакать-то.

— Вы сердитесь на меня! проговорила она попрежнему.

— Что мнѣ сердиться, отвыкла ты отъ отца да и все тутъ!.. я не сержусь, а сердце у меня разрывается, я бы лучше согласился камни ворочать, чѣмъ твои слезы видѣть, жгутъ онѣ меня, Соня, жгутъ!..

— Ну перестань, прошу тебя! продолжалъ онъ подходя къ Софьѣ Ивановнѣ.

— Папаша, простите меня! произнесла, она ухвативъ руку отца и покрывъ ее подѣлуями.

Иванъ Петровичъ просвѣтлѣлъ; на лицѣ его показалась улыбка; онъ все забылъ, бросился успокоивать дочь и кончать тѣмъ, что самъ же просилъ у нее прощенія. Софья Ивановна перестала плакать, однако не развеселилась, сидѣла угрюмо, молча, жаловалась на головную боль и легла спать раньше обыкновеннаго.

На другой день, въ отсутствіи отца, она написала слѣдующее письмо къ Марьѣ Григорьевнѣ.

«Милая Маша! пожалѣй меня, я такъ несчастна, что не въ состояніи тебѣ выразить всего того, что чувствую! — Все кончено! — Прощай мой ангелъ; быть можетъ я скоро умру, если это случится, приди ко мнѣ на могилу и вспомни обо мнѣ. Вчера я говорила папашѣ о твоёмъ предложеніи, онъ и слышать не хочетъ, упрекаетъ меня, да я и сама знаю, Маша, что это убьетъ его; мнѣ теперь самой себя стыдно, совѣстно. — Господи! къ чему ты затѣяла это, теперь я и на денегъ не смѣю попроситься къ тебѣ. А такъ жить, какъ живемъ мы, я не могу; вообрази, кромѣ какого-то противнаго старика, папашинаго друга, ни одна душа человѣческая не заглядываетъ къ намъ, я все одна, все одна; мы живемъ въ двухъ комнатахъ маленькихъ, низенькихъ; у меня нѣтъ горничной, я сама себя одѣваю, сама себѣ чешу голову, постель моя стоитъ по цѣлымъ днямъ не убранная, сама я не умѣю, а кухарку съ ея грязными руками не пускаю. Ради Бога, Маша, не рассказывай этого никому, особенно пзъ нашихъ; не ссорь меня съ бѣднымъ отцомъ: я люблю его, но жить съ нимъ невыносимая скука. Помнишь ли въ пансіонѣ какіе планы мы составляли и что-же!?!.. увы! — Пожалѣй меня, Маша; дѣлай какъ знаешь, пусть что будетъ, то будетъ, я бы почла себя счастливою еслибъ могла жить у тебя, а только не бывать этому, противъ воли папашы я никогда не пойду; вѣдь я одна у него. — Прощай Маша, и прощай на всегда; будь весела, счастлива и забывай о своей горюющей Сонѣ. Незабывный другъ твой Sophie Riabinkine».

Она перечитала письмо, сложила, запечатала, надписала адресъ Марьи Григорьевны и отправила на городскую почту.

Прошло съ недѣлю.

Однажды, послѣ обѣда, Иванъ Петровичъ по обыкновенію

спалъ у себя на диванѣ; Софья Ивановна сидѣла задумавшись и перелистывала какую-то книгу. — Въ комнату вбѣжала Матрена.

— Баринъ, барышня! говорила она запыхавшись:—генералъ пріѣхалъ, барина спрашиваютъ!.. Иванъ Петровичъ, батюшка!.. со звѣздой пріѣхалъ! добавила она, растакивая своего господина.

Софья Ивановна почему-то поблѣднѣла и бросилась къ зеркалу оправлять волосы. — Иванъ Петровичъ вскочилъ, какъ угорѣлый, хватился за виць-мундиръ. — Матрена побѣжала на кухню. — Въ комнату вошелъ Григорій Сергѣичъ Копанскій.

— Pardon, Софья Ивановна, произнесъ онъ, слегка кланяясь и протягивая ей руку:—вы не ожидали... извините.

Софья Ивановна совершенно растерялась и не знала, что отвѣчать.

Копанскій окинулъ взоромъ комнату и скорчилъ легкую гримасу.

— Ваше превосходительство, такъ неожиданно, пробормоталъ, низко кланяясь, вошедшій Иванъ Петровичъ.

— Аа!.. мы, кажется, немножко знакомы, произнесъ Григорій Сергѣичъ, протягивая хозяину два пальца.

— Помилуйте, ваше превосходительство, я можно сказать нестою этакой чести... дочь моя такъ много обязана вашему превосходительству! повторилъ Иванъ Петровичъ, кланяясь и подвигая къ Копанскому кресло.

— Софья Ивановна обязана только своимъ достоинствамъ, ее нельзя не любить, отвѣтилъ гость, нѣсколько покровительственнымъ тономъ. — Я пріѣхалъ къ вамъ съ маленькимъ предложениемъ, добавилъ онъ, усаживаясь на кресло и указывая хозяину на противоположный стулъ.

У Софьи Ивановны тряслись руки, щеки ея горѣли, она такъ взглянула на отца, какъ будто отъ словъ его зависѣла ея участь и сѣла поодаль.

— Дочь моя такъ привыкла къ Софьѣ Ивановнѣ, такъ любить ее, я съ своей стороны такъ уважаю, цѣню ее... отпустите ее къ намъ погостить, да подольше, на лѣто, а тамъ...

— Благодарю, ваше превосходительство, за честь, а только... какъ ей угодно, это не отъ меня зависитъ, — какъ она хочетъ такъ пусть и дѣлаетъ, дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Eh bien! вы конечно не откажете намъ въ этомъ удоволь-

ствѣи? произнесъ увѣреннымъ тономъ Копанскій, обращаясь къ Софѣ Ивановнѣ.

— Merçi, mon general! какъ угодно папашѣ, отвѣтила она.

— Какъ папашѣ? папаша предоставляетъ вамъ, замѣтилъ Григорій Сергѣичъ. — Молодой образованной дѣвицѣ нужно развлеченіе, продолжалъ онъ, въ моемъ домѣ вы увидите хорошее общество; я полагаю, что какъ вы, такъ и вашъ батюшка будете рады воспользоваться случаемъ; мой экипажъ къ вашимъ услугамъ, вы можете всегда навѣщать вашего папашу, да притомъ, милости просимъ ко мнѣ, что-жъ я очень радъ! добавилъ онъ, обращаясь къ Ивану Петровичу.

— Слишкомъ много чести, ваше превосходительство, я не заслужилъ... какъ ей будетъ угодно.

— Eh bien, vous consentez? произнесъ генералъ.

— Ça depend de mon père; отвѣтила Софья.

Копанскій пожалъ плечами.

— Я надѣюсь, Иванъ Петровичъ, что вы повѣрите моему слову, вѣроятно его достаточно, — я ручаюсь, что вашей дочери будетъ у меня хорошо, она будетъ весела, довольна, счастлива... не лишайте же ее этого счастья... Я завтра пришлю за ней карету?

— Какъ ей будетъ угодно, ваше превосходительство! снова повторилъ Иванъ Петровичъ.

— Боже мой! да ей угодно! нетерпѣливо замѣтилъ генералъ.

— Слушаю, ваше превосходительство... Сонечка, ты согласна? вопросительно, не твердымъ голосомъ, произнесъ Иванъ Петровичъ.

— Согласна папаша! не совѣмъ рѣшительно отвѣтила Софья Ивановна.

— Такъ пріѣдетъ, ваше превосходительство! я никакъ не ожидалъ такой чести для себя, думалъ бѣдная дочь скучать съ отцомъ будетъ, дѣлать съ нимъ горе и нужду, а ей, вонъ какое счастье вышло!.. Пріѣдетъ ваше превосходительство! рѣшительно добавилъ Иванъ Петровичъ и поклонился.

Григорій Сергѣичъ всталъ, опять протянулъ хозяину два пальца, пожалъ руку хозяйкѣ, повторилъ снова свое обѣщаніе прислать завтра карету, кивнулъ головой и уѣхалъ.

— Господи! какой срамъ! что скажутъ, что подумаютъ о насъ!.. здѣсь такой безпорядокъ, я воображаю ему противно сидѣть было, посмотрите, какое грязное кресло! почти со слезами говорила Софья Ивановна обращаясь къ отцу своему.

— Чего-жъ тебѣ, Сонечка, стыдиться, вѣдь ты гостя здѣсь,

все это не твое; что тебѣ!.. у тебя тамъ богато, роскошно, а здѣсь что!.. живеть бѣдный чиновникъ, гдѣ-жъ ему за богатыми генералами гоняться, и лицо у него глупое, да гадкое, и говорить-то онъ не умѣетъ, ничтожество да и только, какъ не стыдиться.

— Вы опять упрекаете меня! замѣтила Софья Ивановна.

— Нѣтъ, Сонечка, нѣтъ, что ты, поспѣшно отвѣтилъ Иванъ Петровичъ: — за что мнѣ упрекать тебя, тамъ хорошо, а здѣсь дурно, ну извѣстно человѣкъ щцетъ гдѣ лучше, зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ лишать себя лучшаго, произнесъ онъ послѣднія слова сдавленнымъ голосомъ.

— Папаша, я къ тебѣ приѣзжать буду.

— Благодарю, приѣзжай коли милость будетъ; только здѣсь все просто, бѣдно и вонь кресла грязныя.

— Ничего папаша!.. я въ каретѣ приѣду, гостинца тебѣ привезу.

— Спасибо, Сонечка; я сытъ и безъ генеральскихъ лакомствъ, мнѣ и Матрена состряпаетъ.

— А знаешь, Маша всегда катается по Невскому, я съ ней буду ѣздить; ты пойдешь изъ должности и встрѣтишь насъ.

— Нѣтъ, Сонечка, я не хожу тамъ, тамъ задавятъ меня, куда мнѣ по Невскому!

На другой день, уходя въ должность, Иванъ Петровичъ простился съ дочерью, крѣпко обнявъ, нѣсколько разъ поцѣловалъ и перекрестилъ ее.

— Какъ же, папаша, развѣ я безъ тебя уѣду?—спрашивала она, цѣлуя отца.

— Безъ меня, Сонечка, да что-жъ мнѣ и быть-то тутъ, зачѣмъ? — Онъ отвернулся, и слезы градомъ упали на рукавъ его потертаго виць-мундира.

— Боже мой, ты плачешь кажется? вопросительно замѣтила Софья Ивановна.

Иванъ Петровичъ быстро оправился, и лицо его принужденно прояснилось.

— Что ты, Сонечка?.. да, о чемъ плакать мнѣ, ѣдешь ты для своего счастья, ну и съ Богомъ, прощай, прощай голубушка, въ должность пора! поспѣшно произнесъ онъ, поцѣловалъ дочь и быстро вышелъ изъ комнаты.

Скоро приѣхала и генеральская карета. — Софья Ивановна схватила свои пожитки, узелокъ да двѣ или три картонки, ска-

зала мимоходомъ кухаркѣ Матренѣ: «прощай,» прыгнула въ карету и уѣхала.

Возвратился Иванъ Петровичъ изъ должности, противъ обыкновенія крикнувъ за что-то на Матрену, велѣлъ подавать обѣдать, снялъ съ себя виць-мундиръ и швырнулъ его, потомъ сѣлъ за столъ, налилъ тарелку супу, сѣлъ нѣсколько ложекъ и заплакалъ. Нѣсколько минутъ просидѣлъ онъ, подперевъ рукою голову, безпрестанно утирая свои слезы, какъ бы стыдясь ихъ или боясь, чтобъ его кто не замѣтилъ въ этомъ положеніи, наконецъ, тяжело вздохнулъ, выпилъ водки и снова принялся за супъ, только два или три раза точно слеза канула изъ глазъ его на подносимую ко-рту ложку.

III.

— Sophie! душка Sophie! говорила Маша встрѣчая подругу.—
Сережа, папаша! Sophie пріѣхала! кричала она и бросилась цѣловать Софью Ивановну.

Въ гостинную вошли Григорій Сергѣичъ и сынъ его.

— Ну, ужъ папенька вашъ, говорилъ первый, смѣясь, такой упрямый старикъ, насилу уломалъ, право!

— Pardon mon general, мнѣ такъ совѣстно было; вы сами безпокоились, отвѣтила гостья, низко присѣдая.

— Bonjour, je suis charmé de vous voir; произнесъ Сергѣй, крѣпко пожимая руку Софьѣ Ивановнѣ.

— Пойдемъ Sophie, пойдемъ; я покажу тебѣ твою комнату, говорила Маша, уводя ее за собой.

Отецъ съ сыномъ переглянулись и засмѣялись.

— Вотъ видишь, во-первыхъ, ты спать со мной будешь, а не могу одна спать; во вторыхъ, вотъ эта комната твоя, а рядомъ моя, — неправда-ли какъ хорошо? Софья Ивановна взглянула.

Дѣйствительно, отведенная ей небольшая комната была мило убрана. Въ ней стояли: маленькій диванъ, столикъ, три покойныхъ кресла, комодъ, туалетъ съ разными вещами и нѣсколько вазъ съ цвѣтами.

— Вотъ Sophie, это твоя горничная. — Чему ты, дура, ухмыляешься? неожиданно добавила дочь генерала, обращаясь къ

вошедшей дѣвушкѣ лѣтъ шестнадцати. Оторопѣлая служанка нахмурилась, и дико оглянула свою новую госпожу.

Весь этотъ день прошелъ очень весело; подружки хохотали, болтали безъ умолку, обнимались, и долго не могли уснуть первую ночь, разгоряченныя мечтами и будущими планами.

На другое утро Софья Ивановна отправилась по магазинамъ и на полученныя деньги накупила себѣ разныхъ обновъ. — Теперь, болѣе чѣмъ прежде, она видѣла необходимость въ щегольскихъ, дорогихъ нарядахъ; во-первыхъ потому, что она жила въ такомъ домѣ, гдѣ нельзя было одѣваться дурно, гдѣ она была постоянно на виду, въ обществѣ, не то что въ Коломнѣ у Покрова; во-вторыхъ, ей не хотѣлось, отстать отъ Маши. Правда, на ея деньги нельзя было сдѣлать многого, по неволѣ пришлось ограничиться необходимымъ, но и въ этомъ необходимомъ она искала блеска и роскоши. Софья Ивановна заказала щегольскую шляпку, купила дорогою матеріи на платье, между тѣмъ какъ для нее, быть можетъ, гораздо полезнѣе было сдѣлать два платья попроще.

Жизнь Софьи Ивановны измѣнилась совершенно. Отъ тѣхъ же уединенія она перешла къ великосвѣтскому кругу, ложилась поздно, вставала чуть не за-полдень; горничная убирала, чесала, одѣвала ее. Затѣмъ начинались визиты, приемы, гулянья и время до обѣда проходило мгномъ. Съ новой обстановкой жизни сталъ измѣняться и самый характеръ Софьи. Изъ наивной пансіонерки, она вдругъ выросла до свѣтской барышни, начинала чувствовать вліяніе всѣхъ мелкихъ, но ѣдкихъ страстей, которыя даже постепенно и незамѣтно волновали ея дѣвственной душой.

При такихъ условіяхъ, нѣкогда было Софьѣ Ивановнѣ раздумывать о своемъ положеніи, она не вспоминала о прошедшемъ, не заботилась о будущемъ, а носилась въ вихрѣ настоящаго и не имѣла ни силъ, ни времени остановиться и отдохнуть. Иногда, ложась спать, она какъ будто задумывалась о чемъ-то, но Марья Григорьевна болтала безъ умолку и вызывала свою подружку отвѣчать. Однимъ словомъ, Софья Ивановна не принадлежала сама себѣ, она жила и дѣйствовала такъ, какъ заставляли ее окружающія обстоятельства. Нельзя сказать, чтобъ такая жизнь не нравилась ей; напротивъ, она была довольна и весела какъ нельзя болѣе, не только Маша, но и отецъ и братъ ея, были вполне любезны, предупредительны, добры до своей нахлѣбницы. Послѣдній въ-особенности, иногда довольно долго заглядывался на Софью Ивановну, какъ будто искалъ случая го-

ворить съ ней, думалъ сказать что-то необыкновенное и не рѣшался. Софья Ивановна, Богъ знаетъ почему, старалась избѣгать Сергѣя Григорыча, если ей случалось оставаться съ нимъ наединѣ, она тотчасъ же выдумывала какой-нибудь предлогъ и уходила.

Въ первое время своего пребыванія у Копанскихъ, Софья Ивановна часто переносилась въ сѣрый деревянный домикъ въ Коломнѣ, часто раздумывала о своемъ отцѣ, о его одиночествѣ и не разлучной съ нимъ скукѣ. На третій день, послѣ своего отъѣзда, она написала къ нему длинное письмо, въ которомъ умоляла его не сердиться и подробно описывала свою новую жизнь, со всѣми ея выгодами. — Вскорѣ Софья Ивановна лично навѣстила отца, просидѣла у него часа два или три, плакала, обнимала, цѣловала его. — Разъ какъ-то она успѣла уговорить старика отпраздновать въ гости къ Копанскимъ. Тщательно осмотрѣла его туалетъ, посадила съ собой въ карету, дорогой учила что и какъ говорить. Иванъ Петровичъ обѣдалъ у генерала, благодарилъ его за участіе къ дочери и былъ радъ радеюнкѣ, когда вырвалась изъ генеральской гостинной.

«Нѣтъ, не пойду туда больше,—думалъ онъ, идучи къ себѣ домой:—не по мнѣ тамъ, душно, неловко какъ-то, не знаешь какъ сѣсть, какъ повернуться, такъ и кажется, что всѣ смѣются надъ тобой, пальцемъ на тебя показываютъ... Да и что за роль моя тамъ, велика штука, всякій подумаетъ: хорошъ отецъ, Христа ради дочь призрѣли, такъ и самъ тоскается!.. хочеть Сонечка, такъ пусть ко мнѣ пріѣзжаетъ, а я... нѣтъ, не пойду туда!

А чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше и больше сожалѣніе объ отцѣ изглаживалось изъ сердца дочери, ей казалось, что жизнь ея въ постороннемъ домѣ совершенно естественна, что иначе она не можетъ, не должна жить, что сфера отцовской жизни существуетъ только для него, а для нея она слишкомъ тѣсна и неприлична. Что касается до Ивана Петровича, то первое время своего одиночества онъ не зналъ, куда дѣваться отъ тоски, внутренне обижался на дочь, на самого себя, жаловался на свою горькую участь, все стало не мило, противно ему, но потомъ, мало-по-малу, время замазало отцовскія раны, грусть его утихла, сдѣлалась ровнѣе, казалось онъ привыкъ къ своему положенію, тѣмъ болѣе, что Софья Ивановна всегда пріѣзжала такая веселая, счастливая, что нельзя было не сочувствовать ей, не радоваться на нее глядя.

Только прощаясь съ дочерью, предъ отъѣздомъ Копанскихъ на дачу, горько заплакалъ старикъ.

— Папаша! что съ тобой? говорила Софья Ивановна,—развѣ я на вѣкъ ѣду, полно папаша, какъ не стыдно тебѣ!

— Нѣтъ, Сонечька, ничего... сгрустнулось что-то... за тебя радуюсь, веселись... что-жъ дѣлать, не привелось вмѣстѣ пожить, поѣзжай!.. пиши ко мнѣ, по-чаще пиши, не равно что случится, — тотчасъ напиши! говорилъ Иванъ Петровичъ, провожая дочь.

Однажды на дачѣ, въ саду, Софья Ивановна сидѣла на скамейкѣ и что-то работала.

Копанскихъ не было дома.

— Bonjour, Софья Ивановна! вдругъ произнесъ, неожиданно подкравшись, Сергѣй Григорьичъ.

Софья Ивановна вздрогнула и подняла глаза.

— Господи, какъ вы меня испугали, сказала она.

Копанскій принужденно засмѣялся.

— Что вы работаете? робкимъ голосомъ спросилъ онъ.

— Не скажу... сюрпризъ.

— Для меня?

— Нѣтъ!

Затѣмъ послѣдовала пауза. Сергѣй Григорьичъ закурилъ папироску.

— Вы позволите мнѣ здѣсь остаться? довольно тихо произнесъ онъ.

— Какъ вамъ угодно; развѣ я могу вамъ приказывать... вы изъ должности, можетъ вамъ кушать угодно; я прикажу, она приподнялась и хотѣла идти.

— Не безпокойтесь, Софья Ивановна, я сытъ.— Онъ замолчалъ. Скажите пожалуйста, отчего вы какъ будто избѣгаете говорить со мной?

— Я?.. нисколько, напротивъ!

— Не правда, Софья Ивановна, ну, скажите откровенно, все равно, я вижу, вы говорите не то, что думаете.

— Можетъ быть; произнесла Софья Ивановна очень тихо и покраснѣла.

— Что можетъ быть? подхватилъ Сергѣй Григорьичъ.

— Ну, да, можетъ быть, повторила Софья Ивановна.

— Боже мой, извините меня, я право сама не знаю, что говорю.

— Вот видите, стало быть моя правда, но отчего-же, что за причина?

— Не знаю.

— Не знаете!.. развѣ это отвѣтъ?

— Господи! какой вы несносный!.. ну, просто мнѣ незовко съ вами, я не умѣю говорить съ вами.

— А мнѣ, напротивъ, мнѣ хочется говорить, даже нужно говорить, очень робко замѣтилъ Сергѣй Григорьичъ.

Софья Ивановна ничего не отвѣчала и совершенно углубилась въ работу.

— Вы въ караулѣ были? спросила Софья Ивановна, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія.

— Въ караулѣ! отвѣтилъ со вздохомъ Сергѣй Григорьичъ. Молчаніе возобновилось.

— Софья Ивановна, вы не осердитесь на меня? смѣлке прежнего заговорилъ Сережа.

— Если будете говорить вздоръ, осержусь, — не твердымъ голосомъ отвѣтила Софья Ивановна.

— А если не вздоръ, если буду говорить о томъ, о чемъ не въ силахъ молчать, если сердце будетъ говорить за меня.

Софья Ивановна вспыхнула, руки ея задрожали, на глазахъ навернулись слезы.

— Ради Бога! произнесла она умоляющимъ голосомъ, ради всего святого, умоляю васъ, не говорите ничего, оставьте меня, я не могу, не должна говорить съ вами, оставьте меня или я убѣгу отъ васъ!

Копанскій растерялся и опустилъ глаза въ землю. — Софья Ивановна сидѣла какъ на иголкахъ, она не смѣла шевельнуться, боялась и уйти и остаться.

— Богъ съ вами! началъ Сережа нѣсколько минутъ спустя, простите, если я осмѣлился беспокоить васъ; извините меня, добавилъ онъ и отошелъ въ сторону.

Софья Ивановна воспользовалась случаемъ, вскочила и убѣжала изъ сада. На крыльцѣ она остановилась, обернулась, вздохнула свободнѣй, точно избавилась отъ чего-то страшнаго, и ушла въ свою комнату. — Сергѣй Григорьичъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ, потомъ сѣлъ, опустилъ голову и задумался...

— Господи, какой ты бука! бѣдная Sophie тамъ сидитъ одна, скучаетъ, а ему все равно! вдругъ заговорилъ чей-то голосъ.

Копанскій поднялъ глаза, передъ нимъ стояла сестра.

Съ этого времени Софья Ивановна еще больше стала избѣ-

гать Сергѣя Григорьича, при встрѣчѣ съ нимъ она краснѣла, отворачивалась, мѣшлась и при первой возможности уходила къ себѣ въ комнату. — Тамъ она дышала вольнѣй; ей хотѣлось подольше пробыть одной, но скоро вбѣгала Маша и заставляла свою подругу болтать и принужденно улыбаться.

— Знаешь, что Sophie, говорила какъ-то Марья Григорьевна, я замѣчаю, въ послѣднее время, ты пережѣнилась что-то, какъ будто скучаешь, точно боишься чего-то, ты не откровенна, что съ тобой?

— Ничего Маша, напротивъ, я такъ много обязана тебѣ и всему твоему семейству, такъ весела, спокойна!

— Неправда, по глазамъ вижу, что неправда! отвѣтила Марья Григорьевна, всматриваясь въ свою подругу.

— Боже мой, ну весьма натурально, я думаю о папашѣ, давно не видала его, вотъ и все!

Маша засмѣялась. — Вздоръ, вздоръ! произнесла она.

— Послушай Sophie, ну будь откровенна, вѣдь я твой другъ, скажи мнѣ, я хочу знать, желаю этого, требую наконецъ.

— Господи, да мнѣ нечего сказывать, вѣдь это скучно Маша, оставь меня! умоляющимъ голосомъ замѣтила Софья Ивановна.

Марья Григорьевна надулась. — Оставь! вотъ какъ! отвѣчала она:—я не знаю кому изъ насъ будетъ хуже, если мы оставимъ другъ друга. Извините, Софья Ивановна, я очень рада что этотъ случай показалъ мнѣ вашу преданность, вашу благодарность за все, что для васъ сдѣлали. Прощайте! прошу васъ не говорить со мной, я не могу видѣть подлѣ себя какую-то надутую особу! добавила она, хлопнула дверью и вышла вонъ изъ комнаты.

— Софья Ивановна встала и побѣжала вслѣдъ за нею.

— Маша, прости меня, говорила она, удерживая свою подругу за платье, клянусь тебѣ, у меня ничего нѣтъ, я сама не знаю отчего я разстроена, это пройдетъ, это такъ, ты обижаешь меня.

Марья Григорьевна продолжала играть роль обиженной; Софья Ивановна признала себя виновной, и подруги скоро помирились.

Нѣсколько дней спустя, человѣкъ подавъ Софѣ Ивановнѣ письмо съ городской почты. Адресъ былъ написанъ незнакомой рукой. Она взяла письмо, вышла въ свою комнату, распечатала конвертъ, вытащила изъ него большой листъ исписанной бумаги и взглянула на подпись, тамъ стояло: «Сергѣй Копанскій». — Софья Ивановна опустила руки, поблѣднѣла, быстро сложила письмо, сунула его опять въ пакетъ и спрятала въ карманъ, по-

томъ вытаскала снова, украдкой съ боязнію взглянула на него, опять спрятала, опять вытаскала, притворила дверь, сѣла на диванъ и начала читать. По временамъ, она вздрагивала, прислушивалась, при малѣйшемъ шорохѣ прятала письмо, то блѣднѣла, то на щекахъ ея вспыхивалъ румянецъ.

«Софья Ивановна,» писалъ Копанскій. — «Простите меня, если я осмѣливаюсь писать къ вамъ; обстоятельства сильнѣй моеѣ воли. Лично вы не позволяете говорить съ вами, молчать же и скрываться долѣе я не могу; умоляю васъ только объ одномъ, прочтите эти строки и затѣмъ дѣйствуйте такъ, какъ скажетъ вамъ сердце. Я люблю васъ, Софья Ивановна, люблю всѣми силами души, только вы однѣ можете составить мое счастье, отъ одного слова вашего зависить все мое будущее, вся жизнь моя. Эта любовь не есть увлеченіе, нѣтъ, я долго не вѣрилъ самъ себѣ, долго старался отклонить всякую мысль о васъ, долго боролся самъ съ собой, но все это только болѣе и болѣе укрѣпило меня въ привязанности къ вамъ. Конечно, быть можетъ, вы не только не раздѣляете моего чувства, но даже осудите его. — Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, я не хочу долѣе обманывать себя, я долженъ выяснить свое положеніе, или счастье или горе, что нибудь изъ двухъ. Я не рассчитываю на ваше участіе или состраданіе, но я долженъ выразить вамъ мое желаніе; захотите ли вы принять его, или нѣтъ, все равно, не стѣсняйте ни чѣмъ, дѣйствуйте искренно, и вѣрьте, что я съумѣю перенести ударъ, такъ точно, какъ оцѣнить вашу преданность. Я прошу у васъ, Софья Ивановна, вмѣстѣ съ рукой сердце, и что вы будете счастливы, въ томъ клянусь предъ Богомъ и предъ людьми; подумайте и скажите мнѣ, да или ~~нѣтъ~~, и ничего больше. Объ остальномъ не беспокойтесь, все устроится, сестра моя будетъ очень рада, отецъ не станетъ противорѣчить мнѣ. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ и что такъ долго сказать не рѣшался, умоляю васъ пожалѣйте меня нѣсколько, не томите меня и чѣмъ-бы то ни было, рѣшите мою участь!»

Она кончила, положила на колѣни письмо и заплакала. Въ комнату вошла Марья Григорьевна. Софья Ивановна быстро схватила письмо и сунула его въ карманъ.

— Боже мой! что это значить, Sophie, ты плачешь? говорила Копанская, съ удивленіемъ и участіемъ глядя на свою подругу.

Софья Ивановна совершенно смѣшалась; она утирала платкомъ мокрые глаза свои и принужденно улыбалась.

— Ты читала что-то; письмо, отъ кого, что такое? продолжала Марья Григорьевна.

— Отъ папаши, такъ, на меня тоска нашла! отвѣтила Софья Ивановна и опустила руку въ карманъ.

— Что-жъ онъ пишетъ, покажи мнѣ, Sophie.

— Не могу, Маша, ни за-что не могу, тамъ секретъ, не про-си меня! Она крѣпче сжала письмо.

— Послушай, Sophie! если ты считаешь меня своимъ другомъ, если сколько нибудь любишь меня, дорожишь мною, покажи письмо... клянусь тебѣ, чтобы ни было, я никому не скажу! Она протянула руку.

Софья Ивановна колебалась.

— Нѣтъ! сказала она рѣшительно, сердясь, брани меня, дѣлай что хочешь, но не могу!

Любопытство Маши было сильно затронуто, она догадывалась, что письмо было не отъ отца, а отъ посторонняго чело-вѣка, — только братъ не приходилъ ей въ голову.

— Я знаю отъ кого письмо, вдругъ произнесла она и глаза ея заблестали:—это подло, низко, ты знаешь, что я не равнодушна къ нему, что я можетъ люблю его, а ты... Софья Ивановна всплеснула руками.

— Господи! клянусь тебѣ ты ошибаешься: — Маша, Маша! что ты думаешь обо мнѣ! съ отчаяніемъ произнесла она.

— Такъ покажи письмо, дай мнѣ взглянуть только, я не буду читать его.

— Не могу! повторила Софья Ивановна.

Марья Григорьевна злобно засмѣялась и опустилась на стулъ.

— Я не такъ глупа, какъ ты думаешь, заговорила она:— это вмѣсто благодарности, за то что я вывела тебя изъ нищихъ, обласкала, нарядила, возила на вечера, обращалась какъ съ другомъ, съ сестрой, за то наконецъ, что я унизилась, забыла свое званіе, свое положеніе въ обществѣ и стала наравнѣ съ тобой, съ дочерью бѣднаго чиновника, подобнаго тѣмъ, которые по нѣскольку часовъ сряду дожидаются здѣсь, въ передней отца моего.

Она презрительно улыбнулась.

Софья Ивановна встала.

— Маша, ты сама не помнишь, что говоришь, произнесла она хладнокровно, но нѣсколько дрожащимъ голосомъ: — подумай, за что ты обижаешь меня, клянусь тебѣ что въ этомъ письмѣ ни слова нѣтъ о тебѣ, клянусь, что оно не отъ того чело-вѣка, о

которомъ ты думаешь, клянусь, что оно касается только меня, что я ни въ чемъ виновата предъ тобой, ни душой ни тѣломъ. Къ чему мнѣ напоминать о моемъ отцѣ, я сама знаю, чѣмъ тебѣ обязана, что ты выше, лучше, богаче меня, отпусти меня Маша, скажи одно слово и я сегодня же уѣду домой. Показать тебѣ письма я не могу, быть можетъ ты скоро сама узнаешь о пемъ и увидишь какъ ошибаешься!

Марья Григорьевна ничего не отвѣчала, только на лицѣ ея показалось нѣкоторое раскаяніе; она сознавала себя виноватою, но гордость и самолюбіе не позволяли въ томъ признаться.

— Если я виновата, прости меня Маша, не обижай только, не сердись на меня! умоляющимъ голосомъ произнесла Софья Ивановна.

— Я никого не виню, я просила тебя какъ друга, что-жъ дѣлать если не заслужила этого, отвѣтила Марья Григорьевна, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ.

— Я твой другъ, твой вѣрный другъ! съ чувствомъ замѣтила Софья Ивановна и взяла Машу за руку.

Въ это самое время Сергѣй Григорычъ сидѣлъ въ гостиной и читалъ книгу или, вѣрнѣе, только показывалъ видъ, что читаетъ; глаза его остановились на одной изъ страницъ, а мысль на Софѣ Ивановнѣ и на полученномъ ею письмѣ. Онъ видѣлъ какъ пришло оно и какъ человѣкъ отнесъ его по принадлежности. По задумчивому лицу Сергѣя Григорыча, по выраженію его глазъ, нетерпѣливому движенію губъ, конвульсивному дрожанію рукъ, видно было, что сердце его томилось сильно, боролось между страхомъ и надеждой. Онъ безпрестанно оглядывался въ ту сторону, гдѣ была комната Софьи, при малѣйшемъ шорохѣ съ большимъ вниманіемъ углублялся въ книгу, потомъ оглядывался снова и нетерпѣливо пожималъ плечами. Наконецъ послышались шаги и смѣхъ Маши. Въ комнату вошла Марья Григорьевна, за нею Софья Ивановна.

Копанскій всталъ, очень почтительно поклонился и сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Ну, что ты все читаешь, какой право несносный, хоть бы разсмѣшилъ чѣмъ нибудь; вонъ бѣдная Sophie скучаетъ, говорила Маша, обращаясь къ брату.

Софья Ивановна отвернулась и стала перебирать лежавшія на столѣ ноты.

Сергѣй Григорычъ машинально перевернулъ страницу, рука

его задрожала сильнѣе. — «Софья Ивановна,» неопредѣленно отвѣчалъ онъ, не подымая глазъ.

— Ну, да, Софья Ивановна... ахъ какой бука, а еще офицеръ: замѣтила Маша и засмѣялась. Знаете что, пойдемте въ садъ, я только зонтикъ возьму, Sophie я тебѣ принесу, добавила она и проворно выбѣжала изъ гостиной.

Софья Ивановна обернулась, она хотѣла тоже уйти, но глаза ея встрѣтились съ умоляющимъ взглядомъ Сергѣя Григорьича.

— Простите меня, Софья Ивановна, робко и вполголоса произнесъ онъ: — я ожидаю вашего приговора.

— Не спрашивайте меня, отвѣчала Софья Ивановна тѣмъ кроткимъ и симпатичнымъ тономъ, въ которомъ видимо боролось сомнѣніе съ надеждой.

— Ради Бога! повторилъ Копанскій.

— Да, если вашъ отецъ и ваша сестра будутъ желать этого, благодарю васъ, Сергѣй Григорьичъ, больше я ничего не могу сказать вамъ.

— Софья Ивановна! почти закричалъ Копанскій и вскочилъ со стула, но она была уже въ другой комнатѣ и, подъ руку съ Машей, сходила въ садъ.

Сергѣй Григорьичъ пошелъ за ними.

Въ саду общество развеселилось. — Маша хохотала и возилась съ братомъ, послѣдній шутилъ и украдкой посматривалъ на Софью Ивановну; она уже менѣе отворачивалась, менѣе избѣгала его испытующаго взора, и сама взглянула разъ такъ, какъ будто говорила: «благодарю тебя, — ты любишь меня, и я люблю тебя!»

— Господи, какъ я счастливъ теперь! улучивъ удобную минуту, шепнулъ ей Сережа.

Она ничего не отвѣчала.

— Вы позволяете? продолжалъ онъ, я скоро начну дѣйствовать.

— Я вамъ все сказала, отвѣтила она.

Нѣсколько дней спустя, Софьи Ивановны не было на дачѣ; она уѣхала въ городъ къ отцу. Въ комнатѣ Марьи Григорьевны происходилъ слѣдующій разговоръ.

— У меня къ тебѣ просьба есть, говорилъ Сергѣй Григорьичъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ; обращаясь къ сестрѣ: — вотъ видишь, просьба не къ тебѣ собственно, а къ папенькѣ; но я надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ передать ему, — мнѣ самому говорить довольно щекотливо, я бы не рѣшился скоро, я

тебя прошу быть моимъ ходатаемъ; папешка же тебя такъ любить, онъ не откажетъ тебѣ.

Марья Григорьевна вопросительно посмотрѣла на брата. «Что это значить, какая просьба?» произнесла она.

— Просьба, которая быть можетъ нѣсколько удивить тебя... Я, Маша, хочу жениться.

— Жениться? почти вскричала Марья Григорьевна. Serge, душка, какъ я рада, какъ это весело, мнѣ все хотѣлось на свадьбѣ быть, вотъ сколько времени какъ я вышла, а ни на одной свадьбѣ не была, а тутъ братъ... сколько я себѣ платывъ нашью! Боже мой! да ты шутишь!

— Этимъ нельзя шутить, Маша.

— Да на комъ же?

— Угадай; — на прелестной дѣвушкѣ!

— На княжнѣ? подхватила Маша.

— Нѣтъ!... на одной изъ твоихъ короткихъ знакомыхъ.

Марья Григорьевна нѣсколько задумалась.

— Да кто же? произнесла она весело улыбаясь: — Annette? Лиза Кругликова?... ну, на дочери этого генерала? какъ его... ну, неужто на Natalie?

Сергѣй Григорьичъ отрицательно кивалъ головой.

— На дѣвушкѣ, съ которой ты даже очень дружна, очень любишь ее; кажется угадать не трудно, добавилъ онъ.

— Ахъ, Serge, право не знаю! нетерпѣливо произнесла Марья Григорьевна.

— На Софьѣ Ивановнѣ, отвѣтилъ Сергѣй Григорьичъ и уставилъ глаза на сестру.

— На Sophie! вскрикнула Маша и устала глаза на брата.

— Да, на Sophie! развѣ это такъ удивляетъ тебя?

— Ты шутишь, Serge?!

— Нисколько, я слишкомъ люблю ее чтобъ шутить.

— Да, развѣ это можно?!

— Отчего-же нѣтъ?... она согласна.

Марья Григорьевна дико захохотала. — Согласна! повторила она: — ты смѣшишь меня Serge, да, какъ-же ей не быть согласной, что ты!

— Я право не понимаю тебя Маша, отвѣтилъ Сергѣй Григорьичъ взволнованнымъ голосомъ: — ты кажется такъ любишь Sophie?!

— Ну люблю, такъ что-жъ изъ этого, люблю потому, что это мнѣ нравится, я ей милость дѣлаю, изъ этого не слѣдуетъ,

чтобъ ты могъ жениться на ней; что всё смажутъ, ты унижаешь все наше семейство! добавила она сквозь слёзы.

Сергѣй Григорьичъ пожалъ плечамъ.

— Призвась Маша, ты такъ изумляешь меня, что я не знаю— что сказать, заговорилъ онъ, чѣмъ же она хуже другихъ, чѣмъ хуже тебя?

Марья Григорьевна вскочила со стула, глаза ея за сверкали.

— Покорво васъ благодарю, что вы меня равняете со всякой ничтожной дѣвчонкой, нѣтъ-съ она хуже меня, у меня отецъ со звѣздой, я богата, а она... когда она пришла сюда, у ней не было банниковъ порядочныхъ, таскала одно шерстяное платишко; посмотри какъ живутъ они, она сама себѣ голову чешетъ, у нихъ одна кухарка, ея отецъ, что за отецъ у ней!— Она нищая и больше ничего, которую я же вытащила изъ грязи!.. Я удивляюсь, какъ послѣ этого вамъ не пришло въ голову жениться на моей горничной, чѣмъ же та хуже?.. я ее тоже люблю.

— Послушай, Маша, — мнѣ стыдно за тебя; вѣдь ты говоришь о своемъ другѣ, о дѣвушкѣ, которая такъ искренно и свято предана тебѣ.

— Я говорю правду, и мнѣ стыдно за васъ! крикнула она, упала въ кресла и громко заплакала.

— Пощади меня, Маша, къ чему кричать, я думалъ поговорить съ тобой откровенно, какъ братъ съ сестрой.

— Нѣтъ, послѣ этого я не сестра вамъ; мой братъ не способенъ жениться на уличной нищенкѣ, — продолжала Марья Григорьевна, громче прежняго.

— Я прошу тебя, по крайней мѣрѣ, въ моемъ присутствіи не обижать ее, она и лучше и умнѣ тебя! возразилъ Сергѣй Григорьичъ сильно взволнованнымъ голосомъ.

— Дрянь, дрянь! еще выше возразила Маша и разразилась истерическимъ смѣхомъ.

Копанскій хлопнулъ дверью и вышелъ изъ комнаты, на порогѣ онъ встрѣтился съ отцомъ.

— Что у васъ? спросилъ послѣдній съ испугомъ.

Сереза ничего не отвѣтилъ и выбѣжалъ въ садъ. Тамъ онъ схватилъ себя за голову, бросился на скамью и зарыдалъ, какъ сумасшедшій.

Между тѣмъ Марья Григорьевна со всѣми подробностями, въ полномъ ужасѣ за участь брата, передала отцу бывшую сцену.

— Ну, разсуди ты самъ хорошенько, говорилъ, нѣсколько времени спустя, старикъ Копанскій своему сыну:—вѣдь люди же

нятся по расчету, для связей, чтобъ выиграть тамъ по службѣ или иначе какъ, а тутъ-то что-жь? подумай только, ты стоишь на хорошей дорогѣ, получишь порядочное образованіе, не бѣднѣе, не дурнѣе собой, за тебя какую хочешь невѣсту отдадутъ, съ именемъ, съ деньгами, съ значеніемъ въ обществѣ, а она-то что-жь, что въ ней?!.. ну, смазливенькое личико, такъ неужто и жениться изъ-за этого?... ну, положимъ ты любишь ее, такъ во-первыхъ ты молодъ, успѣешь десять разъ и полюбить и разлюбить, а во-вторыхъ, ну кто-же женится по любви, вѣдь это глупо Сергѣй, что за нелѣпая идея, любовь тутъ послѣднее дѣло!.. ну, люби ее себѣ, кто тебѣ запрещаетъ, но жениться... вѣдь ты самъ себя, всю жизнь свою, проклинать будешь, да и меня дуракомъ назовешь, — вѣдь жена не любовница, съ ней не скоро радѣлаешься, вонъ она теперь завлекла тебя....

— Папенька! возразилъ Сергѣй Григорычъ, прошу васъ, по крайней мѣрѣ, не обижайте ее, это доброе существо ни въ чемъ не виновато; она избѣгала всякой встрѣчи со мной.

Генералъ слегка засмѣялся.

— Ты точно какой-то пастушескій романъ читаешь, замѣтилъ онъ, по твоему выходитъ это — ангель!.. знаетъ мы этихъ ангеловъ, всѣ онѣ херувимы; она избѣгала его! Нѣтъ Сергѣй, не за тѣмъ я тебя воспитывалъ, заботился о тебѣ, чтобъ женить на первой встрѣчной дѣвчонкѣ, безъ роду, безъ имени.—Во-первыхъ, повторяю тебѣ, въ твои лѣта женятся только крестьяне, а во-вторыхъ, если ты вздумашь сдѣлать эту глупость, дамъ тебѣ честное слово, я тебя и знать не хочу, ну и живи тамъ своимъ жемланьемъ, тремястами рублей, что ли?

— Господи! да что-жь мнѣ дѣлать! съ жаромъ возразилъ Сергѣй Григорычъ:—вы не можете мнѣ сочувствовать, вы слишкомъ холодны, вы отжили свой вѣкъ, что-жь мнѣ дѣлать, если я чувствую, что безъ нея жить не могу, если я ее люблю, люблю больше всего на свѣтѣ!

— Дуракъ! повторилъ генералъ, качая головой.—Да, люби ее себѣ! почти крикнулъ онъ. Ну, чего не достаешь тебѣ, денегъ есть, если мало я еще дамъ, ну и дѣлай какъ знаешь, люби, да не женись. Вѣдь это двѣ вещи разные.

— Папенька! съ негодованіемъ произнесъ Сергѣй Григорычъ.

— Да, что, папенька! перебилъ его отецъ, вотъ тебѣ мое послѣднее слово; я объ этой свадьбѣ и слышать не хочу, а тамъ дѣлай, какъ знаешь, запретить тебѣ я не могу, хочешь женись, хочешь нѣтъ; только ты знаешь, Сергѣй, что я своему слову

не измѣню: на отца тогда не рассчитывай, у тебя не будетъ его! — Прощай! мнѣ ѣхать пора, да больше и говорить нечего! Онъ взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты. Сергѣй Григорыичъ остался раздумывать о своемъ положеніи.

Къ вечеру, въ тотъ же день, возвратилась изъ города Софья Ивановна, отнюдь не подозрѣвая, что въ ея отсутствіе разыгралась цѣлая драма.

Съ веселымъ, беззаботнымъ лицомъ вошла она въ комнату Марьи Григорьевны и подскочила, къ сидѣвшей на диванѣ, своей подругѣ. — Послѣдняя грозно взглянула на нее и отвернулась.

Софья Ивановна остановилась въ недоумѣннѣ.

— Здравствуй, Маша! произнесла она, протягивая руку.

— Я не Маша, я Марья Григорьевна... ваше превосходительство! съ достоинствомъ, гордо отвѣтила генеральская дочь, и презрительно улыбнулась.

Софья Ивановна остановилась какъ вкопаная; она не знала что подумать и только глядѣла во все глаза на Марью Григорьевну.

— Вы напрасно сюда приходите, я не звала васъ, я желаю остаться одна, я не нуждаюсь въ васъ, ваше мѣсто тамъ! произнесла послѣдняя, указывая на сосѣдную комнату.

— Маша, да что съ тобой?!

— Ваше превосходительство! злобно крикнула Марья Григорьевна.

Софья Ивановна задрожала и продолжала смотрѣть на свою подругу такими глазами, какъ будто не довѣряла тому, что слышитъ.

— Извините, ваше превосходительство, произнесла она, я... я уйду... но позвольте узнать, чѣмъ же я заслужила подобное обращеніе?... вы сами не только отпустили меня, но даже просили ѣхать.

— А теперь приказываю ѣхать обратно, совсѣмъ, отвѣчала Марья Григорьевна: — если нельзя сегодня вечеромъ, то завтра по ранне утрому извольте убираться вопъ отсюда, на ваши бозота!... мой отецъ приказалъ передать вамъ это, слышите!

— За что же?! какъ-то отчаянно, съ трудомъ, выговорила Софья Ивановна.

— За любовныя письма, которыя вы такъ хорошо умѣете скрывать... за то что въ чужомъ, постороннемъ для васъ домѣ, вы смѣете заводить пошлыя интриги, рассчитывать на неопытность и увлеченіе молодаго человѣка... вы здѣсь слуга, наемница и больше ничего, васъ ласкали изъ милости, изъ состраданія, вы забы-

лись!... совѣтую вамъ искать жениха по-равнѣе, вѣнчаться на шею комунибудь по-проще!... славную партію вы себѣ составили, съ расчетомъ... это подло, слышите, — подло!

Софья Ивановна поблѣднѣла, какъ полотно, и безъ чувствъ упала на кресло.

Марья Григорьевна кликнула горничную.

— Барышня дурно, сказала она и вышла изъ комнаты.

Въ тотъ же вечеръ Софья Ивановна написала слѣдующее письмо къ бывшему другу

«Марья Григорьевна! Завтра утромъ вы меня не увидите въ нашемъ домѣ, да быть можетъ не увидите больше нигдѣ, и никогда; послѣ нашего послѣдняго свиданія и разговора, послѣ страшныхъ, ничѣмъ не заслуженныхъ, обидъ, я и сама знаю, что должна васъ оставить. — Признаюсь, я никакъ не ожидала, чтобъ наша дружба, наши теплыя до-сихъ-поръ отношенія, вдругъ были прерваны такъ грубо, холодно и дерзко съ вашей стороны. Теперь вы мнѣ доказали, что эта видимая дружба была, съ вашей стороны, только прихотью вашей гордости, вашего величія. — Ваша наружная доброта ко мнѣ имѣла видъ одного тщеславія, вы ласкали меня, какъ ласкаютъ въ богатомъ домѣ собаку или кошку, любили какъ игрушку, развлекавшую васъ. Все это несколько неудивительно; люди — эгоисты по своей природѣ; но удивительно, какъ вы, въ ваши юношескіе годы, могли воспитать въ себѣ такую черствую, чтобъ не сказать, пошлую душу. Я не стану оправдываться предъ вами; совѣсть скажетъ вамъ кто изъ насъ виноватъ, не стану доказывать всю мерзость нашихъ обвиненій; онѣ слишкомъ нелѣпы и грязны, чтобъ могли очернить меня. Не скрою отъ васъ, что я сама, къ несчастію, люблю вашего брата, и теперь, въ настоящую минуту люблю больше чѣмъ когданибудь, это есть воля моего сердца, указать въ ней мнѣ никто не можетъ. Что же касается до моей съ нимъ свадьбы, то въ этомъ отношеніи считаю долгомъ васъ усноковать; я только тогда соглашусь на нее, когда вы, искренно, отъ всего сердца, попросите у меня прощенія, когда вашъ отецъ будетъ умолять меня объ этомъ. У меня есть свое самолюбіе, своя гордость, онѣ не допустятъ меня въ дѣйствительности заслужить ваши упреки и забыть все то, что я отъ васъ вытерпѣла. Прощайте, ваше превосходительство, желаю, чтобъ васъ менѣе мучила совѣсть. С. Рибинкина.»

Она кончила, сложила письмо, и глубоко призадумалась.

На другой день, рано по утру, Софья Ивановна ушла изъ

дому Копанскихъ и уѣхала въ Петербургъ. Сергѣй Григорьичъ ничего не зналъ о томъ. Передъ прїѣздомъ Софьи Ивановны онъ нарочно ушелъ изъ дому и вернулся ночью; онъ боялся встрѣтиться съ ней, не зналъ какъ ей сказать о своемъ разговорѣ съ сестрой и отцомъ, и никакъ не думалъ, что на слѣдующее утро ея уже не будетъ болѣе въ домѣ.

IV.

— Сонечка, голубушка!... что это значить!? говорилъ Иванъ Петровичъ, съ удивленіемъ оглядывая вошедшую Софью Ивановну.

— Ничего папаша, я прїѣхала, отвѣтила она, принужденно улыбаясь.

— Здорова ли ты?... не случилось ли чего?... какъ-же такъ, вчера только уѣхала, а сегодня назадъ, что такое Сонечка?

— Ничего, папаша, я совсѣмъ прїѣхала, прости меня, я больше не оставлю тебя! глухо произнесла Софья Ивановна, бросилась на шею къ отцу и зарыдала.

— Соня, Соня!.. Господи! да что съ тобой?.. что за напасть такая, обидѣли тебя, что ли?... а?... говори!... полно, полно! говорилъ Иванъ Петровичъ, съ слезами на глазахъ, цѣлуя руки дочери и стараясь ее успокоить.

Нѣсколько минутъ Софья Ивановна не могла выговорить слова и продолжала плакать. Иванъ Петровичъ былъ въ отчаяніи; онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на дочь.

— Говори же, говори! шепталъ онъ, умоляющимъ голосомъ.

— Ничего папаша, я не виновата, клянусь вамъ не виновата, только я не могу тамъ жить, позволь мнѣ здѣсь остаться! отвѣтила Софья Ивановна, и съ трудомъ, кое-какъ, передала отцу причину своего внезапнаго отъѣзда, умолчавъ однако о своихъ отношеніяхъ къ молодому Копанскому.

По лѣрѣ разказа дочери, лицо Ивана Петровича приняло болѣе и болѣе спокойное выраженіе.

— Слава тебѣ, Господи! произнесъ онъ крестясь, а мнѣ-то старому дураку чертъ знаетъ чего въ голову не пришло!... да, плюнь ты, Сонечка, ну ихъ! черное къ бѣлому не пристанетъ.

Господь Богъ знаетъ, кто правъ кто виноватъ, тамъ всёхъ рассудить, ни на чины, ни на званія не посмотритъ!... Радость ты моя, такъ мы опять вмѣстѣ жить будемъ, не ходи ты отъ меня, ни куда не ходи, что чужая любовь, чужая любовь дрянъ, обманъ. Господи! радость кака! добавилъ онъ, потирая когѣни и смѣясь въ лицо дочери.

Софья Ивановна также улыбулась. — Ты не сердись на меня, папаша? спросила она.

— Я-то? онъ опять засмѣялся и поцѣловалъ дочь. Батюшки, батюшки, что за люди на свѣтѣ есть, звѣри, тигры лютые!... такого ангела оцѣнить не умѣли, а еще генераль со звѣздой!.. ну ихъ, тьфу! Иванъ Петровичъ махнулъ рукой, плюнулъ и сдѣлалъ что-то въ родѣ антраша.

Въ два-три дня Софья Ивановна, казалось, измѣнилась совершенно. Прежняя ея холодность къ отцу, прежнее отчужденіе отъ дому, прежнее стремленіе къ свѣту и роскоши, замѣнились полною любовію и привязанностію къ своему скромному очагу. Она не сидѣла сложа руки, а постоянно находила какое нибудь занятіе, не гнушалась никакой работой, какъ будто желала вознаграждать свое временное отсутствіе. Возвращаясь Иванъ Петровичъ изъ должности, она весело встрѣчала его, не скучала какъ прежде по вечерамъ, не рвалась ѣхать куда нибудь въ гости, а напротивъ, какъ-то особенно дорожила и наслаждалась тихой домашней бесѣдой, за шипящимъ самоваромъ. Только иногда, въ отсутствіи отца, тяжело задумывалась Софья Ивановна, водвигала голову обѣими руками, вынимала письмо Копанскаго, перечитывала его нѣсколько разъ сряду, изъ глазъ ея капали слезы, щеки разгорались, грудь высоко подымалась. Иногда она съ негодованіемъ отталкивала отъ себя письмо и, спустя нѣсколько минутъ, принималась за него снова; лицо ея прояснялось, губы что-то шептали, она вся предавалась своей мысли, ничего не замѣчала вокругъ себя и вдругъ тревожно оглядывалась, какъ будто боялась чего-то.

Иванъ Петровичъ былъ въ восторгѣ отъ дочери, еще больше ухаживалъ за ней, еще больше старался угодить ей.

— Сонечка, голубушка ты моя, говорилъ онъ, да какъ мнѣ и благодарить-то тебя, радость ты моя, кѣтъ у меня и горя теперь, и умирать-то легче будетъ, Господи, ужъ передъ добромъ ли все это сдѣлалось такъ.

Недѣлю спустя, послѣ пріѣзда домой, Софья Ивановна сидѣла у раствореннаго окна; Иванъ Петровичъ ушелъ въ должность.

На улицѣ раздались мужскіе шаги и забрякала сабля. Софья Ивановна почему-то вздрогнула и отскочила.

Передъ окномъ явился Сергѣй Григорьичъ; онъ искоса взглянулъ во внутрь комнаты и прошелъ далѣе.

Софья Ивановна опять вздрогнула, дыханіе ея замерло, она бросилась къ окну, но тотчасъ поятилась назадъ.

Шаги раздались снова; Сергѣй Григорьичъ прошелъ еще разъ, у ногъ Софьи Ивановны что-то стукнуло. Она опустила глаза, на полу лежалъ свернутый клочекъ бумаги. Руки Софьи Ивановны дрожали, она проворно подняла бумагу, судорожно развернула ее, оглянулась кругомъ и торопливо прочла слѣдующее.

«Ради всего святаго, я долженъ видѣть васъ, это необходимо, мы должны разъяснить наше взаимное положеніе. Завтра, въ одиннадцать часовъ утра я васъ буду ожидать на улицѣ, не по далеку отъ вашего дома. Умоляю не откажите. Черезъ четверть часа я пройду опять мимо, дайте мнѣ отвѣтъ. Мое счастье и жизнь въ рукахъ вашихъ.»

Софья Ивановна нѣсколько разъ перечитывала письмо, она дрожала какъ въ лихорадкѣ, нѣсколько разъ взглядывала то на часы, то на окно, и не знала на что рѣшиться, наконецъ оторвала кусокъ бумаги, не твердою рукою написала на немъ: «буду.» На улицѣ раздались снова шаги, она быстро подскочила къ окну, проворно бросила свертокъ и упала на диванъ.

— Барышня, сахарцу пожалуйста, вдругъ произнесла вошедшая Матрена.

Софья Ивановна вскочила. — Что, что такое? говорила она съ испугомъ, уставивъ глаза на кухарку.

— Да, ничего, барышня, на блинцы сахарцу пожалуйста, повторила послѣдняя, не безъ удивленія глядя на госпожу свою.

Софья Ивановна вздохнула свободнѣе и пошла въ шкафъ.

На другой день, по уходѣ Ивана Петровича въ должность, Матрена по обыкновенію убирала комнаты, Софья Ивановна ходила взадъ и впередъ, по временамъ останавливалась, хотѣла что-то сказать, но не рѣшилась и принималась ходить снова.

— Матрена! вдругъ произнесла она, разсѣянно глядя въ окно, вотъ что Матрена, я схожу не далеко, мнѣ купить кое-что нужно, я скоро приду, такъ ты не уходи безъ меня, домъ одинъ не оставь, слышишь, ни куда не уходи, а я... я скоро приду.

— Куда же мнѣ барышня, ступайте съ Богомъ, извѣстно, какъ одчу фатеру оставить, отвѣтила кухарка.

Софья Ивановна надѣла шляпку и опустила вуаль.

— Такъ не уходи же! повторила она, растворяя дверь на крыльцо.

— Богъ съ вами барышня, да нешто я полоумная какая! обиженнымъ тономъ отвѣтила Матрена и захлопнула за госпожой дверь.

Софья Ивановна вышла на улицу, робко оглянулась кругомъ, ноги ея дрожали, сердце сильно билось; ей казалось, что изъ всѣхъ оконъ наблюдаютъ, подсматриваютъ за ней, показываютъ на нее пальцемъ.

— Вѣдь ничего худого нѣтъ, думала она, желая успокоить себя. Я хочу его видѣть, я не могу отказать ему... ну, что-жъ такое, ну я люблю его, я всѣмъ скажу что люблю и буду любить, я не могу не любить, я должна любить, мнѣ не могутъ запретить этого.

Изъ-за угла показалась каска; Софья Ивановна ускорила шаги.

— Васъ ли я вижу? произнесъ подошедшій Сергѣй Григорычъ.

— Говорите, говорите скорѣй! что вамъ нужно?... я пришла... видите, я исполнила ваше желаніе, говорила Софья Ивановна, пугливо оглядываясь по сторонамъ.

— Что мнѣ нужно?... видѣть васъ, дышать вам! отвѣтилъ Копанскій. — Зайдемте въ кондитерскую, на улицѣ васъ могутъ замѣтить, добавилъ онъ.

— Ступайте, ступайте впередъ, разсѣянно отвѣтила Софья Ивановна.

Они вошли и заняли отдѣльную комнату. Софья Ивановна сѣла на диванъ, откинула вуаль и схватила Копанскаго за руку.

— Сергѣй Григорычъ, что со мной!... гдѣ я?!.. произнесла она, и закрыла лицо руками.

— Боже мой, успокойтесь, умоляю васъ!... мнѣ стыдно смотрѣть на васъ, страшно за мою сестру, за отца, за самого себя. простите, простите, меня!... мы завтра же обвѣнчаемся, я ни на кого не посмотрю, отецъ проститъ меня, онъ полюбитъ васъ.

— Никогда! рѣшительно произнесла она, никогда, Сергѣй Григорычъ; скорѣй я умру, буду несчастнѣйшимъ существомъ въ мірѣ, но никогда противъ воли вашего батюшки не соглашусь быть вашей женой. Теперь я ни въ чемъ не виновата. душа моя чиста, а тогда... тогда я сама назвала бы себя тѣмъ именемъ, которымъ наградила меня сестра ваша!

— Но вы пожалѣйте хоть меня, скажитесь надъ моею стра-

даніями, что-жъ мнѣ дѣлать, научите меня, что мнѣ дѣлать? говорилъ онъ съ отчаяніемъ.

— Не знаю! грустно отвѣтила Софья Ивановна. — Покориться своей участи, постараться забыть....

— Забыть? повторилъ Копанскій: — нѣтъ, послѣ этого вы не знаете, ни силы моей любви, ни моей рѣшимости! Вы не любите меня.

— Доказательство моей любви видно на дѣлѣ, Сергѣй Григорычъ, неужели вы думаете, что безъ нея я бы рѣшилась прійти сюда, сидѣть съ вами наединѣ въ кондитерской, развѣ это такъ легко, пощадите меня!... неужели мало этого!

Копанскій тяжело вздохнулъ.

— Слушай, Serge! продолжала Софья Ивановна, особенно ударяя на послѣднемъ словѣ: — да, Serge!... вотъ тебѣ еще доказательство, я люблю тебя такъ, какъ только можетъ любить женское чистое сердце, люблю на зло людямъ, на зло природы, на зло самой себѣ, видишь, я все забыла, я сама говорю тебѣ это; я люблю тебя! добавила она съ какимъ-то восторгомъ, схватила Копанскаго за плечи и устремила на него глаза, полные нѣжной, согрѣвающей влаги. Копанскій выпыхнулъ; онъ бросился было къ Софѣ Ивановнѣ, но она вырвалась и вскочила съ дивана.

— Прощай! мнѣ домой пора, меня ждуть, сказала она.

— Когда-жъ мы увидимся еще?

— Никогда, Сергѣй Григорычъ, между нами должно быть все кончено; я сдѣлала все, что возможно, я сдѣлала слишкомъ много, я сама не помню себя, я въ бреду, видите, я дрожу вся, оставьте меня, я сказала вамъ все. — Прощайте! добавила она, вышла въ общую комнату, а оттуда юркнула на улицу.

Копанскій бросился за ней.

— Умоляю васъ, Сергѣй Григорычъ, оставьте меня, дайте мнѣ прійти спокойно домой, сжаьтесь надо мной, вспомните, у меня отецъ есть.

— Ради Бога!... позвольте мнѣ хоть писать къ вамъ?

— Пишите! отвѣтила Софья Ивановна.

— А отвѣчать будете?

Она молчала.

— Отвѣчать будете? повторилъ Копанскій.

— Буду! отвѣтила она, ускорила шаги и перешла на другую сторону улицы.

Черезъ нѣсколько времени она оглянулась: Сергѣй Григорычъ стоялъ далеко и смотрѣлъ ей вслѣдъ.

Не безъ трепета подошла Софья Ивановна къ своему дому; ей все казалось не узнала ли Матрена или кто другой объ ея свиданіи съ молодымъ человѣкомъ. Подойдя къ воротамъ, она обернулась еще разъ; Копанскій все еще смотрѣлъ.

— Что такъ скоро барышня?... погода-то сегодня хорошая, еще бы погуляли, говорила кухарка, встрѣчая на дворѣ госпожу свою.

— Какъ скоро? а мнѣ казалось я такъ долго ходила; отвѣтила послѣдняя и почти бѣгомъ прошла въ свою комнату.

Здѣсь она вздохнула свободнѣй, сбросила съ себя салопъ и шляпку и опустилась на диванъ. Долго она сидѣла неподвижно, опрокинувъ назадъ голову и безсознательно устремивъ глаза на противоположный уголъ комнаты. Богъ знаетъ гдѣ бродили ея мысли, казалось, какая-то усталость томила ее, точно она совершила огромное путешествіе. Только по приходѣ Ивана Петровича вдругъ ожива Софья Ивановна, вскочила съ дивана, бросилась на шею къ отцу, крѣпче обыкновеннаго обняла и поцѣловала его и все остальное время, казалась, такую веселую, какъ будто въ самомъ дѣлѣ была чѣмъ нибудь особенно довольна.

Съ этого времени, между молодыми людьми завязалась довольно частая переписка. Дня черезъ три или четыре Копанскій написалъ одно письмо, потомъ другое, третье, четвертое и такъ далѣе. Въ письмахъ этихъ онъ твердилъ про свою страстную любовь, неотступно умолялъ Софью Ивановну согласиться на свадьбу, иногда отчаявался въ возможности своего счастья, иногда же не только вѣрилъ въ него, но былъ убѣжденъ въ немъ. Бѣдная дѣвушка, читая эти письма, задумывалась, плакала, иногда какъ-то безотчетно радовалась, сама не зная чему. Однимъ словомъ письма Копанскаго были новой атмосферой для Софьи Ивановны; она жила ими, перечитывала ихъ съ наслажденіемъ и мало-по-малу привыкла къ ихъ мечтамъ, принимая ихъ часто за дѣйствительность. На первое письмо Сергѣя Григорьевича она написала коротенькій отвѣтъ; она умоляла не требовать отъ нея дальнѣйшей переписки, позволяла, даже просила писать къ себѣ, но отказалась писать сама, за исключеніемъ развѣ какого нибудь особеннаго случая. Въ послѣднемъ письмѣ Копанскій, между прочимъ, увѣдомлялъ Софью Ивановну о предстоящей свадьбѣ его сестры съ какимъ-то гвардейскимъ офицеромъ, и о томъ, что съ этого времени онъ будитъ жить одинъ, при чемъ, въ всякій случай, сообщитъ свой новый адресъ.

И не мало измѣнилась Софья Ивановна въ послѣднее время,

она снова начала грустить, снова, иногда по нѣсколькимъ часамъ сряду, сидѣла задумавшись, такъ что и Иванъ Петровичъ съ трудомъ добивался ея отвѣта; часто плакала, и, по исхудалому лицу ея, не трудно было догадаться о внутреннихъ затасенныхъ мукахъ. Теперь одна мысль поглотила всѣ ея душевныя силы — это была мысль о Копанскомъ. Если она и ждалась на свою бѣдность, на свое скромное положеніе въ обществѣ, то только потому, что эта бѣдность и это положеніе отдѣляли ее отъ любимаго существа.

— Да, говорила она сама съ собой, зачѣмъ не генераль отецъ мой, зачѣмъ я не богата. Только оттого, что я дочь бѣднаго чиновника, даже не смѣю любить того, кто посланъ мнѣ самой судьбой. Боже мой!.. зачѣмъ мнѣ прежде не объяснили мое положеніе, не приготовили къ настоящей жизни, тогда я бы иначе повела себя, я бы не совалась выше себя, не видѣла и не знала бы его!

Иванъ Петровичъ попрежнему смотрѣлъ въ глаза дочери, не зная чѣмъ угодить, чѣмъ разсѣять ее, попрежнему отчаявался глядя на ея тоску да слезы, думалъ, что ей опять надоѣла бѣдная домашняя жизнь, вздыхалъ, качалъ головой и наконецъ махнулъ рукой.

— Будь что будетъ, сказалъ онъ самъ съ собою, что дѣлать, не ровня она мнѣ, не помога, а тягость одна, съ генеральскими дѣтьми училась, по генеральски и жить хочеть.

Такъ прошло недѣли три, четыре.

Однажды утромъ, въ отсутствіи отца, на Софью Ивановну напало особенно непріятное расположеніе духа, точно какое-то предчувствіе томилъ ее. Писемъ отъ Копанскаго она давно не получала, послѣднее письмо его отзывалось самымъ грустнымъ содержаніемъ, съ отцомъ у ней былъ не совсѣмъ пріятный разговоръ, кончившійся не безъ нѣкоторыхъ упрековъ съ той и другой стороны. Софья Ивановна сидѣла облокотясь на столикъ, передъ ней лежалъ чистый листъ почтовой бумаги, повидимому она хотѣла что-то писать и собиралась съ мыслями.

Въ комнату вошла Матрена и подала письмо съ городской почты.

Софья Ивановна схватила конвертъ, взглянула на адресъ, выдернула письмо и стала читать.

«Софья Ивановна!» писалъ Копанскій. «Наконецъ я могу поздравить и себя и васъ съ нашимъ взаимнымъ счастіемъ, отецъ мой согласенъ на нашу свадьбу, онъ не лишаетъ меня ничего и

предоставляетъ дѣлать, что угодно, только самъ просить васъ не намѣренъ и рѣшительно объявляю, что никогда не станеть. Конечно вы извините старика за его упрямство, самолюбіе и нѣкоторую гордость. Ради Бога, положительно увѣдомьте меня обо всемъ, назначьте сами день свадьбы, чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше. Я увѣренъ, что съ вашей стороны не можетъ быть никакихъ препятствій, въ противномъ случаѣ клянусь вамъ, я не медля ни минуты лишу себя жизни, больше мнѣ ничего не остается дѣлать, — не примите словъ моихъ за пустыя фразы влюбленнаго юноши; нѣтъ, я долго терпѣлъ, долго страдалъ, счастье въ рукахъ у меня и если вы его вырвете, то я вправѣ буду дѣйствовать какъ хочу! Ради Бога, поскорѣй отвѣтъ, я такъ счастливъ, что не вѣрю себѣ!»

Софья Ивановна дрожала, какъ въ лихорадкѣ, щеки ее такъ и пылали, нѣсколько разъ она перечитала письмо, какъ бы не довѣряя собственнымъ глазамъ, казалось она не знала на что рѣшиться, схватывала себя за голову, какъ бы желая выдавить изъ нее счастливую мысль, то бессознательно подходила къ окну, то опускалась на диванъ, то вставала и въ недоумѣніи ходила взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ, она сѣла къ столу, написала нѣсколько словъ и тотчасъ же уничтожила ихъ. «Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать?!» повторяла она, ломая себѣ руки. На лицѣ ея мелькнула какая-то мысль, она встрепенулась и провела рукой по лбу. — Папаша, папаша! произнесла она съ ужасомъ. — Нѣтъ!.. все равно... нельзя-же... я не могу такъ оставить, онъ убьетъ себя, я должна! Она схватила клочекъ бумаги и дрожащей рукой написала слѣдующее.

«Милый папаша! ты конечно удивишься не заставъ меня дома, я сію-минуту получила письмо отъ подруги моей Лизы Чебылкиной, она очень больна и я поѣхала навѣстить ее, пожалуйста не безпокойся если я замѣшкаюсь. Тысячу разъ цѣлую тебя!»

— Матрена! сказала Софья Ивановна рѣшительно: — Скажи шашкѣ... нѣтъ, отдай ему эту записку... у меня подруга очень больна, я ѣду навѣстить ее, она очень больна!

— Слушаю барышня! извѣстно какъ не навѣстить знакомаго человѣка... чѣмъ же это она захворала сердечная.

— Не знаю... очень больна... отвѣтила Софья Ивановна, поспѣшно надѣвая салопъ и шляпку.

— Такъ смотри же отдай, какъ придетъ папаша, я приѣду, сама приѣду, къ обѣду... чтобъ не безпокоились.

— Да, чего барышня беспокоиться, не за худымъ чѣмъ поѣхали, — отвѣтила Матрена, запирая за госпожей дверь.

Софья Ивановна вышла на улицу, взяла перваго попавшагося извозчика и поѣхала. — Всю дорогу она ничего не замѣчала; не видѣла ни улицъ, по которымъ ѣдетъ, ни встрѣчавшихся ей прохожихъ; она вся замкнулась въ самую себя, была занята однимъ предметомъ и только безпрестанно торопила своего возницу. Достигнувъ дому, гдѣ жилъ Копанскій, она не безъ труда поднялась по лѣстницѣ, по временамъ останавливалась и переводила духъ, ноги ея тряслись, она подошла къ двери съ мѣдною дощечкою, оглянулась вокругъ, какъ бы боясь, чтобъ ее не увидалъ кто, и тихо позвонила.

Отворившій двери лакей подозрительно взглянулъ на Софью Ивановну. — «Кого вамъ?» довольно грубо спросилъ онъ.

— Сергѣй Григорьичъ здѣсь живетъ, дома онъ? — робко, едва слышно произнесла посѣтельница.

— Какой Сергѣй Григорьичъ? повторилъ лакей, оглядывая Софью Ивановну съ ногъ до головы.

— Копанскій! отвѣтила она.

— Да вы отъ кого? спросилъ лакей.

— Я?.. скажите ему что дама, одна дама желаетъ его видѣть, онъ знаетъ кто.

Лакей снова поглядѣлъ на Софью Ивановну, улыбнулся, покачалъ головой и вышелъ изъ передней.

— Тамъ дама какая-то васъ спрашиваетъ? произнесъ онъ, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Что!?

— Дама васъ спрашиваетъ, — повторилъ лакей и фыркнулъ.

— Чему ты смѣешься, болванъ! пошелъ вонъ! крикнулъ Сергѣй Григорьичъ и выскочилъ въ переднюю.

Лакей разинулъ ротъ и остановился въ недоумѣніи.

— Mon Dieu! est-il possible, c'est vous! произнесъ Копанскій, съ удивленіемъ глядя на Софью Ивановну.

— Oui, c'est moi, — отвѣтила она хладнокровно: — Ради Бога, нѣтъ-ли у васъ кого-нибудь? ушлите нашего человѣка, меня никто не долженъ видѣть.

Копанскій исполнилъ желаніе.

Софья Ивановна вошла въ комнату и сѣла на первое попавшее кресло.

— Сергѣй Григорьичъ, чего вы отъ меня хотите? вдругъ произнесла она, устремивъ глаза на Копанскаго.

— Боже мой, что за вопросъ?!.. моего счастья хочу я, моей жизни... вы получили письмо?.. отецъ мой согласенъ.

— Согласенъ! повторила она съ ироніей, тяжело вздохнула и нѣсколько секундъ ничего не отвѣчала, какъ бы не зная, что сказать; потомъ взяла Копанскаго за руку и посадила его возлѣ себя.

— Послушайте! — произнесла она прерывающимся голосомъ: — требуйте отъ меня всего на свѣтѣ, жизни моей если нужно, но не требуйте свадьбы. Я не нарушу даннаго слова; я не хочу дать поводъ вашему отцу и сестрѣ упрекнуть меня въ подлой интригѣ, въ мелкихъ расчетахъ на ваше богатство или положеніе въ свѣтѣ. Еслибъ я не жила въ вашемъ домѣ, можетъ быть я поступила бы иначе; но теперь согласіе вашего батюшки не болѣе, какъ милость, какъ снисхожденіе къ моему ничтожеству. Намъ разъединяетъ широкая ступень общественнаго положенія; зачѣмъ же прибавлять къ этому затаенную ненависть вашего семейства; повѣрьте они отравятъ лучшіе дни въ нашей жизни. Подумайте объ этомъ, и взвѣсьте вапнѣя холоднымъ умомъ то, что предчувствуетъ и угадываетъ мое женское сердце.

— Стало быть все кончено? сухо и отрывисто спросилъ Копанскій.

— Не все, успокойтесь, не кончено главное, это любовь наша... кто знаетъ быть можетъ....

— Быть можетъ! — повторилъ Копанскій, вскакивая съ кресла: — Быть можетъ! — повторилъ онъ, схватывая себя за голову: — За что же вы, Софья Ивановна, такъ равнодушно губите меня, такъ страшно смѣтаетесь надъ моимъ первымъ святымъ чувствомъ? Неужели ради какого-то свѣтскаго приличія, ради поддержки дѣтскаго самолюбія вамъ не больно разбить мое существованіе, какъ бы оно ни было ничтожно. Отчего вы не оттолкнули меня съ перваго раза, отчего прямо не сказали, что не можете любить меня, что любовь ваша пустая мечта раздраженнаго воображенія.

Софья Ивановна встала и подошла съ Сергѣю Григорьевичу.

— Въ моей любви вы не имѣете права сомнѣваться: для нея я обманываю отца! — сказала она: — Для этой любви я забываю долгъ мой, совѣсть, стыдъ, всѣ приличія; для этой любви я пріѣхала къ вамъ, для этой любви... убейте меня если нужно, но не оскорбляйте подозрѣніемъ и моего перваго, чистаго чувства.

— Serge! — произнесла она съ какою-то отчаянною рѣшимостію: — погоди!.. выслушай!.. Serge!.. несравненный Serge!.. Я... давно твоя!.. но не для свѣта, не для родныхъ твоихъ... не жена я тебѣ, а... твой неизмѣнный другъ, съ безпредѣльной довѣренностью къ тебѣ, сказала она и громко зарыдала.

Копанскій не зналъ что отвѣчать; казалось онъ испугался чего-то, не вѣрилъ глазамъ своимъ, силится поднять Софью Ивановну, вырываетъ свои руки, которыя она цѣловала.

— Оставь, оставь меня! — говорила она: — мнѣ хорошо такъ, не говори, что я не люблю тебя, я не хочу слышать этого, не могу слышать, ты мнѣ дороже всего, дороже отца, дороже жизни.... дороже чести.....

— Sophie, — говорилъ Копанскій, нѣсколько времени спустя: — Я сейчасъ поѣду къ отцу, умолю его, брошусь ему въ ноги, онъ согласится исполнить твое желаніе, онъ долженъ это сдѣлать, я докажу какъ умѣю цѣнить твою любовь, твое самоотверженіе.... сегодня свадьба моей сестры, онъ не откажетъ, не смѣетъ отказать, иначе. . нѣтъ, не можетъ быть иначе или я подлець въ глазахъ общества! — добавилъ онъ энергически.

Софья Ивановна въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Свадьба! прошептала она и вздрогнула: — Какъ же я домой покажусь, какъ страшно мнѣ!.. Она тяжело вздохнула и закрыла глаза.

— Успокойся, Sophie, умоляю тебя! Поѣзжай домой, будь весела, клянусь тебѣ я все обдѣлаю... черезъ какую-нибудь недѣлю все кончится.

— Что кончится? — Она грустно улыбнулась и покачала головой: — Сережа? а вдругъ ты разлюбишь меня? произнесла она съ испугомъ и нѣжно-умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на Копанскаго.

— Тебя разлюбить, Sophie?! да развѣ это можно? развѣ есть въ природѣ такая сила?.. скорѣй я сдѣлаюсь отъявленнымъ негодяемъ, преступникомъ, разбойникомъ, нежели разлюблю тебя, послѣ всѣхъ твоихъ жертвъ и преданности.

— Нѣтъ, я вѣрю тебѣ, мнѣ такъ пришло въ голову, я кажется читала что-то такое, вздоръ это!.. вѣдь ты честный человекъ, я знаю, ужь если любишь кого, такъ нельзя разлюбить! возразила Софья Ивановна.

Копанскій обнялъ и крѣпко поцѣловалъ ее.

— Еслибъ было можно, я-бъ не ушла отъ тебя; кажется, лучше въ воду броситься, чѣмъ домой вернуться; страшно, такъ

страшно!.. въ груди горитъ точно!... Знаешь, Serge, я вѣдь все расскажу папашѣ, пусть узнаетъ, мнѣ легче будетъ, ну, что-жъ если я люблю тебя!

— Боже мой, что ты говоришь Sophie, подумай какими глазами будетъ смотрѣть на тебя отецъ... развѣ это можно... вѣдь ты убьешь его!.. наконецъ, пощади хоть меня!

Софья Ивановна машинально схватила шляпку и стала собираться домой.

— Прощай Serge! прощай!.. что будетъ то и будетъ, все равно, только бы любить тебя, а тамъ пусть что хотять то и дѣлають! сказала она и повисла на шею Копанскому.

Черезъ нѣсколько минутъ они разстались.

— Боже мой, что за ангелъ эта женщина! — говорилъ самъ съ собою Копанскій, по уходѣ Софьи Ивановны: — Я боюсь за нее, пожалуй она все расскажетъ.... все равно!.. она должна быть моею женою, непременно должна...

Онъ не договорилъ, кинувъ человѣка, велѣлъ подать себѣ шинель и отправился къ отцу.

А между тѣмъ Софья Ивановна, съ замершимъ сердцемъ, подѣвхала къ своему дому, соскочила съ дрожекъ, поспѣшно вбѣжала на дворъ и встрѣтилась съ отворившимъ ей двери, отцомъ.

— Ну слава Богу, наконецъ-то! — говорилъ старикъ, — Ужъ я чего не передумать... и обѣдать давно время, да безъ тебя и кусокъ въ горло нейдетъ, все думается не случилось-ли чего-нибудь.

Софья Ивановна ухватила руку отца, потомъ обняла его крѣпко, и крѣпко поцѣловала, какъ бы прося прощенія за свой проступокъ.

— Кто-жъ это боленъ Сонечка? спросилъ Иванъ Петровичъ, совершенно довольный засковой встрѣчей дочери.

— Больна... Лиза больна, торопливо отвѣтила она, укрываясь отъ взгляда отца.

За обѣдомъ Иванъ Петровичъ не переставалъ спрашивать со всѣми подробностями о мнимо-больной. Софья Ивановна мѣшалась, не знала что отвѣчать, блѣднѣла, краснѣла, перебрасывала разговоръ на другой предметъ, но отецъ, какъ бы нарочно, снова принимался за прерванную тему и ворочалъ тревожную совѣсть дочери.

Кончился обѣдъ. — Иванъ Петровичъ по обыкновенію отправился вздремнуть; Софья Ивановна осталась одна.

— Боже мой! — говорила она сама съ собой, — что за мука! нѣтъ, я не перенесу этого... Голова ея горѣла и кружилась, руки похолодѣли, по всему тѣлу бѣгала то ознобъ, то жаръ, грудь высоко подымалась и тяжело дышала. — Пощадите, простите меня, — бормотала она безсвязно.

Софья Ивановна не перенесла душевныхъ потрясеній и заболѣла.

V.

Недѣли двѣ пролежала больная. Бѣдный Иванъ Петровичъ, во все свободное время отъ должности, не отходилъ отъ ея постели, ухаживалъ за дочерью, какъ самая нѣжная мать за малымъ ребенкомъ. И Софья Ивановна, съ своей стороны, была какъ-то особенно нѣжна къ старику-отцу, часто брала его руку или наклоняла его голову и вливалась въ нее своими горячими губами. — «Прости меня, папаша, — говорила она, — я умру можетъ, прости меня, молись за меня!» — Иванъ Петровичъ въ такихъ случаяхъ рѣшительно не зналъ что отвѣчать; слезы невольно катились изъ глазъ его, онъ цѣловалъ дочь, просилъ ее успокоиться и выходилъ въ другую комнату выплакаться на свободѣ; а Софья Ивановна, между тѣмъ, прислонившись къ подушкѣ, въ свою очередь, заливалась слезами.

— Сонечка! что съ тобой? никакъ ты плачешь? — спрашивалъ старикъ изъ другой комнаты, слыша вырывавшееся всхлипыванье дочери. — Сонечка! что ты?! Господь съ тобой! — повторялъ онъ, подходя къ ея постели.

— Оставь меня, папаша, — отвѣчала она: — я хочу плакать, дай мнѣ плакать, не мѣшай, мнѣ легче отъ этого!

Старикъ тяжело вздыхалъ, опускалъ голову на руки и по-неволѣ слушалъ стоны дочери.

— Господи! что съ ней? — думалъ онъ, — ужъ не влюблена-ли она?.. но въ кого же, въ кого?.. ко мнѣ такой никто не ходитъ, она нигдѣ не бываетъ... въ кого же?.. вѣдь и влюбиться-то не въ кого, не можетъ быть! — Онъ задумывался, соображалъ что-то и потомъ отрицательно моталъ головой. Ему и на умъ не приходило, что она любитъ брата той подружки, которая такъ жестоко и грубо поступила съ ней, да притомъ,

Иванъ Петровичъ быть можетъ даже не зналъ о существованіи этого брата.

А между-тѣмъ молодой Копанскій до-сихъ-поръ все намѣревался неотступно просить и требовать у своего отца, исполненія всѣхъ условій для своей свадьбы. Въ раковой для Софьи Ивановны день, тотчасъ по уходѣ ея, онъ съ горяча отправился къ отцу, съ твердымъ намѣреніемъ дѣйствовать рѣшительно, всю дорогу обдумывалъ, какъ и что говорить, но прѣхавъ засталъ много гостей и не сказалъ ничего.

Съ этого дня откладываніе продолжалось; то генералъ былъ занятъ, то у него были гости, то онъ былъ не въ духѣ, то самимъ молодымъ человѣкомъ овладѣвала, какая-то нерѣшимость. «Пусть лучше завтра,» думалъ онъ, но приходило завтра и приносило съ собою новое препятствіе.

Во все это время Сергій Григорьевичъ писалъ безпрестанно письма къ Софьѣ Ивановнѣ, ихъ доставляла украдкой отъ Ивана Петровича, если не посвященная въ тайну, то по крайней-мѣрѣ, подкупленная Матрена. Софья Ивановна отвѣчала на нихъ немедленно; часто, приподымаясь съ постели, она до того забывалась надъ письмомъ, что какъ будто новыя силы посѣщала ее въ эти минуты. Ни слова не говоря о свадьбѣ, она считала свой союзъ совершенно законнымъ, законнымъ не по формѣ а по сердцу, желанію и природѣ. Одна эта мысль подкрѣпляла ее и оправдывала въ ея собственномъ мнѣніи.

Прошло двѣ недѣли. Софья Ивановна выздоровѣла.

Однажды старикъ Копанскій сѣдѣлъ въ своемъ кабинетѣ за письменнымъ столомъ и вознясь съ какими-то бумагами, Сергій Григорьевичъ стоялъ у окна и разсѣянно глядѣлъ на улицу; видно было, что его занимала какая то мысль, онъ хотѣлъ что-то сказать, но не рѣшался начать разговоръ, не зналъ, какъ приступить къ нему. Нѣсколько минутъ молчаніе не нарушалось, наконецъ генералъ первый прервалъ его

— Ну, что, Сергій, не поздравить ли тебя, ты не жѣнать еще? — спросилъ онъ, проницески улыбаясь.

— Что за странный вопросъ папенька, что за насмѣшка надъ моимъ несчастіемъ. Вы очень хорошо знаете, что женитьба моя зависить отъ васъ.

— Я не удерживаю, я тебѣ нѣсколько разъ объявлялъ это.

— Вы больше, чѣмъ удерживаете, возразилъ Сергій Григорьевичъ, — вы знаете чего недостаетъ мнѣ, чего прошу я и теперь пришелъ просить у васъ.

Генераль пожалъ плечами.

— Если ты за тѣмъ пришелъ, отвѣтилъ онъ, — то повторяю тебѣ одинъ разъ на всегда, что всѣ твои просьбы будутъ напрасны. — Я не такой партін хотѣлъ для тебя, не того искалъ, если ужъ пришла дурь въ голову, ну, Богъ съ тобой, женись, я уываю руки, но унижаться передъ дѣвчонкой, ужъ за это вы меня извините. — Да, и она же дура порядочная, ей кладъ въ руки дается, а она туда же, кобенится, — стыдно тебѣ, Сергѣй, лучше одумайся, ты этимъ бракомъ унижаешь себя, меня, сестру, портишь свою карьеру!

— Я люблю ее, понимаете ли — люблю! энергически произнесъ Сергѣй Григорьичъ.

Генераль отвернулся и нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Не говори ты вздору! замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, это не вздоръ, я люблю ее горячо, свято и я долженъ жениться на ней! добавилъ Сергѣй Григорьичъ.

— Долженъ?... Это почему?

— Да; долженъ, если только не хочу быть подлецомъ, мерзавцемъ, долженъ!... долженъ для любви, для совѣсти, для своего счастья, долженъ потому, что она.... Онъ не договорилъ; на глазахъ его показались слезы.

Во все это время, старикъ пристально смотрѣлъ на сына; потухшіе глаза его ярко блеснули.

— Честь имѣю поздравить! произнесъ онъ протяжно и какъ-то особенно улыбаясь: — ай да молодецъ! а вѣдь славная, чертъ возьми, штука, право славная!... признаюсь я не ожидалъ отъ тебя такой прыти! Такъ, за чѣмъ же жениться-то, чего жъ тебѣ еще больше?

— Какъ, зачѣмъ?!.. а любовь, честь, совѣсть! почти закричалъ Сергѣй Григорьичъ. — Папенька! пощадите меня! добавилъ онъ плачевнымъ голосомъ и упалъ на колѣни.

— Встань, встань Сергѣй, какъ не стыдно тебѣ! говорилъ генераль, подымая за руку сына. — Полно! продолжалъ онъ, — опомнись!... какая тутъ честь!... стоить ли сожалѣнья та женщина, которая рѣшилась на подобный поступокъ; она прихоть, игрушка, любовница, — сегодня твоя, завтра другаго, третьяго и пошла по рукамъ. — Сергѣя Григорьича подернуло морозомъ.

— Замолчите папенька!... вѣдь это страшно, страшно, что говорите вы!... вы ее не знаете, вы не смѣете такъ судить о ней!

Генераль захохоталъ. — Ты мальчишка, произнесъ онъ, — такъ судить цѣлый свѣтъ, тебя водять за носъ, а ты порешь о какой-то чести и совѣсти. Дуракъ, пошлый дуракъ! добавилъ онъ и снова захохоталъ.

Сергѣй Григорычъ не выдержалъ, схватилъ фуражку и выбѣжалъ изъ комнаты. Слова отца, проницательный смѣхъ его звенѣли и отзывались въ ушахъ молодаго человѣка; и когда онъ дохнулъ свѣжимъ воздухомъ улицы, ему показалось, что онъ освободился отъ орудія пытки, отъ площаднаго хохота толпы: такъ больно слова и смѣхъ генерала ударили по сердцу сына.

Вернувшись домой, онъ вбѣжалъ на лѣстницу и дернулъ за колокольчикъ. Ему хотѣлось поскорѣй остаться одному, наединѣ съ своею совѣстью, обсудить, обдумать свое положеніе. Лакей отворилъ двери, Копанскій рванулся въ переднюю, сбросилъ съ себя шинель и въ первой комнатѣ увидѣлъ, сидѣвную на диванѣ Софью Ивановну.

На секунду онъ остановился въ недоумѣніи, какъ будто пробужденный отъ сна.

Софья Ивановна улыбнулась.

— Прости, прости меня! говорилъ онъ, сжимая ея руки и покрывая ихъ подѣлуями: — это ужасно, подло, безчеловѣчно, мнѣ стыдно смотрѣть на тебя... отецъ, мой отецъ!

— Ради Бога, что съ тобой, что такое?!

Копанскій коротко передалъ ей свой разговоръ съ отцомъ. — «Нѣтъ! добавилъ онъ — все это вздоръ, теперь ты должна быть моею женою, ты не смѣешь, тебѣ нельзя отказаться отъ этого, иначе совѣсть убьетъ меня, я преступникъ передъ тобой, а ты... позоръ и стыдъ тебѣ!»

Софья Ивановна вздохнула.

— Преступникъ, если обманешь, разлюбишь меня, отвѣтила она: — тогда — да, страшный преступникъ, а мнѣ, я знаю, стыдъ и позоръ, передъ людьми; но ужъ лучше стыдъ, чѣмъ бракъ по расчету. Одно другаго стоитъ. Мнѣ ничего не нужно, одной твоей любви хочу я, пусть люди судятъ, какъ хотятъ, мнѣ все равно, только люби меня! — Она крѣпко ухватила его голову обѣими руками, подняла ее и устремила глаза свои, какъ-бы спрашивая отвѣта.

— Вѣчно и безпредѣльно! отвѣтилъ Копанскій и повисъ на шею Софьѣ Ивановнѣ....

И не разъ, не два посѣтила дѣвушка молодаго человѣка; она пользовалась каждымъ удобнымъ случаемъ, выдумывала разные

предлоги и украдкой отправлялась на квартиру Кошанского или въ другое мѣсто, назначенное для свиданія. О свадьбѣ у молодыхъ людей не было больше и помину, они, казалось, все забыли и были довольны и счастливы настоящимъ своимъ положеніемъ. Правда, задумывалась иногда Софья Ивановна, не могла сморгнуть прямо въ глаза отцу своему, все боялась чего-то, но мысль о любви, о предстоящемъ свиданіи скоро разгоняла печальную думу.

Кошанскій, въ послѣднее время, пѣбгалъ встрѣчи съ отцомъ своимъ, сталъ рѣже посѣщать его, быть можетъ потому, что старикъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, всячески смѣялся надъ сыномъ, непримично выражался о Софьѣ Ивановнѣ, даже называлъ ее не совсемъ приятными именами.

— Жаль, жаль ее! повторялъ иногда въ раздумьи Сергій Григоричъ, — кто-жъ виновать, она сама не хотѣла, а все сдѣлать, все!... Я ставилъ ее такъ высоко, недсягаемо.... конечно она всѣмъ пожертвовала для меня, изъ любви ко мнѣ, мнѣ слѣдовало.... Зачѣмъ я узналъ, увидѣлъ ее, все это ужасно! — Онъ задумывался и грустно качалъ головой.

Иванъ Петровичъ по прежнему ничего не подозрѣвалъ; хотя онъ видѣлъ какую-то затаенную грусть дочери, ея полное равнодушіе ко всему окружающему, иногда горькія слезы, иногда звонкій, непринужденный смѣхъ, безъ всякой видимой причины, но все это объяснялось старикомъ по своему или, лучше сказать, никакъ не объяснялось. По цѣлымъ часамъ, иногда думалъ онъ, ломалъ себѣ голову, потому тяжело вздыхалъ и говорилъ самъ съ собой: — ужъ Богъ ее вѣдаетъ, вѣрно уродилась такая, я и ума не приложу.... хотъ бы женишекъ какой выписался, можетъ лучіе бы было!

Такъ прошелъ мѣсяць, другой. Молодые люди по прежнему были счастливы, по прежнему любили другъ друга, только на Кошанскаго иногда находила какая-то хандра, онъ заперался у себя въ комнагѣ, никого не хотѣлъ видѣть, точно боялся или стыдился чего-то.

Однажды, возвратясь изъ должности, Иванъ Петровичъ почувствовалъ себя что-то не хорошо; нѣсколько дней онъ перемогался, наконецъ не выдержалъ и слегъ въ постель.

Софья Ивановна хлопотала, плакала, ѣздилъ за докторами; казалось, она все забыла и Кошанскаго, и любовь свою, и не отходила отъ постели больного.

Ивану Петровичу становилось все хуже и хуже.

— Сонечька, говорил онъ, нѣсколько дней спустя, — я ужь не встану, Сонечька.... сядь ближе, сюда, на кровать сядь.... я же могу говорить громко.

Софья Ивановна зарыдала и повалилась въ ноги къ отцу.

— Не плачь Соня, продолжалъ онъ, — что плакать, ужь я старъ, нужно же умирать когда-нибудь.... выслушай меня.... прости меня, я тебѣ ничего не оставилъ, что дѣлать, не то думалъ я, да не такъ вышло.... умру, продай все, мебель, все продай, сама на мѣсто пойдешь, въ гувернантки что-ли, сама знаешь, сиротѣ и пристало это.... веди себя честно Соня, у тебя только и есть что одна честь; ее потеряешь — все пропало, все!

Софья Ивановна поблѣднѣла, руки ея задрожали.

— Не плачь! продолжалъ старикъ, — не тревожь меня, дай умереть спокойно.... Знаю, что ты дѣвушка добрая, честная, береги только себя, и нигдѣ не пропадешь; какъ совѣсть говорить, такъ и поступай: совѣсть никогда не обманетъ!

— Папаша! вскрикнула Софья Ивановна; она хотѣла что-то сказать, но старикъ прервалъ ее.

— Пстой! дай договорить, продолжалъ онъ, — да, совѣсть... свихнуться легко, долго ли, да поправиться трудно.... есть у тебя на душѣ что-то, Соня, есть.... не знаю не довольна ты чѣмъ что ли, бѣдность ли смущаетъ тебя, скучаешь ли, не знаю!... прости меня Соня, молись обо мнѣ.... живи счастливо, честно... Онъ закрылъ глаза и тяжело застоналъ.

Софья Ивановна обнимала ноги отца, цѣловала ихъ и горько плакала.

Больной впалъ въ безпамятство, на другой день очнулся, пришелъ въ себя, но не могъ говорить; только тяжелые вздохи его грустно раздавались по комнатѣ.

Софья Ивановна какъ окаменѣлая, блѣдная, стояла у его изголовья, съ каждымъ вздохомъ отца лицо ея судорожно подергивалось; видно было, что эти вздохи глубоко проникали въ ея сердце, по временамъ она поднимала глаза къверху, складывала на груди руки, губы ея что-то шептали, она молилась, потомъ пристально заглядывалась на страдальческое, блѣднее лицо больного, такъ заглядывалась, какъ будто каляясь предъ нимъ, и хотѣла вымолить себѣ прощенье.

Умирающій открылъ глаза, оглядѣлъ кругомъ себя, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ, судорожно поднялъ руку и сдѣлалъ крестное знаменіе, потомъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, глаза его

закатались, онъ странно закрапѣлъ. — Папапа, папапа! вскрикнула Софья Ивановна, и упала на грудь отца.

— Позвольте, сударыня.... отходить никакъ, сказала подоспѣвшая Матрена и съ трудомъ оттащила свою барышню.

Бѣдная дѣвушка повалилась на колѣни предъ кроватью и глухо зарыдала.

Старикъ скончался.

Для черезъ три послѣ этого, въ комнатѣ съ опущенными сторами, передъ небогатымъ гробомъ, священникъ въ черной ризѣ совершалъ погребальный обрядъ, дьячекъ протяжно пѣлъ «вѣчную память»; Софья Ивановна въ черномъ съ плерезами платьѣ, поддерживаемая молодымъ Копанскимъ, цѣловала въ послѣдній разъ холодный трупъ отца. Нѣсколько сослуживцевъ Ивана Петровича равнодушно стояли поодаль.

Наконецъ и прощаніе кончилось, гробъ заколотили крышкой, поставили на грязныя дроги, и бѣдная похоронная процессія поплелась, куда слѣдуетъ.

Софья Ивановна бросилась на шею Копанскому; она ничего не сказала, но такъ взглянула на него, какъ бы проговорила: «ты одинъ у меня теперь, не покинь же меня, не погуби меня!»— Копанскій посадилъ ее въ карету, а самъ пошелъ за гробомъ пѣшкомъ; много тяжелыхъ думъ оттѣнилось на лицѣ его.

Съ кладбища Софья Ивановна уѣхала къ Сергѣю Григорьичу.

VI.

Прошло два мѣсяца. — Въ небольшой, чисто убранной комнатѣ, за маленькимъ столикомъ, сидѣла Софья Ивановна и что-то работала, противъ нее, развалилась на креслѣ, съ папирской въ зубахъ, помѣстился Сергѣй Григорьичъ.... Въ комнатѣ царствовало молчаніе; Софья Ивановна первая прервала его.

— Сережа, начала она, — знаешь, я все хочу тебѣ что-то сказать, да боюсь.... ты, пожалуй, разсердишься на меня?

Копанскій поднялъ голову и разсѣянно взглянулъ на нее.

— Неужели ты не догадываешься, продолжала она, — какой странный!... ну, посмотри, что я шью? — Она протянула ему работу.

— Шмизетку, кажется, отъѣтилъ Копанскій и глвнулъ Софья Ивановна засмѣялась.

— Да, какая же шмизетка.... глди! — Она развернула работу.

— Чтожъ это?... дѣтская рубашка? произнесъ Сергѣй Григорычъ и вопросительно взглянулъ на Софью Ивановну.

— Да!... дѣтская рубашка! выразительно подтвердила по-слѣдняя и въ свою очередь посмотрѣла на Копанскаго. — Теперь догадываешься. Знаешь для кого? добавила она, улыбаясь.

Сергѣй Григорычъ ничего не отвѣчалъ; онъ какъ будто боялся говорить, и во всѣ глаза смотрѣлъ на Софью Ивановну.

— Сережа! неумели ты не видишь, что я скоро сдѣлаюсь матерью! съ особеннымъ чувствомъ произнесла она.

Копанскій вздохнулъ и опустилъ глаза въ землю.

— Сережа! — Софья Ивановна протянула ему руку. — Ты ничего не говоришь?

Копанскій поднялъ голову.

— Сомечка! произнесъ онъ, — мнѣ такъ больно за тебя, я такъ виноватъ предъ тобой, что право не смѣю и этому радоваться.... меня все страшитъ что-то, точно совѣсть мучитъ, а все боюсь будущаго, что дальше будетъ, чѣмъ все это кончится?

Софья Ивановна встала и обняла Копанскаго.

— Чтожъ будущее? отвѣтила она улыбаясь, вѣдь ты счастливъ теперь, мы любимъ другъ друга, да?

— Да! едва слышно подтвердилъ Сергѣй Григорычъ.

— Ну, и въ будущемъ, я вѣдь никогда тебя не разлюблю, не могу я тебя разлюбить, вѣдь ты все для меня, ну и ты тоже будешь любить меня, а тамъ, быть можетъ, обстоятельства переменятся, тогда мы обвиняемся, вотъ и все!... да, что мнѣ, теперь мнѣ все равно, вѣтъ у меня нпкого кромѣ тебя... правда?

— Правда! разсѣянно отвѣтилъ Копанскій и снова задумался.

— Знаешь, мнѣ одно досадно, начала нѣсколько спустя Софья Ивановна, зачѣмъ я не живу вмѣстѣ съ тобой, иногда такъ, такъ скучно одной, такъ бы хотѣлъ съ видѣть тебя.

— Этого нельзя, Сонечка, ко мнѣ ходятъ товарищи, оендеры, тогда всѣ узнаютъ, что я живу.... Онъ не договорилъ, вахурился и провелъ рукою по лбу.

Софья Ивановна слегка покраснѣла, отвернулась и утерла выкатившумся слезу.

Сергѣй Григорычъ просидѣлъ еще нѣсколько времени, какъ-

то вало, разсѣянно отвѣчать на всѣ вопросы Софьи Ивановны, и наконецъ, дождавшись урочнаго часу, побрелъ къ себѣ домой.

Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ, на временамъ останавливался, тяжело вздыхалъ, качалъ головою и опять принимался шагать.

«Ужасно!» повторялъ онъ самъ съ собой, «ребенокъ?... что за несчастная судьба свела меня съ этой женщиной.... мнѣ такъ жаль ее, стыдно за нее, я бы хотѣлъ бѣжать отъ всего этого... Господи! чтожь мнѣ дѣлать?!... жениться, уговорить ее.... что всѣ скажутъ, всѣ знаютъ что я живу съ ней.... женился на любовницѣ.... а между тѣмъ, что дальше-то будетъ?... не могутъ же быть наши отношенія вѣчны, онѣ не скрѣплены ни чѣмъ, въ нихъ нѣтъ ничего святаго, въ нихъ только преступленіе, одна слѣпая любовь обезпечиваетъ ихъ, но вѣдь рано или поздно любовь пройдетъ, тогда же что?... у ней позоръ и общее презрѣніе, у меня.... что-жь мнѣ дѣлать?... жениться — невозможно, прежде она была честная дѣвушка, а теперь.... оставить, забыть ее?... вѣдь это безчестно, подло, за что-жь я погублю ее, она не перенесетъ этого!... Господи! и зачѣмъ она меня любить такъ, зачѣмъ?!... Кто-жь виноватъ?... Она сама виновата, я дѣйствовалъ честно, она сама унизилась, забылась, не будь этого, все бы разыгралось совершенно иначе.... Боже мой! сколько подлости въ человѣкѣ! она принесла себя въ жертву моей страсти, моей любви, а я.... Опъ упалъ на диванъ и закрылъ глаза руками. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ чаще и сильнѣе задумывался и сомнѣвался Сергѣй Григорьичъ, тѣмъ неохотнѣе отправлялся снѣ къ Софѣ Ивановнѣ, тѣмъ принужденнѣе цѣловалъ ее, тѣмъ болѣе злился на себя и осуждалъ ее за прошедшее, тѣмъ положительнѣе себя оправдывалъ. — Мысль о женитьбѣ не приходила болѣе ему въ голову, ее смѣнила другая мысль, мысль о возможности, какимъ бы то ни было образомъ, избавиться отъ Софьи Ивановны.

Однажды, когда старикъ генералъ, улыбаясь спросилъ сына: «скоро ли его свадьба будетъ?» — Послѣдній отвѣчалъ: «не обижайте меня, папенька, я слишкомъ подлъ и слишкомъ несчастенъ, и никогда не могу жениться.»

А между тѣмъ бѣдная женщина ничего не подозрѣвала, она воображала, что Копанскій любить ее по прежнему, да и не могла воображать иначе. — Сергѣй Григорьичъ тщательно скрывалъ свои мысли и измѣнившіяся чувства. По наружности онъ и по прежнему посѣщалъ Софью Ивановну, насильно, съ болью

въ душѣ разыгрывалъ роль страстно влюбленнаго, ласкалъ ее не изъ любви, а изъ сожалѣнія, изъ потребности собственнаго раскаянія. — Онъ чувствовалъ, что совершаетъ преступленіе, ему тяжело было обманывать несчастную, часто ему хотѣлось броситься предъ ней на колѣни, и рыданіями вымолить себѣ если не прощеніе, то по крайней мѣрѣ облегчить свое душевное страданіе, но боязнь видѣть отчаяніе Софьи Ивановны, раздирающія сердце слезы ея, слушать заслуженные упреки, сдерживали Копанскаго и заставляли его притворяться. — Онъ зналъ, что Софья Ивановна любитъ его безъ границъ, что отдѣлаться отъ нея можно только однимъ рѣшительнымъ ударомъ, убить ли, нѣтъ ли этотъ ударъ женщину, на это Копанскій, заглушивъ совѣсть, махнулъ рукой; что будетъ то будетъ, лишь бы выйдти изъ ложнаго положенія.

Нѣсколько времени спустя, Софья Ивановна разрѣшилась отъ бремени дочерью.

Съ малюткой у груди спдѣла она на своей кровати, возлѣ ея, свѣсивъ голову внизъ, поцѣлался Сергѣй Григорычъ.

— Какъ я счастлива теперь, говорила Софья Ивановна, съ улыбкою глядя на дочь свою: — послушай, Serge, я ее такъ буду любить, какъ ужъ нельзя больше, больше жизни своей, больше свѣту божьяго!

Копанскій слегка вздрогнулъ и ничего не отвѣтилъ.

— Знаешь, продолжала Софья Ивановна, — мнѣ хочется, чтобъ она на тебя была похожа, чтобъ она мнѣ всегда напоминала тебя... посмотри Сергѣй, поцѣлуй ее! — Она открыла лицо ребенка.

Копанскій приложился къ нему губами, потомъ поцѣловалъ руку матери.

— Сережа! жизнь моя, ты вѣдь радъ, что у насъ дитя есть, да, радъ?... ты тоже будешь любить его?... Она глупенькая и не знаетъ теперь, какой у ней добрый папаша....

Сергѣй Григорычъ посмотрѣлъ въ окно и почему-то закашлялся.

— Какъ же не любить своего ребенка, еще бы! отвѣчалъ онъ, стараясь придать выраженіе словамъ своимъ, между тѣмъ какъ на лицѣ его сверкнуло неудовольствіе. Онъ подошелъ къ кровати, поцѣловалъ Софью Ивановну, вышелъ въ другую комнату и всплеснулъ руками: — Господи! что я дѣлаю! глухо проговорилъ онъ.

Прошелъ мѣсяць, Копанскій велъ себя попрежнему, Софья Ивановна по прежнему была счастлива.

— Ну, еслибъ я умеръ, чтобы было съ тобой, чтобы ты тогда сдѣлала? спросилъ Сергѣй Григорьичъ Софью Ивановну.

— Тоже умерла бы! съ полною увѣренностію отвѣтила послѣдняя.

— Какъ умерла?

— Ну, да, умерла!... развѣ я могу жить безъ тебя?!

— А дочь?... Софья Ивановна задумалась. — Сережа, ну что за вопросы такіе, произнесла она, — мнѣ теперь весело, я такъ счастлива, а ты право смущаешь меня... мнѣ страшно!

Она обняла Копанскаго.

— Я такъ только замѣтилъ, мало ли что можетъ случиться! отвѣтилъ онъ.

— Только хорошее! выразила Софья Ивановна, — я въ дурное не вѣрю, не для насъ оно! — Она засмѣялась, лицо Копанскаго судорожно подернулось.

— Ну, прощай! говорилъ онъ, нѣсколько времени спустя: — я завтра не приѣду, занять на службѣ, прощай. — Онъ подошелъ къ колыбели, перекрестилъ спавшую малютку, нагнулся къ ней и пророчно утеръ глаза свои.

— Разбудишь! замѣтила мать и взяла его за руку.

— Прощай! снова повторилъ онъ, и какъ-то особенно крѣпко, какъ бы говоря: «прости, прости меня», поцѣловалъ Софью Ивановну и вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одна, бѣдная, ничего не подозревавшая женщина весело улыбулась, потомъ на цыпочкахъ подошла къ колыбели, стала на колѣни, раздвинула занавѣсъ и долго, долго смотрѣла на свое спавшее сокровище.

Слезамъ радости наполнились глаза ея, вся фпзіономія выражала ея любовь и счастье, и, какое-то святое материнское благоговѣніе. — «Ангель Божій!» тихо произнесла она и стала молиться.

На другой день Копанскій не приходилъ къ Софьѣ Ивановнѣ, а на третью сутки она получила отъ него письмо такого содержанія.

«Софья Ивановна, писалъ онъ. — Полтора года тому назадъ, когда несчастныя обстоятельства заставили васъ оставить домъ отца моего, я полюбилъ васъ горячо, и не смотря на всѣ препятствія, я постоянно стремился къ одной цѣли, сдѣлаться ва-

жить мужем; въ этомъ я видѣлъ свое счастье и дѣйствительно былъ бы счастливъ, назвать васъ своею женою.—Обстоятельства разъягались иначе, въ тотъ самый роковой для васъ день, когда я неотступно, рѣшительно просилъ руки вашей, когда грозилъ въ случаѣ отказа лишиться себя жизни, грозилъ не изъ притворства, а изъ дѣйствительной любви, вы, для моего успокоенія, пожертвовали своею честію, вы стали моею!... И я тогда любилъ васъ, любилъ, быть можетъ, больше прежняго, но любилъ какъ-то иначе. Прежде я чтилъ васъ какъ святую, видѣлъ во всемъ существѣ вашемъ что-то неземное, вы мнѣ казались гениемъ моего счастья, я готовъ былъ преклониться передъ вами, но послѣ роковаго дня, это чистое покрывало любви спало, святость ея исчезла, я былъ счастливъ, я любилъ васъ страстно, но изъ божества вы стали для меня женщиной, правда, женщиной прекрасной, истинно-любящей; но все-таки женщиной.—Мнѣ досадно было за васъ, я не ожидалъ вашего увлеченія и, счастливый въ душѣ, осуждалъ его.—И я самъ испугался этого осужденія, мнѣ показалось, что вы потеряли цѣну въ глазахъ моихъ, мнѣ сдѣлалось страшно, страшно за васъ, и чтобъ отклонить отъ себя даже мысль суда надъ вами, чтобъ смыть съ себя пятно преступленія, я еще упорнѣе требовалъ нашей свадьбы.—Вы стояли на своемъ, хотѣли одной любви, а я боялся за то, что случилось теперь въ дѣйствительности.—Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ отношенія наши становились болѣе и болѣе нездоровыми, стѣснительными, странными; любовь перестала быть новостію, порывы ея прошли, она утратила свой прежній блескъ; поддѣленная положительной, матеріальной силой, она бы продолжала горѣть ровно, безостановочно, а теперь вышло иначе. Да, Софья Ивановна, я рѣшился наконецъ открыть себя, не хочу, да и не могу притворяться долѣе, я долженъ высказаться, долженъ разомъ все кончить, мнѣ легче будетъ, гора съ плечъ свалится. Я разлюбилъ васъ, Софья Ивановна! сердце мое опустѣло, одно сожалѣніе къ вамъ и жестокій упрекъ самому себѣ остались въ немъ.—Презирайте, называйте меня какъ хотите, я не прошу прощенія, я слишкомъ виноватъ предъ вами, но чтѣжь мнѣ дѣлать... Я разлюбилъ васъ! Отчего?... не знаю.... скажу одно: для прочныхъ отношеній нуженъ былъ болѣе прочный союзъ. Знаю, что вы, къ несчастію, слишкомъ любите меня, что это извѣстіе поразитъ, убьетъ васъ, но, во всякомъ случаѣ, пусть что будетъ то будетъ, я лучше рѣшаюсь быть палачомъ вашимъ, но не въ состояніи долѣе обманывать васъ, гнусно притворяться предъ са-

нить собою. Наши отношенія сдѣлались слишкомъ тягостны, мы должны забыть ихъ, они вызываютъ только упреки стыда и совѣсти. Умоляю васъ, Софья Ивановна, не приближайте слишкомъ къ сердцу словъ моихъ, успокойтесь, поберегите себя, вспомните, что у васъ есть дочь, дѣя которой вы должны жить. — Вы еще такъ молоды, такъ хороши собой, что можете поддерживать себя; быть можетъ найдется человѣкъ, который предложитъ вамъ руку, не отвергайте ее; этимъ вы искупите ошибку молодости. — Прощайте, Софья Ивановна, прощайте навсегда, вы меня не увидите болѣе! — Я пишу это письмо и плачу какъ ребенокъ, мнѣ жаль себя, жаль васъ; жаль всего прошедшаго. — Прощайте! перекрестите за меня нашу малютку, пусть за страданіе матери она будетъ счастлива. Предлагаю здѣсь деньги на ваше годовое содержаніе, впоследствии можете получить еще. — Прощайте! на всегда, на вѣки; въ послѣдній разъ, заочно, рыдая, цѣлую руки ваши. — Не думайте писать ко мнѣ, не старайтесь меня увидѣть — все это будетъ напрасно!»

Получивъ это письмо, еще не распечатывая его, Софья Ивановна измѣнилась въ лицѣ, она взглянула на адресъ и тотчасъ узнала руку Сергѣя Григорьевича. — «Что это такое?» произнесла она съ испугомъ и нѣсколько секундъ, молча, смотрѣла на конвертъ, не рѣшаясь проникнуть во внутрь его и какъ бы соображая причину такого полновѣснаго посланія. — Наконецъ она судорожно, съ боязнію, сломала печать, выдернула письмо, изъ него упала пачка ассигнацій. — «Что это?! — повторила Софья Ивановна, не довѣряя глазамъ своимъ: — деньги?!... да деньги! она подняла ихъ, положила на столъ и снова взглянула на письмо: — «Что это?! мнѣ страшно!... я боюсь!... Что тамъ такое?» произнесла она сквозь слезы, опустила на диванъ и горько заплакала. Потомъ съ успіемъ, какъ бы рѣшившись на что-то отчаянное, развернула письмо и начала читать. —» Софья Ивановна», — глухо, глотая слезы, выговорила она и продолжала чтеніе. Руки ея дрожали, грудь высоко подымалась, лицо было блѣдно, глаза проворно перебѣгали отъ строчки къ строчкѣ и казалось искали чего-то. — «Сергея!» вдругъ дико, отчаянно вскрикнула Софья Ивановна, припала лицомъ на подушку и страшно зарыдала. «Разлюбилъ!» повторяла она такъ, что слышала ее, кажется, камень прослезился бы. — Нѣсколько минутъ рыданія ея не прекращались, наконецъ она вскочила, про-

ворно отерла глаза, схватила письмо и стала продолжать чтение. Губы ее судорожно сжимались, изъ глазъ невольно текли слезы. Она выронила письмо, шатаясь встала съ дивана, схватила себя за голову, — глаза ее выкатились и дико блуждали. — «Быть не можетъ!... Это вздоръ, обманъ, подлый обманъ!... онъ этаго не сдѣлаетъ, не смѣетъ сдѣлать, съ чего?» говорила она шопотомъ, точно сама боялась словъ своихъ. — «Деньги!... письмо!... Сережа, Сережа!» застонала она, ударяя себя въ грудь.. «Да развѣ это возможно!?. Это сонъ!.. Я не оставлю тебя!... убей меня на мѣстѣ, убей вмѣстѣ съ ребенкомъ!... Я не могу такъ жить, убей! убей!» повторяла Софья Ивановна, отчаянно ломая себѣ руки. — Нѣсколько минутъ она и плакала, и стонала; то рвалась и металась по комнатѣ, то останавливалась безсознательно, въ недоумѣннн, бралась за голову, полураскрытыя губы ее что-то шептали, она схватывала письмо и снова бросала его. — Наконецъ, проворно, дрожащими руками завернула въ платокъ ~~при-~~ деньги, схватила шляпку, накинула салопъ, кшкнула горничную и выбѣжала на улицу. — Почти бѣгомъ, растакивая прохожихъ, сама не помня себя, она достигла дома, гдѣ жилъ Копанскій, быстро поднялась по лѣстницѣ, сильно дернула колокольчикъ, другой, третій, четвертый разъ — отвѣта не было. У Софьи Ивановны подкосились ноги, она схватилась за перила, кое-какъ спустилась и стала звонить къ дворнику.

— Кого вамъ? вопросительно произнесъ, сдѣвшивъ у воротъ, мужикъ въ красной рубахѣ.

— Копанскаго! съ трудомъ выговорила Софья Ивановна.

— Съхалъ! равнодушно отвѣтилъ дворникъ и плюнулъ на сторону. — За-границу выписался, добавилъ онъ.

Софья Ивановна покачнулася и упала на мужика, тотъ поддержалъ ее.

— Что ты барыня, хмѣльна, что-ль? произнесъ онъ; но взглянувъ въ страдальческое, мертвое лицо женщины, усумнился въ своемъ мнѣннн, взялъ ее подъ руку и усадилъ подъ воротами на лавку. — Сомгѣла что-ли, кто ее знаетъ, добавилъ онъ самъ съ собой.

— Воды! умоляющимъ голосомъ, едва слышно, произнесла Софья Ивановна.

Дворникъ вынесъ ковшикъ съ водой, она дрожащими руками схватила его и стала пить, потомъ встала, шатаясь вышла на

улицу, сѣла на перваго понавнагося навезчика и приказала вести себя къ старику Копанскому.

Дворникъ смотрѣлъ ей въ слѣдѣ. — «Надо быть барыня!.. замѣтилъ онъ нѣсколько спустя, замотавъ головой и какъ-то по своему улыбулся.

— Я къ генералу! произнесла Софья Ивановна, когда чело-вѣкъ отворилъ ей двери.

— Уѣхали за-границу, равнодушно отвѣтилъ лакей. Софья Ивановна остановилась, какъ вкопаная.

— Марья Григорьевна? съ трудомъ выговорила она.

— Дома! отвѣтилъ лакей и отворилъ двери въ гостинную, Софья Ивановна сбросила съ себя салопъ и вошла. — Ноги ея тряслись, она не могла стоять и опустилась на стулъ.

Въ сосѣдней комнатѣ слышался шорохъ шелкового платья, Софья Ивановна встала; въ дверяхъ показалась разодрѣтая хозяйка, она взглянула на гостью, презрительно улыбулась и остановилась въ недоумѣнн.

— Что вамъ угодно? строго произнесла она.

— Брата вашего!.. гдѣ братъ вапгъ?!.. отдайте мнѣ его, пощадите меня! завопила умоляющимъ голосомъ Софья Ивановна.

— Братъ мой третьяго дня уѣхалъ за-границу, на долго! выразительно отвѣтила хозяйка.

— Напишите ему... дайте его адресъ, я сама буду писать, сама поѣду къ нему... онъ вернется, онъ не можетъ оставить меня, не можетъ... онъ сжалится надо мной!.. Я люблю его!..

— Quelle honte! вполголоса произнесла Марья Григорьевна и пожала плечами. — Я вамъ повторяю, что братъ мой за-границей, громко продолжала она, адреса его не знаю, да хотя-бъ и знала, ни въ какомъ случаѣ не сказала бы вамъ... и вазъ прошу оставить меня въ покоѣ, я отнюдь не желаю вмѣшиваться въ ваши грязныя отношенія, въ эту низкую связь, которой вы опутали моего брата!

Софья Ивановна упала въ ноги къ Марьѣ Григорьевнѣ.

— Марья Григорьевна! говорила она, заглушая слова свои рыданиями: — сжальтесь... простите... пощадите!.. у меня есть дочь, слышите, дочь!.. вашъ братъ отецъ ея!

Хозяйка сдѣлала движеніе, намѣреваясь уйти, Софья Ивановна схватила ея за платье.

— Пустите! произнесла сердито Марья Григорьевна.

— Не пушу! отвѣтила Софья Ивановна, съ полнымъ отчаяніемъ. — Нѣтъ!... стойте!... да, у меня есть дочь! продолжала она глухимъ прерывающимся голосомъ:—дочь!... племянница ваша!... вы когда-то любили меня, я ваша подруга.... вашъ братъ долженъ жениться на мнѣ, долженъ!... я требую этого, требую!... скажитесь, скажитесь!... счастіемъ будущихъ дѣтей вашихъ, правомъ моего отца, свѣтомъ, жизнію, заклинаю васъ!... спасите меня!... Маша, Маша! закричала она рыдая, припала къ полу и стала дѣловато ноги хозяйки.

Марья Григорьевна вздрогнула и отскочила.

— Прочь! произнесла она трясясь всѣмъ тѣломъ, не смѣйте меня называть такъ, вспомните какое разстояніе отдѣляетъ меня отъ васъ... ваше мѣсто не здѣсь.... прочь!... я честная, замужняя женщина, а вы продажная любовница, развратница, презрѣнная тварь! добавила она въ бѣшеномъ гнѣвѣ и убѣжала въ другую комнату.

Софья Ивановна застонала и повалилась безъ чувствъ на полъ.

Она не помнила, какъ ее вынесли изъ дома генерала, какъ она возвратилась къ себѣ; только на третій день больная, истомленная, склонявшись надъ колыбелью своей малютки, она чувствовала, что въ ея слезахъ и поцѣлуяхъ есть признаки жизни...

Прошло три года. — Сергѣй Григорьичъ, во время путешествія за-границей, женился на какой-то очень богатой вдовѣ, возвратился въ Петербургъ и живетъ припѣваючи.

Софья Ивановна, съ дочерью, нанимаетъ комнату, гдѣ-то въ пятомъ этажѣ, съ очень грязной лѣстницей. — Богъ знаетъ, чѣмъ живетъ бѣдная женщина; правда, она занимается ни-гда и работой, шитьемъ кой-какимъ, бѣгаетъ куда-то давать уроки, только денегъ за эту работу не достаетъ ей на самую горькую жизнь.

Неизвѣстно, приходятъ ли когда на умъ Копанскому воспоминаніе о прежней и первой любви его, и какое чувство волнуется его душу при этомъ воспоминаніи?

Только когда отецъ генералъ, усмѣхаясь, какъ-то вздумалъ спросить у сына: «а что твоя прежняя любовь дѣлаетъ?»—Сергѣй Григорьичъ отвѣчалъ: «полноте папенька, не стыдите меня.. глупая женщина, шляется гдѣ-то.... могла бы найти себѣ поря-

дочнаго человѣка, а то чертъ знаетъ — что!... ребенка жаль, тоже по матушкѣ пойдеть!» добавилъ онъ, закручивая свѣй усы съ полнымъ спокойствіемъ духа. А въ пятомъ этажѣ, подъ смраднымъ потолкомъ бѣдной квартиры Софьи Ивановны, иногда долго за полночь горитъ тусклый огонь и томительно тянется безотраднѣйшій трудъ обманутой женщины. Нѣтъ ни отдыха, ни свѣтлой радости, ни надежды въ этой глубоко-скорбной жизни, разбитой варварскимъ предразсудкомъ.

А. ВИТКОВСКІЙ.

10 Мая 1860 г.

ИСПАНСЫЕ АТРИДЫ.

(изъ Гейне.)

Въ день блаженнаго Губёрта,
Въ гѣто тысяча и триста
Тридцать третье, королежъ
На обѣдъ мы были званы

Въ пышный замокъ Сеговіи...
Одинаковы и гости,
Одинакова и скука
На придворныхъ всѣхъ обѣдахъ:

Та-жъ посуда золотая;
Тѣ-же рѣдкостныя яства,
И во всемъ свинцовый вкусъ...
Пахнетъ кухнею Локусты.

И прислуга всюду та же:
Всѣ пестро, всѣ гнѣтся чинно,
Словно двѣ гряды тюльпановъ...
Только соусы различны.

И шушуканье, и шопоть
Усыпляютъ, крѣпче мака,
Всѣхъ гостей, доколѣ трубы
Не разсѣютъ одуренья.

Къ счастью сѣлъ со мною рядомъ
Донъ-Діаго Альбукерке, —
И изъ вѣщихъ устъ его
Рѣчь лилася непрерывно.

Разсказалъ онъ очень складно
 Про кровавыя интриги,
 Въ дни, какъ властвовалъ Донъ-Педро,
 По прозванію «Свирѣпый.»

На вопросъ: «За что Донъ-Педро
 Своего роднаго брата
 Донъ-Фредрѣго обезглавилъ?»
 Отвѣчалъ онъ мнѣ со вздохомъ:

— «О, сеньоръ! не вѣрьте пѣснямъ,
 Что, подъ треньканье гитары,
 Распѣваетъ чернь на рынкахъ,
 На базарахъ и гуляньяхъ.

Вы не вѣрьте про любовь
 Донъ-Фредрѣго къ Доньѣ-Бланкѣ,
 Къ чаровницѣ-королевѣ
 И супругѣ Дона-Педро.

Нѣтъ, не ревность, — просто зависть
 Погубила Донъ-Фредрѣго,
 Лишь его своимъ магистромъ
 Выбралъ орденъ калатравскій.

Не прощалъ ему Донъ-Педро
 Одного проступка — славы,
 Славы той, что *Донья Гата*
 По вселенной протрубила.

Не прощалъ ему Донъ-Педро
 И души высокихъ качествъ,
 И тѣлесной красоты,
 Неземной красы зеркала.

Ярко въ памяти моей
 Впечатлѣлся этотъ стройный,
 Свѣжій рыцарства дѣвѣтокъ,
 Этотъ юношескій образъ,

Этотъ образъ, милый феямъ
 И любимый ими нѣжно —
 За таинственныя грѣзы
 На задумчивомъ челѣ.

Въ голубыя глазахъ сверкали
Искры чистаго самшара,
Но сверкали эти искры
Осѣвнительно-упорно.

Крувно въ кольца завитыя,
Кудри черныя съ отливомъ,
Словно веревка прядло,
Распадалися на плечи.

Въ славномъ городѣ Нонимбурѣ,
Имъ-же отнѣхъ у Маэровъ,
Видѣлъ я въ послѣдній разъ
Злополучнѣйшаго ярища.

На конѣ, вдоль улицъ узкихъ,
Бѣгалъ онъ изъ Александра;
Любовались Маэританки
На него изъ-за рѣшетокъ.

Развѣивался призывно
У него на шлемѣ перья,
Хоть магистра крестъ неволью
Отженилъ грѣховный вѣмысль.

Рядомъ съ нимъ, хвостомъ видая,
Прыгала пѣсь, его любимецъ,
Ключкой Алланъ, а порѣды
Пресловутой — изъ Сиарры.

Не смотря на страшный ростъ,
Былъ оленя онъ быстрые,
Благородно несъ онъ морду,
Хоть похожую на лисью.

Чипе снѣга, мягче шелиа,
Шерсть лежала лепестками:
Былъ рубинами осыпанъ
Золотой его ошейникъ.

Въ нѣмъ хранился, по преданью,
Талисманъ: и точно вѣренъ
До того былъ Алланъ прищипу,
Будто былъ къ нему прикованъ.

Охъ, ужъ лучше-бъ мы не знали
И въ-очю-бъ не видали
Этой вѣрности! Ужасно
Про нее теперь и вспомнить...

Лучше-бъ въ жизни не бывало
Роковаго дня!... Сидѣлъ я
Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ,
За трапезой королевской;

Тамъ, вверху стола, гдѣ нынѣ
Возсѣдаетъ Донъ-Генрико
И стучить о кубокъ кубкомъ
Съ цвѣтомъ рыцарей — кастильскихъ,

Тамъ сидѣлъ тогда Донъ-Пѣдро,
Нѣмъ и сумраченъ, а рядомъ,
Съ нимъ Марія де-Падилля, —
Свѣтозарна, какъ богиня.

Здѣсь, въ концѣ стола, гдѣ дама
Съ полотняными брызжами,
Округленными крахмаломъ,
Словно бѣлая тарелка,

И съ лицомъ такимъ-же желтымъ,
И съ улыбкой также кислой,
Какъ морщинистый лимонъ,
Положенный на тарелку.

Здѣсь, въ концѣ стола, тогда
Было пусто это мѣсто;
Но по креслу золотому
Было видно: гость почетный.

Этотъ гость былъ Донъ-Фредрего;
Но пустымъ осталось кресло:
Нѣ былъ онъ!... Ахъ, мы узнали —
Что причиной промедленья?...

Ахъ! Въ тѣ самыя мгновенья
Исполнялся чѣрный замысль,
И безвиннаго героя
Брали, именемъ Донъ-Педро,

Королевскіе клеветы,
И подѣ тайною измѣной
Отвозили въ крѣпкій склепъ,
Гдѣ свѣтилъ за солнце факелъ.

Тамъ вдоль стѣнъ стояла стража,
И стоялъ заплечный мастеръ,
Опершися на сѣкиру,
И промолвилъ онъ сурово:

«Вамъ, гроссмейстеръ, пять минутъ
Остается жить : готовьтесь
И напутственной молитвой
Духъ направьте къ жизни вѣчной.»

Донъ-Фредрѣго, на колѣняхъ,
Помолился, и спокойно,
Онъ промолвилъ: «Совершилось!...»
И ударъ смертельный палъ.

Въ то-же самое мгновенье,
Какъ скатилась голова,
Прыгнувъ къ плахѣ вѣрный Алланъ,
Незамѣченный никѣмъ.

Онъ схватилъ ее зубами,
Эту голову, за кудри,
И, съ добычей дорогою,
Онъ мелькнувъ стрѣлой изъ склепа.

Тщетно вслѣдъ ему неслися
Крикъ и свистъ — по корридорамъ,
Заламъ, гѣстницамъ, площадкамъ,
Отъ ступени — до ступени....

Послѣ пира Вальтасара,
Никогда потрясены
Не бывали больше гости,
Чѣмъ въ трапѣзномъ этомъ залѣ,

Какъ чудовище ворвалось
Къ намъ съ казненной головою
Донъ-Фредрѣго, орошавшей
Неостылой кровью кудри.

На оставленное кресло
 Для милого господина
 Вспрыгнувъ Алданъ, какъ истецъ,
 Съ головою усѣченной.

Ахъ! мы сразу распознали
 Этотъ юношескiй обликъ!
 Только былъ онъ помертвѣе,
 Поблѣднѣе... И казалось

Намъ, что вкругъ чела свивались
 Кудри черныя, какъ змѣи
 Вкругъ чела самой Медузы,
 И что всѣхъ насъ каменили.

Да, мы всѣ окаменѣли;
 Всѣхъ повытянулись лица
 И прильнувъ языкъ къ гортани —
 Изъ боязни къ этикету.

Но Марiя де-Падилья
 Прервала молчанье наше —
 Подняла, рыдая, руки
 И сказала покаянно:

— «Богу вѣдомо! Убийство
 Отклонить я и могла бы,
 Да сробѣла... Наши дѣти
 Неповинныя отвѣтятъ

За меня!...»

Тутъ Донъ-Дiэго
 Рѣчь покончилъ: намъ пришлось
 Встать, затѣмъ — что ужъ вставали
 Гости всѣ изъ-за стола

И изъ зала выходили...
 Онъ мнѣ вѣжливо далъ руку,
 И вдвоемъ мы съ нимъ бродили
 По готическому залу.

На одномъ изъ перекрестковъ,
 Завыванiемъ и дасмъ

Означавшемъ, что ведетъ онъ
Прямо къ псарнѣ королевской,

Я примѣтилъ тотчасъ келью,
Прорубленную въ стѣнѣ,
Прорубленную, какъ клѣтка
За желѣзною рѣшеткой.

Въ этой клѣткѣ были люди —
Двое отроковъ, и оба,
Бѣдняки, въ ножныхъ желѣзахъ
На пукѣ соломы гнили.

Лѣтъ двѣнадцати былъ младшій,
А другой немного старше;
У обоихъ благородны
Были лица, только блѣдны.

Юныхъ узниковъ недугомъ
Сокрушило; были явны
На плечахъ рубцы ударовъ
И трясла ихъ лихорадка...

Изъ глуби, изъ за рѣшетки,
На меня они глядѣли,
Словно призраки, и право —
Ужасалъ меня ихъ взглядъ.

— «Кто они?» спросилъ я, быстро
Взявъ за руку Донъ-Діаго,
И почувствовалъ тотчасъ-же,
Какъ рука затрепетала.

Донъ-Діаго былъ смущенъ,
Осмотрѣлся — нѣтъ ли лишнихъ?
И потомъ, съ приличнымъ вздохомъ,
Рѣчь ко мнѣ повелъ придворно:

— «Кто они? Конечно — дѣти
Отъ родителей: Донъ-Педро,
Овдовѣшаго такъ рано,
И Марія де-Надильи.

«За побойщемъ при Нарвасъ,
Гдѣ Генрико Транстамарре,
Короля Донъ-Педро, брата
Своего, освободилъ

Отъ двойнаго груза, то есть —
Отъ короны и отъ жизни,
За побойщемъ за этииъ,
Взялъ племянниковъ, какъ дядя,

Онъ къ себѣ въ наслѣдный замокъ,
Съ помѣщеніемъ и пищею —
Взялъ къ себѣ онъ ихъ прилично, —
Безъ возмездія и платы! —

Помѣщеніе хотъ тѣсно
Но за то оно прохладно
Жаркимъ лѣтомъ, а зимою
Ужъ не такъ вѣдь, холодно.

Пища — хлѣбъ ржаной — и какъ же
Вкусенъ! Будто-бы сама
Испекла его Церера
Для любимой Прозерпины!

Иногда онъ посылаетъ
Имъ лепѣшки! пусть же дѣти
Знають, что такое праздникъ
Воскресенія въ Мадридѣ.

Только это воскресенье
Не всегда для нихъ бывало,
А по буднямъ доѣзжачій
Угощалъ ихъ ловко плетью,

Потому-что доѣзжачій
Всѣ смычки, всѣ своры, стан,
И племянничью конурку
Кстати, взялъ отъ короля...

Вотъ — онъ здѣсь, супругъ злочастный
Этой кислой Цитронеллы,
Что своею головою,
Какъ лимономъ на тарелкѣ,

Удивляетъ цѣлый столъ...
Зла она подь-часъ бываетъ
Такъ, что горестный супругъ
Со стѣны снимаетъ плетку

И обжить считается ею
И со псами, и съ дѣтми...
Но король нашъ сердоболень —
Онъ недавно повелѣлъ:

Отъ племянниковъ отчислить
Тотчасъ псарню, чтобъ не смѣли
Чуждой дланью прикасаться
Къ нимъ никто, oprичъ его.»

Донъ-Діэго вдругъ замолкнулъ,
Потому — что сенешаль
Къ намъ приближился съ вопросомъ:
«Какъ довольны мы обѣдомъ?»

Л. МЕНЬ.

7 Июля 1880 года.

Изъ стихотворенія
«GÖTTERDÄMMERUNG».

..... Май и ко мнѣ зашелъ. Онъ постучался
Три раза въ дверь мою, зывая громко:
«Мечтатель блѣдный! Выдь — я поцѣлую!»
Не отперъ двери я, отвѣтивъ гостю:
«Злой гость, напрасно ты зовешь и кличешь —
Тебя проникъ давно я, тайны міра
Постигъ я, многое постигъ глубоко —
Тоится въ мукахъ пламенное сердце.....
Проникъ мой взоръ и каменные стѣны
Жилищъ людскихъ, и сердце человѣка —
И въ ужасѣ вездѣ, вездѣ увидѣлъ
Обманъ да ложь, да вѣчныя страданья.....
На лицахъ я читаю помышленья
Преступныя..... Трепещущую похоть
Я вижу въ ярко-вспыхнувшемъ румянцѣ
Стыдливости дѣвической; погремушки,
Колпакъ смѣшной у юноши я вижу
На вдохновенной, гордой головѣ.....
Лишь чахлая, болѣзненные тѣни,
Смѣшныя тѣни на землѣ я вижу
И миръ — домъ сумасшедшихъ или больница
Не знаю, право!.... Ужасы истлѣнья
Сквозь древнюю кору земную вижу —
Ихъ тщетно кроетъ май ковромъ цвѣтущимъ,
Зеленымъ, яркимъ..... Вижу, вижу мертвыхъ!

Они лежатъ глубоко въ гробахъ тѣсныхъ —
Сложены руки на-крестъ, и открыты
Глаза ихъ смотреть страшно-неподвижны.....
Ихъ лица блѣдны, ихъ одежды бѣлы,
Межъ синихъ губъ роаясь желтѣютъ черви.....
А сынъ, смѣясь, на холмъ отца могильный
Съ любовницей садится..... Соловьи
Кругомъ поютъ насмѣшливыя пѣсни
И луговые, кроткіе цвѣточки
Смѣются злобно. Въ мукахъ содрогаюсь,
Въ землѣ сырой лежитъ отецъ умершій.....

В. Н. ВЕРГЪ.

ПОЛИТИКА.

Хроника современныхъ событій.

Съ нѣкоторыхъ поръ Франція и Европа представляютъ любознательному взору наблюдателя, зрѣлище совершенно не похожее на то, къ которому онъ привыкъ уже издавна: Франція не волнуется, — не бушуетъ — волнуется Европа. Не потому ли замѣтно такое положеніе Франціи, что съ 1815 года воспоминанія о нахлынувшихъ на нее силахъ Европы тяготѣло надъ нею? не потому ли, что европейскія державы могли ей каждодневно угрожать коалиціей? и не потому ли, что для Франціи этихъ опасеній нынѣ не стало?

Взглянемъ безпристрастно на современные событія: между тѣмъ какъ Франція перестраиваетъ свои таможенные уставы, — Пруссія бьетъ тревогу и говоритъ Германіи устами принца регента, *что бы она готовилась къ событіямъ важнымъ*; Англія укрѣпляетъ батареями и пушками берега свои. Чтожь бы такое случилось? По нашему мнѣнію то, что Франція въ настоящее время уже больше не подъ опекой вѣнскихъ трактатовъ, какъ то было въ эпоху реставраціи; она въ настоящее время не въ кабалѣ у Англіи, — какъ то было во время Людовика-Филиппа; она путемъ войны положила основаніе возрожденію Италіи, и теперь путемъ мира доканчиваетъ начатое дѣло. Не принимая дѣятельнаго, прямого участія въ преобразованіи прежней системы европейскаго равновѣсія, она издали наблюдаетъ, какъ сами событія ослабляютъ трактаты вѣнскаго конгресса; но между тѣмъ какъ Франція съ самодовольствіемъ смотритъ на такое зрѣлище, она наводитъ сомнѣніе на Европу, волнуящуюся при мысли, что Франція воспользуется неурядицей, ко-

торая на эту державу вліянія не имѣетъ, — а можетъ только раздвинуть ея границы и увеличить ея силы.

Положеніе Франціи выгодно, благодаря критическому положенію другихъ народовъ континента. Она сильна не столько своими средствами и развитіемъ внутреннихъ богатствъ, сколько слабостью другихъ державъ. Для нихъ только начинается тотъ кризисъ, который она прошла и отъ вліянія котораго избавилась. Ея роль наблюдать и выжидать до поры до времени.

Въ настоящую минуту Австрія, потерпѣвши аі важныя утраты въ Италіи, колеблемая на Дунаѣ, ввергнута въ финансовый кризисъ, парализующій всё ея движенія — тревожно смотритъ какъ возбуждается вопросъ о томъ — зачѣмъ она существуетъ? Не было бы этого явленія, еслибъ правительство Австріи стало дружественною связью всѣхъ народонаселеній Дуная; еслибъ оно просвѣщало — а не утѣсняло ихъ; еслибъ оно употребляло двигателемъ — не войско, не полицію, не бюрократію; еслибъ оно перестало возбуждать между племенами скрытую неприязнь, забывая, что эти же племена въ дни примиренія обратятся на нее.

Между тѣмъ какъ Австрія судорожно усиливается выйти изъ положенія, конецъ котораго предвидѣть трудно, Германія въ свою очередь начинаетъ сознать болѣзненное положеніе. Гражданская германская раса, раздробленная на множество владѣній, страждущая отъ разныхъ мелочныхъ притязаній, — устремилась къ единству; но это единство Германіи возможно только тогда, когда оно развѣдается и съ уставами конфедераций, готическаго покроя, и съ вліятіемъ Австріи, державы преимущественно славянской а не германской, изъ личныхъ выгодъ отклоняющей Германію отъ истинныхъ путей ея.

Такое запутанное, затруднительное положеніе становится еще болѣе неисходнымъ вслѣдствіе неприязни Австріи, съ которою эта держава смотритъ на Францію, заподозривъ ее въ покушеніяхъ на Рейнъ. Такимъ образомъ Германія, съ одной стороны приводимая въ состояніе раздражительное Пруссіей и Австріей, съ другой — Пруссіей, которой повѣривъ и убѣжденія прочать относительно Германіи — роль, выполняемую Пиемонтомъ для возрожденія Италіи; находясь въ столкновеніи съ великими владѣтелями германскихъ областей, которые крѣпко стоятъ за себя и въ случаѣ крайнеиъ готовы обратиться къ помощи Австріи или Франціи, сверхъ того волнуемая помислами Франціи, — Германія, очутившаяся подъ вліяніемъ трехъ

четырехъ направленій, тревожится, беспокоится, а цѣли никакой передъ собой не видитъ. Съ этой стороны для уничтоженія всѣхъ непріязненныхъ плановъ Германіи, еслибъ они и были, Франціи стоитъ только уклониться отъ всякаго начинанія, воздержаться отъ дѣла, — и, сложивъ руки, смотрѣть на ея лихорадочное и безотчетное движеніе.

Другая роль Англіи. Съ 1815 по 1848 годъ она стояла на первомъ планѣ среди первоклассныхъ европейскихъ державъ. Въ годы реставраціи, либеральныя учрежденія Англіи возбуждали надежды въ народахъ Европы, для которыхъ она могла творить и ведро и ненастье или — какъ говаривалъ Каннингъ — «выпускать по произволу бури Эола.» Съ 1830 года содѣйствіе, оказанное Англіей Франціи для отклоненія недовѣрія Европы, стало для первой державы неистощимымъ источникомъ успѣховъ и торжествъ дипломатическихъ. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ блѣднѣетъ звѣзда Англіи. Ея товарищество съ Франціей, подъ стѣнами Севастополя, вызвало сравненія, которыя оказались не совсѣмъ въ ея пользу. При всемъ постоянномъ сочувствіи, по крайней мѣрѣ на словахъ, къ дѣлу возрожденія Италіи, въ прошлогоднюю войну Англія осталась холодна и нейтральна. А между тѣмъ въ этомъ положеніи она довольно высказалась, чтобъ на смерть завраждовать съ Австріей, — и высказалась слишкомъ мало, чтобъ завоевать признательность Италіи. Не совпадающая съ интересами Россіи, вдвигнутая въ полусвѣтъ Франціей, въ настоящее время Англія уединеніемъ и безсиліемъ расплачивается за самолюбивую политику, наводненную мелкими интригами Пальмерстона.

Англія думала явить свѣту диво неслыханное и никогда невиданное, замкнувшись со всѣхъ сторонъ водами и уклоняясь отъ событій и дѣлъ Европы. Чтожь вышло? то, что въ свою очередь Европа, — правительства и народы ея отвыкли разсчитывать и полагаться на Англію. Конечно эта нація великая, полная энергіи, дѣятельная, владѣющая громадными средствами, но въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, не она стоитъ въ главѣ движенія; не къ ней обращены взоры и сердца народовъ.

Между тѣмъ какъ Турція, въ своемъ неминуемомъ паденіи приходитъ къ разрѣшенію обширнаго вопроса, наше отечество занято внутреннимъ преобразованиемъ, — улучшеніемъ быта крестьянъ, достиженіемъ такой цѣли, къ которой могутъ

его привести только твердая воля, мудрость государя, — и благомыслие всѣхъ состояній, всѣхъ классовъ государства.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ дѣлѣ реформы Франція сводитъ послѣдній расчетъ съ преданіями конгресса 1815 года, а Европа только собирается выйти изъ него: вотъ въ чемъ сила Франціи и слабость Европы. Война въ Италиі, поставившая Францію снова на стезю политическаго прогресса, стала для нее исходнымъ пунктомъ такого сильнаго положенія, что ей остается только спокойно, безъ увлеченія собирать съ него плоды; время само, кажется, работаетъ за Францію, событія съ нею въ разговорѣ; по нашему мнѣнію ей остается только быть вращательнымъ шпилемъ, маятникомъ, указывающимъ ходъ реформы европейской. И еслибъ политическая власть ея имѣла еще болѣе твердости и довѣрія, она находилась бы въ завидномъ положеніи.

Въ вышеприведенномъ очеркѣ мы вкратцѣ указали на общее положеніе Европы; перейдемъ теперь къ вопросамъ, выдающимся болѣе другихъ рельефно. Въ прошломъ годѣ, въ Августѣ мѣсяцѣ англійское правительство назначило комиссію, для обсужденія въ какомъ видѣ находятся оборонительныя работы и средства Англии, для осмотра уже взводимыхъ укрѣпленій, и для изысканія способовъ пополнить ихъ, спеціально обращая вниманіе на арсеналы и гавани, на случаи нападенія съ суши и съ моря. Нынѣ рапортъ комиссіи обнаруженъ англійскимъ правительствомъ.

По мнѣнію этой комиссіи недостаточно флота на защиту Великобританіи. Примѣненіе пара и другія обстоятельства подтверждаютъ это мнѣніе. Необходимость флота впрочемъ доказана несомнѣнно, — слѣдственно нечего распространяться о необходимости охранить военныя гавани. Трудность воспрепятствовать высадкѣ чужеземнаго войска — тоже очевидна; на основаніи этихъ данныхъ комиссія внимательно занялась изысканіемъ средства обороны отъ вторгнувшагося непріятели.

«Взвѣсивъ тщательно вышеприведенные доводы, говоритъ комиссія, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что ни флотъ нашъ, ни постоянная армія, ни легіоны нашихъ волонтеровъ, — ни даже всѣ оборонительныя силы вмѣстѣ — не могутъ совершенно, сами собою обезопасить государство. Итакъ разсмотримъ внимательнѣе эту часть нашей инструкціи.

«Говорятъ, будто невозможно укрѣпить всѣ слабыя пункты береговъ нашихъ, и потому слѣдуетъ довольствоваться укрѣ-

леніемъ главнѣйшихъ изъ этихъ пунктовъ. По нашему мнѣнію—одна изъ таковыхъ Вулчъ, представляющій нынѣ намъ единственный, обширный складъ военныхъ запасовъ и снарядовъ для суши и для моря. Гибельныхъ послѣдствій утраты, или только временной пріостановки дѣятельности этого обширнаго арсенала—доказывать не нужно. Эти послѣдствія вредно отразились бы на все государство. Что же касается до гаваней,—то само-собою разумѣется, что въ нихъ жизненный вопросъ Англіи. На основаніи этого воззрѣнія мы полагаемъ, что бассейны Портландскій, по своему положенію и легкости доступа,—Дуврскій бассейнъ по значенію своему,—и Коркскій,—морская станція Ирландіи,— суть именно пункты открытые, не огражденные отъ нападений, и потому они требуютъ оборонительныхъ средствъ.»

Вотъ что говоритъ коммиссія по поводу укрѣпленія Лондона:

«Вопросъ этотъ не былъ подвергнутъ нашему разсмотрѣнію: стало бы достаточно указать, что онъ въ сущности не касается этихъ выводовъ, которые мы представляемъ относительно необходимости укрѣпленія гаваней. Еслибы Лондонъ былъ такъ укрѣпленъ, что нападеніе на него оказалось бы невозможнымъ,—то непріятель, уже нашедшій опорную точку на почвѣ Англіи, и могущій удержать войско на него направленное, обратился бы на гавани и арсеналы, на томъ основаніи, что съ уничтоженіемъ ихъ онъ уничтожалъ бы морскія силы государства, и отпалъ бы возможность сопротивленія. Съ другой стороны, если Лондонъ не можетъ стоять за себя послѣ потери сраженія въ чистомъ полѣ,—то укрѣпленные бассейны и арсеналы представляютъ такія убіжища, въ которыхъ защита края можетъ продолжаться и сопротивленіе упрочиться; а если въ такія условія бассейны и гавани наши не будутъ поставлены, то наши морскія средства исчезнутъ вмѣстѣ съ столицей,—и въ сущности уничтожится вся морская сила Англіи. Сомнѣнія нѣтъ, что укрѣпленіе бассейновъ и арсеналовъ съ ихъ береговой стороны въ сущности увеличатъ средства защиты Лондона; вѣдь по предлагаемой системѣ жизненные пункты государства получаютъ охрану и отъ внезапнаго нападенья и отъ бомбардированія,—а съ берегу возведенныя укрѣпленія дадутъ арміи большую возможность дѣйствовать противъ непріятеля.

«Нѣкоторыя оборонительныя работы въ настоящее время уже въ ходу. Втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ фортификаціонныя работы, требующія на расходъ до полутора милліона фун-

товъ стерлинговъ учреждены парламентомъ въ значительныхъ размѣрахъ — въ Портсмутѣ, въ Шлимутѣ, въ Пемброкѣ и Портлендѣ; работы эти взяты съ торговъ и въ настоящее время, какъ мы сказали, онѣ уже въ ходу.»

Коммиссія не одобряетъ пловучихъ неподвижныхъ батарей, но хвалитъ подвижныя.

Вотъ начала, на которыхъ должны производиться оборонительныя работы Англiи.

«Свойство укрѣпленiй, предлагаемыхъ нами для обороны отъ нападенiя съ моря, само собою разумѣется — измѣняются, смотря по условiямъ мѣстнымъ. Мы предложили открытыя батареи, защищенныя отъ внезапнаго нападенiя башнею или другою крѣпостною работою съ тыла, повсюду гдѣ эти батареи соотвѣтствуютъ цѣли; но тамъ гдѣ мѣстность такъ необширна, что не представляетъ достаточнаго пространства для суммы огня, — или тамъ гдѣ при значительныхъ расходахъ пришлось бы возводить укрѣпленiя на отмѣляхъ, — морскiя батареи должны быть непремѣнно съ казематами, чтобы отъ поставленныхъ въ нѣсколько рядовъ пушекъ получать тѣже результаты, или почти тѣже какъ отъ открытыхъ батарей, растянутыхъ на значительномъ пространствѣ по берегу. Эти укрѣпленiя должны быть снабжены редутами, которые препятствовали бы неприятелю держаться въ крѣпостныхъ работахъ, еслибъ ему удалось въ какихъ нибудь частностяхъ овладѣть ими. Сверхъ того, главные валы должны быть въ состоянiи поддерживать сильный огонь артиллерiи и ружейный по всѣмъ направленiямъ, гдѣ можетъ появиться неприятель. Въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ рвы наполнены водою, тамъ не нужно одѣвать ихъ камнемъ; а гдѣ нѣтъ воды слѣдуетъ дѣлать эскарпы и контръ-эскарпы, или возводить отдѣльныя стѣны; въ обоихъ случаяхъ ихъ слѣдуетъ прикрывать артиллерiйскимъ и ружейнымъ огнемъ.»

Вся сумма, ассигнованная на эти разнородныя оборонительныя работы, простирается до 11,850,000 фунтовъ стерлинговъ, т. е., до 72,000,000 рублей серебромъ. Вопросъ объ арсеналѣ внутри государства, коммиссія оставляетъ для другаго донесенiя. Мнѣнiя выраженныя коммиссiей совершенно единодушны; она повергаетъ ихъ ея величеству «съ полнымъ убѣжденiемъ, что, одобряя эти мнѣнiя, правительство поставитъ оборонительныя силы свои въ уровень съ другими элементами величiя и могущества Англiи, обезпечитъ промышленность государства и его торговлю, дастъ

гарантию спокойствію Европы и новую славу царствованію ея величества, королевы.»

Не смотря на то, что давно уже смолкли оракулы, будущее не скрыто отъ глазъ нашихъ непроницаемою завѣсою. За недостаткомъ предвѣщаній пифіи — наука и наблюденія могутъ указывать намъ на то, что готовитъ время. Въ-особенности въ политикѣ, подчиненной общимъ уставамъ — факты связываются между собою такъ, что одинъ фактъ есть неминуемое послѣдствіе другаго, и зоркій глазъ видитъ, что должно послѣдовать за этимъ другимъ фактомъ.

Въ настоящее время судьба Италіи наглядно подтверждаетъ наше мнѣніе. Борьба Италіи противъ Австріи, ея бѣдствія, ея безвыходное положеніе были подмѣчены еще въ 1815 году проницательнымъ взглядомъ челоука теперь уже позабытаго, но одареннаго несомнѣнною даровитостью.

Между всѣми націями, на вѣнскомъ конгрессѣ — самая горькая доля выпала Италіи. Подчинивъ себѣ Венецію и Ломбардію, Австрія нашла поводъ водворить Марію-Луизу въ Пармскомъ герцогствѣ; въ Модену послѣдила послѣдняго члена дома Эстовъ; возстановила престолъ Обѣихъ Сицилій, и возвела на него на основаніи наслѣдственнаго права — мужа эрцгерцогини, знаменитой Каролины Неаполитанской.

Но какихъ послѣдствій можно было ожидать отъ подобнаго рода дѣйствій? Вѣнскій кабинетъ не входилъ въ разсужденія по этому предмету: онъ разсчитывалъ на силу и ловкость — обычныя средства свои. За то не такъ смотрѣли публицисты независимые отъ Австріи; они углублялись безпристрастно въ изученіе вопроса, и старались разгадать послѣдствія противоестественнаго хода дѣлъ. Одинъ изъ нихъ словно въ волшебномъ зеркалѣ видѣлъ событія, которымъ суждено было совершиться по прошествіи почти полустолѣтія. Вотъ къ какимъ размышленіямъ вызываетъ вѣнскій конгрессъ французскаго публициста Прадта:

«Европа должна была постановить постояннымъ, неизмѣннымъ правиломъ, чтобы ни Австрія, ни Франція ноги не ставили въ Италію. Благоустройство Европы требовало, чтобы на полуостровѣ италійскомъ основалось государство, которое начиналось бы отъ рѣки Изонцо, втекающей въ заливъ Триеста, и вводило бы въ составъ свой всю область, лежащую между Альпами и владѣніями Церкви. Тогда Италія составила бы изъ

трехъ государствъ — собственно изъ того, на которое мы сейчасъ указали, изъ наслѣдія Св. Петра и Обѣихъ Сицилій. —

«Дому Савойскому, по началамъ разума, по природѣ вещей долженъ былъ достаться въ удѣлъ престолъ сѣверной Италиі. Жители областей ея почли бы за счастье находиться въ державномъ управленіи дома, породившаго столько знаменитыхъ государей, возстановляющаго въ памяти столько важныхъ событий и берущаго начало свое въ самой Италиі.

«Не принять въ соображеніе всѣхъ этихъ условій — значило дать ложное направленіе всей системѣ Европы, — значило отсѣчь одинъ изъ самыхъ жизненныхъ ея членовъ; значило — породить безчисленные поводы къ столкновеніямъ въ Европѣ; значило — запугать Австрію, возложивъ на нее обязанности наблюдать, сдерживать непріязненныхъ подданныхъ; значило — создать для Италиі причины неисчерпаемыхъ бѣдствій. —

«Если нельзя отказать въ сочувствіи народу, теряющему права свои, кто имѣлъ больше Италианцевъ право на это сочувствіе? Зоря свободы уже загаралась для Италиі; первые лучи этой зори уже освѣщали общую реформу въ странѣ, долго покрытой мракомъ клерикальнаго самоуправства и политическаго гнета. Италианцы, составлявшіе одну семью, одушевленные одними желаніями, — уже выступали на сцену свѣта, на которую они не выходили втеченіе вѣковъ. Доущенная къ трапезѣ Европы, Италиа доказала, что она не хуже другихъ ея членовъ, что даровитости ея доступно все благородное, всѣ многотрудныя предпріятія, и что она можетъ преуспѣвать въ самой изысканной промышленности. И вотъ рѣшено лишить Италию этого возрождающагося счастья, этой способности заправлять своимъ дѣломъ!

«Плоды ея почвы, произведенія фабрикъ ея, доходы торговли должны доставаться въ удѣлъ чужеземной расы; руки сыновъ Италиі не исключительно станутъ охранять ее; сыны Италиі будутъ стоять за Темесварь, Лембергъ, Офенъ, — биться съ Пруссаками, съ Русскими, съ Магометанами. Рожденные подъ инымъ небомъ, принявшіе инныя впечатлѣнія, — они должны будутъ приучать слухъ къ грубымъ звукамъ языка нѣмецкаго, славянскаго, чешскаго, венгерскаго, польскаго, привыкать къ другому климату, къ иному законодательству, къ инымъ мыслямъ. Вотъ доля народа, имѣвшаго право на сочувствіе, и вниманіе Европы.

«А между тѣмъ Италиа протестовала противъ преобладанія Австріи, — и хорошо сдѣлаетъ Австрія если не пропуститъ прѣ-

теста мимо ушей. Приобрѣтенная ею Италія не прежняя Ломбардія, ей подчиненная, когда Австрія не обладала ни Венеціей, ни областями Венеціи; когда Австрія и помышлять о нихъ не могла. Нынѣшніе Италіяны — не Миланцы, не Венеціане, не Генуэзцы, которыхъ Австрія знала двадцать лѣтъ тому назадъ. Въ Италіи, — какъ вездѣ, а можетъ быть болѣе нежели гдѣ нибудь — произошли перемѣны: Италія очнулася отъ долгаго сна. Италіяны не насладились еще самобытностью. Ихъ единодушная привязанность къ уставамъ, которые ускользаютъ отъ нихъ, и общее сочувствіе должны бы предотвратить такое несчастіе. Они знаютъ свои силы, они съ честью проявились на полѣ битвы, они сознаютъ, что обладаютъ всѣми элементами народности, всѣми, что можетъ обогородить народъ — а между тѣмъ должны преклонить главу предъ чужеземнымъ племенемъ!

«Любовь къ самобытности такъ укоренилася въ нихъ, что насильственные мѣры, надъ ними проявляемыя, впоследствии приведутъ Италію къ общему единству, сдвинуть ее въ одно, нераздѣльное государство. Потребность прекратить насліе, приведетъ Италіянцева къ рѣшимости, которая найдетъ порицателей развѣ только въ лицахъ, теряющихъ свои собственные выгоды. Наполеонъ имѣлъ въ рукахъ будущность, счастье Италіи: онъ не хотѣлъ поставить ихъ на твердомъ основаніи.

«Успокоенный въ семейныхъ дѣлахъ своихъ, въ политической будущности, домъ Бурбоновъ скоро почувствуетъ неловкость преобладанія Австріи въ Италіи. Франція могла бы на вѣкъ разойтись съ Австріей, съ своей древней соперницей, съ своимъ упорнымъ врагомъ, — и вотъ готовятся ей новыя борьбы, чертятся ей, такъ-сказать, новые планы сраженій тамъ, гдѣ такъ долго и такъ бесплодно состязались Францискъ I, Карлъ V и ихъ преемники! И какъ все это противно интересамъ Франціи, Италіи, Австріи и Европы!

«Получить ли Австрія хоть временныя выгоды отъ сдѣлки, которая на первый разъ кажется такъ выгодна? Сомнительно; потому что потребуется многого, чтобъ удержать Италію. Новые обладатели Италіи должны будутъ положить на нее значительную часть силъ своихъ. Слѣдственно со стороны Россіи они обезсилить себя. Нынѣшняя сдѣлка также мало совпадаетъ съ интересами Европы, — какъ совпадаетъ мало съ интересами Франціи и Италіи. Австрія не должна раздѣлять силы свои, развлекать свое вниманіе; она не должна воображать, что найдетъ опору въ непріязненныхъ ей племенахъ. Было бы лучше, еслибъ пле-

мена, составляющія Австрію, были не такъ многочисленны, но болѣе преданы.

«Могутъ возразить, что Австрія поставитъ Италію на одну ногу съ Венгріей? Пожалуй! но все, что она дастъ Италиі въ видѣ утѣшенія — обратится противъ Австріи же въ орудіе. Изъ положенія ложнаго проистекаютъ послѣдствія непріятныя; первый разрывъ произведетъ бездну несогласій. Дайте въ-скому двору прійти съ кѣмъ нибудь въ серьезное столкновение, и вы увидите, что сдѣлаютъ милліоны Италиянцевъ, привыкшіе стоять за свои интересы и права; вы увидите какъ постороннія внушенія возбуждаютъ ихъ природныя склонности. Если ихъ принимаютъ за Славянъ, за Нѣмцевъ, за Кроатовъ, — такъ это другое дѣло; но вѣдь это все равно, что смѣшивать Венецію, Миланъ, Ферару и Болонью съ Прагою, Германштадтомъ и Вѣной.

«Непонятно это равнодушіе конгресса къ вторженію Австріи въ Испанію. Если была необходимость дать Австріи значеніе въ Италиі, то по-крайней-мѣрѣ слѣдовало наблюдать, чтобы ея водвореніе имѣло предѣлы, и не предоставлять ей посредственно или непосредственно всего полуострова Италиі. Слѣдовало положить ей преграды на рѣкѣ По, не пускать въ Легации, и не дозволять водворенія въ Моденѣ, Пармѣ и Тосканѣ; слѣдовало расширить Пиемонтъ, искать цѣлебныхъ средствъ отъ всякаго австрійскаго преобладанія въ Италиі.

«Сардинія — пылинка, а тѣмъ, въ сравненіи съ Австріей. Альпы ограждаютъ ее отъ Франціи, но съ восточной стороны Сардинія совершенно открыта. Она также безсильна — какъ могущественна сосѣдка ея Франція. Слѣдовало оградить Сардинію, оградить Италію; на дѣлѣ вышло совсѣмъ другое. Вѣнскій дворъ, пользуясь положеніемъ своимъ, видя что въ немъ настойтъ надобность, понимая вліяніе, которое даетъ ей паденіе Наволена, прибралъ къ своимъ рукамъ все, что было за Альпами. Австрія захватила господствующія позиціи, которыя должны были достаться Пиемонту, державѣ не первоклассной. Для Пиемонта эти позиціи были бы только оборонительными, — въ рукахъ имперіи Габсбурговъ они стали орудіемъ угрожающимъ. Роли очевидно переѣшались: чѣмъ больше Австрія вдавалась въ Италію — тѣмъ необходимѣе было укрѣпить Сардинію. А между тѣмъ пріобрѣтеніи Австріи остановились только тамъ, гдѣ она уже не могла расширяться, безъ явнаго покушенія на Пиемонтъ.

«Но — бѣда свершилась; Италія снова погрузилась въ свое

десяти вѣковое оцѣпенѣіе, — бесполезная себѣ и другимъ, — сопутствующая только на географической картѣ. А между тѣмъ Италіяны могли бы играть на этой картѣ важную роль, и хватило бы ихъ даровитости. Народъ, проявившійся съ такимъ блескомъ въ наукахъ и искусствахъ, можетъ проявиться также блистательно во всѣхъ другихъ работахъ, и тѣмъ удобнѣе, что эти работы выводили бы его на широкое поприще. Въ немъ все есть, что возбуждаетъ удивленіе въ другихъ народахъ, — и благоразуміе, и дѣятельность, и смысленность, и терпѣніе, и настойчивость — гдѣ нужно. Въ его частномъ распадѣніи надо винить уставы. Эти уставы могутъ дробить гранитъ и мраморъ — какъ капля, упадающая безирерывно.

«Только въ немногіе годы Италія испытала иную долю, узнала лучшіе уставы, и уже Италія 1814 года стала не похожа на Италію 1810-го. Если разсвѣтная зоря могла разсѣять столько тучъ, — что было бы — при глышномъ восходѣ солнца? Кто безоблѣзненно можетъ смотрѣть на дѣлую націю, скрывшуюся въ тучахъ?»

«Посмотрите — верхняя Италія принадлежитъ Австріи, — нижняя не ушла изъ рукъ Англіи. Занятіемъ Гибралтара, Мальты, Ионическихъ острововъ, Англія преобладаетъ въ Обѣихъ Сициліяхъ, во всѣхъ водахъ Италіи. Нельзя ни войти въ эти воды, ни выйти изъ нихъ — не споткнувшись на англійскую станцію. Хочешь не хочешь проходишь черезъ коммерческій и военный контроль, блокирующій полуостровъ Италіи.»

Вотъ въ какихъ пророческихъ словахъ замѣчательный публицистъ выражался еще въ 1815 и 1819 годахъ. Можно ли, спрашиваемъ, яснѣе читать грядущее? можно ли было осязательнѣе выставляя на видъ послѣдствія близорукихъ, себялюбивыхъ побужденій? Будь Австрія искреннѣе — и не легли бы ей на душу ни собственныя вины, ни униженія, ни бѣдствія, которыми она надѣлила Италію. Была минута, въ которую Меттернихъ понималъ эту истину: въ началѣ онъ равнодушно смотрѣлъ на присоединеніе Ломбардо-Венціи къ Австріи. Но этотъ проблескъ былъ не продолжителенъ. Корысть, гордость и себялюбіе Австріи превозмогли, и вмѣсто того, чтобы воздѣлывать обширныя поля, развивать внутреннія средства, хлопотать объ улучшеніяхъ въ земледѣліи, въ промышленности, въ торговлѣ, въ законодательствѣ, въ управленіи, въ дѣлѣ народнаго воспитанія, — Австрія, изводя Италію — забыла свои жизненные вопросы. — И вотъ за свои дѣйствія она уже потерпѣла это

первое наказаніе; неудачи и борьба 1848 и 1849 года могутъ назваться вторымъ наказаніемъ; Маджента и Сольферино — третьимъ.

Неимоверная быстрота, съ которой въ послѣднее время Гарибальди дѣйствовалъ въ Сициліи, не можетъ скрыть отъ нашихъ глазъ всѣхъ затрудненій, возникающихъ передъ побѣдителемъ Палермо. Рискавъ заслужить упрекъ въ холодности по дѣлу Сициліи, мы все-таки обязанностью считаемъ указать, на основаніи существующихъ данныхъ, на то положеніе, въ которомъ находится это дѣло.

Первый рядъ затрудненія Гарибальди встрѣчаетъ въ устройствѣ управленія и администраціи Сициліи. Отношенія его къ сильнымъ лицамъ Сициліи, принявшимъ участіе въ возстаніи и оказавшимъ ему дѣятельное содѣйствіе, измѣнили образъ мыслей диктатора, не въ отношеніи вопроса единства Италіи, но въ отношеніи средствъ, которыя слѣдовало употребить для приложенія этого же начала въ Сициліи. Движеніе, совершающееся въ этой области, чисто *Сицилійское*; жители ея хотятъ остаться Сицилійцами и имѣть парламентъ, который собирался бы въ Палермо. При сохраненіи этихъ правъ и преимуществъ, Сицилійцы желаютъ вступить въ обширную семью Италіи и быть для нее благонадежною опорой; но какъ бы не представлялась будущность — не сладились бы дѣла въ Сициліи, точно также какъ не сладились онѣ въ Неаполѣ, если бы вздумали приложить къ этой области систему полнаго присоединенія, какъ то сдѣлано съ Тосканой и другими областями, вошедшими въ составъ Италіи. Гарибальди кажется совершенно проникнуть этою истиной, неизмѣняющей впрочемъ убѣжденій его, но заставляющей его дѣйствовать не совсѣмъ сообразно съ прежними его планами.

Что касается до уступокъ, на которыя такъ охотно идетъ неаполитанское правительство, желая отвлечь бурю, то всѣ эти уступки не могутъ внушать полнаго довѣрія. Въ 1848 году, во время возстанія Сициліи, король Фердинандъ II далъ ей конституцію, приобрѣлъ сочувствіе областей, лежащихъ на твердой землѣ, съ ихъ содѣйствіемъ усмирилъ Сицилію, и потомъ, какъ въ этой области, такъ и въ Неаполѣ, уничтожилъ всѣ уступки, всѣ гарантіи, которыя далъ. Первые лица государства, министры его — Поэріо, Сеттембрини и другіе, получили расчетъ въ государственныхъ тюрьмахъ. А событіе это не впервые

случилось въ 1848 году; тоже было въ Неаполѣ въ 1821 году, при Фердинандѣ I, послѣ лайбахскаго конгресса.

Таково положеніе Сициліи, если взглянемъ на дѣло съ нравственной его стороны. А вотъ въ какомъ видѣ представляется оно съ его существенной, матеріальной стороны, въ отношеніи событій военныхъ. Изъ семи областей Сициліи — три находятся въ рукахъ возстановителей новаго порядка. За сямъ Неаполитанцы владѣютъ всѣмъ берегомъ отъ Меланезо и Мессины до Ликато, на пути къ мысу Пассеро. Въ этой части острова находятся лучшія крѣпости; въ провинці Мессинской, не говоря уже о самой Мессинѣ, — укажемъ на Меланезо, Рандацо, Таормино; въ Катаньѣ, — кромѣ самаго города, — Асм-Реуле, Алтерно, Никозіа, Фронте; въ Спракузахъ — Акоста, — второе мѣсто, укрѣпленное послѣ Мессины.

Наконецъ въ рукахъ Неаполитанцевъ еще и Контазиннетта. Гарнизонъ этого города, равно какъ и Катеро-Джованни, недавно получилъ подкрѣпленіе.

Таково существенное, матеріальное положеніе Сициліи. Гарibaldi съ рѣдкою энергіей, съ настойчивостью проводитъ возстаніе съ военной точки зрѣнія, но все теперь зависитъ отъ его первыхъ операцій. Если, вмѣсто того, чтобы сдѣлать высадку на какую нибудь точку неаполитанскихъ областей, лежащихъ на твердомъ берегу, вмѣсто того, чтобы рѣшиться на дѣло, которое въ томъ или другомъ смыслѣ дастъ непосредственные, значительные результаты, Гарibaldi обратится на укрѣпленные мѣста Сициліи, — то въ такомъ случаѣ дѣло можетъ запнуться и стоять дорого.

Въ настоящую минуту мы ничего не можемъ сказать положительнаго о томъ, что дѣлаетъ Гарibaldi, сколько вслѣдствіе таинственности, которою покрыты его распоряженія, столько и потому, что общественное вниманіе совершенно обращено на Востокъ, на кровавую рѣзню въ Сиріи.

И то сказать: странно бы огранилось это общественное мнѣніе, еслибъ оно грозою не возстало на событія, совершающія въ настоящую минуту въ Турціи. Самый опытъ, самое дѣло доказываетъ, что Европѣ нечего ожидать отъ правительства Оттоманской порты; и тамъ какъ и вездѣ, впрочемъ нѣтъ никакой возможности войти въ сдѣлку съ клерикальными корпораціями. А кто же не вѣдаетъ, что мусульманское духовенство распоряжается какъ ему угодно въ Турціи, что оно завѣдываетъ и са-

минь султаномъ? Это духовенство, словно Эолъ, богъ непогоды, раздуваетъ мѣха, полные страстей неистовыхъ, кровожадныхъ; въ ужасѣ вселенной ему стоитъ только пустить бурю по свѣту.

Этотъ-то взрывъ, эти-то слѣпые страсти слѣдуетъ воздержать... Общественнаго мнѣнія, словно чуткой стражи, указываетъ на нихъ. Въ наше время изувѣрство должно быть поражено безсиліемъ, въ какомъ бы видѣ оно не проявлялось. Прискорбно видѣть въ разгарѣ девятнадцатаго столѣтія, событія, совершившіяся въ прошломъ году въ Джедѣ, а нынѣ въ областяхъ Ливана. Магометанская вѣра, возбуждающая неприязнь и злобу на христіанскую вѣру — секта, кружокъ, партія, противъ которыхъ слѣдуетъ принимать стѣснительныя мѣры, какъ противъ всего, что пагубно, что вредно. Исламизмъ привелъ племя турецкое въ то печальное положеніе, въ которомъ оно теперь находится; онъ поставилъ въ положеніе живыхъ безчисленныя народонаселенія; онъ повергнулъ ихъ въ невѣжество, въ нищету, въ раздраженіе религіозное.

Помимо всей политической путаницы, усложняющей восточный вопросъ, онъ заключается въ слѣдующемъ: на Востокѣ живутъ милліоны Европейцевъ, подчиненные уставамъ Турціи; этимъ Европейцамъ угрожаетъ также гибель, что человеку, слящему въ пылающемъ со всѣхъ сторонъ домѣ; ихъ должно спасать. Тутъ уже выдвигается вопросъ человѣческой, а не политической. Гдѣ остановится, — однажды перешедши всѣ предѣлы — магометанское изувѣрство? Отвѣты на этотъ вопросъ — Джеда, Бейрутъ. Дѣло Европы — не греко-россійской, не католической, не англиканской, не протестантской, — а Европы гражданской, мірской, единственной охранительницѣ цивилизаціи и образованія — не жалѣть никакихъ усилій для положенія конца такимъ событіямъ.

Неужели мы придемъ только къ тому убѣжденію, что новымъ кровавымъ катастрофамъ суждено взунуть Европу? Должно дѣйствовать быстро, рѣшительно, мужественно, распорядиться такъ, какъ на вспыхнушемъ пожарѣ. Или — то, что возможно въ подобныхъ случаяхъ людямъ рѣшительнымъ, готъ вымъ на жертвы, — то не возможно, недостуно политикѣ? Или — политика руководствуется принципами, позволяющими вмѣшательство только тогда, когда бѣда достигнетъ высочайшей степени развитія? Такъ, дѣло именно въ этомъ періодѣ развитія: распоряженія, мѣры — необходимы; каждый день промедленія можетъ стоить жизни ты-

счасть людей: изувѣрство мусульманское сорвалось съ цѣли, оно теперь въ ходу, въ разгарѣ, и одинъ Богъ знаетъ, гдѣ оно останвится, — если не остановить его.

Нѣтъ надобности впечатлѣнiami увлекать общественное мнѣнiе, потрясать сердца: впечатлѣнiя глубоко врѣзались во всѣ сердца, — во всѣ умы, и каково же тѣмъ, у которыхъ какъ у насъ — есть люди близкiе сердцу, надъ которыми готово разразиться бѣшенство изувѣровъ? и вотъ почему мы стараемся воздержаться отъ проявленiя чувствъ. Безъ гнѣва, безъ страсти, безъ жажды воздаянiя, безъ увлеченiя слѣдуетъ смотрѣть на событiя, совершающiяся нынѣ на Востокѣ: еще недавно можно было сказать, что на Востокѣ выдвигается вопросъ человѣчества, любви ближняго — а не политическiй вопросъ; прежде можно было предупредить, отвратить кровавое дѣло. Теперь уже нельзя: на то прошла пора, катастрофы совершились — кровь льется потокомъ; политическiй вопросъ въ настоящую минуту беретъ верхъ.

Безсилiе турецкаго правительства, справиться съ племенами ему подвластными — дѣло рѣшенное, доказательствъ нетребующее. Всѣ европейскiя державы должны бы были войти въ соглашенiя, и вѣроятно опѣ будутъ дѣйствовать единодушно. Какiя рѣчи могутъ быть на рынкахъ Европы о ссудѣ денегъ Турцiи, о займѣ турецкомъ? Въ настоящее время, при дѣлахъ совершающихся на Востокѣ — то была бы злая шутка.

Нѣтъ! въ настоящее время Европѣ слѣдовало бы подумать не о турецкомъ займѣ, — а о вещахъ по серьезнѣе этого займа; не о займахъ — а о спасенiи христіанскихъ племенъ Турцiи, пришла пора подумать.

Дѣло не въ воздаянiи за погнбшiя жертвы; не въ общей комиссiи изъ европейскихъ уполномоченныхъ, которая станетъ судить и ридить виноватыхъ. Дедда указала намъ въ прошломъ голу, чего можно ожидать отъ воздаянiя этого рода. Дѣло не въ отищенiи за мертвыхъ, — а въ дарованiи жизни живымъ, въ покровительствѣ имъ, въ охранѣ ихъ собственности, въ защитѣ ихъ труда.

Все это не по силамъ Турцiи; слѣдуетъ за Турцiю исполнить эту обязанность; европейскiя державы должны бы принять въ опеку такое безсилiе. Къ чему заводитъ рѣчь о правахъ, о неприкосновенности Турцiи? Права, неприкосновенность? Конечно и Турцiя имѣетъ право — какъ и всѣ — право совпадающее съ

долгомъ: право завѣдывать, управлять, покровительствовать народонаселеніямъ, ввѣреннымъ его управленію, безъ различія вѣроисповѣданій, религій. Исполнила ли Турція долгъ этотъ? Очевидно нѣтъ!

Такъ Европа можетъ проявить право, исполнить долгъ. Она имѣетъ право удовлетворять требованіямъ положенія отчаяннаго; она въ обязанности принять охранительныя мѣры. Станемъ надѣяться, что Европа поступитъ именно въ этомъ смыслѣ.

ГАРИБАЛЬДИ.

Мы не знаемъ изъ современныхъ жизней болѣе драматичной и разнообразной, какъ жизнь Гарибальди. Съ его именемъ соединяется воспоминаніе о замѣчательныхъ событіяхъ нашего вѣка; его мечъ, болѣе тридцати лѣтъ, неизмѣнно служить... особенно свободѣ его отечества. Въ Италіи или въ Америкѣ, въ Генуѣ или въ Римѣ, гдѣ бы ни былъ поданъ голосъ за правое дѣло, Гарибальди является борцомъ или вождемъ народной партіи. Его простое и честное слово внушаетъ безграничное довѣріе массамъ; его отвага одушевляетъ примѣромъ воина и гражданина. Неудивительно, если имя его обратилось для итальянцевъ въ классическую легенду, украшенную самыми смѣлыми вымыслами южной фантазіи; о живой личности, которую мы знаемъ, слышимъ и ни на одну минуту не упускаемъ изъ виду, ходятъ рассказы, похожіе на эпическія пѣсни. Гдѣ бы онъ не находился — въ Альпійскихъ горахъ съ оружіемъ въ рукѣ, или на островѣ Капрера за плугомъ и сохой, вездѣ слѣдятъ за нимъ общественное вниманіе, желая проникнуть до самаго сокровеннаго помысла его души. Все это доказываетъ, что въ дѣйствительной жизни Гарибальди есть много симпатичныхъ сторонъ для человѣчества и великихъ фактовъ для Италіи.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть интереснѣе отдѣльной личности, на которой покоится надежда цѣлой страны? Что можетъ быть выше и чище этой безпечной и неутомимой жизни, безусловно отданной на пользу благородной идеи? Здоровье, семейство, состояніе, все что есть для человѣка самаго дорогаго и близкаго, все это Гарибальди принесъ въ жертву своему безкорыстному стремленію. Его покойная жена Анита не разду-

чалась съ нимъ ни во время трудныхъ походовъ, ни въ огнѣ опасныхъ битвъ; постоянно на конѣ, она шла съ своимъ мужемъ всюду, гдѣ бы знамя его не развѣвалось. Его сынъ вмѣстѣ съ отцемъ, и въ рядахъ сицилійскихъ волонтеровъ. Его домъ и ферма отданы подъ залогъ тѣхъ кораблей, которые онъ сжегъ ради спасенія Сициліи. Безъ преувеличенія можно сказать, что для него нѣтъ богатства — кромѣ стараго меча, нѣтъ ничего завѣтнаго въ мірѣ — кромѣ свободы Италіи. И еслибъ Гарибальди не былъ политическимъ дѣятелемъ, то и тогда жизнь его была бы въ высшей степени замѣчательной.

По характеру, онъ принадлежитъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ темпераментовъ нашего времени. Неспособный ограничиться кабинетнымъ размышленіемъ или праздными теоріями публициста, онъ всю свою жизнь провелъ въ постоянныхъ заботахъ, предпріятіяхъ и опасностяхъ. Два раза онъ переплывалъ Атлантическій океанъ; два раза онъ избѣгалъ преслѣдованія враговъ, укрываясь отъ нихъ, въ одеждѣ пастуха или подъ плащомъ кондотьера, въ горахъ или болотахъ; нѣсколько разъ голова его была опѣнена австрійскимъ вѣроломствомъ, и всякій разъ онъ былъ спасенъ отъ руки своихъ палачей. Такая жизнь, полная трудовъ, лишеній и постоянныхъ тревогъ, закалила силы Гарибальди въ суровой школѣ практическихъ опытовъ. Для него тихая сфера поэта, художника и ученаго была бы слишкомъ тѣсной и невыносимой; ему нужно море, горное ущелье, нападеніе въ-расплохъ, ночная высадка на непріятельскій берегъ, и борьба со всѣми ея переменами и случайными развязками. И для такой дѣятельности Гарибальди обладаетъ всѣми необходимыми условіями: необыкновеннымъ тактомъ наблюденія, быстрымъ соображеніемъ, дальновидностію въ планахъ и твердостію въ исполненіи ихъ, хладнокровіемъ въ неудачахъ и великодушіемъ въ побѣдѣ — однимъ словомъ, это человекъ дѣйствія и воли. Какъ одинъ изъ передовыхъ застрѣльщиковъ вѣка, онъ проводитъ идею въ практическую жизнь народовъ, осуществляетъ на самомъ дѣлѣ то, что думаютъ и чего добиваются кабинетные мыслители. Въ этомъ отношеніи Гарибальди — полное олицетвореніе итальянской демократіи.

Мы передадимъ нашимъ читателямъ главные черты изъ его жизни; и тѣмъ дополнимъ его характеристнику.

Въ тотъ день, когда Сѣверо-Американскіе Штаты празднуютъ торжество своей независимости, 4-го Іюля (1807 года), въ Нидцѣ родился Іосифъ Гарибальди.

Отецъ его, старый честный рыбакъ воспитывалъ сына въ трудахъ и правлахъ своего скромнаго положенія. По цѣлымъ днямъ проводилъ мальчикъ на морѣ, и свободная стихія съ ея бурями и прелестью темноглубыхъ водъ образовала характеръ будущаго героя Италіи. Проходилъ день, наступалъ вечеръ, и маленькій Гарибальди садился за книгу. Ученіе, какъ мы имѣемъ право догадываться по нѣкоторымъ даннымъ, вовсе не привлекало его. На другое утро онъ охотно выходилъ въ заливъ, и первые лучшіе уроки бралъ у самой природы. Отецъ радовался любви къ морю молодого Іосифа, и современемъ хотѣлъ приготовить изъ него хорошаго пловца и ловкаго матроса. Съ этой цѣлью онъ отдалъ его юнгой въ сардинскій королевскій флотъ.

Отсюда начинается дѣятельная жизнь и подвиги Гарибальди.

Разсказываютъ, что во время крейсерства фрегата, на которомъ онъ служилъ, на этотъ фрегатъ напали пираты; завязалась драка, разбойники смѣло лѣзли на бордажъ — вдругъ мѣткій выстрѣлъ повалилъ ихъ атамана. Враги смѣшались и съ большимъ урономъ отступили. Виновникомъ побѣды былъ Гарибальди; ему принадлежалъ счастливый выстрѣлъ; — но участіе юнгъ въ сраженіи было запрещено, — и капитанъ корабля предалъ его военному суду. Молодаго человѣка осудили, но король не только помиловалъ его, но еще помѣстилъ въ военное морское училище въ Ниццѣ....

Между тѣмъ австрійская цѣпь, надѣтая на Италію священнымъ союзомъ, крѣпче и крѣпче стягивала ея члены. Система Меттерниха, поставившая страну между безсмѣнной революціей и невыносимымъ угнетеніемъ, породила рядъ тѣхъ несчастій, которыя проводятъ кровавый слѣдъ въ исторіи XIX вѣка. Вѣнскому деспотизму отвѣчали постоянные заговоры и періодическія возстанія полуострова. Послѣ неаполитанской революціи двадцатыхъ годовъ, охватившей всѣ части Италіи, ея глубокая неаисть къ Австріи и измѣнникамъ народнаго дѣла сосредоточилась внутри ея партій. Тайныя общества работали съ необыкновенной энергіей, и въ тридцатыхъ годахъ достигли колоссальныхъ размѣровъ. Въ головѣ ихъ сталъ пылкій, образованный и неутомимый юноша, котораго судьба такъ блестятельно виѣшними фактами и такъ бѣдна результатами. Вокругъ Матсини собралось юное поколѣніе, названное «Юной Италіей», и образовало центръ политическаго движенія страны.

Когда Карлъ-Альбертъ разстрѣливалъ въ Генуѣ и Шамбернъ людей, съ которыми прежде мечталъ о той же независимо-

сти Италіи, Матсини и Ромаринно направилъ ударъ противъ Piemonta изъ Швейцаріи и Савои. Гарибальди участвовалъ въ этомъ предпріятіи, такъ неудачно оконченномъ не столько отъ личныхъ недостатковъ вождей и импровизированной арміи, сколько отъ общаго разочарованія Италіи, послѣ ея роковаго пораженія. Оставивъ Савою, Гарибальди поселился въ Марсели. Здѣсь онъ провелъ два года, занимаясь математическими науками и зорко наблюдая за политическимъ движеніемъ своего отечества. Новыя покушенія его были также безуспѣшны и, когда видимо изчезла всякая надежда, онъ удалился въ Черногорію. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ свободы, защищаемой Альпійскими горами, онъ съ переменнымъ счастіемъ велъ войну противъ сильнѣйшаго непріятеля, но не видя возможности долѣе сопротивляться, оставилъ Европу и поселился въ Тунисѣ. Трудно сказать, что призвало его на полудикій берегъ Африки, и еще труднѣе рѣшить, что заставило его поступить на службу тунисскаго дея. Не долго впрочемъ Гарибальди служилъ деспоту; самоуправство его, ежедневныя потрясающія сцены разбогѣннаго двора и наконецъ интрига съ одной изъ любовницъ въ гаремѣ восточнаго повелителя заставили его искать новой дѣятельности и другаго общества.

Южная Америка призывала его. Тамъ вспыхнула вражда между Монтевидео и диктаторомъ Розасомъ. Гарибальди, съ кучкой итальянскихъ ратниковъ и старыхъ друзей по оружію явился на защиту менѣе сильныхъ, но болѣе правыхъ. Мы не станемъ слѣдить за всѣми дѣйствіями этихъ героевъ; — они затрудняли и поражали непріятеля въ десять разъ превосходившаго ихъ числомъ. Однажды дѣлая рекогносцировку съ двѣнадцатью матросами, Гарибальди очутился среди непріятельскаго флота въ ту минуту, когда туманъ разсѣялся. Лодка его едва успѣла скрыться подъ вечеръ въ маленькій заливъ. Шести-пушечный гоlette сталъ у выхода и рассчитывалъ по-утру кончить дѣло; но Гарибальди перетаскалъ ночью свою шлюпку черезъ перешеекъ и самъ атаковалъ непріятеля съ другой стороны. Гоlette сдѣлался его призомъ.

Наконецъ счастье измѣнило Гарибальди и онъ попался въ плѣнъ. Розасъ приказалъ обращаться съ нимъ какъ можно хуже, въ надеждѣ сломить его энергію. Когда, по мнѣнію его, плѣнникъ довольно выстрадалъ, онъ призвалъ его къ себѣ въ палатку и предложилъ мѣсто дивизіоннаго генерала съ жалованьемъ въ десять тысячъ піастровъ; но Гарибальди презрп-

тельно отказался. Раздраженный диктаторъ угрожалъ ему дать почувствовать всю тяжесть своей власти, — Гарибальди не уступилъ. Розасъ приказалъ держать его еще строже и обходиться съ нимъ, какъ съ простымъ солдатомъ; его заставили пѣшкомъ идти за войскомъ.

Однажды послѣ форсированнаго перехода, когда уставшіе часовые задремали, Гарибальди быстро бросился на лошадь, спустился съ горы, и исчезъ въ кустарникахъ прежде, чѣмъ очнувшіеся солдаты стали его преслѣдовать. Къ несчастью, бѣглецъ, встрѣтился съ партіей, возвращавшейся въ лагерь и былъ приведенъ обратно. Жестокими насмѣшками встрѣтилъ Розасъ плѣнника и приказалъ смотрѣть за нимъ еще строже прежняго.

Дочь полковника, которому онъ порученъ былъ подъ надзоръ, Анита, любовница Розаса, увидѣла Гарибальди и полюбила его всей силой южной страсти.

Она доставила ему средства избѣжать неволи и сама сопровождала его. Радостно встрѣтили товарищи своего вернушагося начальника, и война загорѣлась съ новымъ удвоеннымъ жаромъ. На сушѣ и на водѣ мстилъ Гарибальди за свой плѣнъ. Анита, вооруженная саблей и пистолетами, была съ нимъ неразлучна.

Между тѣмъ войска Лавале начали сосредоточиваться у Монтевидео. Надо было дать имъ время собраться и для этого остановить Розаса. Съ тремя судами противъ десяти Гарибальди совершилъ дѣло. Нѣсколько часовъ продолжалась битва; наконецъ онъ увидѣлъ, что противиться больше невозможно, и зажегъ свои корабли. Пользуясь мелководіемъ рѣки, солдаты перешли ее въ бродъ, а раненыхъ снесли на плечахъ.

Новая борьба ожидала ихъ на сушѣ, надо было пробиться сквозь непріятеля, и они пробились, — но Анита попалась въ плѣнъ. Женское притворство помогло ей помириться съ Розасомъ — и убѣжать снова...

По окончаніи войны, Уругвайская республика предложила Гарибальди и его легіону денежное вознагражденіе за его услуги; но онъ отвергъ предложеніе, не желая унижать цѣной золота чистой крови, пролившей его соратниками.

Наступилъ 1848 годъ, годъ величайшаго кризиса для всей Европы. Италия подала примѣръ политическаго возрожденія угнетеннымъ народамъ, и на голосъ ея реформы явился Гарибальди.

2-го Юля онъ былъ въ Генуѣ.

Услуги, предложенныя имъ Сардиніи, не были приняты. Онъ

поспѣшилъ въ Миланъ, но городъ уже капитулировалъ. Тогда Гарибальди перенесъ войну въ горы. Рядъ изумительныхъ военныхъ предпріятій заявилъ силу его оружія; не смотря однакожь на побѣды и симпатію населенія, онъ не могъ удержаться; превосходныя силы Австрійцевъ тѣснили его, со всѣхъ сторонъ; голова его была оцѣнена. Окруженный врагами въ ущелинѣ, онъ обратился къ своимъ волонтерамъ съ слѣдующими словами: «Товарищи, кажется, надо умереть здѣсь. Пусть такъ! но убейте какъ можно больше Кроатовъ; Кроатомъ меньше—меньше непріятелемъ для Италіи. Впередъ!» Австрійцы разступились передъ этимъ живымъ ураганомъ, и Гарибальди успѣлъ укрыться въ Швейцарію.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова явился на сценѣ дѣйствія, подъ стѣнами Рима, съ 2,000 волонтеровъ.

Съ одной стороны Французы, съ другой Неаполитанцы угрожали Риму; на второмъ планѣ стояли Австрійцы.

Отбивъ первые приступы Удино, Гарибальди воспользовался перемиріемъ, заключеннымъ съ нимъ, и обратился противъ Неаполитанцевъ. Не смотря на значительное превосходство въ силахъ, войско Фердинанда было разбито въ нѣсколькихъ стычкахъ, а при взятіи Велетри самъ король едва не попался въ плѣнъ.

Въ то время, какъ Бомба бѣжалъ по направленію къ Беневенту отъ гарибальдійцевъ, въ столицѣ Пія IX была провозглашена республика, въ виду французскихъ штыковъ. Гарибальди былъ призванъ для спасенія осажденнаго города. Чудеса храбрости оказалъ онъ при защитѣ виллы Памфили: съ 400-ми человекъ онъ поддерживалъ бой втеченіе 16-ти часовъ противъ двухъ бригадъ; но сила опять превозмогла...

Когда народное собраніе увидѣло невозможность защищаться, Маттеини предложилъ три средства: сдаться, возобновить геройскую защиту Сарагоссы или продолжать войну въ провинціи. Тогда генераль Бартолучи объявилъ, что онъ получилъ письмо отъ Гарибальди, которой объявляетъ дальнѣйшую защиту невозможной. Собраніе послало просить главнокомандующаго: онъ явился въ капитолій покрытый потомъ, пылью и кровью. Узнавъ въ чемъ дѣло, онъ предложилъ оставить половину Рима и укрѣпить другую. «На сколько же времени мы спасемъ эту другую половину?» спросили его. «На нѣсколько дней», отвѣчалъ онъ — и тогда рѣшились вступить въ переговоры. Гарибальди не хотѣлъ и слышать объ этомъ и рѣшился продолжать войну въ провин-

ціяхъ. Собравъ своихъ солдатъ на площади св. Петра, онъ, сказалъ имъ: «Товарищи, вотъ что ожидаетъ васъ: жажъ и жажда днемъ; холодъ ночью; ни жалованья, ни покоя, ни убѣжища; но въ замѣнъ нищета, тревоги, безпрестанные переходы, сраженія на каждомъ шагу. Кто любитъ Италию — за мной.» Пять тысячъ человѣкъ послѣдовало за нимъ.

2-го Юля выступилъ онъ изъ Рима; Анита не смотря на то, что была на шестомъ мѣсяцѣ беременности, рѣшилась раздѣлить судьбу мужа. Преслѣдуемый тремя французскими отрядами, угрожаемый на югѣ Неаполитанцами, въ Тосканѣ и Легатствахъ Австрійцами, онъ умѣлъ пройти между ними, раздѣливъ свою колонну на маленькіе отряды.

Наконецъ, стѣсняемый на всякомъ шагу болѣе и болѣе, онъ достигъ республики Санъ-Марино. Президентъ позволилъ запастись съѣстными припасами, но не далъ разрѣшенія пройти черезъ республику. Между тѣмъ генералъ Горцковскій, прибывъ изъ Болоньи, успѣлъ окружить небольшой отрядъ Гарибальди... Переговоры между президентомъ и австрійскимъ генераломъ кончились слѣдующими условіями: Горцковскій предложилъ волонтерамъ Гарибальди положить оружіе, а самому предводителю ихъ взять австрійскій паспортъ и удалиться въ Америку.

Когда эти условія были принесены Гарибальди, маленькая армія его спала на площади Санъ-Марино и сосѣднихъ улицахъ. Тѣ, которые не спали, объявили генералу, что не согласны на эти условія, и готовы открыть дорогу съ оружіемъ въ рукахъ.

Чтобъ безпрепятственно исполнить свое отступленіе, Гарибальди рѣшился воспользоваться послѣдними минутами ночи. Грустныя думы отразились на его лицѣ, когда онъ взглянулъ на спящихъ друзей, но долгъ генерала заглушилъ въ немъ чувство человѣка, и онъ приказалъ желающимъ слѣдовать за нимъ — приготовиться немедленно къ отступленію. Двѣсти человѣкъ согласились идти за нимъ, — «новыя страданія ожидаютъ насъ, сказалъ вождь, изгнаніе или смерть, но не сдѣлка съ непріятелемъ.» Идемъ!... Идемъ! повторили волонтеры — и Гарибальди, бросивъ прощальный взглядъ на покинутыхъ товарищей, быстро удалился. Можно ли обвинять его? Отрядъ его получилъ разрѣшеніе отъ присяги на границѣ Санъ-Марино; излишняя медленность могла погубить всѣхъ, да и врядъ-ли многіе согласились бы слѣдовать за нимъ; они, утомленные прошлыми опасностями и лишеніями, слышали приготовленія къ походу, но не хотѣли подвергаться дальнѣйшимъ опасностямъ, довольные принятой капитуляціей.

Въ ночь съ 1-го на 2-е Августа Гарибальди достигъ берега; тринадцать рыбачьихъ лодокъ приняли его отрядъ. Венеція была уже въ виду, но австрійскій бригъ «Орестъ», перерѣзавъ дорогу... изъ тринадцати—пять барокъ достигли Мезолы. Гарибальди понялъ, что единственное спасеніе въ бѣгствѣ. Только одинъ изъ товарищей, который помогалъ нести Аниту, не оставилъ его. Бѣглецы направились къ Равенѣ. Три дня продолжались страданія Аниты, наконецъ она потеряла сознаніе. Къ счастью, не далеко была одна бѣдная хижина; въ нее перенесли умирающую. Гарибальди преклонился у смертнаго ложа жены и съ трепетомъ сердца подстерегалъ всякое движеніе очавшейся жизни. Нѣсколько минутъ спустя одинъ крестьянинъ принесъ извѣстіе, что Австрійцы приближаются.

Гарибальди взялъ жену на руки и понесъ ее, пока достало силъ. Истощенный, онъ готовъ былъ упасть подъ драгоцѣнной ношей, какъ вдругъ встрѣтилась имъ деревенская повозка; едва дышавшую мученицу положили въ нее и довели до фермы маркиза Гвичіоли, (Guiccioli). На другой день Анита скончалась.

Надъ этимъ прахомъ онъ поклялся быть непримиримымъ врагомъ Австріи и сдержалъ свое слово.

Похоронивъ жену въ уголку равнины подъ тѣнью деревьенъ, онъ отправился переодѣтый въ Равену. Тысячи опасностей угрожали ему: его голова снова была отдана на откупъ; Горцковскій подъ страхомъ смерти запретилъ давать ему пищу и пріютъ, — и не смотря на все это, народная любовь охраняла его отъ руки предателя и шпіона, давъ ему возможность достигнуть Пиемонта.

Послѣдняя надежда Италіи съ паденіемъ Венеціи исчезла. Гарибальди не видѣлъ болѣе спасенія на родномъ берегу. За нимъ лежала пустыня, пзрытая копытами австрійской конницы и заваленная развалинами городовъ; его преслѣдовали воспоминанія о друзьяхъ потерянныхъ на полѣ битвы или погибшихъ отъ руки палача; за нимъ былъ гробъ его жены и похороны Римской республики, убитой республикой Французской. Гарибальди рѣшился опять оставить отечество и удалиться въ Америку.

Онъ поселился въ Нью-Йоркѣ и занялся здѣсь фабричнымъ производствомъ; мирная дѣятельность купца скоро наскучила ему и онъ поступилъ капитаномъ купческаго корабля къ одному богатому Американцу. Эта дѣятельность дала ему возможность объѣхать полсвѣта; онъ былъ въ Калифорніи, Китаѣ, Перу и опять принялъ начальство надъ войсками въ Монтевидео. Но это—

вая война скоро прекратилась, благодаря посредничеству Франціи. Тогда Гарибальди возвратился въ Ниццу и затѣмъ перешагалъ вмѣстѣ съ сыновьями на островъ Капреру, гдѣ занялся сельскими работами.

Въ этомъ положеніи засталъ его 1859 годъ. Борьба за свободу снова взволновала Италію; снова дѣти ея собрались подъ трехцвѣтное знамя Сардиніи. Теперь призванный сыномъ Карла-Альберта къ оружію и уполномоченный властію вождя альпійскихъ стрѣлковъ, Гарибальди внесъ партизанскую войну въ савойскія горы. Первый выстрѣлъ и первая побѣда надъ Австрійцами принадлежала ему. Дѣйствуя во флангъ непріятельской арміи и нанося ей одно пораженіе за другимъ, онъ отвлекалъ огромныя силы отъ центральнаго войска. Событія этой войны еще такъ свѣжи въ нашей памяти, что мы считаемъ лишнимъ говорить о нихъ подробно. Кто не знаетъ этого лихорадочнаго нетерпѣнія, съ какимъ ожидала вся Европа извѣстій о подвигахъ Гарибальди; кого не изумляли его смѣлые переходы и нечаянныя нападенія на врага? Кому неизвѣстно блистательное варезское дѣло, гдѣ онъ съ пятью тысячами волонтеровъ разбилъ тринадцати-тысячный корпусъ Урбана? Наконецъ, послѣ взятія Комо и Лавено, кто не былъ увѣренъ, что съ пменемъ Гарибальди неразлучна побѣда, что одно присутствіе его ручалось за успѣхъ предпріятія, какъ бы оно ни было сомнительно. Но вилафранкское перемиріе остановило мечъ Гарибальди.

Затѣмъ для Гарибальди наступило новое бездѣйствіе. Положивъ мечъ, онъ снова удалился подъ тихую кровлю своей фермы, и едва Сицилія обнаружила первые симптомы возстанія, какъ онъ явился на берегу ея. Его знамя—народное знамя, соединило разбросанныя силы острова. Ни происки неаполитанскаго правительства, ни варварскія прокламаціи, ни ложныя обѣщанія, ни подкупы, ни вандалская жестокость съ жителями Палермо не ослабили ни энергіи, ни мужества Гарибальди. Въ пятнадцать дней онъ довелъ королевскія войска до безвыходнаго положенія, заставилъ трепетать неаполитанскій дворъ и сдѣлался представителемъ судьбы двухъ-милліоннаго народонаселенія.

Послѣдняя высадка Гарибальди сначала изумила Европу. Въ ней видѣли какое-то безумное предпріятіе человѣка, который рисковалъ погубить свою славу, жизнь и, могло быть, парализировать весь ходъ сицилійскаго дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, съ горстью людей, безъ оружія и средствъ, онъ выходитъ на берегъ, въ виду многочисленнаго войска, укрѣпленій и строго-организован-

ной полиціи. Отрѣзанный отъ континента моремъ, безъ флота и вѣрной помощи, на что онъ могъ рассчитывать въ случаѣ неудачи или ошибки? Но здѣсь-то и показалъ Гарибальди, что его дарованія достаетъ не для одной войны, но и для глубокихъ политическихъ соображеній. Только теперь мы увидѣли, что это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государственныхъ умовъ нашего времени, что отъ его дальновиднаго взгляда не скрываются самые неумовимые результаты народныхъ реформъ. Что онъ понимаетъ современныя потребности и инстинкты Италіи — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; сицилійскій же походъ его, такъ разумно обдуманый, какъ его не обдумали бы въ лучшемъ дипломатическомъ кабинетѣ, убѣждаетъ насъ въ томъ, что Гарибальди не только гениальный кондотьеръ, но и политикъ, что онъ знаетъ настоящее положеніе не одного италіянскаго общества, но всей Европы. Во всѣхъ его распоряженіяхъ, переговорахъ и планахъ виднѣнъ и хорошей дипломатъ и превосходный администраторъ. Руководить ли имъ ловкая и находчивая мысль Кавура, или Гарибальди руководить Кавуромъ это пока остается тайной; по-крайней-мѣрѣ, во всѣхъ дѣйствіяхъ диктатора Сициліи проглядываетъ и самостоятельный умъ и единственная, только ему одному свойственная энергія.

Что касается политической вѣры Гарибальди, онъ не измѣнилъ ей съ-тѣхъ-поръ, какъ защищалъ ее подъ стѣнами Рима. Эта вѣра никогда не имѣла того исключительнаго и узкаго характера, какой обыкновенно, навязываютъ такимъ дѣятелямъ, какъ Гарибальди. Для него нѣтъ ни республиканскихъ, ни конституціонныхъ стремленій; онъ слишкомъ высоко развитъ, чтобъ привязываться къ той или другой формѣ правленія, чтобъ предпочитать Виктора Емануила Папѣ или папу Неаполитанскому Бурбону; думаемъ, что всѣ эти альфы въ народной жизни — для него омеги. Притомъ политическія убѣжденія въ такой странѣ, какъ Италія, не могутъ быть убѣжденіями строго выработанными и опредѣленными; до нихъ вырастаютъ только наши свободныя, воспитанныя въ школѣ долговременныхъ и мощныхъ социальныхъ реформъ; для нихъ нужны извѣстныя условія политическаго существованія. Въ иномъ положеніи находилась Италія въ послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ. Всѣ ея усилія сосредоточены были на томъ, чтобъ избавиться отъ того гнетущаго ига, которое заперло всѣ поры ея нравственнаго дыханія. Такія народы, къ несчастію живутъ отрицательной жизнью. Ихъ надежда — прежде всего въ свободѣ; ихъ вѣра — въ лучшее бу-

душемъ, откуда бы оно не пришло и какъ бы не устроилось, Эта неопредѣленность принциповъ и шаткость тенденцій отразилась на всѣхъ политическихъ вождяхъ современной Италии. «Когда дѣло идетъ о спасеніи страны, заимѣнь Макиавелли, тогда не спорять о средствахъ». Къ этому совѣту, въ послѣднемъ результатѣ, примѣняется политика каждаго геніальнаго Італіянца.

Наконецъ чтó особенно отличаетъ Гарибальди между современными характерами, — это одно изъ самыхъ рѣдкихъ качествъ нашей бездушной эпохи. Выше всѣхъ системъ, направленій и вѣрованій для него стоитъ имя человѣка. Сынъ рыбака сохранилъ это достоинство на всѣхъ поприщахъ жизни. Соединяя съ классической простотой высокое нравственное чувство, онъ навсегда остался вѣренъ своимъ первоначальнымъ правиламъ; его не увлекла ни громкая популярность, ни народная лесть. его не пзмѣнили ни счастье, ни страданія. Въ его поступкахъ, манерахъ и словахъ нѣтъ ни малѣйшей эффектаціи, въ которой обвиняютъ его соотечественниковъ. Онъ также просто возвращается къ своему плугу, какъ идетъ на поле битвы, онъ также откровенно говорить съ королемъ, какъ съ простымъ волонтеромъ. «Я видѣлъ Гарибальди, пишеть очевидецъ, въ первый разъ въ Лондонѣ, когда онъ сходилъ съ корабля на свободную землю Англии. О пріѣздѣ его городъ зналъ заранѣе, и народъ волнами притекалъ къ той набережной, гдѣ долженъ былъ остановиться знаменитый путешественникъ. Тысячи любопытныхъ глазъ были направлены на эту классическую фигуру, и каждый хотѣлъ изучить ее до послѣдней тонкости. Воображеніе мое, подготовленное разсказами о дѣлахъ Гарибальди, общимъ вниманіемъ къ его судьбѣ и наконецъ самымъ прісмомъ, составило о немъ, какое-то чудесное понятіе. И какъ удивила меня простота его костюма, мягкость взгляда, умнаго и глубокаго, но до того симпатичнаго, что, кажется, этотъ взглядъ никогда не видѣлъ ни труповъ, ни крови, ни бурь. Въ строгихъ и нѣсколько рѣзкихъ чертахъ лица его выражалось вмѣстѣ съ энергіей какая-то юношеская прелесть; въ его походкѣ, поклонахъ и обращеніи замѣтна была наивнѣсть геніальнаго человѣка. Онъ шелъ между рядами народа, и гуломъ причѣтствій такъ спокойно, какъ будто всѣ эти люди были давнишніе друзья его и онъ находился дома. Потомъ я видѣлъ Гарибальди на митингахъ, въ клубахъ, среди большихъ обществъ, и всегда находилъ его до-того искреннимъ въ обхожденіи, что, говоря съ нимъ, забывалось различіе возраста, положенія и авторитета. Вообще онъ молчаливъ и задумчивъ,

но если предметъ вызываетъ его на размышленіе и разговоръ, рѣчь его увлекательная и страстная. Повидимому нѣтъ предмета, котораго бы онъ не зналъ. Тихій голосъ его, одушевляясь, переходитъ въ звонкое альто и глаза загораются огнемъ сильной сосредоточенной мысли». Вотъ человѣкъ, которому исторія готовить такую славную страницу въ судьбахъ Италіи и нашего вѣка.

Мы не можемъ предсказать, чѣмъ окончится знаменитая борьба его, но можемъ поручиться за то, что пока Сицилія останется въ рукахъ Гарибальди, свобода ея такъ неотъемлема, какъ море у береговъ ея.

Г. БЛАГОСВѢТЛОВЪ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Курсъ политической экономіи Молинали.

изд. Тиблена С. Петерб. 1860 г.

Ни одна изъ современныхъ наукъ не представляетъ такого рѣзкаго противорѣчія дѣйствительной жизни народовъ, какъ политическая экономія. Болѣе ста лѣтъ, получивъ право гражданства, она учитъ богатству и распредѣленію его, но богатство попрежнему остается привилегіей меньшинства, а бѣдность — удѣломъ большинства. Всѣ одинаково горячо желаютъ обезпечить свое матеріальное состояніе, всѣ понимаютъ, что нищета есть одно изъ величайшихъ золъ общественнаго положенія, и никто, однакожь, не обращается къ политической экономіи затѣмъ, чтобъ разбогатѣть. Этого мало; люди, скопившіе въ своихъ рукахъ огромные капиталы нашей эпохи, — Ротшильды всѣхъ странъ и сословій — никогда не занимались специально политической экономіей, многіе изъ нихъ и не слышали о пей, а представители ея, посвятившіе всю жизнь изученію экономическихъ законовъ, съ небольшимъ исключеніемъ, всѣ бѣдняки, съ Адама Смита до Прудона. Первый, закладывая краеугольный камень соціальной науки, принужденъ былъ жить въ рыбацкой хижинѣ *Киркголда*, а второй едва могъ собрать нѣсколько сотъ франковъ, чтобъ спастись отъ преслѣдованія парижской полиціи въ Брюссель. И если бъ кто ишбудъ сталъ доказывать, что только въ школѣ короннаго соціалиста можно научиться искусству богатѣть, то отъ перваго до послѣдняго министра финансовъ всякій горько улыбнулся бы такой наивной философій.

Но чѣмъ же объяснить это странное и крайне-нелогическое явление? Чѣмъ оправдать это недоверіе къ политической экономіи и разрывъ ея съ практическимъ направлениемъ современныхъ обществъ? Отвѣчая на этотъ вопросъ, одни безусловно обвиняютъ самую науку, приписывая ей ту же жалкую роль, какую играла алхимія или теологія въ средніе вѣка. Другіе идутъ еще дальше, утверждая, что социальное ученіе есть смертельный врагъ тишины и благоденствія народовъ. Оно, по мнѣнію ихъ, не только «не прибавляетъ ни одной крупички въ супъ бѣднаго семейства,» но явно враждуетъ со всѣми, такъ или иначе установившимися условіями нашей жизни. Если послѣдніе страдаютъ свѣтобоязнію и умственнымъ столбнякомъ, то съ первыми мы должны во многомъ согласиться.

Недостатокъ практическихъ результатовъ политической экономіи, дѣйствительно, зависитъ отъ самой теоріи ея. Это ученіе новое, еще далеко не выработавшее полного свѣтлота; за невниманіемъ точныхъ и обширныхъ наблюденій, оно часто выводитъ общіе законы изъ отрывочныхъ и кое какъ пойманныхъ фактовъ; его анализъ гораздо бѣднѣе анализа естественныхъ наукъ; его кругозоръ такъ широкъ, что, обнимая всѣ сферы человѣческой жизни, всѣ интересы и страсти, и не имѣя возможности не только провѣрить, но даже вообразить ихъ, оно ограничивается произвольными выводами и догадками тамъ, гдѣ необходимы строго-математическіе рѣшенія социальныхъ проблемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое явленіе общественнаго быта не подлежитъ наблюденію социальной науки? Какое знаніе не соприкасается съ ней той или другой стороною своихъ изысканій? Химія, физиологія, ботаника, исторія, философія, физика, анатомія, однимъ словомъ, всѣ отрасли умственной работы человѣка должны отвѣчать на запросы политической экономіи; потому что главной задачей ея служить человѣкъ, и отношеніе его къ природѣ и обществу, а къ этой задачѣ, въ послѣднемъ результатѣ, стремится наше мышленіе по всѣмъ его направленіямъ и во всѣхъ видахъ. Но какая же изъ наукъ, кромѣ сухой номенклатуры и нѣсколькихъ данныхъ, можетъ удовлетворить пылчивый анализъ экономической мысли и подкрѣпить ея шаткіе принципы? Не обольщаясь академическими фразами о великихъ реформахъ и успѣхахъ въ области ученой дѣятельности, мы должны сознаться, что она только начинается. Болѣе половины истинъ въ ней принимается на вѣру; изъ десяти милліоновъ мыслящихъ силъ или способныхъ мыслить, едва ли найдутся двѣ, которыя работаютъ

съ уси́ломъ для науки. Все прочее живеть инстинктами и обще-принятою рутинной.

Затѣмъ, социальная экономія, бѣдная матеріалами и источниками, часто беретъ на себя трудъ не посылать. Не довольная настоящей организаціей европейскихъ обществъ — въ чемъ воззрѣніе ея совершенно справедливо — она изъ отрицательной сферы критики переходитъ къ реальнымъ планамъ реформъ и построеній. Ей хотѣлось бы по магическому жезлу выдвинуть новое зданіе, не рассчитавъ для него мѣста, не приготовивъ ни плана, ни строителя. Въ такомъ видѣ она явилась подъ перомъ новѣйшихъ французскихъ социалистовъ. Мы не говоримъ, чтобы въ надеждахъ и попыткахъ ихъ не было глубокаго смысла или благородныхъ намѣреній, но мы хотимъ сказать, что ни одно человѣческое общество не составлялось по извѣстной программѣ, придуманной болѣе или менѣ смѣлой фантазіей. Притомъ, въ подобныхъ теоріяхъ, какъ скоро дѣло идетъ о примѣненіи ихъ на человѣческой кожѣ, всегда скрывается грубый деспотизмъ, желаніе навязать свою личную идею массамъ и заставить ихъ подчиниться ея авторитету. Положимъ, что личная идея можетъ быть гениальной и въ высшей степени практичной, но кто и по какому праву можетъ сказать мнѣ, что я непременно долженъ принять и согласиться съ ней? Кто можетъ утверждать, что мои убѣжденія, сложившіяся подъ влияніемъ другихъ обстоятельствъ, мои понятія, вѣрованія и привычки свободно сольются съ той или другой формой социальнаго устройства, которое угодно мыслителю предписать мнѣ? Какъ отдѣльное существо, поставленное внѣ всякаго общества, я не могу признать чужаго мнѣнія и чувства за обязательный законъ, не отказавшись отъ своего личнаго достоинства; какъ членъ извѣстной конгрегаціи людей, связанныхъ со мной социальными отношеніями, и интересами, я, конечно, долженъ поступиться передъ общей волей и желаніемъ, но эта уступка простирается не дальше слѣдующей границы: «если дѣятельность моя не вредитъ ближнему, она свободна отъ всякаго обязательства передъ внѣшнимъ авторитетомъ». И если онъ вторгается, наперекоръ моимъ желаніемъ, во все мои поступки, побужденія и намѣренія, его сила дѣлается насиліемъ, его покровительство становится угнетеніемъ. Этой простой истины не хотѣла понять школа французскихъ социалистовъ, сбившихъ съ настоящей точки зрѣнія какой-то неизлечимой мономаніей къ административнымъ формамъ и самоуправству, даже въ дѣлѣ мысли и совѣсти. «Si vous ne voulez pas reconnai-

tre la vérité de ma parole, je vous appelle à l'ordre du jour. Въ этомъ солдатскомъ выраженіи заключается общая ошибка социальнаго ученія, основаннаго на централизаціи и насильственныхъ реформахъ. Только въ головѣ француза могла явиться мысль объ устройствѣ «министерства прогресса,» какъ будто самый прогрессъ общества не можетъ обойтись безъ бюрократіи и команды.

Есть другая система, которая идетъ съ противной стороны и приводитъ къ инымъ результатамъ. Она образовалась у англійскихъ и американскихъ экономистовъ. Признавая индивидуальную свободу за основаніе общественнаго строя, эта система не стираетъ въ прахъ отдѣльное лицо передъ волей государства, а выдѣляетъ ему полную независимость дѣйствій. Она уважаетъ въ человѣкѣ не только значеніе нравственное, но и политическое. Чѣмъ меньше, по ея мнѣнію, вмѣшивается правительство въ частную дѣятельность, тѣмъ оно больше развиваетъ силы общества и его способность къ самоуправленію. При такомъ порядкѣ вещей обѣ стороны выигрываютъ—власть облегчаетъ свои заботы и отвѣтственность а народъ лучше понимаетъ свои интересы и не остается равнодушнѣмъ къ своей собственной судьбѣ. Но поставивъ личность на такой высотѣ социальнаго положенія, политическая экономія естественно встрѣчается съ другимъ вопросомъ: какъ далеко простираются силы и вліяніе человѣка на окружающую его природу? Замѣтимъ что отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ основной взглядъ социальнаго ученія. Если она отдастъ природѣ первенство и безусловно подчинитъ ея законамъ человѣка, тогда гражданская личность его потеряетъ всякій смыслъ и обратится въ слѣпое орудіе фатализма. Это состояніе самаго ужаснаго рабства, какого не могла придумать ни одна тиранія въ мірѣ. Съ той минуты, когда я становлюсь въ неизбѣжную зависимость отъ внѣшнихъ предметовъ, отъ дождя, холода, огня, отъ тигра и насѣкомаго, отъ звѣзды и камня, отъ урожая картофеля или хлѣба, и завишу отъ нихъ такъ, что не имѣю ни силъ освободиться отъ непріязненнаго вліянія, ни возможности побѣдить его, тогда я не смѣю считать свою жизнь выше пассивнаго прозябанія и бесплодной борьбы съ окружающимъ міромъ. Само-собою разумѣется, что въ такомъ состояніи человѣкъ находится въ извѣстный періодъ своего развитія, какъ напримѣръ, дикарь, у котораго кромѣ мускуловъ, нѣтъ другой силы и кромѣ животнаго инстинкта нѣтъ другой умственной способности; но это періодъ случайнаго и ненормальнаго состоянія: въ немъ не можетъ

ловѣкъ остаться на всегда; онъ постоянно порывается выйдти изъ него, и каждый шагъ его впередъ есть новая побѣда надъ природой, эманципация отъ ея мертваго гнета. Въ этомъ заключается главная черта социальнаго прогресса. Но теперь представляется другой вопросъ: гдѣ послѣдній предѣлъ этого торжества надъ природой, т. е. гдѣ лежитъ та грань, за которой оканчивается вліяніе человѣка? Думаемъ, что этой грани нѣтъ, что мы можемъ продолжать свое развитіе до бесконечности, иначе бесконечная величина не была бы нами мыслима. Судя по современному состоянію человѣчества, оно далеко не оправдываетъ этого закона; роль его въ отношеніи природы чисто-страдательная, оно постоянно несетъ на себѣ ея цѣпы, и борется изъ всѣхъ силъ съ внѣшними препятствіями. Это такъ; но современное развитіе человѣка отнюдь нельзя принять за крайній предѣлъ совершенства. Передъ нами лежитъ безграничная перспектива новыхъ открытій, изысканій, бездна новыхъ силъ, доселѣ нетронутыхъ, и богатствъ, доселѣ неизвѣстныхъ. Это мы чувствуемъ и сознаемъ такъ ясно, что нѣтъ надобности доказывать. Путь, пройденный человѣчествомъ, поражаетъ насъ огромнымъ разстояніемъ, если мы сравнимъ бытъ кочующаго Алеута съ жизнію образованнѣйшаго Американца. Кругомъ насъ все измѣнилось, и въ ту самую минуту, когда мы пишемъ эти строки, миліоны новыхъ формъ, какъ волны изъ океана, поднимаются изъ жизни. Въ этомъ вѣчномъ круговоротѣ и впадѣніи—ея могущество и непрерывная работа. Взгляните на историческую карту Европы, и вы изумитесь преобразованіямъ ея. Гдѣ прежде одна хищная птица свивала свое гнѣздо, теперь тамъ раскинулись великолѣпные сады и желѣзные рельсы; гдѣ въ XIII вѣкѣ гноились болота, свирѣпствовалъ голодъ, земля лежала безплодной пустыней и замкнутые монастыри съ укрѣпленными замками едва напоминали о жизни, теперь тамъ выдвинулись роскошныя факторіи и плодоносныя нивы. Но если въ пять вѣковъ мы совершили такой трудъ, то почему же на основаніи аналогій и опытовъ, не предположить, что черезъ десять будущихъ столѣтій, этотъ трудъ возрастетъ до необъятной величины. Вѣроятно, для послѣдующихъ поколѣній вся наша цивилизация, которой мы гордимся, покажется тѣмъ же варварствомъ, какииъ представляется намъ прошлая жизнь отцовъ. Почему знать, можетъ быть, въ томъ же самомъ умѣ, которымъ мы такъ мало пользуемся, современемъ найдемъ нестоицкій источникъ новыхъ идей и чувствъ, такъ что Байроны, Гейне и Гегели нашей

Отд. II.

3

эпохи будутъ дѣлами по сравненію съ грядущими дѣятельными міра. Почему знать, можетъ быть, также планета, теперь закрытая бѣдными и подавленными племенами, болѣзнями и враждой, залитая слезами и кровью, современемъ обратится въ земной рай міра и счастья. Все это возможно и математически вѣрно, если мы допустимъ, что геній человѣка или невидимый процессъ его нервной ткани можетъ развиваться до безконечныхъ формъ. По крайней мѣрѣ, доселѣ мы знаемъ, что результаты нашей умственной силы растутъ въ геометрической пропорціи, тогда какъ самое развитіе ея идетъ въ арифметической. Если изобрѣтеніе компаса увеличило нашу дѣятельность во сто разъ, то примѣненіе пара къ движенію локомотива расширило ее въ тысячу кратъ больше, и такъ далѣе. Изъ всего этого слѣдуетъ, что геній человѣка передъ лицомъ природы находится точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ первоначальная ячея относительно всего міроздавія. Онъ не въ силахъ творить, но можетъ видоизмѣнять и примѣнять до безконечности.

Признавъ такое могущество за человѣкомъ, мы, по логическому наведенію, должны признать и его безграничное вліяніе на природу. Послѣ этой истины, для современнаго социалиста возникаетъ множество трудныхъ задачъ, не объяснимыхъ ни наукой, ни опытомъ. Чтобы опредѣлить степень производительныхъ силъ человѣка и участіе ихъ въ преобразованіи природы, надо прежде взвѣсить каждую изъ его способностей и раскрыть точную связь между внѣшнимъ органомъ и внутреннимъ нервомъ, дѣйствующимъ на него; чтобы увеличить сумму труда и его успѣховъ, надо прежде угадать, какъ лучше направить и усовершенствовать мой умъ и волю; чтобы ввести меня не работникомъ, а хозяиномъ въ громадную лабораторію природы, надо познакомиться съ каждымъ ея феноменомъ и значеніемъ каждой вещи. Между тѣмъ, всѣ эти вопросы политическая экономія или забываетъ или, приступая къ нимъ, становится въ тупикъ передъ ихъ рѣшеніемъ; а не разрѣшивъ ихъ, она принуждена идти окольными дорогами, и болѣе обѣщать, чѣмъ дѣлать. Въ этомъ вторая слабая сторона ея теоріи.

Наконецъ независимо отъ внутренняго содержанія, политическая экономія, болѣе другихъ наукъ, страдаетъ подъ давленіемъ чисто-внѣшнихъ обстоятельствъ. Затрогивая жизненные интересы общества, она слишкомъ близко сходится съ духомъ партій, касты и привилегій, и конечно дѣйствуетъ вовсе не въ ихъ пользу. Ученіе противъ монополя не можетъ явиться

ни купцу, ни солдату; теорія свободы труда и правильнаго распредѣленія капиталовъ между разными состояніями не можетъ приходитья по вкусу аристократа, банкира или таможеннаго чиновника. Поэтому социальная наука встрѣчаетъ множество затрудненій въ разработкѣ и собраніи своихъ матеріаловъ, особенно тамъ, гдѣ правительственная система не имѣетъ достаточно гласности, гдѣ государственный бюджетъ — тайна, число войска неизвѣстно, гдѣ нельзя доискаться до вѣрной цифры въ счетѣ уголовныхъ преступниковъ и наказаній, гдѣ вообще всякій фактъ, добываемый изслѣдованіемъ, подлежитъ не одной оцѣнкѣ писателя, но и его официальнаго критика. Вслѣдствіе этого политическая экономія часто судить и рядить на-угадъ; ея статистическія данныя отличаются неточностью; ея теорія противорѣчитъ общему ходу жизни, ея приложеніе прямо или косвенно возстаетъ противъ укоренившихся предрасудковъ. Все это выстѣпъ лишаетъ ее и прочныхъ началъ и довѣрія въ глазахъ большинства. Въ этомъ ея третія слабая сторона.

За тѣмъ мы перейдемъ къ книгѣ Молинали; но прежде чѣмъ станемъ разбирать ее, опредѣлимъ то мѣсто, которое занимаетъ бельгійскій экономистъ въ ряду европейскихъ ученыхъ. Густавъ Молинали, по убѣжденіямъ, принадлежитъ къ числу ходатаевъ за конституцію, свободу труда и мѣны; но въ то же время онъ доселѣ боится первой французской революціи, какъ старая баба холоду; онъ нѣкогда возставалъ противъ рабства Негровъ, противъ пауперизма ремесленныхъ классовъ, но всегда ненавидѣлъ ученіе социалистовъ, какъ диссидентовъ экономической науки; ему противна всякая регламентація промышленной дѣятельности, всякое вышатаельство правительствъ въ частныя распоряженія, но въ то же время онъ думаетъ согласить безграничную свободу общественной экономіи съ старыми учрежденіями Европы; однимъ словомъ, Молинали изъ разряда тѣхъ мыслителей, у которыхъ одна половина мозга постоянно противорѣчитъ другой; если первая говоритъ *да*, то вторая отвѣчаетъ *нѣтъ*. Поэтому во всѣхъ его сочиненіяхъ, лекціяхъ, журнальныхъ статьяхъ и въ настоящей книгѣ, переведенной на русскій языкъ, трудно отыскать конкретную идею или оригинальный взглядъ. Если угодно, у него найдете все, что было сказано и разработано другими, но нельзя найдти ничего, что бы принадлежало ему самому. Бентамъ замѣтилъ, «что не переработанная ученость въ нашей головѣ то же, что недоваренная пища въ желудкѣ.» Молинали сильно страдаетъ не свареніемъ матеріаловъ въ своей головѣ.

Издавая въ свѣтъ «курсъ политической экономіи», онъ поставилъ главной цѣлью доказать, «что экономическій міръ, въ которомъ социаллисты не замѣчаютъ никакого регулирующаго начала, управляется закономъ равновѣсія, дѣйствующимъ непрерывно и съ неодолимой силой для охраненія необходимой соразмѣрности между различными отраслями и различными дѣятелями производства». (стр. VIII). Въ этомъ законѣ Моллиарпъ вводитъ величайшее открытіе, рычагъ Архимеда, которымъ можно повернуть весь земной шаръ, нисколько ненарушая его естественнаго теченія; какъ скоро найдено равновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ, всѣ затрудненія исчезаютъ, и человечеству остается только наслаждаться плодами счастливой идеи бельгійскаго профессора. Но чѣмъ же онъ объясняетъ свое равновѣсіе? Образованіемъ цѣны и рынка. Если известная отрасль промышленности слишкомъ быстро развивается и превышаетъ данную сумму потребления, цѣна предметовъ ея падаетъ, рынокъ становится выше запроса, и эта отрасль излишней промышленности сама-собою приходитъ въ уровень съ другими. Точно также уравнивается трудъ производительныхъ дѣятелей. Положимъ, что число работниковъ возрасло до такой величины, что половина изъ нихъ оказывается вовсе ненужной, тогда эта половина сама-собою сокращается пока не войдетъ въ точную пропорцію съ запросомъ потребителей. Что законъ такого равновѣсія, опредѣляемый общей гармоніей социальныхъ силъ, дѣйствительно существуетъ,—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; его понималъ А. Смитъ, Сей, Сисмонди и всѣ ученики ихъ. Но возможно ли осуществленіе его при настоящемъ устройствѣ общества? Вотъ вопросъ, на который слѣдовало отвѣтить Моллиарпъ. Допустимъ, что равновѣсіе, какъ законъ непремѣннаго тяготѣнія управляетъ промышленной дѣятельностью, что нарушение этого закона само-сабою восстанавливается, тогда мы должны предположить ту же гармонію въ социальныхъ отношеніяхъ общественной жизни; потому что промышленный трудъ не только находится въ тѣсной связи, но прямой зависимости отъ гражданскихъ и политическихъ условій народнаго быта. Представимъ, что въ Неаполѣ является потребность широкой умственной работы и для удовлетворенія этой потребности основываются типографіи, книжные магазины, заводятся кабинеты для чтенія, періодическія изданія, и вдругъ по декрету Франциска II всѣ эти работы прекращаются. Потребность на нихъ по-прежнему существуетъ въ обществѣ и даже усиливается вълѣдствіе запре-

иженія, но промышленность останавливается. Какъ въ такомъ случаѣ равновѣсіе Моллиары согласить правильныя отношенія между производствомъ и потребленіемъ, между запросомъ и удовлетвореніемъ его? То же самое можетъ случиться или лучше постоянно случается съ производительными дѣятелями. Доселѣ мы не знаемъ ни одного общества, гдѣ духъ касты, привилегіи и монополя, въ большей или меньшей мѣрѣ, не парализовали бы народный трудъ: съ одной стороны развивается паразитизмъ, споліація, не только отсутствіе всякаго участія въ производительныхъ силахъ, но рѣшительное замедленіе ихъ; съ другой — мы видимъ сотни тысячъ ремесленныхъ рукъ, занятыхъ постояннымъ и утомительнымъ до истощенія трудомъ. Съ одной стороны человекъ скучаетъ и томится за неимѣніемъ дѣятельности, съ другой онъ не находитъ времени не только для нравственнаго отдыха, но и для возстановленія ослабѣвшихъ физическихъ силъ. Въ царствѣ тунеядцевъ онъ обладаетъ всеми средствами для разносторонняго образованія, не зная, гдѣ и какъ примѣнить его, а въ рядахъ рабочихъ классовъ нѣтъ возможности ни получить образованіе, ни развитъ свой вкусъ и чувство, а между тѣмъ все это необходимо для успѣха труда, какъ воздухъ для дыханія. Какое же равновѣсіе можетъ быть въ этомъ хаосѣ социальныхъ парадоксовъ?

Точно такая же диспропорція экономическихъ силъ возникаетъ подъ вліяніемъ естественныхъ явленій природы. Планета, обитаемая нами, далеко не представляетъ той гармоніи, которая необходима для человѣческой дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, будетъ время, когда она достигнетъ высшаго развитія, (ее, конечно, ожидаетъ еще множество геологическихъ и атмосферическихъ переворотовъ) войдетъ въ болѣе правильныя формы и отношенія съ нашими потребностями, но это развитіе еще въ будущемъ; а теперь она представляетъ картину ужасныхъ аномалій, тѣмъ болѣе вредныхъ нашему благосостоянію, чѣмъ менѣе мы способны предвидѣть и предупредить ихъ. Намъ ежеминутно угрожаютъ наводненія, неурожай, засухи, заразы, хищныя животныя и самый человекъ, поставленный въ положеніе вооруженнаго врага своему ближнему. Пока всѣ эти обстоятельства вліяютъ на нашу дѣятельность, мы не смѣемъ и мечтать о гармоніи социальныхъ или промышленныхъ силъ.

Но намъ возразятъ: Моллиары ставятъ законъ своего экономического равновѣсія, не какъ строго-практическое правило, а идеалъ науки. Онъ предвидитъ и указываетъ на отклоненія его,

но въ то же время признаеть его истину. Въ такомъ случаѣ мы не понимаемъ, зачѣмъ составлять курсъ политической экономіи для будущихъ поколѣній, для того общества, котораго еще нѣтъ на землѣ. Вѣроятно, по прошествіи двухъ или трехъ вѣковъ, люди измѣнятъ свой взглядъ на вещи и, конечно, обратятся за уроками не къ бельгійскому профессору и его компилятивной книжонкѣ, а къ собственнымъ опытамъ и дѣйствительной социальной наукѣ. Между тѣмъ, идея экономического равновѣсія, очевидно проходитъ во всемъ сочиненіи Молинару; онъ старается объяснить съ помощію ея весь механизмъ производительнаго труда; нужно ли оправдать выгоду раздѣленія его или естественное ограниченіе народонаселенія, — все идетъ, какъ по маслу, вслѣдствіе равновѣсія. Но только вотъ въ чемъ маленькая помѣха: чтобъ достигнуть его, надо снять заставы, таможи, уничтожить пошлины, международныя антипатіи, измѣнить землю и перевернуть вверхъ дномъ настоящій порядокъ вещей въ Европейскихъ обществахъ. Потомъ, дѣйствительно, все пойдетъ легко и гладко.

Не возвысившись до всеобщихъ началъ въ своей теоріи, Молинару запуталъ ее и въ частныхъ приложеніяхъ. Такъ, опредѣленіе его политической экономіи кажется намъ слишкомъ смѣлой претензіей на всеобъемлющее ученіе, которое не можетъ выполнить и сотой доли изъ своихъ специальныхъ задачъ. «Политическая экономія, говоритъ авторъ, есть наука, описывающая *организацию общества*. Какимъ образомъ *общество устроивается, дѣйствуетъ, благоденствуетъ или гибнетъ*... Она есть анатомія и физиологія общества». (Стр. 3). Слѣдовательно, нѣтъ предмета, который бы ускользалъ отъ взгляда г. Молинару, нѣтъ вопроса, на который бы, послѣ такого опредѣленія, не отвѣчала книга Молинару. Повидимому такъ; но судя по первому тому ея, она далека оттого, чтобъ можно было *устроить* по ней *общество*, а если бъ кто-нибудь и устроилъ его, то оно столько же походило бы на дѣйствительный міръ, сколько зоологическій кабинетъ походитъ на живое царство птицъ и звѣрей. Положимъ, что я желаю знать, какое отношеніе имѣеть политическая экономія къ геологін и этнографіи; какое вліяніе племенные свойства народа производятъ на его общественную организацию — образъ правленія, религію, понятія, нравы и т. п., какое отношеніе имѣютъ мои нравственные силы къ физическимъ, какъ устроить общество такъ, чтобъ въ немъ не было ни паразитальной бѣдности ни гнетущаго труда, а рядомъ съ

инии чрезвычайнаго богатства и совершенной праздности, — на всѣ эти пункты и множество другихъ Молилари рѣшительно ничего не отвѣчаетъ. Но если онъ уклоняется отъ проблемъ новыхъ, то съ избыткомъ раздѣляетъ старые предрассудки. Не зная, на чемъ лучше поставить свою теорію о раздѣленіи труда, онъ положилъ въ основу ея неравенство человѣческихъ способностей, — эту нелѣпость, наслѣдованную нами отъ древне-классическихъ поэтовъ. По мнѣнію его, «дарованія людей существенно различны и неравны, такъ что каждый человѣкъ болѣе способенъ совершать однѣ операциі производства и менѣе совершать другія». (Стр. 40). Переводя эту мысль на простой языкъ, надѣ думать, что одинъ изъ насъ родился быть кузнецомъ, другой солдатомъ, третій плантаторомъ, четвертый музыкантомъ и проч. Неравенство это разграничено самой природой, какъ будто она впередъ предвидѣла, что мы сортируемъ людей на рабовъ и свободныхъ, для однихъ придумаемъ занятіе палача, для другихъ генерала или статскаго совѣтника, для третьихъ булавочнаго мастера или танцмейстера. Удивляемся, какъ защитникъ свободы труда такъ слѣпо приходитъ къ самому убійственному деспотизму и насилию человѣческой души.

Не желая утомлять читателя бесполезнымъ анализомъ второстепенныхъ подробностей теоріи Молилари, мы заключимъ слѣдующимъ вопросомъ: къ чему особенно должна стремиться современная социальная наука? Доселѣ главной задачей ея было народное богатство или разработка производительныхъ силъ. Въ этомъ отношеніи XIX вѣкъ, оказалъ человѣчеству значительную услугу: притокъ новыхъ открытій, изобрѣтеній, политическихъ реформъ и расширенія между-народныхъ сношеній увеличилъ сумму общественнаго достоянія, оживилъ трудъ и возбудилъ множество доселѣ неизвѣстныхъ потребностей; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ еще больше разоблачилъ старую социальную язву — неравенство частныхъ состояній и несообразность ихъ съ трудомъ и способностью. Каналы, по которымъ должно разливаться матеріальное довольство между массами, все еще заперты, и золотой дождь попрежнему падаетъ на нѣсколькихъ капиталистовъ, которые держутъ въ своихъ рукахъ судьбу пролетарія, источника труда и норму вознагражденія его. Быстрота кругообращенія социальнаго богатства увеличилась, но оно попрежнему приливаетъ къ извѣстнымъ центрамъ общества, какъ кровь большаго организма. Когда открывались желѣзныя дороги, всѣ пророчили блистательную будущность рабочимъ сословіямъ; послѣдствія до-

казали, что прямой выгодой ихъ воспользовались правительства или банкиры, а миллионы работниковъ, которые пролили потъ и кровь на эти колоссальныя предприятия, или ничего не выиграли, или даже проиграли. Такъ въ Испаніи и Ирландіи желѣзныя дороги явно обратились во вредъ народу. Точно то же надо замѣтить и относительно телеграфическихкихъ нитей и распространенія пароходства. Кто воспользовался этими великими открытіями? Разумѣется, не матросъ и ремесленникъ. Наблюдая такія явленія въ социальномъ мірѣ и не видя исхода изъ этой наглухо забитой тюрьмы, многіе экономисты стали защищать застои въ общественномъ положеніи, точку замерзанія на термометрѣ человѣческаго движенія; они испугались самого прогресса, который угрожаетъ разорвать послѣднюю связь въ братскомъ союзѣ народовъ и раздѣлить ихъ на два враждебныхъ стана — съ одной стороны нищихъ, съ другой — крестовъ. Ученіе Мальтуса и его послѣдователей непріятно разбудило самые апатичныя умы и самый пошлый эгоизмъ подвинуло къ филантропическимъ припаркамъ общественныхъ недуговъ. Но эта боязнь прошла, и опыты разъяснили, что не прогрессъ, а дурное употребленіе его виновато въ ложномъ направленіи человѣческихъ обществъ.

Вслѣдствіе этого, капитальнымъ вопросомъ социальной науки сдѣлалось болѣе правомѣрное распредѣленіе богатства. И въ этомъ случаѣ надо отдать ей справедливость: она глубоко запустела свой критическій сондъ въ зараженныя части общественнаго организма. Теперь стало видно, что сословный антагонизмъ и рабское положеніе женщины служатъ главнымъ препятствіемъ къ эманципаціи ремесленныхъ классовъ.

«Я не признаю, говоритъ Миль, ни справедливымъ, ни хорошимъ состояніе того общества, въ которомъ есть классъ не работающій, гдѣ есть люди, которые могли бы трудиться и дѣльной труда покупать свой отдыхъ, и эти люди не участвуютъ въ трудахъ, обременяющихъ человѣческую родъ». Между тѣмъ, они стоятъ въ головѣ народныхъ движеній, они направляютъ наши интересы и дѣлами. Разсматривая настоящее состояніе Европы, мы замѣчаемъ вездѣ преобладаніе средняго сословія. Аристократическія учрежденія среднихъ вѣковъ ослабѣваютъ и рушатся, но наслѣдіе ихъ переходитъ къ другому привилегированному классу, буржуазіи. Она стоитъ китайской стѣной между народомъ и его правителями. Не трудно предвидѣть, что современемъ значеніе ея будетъ то же, какое имѣла въ феодальный періодъ такъ называемое высшее сословіе, т. е., въ

ея распоряженіи сосредоточится капиталъ, власть, образованіе; и если Европа какимъ нибудь чудомъ не выйдетъ изъ своего труднаго положенія, еще два или три вѣка пройдутъ въ неблагоустроенномъ и рабскомъ трудѣ для народа.

Другимъ препятствіемъ къ развитію матеріальнаго благосостоянія массъ служитъ ихъ невѣжество — и разединеніе. Доселѣ мы не знаемъ болѣе дѣйствительнаго средства -- помочь рабочимъ классамъ, какъ воспитаніе ихъ. Къ сожалѣнію, лучшій проводникъ этой нравственной реформы — женщина доселѣ отдалена отъ общественной дѣятельности. Положеніе ея съ небольшимъ исключеніемъ не многимъ выше простой самки. Въ семействѣ она — игрушка въ рукахъ мужа-деспота, если только не мелкій тиранъ его; въ общественныхъ интересахъ она не принимаетъ никакого участія. Для нея закрыты всѣ поприща, всѣ обязанности, отъ которыхъ исключаетъ ее или положительный законъ или предразсудокъ; она не можетъ подать голоса на выборахъ, защищать себя въ судѣ, выразить мнѣніе въ законодательствѣ, которое рѣшаетъ ея же собственной участію. Между тѣмъ, говорятъ, женщина должна воспитывать своихъ дѣтей. Но какъ же она будетъ воспитывать ихъ, для какихъ цѣлей, когда дѣйствительная жизнь общества ей неизвѣстна, когда она сама не знаетъ, зачѣмъ и почему она вызвана къ жизни и въ чемъ ея собственное призваніе? Какъ матери, ей недостаетъ индивидуальной свободы даже у своего скромнаго очага, какъ у члена общества, у ней отнята всякая личность. И это безличное, пассивное и нѣмое существо хотятъ уполномочить воспитаніемъ общества. Есть много насмѣшекъ надъ человѣческимъ достоинствомъ, но болѣе грубой — не представляетъ современная жизнь.

Вотъ задачи, надъ которыми предстоитъ работать социальной наукѣ. Не разрѣшивъ ихъ, она не дастъ обществу ни обѣтованнаго счастья, ни гарантіи противъ будущаго разгрома. Къ сожалѣнію, политическія экономіи, въ родѣ курса Молпнари, идутъ къ цѣли съ другой стороны, и долго еще будутъ осуждены проповѣдовать богатство въ аудиторіяхъ нищихъ и рабовъ.

Г. Б.—Вѣ.

Пѣсни и думы изъ Гейне, переводы въ стихахъ А. Мантейфеля. Съ портретомъ автора. М. 1860. 78 стр.

Со времени Лермонтова не было, кажется, ни одного русскаго поэта, который не пробовалъ бы своихъ силъ надъ переводомъ Гейне. Вліяніе нѣмецкаго поэта очень замѣтно даже на собственныхъ произведеніяхъ Лермонтова за послѣдній періодъ его дѣятельности, въ который онъ начиналъ немного освобождаться отъ вліянія Байрона и потомъ Барбье, замѣтно тяготѣвшаго надъ нимъ въ его молодые годы. Нѣкоторыя пьесы автора «Мцыри», переведенныя на нѣмецкій языкъ Боденштедтомъ какъ оригинальныя, ничто иное, какъ варіаціи на мотивы Гейне, варіаціи впрочемъ столь простыя, что вы слышите постоянно одну тему. Таковы напримѣръ «Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно» и «Выхожу одинъ я на дорогу». Если поэтъ такого громаднаго таланта, какъ Лермонтовъ, могъ отчасти подчиниться поэзіи Гейне, то понятно, что поэты менѣе сильные, бывшіе продолжателями Лермонтова, подпадали съ особою податливостью подъ вліяніе Гейне. Гг. Тютчевъ и Фетъ гораздо болѣе принадлежатъ къ нѣмецкой школѣ поэтовъ-послѣдователей Гейне, чѣмъ даже нѣмецкіе Гейбели, Гартманы и Мейснеры. Въ послѣднее время даже г. Майковъ перешелъ отъ своего антологическаго классицизма къ реализму Гейне, не совсѣмъ еще свободному отъ романтики. Даже г. Мей, менѣе всѣхъ родственннй Гейне по таланту и направленію, взялся за переводъ наиболее реальныхъ произведеній автора «Атта-Троля». Въ этой склонности нашихъ поэтовъ къ переводамъ изъ Гейне много участвовалъ въ послѣднее время и интересъ, который обнаруживала публика къ знакомству съ замѣчательнѣйшими нѣмецкими поэтами нашего вѣка. Поименовать всѣхъ русскихъ переводчиковъ Гейне, удачныхъ и неудачныхъ, было бы не малымъ трудомъ. Число имъ чуть не легионъ; но только два-три имени остались въ памяти публики. Не думаетъ чтобы къ этимъ двумъ-тремъ именамъ присоединилось имя новаго переводчика Гейне, г. Мантейфеля.

Имя это встрѣчается нами въ печати въ первый разъ, и только поэтому считаемъ мы не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о трудѣ г. Мантейфеля, какъ автора начинающаго и, стало быть, еще склоннаго болѣе, чѣмъ опредѣлившіяся репутаціи, обращать вниманіе на отзывы критики.

Мы назвали тоненькую и жиденькую книжечку г. Мантей-

Феля «трудомъ,» и готовы бы взять назадъ это названіе, еслибъ самымъ изданіемъ ея въ свѣтъ (и притомъ съ портретомъ автора), г. Мантейфель не придавалъ повидному серьезнаго значенія своимъ стихамъ.

Въ книжечкѣ всего пятьдесятъ семь стихотвореній, преимущественно въ два, въ три куплета по четыре строчки. Этого нельзя бы, конечно, ставить ей въ вину, еслибъ переводчикъ выбралъ изъ коротенькихъ пѣсенъ Гейне лучшія, и вѣрно и поэтически воспроизвелъ ихъ на русскомъ. Но въ томъ-то и бѣда, что г. Мантейфель взялъ изъ пышнаго букета «Buch der Lieder» и «Neue Gedichte» большею частью пьесы не особенно хорошія; а истинно прекрасныя стихотворенія перевелъ небрежно, не вѣрно, не сохранивъ ни тона, ни внутренняго характера подлинника.

Намъ хотѣлось рѣшить, какими общими основаніями руководился г. Мантейфель, урѣзывая въ нѣкоторыхъ пьесахъ цѣлыя строфы, прибавляя къ нѣкоторымъ строфы лишнія, придавая кудреватость простымъ фразамъ подлинника и пренебрегая нѣкоторыми особенно меткими и поэтическими его чертами. Но тетрадка г. Мантейфеля не дала намъ на это никакого положительнаго отвѣта.

Мы можемъ только догадываться, что г. Мантейфель смотритъ нѣсколько свысока на роль скромнаго переводчика, который имѣетъ прежде всего въ виду познакомить какъ можно ближе, сколько позволяютъ его силы, съ избраннымъ имъ подлинникомъ, читателей, лишенныхъ возможности узнать сочиненіе въ оригиналѣ. Г. Мантейфель повидному цѣнитъ свою самобытность больше, чѣмъ достоинства переводимаго имъ поэта. Иначе не чѣмъ объяснить этого неуваженія къ смыслу и тону подлинника. Но въ такомъ случаѣ къ чему переводить? Не лучше ли самому сочинять? Тогда не для чего было бы насиловать себя, какъ это дѣлаетъ иногда г. Мантейфель. Напримѣръ, желая сохранить находящіяся въ подлинникѣ слова «въ іюнѣ», переводчикъ не можетъ прискаты къ нему порядочной римы и ставитъ «юны». Это выходитъ ужь крайне плохо.

Вообще въ стихѣ г. Мантейфеля пѣтъ ни свѣжести ни силы, а безъ этихъ качествъ невообразимы стихи Гейне. Приведемъ, для подкрѣпленія своихъ словъ, два три примѣра.

Вотъ, напримѣръ, извѣстная своею романтическою музыкальностью пѣсня.

Ich lieb' eine Blume, doch weiss ich nicht welche,
 Das macht mir Schmerz.
 Ich schaue in alle Blumenkelche,
 Und such' ein Herz.

Die Blumen duften im Abendscheine,
 Die Nachtigall schlägt.
 Ich such' ein Herz so schön wie das meine,
 So schön bewegt.

Die Nachtigall schlägt, und ich verstehe
 Den süßen Gesang.
 Uns beiden wird so bang und wehe,
 So weh' und bang.

Предупреждаемъ, что переводъ этого стихотворенія принадлежить къ числу наиболѣе вѣрныхъ въ книжкѣ г. Мантейфеля. Вотъ онъ:

Люблю я цвѣточекъ, не знаю *какой*,
 Хожу и грущу,
 И въ чашечку *ихъ* (кого?) обращаю я взоры,
 И сердца *живаю* нищу.

Цвѣты ароматъ льютъ въ вечернемъ сіяньи,
 Поютъ соловьи, —
 И сердца нищу я *во всякомъ созданьи*
 Съ такимъ же избыткомъ любви.

Поетъ соловей, и душой *моей* чуткой
 Я понялъ его;
 Обонмъ намъ стало такъ грустно и жутко:
Мой ангелъ! скажи, отчего?

Здѣсь, какъ вы видите, на каждомъ шагу прибавки, пзмѣняющіе и смыслъ подлинника (какъ въ третьемъ стихѣ второй строфы и въ послѣднемъ), и чрезвычайную простоту самаго выраженія, какъ въ первомъ куплетѣ. Поэзіи не осталось и въ поминѣ.

Неумѣнье выбрать приличный эпитетъ, плохія рѣмы, общіи мѣста вмѣсто меткихъ выраженій, риторика взаи́мъ простоты—это отличительныя качества переводовъ г. Мантейфеля.

Морская лилея уныло
 Свой взоръ къ небесамъ обратила,
 А мѣсяцъ на небо ночною
 Прильнуть къ ней влюбленнымъ лучемъ.

И къ волнамъ дремавшимъ плутовка
 Стыдливо склонилась головкой,
 И видить: во влагѣ кристальной
 У ногъ ея мѣсяцъ печальный,

Въ этихъ восьми строчкахъ есть всѣ указанные нами недостатки: эпитетъ «плутовка» употребленъ что называется ни къ селу ни къ городу, и нарушаетъ впечатлѣннѣе, рифмы въ четырехъ стихахъ хромаютъ, а у лилии оказываются ноги, которыя, можетъ быть, и позволительны въ нѣмецкомъ подлинникѣ, но ужъ никакъ не въ русскомъ переводѣ; «свой взоръ обратила» вмѣсто «глядить», «кристальная влага» и проч. говорятъ сами за себя. Ко всему этому прибавляется еще грамматическая ошибка: мы говорили до-сихъ-поръ «къ волнамъ», а г. Мантейфель совѣтуетъ говорить: «къ волнамъ».

Намъ приходится на память очень удачный переводъ этой пьески, сдѣланный г. Плещеевымъ. Если г. Мантейфель зналъ этотъ переводъ и не удовлетворился имъ, это не дѣлаетъ особой чести его вкусу. Г. Плещеевъ перевелъ такъ:

«Рѣчная лилея, головку
 Поднявши на небо глядитъ,
 А мѣсяцъ влюбленный лучами
 Уныло ее серебрить».

Но вотъ она снова поникла
 Стыдливо къ заснувшимъ волнамъ;
 А мѣсяцъ, все блѣдный и томный,
 Какъ призракъ сіяетъ и тамъ».

И многія пьесы, болѣе или менѣе удачно переведенныя прежде, г. Мантейфель могъ бы оставить въ покоѣ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ только неудачно перефразируетъ прежніе переводы. Вотъ напримѣръ давно напечатанный переводъ одной изъ пьесъ «Ирической Интермедіи»:

Изъ слезъ моихъ много, малютка,
 Родилось душистыхъ цвѣтѣвъ,

А вздохи мои превратились
Въ немолкнуцій хоръ соловьевъ.

Лишь только бѣ меня полюбила —
Тебѣ тѣ цвѣты я отдамъ,
И пѣснями станутъ баюкать
Тебя соловьи по ночамъ.

У г. Мантейфеля вмѣсто «родилось» стоитъ «выросло», вмѣсто «превратились» — «обратились», вмѣсто «немолкнуцій» — плѣнительный, и дѣло съ концомъ. Стоитъ только прибавить къ «пѣснямъ» новый и мѣткій эпитетъ «сладкія», да сдѣлать грамматическую ошибку, и болѣе ничего не остается желать.

Вотъ переводъ г. Мантейфеля:

«Изъ слезъ моихъ выросло много
Душистыхъ, прекрасныхъ цвѣтовъ,
И вздохи мои обратились
Въ плѣнительный хоръ соловьевъ.

«Коль любишь меня, моя крошка,
Всѣ эти цвѣточки твои...
И сладкими пѣснями будутъ
Баюкать твой сонъ соловьи».

До-сихъ-поръ можно было по-русски баюкать только кого-нибудь, теперь можно баюкать сонъ.

Грамматикой г. Мантейфель совсѣмъ не стѣсняется; поэтому его часто совсѣмъ не поймешь. Что, напримѣръ значитъ: «славы дѣти бьются съ вѣкомъ наравнѣ»? Или на какомъ языкѣ говорится: «соскучась сномъ», «министеръ» и проч.?

Иногда г. Мантейфель вдругъ обличаетъ желаніе переводить вѣрно, даже буквально, и пишетъ напримѣръ:

«*Нужда тлснитъ*, ударилъ грозный часъ, и т. д.»

Оказывается, что г. Мантейфель думаетъ будто нѣмецкое «*Es drängt die Notts*» значитъ тоже, что русское «нужда тѣснитъ», или будто русское «нужда тѣснитъ» чтонибудь значитъ по-русски, а не есть какое-то безсмысленное выраженіе.

Особенное безвкусіе, слѣды котораго читатели видѣли въ приведенныхъ нами стихахъ, обличилъ г. Мантейфель въ передѣлкѣ пѣсней известной пѣсни *Пастухъ* изъ «*Harzreise*». Она едва-ли годи-

лась бы даже для покойнаго «Весельчана», книгъ можно судить хоть по слѣдующимъ стихамъ:

«На крыльяхъ Морфей увлекаетъ
Царя въ область сладостныхъ грезъ,
А должность его отправляетъ
Косматый министеръ Барбоесъ».

Лучшее средство усовершенствовать свой вкусъ — внимательное чтеніе хорошихъ писателей. Такое чтеніе могло бы внушить г. Мантейфелю большее уваженіе къ нимъ и удержать его отъ безперемоннаго съ нами обращенія. Г. Мантейфель стагъ бы смотрѣть нѣсколько иначе на задачу переводчика, чего мы ему и желаемъ отъ всей души.

М. Л.

Учебникъ космической физики Д—ра І. Мюллера, профессора физики и технологии въ Фрейбургскомъ университетѣ, въ Брейсгау. Переведено и издано подъ редакціею Н. Ильина. Съ атласомъ и многими политипажамъ. Цѣна книги съ атласомъ 5 руб., съ пересылкою 5 руб. 50 коп. сер. Санктпетербургъ. 1860 года, въ 8-ю д. л. IX — Книга 1-я и 2-я, 353 стр. книги 3-я и 4-я 306 стр. Изданіе торговаго дома Струговщикова, Похитонова и Водова.

Мы ниѣмъ передъ собою, въ русскомъ переводѣ, вѣскій, объемистый и совѣстливый, съ точки зрѣнія автора и издателей, трудъ нѣмецкаго ученаго; книгу, въ которой подъ названіемъ космической физики изложены начальныя основанія астрономіи, въ соединеніи съ физическою географіею и метеорологіею. Образчикомъ, идеаломъ этому сочиненію долженъ былъ служить, какъ видно изъ предисловія автора, «Космосъ» Гумбольдта; этого мало, сочиненіе доктора Мюллера должно пополнить пробѣлъ, оставленный въ литературѣ естествовѣденія знаменитымъ ученымъ, т. е., Гумбольдтомъ, а не г-мъ Мюллеромъ. Авторъ называетъ свое сочиненіе популярнымъ; «такъ-какъ», говоритъ онъ, «для изученія его предполагаются только элементарныя предварительныя

познанія и такъ-какъ всё встрѣчающіяся въ немъ математическія вычисленія не выходятъ за предѣлы элементарной математики.» *Chaque baron a sa fantaisie*, и авторъ воленъ причислить свой трудъ куда ему угодно, но мы, оберегая читателя, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ профессора и считаемъ причины, побуждающія доктора называть свой трудъ популярнымъ, неосновательнымъ, не говоря уже о томъ, что онъ предполагаетъ въ читателѣ знаніе сферической тригонометріи, науки весьма и весьма непопулярной, и что переводчикъ вмѣстѣ съ авторомъ отсылаетъ читателя искать объясненія, по вопросамъ, касающимся тригонометріи, къ сочиненію того же самаго г-на Мюллера на нѣмецкомъ языкѣ. (*Müllers Elemente der ebenen und sphaerischen Trigonometrie. Braunschweig, 1840*), забывая, что читателю, знакомому съ нѣмецкимъ діалектомъ на столько, чтобы руководствоваться нѣмецкимъ оригиналомъ тригонометріи Мюллера, нѣтъ необходимости читать «Космическую Физику» въ переводѣ г-на Ильина, тогда какъ для читателя, вынужденнаго руководствоваться послѣднимъ, т. е., русскимъ переводомъ, послышки автора на поясняющую его нѣмецкую тригонометрію рѣшительно не идутъ къ дѣлу, и относящіяся къ этимъ цитатамъ мѣста «Космической Физики» останутся непонятными въ ожиданіи перевода спасительной тригонометріи доктора Мюллера. Мы просимъ извиненія у читателей за этотъ нѣмецкій періодъ, но смѣемъ увѣрить ихъ, что гладкою своею и ясною оны далеко оставляетъ за собою многія страницы «Космической Физики.» Въ томъ смыслѣ, въ которомъ авторъ называетъ свое сочиненіе популярнымъ, всякой учебникъ, всякое руководство къ какой бы то ни было наукѣ, даже къ высшей математикѣ, популярно, предполагая въ читателѣ только элементарныя (а значеніе этого термина, какъ видно изъ словъ автора, весьма эластично) предварительныя свѣдѣнія. Читая даже, мы убѣждаемся, что самъ авторъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета о цѣли своего предисловія вообще, и о значеніи п условіяхъ популярной книги въ особенности. Находя необходимымъ для читателя «имѣть понятіе о родѣ и образѣ происхожденія законовъ, чтобы имѣть мѣрною ихъ достоинства; чтобы умѣть отличить прочно основанный законъ отъ шаткой гипотезы..... (стр. V)», авторъ продолжаетъ: «Даже и популярныя сочиненія (въ настоящемъ смыслѣ этого слова) должны показать читателю смыслъ истинной, естественно-исторической индуктивной методы.» Это мѣсто очень замѣтельно; оно за одинъ разъ опрокидываетъ притязаніе книги на популярность и доказываетъ страпность, одностороннюю свое-

образность возрѣнія автора на значеніе популярнаго сочиненія. Какія же книги, какъ не именно популярныя, г-нъ Мюллеръ, должны держаться индуктивной методы? Въ учебникѣ еще можно уклониться отъ нея не въ ущербъ сочиненію, ссылаясь на благодѣтельныя, эластическія предварительныя понятія, чтобы не начинать изложенія предмета съ ящъ Леды. Но популярная книга не имѣетъ этой драгоценной опоры, этого *Deus ex machina*, и должна держаться именно индуктивной методы; а что для этого вовсе не нужно ссылаться на непереведенную на русскій языкъ тригонометрію, даже тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ астрономіи, можетъ служить доказательствомъ, чудная по увлекательности и наглядности изложенія, книга Митчелля — «Небесныя свѣтила», которую мы напрасно ожидали видѣть въ числѣ изданій торговаго дома. Впрочемъ, какого бы ни былъ мнѣнія профессоръ Мюллеръ о популярныхъ книгахъ, онъ самъ, какъ видно изъ приведеннаго нами мѣста, отличаетъ свое сочиненіе отъ книгъ, популярныхъ въ настоящемъ смыслѣ слова, и тѣмъ признаетъ, что его собственная если и популярна, то не въ настоящемъ смыслѣ этого термина, только *quasi*-популярна, что-то въ родѣ самозванца въ популярной литературѣ, *ergo* — книга не популярная, а просто учебникъ. И дѣйствительно такъ. Къ чему же вся эта вкрадчивая рѣчь о популярности, прихвостнемъ приклеенная къ «Космосу» Гумбольдта и напоминающая намъ двѣ-три строчки русской популярной книги:

Тащатся вверхъ, держась за хвостъ вельможи;
А надувають грудь,
Какъ будто-бъ силою ихъ Богъ снабдилъ орлиной....

Что рецензія, то мы болѣе и болѣе убѣждаемся, что хорошее предисловіе къ книгѣ — дѣло столь же великое и трудное, какъ и водвореніе порядка въ землѣ великой и обильной. Но если затруднительность послѣдняго понятна, то непонятно, почему такъ трудно написать дѣльное предисловіе, *формулировать* передъ публикою цѣль, которой желаетъ достигнуть авторъ своимъ сочиненіемъ, или идею, развитію которой посвящается трудъ его. Какъ не удивляться, встрѣчая на какихъ-нибудь шести страничкахъ, написанныхъ человѣкомъ-спеціалистомъ, кучу противорѣчій, несообразностей, неоправдываемыхъ книгою обѣщаній? «Астрономія; говоритъ авторъ на первой же страницѣ своего предисловія, «не имѣетъ недостатка въ болѣе или менѣе популярно изложенныхъ учебникахъ»; и черезъ страницу увѣряетъ, что

«натруднѣе достигнуть элементарнаго изложенія астрономіи», и, увы, оправдываетъ на себѣ это изреченіе.

И такъ, книга доктора Мюллера не популярна. Это учебникъ въ полномъ смыслѣ этого слова, испещренный по всѣмъ страницамъ цифрами, десятичными дробями, алгебраическими и тригонометрическими формулами; такой учебникъ, какого только можно ожидать отъ нѣмецкой *Gelahrtheit*. Разсмотримъ же книгу какъ учебникъ.

Авторъ предварилъ уже читателя въ предисловіи своемъ, что «при составленіи (т. е., компиляціи) «Космической Физики» онъ по возможности старался выполнить задачу» — объяснить читателю «взаимныя отношенія между непосредственнымъ воззрѣніемъ и законами, выведенными изъ наблюденія.» Задача, выполняемая естественно-историческою индуктивною методою изложенія. Первый ли это шагъ, со стороны автора, въ дѣлѣ популярности или нѣтъ, но положительно вѣрно то, что первый приступъ его къ космической физикѣ подходитъ подъ категорію *перваго блина* и ложится комомъ. Слѣдя своему методу, авторъ долженъ былъ бы, казалось, избрать исходною точкою всей серіи своихъ положеній о космической физикѣ — такую истину, аксіому, которая была бы до приторности, если можно такъ выразиться, ясна и общепонятна, общезвѣстна. Авторъ дѣйствительно поражаетъ читателя, но поражаетъ до приторности яснымъ фактомъ, что первыя три строчки его сочиненія заключаютъ въ себѣ небылицу. Судите сами:

1. *Небесный сводъ. Небо, если оно не закрыто облаками, представляется намъ въ видѣ огромнаго пустаго шара, только половину котораго мы можемъ осмотрѣть за разъ.* — Ужъ воля ваша, г-нъ Мюллеръ, сколько ни смотрите; смотрите хотя бы до того самаго мгновенія, когда вамъ придется явиться на общую расправу со всѣми живыми и мертвыми, но ни вы, ни мы, ни учащіеся по вашему руководству не увидятъ и не убѣдятся, чтобы небесный сводъ представлялся глазамъ нашимъ *огромнымъ пустымъ шаромъ*. Дѣло тѣмъ болѣе невозможное, что если бы даже небесное пространство дѣйствительно *окружало (!) въ видѣ шара* землю; то оно и въ такомъ случаѣ не можетъ представиться *шаромъ* глазу наблюдателя, какъ скоро послѣдній можетъ осмотрѣть за-разъ только половину небесной сферы. Идея о шарообразности небесной сферы есть идея втораго порядка, выведенная изъ идеи о шарообразности земл.и, окруженной небеснымъ сводомъ, потому что, будь земля равниною, сводообразное

очертаніе неба никакъ не могло бы служить доказательствомъ шарообразности обнимаемаго имъ пространства.

Снова ясно. Вся блистая,
 Знаменуя вешній пиръ,
 Чаша неба голубая,
 Опрокинута на міръ....

говорить одинъ изъ нашихъ поэтовъ, гармонически рисуя предметъ такимъ, какимъ онъ представляется глазу, между тѣмъ какъ докторъ Мюллеръ, ударившись въ поэзію, сказалъ небылицу, потому что дѣло мастера боится. Профессоръ не останавливается на ней и продолжаетъ: *«Видимымъ образомъ мы находимся въ срединѣ этой равнины и въ центрѣ (!) небеснаго свода.»* Или тутъ или тамъ, г-нъ профессоръ, и едва ли въ центрѣ небеснаго свода. Какъ вамъ, не знаемъ, а намъ такое положеніе кажется черезъ-чуръ насильственнымъ и неудобнымъ. — Читаемъ далѣе: *«Горизонтальная плоскость, проходящая черезъ глазъ наблюдателя и отдѣляющая видимую половину небеснаго шара отъ невидимой, называется горизонтомъ.»* Неужели это такъ. Кажется, напротивъ того, что плоскость, идущая отъ глаза наблюдателя къ линіи горизонта, то есть, къ линіи, на которой видимо сливается небо съ землею, есть плоскость *не горизонтальная*, но наклонная, исключая того случая (а на это профессоръ не указываетъ), когда глазъ находится въ-уровень съ землею; эта плоскость составляетъ съ *горизонтальною плоскостью, проведенною чрезъ глазъ наблюдателя — угломъ, называемый пониженіемъ горизонта.* Самъ авторъ признаетъ послѣдній фактъ на страницѣ 52-й своей книги и, слѣдовательно, противорѣчитъ самъ себѣ. И такую книгу, съ такою шаткостію въ опредѣленіяхъ, профессоръ Мюллеръ предлагаетъ въ самоучителѣ! На третьей страницѣ, авторъ говоритъ, что ось міра составляетъ, въ средней Германіи, съ горизонтомъ уголъ въ 50°. Не споримъ. Но авторъ, избравшій индуктивную методу изложенія, не предпослалъ этому факту ничего такого, что могло бы приготовить къ нему читателя, и такимъ образомъ невольно возбуждаетъ недоумѣніе, какое бы могло существовать соотношеніе между ученою серединою Германіи и осью міра.. Приводя звѣзды первой величины, видимыя надъ горизонтомъ (стр. 11) и потомъ перечисляя на какомъ мѣстѣ неба можно видѣть въ половинѣ каждаго мѣсяца въ девять часовъ вечера важнѣйшія созвѣздія (стр. 16), авторъ нигдѣ не упоминаетъ къ какой мѣстности относятся эти данныя;

еслибы даже они относились къ Россіи, то и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ближе обозначить мѣстность, иначе всѣ эти указанія неприложимы къ дѣлу. Говоря о созвѣздіяхъ, авторъ ссылается на приложенныя къ книгѣ звѣздныя карты, изъ которыхъ третья и четвертая довольно удовлетворительно показываютъ распредѣленіе созвѣздій, названій ихъ и наименованія главнѣйшихъ звѣздъ; но первая звѣздная карта и вторая рѣшительно поражаютъ своимъ безобразіемъ и могутъ служить развѣ образчиками самаго аляповатаго малярства. На первой читатель увидитъ кругъ, а на второй параллелограмъ, не ровно выкрашенные грубою синею краскою съ разбѣянными по нимъ точками, изображающими звѣзды; авторъ довольно наивно предлагаетъ читателю опредѣлить величину каждой звѣзды по числу лучей каждой точки, на половину загадочному. Авторъ доказываетъ шаровидность земли общимъ рутиннымъ способомъ, наблюденіями надъ кривизною морской поверхности, и, слѣдуя той же рутинѣ, причисляетъ къ числу доказательствъ, *такъ называемыя* (выраженіе автора), кругосвѣтныя путешествія. Но если эти путешествія, по мнѣнію автора, не заслуживаютъ придаваемого имъ эпитета кругосвѣтныхъ, то не слѣдовало приводить ихъ въ доказательство факта, опровергаемаго свидѣтельствомъ нашихъ глазъ; доказательство тѣмъ менѣе убѣдительно, что ни одинъ путешественникъ не объѣзжалъ еще земли по прямому направленію отъ востока къ западу или обратно, и безъ сомнѣнія, ни одинъ изъ нихъ не объѣдетъ земли по направленію любого меридіана черезъ полюсы. Изложеніе автора по-мимо недомолвокъ, въ родѣ указанныхъ нами, рѣшительно не допускаетъ и магѣшкихъ притязаній на популярное назначеніе книги. Не отрицая совершенно достоинствъ ея и пользы, какъ справочной книги, въ рукахъ человѣка, уже хорошо знакомаго съ предметомъ, мы не можемъ даже допустить ей названія хорошаго учебника, до такой степени она напичкана цифрами, вычисленіями, терминами, поговорящими одинъ другой; до такой степени изложеніе сухо, безцвѣтно, безжизненно. Съ 78-й страницы, то есть, съ третьей главы, авторъ повидимому совершенно забываетъ необходимое условіе даже простаго учебника, плавность и ясность изложенія и приличную воздержность въ подробностяхъ. Съ грустію вспомнили мы, въ виду этихъ испещренныхъ страницъ, полныя мысли и чувства вдохновенныя страницы Митчелля и пожалѣли о тѣхъ лицахъ, которыхъ суровая необходимость заставитъ читать астрономическій отдѣлъ сочиненія Фрейбургскаго профес-

сора. Конечно, въ книгѣ Митчелля читатель не можетъ навести какой-нибудь цифирной справки, но за то онъ вынесетъ изъ чтенія любовь къ наукѣ и легко удержитъ въ памяти основные элементы ея, а въ этомъ кажется и должно заключаться главное, если не единственное назначеніе учебника, особенно если авторъ ищетъ въ виду заохотить читателя къ изученію естественныхъ наукъ. Если читателю попадутся въ руки, изданныя шестнадцать лѣтъ тому назадъ лекціи популярной астрономіи г. С. Зеленаго, то онъ прочтетъ всю книгу и съ удовольствіемъ и съ пользою, тогда какъ прочитавши десятка три страницъ изъ сочиненія Мюллера, онъ оставитъ книгу до поры до времени, когда, повторяемъ, суровая необходимость вложить ему опять въ руки эту массу учености, загромождающую голову и заслоняющую ему ясный, свѣтлый взглядъ на мірозданіе и законы имъ управляющіе. Это неблагопріятное впечатлѣніе усиливается еще болѣе тяжелымъ слогомъ перевода, мѣстами даже непонятнаго, такъ что таинственный смыслъ ихъ можетъ быть разрѣшенъ только догадкою и то при ближайшемъ знакомствѣ съ предметомъ. Въ слѣдующихъ трехъ книгѣхъ, — въ которыхъ излагаются космическія и атмосферныя явленія, свѣтъ выія и теплородныя, и, наконецъ, явленія воздушнаго электричества и земнаго магнетизма, — изложеніе предмета гораздо плавнѣе, занимательнѣе, подтверждая такимъ образомъ слова, высказанныя авторомъ въ предисловіи, — *что нѣтъ ничего труднѣе какъ достигнуть элементарнаго изложенія астрономической части*. Слова эти оправдались на самомъ профессорѣ Мюллерѣ, несколько не извиняя его, потому что въ хорошихъ руководствахъ и образчикахъ, по его же словамъ, не могло быть недостатка. Если мы сказали, что въ трехъ послѣднихъ частяхъ изложеніе отзывается какою-то жизнію, то читатель обязанъ этимъ скорѣе самому предмету, нежели автору, который съ своей стороны напрягаетъ повидимому всѣ усилія, чтобы представить предметъ какъ можно схластичнѣе. Г-нь Мюллеръ полагается слишкомъ много на многочисленные политипажи, приложенные къ тексту, съ цѣлью сдѣлать предметъ какъ можно нагляднѣе; онъ упускаетъ изъ вида, что самый подробный рисунокъ не устоитъ передъ запутаннымъ изложеніемъ, и что на оборотъ, одно мѣткое слово въ состояніи представить предметъ нагляднѣе всякаго политипажа. Возмите, напримѣръ, стр. 110 — 115, на которыхъ излагается *годовое движеніе земли около солнца и дѣленіе ея на пять полюсовъ*; не смотря на приложенные къ тексту *четыре* политипажа, существен-

ная тема не имѣеть надлежащей рельефности, такъ, что объясненіе распредѣленія климатовъ по поясамъ остается въ высшей степени неудовлетворительнымъ. Способность раздробленія, разединенія или разведенія главной идеи (*Zergerbarkeit*), до такой степени сильна у автора, что даже тамъ, гдѣ предметы сопоставлены у него въ систематическомъ порядкѣ, по идеѣ какого-то цѣлага, читателю никакъ не усвоивается внутренняя связующая ихъ нить, и, прочитавши всю книгу, онъ не уноситъ въ душѣ своей того успокоивающаго чувства, которое неволью возбуждается въ ней сознаниемъ стройности мірозданія и присущей ему, вращающейся въ вѣчномъ кругѣ и замкнутой въ самой себѣ, вездѣсущей дѣятельности, гармонической въ своихъ проявленіяхъ и обнимаемой однимъ словомъ — жизнь. Въ книгѣ фрейбургскаго профессора Мюллера читатель найдетъ только мертвую букву науки.

Итакъ, вотъ заключенія, къ которымъ привело насъ внимательное чтеніе книги. — Она не имѣеть нисколько достоинствъ популярнаго сочиненія и никогда не заохотитъ кого бы то ни было къ изученію естественныхъ наукъ; мысль — пополнить ею пробѣлъ, оставленный въ литературѣ естествовѣдѣнія «Космосомъ» Гумбольдта, представляется по прочтеніи книги рѣшительнымъ святотатствомъ. Книга не имѣеть достоинствъ хорошаго учебника по крайней дробности предмета и отсутствію надлежащей соразмѣрности между фактами, такъ что мелочи сглаживаютъ рельефность главной темы, при всемъ томъ, сочиненіе или, сказать вѣрнѣе, компиляція доктора Мюллера богата мертвымъ матеріаломъ и можетъ служить справочною книгою тому, кто будучи знакомъ съ предметомъ не имѣеть подъ рукою лучшихъ источниковъ. Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ атласѣ, который можно было бы и даже слѣдовало бы сократить на *четвертую* часть; такое сокращеніе не повредило бы достоинству книги, но было бы полезно карману читателя. Такъ, первыя *два* таблицы, двѣ *намазанныя* снѣгу краскою, безобразныя звѣздныя карты, рѣшительно бесполезны; польза *шестой* таблицы весьма сомнительна, потому что ограничивается, какъ видно, только изображеніемъ розовыхъ коническихъ возвышеній или рожковъ, замѣчаемыхъ иногда на окружности темнаго *диска* луны, при солнечныхъ затмѣніяхъ. Таблица 15-я, изображающая *ландшафтъ* съ мпражемъ въ Абиссиніи, и 27-я — *ландшафтъ*, изображающій сѣверное сіяніе въ Норвегіи, составляютъ, очевидно, только украшеніе къ книгѣ; мы и не прочь допустить

украшение даже въ учебной книгѣ, но замѣтимъ, что тамъ гдѣ на первомъ планѣ стоитъ польза и притомъ популярная, общедоступная, украшенія должны идти въ придачу, не возвышая цѣнности сочиненія. Таблица 28-я, на которой всѣ шесть *лучшихъ* картинокъ рисуются въ какомъ-то туманѣ, самаго гипотетическаго назначенія; наконецъ таблица 29-я, послѣдняя въ атласѣ, карта Лейсъ-гленчера, сама-по-себѣ ничего не объясняетъ и не объясняется текстомъ, и потому совершенно бесполезна. И такъ четвертая часть атласа, *семь* таблицъ изъ числа двадцатидеяти, рѣшительно бесполезна. Мы не сказали бы ни слова противъ этого, если бы эти таблицы ничего не стоили издателямъ; но такъ какъ онѣ не обходятся даромъ г-мъ компаніонамъ, то само-собою разумѣется, что онѣ *не даромъ* попадаютъ въ руки покупателей, а — пользы нѣтъ какъ нѣтъ.

Коренное леченіе сифилитической болѣзни посредствомъ оспопрививанія, основанное на физиологическихъ данныхъ и подтвержденное клиническими наблюденіями. Сочиненіе *Василья Ельцинскаго*, врача при госпитальной клиникѣ императорскаго московскаго университета. Москва. 1860. Въ 8-ую дол. лпс. Стр. 134. Цѣна 1 руб. сер.

Въ высшей степени замѣчательная брошюра, написанная чистымъ русскимъ языкомъ, ясно и просто говорящая о дѣлѣ, не прикрывающая этого дѣла хлаидою учености, и тѣмъ болѣе заслуживающая вниманія, что въ ней выступаетъ на судъ ученой публики русскій врачъ съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, повидимому, открытій въ медицинѣ. Идея леченія не нова; уже въ 1849 и потомъ въ 1853 году *Видлу* князятъ и записавшій предъ парижскою медицинскою академіею профилактическое, то есть, предохранительное дѣйствіе вакцины (коровьей оспы), противъ обозначенной въ заглавіи книги заразы; но доказательства въ пользу его мнѣнія оказались неудовлетворительными и этимъ ограничились почти попытки провести далѣе новую идею. Въ 1858 г., капитанъ корпуса лѣсничихъ, г. Лукомскій разослалъ разнымъ ученымъ обществамъ письма, въ которыхъ объяснял, что ему удалось замѣтить благотѣльное вліяніе повтореннаго нѣсколько разъ оспопрививанія на заразу. Лукомскій утверждалъ въ этихъ письмахъ, что «для излѣченія болѣзни онъ прививалъ оспенную матерію больнымъ, дѣлая отъ 10 до 12 уколовъ, и повторяя прививаніе чрезъ недѣлю, если того требовали исчезнувшія отъ одного прививанія припадки заразы (стр. 10).» Предложеніе Лукомскаго повѣрить его наблюденіе осталось

безъ отвѣта, и дѣло готовилось, повидимому кануть, въ воду, когда г. Ельцинскій предпринялъ трудъ подвергнуть строгому критическому анализу фактъ, обобщившій, въ случаѣ несомиѣнной достовѣренности его, самые блестящіе результаты. Всѣ изложенныя въ брошюрѣ наблюденія и произведенныя г-нъ Ельцинскимъ, числомъ около ста, подтверждають: 1) что оспопрививаніе излѣчиваетъ заразу во всѣхъ ея формахъ; 2) что дѣйствию оспеннаго яда подчиняется всякой организмъ, страдающій заразою; 3) что благотворное вліяніе вакцины на зараженный организмъ неограниченно, и также дѣйствительно при повторенномъ зараженіи, какъ и при первомъ. Наблюденія, приводимыя г-мъ Ельцинскимъ, всѣ въ высшей степени поучительны, открывая еще другой чрезвычайно важный фактъ, что *вакцина превосходный реактивъ для открытія присутствія кроющагося въ тѣлѣ заразы*. Мо свидѣтельству доктора, затвердыя характеристическія, вогнутыя и выпуклыя рубцы, оставляемые заразою, вскрываются подъ вліяніемъ привитой вакцины въ язвы; припухшія шейныя желѣза дѣлаются чувствительными и еще болѣе замѣтными; на кожѣ выступаютъ характеристическія сыпи; у больныхъ, излечившихся ртутными средствами, обнаруживаются сильныя боли въ длинныхъ костяхъ оконечностей и въ сочлененіяхъ; въ другихъ случаяхъ вызывается даже самое острое *ртутное страданіе* полости рта и зева. Не оспаривая дѣйствительности другихъ средствъ противъ заразы и не допуская (!) особенно химически или динамически дѣйствующаго начала въ оспенной матеріи, г. Ельцинскій объясняетъ себѣ ея дѣйствіе тѣмъ, что возбуждаемое привитіемъ оспеннаго яда противодействие организма поддерживаетъ или усиливаетъ присущую послѣднему реакцію противъ худосочія, и авторъ находитъ преимущество испытываемаго имъ способа излеченія въ томъ, что оспопрививаніе даетъ возможность убѣдиться, — скрывается ли въ тѣлѣ худосочіе или нѣтъ; вылеченъ ли больной радикально или нѣтъ. Обстоятельство въ высшей степени важное, общенароднаго интереса и государственнаго значенія, если принять во вниманіе необыкновенное распространеніе заразы и присутствіе ея, даже безсознательно, въ разныхъ видахъ и формахъ во всѣхъ классахъ общества и у всѣхъ народовъ, не исключая даже самыхъ просвѣщенныхъ государствъ, въ которыхъ приняты самыя строгія и дѣйствительныя мѣры къ искорененію этой вѣчной общественной язвы. Если дальнѣйшіе опыты подтвердятъ указанное г. Ельцинскимъ

профилактическое свойство оспенной матеріи, то не говоря уже объ ограниченіи зла кореннымъ излѣченіемъ болѣзни, число страдающихъ должно будетъ значительно уменьшиться приложеніемъ къ дѣлу профилактической вакцины, которою будетъ возможно опредѣлить, напримѣръ, свободны ли отъ заразы вступающіе въ бракъ или нѣтъ. Одна уже эта мѣра противопоставить вѣрный щитъ безконечному распространенію болѣзни и, что еще важнѣе, сохранить обществу тысячи дѣтей, платящихъ жизнью за грѣхи Фоблазовъ — родителей своихъ. — Остается узнать, въ какой степени достовѣрны факты — не факты г-на Ельцинскаго, они достовѣрны сами по себѣ, — но факты кореннаго излѣченія заразы оспопрививаніемъ и новаго профилактическаго свойства оспеннаго яда. Не увлекаясь преждевременною надеждою, наука не можетъ произнести своего окончательнаго приговора на основаніи какой-нибудь сотни, хотя бы и удачныхъ опытовъ. Примѣры увлеченія въ наукѣ, и особенно въ медицинѣ, слишкомъ часты и рѣзки, чтобы можно было ввести или узаконить измѣненіе въ тысячелѣтней рутинѣ лѣченія, не рискуя обогатить громадный арсеналъ эскулапа еще новымъ *моднымъ средствомъ*. Мы уже имѣли случаи слышать самыя восторженныя похвалы новому способу лѣченія; мѣсяцемъ позже мы услышали голоса людей, болѣе хладнокровныхъ и осмотрительныхъ въ дѣлѣ науки; — они были въ недоумѣніе; что скажутъ они мѣсяцемъ, двумя или тремя позже — не знаемъ. Вѣриѣе всего то, что восторженныя ожиданія, которымъ мы отъ души желаемъ оправдаться, не оправдаются. Нѣтъ сомнѣнія, что если восприимчивость организма къ вакцинѣ бываетъ по своеобразности ея различна, то эта своеобразность можетъ имѣть вліяніе на отношеніе реакціи, возбуждаемой оспопрививаніемъ, къ кроющейся въ тѣлѣ заразѣ; такъ, что послѣдняя можетъ излѣчиться вакциною въ одномъ организмѣ, и въ другомъ не уступить дѣйствию оспеннаго матеріи. Далѣе, если изъ опытовъ къ несчастію положительно известно, что при употребленіи другихъ средствъ всѣ припадки худосочія исчезаютъ, человѣкъ считается излѣчившимся, и потомъ вѣдь, даже чрезъ нѣсколько лѣтъ, болѣзнь снова обнаруживаетъ свое присутствіе, — то, спрашивается, не подпадетъ ли и новое ученіе общей вѣсьмъ человѣческимъ умозрѣніемъ шаткости? Не могутъ ли повторенная вакцина сдѣлаться наконецъ неэффективною и привести, подобно другимъ средствамъ, худосочіе къ такъ называемому скрытному состоянію точно такъ, какъ ртуть, голодъ, диета, потогонное лѣченіе,

дѣйствующія, какъ и вакцина, путемъ отдѣлительныхъ органовъ, часто не искореняють болѣзни, но приводятъ только въ скрытное состояніе. Если справедливо, что оспопрививаніе вызываетъ скрытую заразу, то почему же по воспитательнымъ домамъ сыпи, сопровождающія не рѣдко привитіе оспы, встрѣчаются, однакоже, гораздо рѣже, нежели какъ бы слѣдовало ожидать, судя по степени распространенія заразы и обстановкѣ младенцевъ до поступленія ихъ въ упомянутыя заведенія? Много можно было бы противопоставить сомнѣній въ достовѣрность ученія г. Ельцинскаго, но всѣ они относились бы къ частному воззрѣнію рецензента на предметъ и, слѣдовательно, имѣли бы только относительную, болѣе или менѣе проблематическую важность. Ученіе г. Ельцинскаго имѣетъ другую слабую сторону, и въ этомъ отношеніи шаткость его — неопровержима. Эта шаткость заключается въ самомъ ригоризмѣ его, въ этой непреклонности, абсолютности его, недопускающей исключенія. Мы уже высказали гдѣ-то мысль, что именно въ той кажущейся непреклонности, въ томъ ригоризмѣ, заключается поводъ, скажемъ даже, весьма сильный поводъ сомнѣваться въ достовѣрность всякаго новаго ученія. Въ природѣ все подчинено законамъ; это стремленіе подчиняться нѣкоторой правильности къ осуществленію или овеществленію предпоставленной идеи обнаруживается даже во всякомъ рядѣ произшествій, принадлежащихъ обширной сферѣ такъ называемыхъ случайностей. Это правда. Но природа рѣдко выказываетъ намъ свои законы въ полномъ ихъ значеніи, они обыкновенно *скрываются частями* отъ самаго тщательнаго изслѣдованія, и эти *пробѣлы наука называетъ исключеніями*.

Что такое желудокъ и какое вліяніе имѣетъ онъ на жизнь человѣка? Что нужно дѣлать, что бы предохранитъ себя отъ всѣхъ болѣзней желудка впродолженіе жизни. Какими средствами возстановить утраченную силу желудка и ослабленную дѣятельность пищеваренія, возвратитъ потерянный аппетитъ, избавиться отъ рѣзы, урчанія въ животѣ, опшоты, рвоты, отрыжки, икоты, ижоги, спазмъ и проч. 3-испытанныхъ средствъ противъ болѣй желудка. Москва 1866. Въ 18-ую д. л. игр. 17. Цѣна 75 коп. сер.

Сомнительно, чтобы самъ *пашахъ персидскій* имѣлъ столько правъ на титулъ «средоточъ вселенной», сколько *паша* имѣетъ желудокъ, по словамъ автора *той брошюры*, на титулъ *средо-*

точія жизни; но относительно прочихъ титуловъ преимущество безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ падишаха; тамъ предъ троновъ властителя Ирана вы слышите — царь царей, источникъ власти и славы, посланникъ неба, тѣнь Аллаха, ликъ солнца и братъ луны и т. п.; — а тутъ, на долю желудка выпадаютъ титулы другаго рода; *очагъ*, который выковыываетъ вещество костей; *котель*, *печь*, *волышкообразный* (о, ужасъ!) *кожистый мѣшокъ*. Усердно осыпая этотъ «*органъ таинственнаго мастеровою нашею тѣла*» такими почестями, неизвѣстный авторъ рискуетъ поставить героя своего въ смѣшное положеніе; не даромъ же говорилъ князь Беневентскій: *pas trop de zèle messieurs, pas trop de zèle!* А герою этому, желудку, не разъ уже платили дань уваженія блестящіе умы и таланты, начиная съ консула Агриппы Менениуса, за пять столѣтій до нашей эры, указывавшаго сбившемуся съ пути римскому народу истинное и великое значеніе желудка, и кончая игривымъ, блестящимъ, остроумнымъ Brillat-Savarin. И не даромъ, авторъ едва ли ошибается, относя источникъ страданій большей половины людей къ разстроенному отпращиванію желудка и, вотъ, почему онъ положилъ себѣ цѣлью «представить читателю ясное и понятное изображеніе желудка и его дѣйствія, цѣли и потребностей» и, сдѣлавъ обзоръ болѣзней его, указать общія мѣры къ предупрежденію ихъ. «Благоразумное познаніе», говорятъ по словамъ автора Як. Молешотъ, «есть единственное основаніе всякой истинной нравственности, — только при его помощи побѣждаемъ мы заблужденія и слабости, только оно одно въ состояніи дать жизни большей части людей новое и спасительное преобразование.»

Не залетая такъ высоко, скажемъ, что эта маленькая книжка, сходная по виду, формату, цвѣту бумаги и обертки, цѣнѣ и шрифту и, наконецъ, по мѣсту и времени напечатанія и появленія въ свѣтъ, съ тѣми тремя quasi-популярными медицинскими брошюрами, о которыхъ мы упомянули въ библиографическомъ отдѣлѣ Русскаго Слова за минувшій мѣсяць, — рѣзко отличается отъ нихъ внутреннимъ своимъ достоинствомъ. Читатель не знакомый съ дѣломъ, найдетъ въ ней ясное изложеніе именно тѣхъ свѣдѣній, которыя, довольно легко усвоиваясь ему, могутъ имѣть приложеніе въ обыденномъ его быту. Послѣ краткаго обзора нѣкоторыхъ анатомическихъ подробностей относительно желудка, слѣдуетъ ясное, отчетливое, общепонятное изложеніе отпращиванія этого *волышкообразнаго* мѣшка, ясная картина пищеваренія. Очертивши бѣгло причины страданія желудка и пере-

чтисливъ (по нашему мнѣнію рѣшительно напрасно) главнѣйшія болѣзни его, авторъ переходитъ къ подробному изложенію общихъ мѣръ, служащихъ къ предупрежденію этихъ болѣзней, устраненію ихъ діетическими средствами, и, наконецъ, распредѣливши діету по темпераментамъ (!), кончаетъ книгу перечисленіемъ 35-ти домашнихъ діететическихъ средствъ (причисляя сюда напримѣръ, анисъ, укропъ, мускатный орѣхъ, и тому подобное), которыя при своевременномъ употребленіи могутъ заглушить недугъ въ самую минуту зарожденія его. При ясномъ изложеніи и довольно сносномъ слоgѣ въ книжкѣ соблюдено одно изъ важнѣйшихъ условій великаго руководства, популярнаго и непопулярнаго,—соразмѣрность въ подробностяхъ. Не пускаясь въ излишнія, особенно ученые мелочи и только мѣстами умѣренно увлекаясь ролью проповѣдника и высшимъ міровымъ значеніемъ желудка авторъ налегаетъ на важнѣйшіе факты, на неправильное, напримѣръ, діететическое содержаніе дѣтей. Вниманіе читателя постоянно удерживается на главной темѣ, и книжка читается довольно легко и безъ утомленія; мы видѣли ее въ рукахъ тринадцатилѣтняго двороваго мальчика, и тотъ нашелъ въ ней занимательныя для себя страницы и понялъ ихъ; мы видѣли ее даже въ дамскихъ рукахъ и полагаемъ, что хотя такая книжонка и не можетъ служить не только идеаломъ, но даже образчикомъ популярной книги, однакожъ русская популярная литература скорѣе выиграетъ, нежели проиграетъ, если прочіе поставщики популярнаго матеріала возьмутъ ее себѣ въ руководство, исключая разумѣется этого вывѣско-образнаго заглавія, напоминающаго апраксинскія зазыванія въ лавку. Цѣна книжки несоразмѣрно высока, это правда; но этотъ недостатокъ выкупается тѣмъ, что у многихъ нашихъ продавцевъ, особенно по ярмаркамъ, гдѣ происходятъ главный сбытъ всѣхъ произведеній, такъ называемой, сѣрой литературы (а по наружности своей и нѣкоторымъ другимъ примѣтамъ книжка принадлежитъ именно къ этой категоріи), и гдѣ этой брошюркѣ придется лежать на какомъ-нибудь лоткѣ наряду съ какими-нибудь калачами — что у нашихъ продавцевъ, повторяемъ, цѣна книги опредѣляется *à la Kokoreff*, по глазомѣру, то есть, наружностію покупателя, и *прикъсъ фикса* дѣло небывалое.

Портфель садовый для садовниковъ, цвѣтководцевъ и огородниковъ. Съ приложеніемъ 6 рисунковъ, 2 части, изданіе второе. Москва. 1260. Въ 2-ую д. л. Ч. I. Садоводство и цвѣтководство, стр. 165. Часть 2-я, огородничество, стр. 67.

Жагѣемъ тѣхъ любителей и поклонниковъ Флоры, Помоны и Цереры, которые соблазнившись какимъ-нибудь газетнымъ объявленіемъ выпишутъ себѣ эту книгу. Два рубля серебромъ деньги порядочныя, за которыя не грѣхъ пожелать себѣ чего-нибудь порядочнаго; газетное объявленіе, не говоря о числѣ страницъ, общается за эти деньги два тома текста. Вообразите же себѣ разочарованіе покупателя, когда онъ вмѣсто двухъ *томовъ*, получаетъ двѣ тоненькія книжки, разгонистой печати, сѣрой бумаги, названныя на лицевой сторонѣ обертки *частями*, а на задней сторонѣ оберточнаго листа — *томами*. Издатели конечно могутъ сказать намъ, что они дали то, что обѣщали, что томъ, слово взятое съ греческаго означаетъ часть книги, что, слѣдовательно, томъ и часть слова одноназначія, синонимы. Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія познанія и смыслѣнность москвичей неприступна. Но если принять въ соображеніе, что публика придаетъ свой толкъ значенію этихъ двухъ словъ и ставитъ ихъ въ отношеніе части къ цѣлому, — то нельзя не подивиться смысленности издателя, требующаго за два тома два рубля серебромъ. Какъ будто бы въ вознагражденіе за обманутое ожиданіе, ко второй части приложено, въ видѣ сюрприза для читателя, сочиненіе г-на Вильгельма Гамма подъ слѣдующимъ заглавіемъ. *Утроенный доходъ съ земли*, посредствомъ увеличенія количества произведеній и возвышенія цѣнности почвы. *Вильгельма Гамма*, почетнаго члена императорскаго вольнаго экономическаго общества въ С.-Петербургѣ, экономическаго общества въ Соксоніи, сельскаго общества въ Баваріи, земледѣльческаго общества въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ и проч. и проч. Съ 45 рисунками. Москва. 1855. Въ 8-ую д. л. стр. X и 68. *Que diable allait-il faire dans cette galere?* спрашиваетъ добродушный Жеронть ловкаго плута Скапена; мы же предложимъ вопросы, которыя вѣроятно не приведутъ въ затрудненіе издателя: ловко ли навязывать покупателю то, чего онъ не проситъ и не давать ему того, что обѣщано; и ловко ли сочиненію г. Гамма, разборъ котораго принадлежитъ минувшему пятилѣтію, находится въ такой честной компаніи? Повторяемъ, полное разочарованіе ожидаетъ покупателя книги: садовника, любителя цвѣтовъ, и огородника. Намъ возражать, можетъ быть, что дѣло не въ количествѣ, но въ качествѣ, *non multa, sed multum*; но къ сожалѣнію и эта аксіома не приложима въ этомъ случаѣ къ дѣлу. Тема книги такого рода, что тутъ *вкратцѣ* едва ли можно сказать *много*, потому что

тутъ дѣло не только въ мысляхъ, но и въ количествѣ матеріала, сообщаемого читателю, и этимъ количествомъ, при ясномъ, само собою разумѣется, изложеніи измѣряется степень удовольствія и пользы, ожидаемыхъ отъ книги покупателемъ. Что же найдутъ они въ ней? Любитель цвѣтовъ найдетъ въ ней краткія и не-удовлетворительныя замѣтки объ уходѣ за *шестнадцатью* сортами цвѣтовъ и притомъ самыхъ обыкновенныхъ (въ томъ числѣ, на примѣръ, гвоздика, ландыши, розы, левкой и т. п.); довольно сказать того, что въ числѣ этихъ 16 *выборныхъ* упомянуто ни однимъ словомъ о красѣ нашихъ садовъ, — о великолѣпной далии, т. е., о георгинѣ. Садоводство, излагающее уходъ за фруктовыми деревьями, изложено на 16 страницахъ. Удовлетворительнѣе по объему слѣдующія за 7-ою главою отдѣленія первое (*целю!*), и второе, возбуждающія вопросъ — къ какому отдѣленію отнести предшествующія имъ на 72 страницахъ *семь* главъ (среднимъ числомъ по 10 страницъ на главу)? Эти два отдѣленія удовлетворительнѣе всего остального по объему; вотъ почти все, что можно сказать объ нихъ хорошаго, потому что самое изложеніе (рѣчь идетъ о питомникахъ, прививкѣ деревъ и лѣченіи ихъ болѣзней) довольно темное и путанное, слогъ тяжелый, операціи прививанія, копулированія, окулированія изложены не ясно. Вторая часть, 67 страницъ, посвящена огородничеству и не лучше прочихъ. Вотъ вамъ образчикъ: «*Стручья хотя не въ большомъ счетъ своихъ отродій, но доставляютъ многое къ питанію и въ запасъ: къ нему принадлежатъ всѣхъ родовъ горохи и бобы* (стр. 26)». Но книга вышла въ свѣтъ *вторымъ изданіемъ*, слѣдовательно.... Слѣдовательно это доказываетъ вовсе не то, что захотѣли бы, можетъ быть, сказать издатель. Первое изданіе, если даже предположить, что оно раскуплено, могло разойтись по рукамъ, нисколько не свидѣтельствуя этимъ внутренняго достоинства книги. Книгу могли купить заглазно лица, принужденныя мѣстными условіями полагаться на газетныя объявленія; а покупатели, имѣвшіе возможность лично убѣдиться въ достоинствахъ садоваго портфеля безъ всякаго сомнѣнія принадлежали къ той сферѣ общества, къ несчастію все еще, и всегда и вездѣ, многочисленной, гдѣ жена слыветъ подъ названіемъ *хозяйки*; гдѣ всякая эмблема или вывѣска просвѣщенія, какъ бы она тамъ ни была намалевана, слѣпнеть глаза, наполняетъ душу умилзіемъ и внушаетъ къ себѣ полное довѣріе. Второе изданіе книги нисколько не служитъ порукою за ея достоинство, но указываетъ на другое, не менѣе важное обстоя-

тельство; оно доказываетъ, что русская публика нуждается въ популярныя или строго-научныя руководства по части садоводства. А между тѣмъ у насъ существуетъ въ Петербургѣ общество, на членахъ котораго лежитъ прямая обязанность пополнить этотъ ощутительный пробѣлъ въ русской литературѣ; мы разумѣемъ общество садоводства. Оно не остается безъ дѣйствій, это правда, и уже третій годъ какъ знаменуетъ свою дѣятельность, удостоиваясь чести принимать столичную публику въ своемъ Армидиномъ саду. Но цвѣточные выставки знакомятъ насъ только съ успѣхами оранжерейнаго тепличнаго искусства; русскаго въ нихъ — только преобладающій на нихъ національный русскій колоритъ — *красный цвѣтъ*; значеніе ихъ до сихъ поръ слишкомъ односторонне, потому что онѣ остаются безъ всякаго вліянія на главныя отрасли *народнаго государственнаго садоводства*, на огородное искусство и фруктовое, на разведеніе лучшихъ породъ овощей, фруктовыхъ деревьевъ и облагороженіе послѣднихъ. Развѣтіе этихъ двухъ отраслей должно бы, кажется, быть главною цѣлю дѣятельности общества, а улучшеніе въ Россіи тепличнаго ухода за растеніями, только побочною. Не трудно, конечно, обществу садоводства, свалить съ себя эту отвѣтственность на другое съ болѣе обширными, хотя и дремлющими средствами, но мы и въ этомъ случаѣ отстоимъ наше мнѣніе афоризмомъ: *умъ хороше а два лучше*. Повторяемъ просьбу, съ которою мы обратились къ членамъ общества; кому, какъ не имъ, не удовлетворить настоятельной потребности русской публики? Но оговоримся, мы просимъ руководства, популярнаго или учебнаго, оригинальнаго или переведеннаго, но во всякомъ случаѣ написаннаго не тѣмъ страшнымъ языкомъ, которымъ досихъ-поръ писались устарѣвшія теперь руководства по части садоводства, — тѣмъ страшнымъ слогомъ, которымъ г. Цабель безпощадно уложилъ наповалъ бѣдную популярностію ботанику Диппеля *).

Руководство къ фармакологіи Рудольфа Вухейма, ординарнаго профессора при императорскомъ дерптскомъ университетѣ. Перевелъ съ исправленнаго авторомъ перваго изданія В. Бахитъ. С. Петербургъ. 1859. Въ 8-ую д. л. стр. 748.

Въ 1853 году вышла въ свѣтъ вторая и послѣдняя часть сочиненія заслуженнаго профессора и академика Горляпинова: «*Фар-*

*) См. Русское Слово. Февраль 1860. Библиографія; стр. 49.

макодикамика или учение о дѣйстви и употребленіи врачебныхъ средствъ; трудъ многолѣтній, капитальный, исполненный въ обширныхъ размѣрахъ, съ горячею любовію къ предмету и глубокимъ знаніемъ дѣла. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ полный свѣдъ всего того, что было написано о каждомъ врачебномъ средствѣ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова, старомъ или новомъ, безъ всякаго подчиненія всѣхъ этихъ свѣдѣній, сведенныхъ въ итогъ, частномъ воззрѣніемъ автора. До-сихъ-поръ, втеченіе семи лѣтъ, русская литература не представила, по отдѣлу фармакологіи, ничего такого, что сколько нибудь могло бы идти въ сравненіе съ руководствомъ Горянинова, лучшею до-сихъ-поръ справочною книгою для опытнаго врача, и книга профессора Бухгейма первая, имѣющая полное право на вниманіе гг. врачей, какъ по обширности своей, такъ и по притязаніямъ ея на самостоятельность воззрѣній автора, и, какъ бы тамъ ни было, по новизнѣ — относительной — ея направленія. Вотъ, почему, при видѣ этого новаго, капитальнаго труда, намъ невольно представились вопросы: имѣетъ ли онъ или нѣтъ какія-нибудь преимущества предъ фармакологіею г. Горянинова; необходимо ли врачу заpastись этою книгою въ замѣнъ или дополненіе къ громадному творенію г. академика; въ чемъ состоятъ преимущества, или по крайней мѣрѣ достоинства ея, условныя или безотносительныя?

Фармакологія, хотя и принадлежитъ къ отдѣлу естественныхъ наукъ, далеко отстала отъ нихъ въ своемъ развитіи; расширяя подобно послѣднимъ предѣлы своей сферы, она остановилась на этомъ, и не осмыслила, до-сихъ-поръ, собираемыхъ ею фактовъ старательнымъ изслѣдованіемъ отношенія ихъ къ идеѣ, предположенной наукѣ въ видѣ исходной точки всѣхъ ея положеній; она удержала до-сихъ-поръ еще девизомъ своимъ тотъ самый афоризмъ, въ силу котораго она приняла въ себя почти всю массу относящихся къ ней матеріаловъ: *post hoc, ergo, propter hoc*, такую представляется она въ кодексѣ академика Горянинова, такую представляется она глазамъ всякаго опытнаго практика, и сочиненіе г. академика должно было служить *справочною книгою*, помимо всякихъ умозрѣній и предположеній. Книга г. Бухгейма, сколько можно заключить по плану, которому слѣдуетъ авторъ въ своемъ изложеніи, имѣетъ цѣлю открыть новую, — для русскихъ врачей, — перспективу сквозь хаосъ разнородныхъ фактовъ, разнороднѣйшими и даже нерѣдко неблагоприятными путями получившихъ мѣсто въ громадномъ медицинскомъ арсеналѣ.

Исходною точкою этой перспективы — *сомнѣніе*, и вооружившись такимъ девизомъ, авторъ положилъ себѣ цѣлью представить что есть положительнаго, достовѣрнаго въ фармакологіи, трудъ и легкій и тяжелый. Легкій потому, что не говоря уже о шаткости доводовъ въ пользу дѣйствительности большей части врачебныхъ средствъ, можно подвергнуть сомнѣнію и даже опровергнуть пользу любого средства въ любой болѣзни на томъ основаніи, что болѣзнь излѣчилась бы, можетъ быть, и безъ употребленія этого средства; возраженіе тѣмъ болѣе сильное, что, не имѣя научнаго доказательства присущей организму смертности, мы не можемъ допустить существованія абсолютно неизлѣчимою — собственными силами организма — болѣзни, и дѣятельность врача направлена только къ тому, чтобы *содѣйствовать* организму въ стремленіи его къ *самозлеченію*. Не трудно также указать въ массѣ фактовъ именно тѣ, въ достовѣрности которыхъ не можетъ быть сомнѣнія, по крайней мѣрѣ, съ теоретической точки зрѣнія; не трудно, потому что по малочисленности своей такіе факты слишкомъ рельефны, чтобы ускользнуть отъ вниманія специалиста. Наконецъ, трудъ автора облегался и тѣмъ, что избранное имъ направленіе не ново, и неизвѣстно развѣ только для врача, совершенно незнакомаго съ иностранною литературою, которой этотъ скептицизмъ уже приглядѣлся. Но трудно было бы автору, и тяжелой трудъ его заслужилъ бы благодарность и врачей и страждущаго отъ нихъ человѣчества, если бы онъ, поражая своимъ скептицизмомъ все сомнительное, все гадательное, въ тоже время ограничилъ бы собственными изслѣдованіями кругъ сомнительныхъ фактовъ, — трудъ, требующій такихъ усилій, что авторъ недостигъ этой главной цѣли, единственной, которою можетъ быть оправдано неограниченное скептическое воззрѣніе на науку. Допуская только двойное дѣйствіе врачебнаго средства, механическое и химическое, профессоръ подвергаетъ сомнѣнію и даже опровергаетъ пользу средства, какъ скоро эта польза не можетъ быть объяснена тѣмъ или другимъ путемъ его дѣйствія, достовѣрно изслѣдованнаго. Онъ не замѣчаетъ, повидимому, что изгоняя гипотезы изъ фармакологіи, онъ замѣняетъ ихъ на каждомъ шагу новою, предполагая, что по открытіи химическаго дѣйствія лѣкарства съ одной стороны и патологическихъ элементовъ съ другой, соотношеніе между дѣйствіемъ врачебнаго средства и условіями, поставленными болѣзнію, окажется не въ пользу употребленія этого лѣкарства. Взвѣсив на себя лично произносить приговоръ тому или другому

средству, авторъ не оправдываетъ его собственными опытами, которые опровергли бы приписываемую гѣкарству пользу, и подкрѣпляетъ свой ультиматумъ въ большей части случаевъ самыми трудными цитатами; онъ требуетъ со стороны читателей почти слѣплаго довѣрія, той вѣры, которую профессоръ находитъ только у своихъ слушателей, рѣдко уклоняющихся отъ общей схоластической привычки: — *in verba magistri jurare*. Справедливо высказывать слабыя стороны науки, а нхъ тѣмъ тьмущая въ фармакологіи, съ тою цѣлію, чтобы постоянно держать врача на сторожѣ, *am qui vive*, но несправедливо отвергать или, что еще хуже, вовсе не упоминать объ употребленіи средства въ данной болѣзни потому только, что у автора или у тѣхъ, которымъ онъ вѣритъ, нѣтъ убѣжденія или достаточныхъ теоретическихъ основаній вѣрить въ пользу гѣкарства. Самъ же авторъ говоритъ, стр. 15, что — *нельзя было бы удерживаться отъ употребленія лекарствъ, пока знанія не достигнутъ такой степени, что можно будетъ съ несравненно большею вѣрностію судить о дѣйствиіи лекарствъ*». А между тѣмъ авторъ не упоминаетъ, на примѣръ, о дѣйствиіи азотно-кислой окиси серебра на матку и въ болѣзняхъ сердца. Онъ отвергаетъ повидимому вовсе употребленіе цвѣтовъ бараньей травы, помѣстивши ее въ группу *рвотныхъ средствъ* (1) Дѣйствиіе цинковой окиси въ падучей болѣзни, при нѣкоторыхъ видахъ раздраженія спиннаго мозга, опровергается ивъ безъ всякихъ доводовъ, научныхъ или числительныхъ, безапелляціонно; авторъ подвергаетъ спальному сомнѣнію, такъ называемое, антифлогистическое дѣйствиіе каломеля, и вотъ, между прочимъ, примѣръ его діалектики: «что каломель, совершенно нерастворимый въ водѣ и въ большей части разведенныхъ кислотъ, не можетъ оказывать никакого другаго дѣйствиія кромѣ механическаго, *не требуетъ никакого дальнѣйшаго доказательства. Но столько же достоверно (1) и то, что измѣненія въ тѣлѣ, которыя замѣчаются послѣ употребленія каломеля, не могутъ зависѣть отъ одного только механическаго дѣйствиія на воспринимающіе органы* (стр. 333)». Посвятивши *четыре* страницы на опроверженіе пользы, ожидаемой отъ употребленія кислорода, какъ гѣкарства, г. Бухгеймъ удѣляетъ только *15 строчекъ тресковому жиру* (стр. 469), и кончаетъ эту статью аподиктически: *«иногда растворяютъ іодъ въ ворвани, но это совсѣмъ бесполезно (1)»*. Что-то не такъ, г. профессоръ, какъ скоро вы сами допускаете, что въ ворвани содержится слабое количество іода. Повторяемъ, авторъ слишкомъ полагается на непогрѣшимость

своихъ опредѣленій и воззрѣній. Такъ напримѣръ, на стр. 5-й, мы находимъ слѣдующее изреченіе г. профессора, не менѣе *напыло* и то мнѣніе, что отъ всѣхъ болѣзней существуютъ извѣстныя лѣкарства, которыя стоить только отыскать, но къ сожалѣнію медицина и до новѣйшаго времени не освободилась отъ этого заблужденія, столь много препятствовавшаго ея успѣхамъ». Остановимся нѣсколько на этихъ словахъ, характеризующихъ отчасти и воззрѣніе автора на предметъ вообще, и діалектику его въ частности.

На чемъ основано это мнѣніе, и не противорѣчитъ ли оно самому опредѣленію болѣзни, сдѣланному авторомъ, который называетъ болѣзнію такое состояніе организма, при которомъ послѣдній не въ состояніи противодѣйствовать вліянію дѣятелей природы, не обусловливающихъ жизненныхъ его процессовъ, то есть, когда организмъ не въ состояніи уравнивать, устранить произведенное въ немъ разстройство обыкновеннаго хода его жизненныхъ отравленій. Спрашивается, почему же организмъ не приходитъ въ болѣзненное состояніе подъ вліяніемъ той же вредоносной причины, когда она дѣйствуетъ слабѣе, хотя и не утратила присущихъ ей вредныхъ свойствъ? Не оттого ли, что совокупность всѣхъ функций организма, направленныхъ къ сохраненію его, пересиливаетъ это вліяніе? И такъ, организмъ уже самъ по себѣ въ состояніи *противодѣйствовать съ успѣхомъ* (т. е. самоизлѣчиваться) всѣмъ безъ исключенія вреднымъ вліяніямъ, при извѣстной степени ихъ дѣйствія; и такъ какъ нѣтъ такого вліянія, которое было бы абсолютно смертельно, въ какой бы слабой степени ни произошло его соприкосновеніе съ организмомъ; то очевидно, что уже въ самомъ организмѣ должны заключаться условія излѣченія отъ всѣхъ возможныхъ болѣзней. Почему же не быть этимъ условіямъ и внѣ организма; почему не быть лѣкарствамъ отъ всѣхъ болѣзней, какъ скоро лѣкарства служатъ только субстратомъ или подмогою органическому субстрату для жизненныхъ отравленій, происходящихъ въ организмѣ? И наконецъ, почему такое мнѣніе можетъ быть вредно медицинѣ. Напротивъ того, оно должно поощрять къ отыскиванію врачебныхъ средствъ, къ опытамъ, наблюденіямъ. Другое дѣло, если бы медицина пришла къ убѣжденію, что лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней уже отыскано; такое мнѣніе было бы, дѣйствительно, смертельнымъ ударомъ для медицины, точно также, какъ и подразумѣваемое мнѣніе автора, что есть болѣзни, противъ которыхъ не можетъ быть найдено лѣкарство, ставить человечество

лицомъ къ лицу съ идеею абсолютнаго вреда. — Возмемъ другое мѣсто изъ книги, въ которомъ мнѣніе и діалектика автора также характеристичны, какъ и въ въ разсмотрѣнномъ нами, и гдѣ авторъ вводитъ въ фармакологию новое, рѣшительно новое слово, какъ будто бы въ замѣнъ преслѣдуемаго имъ на многихъ страницахъ и осуждаемаго на изгнаніе термина: *отдаленное дѣйствіе лѣкарства*.

«Слабительное, напримѣръ дѣйствіе ялапнаго корня,» говоритъ авторъ на 15 стр. «столько же зависитъ отъ внутреннихъ его свойствъ, сколько *палочные удары* (!) отъ свойствъ орѣшника». Палочные удары въ фармакологіи второй половинны девятнадцатаго столѣтія! Желательно было бы знать гдѣ именно, надъ какими мѣстами витало поображеніе автора, когда ему насунулось на перо это великолѣпное выраженіе. И какое тонкое сравненіе! Если допустить, придерживаясь буквы текста, что *палочные удары* (!) *зависятъ* отъ свойствъ орѣшника, то на это можно возразить, что палочные удары зависятъ отъ воли того, кто имѣетъ право назначать ихъ, и, ближайшимъ образомъ, отъ исполнителя приговора. Но съ этой точки зрѣнія и дѣйствіе ялапнаго корня будетъ зависетьъ отъ врача, прописавшаго это лѣкарство, или отъ руки подающей больному слабительное. Если же, напротивъ того, понимать тонкое сравненіе профессора проиически, то изъ этого удивительно-тонкаго сравненія слѣдуетъ, что точно также какъ палочные удары (!) не зависятъ отъ свойствъ орѣшника, такъ и слабительное дѣйствіе ялапнаго корня *не зависитъ* отъ внутреннихъ его свойствъ, вопреки тому, что говорится о дѣйствіи этого средства на стр. 626, 627 и 620-ой, гдѣ, замѣтимъ мимоходомъ, авторъ, сравнивая относительно дѣйствія группу глауберовой соли съ группою ялапной смолы находятъ различіе между ними именно въ томъ *отдаленномъ дѣйствіи*, которое онъ, на стр. 33 — 38, *отвергаетъ*. Другой недостатокъ разсматриваемаго нами сочиненія заключается въ отсутствіи приличной соразмѣрности въ изложеніи; распространившись о кислотѣ (стр. 105 — 103), о которомъ въ сущности нечего сказать, и не упомянувши при этомъ объ *азотѣ*, авторъ удѣляетъ только полторы страницы (124 — 125) минеральнымъ водамъ; не указывая раздѣленіе ихъ, не поименовывая ни одного источника, онъ кончаетъ эту статью увѣреніемъ, что «*фармакологія ничемъ другою не можетъ сказать о дѣйствіи минеральныхъ водъ, какъ только то, что относится къ ихъ составнымъ частямъ*» (стр. 126)». Само-собою разумѣется, что при скептическомъ воззрѣніи ав-

тора не предметъ большая часть средствъ, которыми въ теченіе послѣднихъ семи лѣтъ обогатилась *per fas et ne fas* фармакологія, не могла быть принята въ сочиненіе профессора; которое такимъ образомъ лишается и того преимущества предъ фармакодинамикою Горянинова, которое оно имѣло бы по времени выхода своего въ свѣтъ.

Профессоръ Бухгеймъ избралъ въ основаніе своей системы химико-фармакологическое дѣленіе, соединяя въ одну группу средства съ общими химическими признаками и употребляемая съ одинаковою, приблизительно, терапевтическою цѣлю; мѣстами же онъ держится чисто фармакологическаго дѣленія. Несправедливо было бы утверждать, чтобы система, принятая авторомъ и не имѣющая достоинствъ самостоятельной новизны, была хуже многихъ десятковъ другихъ фармакологическихъ системъ, но нельзя не согласиться, при самомъ даже поверхностномъ взглядѣ, что она не имѣетъ и особенныхъ преимуществъ передъ прочими. Уже съ первыхъ словъ своихъ о собственной своей системѣ, стр. 98, авторъ, отдѣливши маннитъ отъ группы сахаристыхъ веществъ, къ которымъ причисляетъ однакоже манну, и помѣстивши эту главную составную часть послѣдней въ группу глауберовой соли, наводитъ улыбку на читателя, заставляя его прочесть на стр. 183, по поводу *маннита*, почти слово-въ-слово тоже самое, что онъ говоритъ на стр. 448-ой, упоминая о *маннѣ*. — Возьмемъ другую группу — хлора, къ которой авторъ причисляетъ сверхъ того іодъ и бромъ. Нельзя не согласиться, что совмѣщеніе этихъ тѣлъ въ одну группу основательно, потому что существующее между ними сродство, химическое, удерживается и въ мѣстномъ раздражающемъ дѣйствіи ихъ на соприкасающуюся съ ними поверхность организма. Но, вступивши разъ въ соединеніе съ составными частями организма, эти тѣла представляются уже въ составахъ, довольно рѣзко отличающихся одинъ отъ другаго, каковы напримѣръ, хлористый натрій, хлористый калий, іодистый натрій. Если же различіе въ дѣйствіе продуктовъ первоначальнаго вліянія элементовъ, хлора и іода, не мѣшаетъ приписать послѣдніе къ одной группѣ, то почему не приписать къ ней и продукты этого вліянія, продукты, чрезъ посредство которыхъ эти элементы дѣйствуютъ на организмы? Это было бы тѣмъ болѣе справедливо, что ожидаемое отъ іодистаго натрія дѣйствіе зависитъ безъ сомнѣнія не отъ натрія, но отъ іода, иначе эта соль совершенно совпадала бы относительно своего фармакологическаго дѣйствія съ хлористымъ натріемъ.

Самъ же авторъ говоритъ, на стр. 147-ой; «напротивъ, употребленіемъ ея (іода) старалась всегда достигать тѣхъ результатовъ, какіе наступаютъ въ некоторыхъ болѣзняхъ отъ дѣйствія образующагося изъ него въ организмъ іодистаго натрія. Но такъ какъ цѣль эта гораздо лучше достигается непосредственнымъ употребленіемъ іодистаго натрія или іодистаго потассія, то по этому должно совершенно отвергать внутреннее употребленіе іода»

Не ясно ли, изъ словъ самаго автора, что іодистый натрій долженъ принадлежать къ группѣ хлора, а не къ группѣ поваренной соли? Если же въ группу хлора должны были войти одни только стихійныя тѣла, то не слѣдовало причислять къ ней составовъ: *calcaria hypochlorosa* (хлорную известь), іодистый крахмалъ и, наконецъ, іодоформилъ. Но, скажутъ намъ, хлоръ, іодъ, слѣшкомъ рѣзко отличаются мѣстнымъ дѣйствіемъ своимъ отъ своихъ составовъ, чтобы можно было соединить тѣ и другіе въ одну группу. Но если это различіе причиною такой группировки, то какъ же было помѣстить въ одну группу, — группу кали, ѣдкое кали и индифферентныя, сравнительно съ нимъ, составы: углекислую магnezію и буру? Руководствуясь какимъ-то сходствомъ, въ фармакологическомъ отношеніи, между рвотнымъ корнемъ и бараньей травой (*Pogon aspicuae*), профессоръ Бухгеймъ помѣстилъ послѣднее средство въ группу рвотныхъ, гдѣ никакому врачу не придетъ блаженная мысль искать его, потому что оно никогда не употребляется какъ рвотное, и, напротивъ того, встрѣтивши баранью траву въ числѣ рвотныхъ, врачъ не найдетъ въ этой группѣ сѣрнокислой мѣдной окиси и цинковой, солей почти исключительно употребляемыхъ какъ рвотныя, а потому столько же неумѣстныхъ въ группѣ цинка, куда причислилъ ихъ профессоръ, сколько неумѣстно, съ точки зрѣнія автора, помѣщеніе манитта, главной составной части манны, въ группѣ сахаристыхъ веществъ. Если маннитъ отнесенъ единственно по фармакологическому значенію къ группѣ глауберевой соли, съ которою онъ не имѣетъ ничего общаго въ химическомъ отношеніи, то почему же было составить изъ салицина, флорридина, филларина и другихъ веществъ, фармакологически сродныхъ съ хининомъ, отдѣльную группу, принимая въ соображеніе единственно химическое различіе обѣихъ группъ. Въ группѣ папоротниковаго корня, къ которой авторъ причислилъ куссо и гранатовую кору, нѣтъ самаго обыкновеннаго противоглистнаго средства, цытворнаго сѣмени, помѣщеннаго въ группу абсентина вмѣстѣ съ миррою, каскарилою; а между тѣмъ, гранатовая кора и куссо, соединены въ

одну группу съ папоротникомъ только по одинаковому противоглистному ихъ дѣйствию, потому что химическое средство ихъ еще подѣ сомнѣніемъ. Мы не скоро кончили бы, если бы захотѣли указать всѣ противорѣчія, всѣ несообразности, къ которымъ проводитъ автора избранная имъ система. Ко всему этому замѣтимъ еще то обстоятельство, что авторъ, описывая какую-нибудь группу средствъ, перебираетъ болѣзни, въ которыхъ эти лѣкарства, употребляются предпочтительно передъ другими, и подѣ конецъ уже разсматриваетъ каждое средство отдѣльно, но разсматриваетъ ихъ большею частью только относительно формы и приема. Такая форма изложенія еще болѣе запутываетъ дѣло и врачъ, желающій навести какую-нибудь справку по книгѣ г. Бунгейма, придется въ величайшее затрудненіе, потому что въ приложеніи къ ней указателѣ средства расположены по группамъ автора, а въ текстѣ всѣ желаемыя подробности, чаще всего бывающія предметомъ справокъ, сглаживаются общими очерками группы.

Не смотря на все свое многословіе, фармакологія г. Бунгейма, имѣющая безъ сомнѣнія великія достоинства, въ глазахъ слушателей почтеннаго профессора, обширностію и полнотою содержанія, нѣкакъ не можетъ идти, въ сравненіе съ фармакологическимъ кодексомъ, академика Горянинова, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить врачамъ справочною книгою. Разрушая, авторъ ничего не созидаетъ: подвергая все сомнѣнію, онъ не увеличиваетъ массы положительныхъ фактовъ. Правда, что авторъ, врагъ и гонитель гипотезъ, не увеличиваетъ число ихъ своими собственными, если не считать гипотезами, его сомнѣнія въ пользу лѣкарства, основаннее на отсутствіе теорическихъ положительныхъ данныхъ, доказывающихъ эту пользу. Но правы ли авторъ въ своемъ пренебреженіи къ гипотезамъ? Намъ, кажется, что онъ смѣшиваетъ употребленіе гипотезы съ злоупотребленіемъ ея. Фактическая школа, собравшаяся подѣ знамя Кювье, дошла до крайности въ своемъ преслѣдованіи гипотезы, до абсолютнаго осужденія ея. Само собою разумѣется, что принимать возможность существованія предмета, — а въ этомъ-то и заключается сущность гипотезы, — за дѣйствительное существованіе его, и основывать ходъ своего мысленія единственно на предположеніе, какъ на доказанной истинѣ, значитъ злоупотреблять гипотезою. И напротивъ того, принявши возможность существованія предмета, видѣть въ этой возможности не истину, но только формулированное сомнѣніе, поставленный къ разрѣ-

шенію попрось, служащій въ свою очередь, исходною точкою цѣлаго ряда развиваемыхъ мышленіемъ слѣдствій, требующихъ научной повѣрки, — не значать ли это можно употреблять гипотезу, какъ могущественное средство къ изслѣдованію истины, которому гипотеза открываетъ новое направленіе? Можно ли отрицать въ этомъ смыслѣ пользу гипотезы и опасаться ея приложенія? Исторія науки показала, что хорошія гипотезы всегда принадлежатъ великимъ людямъ, фактъ, безъ сомнѣнія, извѣстный автору фармакологію.

В. ХАНКИНЪ.

Западные Европейцы и Русскіе, доктора и ординарнаго профессора Паневца. Москва. 1860.

Въ русской литературѣ, съ нѣкотораго времени, явилась болѣзнь, которую трудно назвать собственнымъ именемъ. Даже не легко опредѣлить, откуда она вышла и чѣмъ окончится; называла ли ее сырая атмосфера нашихъ книжныхъ лавокъ и подваловъ, въ которые сваливаютъ миліоны пудовъ всякаго сору, принимаемаго зацвѣтъ и плодъ человеческого мозга; породило ли ее общее психическое разстройство, чувствуемое въ новѣйшія эпохи народной жизни — отвѣчать на это положительно не смѣемъ. Но болѣзнь существуетъ и почти въ одно время отразилась на головныхъ нервахъ столько же извѣстнаго г. Григоровича, сколько не извѣстнаго г. Паневца.

Раскрывъ книгу доктора и профессора мы нашли на заглавномъ листѣ крестъ; перекрестившись, начали читать дальше, и что же оказывается? Авторъ, и притомъ титулованный, рѣшительно идетъ противъ всѣхъ мнѣній, которыя уже давно обратились въ неоспоримыя аксіомы. Такъ, на примѣръ, доселѣ мы полагали, что Монголы, послѣ своего господства надъ Россіей, оставили намъ кнутъ и нѣсколько вовсе незавидныхъ привычекъ; г. Паневецъ совершенно несогласенъ съ этимъ мнѣніемъ. «Бывши подъ промъ татаръ, говоритъ онъ, мы дѣйствительно заняли нѣчто и удержали въ себѣ отъ ихъ характера, именно ихъ *крототу нравовъ и живую фантазію.*» (стр. 6.) Если только мы

взяли ту живую фантазію, какой отличается ученый докторъ, то въ этомъ сокровищѣ, поправдѣ сказать, еще немного толку. Потомъ, кто не знаетъ, что чистота въ образѣ жизни Германіи составляетъ одну изъ главныхъ сторонъ ея характера, и скорѣе доводится до скучнаго педантизма, чѣмъ впадаетъ въ невѣжество. Совсѣмъ не то думаетъ г. Паневицъ. «Разбирая причины болѣзней, которыми страдаютъ Нѣмцы, онъ ставитъ въ числѣ ихъ нищету,» о какой въ нашемъ благословенномъ отечествѣ понятія не имѣютъ, и затѣмъ «нечистоплотность въ высочайшей степени.» Наконецъ, кому неизвѣстна строгость семейной жизни Англичанъ, на которую указываютъ, какъ на образецъ уваженія къ домашнему очагу и умѣнья обставить его всѣми удобствами и прелестями? Какъ бы не такъ, разсуждаетъ г. Паневицъ самъ съ собой, и, одолеваемый демономъ противорѣчій, пишетъ, что «въ Лондонѣ изъ 16-ти женщинъ всякаго возраста, одна есть открыто распутная женщина.» (стр. 79.)

Но позвольте спросить, откуда профессоръ почерпнулъ такіе новые и оригинальные факты? Отчасти изъ своего собственного чрева и той живой фантазіи, которую мы заняли отъ Татаръ, а отчасти изъ той классической начитанности, которая изумляетъ насъ въ г. Паневицѣ. Въ его головѣ, какъ въ темномъ чуланѣ, помѣщается огромная бібліотека, собранная простакомъ-хозяиномъ ради какого-то страннаго употребленія и потомъ перемѣшанная безграмотнымъ сторожемъ дома. Здѣсь все есть и медицинскіе трактаты, и теологическіе фолианты, и новые журналы, и старыя сказки, но все это такъ перепутано и сбито, что въ первобытномъ хаосѣ вѣроятно было болѣе свѣта и порядка. Полагаемъ, что этому обстоятельству г. Паневицъ не мало обязанъ точкой своего зрѣнія на «Западныхъ Европейцевъ, и Русскихъ.»

Есть впрочемъ и другая причина—оскорбленный патріотизмъ нашего доктора. Онъ ужасно негодуетъ на Европу за то, что она огласила насъ «*татарщиною.*» И добро бы вся Европа, а то Нѣмцы, «вмѣстѣ съ соплеменными намъ предателями Русскаго племени.» Горе имъ, предателямъ, отъ г. Паневица! Желая защитить насъ отъ такого унизительнаго прозвѣща, онъ открылъ новый способъ добиваться истины въ сомнительномъ процессѣ; этотъ способъ состоитъ въ томъ, что если Нѣмцы ругаютъ насъ, то почему же и намъ не ругать ихъ. «Почему-жъ и намъ, спрашивается авторъ, не отвѣчать имъ изъ своего отечества въ томъ же тонѣ?» т.-е., если они назовутъ насъ татарами, пьяницами

народомъ грязнымъ и шутоватымъ, то и мы должны сказать имъ: сами вы татары, пьяницы, оборвыши и мошенники. Не правда ли, какъ это замысловато и умно; это совершенно походить на споръ Бобчинскаго и Добчинскаго Гоголя.

Убѣдившись, что нѣтъ другого средства защищать себя отъ унижительныхъ кличекъ со стороны новаго Кайнова племени, г. Паневидъ первый подалъ примѣръ рыцарскаго состязанія съ нашими европейскими врагами. Онъ рѣшился — и это главная идея его книги — доказать имъ на 420 страницахъ, что ихъ цивилизація во-первыхъ умираетъ, во-вторыхъ — «рѣшительно гибельна для человѣчества.» И въ самомъ дѣлѣ, что это за цивилизація, если послушать г. Паневидца, какъ онъ разсуждаетъ въ цѣлой главѣ «о качествахъ западныхъ европейцевъ по свидѣтельствамъ и фактамъ изъ новѣйшей западной литературы.» Чего только нѣтъ у нашихъ завистниковъ и предателей? Пьянство, обжорство или чревоугодіе, распутство, лютость характера, золотуха и чахотка, расслабленіе душевныхъ и тѣлесныхъ силъ — и все это разобрано г. Паневидомъ по пунктамъ. Ну, пропала Западная Европа и все оттого, что начала безмѣрно обжираться; гг. социаллисты не мѣшаютъ вамъ обратить вниманіе на это ученіе; доселѣ вы утверждали, что Европа погибаетъ отъ пустоты своего желудка, а г. Паневидъ доказалъ намъ, что она сгинетъ отъ полноты и пресыщенія.

Послѣ этого совѣтуемъ читателю перейти прямо къ «качествамъ рускаго народа.» Здѣсь можно видѣть, до какой широты взгляда способенъ достигать ординарный профессоръ. Никто, напримѣръ, прежде его не сказалъ, что нашъ квасъ раздѣляетъ честь напитка, извѣстнаго только однимъ Израилтянамъ и то во время странствія ихъ въ Аравійской пустынѣ; — что капуста, свекла и т. п. у насъ да у древнихъ Римлянъ всегда составляли домашнюю медицину, что мы самый трезвый народъ въ мірѣ по своей природѣ, что мы не лжемъ и не обманываемъ, а живемъ, какъ подобаетъ честнымъ христіанамъ и вѣрноподаннымъ. Кто же послѣ этого еще осмѣлится называть насъ «татарчиной?»

Окончивъ чтеніе книги г. Паневидца, я какъ-то косвенно припомнилъ одно маленькое событіе изъ своихъ путевыхъ воспоминаній по Швейцаріи. Пробираясь пѣшкомъ отъ Шамуни къ Сэнтъ-Бернару, я остановился переночевать въ Мартиньи. Подходя къ городу, я замѣтилъ у подножія скалы деревеньку, а надъ ней мрачныя развалины замка. Имѣя въ распоряженіи два часа пре-

краснаго южнаго вечера и не желая беспокоить своего проводника, я отправился къ развалинамъ одинъ; но едва поровнялся съ ними, какъ на встрѣчу мнѣ, откуда ни возьмись, вышелъ низенькій, сутуловатый и крайне неблаговидный человѣчекъ. Онъ предложилъ мнѣ провести меня по узкой тропинкѣ на самый верхъ стариннаго замка, и предложилъ такъ жалобно, что я не имѣлъ силъ отказать ему въ непрошенныхъ услугахъ. Взобравшись на переднюю стѣну развалины и окинувъ взглядомъ великолѣпныя окрестности береговъ Роны, я обратился къ своему вожатаю съ слѣдующимъ вопросомъ: «кому вы приписываете постройку этого замка?» Въмѣсто отвѣта онъ замоталъ головой отрицательно и взглянулъ на меня такъ тупо, что я усумнился въ цѣлости его мозга. Затѣмъ, на всякое мое слово онъ давалъ отрицательный знакъ; если я говорилъ: «какъ хорошо здѣсь;» — онъ отвѣчалъ «нѣтъ» и потомъ снова моталъ головой. Спустившись внизъ, я узналъ, что мой проводникъ былъ кретинъ, и первый кретинъ, съ которымъ я познакомился въ его собственномъ отечествѣ.

Р. Р.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННОИ ШЕКСПИРА.

(Shakespeare's Zeitgenossen und ihre Werke. In Charakteristiken und Uebersetzungen, von Friedrich Bodenstedt. Zweiter Band. John Ford. Berlin. 1860.

Первый томъ названнаго нами обширнаго труда Фридриха Боденштедта, извѣстнаго нѣмецкаго поэта и ученаго, о современникахъ Шекспира вышелъ уже года полтора тому назадъ. Выходъ въ свѣтъ втораго тома запоздалъ лишь потому, что Боденштедтъ долженъ былъ какъ для него, такъ и для слѣдующихъ томовъ, которыхъ будетъ всего пять, собирать многіе матеріалы на мѣстѣ, въ Англіи. Довольно долгое пребываніе въ Лондонѣ, въ кругу тамошнихъ ученыхъ, специальныхъ знатоковъ Шекспира и современной ему сцены и литературы, и занятія въ Британскомъ музеѣ не остались безъ плода, и Боденштедтъ приобрѣлъ не мало интересныхъ данныхъ для исторіи стараго англійскаго театра.

Въ первомъ томѣ своего труда Боденштедтъ представилъ характеристику Джона Вебстера, и критическое извлеченіе изъ замѣчательнѣйшихъ драмъ этого поэта. Чрезвычайная вѣрность перевода выбранныхъ пьесъ, тонкій эстетическій вкусъ въ самомъ выборѣ, серьезное изученіе переводимаго писателя и всѣхъ прямыхъ источниковъ, касающихся его жизни и дѣятельности, кромѣ того глубокое знакомство съ исторіею англійской литературы и англійскаго общества того времени, — всѣ эти достоинства ученаго предпріятія Боденштедта были оцѣнены почти еди-

ногласно какъ Германскою, такъ и Англійскою критикой, и всѣ истинные ученые и любители литературы привѣтствовали первый томъ «Современниковъ Шекспира» большимъ сочувствіемъ и одобреніемъ, и желали успѣшнаго продолженія труда Боденштедта.

Нашелся одинъ только порицатель въ лицѣ поэта Фридриха Геббея, извѣстнаго нѣсколькими довольно-оригинальными трагедіями и драмами. Онъ напечаталъ рядъ статей въ одной вѣнской газетѣ, въ которыхъ истолковалъ самымъ страннымъ образомъ смыслъ предпріятія Боденштедта, и этимъ вызвалъ автора на объясненіе во второмъ томѣ его изданія.

Геббею показалось почему-то, что Боденштедтъ ставитъ переведенныя ими цѣликомъ и представленныя въ извлеченіи пьесы Джона Вебстера на ряду съ твореніями Софокла, Шекспира или Шиллера, и что цѣлью его было — водворить въ Германіи драмы Вебстера какъ образцовыя, въ ущербъ изящному вкусу и драматическому искусству. Подъ вліяніемъ такого предположенія Геббель принялся разбирать по ниточкѣ бѣднаго Вебстера, и кончилъ свой разборъ страннымъ приговоромъ, что знакомство съ Шекспиромъ дѣлаетъ совершенно излишнимъ изученіе его предшественниковъ и современниковъ, такъ какъ онъ превосходитъ ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. По мнѣнію Геббея, чтобы имѣть о нихъ понятіе, вполне достаточно того, что было говорено объ этомъ предметѣ прежде, напримѣръ, Тикомъ и Ульрипи.

Не пользуясь Геббель нѣкоторымъ авторитетомъ въ драматической литературѣ, Боденштедту не стоило бы и отвѣчать на его мнѣніе; но критикъ и переводчикъ Вебстера и Форда былъ вправѣ предположить, что если такъ взглянуть на его предпріятіе литераторъ ex professo, то въ числѣ обыкновенныхъ читателей напѣрно найдутся люди еще менѣе способные понять его цѣль и старанія.

«Что сказали бы мы (отвѣчаетъ Боденштедтъ Геббею), о такомъ знатокѣ скульптуры, который сталъ бы утверждать, что для изученія антиковъ достаточно знать творенія Фидія, такъ какъ ни одно изъ всѣхъ остальныхъ скульптурныхъ произведеній древности не можетъ идти съ ними въ сравненіе, что изучать ихъ не только совершенно бесполезно, но даже и вредно, что такое изученіе способно всѣмъ извратить вкусъ? Кто хочетъ имѣть понятіе о высокой красотѣ, гармоніи и жизненности еллинскаго искусства, тому достаточно прочесть о немъ у Винкельмана; созерцаніе же самыхъ произведеній искусства вредно, и проч.

«Или, что сказали бы мы о знатоках живописи, который стали бы с важным видом повторять въ похвалу Рафаэля избитыя фразы, съ цѣлью доказать, что искусство достигло въ твореніяхъ Рафаэля высшей степени совершенства и что по этому совершенно бесполезно хлопотать о его предшественникахъ и современникахъ отъ Чимабуэ и Джотто до Микеля Анджели и Леонардо да Винчи?»

«Всякой согласится (заключаетъ Боденштедтъ), что вѣрное относительно *одного* искусства, должно быть вѣрно и относительно другаго. Такимъ образомъ, если для правильной оцѣнки Рафаэля не обходимо не только знать его собственныя произведенія, но и произведенія его современниковъ, предшественниковъ и преемниковъ, ибо лишь этимъ способомъ можно узнать, что у него заимствованное и что свое, что у него общее съ другими и что отличаетъ его отъ всѣхъ; то на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ не менѣе необходимо при изученіи Шекспира обращать должное вниманіе на его предшественниковъ и современниковъ.»

Въ этихъ словахъ заключается въ тоже время и лучшее оправданіе намѣренію нашему познакомить русскихъ читателей, при помощи превосходнаго труда Боденштедта, съ двумя замѣчательными драматическими поэтами шекспировской англій. На первый разъ мы выбираемъ Форда, которому посвященъ второй томъ боденштедтовскаго изданія; біографію и характеристику Вебстера по первому тому мы представимъ впоследствии.

Шекспиръ не имѣетъ еще такого громаднаго значенія для нашего образованія, какое принадлежитъ ему въ образованіи западной Европы; но знакомство наше съ этимъ великимъ «властителемъ думъ» новой цивилизаціи становится съ каждымъ годомъ все прочтѣе и прочтѣе. Большая часть шекспировскихъ типовъ уже всѣмъ у насъ извѣстна, и многіе изъ нихъ намъ ближе, чѣмъ родные наши типы, созданные лучшими русскими поэтами; переводы шекспировскихъ драмъ являются почти непрерывно и въ печати и на сценѣ, и вѣроятно не долго намъ ждать, когда полный, съ любовью исполненный переводъ всѣхъ произведеній Шекспира усвоить его намъ, какъ нѣкогда усвоилъ Германіи превосходный трудъ Шлегеля и Тика; изслѣдованія о жизни Шекспира, о его дѣятельности, о его времени, даже болѣе спеціальныя споры и толки о его изданіяхъ, возникающіе въ Англій и Германіи (какъ напримѣръ полемика, возбужденная въ послѣднее время Пентъ-Кольеромъ), обращаютъ на себя постоянное вниманіе нашихъ журналовъ; мы могли бы указать на нѣсколько

дѣльныхъ статей въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ и о современномъ Шекспиру или предшествовавшемъ ему состояніи сцены и драматической литературы въ Англіи.

Интересъ ближайшаго изученія современной Шекспиру литературы особенно увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что свѣдѣнія о воспитаніи и домашней жизни великаго Британскаго поэта, дошедшія до насъ, и скудны и часто не достовѣрны. Чтобы открыть болѣе опредѣленныя слѣды развитія поэтическаго гения Шекспира, остается пристальнѣе всматриваться въ ходъ всей тогдашней литературной дѣятельности.

I.

Джонъ Фордъ.

Родъ Фордовъ принадлежалъ къ числу знатныхъ землевладѣльческихъ фамилій въ сѣверо-западной части Девоншира.

Многочисленные отрасли этой фамиліи образуютъ двѣ главныя линіи, изъ которыхъ въ младшей мы видимъ Томаса Форда, отца поэта. Джонъ былъ вторымъ его сыномъ; о первомъ же всѣ свѣдѣнія ограничиваются тѣмъ, что онъ и родился и умеръ въ родовомъ своемъ помѣстьѣ.

Годъ рожденія Джона Форда неизвѣстенъ; мы знаемъ лишь по ильсингтонскимъ метрическимъ книгамъ, что мальчика окрестили 17 апрѣля 1586 г. Если предположить, что крещеніе произошло вскорѣ послѣ рожденія, то Форду было шестнадцать лѣтъ, когда его приняли (16 Ноября 1602) въ члены Middle Temple. Гдѣ и какъ получилъ онъ образованіе, необходимое для юридическаго поприща, на которое вступилъ, свѣдѣнія опять нѣтъ.

Другой Джонъ Фордъ, двоюродный братъ нашего поэта, за нѣсколько лѣтъ до него пріѣхалъ въ Лондонъ и поступилъ въ Gray's Inn. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, онъ радушно принялъ своего младшаго родственника, и между ними завязались прочныя дружескія, почти братскія отношенія.

Литературную карьеру свою Джонъ Фордъ началъ стихотвореніемъ на кончину графа Девоншира (Чарльза Блоунта, лорда Маунтджой), которое было напечатано въ 1606 году подъ заглавіемъ: *Fame's Memorial, or the Earl of Devonshire deceased*, и проч. Боденштедтъ сравниваетъ сухіе и шероховатыя стихи этого пернаго произведенія Форда со стихами «Тилемахиды» нашего Тре-

діаковского, и говорить, что ихъ можно читать развѣ въ наказаніе.

А между тѣмъ поэма Форда написана не по заказу, не съ корыстною цѣлью, какъ это обыкновенно дѣлалось присяжными пѣвцами того времени. Фордъ не могъ ждать за свои похвалы покойному графу ни денегъ, ни протекціи. Напротивъ, похвалы эти могли нанести ему даже враговъ, точно такъ же, какъ и посвященіе стихотворенія леди Пенелойѣ, вдовѣ графа Девоншира.

Сэръ Чарльзъ Блоунтъ былъ и замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ, и храбрымъ воиномъ. Онъ участвовалъ, какъ одинъ изъ начальниковъ Англійскаго флота, въ уничтоженіи Испанской армады, а потомъ былъ вице-королемъ Ирландіи, гдѣ успѣлъ такъ упрочить свое значеніе, что остался въ этомъ санѣ и по смерти королевы Елизаветы. Яковъ I далъ ему и титулъ графа Девоншира.

Но тутъ блестящее поприще его затемнилось неурядностями и оскорбленіями, которыя свели его въ могилу. Онъ былъ давно влюбленъ въ одну изъ самыхъ блестящихъ придворныхъ красавицъ, дочь Вальтера, перваго графа Эссекса, и родную сестру несчастнаго фаворита королевы Елизаветы. Она тоже страстно любила сэра Блоунта; но ее силой выдали за лорда Рича. Послѣ двухъ лѣтъ несчастнаго замужества леди Пенелопа развелась съ ненавистнымъ мужемъ и жила въ супружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Девонширомъ. Никто не находилъ этихъ отношеній предосудительными, пока графъ, желая въ нѣкоторой степени возстановить репутацію своей любовницы, не женился на ней. Тогда дворъ и общественное мнѣніе такъ возстали противъ него, и столько обидъ и презрѣнія пришлось ему испытать взаимнъ всеобщаго уваженія, какимъ онъ пользовался до-тѣхъ-поръ, что графъ Девонширъ не могъ снести такой внезапной перемены, слегъ въ постель и умеръ, еще въ цвѣтѣ силъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака.

Такимъ образомъ, Джонъ Фордъ, посвятивъ прославленію и памяти покойнаго графа цѣлое длинное стихотвореніе, выказалъ рѣдкую для панегириста въ тогдашнемъ вкусѣ независимость отъ общественныхъ предразсудковъ. Упомянуть о плохихъ стихахъ Форда стоило именно потому, что они обличаютъ хорошую черту въ его характерѣ. При бѣдности біографическихъ свѣдѣній нельзя пренебрегать и такими указаніями.

Послѣ поэмы въ честь графа Девоншира мы встрѣчаемся съ Фордомъ въ печати лишь двадцать три года спустя. Въ 1829

году явилась въ свѣтъ драма его *Melancholia inлюбленная* (The Lover's Melancholy). Двадцати-трехлѣтній промежутокъ этотъ не былъ впрочемъ безплоднымъ въ дѣятельности Форда. Изъ стиховъ, обращенныхъ къ нему при появленіи въ печати названной пьесы нѣкоторыми тогдашними поэтами, видно, что Фордъ давно уже пользовался успѣхомъ на сценѣ, что произведенія его высоко цѣнились и знатоками и публикой *). Горделивый прологъ выказываетъ уже значительную самостоятельность поэта. Фордъ говоритъ, что въ сущности все въ пьесѣ принадлежитъ ему, что нѣкоторыя заимствованія въ подробностяхъ не превышаютъ принятыхъ между учеными людьми условій. Этими онъ вѣроятно отвѣчалъ на упрекъ, что драма его представляетъ сколокъ съ «Филастера» Бьюмонта и Флетчера, и что въ отдѣльных сценахъ онъ заимствовалъ многое у Страды, у Бѣртона и другихъ.

Въ характерѣ главнаго дѣйствующаго лица, Паладора, Кипрскаго князя, замѣтны нѣкоторыя черты Гамлета. Это человекъ, одаренный благороднымъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ, но полный нерѣшительности, слабый, недовѣрчивый и склонный къ меланхоліи. Онъ чувствуетъ потребность слышать правду, но въ немъ недостаетъ силы дѣйствовать согласно ея внушеніямъ, и жизнь его представляетъ постоянную борьбу между волей и дѣйствіемъ.

Интрига драмы не замѣчательна; дѣйствія почти въ ней нѣтъ, лица довольно блѣдны, со включеніемъ сюда даже самаго героя пьесы. Страданія меланхолическаго принца Паладора происходятъ отъ насильственной разлуки съ любимой дѣвушкой. Онъ считаетъ ее если не умершею, то на вѣки для него утраченною. Потомъ обстоятельства, независимо отъ него, улаживаются такъ, что онъ снова встрѣчается со своею возлюбленной Эроклеей, соединяется съ нею, и забываетъ свою меланхолію. Рядомъ съ исторіею Паладора и Эроклеи развиваются въ драмѣ еще двѣ любовныя интриги, которыя кончаются такъ же счастливымъ союзомъ любящихъ сердецъ. Согласно современной рутинѣ, Фордъ ввелъ въ свою пьесу много комическихъ сценъ и выходокъ; но это самая слабая сторона, какъ и въ другихъ его драмахъ. Талантъ Форда былъ вообще бѣденъ комизмомъ.

Не смотря на свою незначительность и въ художественномъ и въ сценическомъ отношеніи, драма пользовалась, судя по час-

Отъ драмъ Форда, предшествовавшихъ «Меланхоліи влюбленной» не сохранилось ничего, кромѣ заглавій.

тымъ ея повтореніямъ и похвальнымъ отзывамъ современниковъ, большою благосклонностью публики. Для насъ она потеряла всякую цѣну. Мы не можемъ согласиться съ похвалами Чарльза Лема и относительно отдѣльнаго эпизода, извлеченнаго изъ «Меланхоліи Влюбленнаго» и перепечатаннаго, какъ перлъ художественнаго созданія, въ его «Specimens of English Dramatic Poets». Разсказъ и стихи дѣйствительно недурны: но такой популярности, какую сообщилъ имъ въ Англіи авторитетъ Лема, не стоятъ. Впрочемъ пусть судятъ сами читатели. Вотъ подстрочный переводъ этого прославленнаго мѣста, въ которомъ Фордъ пересказываетъ повѣсть, взятую изъ «Пролазій» Страды.

«Когда я плылъ изъ Италіи въ Грецію (говорить одно изъ дѣйствующихъ лицъ драмы), сказанія поэтовъ прежняго времени, восхвалявшія Тешпейскую Долину, родили во мнѣ желаніе побывать въ этомъ раю. Я прибылъ въ Фессалію и жилъ тамъ уединенно, не знаясь ни съ кѣмъ, кромѣ старинныхъ товарищей моей любви, думъ моихъ. Каждый день бродилъ я по тихимъ долинамъ и пустыннымъ тропинкамъ. Однажды раннимъ утромъ со мною случилось вотъ что: Я услышалъ прелестнѣйшее и очаровательнѣйшее состязаніе, въ какое когда-либо вступали искусство и природа.

«Звуки музыки коснулись моего слуха, или, лучше сказать, околдовали мнѣ душу. Когда, увлекаемый мелодіей, я подкрался ближе, я увидѣлъ прекраснаго юношу. Его мотивъ чуднымъ разнообразіемъ и гармоніей своихъ тоновъ, казался, смѣло вызывая на поединокъ птицъ, яркихъ пѣвицъ лѣса. Слетѣвшій вокругъ, онъ всѣ смолкал и дивился тому, что слышать. Я тоже дивился.

«Соловей, этотъ лучший музыкантъ природы, принялъ вызовъ, и на каждый звукъ, пробужденный въ лютнѣ прекраснымъ юношей, отвѣчалъ своимъ звукомъ. Какъ ни разнообразно, какъ ни искусно игралъ юноша на своемъ трепетномъ инструментѣ, соловей не уступалъ ему богатствомъ своихъ отзывныхъ тоновъ.

«Такъ прошло нѣсколько времени, и юношей овладѣла наконецъ плѣнительная досада, что птица, которая никогда не училась ни ключамъ, ни гармоніи, ни нотамъ, можетъ превзойти въ мастерствѣ его, достигшаго до совершенства долгими стараніями. Чтобы покончить споръ, онъ заигралъ на лютнѣ такъ вдохновенно, такъ быстро, такими чудными переливами, что тонкость, хитрость и ловкость, стройность и несогласіе, и самые противорѣчивые аккорды сливались въ одну восхитительную гармонію.

«Соловей, осужденный быть первымъ мученикомъ музыки, пытался подражать всѣмъ этнмъ звукамъ; но пѣвучее горло его не могло ихъ вывести, и онъ въ тяжкомъ горѣ упалъ на лютню, и сердце его сокрушилось. Плѣнительно и грустно было видѣть, какъ побѣдитель похоронной элегіей слезъ прощался съ трупомъ птички. *)»

Мы не знаемъ латинскаго подлинника Страды, но, по нашему мнѣнію, имъ гораздо удачнѣе воспользовался до Форда Робертъ Крашау въ своей пьесѣ «Music's Duel», которую Лемъ ставитъ ниже разсказа Форда. Боденштедтъ ничего не говоритъ о не менѣе знаменитомъ стихотвореніи Крашау, но справедливо замѣчаетъ, что стихи Форда слишкомъ отзываются модной манерностью его времени.

Мы не станемъ останавливаться на ничтожной пьесѣ: *Любимецъ Солнца* (The Sun's Darling), написанной Фордомъ въ това-

*) Какъ этотъ, такъ и нѣкоторые дальнѣйшіе отрывки изъ драмъ Форда, я перевелъ съ подлинника. Когда же у меня не было подъ рукой оригинала, я пользо ался переводомъ Боденштедта. Сличеніе убѣдило меня, что на нѣмецкаго переводчика можно вполне положиться. Вотъ, напримеръ, отрывокъ изъ приведеннаго разсказа въ подлинникѣ:

«The bird, ordained to be
Music's first martyr, strove to imitate
These several sounds: which, when her warbling throat
Failed in, for grief, down dropped she on his lute,
And brake her heart! It was the quaintest sadness,
To see the conqueror upon her hearse,
To weep a funeral elegy of tears.....»

А вотъ и переводъ Боденштедта:

«Die Nachtigall, bestimmt
Der Tonkunst erster Märtyrer zu werden,
Versuchte all' die Töne nachzunehmen,
Doch als das ihrer Liederkehle nicht
Gelang, fiel sie vor Kummer auf die Laute,
Gebrochenen Herzens! welche holde Trauer,
Zu sehn, wie eine Leichenelegie
Der Sieger weinte auf des Vögels Bahre!»

Русскій языкъ далеко еще не достигъ той степени совершенства, на какой становится возможна столь близкая и точная передача поэтическихъ произведеній другихъ народовъ. Даже наша проза не всегда поддается при переводѣ такъ легко, какъ нѣмецкій стихъ, особенно въ рукахъ такого даровитаго и старательнаго поэта, какъ Боденштедтъ.

Въ приведенномъ отрывкѣ выкинуты всѣ реплики, очень неловко и некстати прерывающія разсказъ.

ришествѣ съ Томасомъ Деккеромъ и принадлежащей къ разряду моральныхъ аллегорій (moral masques) съ фебами, кунидонами, и проч. классическимъ причтомъ. Обратимся прямо къ одной изъ популярнѣйшихъ драмъ стараго англійскаго театра: *Эдмонтонской Вѣдьмы* (The Witch of Edmonton), игранной около 1623 года, но напечатанной лишь въ 1658 году. Въ заглавіи ея, кромѣ имени Форда, мы видимъ имена Деккера и Вильяма Роулея; но, по мнѣнію Гиффорда, раздѣляемому Боденштедтомъ, авторами пьесы слѣдуетъ признать лишь двухъ первыхъ, имя же перваго было лишь средствомъ къ привлеченію публики, въ которой онъ пользовался большимъ почетомъ, какъ актеръ. Къ этимъ тремъ именамъ въ печатномъ экземплярѣ прибавлено еще: et coetera.

Елизавета Соуэръ, главное дѣйствующее лицо драмы, или «траги-комедіи», какъ наименована она авторами или надателями, дѣйствительно существовала въ Эдмонтонѣ и была казнена за колдовство года за два, за три до постановки на сцену пьесы Форда, названной въ заглавіи такъ же «извѣстной старой исторіей», что было довольно обыкновенною рекомендаціей новымъ драмамъ со времени Шекспира.

«Эдмонтонская Вѣдьма», переведенная Боденштедтомъ вполне, можетъ служить лучшею характеристиккою вкуса тогдашняго времени. Въ основаніе пьесы положена та мысль, что человѣкъ суетвѣрный самъ, въ заблужденіи своемъ, создаетъ мнимыя бѣдствія, противъ которыхъ ожесточается.

Бѣдная старуха, не виноватая ни душой ни тѣломъ, прослыла у сосѣдей вѣдьмой. Чтобы ни случилось съ этимъ глупыми суетвѣрами, ударила-ль молнія въ домъ, сломала-ль буря дерево, пала-ли лошадь, захворала ли овца, вся бѣда, по ихъ мнѣнію, произошла отъ вѣдьмы — отъ Елизаветы Соуэръ. За что такая слава постигла несчастную женщину, никто, конечно, не сумѣлъ бы разрѣшить.

«За что (спрашиваетъ и сама она при первомъ появленіи на сценѣ), за что всё противъ меня? за что коварный свѣтъ выбралъ меня цѣлью своего ожесточенія? Или за то, что я бѣдная, жалкая женщина, что меня обезобразили и согнули мнѣ спину какъ лукъ люди, гораздо худшіе меня? Не ужто за это должна я быть какою-то ямой, куда стекаются скверности со всѣхъ языковъ людскихъ? Меня называютъ вѣдьмой и, не зная меня, учатъ, какъ стать вѣдьмой; утверждаютъ, что мой злой языкъ — отъ нихъ же злой — оговариваетъ ихъ скотину, колдуетъ надъ ихъ хлѣбомъ, надъ ними самими, надъ ихъ дѣтьми, манками и че-

лядью. Во всемъ этомъ обвиняютъ меня, и заставляють меня самое подтверждать это».

Раздраженная безчеловѣчными обидами и несправедливыми оскорбленіями сосѣда своего Банка, старуха Соуэръ говоритъ:

«Меня ненавидятъ, бѣгутъ отъ меня, какъ отъ чумы, и старъ и малъ издѣваются надо мною. Старыя болтуны толкують о домовыхъ, которые оборачиваются мышами, крысами, хорьками, лисицами и мало ли еще чѣмъ, и сосутъ, говорятъ, кровь у людей. Какъ ужъ онѣ узнали это, не вѣдаю. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ какая-нибудь сила — добрая или злая, все равно — научила меня, какъ отмстить этому старому грибу. Я готова бы вся превратиться въ злобу и отказаться ото всего добраго, что есть въ моемъ старомъ дряхломъ тѣлѣ, отречься отъ всякаго состраданія къ людямъ, и проклинать вмѣсто того чтобы молиться, только и знать, что богохульство, да заклятья да всякое зло, лишь бы отмстить этому черному псу, что лаетъ и кусается и сосетъ мнѣ кровь, и позоритъ мое доброе имя. Все равно, что бытъ, что слыть вѣдьмой; ужъ отмщу же я!»

Чортъ не заставляетъ себя ждать при такомъ удобномъ случаѣ, является въ образѣ черной собаки старой Соуэръ, и предлагаетъ ей свои услуги. Нужно ли было непременно это участіе сверхъ естественныхъ силъ въ драмѣ для полнаго развитія мысли, положенной въ ея основу? Едва ли, какъ замѣчаетъ Боденштедтъ. «Но,» прибавляетъ онъ: «авторы знали потребности своей публики, въ глазахъ которой дьяволъ въ образѣ черной собаки пользовался большимъ значеніемъ и уваженіемъ». Вспомнимъ, въ извиненіе Форда и его сотрудниковъ, поэта почти нашего вѣка, Гете, который, создавая своего титана Фауста, оставилъ вкругъ него завѣщанную народной сказкой мелкую и часто смѣшную обстановку колдовства и чертовщины. Англійскіе авторы жили въ вѣкъ, полный суевѣрій. Черная собака, одаренная не только даромъ слова, но и способностью составлять очень гладкіе пятистопные ямбы, дѣйствительно была бы очень смѣшна на сценѣ въ наше время; но вѣроятно она возбуждала чувства, далекія отъ смѣха, являясь на друженскихъ подмосткахъ при первомъ Стюартѣ. Правда, въ царствованіе Якова I уже не такъ часто повторялись процессы и казни вѣдьмъ, какъ въ царствованіе Елизаветы, еще довольно богатое ими; но и въ его время «черная собака», о которой такъ часто шла рѣчь въ англійскихъ судебныхъ протоколахъ XVII вѣка, являлась — такъ у ланкаширскихъ вѣдьмъ. «Впрочемъ — ничто не ново подъ луною.

Эта махинація колдовства», говоритъ Боденштедтъ: «была не хуже нашего извѣстна Лукану и черныя собаки англійской сцены вели свою генеалогію отъ infernae canes греческихъ и римскихъ поэтовъ, и племя ихъ продолжало плодиться въ демонологіи темныхъ вѣковъ до самыхъ временъ революціи, когда имъ пришлось преспокойно исчезнуть со сцены и изъ жизни вмѣстѣ съ колдунами и вѣдьмами, которые пользовались ихъ услугами».

Черная собака, въ которой воплотилась много лѣтъ копившаяся злоба Елизаветы Соуэръ на людей и жажда мщенія, возбуждаетъ въ несчастной старухѣ дикую страсть, и она готова каждую минуту звать въ свои объятія своего адскаго слугу, потому-что каждую минуту продолжаютъ падать на нее жестокиа оскорбленія.

Когда слухъ о колдовствѣ Елизаветы доходитъ до полиціи, одинъ изъ судей, прежде чѣмъ надъ нею наряжено формальное слѣдствіе, проситъ старуху сказать ему откровенно, вѣдьма ли она, и говорить, что сдѣлаетъ все, чтобы оправдать ее.

«Нѣтъ, я не вѣдьма,» отвѣчаетъ Елизавета Соуэръ: «лишь эти собаки называютъ меня такъ; я не вѣдьма; но хотѣла бы быть вѣдьмой! Если бѣдную безпомощную старуху такъ истязаютъ, бьютъ и позорятъ каждый день, какъ меня, ей поневогѣ надо стать вѣдьмой, чтобы мстить людямъ».

«Не ради ли этого,» замѣчаетъ ей на это сэръ Артуръ Кларингтонъ, богатый развратникъ, не изъ послѣднихъ лицъ въ пьесѣ: «не ради ли этого продала ты чорту свою душу».

Елизавета Соуэръ. Берегите отъ него свою собственную.

Судья. Ты слишкомъ упряма и дерзка.

Елизавета Соуэръ. Упряма? Да по какому праву можетъ онъ посылать къ чорту мою душу скорѣе, чѣмъ свою? Или моя душа въ наймахъ у него, что онъ можетъ, если вздумается, вышвырнуть ее за дверь?

Судья. Вспомни, съ кѣмъ ты говоришь.

Елизавета Соуэръ. Съ человѣкомъ, а можетъ-быть и нѣтъ. Люди въ красивой одеждѣ, осыпанные почестями и титулами, въ душѣ горбатѣе меня, и ужъ если я вѣдьма, то въ нихъ еще больше дьявольскаго.

Сэръ Артуръ. Ты подлая тварь. Я вамъ долженъ сказать, эръ, что повсюду ходитъ молва, что она въ сношеніи съ духомъ, который сосетъ ее.

Елизавета Соуэръ. Вздорь!

Сэръ Артуръ. Врешь! Если понадобится, я представлю сто свидѣтелей изъ Эдмонта, которые всё скажутъ, что ты вѣдьма.

Елизавета Соуэръ. Ха, ха!

Судья. Чему ты смѣешься?

Елизавета Соуэръ. Тому, что этотъ господинъ называетъ меня вѣдьмой.

Судья. Или названье вѣдьмы такъ пріятно твоему слуху?

Сэръ Артуръ. Прошу васъ, сэръ, дайте волю ея языку.

Елизавета Соуэръ. Да не всё ли женщины вѣдьмы? За чѣмъ же вы позорите общее имя? Что такое у васъ при дворѣ эти нарумяненные куколки, которыя своими сладкими глазами и изысканнымъ нарядомъ пробуждаютъ самыя пламенныя вожделѣнія въ мужчинахъ, и своими голыми грудями кружатъ голову сластолюбцамъ и ведутъ ихъ къ самымъ дурнымъ дѣламъ?

Судья. Не къ такимъ, впрочемъ, какими занимаешься ты.

Елизавета Соуэръ. Къ гораздо худшимъ! къ гораздо худшимъ! Цѣлыя страны превращаютъ они въ свою жалкую мишуру, плугъ и соху — въ великолѣпныя кареты, цѣлые рои слугъ — въ какую нибудь французскую бабочку. Развѣ нѣтъ у васъ въ городѣ вѣдьмъ, которыя ужьютъ превращать товары своихъ мужей, цѣлыя лавки ихъ въ пышные пиры, въ сады потаенныхъ грѣховъ, и расточать въ одинъ годъ то, что копилося больше двадцати лѣтъ? Развѣ это не вѣдьмы?

Судья. Пожалуй, только не въ глазахъ закона.

Елизавета Соуэръ. Такъ отчего же я вѣдьма? отчего вѣдьма всякая другая тощая и старая женщина? Прежде старость уважали; а нынче, встрѣчая старуху, жалкую и согбенную нищетою, бранять за то, что она безобразна, коргой, вѣдьмой — впрочемъ только если она простая женщина; знатныя, безъ людской обиды, идутъ прямо въ когти дьявола.

Сэръ Артуръ. И ты туда же попадешь.

Елизавета Соуэръ. А эти женщины, у которыхъ сидитъ на языкѣ вихорь и выдуваетъ ихъ бѣдныхъ мужей изъ всякаго терпѣнія, и гонять ихъ съ мягкаго изголовья на суровыя скалы, на бурныя волны, развѣ эти женщины не вѣдьмы? А эти мужи закона, что пробуждаютъ обманчивыя надежды, чтобы привлечь довѣрчивыхъ кліентовъ (такъ рои пчелъ летятъ на металлическій звонъ), чтобы заставить ихъ бросить свои собственные улы и наполнять воскомъ судейскія — развѣ это не вѣдуны?

«Кто смѣетъ сказать,» продолжаетъ она потомъ, намекая на

сэра Артура: «что я когда-либо закидывала золотыя удочки на невинность дѣвушекъ, что я, погубивъ ихъ честь, пускала ихъ по міру? А я знаю людей, которые поступали такъ; и эти колдуны ничего не боятся; законъ не убавить у нихъ ни одной капельки крови за то, что они выдаютъ за чистое золото фальшивую монету».

Намекъ не пропелъ мимо, и сэръ Артуръ говорить судьѣ: «Ну, теперь я знаю, что она вѣдьма, и больше не хочу говорить съ нею». — «Такъ пойдете!» отвѣчаетъ судья и, обращаясь къ Елизаветѣ Соуэръ, замѣчаетъ: «исправь свою жизнь, старуха, ступай домой и молись Богу!»

Но сердце Елизаветы Соуэръ уже слишкомъ ожесточилось, и вмѣсто того, чтобы слѣдовать совѣту судьи, она зоветъ своего адскаго любимца Тома, свою черную собаку. «Меня рвутъ здѣсь собаки,» говоритъ она: «а ты и не поможешь мнѣ; Томъ, утѣшь меня; я сейчасъ дамъ тебѣ свою грудь... Я вся высохла отъ проклятій и отъ бѣшенства, и у меня нѣтъ еще достаточно крови, чтобы хоть смочить твои сладкія губы. Встань на заднія лапы, Томъ, поцалуй меня, сотри хоть нѣсколько морщинъ съ моего лба, и пусть радостно дрогнутъ мои старыя ребра отъ твоихъ хитрыхъ ласкъ».

Жалкая старуха уже безвозвратно, всѣмъ истощеннымъ отъ горя существомъ своимъ отдалась демону злобы и мщенія. Она призываетъ его съ сладострастной тоской, если онъ хоть не на долго покидаетъ ее. Послѣдній актъ пьесы начинается такимъ монологомъ Елизаветы Соуэръ: «И все-таки всѣ издѣваются надо мной! И ни одинъ пестъ не залазитъ въ мою защиту? Меня называютъ колдуньей, но я сама околдована зломъ. Затѣмъ ли предавала я всю себя твоей черной похоти, чтобы ты насмѣялся надо мной? Вотъ ужъ три дня не былъ у меня мой Томъ! А безъ него я пропала. О, приди же ко мнѣ! приди! Местъ для меня слаще жизни. Ты мой воронъ, и на черныхъ крыльяхъ твоихъ прилетаетъ ко мнѣ мщеніе. О милый мой! Окруженная льдомъ, сама я въ огнѣ, кровь во мнѣ кипитъ, пока я не чувствую у дряхлыхъ колѣнъ своихъ твоей кудрявой головы. Приди же, приди, мой возлюбленный! Упади на меня темнымъ облакомъ, если ты носишься въ воздухѣ! явись мнѣ дракономъ или змѣемъ, какихъ я видала въ стихіяхъ! Или не въ морѣ ли ты? Подыми всѣхъ чудовищъ бездны, и будь самымъ ужаснымъ изъ нихъ — мнѣ все равно. Пусть бы лопнула земля и оторвалась отъ неба, только бы мнѣ увидать темныя щеки моего яв-

лаго. Если бъ я могла пройти въ глубинѣ земли пороховою миной, я все разбила бы въ прахъ, чтобы отыскать тебя, хотя бы самой мнѣ пришлось погибнуть. Что же ты нейдешь?»

На этотъ разъ чортъ является уже не въ обычномъ своемъ видѣ — не черною, а бѣлой собакой. Оказывается, что этотъ цвѣтъ долженъ напомнить Елизаветѣ Соуэръ о скоро ожидающемъ ее саванѣ. Въ аду уже подписанъ ея приговоръ, и ей остается испытать на себѣ грозу человѣческаго правосудія. Томъ уже не выручить ее теперь. Собственно говоря, старуха, и съ помощью дьявола, надѣлала не много зла. Она заставила искупаться ночью въ болотѣ сына своего главнаго врага, а этому врагу внушила странную склонность заглядывать подъ хвостъ каждой встрѣчной коровѣ. Самая большая бѣда, произведенная Елизаветой Соуэръ, это сумасшествіе одной ея сосѣдки.

Само собою разумѣется, драма кончается казнью вѣдьмы. И въ то время, какъ ее ведутъ на эшафотъ, она не можетъ еще отдѣлаться отъ докучливости людской.

«Эти собаки», восклицаетъ она: «не дадутъ-таки мнѣ покоя. Я рѣшилась и приготовилась умереть съ покаяніемъ. Правда, я пожила бы еще, но такъ какъ это невозможно, то прошу васъ: не мучьте вы меня больше! совѣсть моя спокойна. Берегитесь вы всѣ, не вѣрьте дьяволу: онъ подъ конецъ обманетъ-таки васъ».

«А все бы лучше, еслибъ ты во всемъ призналась,» замѣчаютъ ей.

«Опять?» отвѣчаетъ она: «у меня едва осталось дыханія, чтобы проговорить молитву; а я стану болтать и понапрасну тратить время? Будьте свидѣтелями, честные люди, что я каюсь во всѣхъ своихъ прежнихъ грѣхахъ. Вѣрьте мнѣ, единственный обольститель — дьяволъ!»

«Ведите ее, ведите!» кричатъ всѣ, и Елизавету Соуэръ уводятъ къ наладу.

Исторія эдмонтонской колдуньи, возвѣщаемая заглавіемъ драмы, составляетъ впрочемъ не главное содержаніе ея, и это самая существенная ошибка пьесы. Дѣйствіе распадается на двое, интересъ дѣлится между двумя интригами, у которыхъ нѣтъ рѣшительно никакой общей связи, и вниманіе наше останавливается болѣе на другихъ лицахъ пьесы, чѣмъ на ея героинѣ, которая подъ-конецъ совсѣмъ отходитъ на второй планъ. Другая интрига драмы, о которой мы до-сихъ-поръ еще ничего не

сказали, могла бы сама по себѣ составить содержаніе цѣлой трагедіи.

У сэра Артура Кларингтона, разъ уже упомянутого нами, помѣщика по близости Эдмонтонъ, находятся въ услуженіи дѣвушка Виннифрида и Франкъ Торней. Тотчасъ по поднятіи занавѣсы мы узнаемъ, что Франкъ и Виннифрида тайно обвѣнчались. Явно Франкъ не хотѣлъ этого сдѣлать, потому-что отецъ его грозилъ лишить его наслѣдства, если онъ женится на Виннифридѣ.

Не смотря на всѣ предосторожности, до старика Торнея, живущаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ помѣстья сэра Артура, доходитъ-таки слухъ о женитьбѣ сына, и онъ требуетъ Франка къ себѣ. Чтобы оградить себя отъ ожидаемыхъ упрековъ, Франкъ проситъ своего господина написать письмо къ старику и опровергнуть въ немъ непріятную новость.

Сэръ Артуръ очень хорошо знаетъ, что Франкъ уже женатъ, и все-таки пишетъ къ его отцу, что онъ и не думалъ жениться. Такой поступокъ вполне понятенъ въ человѣкѣ, подобномъ сэру Артуру. На бракъ Франка онъ смотрѣлъ, какъ на прикрытіе своихъ грѣховъ. Виннифрида была обольщена имъ, и ребенокъ, которому Франкъ даетъ свое имя, принадлежитъ по всему вѣроятію больше сэру Артуру, чѣмъ ему. Сэръ Артуръ рассчитываетъ продолжать свои прежнія отношенія къ Виннифридѣ; но она съ достоинствомъ отвергаетъ ихъ, и развратникъ уже жалѣетъ, что общалъ Франку (хотя и не далъ еще) двѣсти фунтовъ вмѣсто приданаго.

Зналъ ли Франкъ о прежней связи своей жены съ господиномъ, объ этомъ мы не находимъ въ драмѣ никакого намека. Но судя по характеру, приданному ему авторами въ первыхъ актахъ, двѣсти фунтовъ сэра Кларингтона могли бы загладить въ его глазахъ всѣ вины Виннифриды. Любовь его къ ней выражается какъ-то странно: очень нѣжный на словахъ, онъ однакожь всѣми поступками своими доказываетъ большой недостатокъ нѣжности къ женѣ. Совсѣмъ не то Виннифрида: въ горячей привязанности ея къ Франку нельзя сомнѣваться.

Пріѣхавъ въ Эдмонтонъ, къ отцу, Франкъ узнаетъ отъ своего старика, что дѣла его разстроены, и что для поправленія ихъ надо сдѣлать вотъ что: жениться на дочери одного эдмонтонскаго обывателя, Картера, Сусаннѣ, за которую хорошее приданое. Если Франкъ женится, отецъ передастъ ему все свое имѣнье, на поправку и поддержку котораго пойдетъ приданое

Сусанны. Письмо сэра Артура убѣждаетъ старика, что слухъ о женитьбѣ Франка несправедливъ; еще болѣе убѣждаетъ его въ этомъ немедленное согласіе сына идти хоть сейчасъ же подъ вѣнецъ съ Сусанной. Это согласіе ничѣмъ не мотивировано въ драмѣ, и легкость, съ какою Франкъ, едва успѣвши жениться на Виннифридѣ, женится на предложенной ему отцомъ невѣстѣ, необъяснима: хоть бы тѣнь борьбы, хоть бы тѣнь размышленія произошла въ немъ. Повидимому Франку все тринь-трава, и взять, при живой женѣ, другую жену — такъ же просто, какъ выпить стаканъ воды. Оттого два стиха, вложенные ему въ уста авторами въ концѣ перваго акта, кажутся какою-то пустой сентенціей, повторенной имъ безъ всякаго пониманія ея внутренняго смысла, на манеръ попугая. «Ни одинъ человѣкъ не укроетъ стыда своего отъ Божьяго ока; ни одинъ человѣкъ не уйдетъ отъ мстительной судьбы». Ни этимъ словамъ, ни полнѣйшему раскаянію Франка въ концѣ драмы, послѣ злодѣйствъ, совершаемыхъ имъ съ яснымъ лицомъ и съ бодрымъ духомъ, нѣтъ никакого психологическаго оправданія.

Нельзя поэтому не удивляться, что нѣкоторые критики такъ высоко цѣнятъ искусство авторовъ въ изображеніи этого характера. Франкъ ни человѣкъ увлеченія, ни обдуманнѣйшій злодѣй; всѣ поступки, всѣ дѣйствія его такъ случайны, что намъ кажется, они были нужны лишь для того, чтобы поставить въ трагическія отношенія другія лица.

За то нѣкоторые изъ остальныхъ характеровъ пьесы полны такой жизненности и правды, до какой рѣдко достигаетъ искусство нашего времени. Таковы, прежде всего, простой, старосвѣтскій, прямой и честный Картеръ, отецъ Сусанны, потомъ и сама Сусанна, полное любви, чистоты и младенческой довѣрчивости существо. Поэтъ, по видимому, съ особеннымъ сочувствіемъ обращался къ этому прелестному лицу своей драмы.

Кончимъ, однакожъ, пересказъ содержанія. Кромѣ Сусанны, у Картера есть и еще дочь, Катерина, и къ обѣимъ сватается по жениху въ то время, какъ старикъ Торней выражаетъ желаніе свое Франку, чтобы онъ женился на Сусаннѣ. Сусанна давно уже любитъ Франка, и бракъ съ нимъ для нея счастье.

Вскорѣ послѣ вѣнца чуткое сердце ея начинаетъ, однакожъ, тревожиться. Она замѣчаетъ во Франкѣ недостатокъ той откровенности, которая неразлучна съ истинною любовью, и спрашиваетъ его:

«Отчего ты такъ мѣняешься въ лицѣ, мой милый?»

Франкъ. Какъ? вовсе нѣтъ.

Сусанна. Ахъ, не говори этого, другъ мой. Человѣкъ съ такою твердой душой, какъ ты, не можетъ быть такъ измѣнчивъ; а я замѣчаю въ тебѣ странныя перемены.

Франкъ. Во мнѣ?

Сусанна. Да, мой милый. Пробудись; ты какъ будто сонный, и въ дремотѣ у тебя вырываются часто странные звуки, какъ у человѣка неспокойнаго душой. Дорогой мой! если ты не совершенно равнодушенъ ко мнѣ, довѣрься мнѣ, скажи, что тебя мучитъ; ты можешь довѣриться мнѣ, какъ самому себѣ.

Франкъ. Да что я тебѣ скажу? Ты меня, право, смущаешь. Говори, что ты хочешь знать?

Сусанна. Ты не можешь, не долженъ отъ меня скрываться; я вѣдь — вся твоя, и потому хочу знать все, даже самыя ничтожныя твои заботы.

Франкъ. И я — весь твой.

Сусанна. Нѣтъ, пока ты будешь скрывать отъ меня хоть малѣйшее свое горе. Я чувствую, что сама въ этомъ виновата.

Франкъ. Ты?

Сусанна. Да. Тебѣ должно быть что-нибудь противно во мнѣ; но это не хорошо съ твоей стороны, что ты не скажешь. Я молода, во мнѣ столько еще дѣтской глупости... Будь же снисходителенъ, скажи въ чемъ мои недостатки, и ты увидишь — я буду послушна.

Франкъ. Полно! никакихъ недостатковъ у тебя нѣтъ.

Сусанна. Все-таки! Еслибъ я только знала, ты не сталъ бы такъ омрачаться. Умоляю тебя, милый мой, если я покажусь тебѣ слишкомъ смѣла или не скромна, нахмурься только; если я буду слишкомъ весела или слишкомъ чувствительна, покажи мнѣ это улыбкой... ахъ, вѣдь мнѣ ничего не нужно — только бы нравилась я тебѣ!

Франкъ. О чемъ ты плачешь?

Сусанна. У тебя такая сила надо мной, что ты дѣлаешь меня переменчивою, какъ апрѣльская погода: я то улыбаюсь, то плачу — то поблѣднѣю какъ снѣгъ, то вся вдругъ вспыхну. Лицо твое для меня какъ для моря могучій мѣсяць, отъ котораго тамъ то приливъ, то отливъ.

Франкъ открываетъ наконецъ Сусаннѣ причину своей задумчивости: его дѣла требуютъ разлуки съ нею на нѣкоторое время. Въ этомъ признаніи, однакожь, нѣтъ и половины правды.

Онъ обезпечилъ уже себя легкимъ путемъ обмана, и съ запасомъ денегъ въ карманѣ собрался навсегда проститься со своею родиной и со своею второй женой и поселиться съ Виннифридой въ такой странѣ, гдѣ его не знаютъ. Сердце Виннифриды глубоко поражено беззаконными поступками мужа, въ которыхъ онъ ей признался; но любовь ея заглушаетъ голосъ совѣсти, и Виннифрида, переодѣвшись въ мужское платье, рѣшается слѣдовать за Франкомъ.

Сусанна идетъ провожать ихъ. Она проситъ переодѣтую Виннифриду уйти подальше впередъ, чтобы ей можно было хорошенько проститься со своимъ мужемъ. Дѣло происходитъ въ концѣ ночи. Франкъ высказываетъ свои опасенія, какъ пойдетъ она домой одна; но Сусанна отвѣчаетъ, что уже скоро свѣтъ, что отецъ ея уже всталъ и скоро присоединится къ нимъ. Тутъ мгновенно возникаетъ и мгновенно созрѣваетъ въ головѣ Франка рѣшеніе окончательно раздѣлаться съ Сусанной. Онъ зарѣзываетъ ее и, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе, наноситъ себѣ легкую рану ножомъ, привязываетъ себя къ дереву, и кричить: «разбой!»

На крикъ прибѣгаютъ его отецъ и отецъ Сусанны. Франкъ съ тѣмъ же хладнокровіемъ, съ какимъ исполнилъ свое кровавое злодѣйство и привязывалъ себя къ дереву, говоритъ имъ, что на него напали обиженные отказомъ женихи Сусанны и Катерины, и изъ мести ранили его и зарѣзали его несчастную жену.

Франка тесть уводитъ къ себѣ, чтобы залечить его раны, и кроткая, нѣжная Катерина ходитъ за нимъ какъ за братомъ при помощи Виннифриды, послѣдовавшей въ домъ Картера въ качествѣ пажа раненаго. Бывшіе женихи арестованы; но скоро окровавленный ножъ, найденный Катериною въ карманѣ Франка, обличаетъ настоящаго убійцу.

Онъ идетъ на казнь въ одно время съ жалкою Елизаветой Соуэръ, и передъ смертью вполне раскаивается во всѣхъ своихъ преступленіяхъ. Повторяемъ, раскаеніе это какъ-то слишкомъ рѣзко смѣняетъ черствость и хладнокровную жестокость преступника. Въ послѣднихъ словахъ Франка, обращаемыхъ къ отцу, къ тестю, къ народу, столько гуманнаго чувства, что оно должно бы, кажется, было проявиться и прежде хоть въ чемъ-нибудь, хоть мимолетно. Но въ драмѣ Франкъ являлся постоянно такимъ закоснѣлымъ грѣшникомъ, что послѣднее покаяніе

его далеко не въ той мѣрѣ трогаетъ насъ, какъ можетъ быть хотѣлось автору.

Такъ же мало вѣры и сочувствія внушаетъ и мгновенное обращеніе къ добродѣтели распутнаго сэра Артура; въ драмѣ нѣтъ тоже никакого поэтическаго оправданія возможности этого нравственнаго переворота.

Напротивъ, великаго мастера обличаютъ созданія такихъ цѣльныхъ и живыхъ характеровъ, какъ Картеръ и Сусанна, а также (хотя и въ нѣсколько меньшей мѣрѣ) лицъ Виннифриды и Катерины.

Изъ нашего изложенія достаточно ясно, какъ трудно было соединить въ одну трагедію столь чуждыя одна другой интриги, какъ исторія вѣдьмы и Франка, какъ трудно было остановить вниманіе зрителя или читателя въ равной мѣрѣ на обѣихъ интригахъ.

Этотъ недостатокъ пьесы, неловкость ея плана и неправильности исполненія, слѣдуетъ главнымъ образомъ приписать тому, что работа была раздѣлена между двумя авторами, между Фордомъ и Деккеромъ; Роулей, какъ мы уже сказали, едва ли участвовалъ въ сочиненіи драмы. Вспомнимъ также, что драматическая индустрія того времени, а часто и нужда, заставляли даровитѣйшихъ поэтовъ писать съ плеча, съ неутомимой поспѣшностью, которая рѣдко уступала мѣсто досугу и рѣдко позволяла имъ доводить свои произведенія до художественной полноты и зрѣлости.

Чрезвычайно плохи въ «Эдмонтонской Вѣдьмѣ» также всѣ комическія сцены; онѣ притомъ вовсе лишнія и для хода дѣйствія и для развитія характеровъ, и были вѣроятно лишь уступкою требованіямъ тогдашняго вкуса.

Не смотря на эти слабыя стороны, драма Форда и Деккера, по указаннымъ нами высокимъ достоинствамъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній стараго англійскаго театра послѣ Шекспира. Языкъ драмы живо напоминаетъ послѣднія шекспировскія драмы, и вообще вліяніе творца «Гамлета» ясно на авторахъ «Эдмонтонской Вѣдьмы».

Maitresses du Regent, par Lescure. Paris. 1860. un vol.
Maitresses de Louis XV, par Edmond et Jules de Goncourt. Lettres et documents inédits. Paris. 1860. 2 vols.

Самообожаніе Людовика XIV, его властолюбіе погубило Францію. Пользуясь воинственнымъ настроеніемъ націи и страстью ея къ ви́шнему блеску, онъ образовалъ себѣ преданную армію и пустой расточительный дворъ. Любовныя похождения монарха, воспитаніе переданное въ руки Іезуитовъ все съ разныхъ сторонъ подкапывало народную нравственность. Гоненіе протестантовъ способствовало этому еще болѣе: въ кальвинистскихъ семействахъ сохранялась чистота домашней жизни, уваженіе къ нравственнымъ законамъ и умѣренность. Съ усмиреніемъ Камизаровъ въ народѣ омертвѣлъ одинъ изъ демократическихъ нервовъ: дворъ сдѣлался примѣромъ для цѣлой націи, и холодное презрѣніе Людовика къ народнымъ обычаямъ могло проявляться, не стѣсняясь никакими опасеніями. Ханжество послѣднихъ годовъ его царствованія не въ силахъ было загнѣть ранъ, нанесенныхъ обществу неуваженіемъ къ семейственнымъ связямъ. Своеволье солдатъ, всеобщее раззореніе и вслѣдствіе того крайнее невѣжество увеличивали зло до нельзя. Не было ни одного порока развившагося во время регентства, который не получилъ бы прочнаго начала въ царствованіе Людовика. Стоитъ только вспомнить объ обществѣ приапа, въ которомъ участвовалъ даже герцогъ Вермандуа.

Франція раздѣлилась на два враждебныя лагеря: дворъ съ бюрократіей и народъ.

Время не принесло примиренія между ними: сближеніе двора съ буржуазіей только яснѣе открыло пороки перваго содѣйствовало, нѣкоторымъ образомъ развращенію второй. Кровавый потокъ революціи разрушилъ эту преграду, но нація, окунувшись въ разъяренныхъ волнахъ его, не смыла всѣхъ пороковъ прошедшаго. Слѣды давленія великаго короля сохранились на ней до-сихъ-поръ. Кончина его передала власть въ руки герцога Орлеанскаго Филиппа. Онъ приходился племянникомъ Людовику XIV. Природа одарила его блестящими способностями: жажда познаній томилъ его; онъ быстро успѣвалъ во всемъ, но, къ несчастію нравственное образованіе его было въ пренебреженіи. Довѣренный стараніямъ аббата Дюбуа, онъ быстро потерялъ сознаніе добра и зла и привыкъ предаваться влеченію страстей своихъ.

Четырнадцать лѣтъ онъ имѣлъ уже ребенка отъ Леоноры, дочери палерояльскаго сторожа при кладовой. Шарлота Елизавета, мать Филиппа, приняла это извѣстіе довольно равнодушно, но отецъ его былъ разгнѣванъ; тѣмъ не менѣе дѣлу пособить было не чѣмъ, и пришлось позаботиться о матери и ребенкѣ.

Вторая побѣда будущаго регента была надъ актрисою Грандвалъ, но онъ скоро оставилъ ее и отправился въ Итацію восстанавливать честь французскаго оружія. Проѣзжая черезъ Лионъ, онъ вступилъ въ связь съ М-ле Пана де-ла-Массоньеръ, отъ которой имѣлъ впоследствии сына. Быстро потомъ слѣдовали любовницы одна за другою, сперва актриса Демаръ, потомъ Флоренсъ, и наконецъ М-ле Сери, (впоследствии графиня д'Аржантонъ) первая и послѣдняя искренняя любовь герцога. Прежде чѣмъ перейти къ другимъ, остановимся на этой свѣтлой личности, свѣтлой, впрочемъ, только сравнительно съ другими. Чистая любовь между Филиппомъ и ею продолжалась недолго; Филиппъ началъ скучать, искалъ развлеченія—графиня д'Аржантонъ рѣшилась воспользоваться страстью герцога къ чудесному и его честолюбію, чтобъ занять его безпокойный духъ. Слѣдствіемъ этого было гаданье: призывали одного шарлатана, смотрѣли въ стаканъ съ водою, и наконецъ колдунъ представилъ изображеніе Филиппа на стѣнѣ съ короною на головѣ.... Честолюбіе вспыхнуло въ душѣ молодого воина; посланный на помощь испанскому королю, онъ думалъ занять его мѣсто—но замыслы его открылись, и онъ былъ отозванъ. Немилость Людовика была очевидна, надо было отвратить грозу; герцогъ Сэнъ-Симонъ послѣ немовѣрныхъ усилій успѣлъ наконецъ подвести интригу такъ, что Филиппъ разлучился съ предметомъ своей страсти... (1710).

Скоро за тѣмъ слѣдуетъ длинный рядъ быстро перемѣняемыхъ любовницъ. Перемѣны эти становятся особенно часты съ того времени, какъ герцогъ Орлеанскій сдѣлался регентомъ. Параберъ, д'Авернь, Сабранъ, Фалари, Гуэль, Тансэнтъ, Дюдефанъ смѣняють другъ друга. Въ промежуткахъ, между ними видимъ почти всю оперу и даже безстыдную Фильонъ.

Окруживъ себя повѣсами (roués) и фаворитками, новѣйшій Алкинадъ предался всей силѣ страстей своихъ. Душа его требовала безпрестанно дѣятельности, музыка, живопись, гравированіе, физика, химія, государственныя занятія не удовлетворяли его. Какая-то сверхъестественная сила поддерживала крѣпость его организма: чрезмѣрная живучесть его какъ будто требовала безпрестанныхъ оргій, чтобъ ослабить этотъ избытокъ жизни.

Сколько силъ истраченныхъ даромъ, какую богатую натуру погубило негѣлое воспитаніе и жалкая среда, въ которой онъ вращался.

Въ шесть часовъ вечера герцогъ удалялся въ общество своихъ собесѣдниковъ; о государственныхъ дѣлахъ не должно было и упоминать; все время отдавалось удовольствіямъ. Ноайль Бранка, Носе, Бролю, Дюбуа, Канпльякъ — герцогиня Берри, княгиня Леонъ, Параберь и другія любовницы регента — вотъ главнѣйшія лица этихъ оргій. Какъ только всѣ приглашенные являлись, начиналось приготовленіе ужина; очень часто регентъ вмѣстѣ съ друзьями своими занимался этимъ. Потомъ высылали лакеевъ, садилсъ за столъ, и начиналась попойка.

Безграничная свобода царствовала на этихъ пирахъ, всѣ собесѣдники имѣли клички: такъ Бролю назывался Brouillon; М-ме де Параберь — *gigot*; Сабранъ — *alouau* и т. п. Самыя циническія выраженія допускались тамъ; подъ конецъ всѣ напивались допьяна, женщины теряли стыдливость и переходили изъ рукъ въ руки подобно публичнымъ прелестницамъ. Онѣ соперничали съ мужчинами во всемъ: нюхали табакъ и часто имѣли носъ замазанный, «*comme si elles l'avaient mis dans l'ordure*». Дочери короля однажды въ веселую минуту курили изъ солдатскихъ трубокъ. Страсть къ игрѣ была развита до высшей степени, такъ что матери регента осмѣлились сказать: «если вы не играете, вы ни къ чему не годитесь.» Въ пьянствѣ М-ме де-Параберь не уступала никому: послѣднею оставалась она за столомъ, но часть сна совершенно возстановлялъ ея силы.

Разумѣется, при такой жизни нечего было и претендовать на образованіе и деликатность обращенія; даже и въ минуты трезвости сохранялись тѣже оттѣнки во взаимныхъ отношеніяхъ: наглымъ цинизмомъ и безграмотностью отличаются письма знатныхъ особъ того времени, хотя остроуміе и блестятъ въ нихъ, но это остроуміе дурнаго тона. *)

*) Въ доказательство приведемъ письмо Сабранъ къ регенту съ сохраніемъ правописанія того времени.

«J'ay été chez toi ce matin, chiennes de race, on m'a refusé ta porte; si tu viens jamais chez moi, tu auras le même sorte. Tu ne sçais ni aimer, ni écrire mais tu sçai lire. Lis donc. je t'envoie mon mâtin (son mari) fais le ton chambellan, et à l'égard du brevet de retenue, parles en à ton nègre le garde des sceaux (d'Argenson).»

Страннымъ намъ кажется мнѣніе Лескюра, который изъ всѣхъ силъ хлопочетъ оправдать герцога Орлеанскаго или, лучше сказать, уменьшить значеніе его заблужденій. «Филиппъ, говоритъ онъ, не принуждаетъ никого уважать то, что онъ любитъ; онъ столько-же снисходителенъ къ другимъ, какъ и къ самому себѣ; онъ первый смѣется надъ стихами, написанными на него. Если онъ забавляется, то ни кому не запрещаетъ скучать... онъ самъ содержитъ своихъ любовницъ, но не заставляетъ государство содержать ихъ, онъ обременяетъ долгами себя, но не Францію... если онъ открылъ имъ Палероаль, за то закрылъ совершенно ворота Тюильери... онъ не позволяетъ своимъ любовницамъ приближаться къ королю.... придворные пользуются его милостями, но не имѣютъ на него никакого вліянія... ни вино, ни любовь не дѣйствуютъ на регента, и онъ никогда не говоритъ съ своими любовницами о государственныхъ дѣлахъ.»

Мы думаемъ, что обязанность регента состояла въ томъ, чтобы уменьшать зло, а не увеличивать его. Женщина составляетъ могучій органъ развитія общества и развращая ее, заставляетъ терять чувство сознанія своего достоинства, герцога развращалъ общество. Много надо пустоты душевной, чтобы довольствоваться такими собесѣдниками, какими довольствовался регентъ. Порочность ихъ и грубая чувственность имѣла источникъ въ неразвитости и эгоизмѣ; это не былъ итальянскій эпикуреизмъ среднихъ вѣковъ, нѣтъ это скорѣе можно назвать казарменнымъ развратомъ. Герцога по образованію и талантамъ стоялъ несравненно выше своихъ друзей, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ жертвовалъ ими волѣ Дюбуа, который изъ всѣхъ ихъ былъ все-таки самый способный. Воспитавъ Филиппа, зная всѣ его слабости, онъ дѣлалъ изъ него, что хотѣлъ. Такимъ же вліяніемъ, только въ меньшей степени, пользовались и другіе его собутыльники и любовницы.

Гено обѣщалъ 100,000 экю Носе и мадамъ де-Параберъ, если за откупъ заплатитъ не болѣе миліона — желаніе его было исполнено.

Аббатъ Бролю похвалилъ регенту одно вино; тотъ захотѣлъ попробовать, и когда аббатъ прислалъ ему 300 бутылокъ, спросилъ его о цѣнѣ. Бролю прислалъ счетъ, означивъ въ немъ отдѣльно: пробки, воскъ, корзины и проч. и въ заключеніе по-

ставилъ въ итогѣ: аббатство Монъ-сенъ-Мишель — и онъ получилъ его.

Мнѣніе г. Лескура о томъ, что любовницы регента ничего не стоили Франціи, еще неосновательнѣе. Если онъ тратилъ свои деньги, то откуда же бралъ ихъ, какъ не съ того же народа, который постоянно обманываемый и постоянно довѣрчивый наконецъ сдѣлался жертвой Лоу; Филиппъ и дворъ знали это, но позволяли грабить бѣдный невѣжественный народъ. Сверхъ того мы сомнѣваемся, чтобы герцогъ изъ одного своего состоянія могъ раздать столько денегъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, во что обходились ему любовницы. Мадамъ д'Аржантонъ стояла до *двухъ милліоновъ ливровъ*, Мадамъ Параберъ получила въ первое знакомство съ регентомъ брилліантъ въ 2000 ливдоровъ и коробку въ 200 ливдоровъ; а потомъ въ одинъ годъ купила имѣній на *1,400,000 ливровъ*; мадамъ д'Авернъ получила на первомъ свиданіи 100,000 ливровъ; потомъ на покупку платья еще 100,000 ливровъ; за тѣмъ ей было назначено 3,000 ливровъ на столъ ежемѣсячно и сверхъ того она получала до 22,000 ливровъ дохода съ дома въ Парижѣ. Мужъ ея былъ сдѣланъ губернаторомъ въ Беарнѣ съ жалованьемъ въ 12,000 ливровъ и получилъ красную ленту. Этихъ примѣровъ, надѣмся, довольно: десятки любовницъ и устройство незаконнорожденнаго его потомства стоили герцогу нѣсколько милліоновъ, но онъ со врожденнымъ ему эгоизмомъ старался удовлетворить только окружающій его міръ, въ которомъ даже самое раскаяніе выходило не изъ разумнаго сознанія неправильности дѣйствій, но изъ внѣшняго побужденія, изъ обманутаго честолюбія или разстроеннаго здоровья.

Примѣръ герцога дѣйствовалъ заразительно и 1721 годъ оказался роковымъ для брачныхъ союзовъ. Карлъ Лоренскій, Лотрекъ, кавалеръ д'Эстанжъ стояли на первомъ планѣ, за ними пестрѣтъ цѣлая фаланга менѣе знатныхъ людей, разведенныхъ со своими женами. «Что сказать объ этомъ циническомъ равнодушіи, восклицаетъ Матвѣй Маре, о равнодушіи, которое составляетъ многихъ мужей нашей эпохи, такъ богатой нравственными феноменами, презирать брачныя права и гордиться безплодіемъ своихъ женъ?»

Въ чемъ же состояло спасительное вліяніе регента? какіе благодѣтельные плоды принесло Франціи. Сношенія высшаго круга

съ буржуазіей ограничилось сближеніемъ его съ актрисами, самымъ испорченнымъ классомъ общества. За ними, а пожалуй, и впередъ, ихъ стояли капиталисты, генеральные фермеры и акціонеры. Желаніе пожить на чужой счетъ занимало вельможъ французскаго двора не меньше хорошенкаго личика.

Политика регента состояла въ обманѣ, въ пользованіи тайною полиціей, которая стараніями неразборчиваго Дюбуа, предсѣдала у Фильонъ.

Доброта Филиппа походила скорѣе на равнодушіе къ общественному мнѣнію, чѣмъ на гордое презрѣніе великаго человѣка, полнаго увѣренности въ своихъ силахъ и правахъ; ее можно скорѣе считать плодомъ политическаго разсчета, чѣмъ сознанія въ своей невинности. Не смотря на то, принужденное хладнокровіе регента не выдерживало: онъ пугался печатнаго листа и прибѣгалъ къ карательнымъ мѣрамъ: Ламоть принужденъ былъ бѣжать въ Голландію за проповѣдь противъ регента; Вольтеръ и Шансель ла-Гранжъ попали за стихи свои въ тюрьму, и послѣдній только бѣгствомъ могъ спастись отъ вѣчнаго заключенія. Берлингемъ и Ришельё, герои той эпохи, друзья регента, тоже сидѣли въ Бастиліи. Г. Лескюръ говоритъ, что они были посажены за неуваженіе къ правителю Франціи, что Филиппъ строго отдѣлялъ оскорбленія, нанесенныя ему какъ частному лицу отъ оскорбленій политическихъ. Но странно требовать уваженія, когда не заслуживаешь его. Уваженіе, какъ и всѣ чувства человѣческой природы, должно быть добровольно; обнаруживаясь по приказанію, оно переходитъ въ лицемеріе и кромѣ нравственнаго вреда не приноситъ ничего. Какого уваженія могъ ожидать регентъ при своихъ нравахъ? Въ чемъ же состояли достоинства Филиппа Орлеанскаго? Простота обхожденія, приобретенная имъ во время походной жизни, отличалась, какъ мы уже замѣтили, казарменнымъ динизмомъ; доброта была весьма сомнительнаго свойства; управленіе состояло въ обманѣ и грабежѣ народа; какъ человѣкъ, онъ отличался сухостью сердца и непростительнымъ эгоизмомъ. Въ опроверженіе этого указываютъ на дружбу съ нимъ герцога Сень-Симона; но это была дружба двухъ умныхъ людей; герцогъ и самъ не отличался большою теплотою чувства, и не слишкомъ полагался на своего друга, что доказывается страхомъ его въ дѣлѣ противъ Сери; въ случаѣ не успѣха онъ опасается ея мщенія.

Въ чемъ же, еще разъ спросимъ, состоятъ достоинства Регента? Въ военномъ талантѣ, а главное въ томъ, что онъ правилъ послѣ Людовика XIV.

Представляя намъ картину регентства, г. Лескюръ нарисовалъ цѣлую галерею портретовъ, большею частью вѣрно очерченныхъ, но главное лицо не похоже; художникъ слишкомъ польстилъ ему и нѣкоторыя тѣни положены не вѣрно.

Вообще о сочиненіи г. Лескюра можно сказать, что оно представляетъ занимательное чтеніе, хотя не отличается ни глубокою взглядовъ, ни смѣлостью выводовъ. Отсутствие общей идеи, проведенной черезъ все сочиненіе, слишкомъ замѣтно; видно, что автора занимали болѣе второстепенныя подробности, и издавая въ свѣтъ свою книгу, онъ имѣлъ въ виду дать только новый матеріалъ для исторіи регентства, но не самую исторію этой эпохи.

Вредное вліяніе системы воспитанія, принятой Филиппомъ для Людовика XV, не замедлило обнаружиться. Вильруа заботился только о томъ, чтобы король твердо зналъ свою генеалогію и права верховнаго сана, но ни слова не говорилъ о его обязанностяхъ. Аббатъ Флѣри старался все представить ему въ розовомъ свѣтѣ, окружилъ его бездарными преподавателями, убилъ въ немъ волю и поселилъ боязнь къ женщинамъ.

Но природа не замедлила взять свое; молодой король подчинился ея вліянію, но, обратившись къ придворнымъ, развращеннымъ въ прошлую эпоху, нашелъ противоестественное удовлетвореніе своимъ желаніямъ въ ихъ сообществѣ.

Бракъ съ Маріей Лешинской не переродилъ вялую эгоистическую натуру короля. Дочь Станислава, воспитанная въ самыхъ строгихъ правилахъ, отличалась кротостью и религіозностью и не имѣла ни одного изъ блестящихъ свѣтскихъ качествъ тогдашнихъ придворныхъ дамъ. Король скоро охладѣлъ къ ней, она любила уединеніе, семейную жизнь, общество старыхъ ханжей—Людовикъ же искалъ развлеченія: лѣнивый по природѣ и по воспитанію, онъ требовалъ даже въ удовольствіяхъ толчка; онъ желалъ, чтобы другіе изобрѣтали, приготовляли ихъ, а ему оставалось бы только пользоваться ими; прежде всего онъ хотѣлъ,

чтобъ ничто не нарушала его спокойствія, и по этому не вѣдигъ не во что и держался однажды принятой системы; уступивъ онъ дѣлалъ, чтобы отвязаться отъ безпрестанныхъ требованій своихъ любовницъ и министровъ — вообще онъ представлялъ драгоценную находку для придворныхъ — оставалось рѣшить вопросъ, кто будетъ управлять имъ.

Кардиналь Флѣри также принялъ участіе въ этомъ семейномъ заговорѣ *). Выборъ его палъ на г-жу Мальи, дочь Маркиза де-Нель (Nesle).

Съ помощью Ришельё ему удалось осуществить свои намѣренія. Но владычество этой любовницы продолжалось недолго. Ревность ея надоѣла королю; шутки придворныхъ надъ постоянствомъ его страсти сердили его и возбуждали тщеславіе, новая любовь вкрасалась въ его сердце, и онъ поспѣшилъ разстаться съ фавориткой. Этимъ она была обязана сестрѣ своей Фелиситѣ де-Нель. Съ раннихъ лѣтъ духъ честолюбія овладѣлъ этой молодой дѣвушкой, воспитанной въ стѣнахъ Портъ-Рояля. Еще тамъ говорила она о возможности побѣды надъ королемъ и удивляла такой смѣлостью и увѣренностью своихъ подругъ; она знала, что была далеко не красавица, но знала также и силу своего ума и кокетства. И вотъ всякій день она пишетъ къ сестрѣ, умоляетъ ее взять къ себѣ, говоритъ о своихъ привязанностяхъ и взглядахъ на жизнь съ наивностью избалованнаго ребенка.... Мадамъ де-Мальи не устояла и пригласила сестру ко двору. Молодая соперница скоро восторжествовала надъ старой фавориткой, и подчинила себѣ короля окончательно. M-lle de Nesle сдѣлалась графиней Вэнтимиль, и съ-тѣхъ-поръ связь ея съ Людовикомъ сбросила послѣдніе покровы стыдливости. Мадамъ де-Мальи счастливой считала себя, что могла раздѣлять власть сестры своей: соединенныя общими выгодами, эти двѣ женщины пытались создать въ королѣ самостоятельность; ловкость графини Вэнтимиль была такъ велика, что она едва не успѣла въ этомъ. Смерть остановила ея побѣды и мадамъ де Мальи осталась одна. Но сердце Людовика уже болѣе не возвращалось къ ней. Гра-

*) Причины этого заключались въ томъ, что королева хотѣла возвратитъ герцога Бурбона, бывшаго первымъ министромъ прежде Флѣри. Сверхъ того, любовныя интриги Людовика обезпечивали кардиналу полное управленіе государствомъ.

финѣ Вэнтимиль наследовала другая сестра ея, мадамъ де-Турнель, впоследствии герцогиня де-Шатору. Легковѣрная Малье сама представила ее ко двору. Ришельё и д'Аржансонъ, любовникъ прежней фаворитки рѣшили ее на это. Напрасно кардиналъ Флѣри, разгадавъ интригу, давалъ благоразумные совѣты легкомысленной женщинѣ. Впечатлительная и страстная, она была вполне предана д'Аржансону, и не послушалась министра. Этимъ она нанесла себѣ смертельный ударъ; первымъ требованьемъ мадамъ де-Турнель было удаленіе сестры. Вступивъ въ союзъ съ герцогомъ Ришельё, она управляла съ-тѣхъ-поръ королемъ неограниченно. Изучивъ его характеръ и показывая равнодушіе къ дѣламъ государственнымъ, она постоянно имѣла на нихъ вліяніе; зная его мелочную скупость, она не требовала изъ казны денегъ, выжидая удобнаго случая получить сразу большую сумму; до-тѣхъ-же-поръ довольствовалась не многимъ; она образовала партію изъ Ришельё, Ноаль, Ори, д'Аржансона и такимъ образомъ противодействовала вліянію партіи Морена.

Скоро ожиданія ея оправдались, и король богатыми подарками расплатился за скупость. Оставалось поставить свою партію въ главѣ правленія и примириться съ народомъ, который постоянно ненавидѣлъ фаворитокъ. Для этого она хотѣла «воскресить короля, возвратить государству монарха отнятаго у королевы, вооружить его на защиту чести короны и благосостоянія народа, и самой смѣло идти рядомъ съ нимъ, какъ побѣда; быть вдохновительницей его мужества, голосомъ его славы; обезоружить эпиграммы Франціи побѣдными молебнами Notre-Dame.» Таковы были желанія герцогини де-Шатору. Враждебная ей партія сочувствовала этимъ видамъ; она надѣялась удалить маршала Ноаля отъ двора и приписать себѣ успѣхи компаніи.

Война началась. Король скоро явился въ армію, но любовница его осталась въ Парижѣ. Впрочемъ она не отчаявалась, зная характеръ Людовика, который не умѣлъ отрѣшиться отъ однажды принятыхъ привычекъ. И дѣйствительно онъ соскучился по ней, и былъ невыразимо радъ свиданію съ нею въ Лигѣ. Общественное мнѣніе громко выразилось противъ такой слабости, но король не обращалъ на него вниманія. Не долго пользовалась мадамъ де-Шатору своими успѣхами. Опасная болѣзнь короля заставила его обратиться къ небу; все, что говорили ему объ адѣ, проснулось въ его встревоженной душѣ, и онъ рѣшился

исповѣдаться и причаститься. Партія принцевъ, съ помощью королевскаго духовника, заставила умирающаго Людовика отослать фаворитку. Она удалилась, полная гнѣва и мщенія, сопровождаемая насмѣшками и свистками толпы. Но скоро звѣзда счастья снова возшла надъ ней; король выздоровѣлъ и обратился къ прежнимъ привычкамъ. Приѣхавъ въ Парижъ, онъ старался примириться съ разгнѣванной герцогиней, но она провела его чрезъ всѣ пытки женскаго кокетства, прежде чѣмъ рѣшилась возобновить прежнія отношенія. Она заставила короля явиться къ ней съ извиненіями лично; она требовала удаленія Морепа и другихъ враговъ своихъ — Людовикъ готовъ былъ согласиться — но неожиданная смерть ея разрушила эти надежды.

Такъ окончилось владычество семейства де-Нель. Любовь трехъ сестеръ не принесла ни малѣйшей пользы Франціи — напротивъ она истощила ее. Слава, купленная по внушеніямъ г-жи Шатору, стоила многихъ жертвъ и крови — и возвысила только нѣсколькихъ придворныхъ.

По смерти прежней любовницы, король обратился къ женѣ своей; но Марія Лепчинская не умѣла воспользоваться этимъ обращеніемъ, и оттолкнула отъ себя мужа навсегда. Еще болѣе прежняго предалась она набожности и уединенію. Цѣлое утро проходило въ молитвѣ и чтеніи душеспасительныхъ книгъ, за тѣмъ слѣдовало месса, а за нею обѣдъ; послѣ обѣда королева занималась выпиваньемъ или вязала мелкія вещицы для благотворительныхъ заведеній; музыка была оставлена ею совершенно, мѣсто ея замѣнили историческія чтенія, которыя продолжались до ужина; потомъ собирались къ королевѣ друзья ея: герцоги де-Лювнь, Шеврезъ съ своими женами, президентъ Гено, Монкрифъ и другіе. Молчаливо сидѣли они за столомъ, или перебрасывались односложными словами; иногда только это однообразіе прерывалось громкимъ голосомъ кардинала де-Лювнь, который, погрузившись въ дремоту, воображалъ, что засѣдаетъ въ консисторіи.

Естественно, такое общество не могло нравиться Людовику, и онъ снова сталъ искать удовольствій въ другомъ кругу.

Дѣвица Пуассонъ была дочерью одного мясника, принужденнаго бѣжать за обманъ въ поставкѣ. Жена его, урожденная

Ламоть, (la Mothe) въ минуту рожденія дочери находилась въ связи съ г. Ленорманомъ де Турнегемомъ. Онъ далъ блестящее воспитаніе молодой дѣвушкѣ: она прекрасно знала музыку и рисовала; сверхъ того умѣла гравировать; наружность ея имѣла въ себѣ что-то симпатичное: подвижное выразительное лицо, кожа прозрачной бѣлизны, живые огненные глаза, великолѣпные каштановые волосы, маленькія руки, гибкая стройная талія, пропорциональность во всѣхъ частяхъ — такова была молодая Пуассонъ. Толпа вздыхателей окружала ее; однимъ изъ самыхъ усердныхъ былъ Ленорманъ д'Этиоль, племянникъ ея благодѣтеля. Она предпочла его другимъ искателямъ и вышла за него замужъ. Избранное общество собиралось къ новобрачнымъ въ ихъ имѣніе Этиоль; Фонтенель, Мопертюи, Вольтеръ были въ числѣ гостей и не разъ съ удовольствіемъ вспоминали время проведенное ими у г-жи д'Этиоль.

Но молодая женщина, не смотря на всю привязанность своего мужа, не любила его: расчетливая, холодная, честолюбивая, она смотрѣла на бракъ какъ на первый шагъ къ возвышенію. Ей было предсказано мадамъ Лебонъ, одной изъ извѣстныхъ тогдашнихъ гадалщицъ, что она будетъ любовницей короля. Дѣвицѣ Пуассонъ было тогда девять лѣтъ, но это предсказаніе запало въ ея сердце, и она стремилась осуществить его....

Наконецъ желанія ея исполнились: она заняла мѣсто мадамъ де-Шатору.

Аристократія возстала за свои привилегіи. Эта неровная любовь короля, эта новость, любовница-высочка, женщина безъ громкаго имени, располагающая королевскими милостями — возбудила такое негодованіе, что многіе думали, что новая любовница должна будетъ уступить бурѣ.

Вся ненависть аристократіи къ обогащенію и возвышенію буржуазіи обратилась на эту мѣщанку, осмѣлившуюся похитить сердце, котораго даже слабости должны были принадлежать женщинамъ благороднымъ, версальскому міру.

Намъ кажется въ этихъ словахъ скрывается разгадка дѣйствительнаго поведенія мадамъ де-Помпадуръ: поставленная во враж-

дебное отношеніе къ аристократіи, она, естественно, должна была искать опоры въ томъ кругу, въ которомъ родилась и воспитывалась, стараясь присоединить къ нему ренегатовъ аристократіи. Принцъ Конти, честолюбивый и запутавшійся въ долгахъ, былъ преданъ ей безусловно; братья Парисъ, знаменитые банкиры того времени — также; семейство Ноаль, привыкши быть на сторонѣ фаворитокъ, послѣдовало и въ этотъ разъ своему правну; герцогъ Сэнъ-Северень, маркизъ Пюисье и Жанелль, служившій въ экспедиціи распечатыванія писемъ, сдѣлались союзниками г-жи д'Этиоль.

Съ другой стороны Морепа, д'Аржансонъ, Машо, Понъ де-Вейль (Pont de Veyle), Кайлюсъ (Caylus) были смертельные непріатели маркизы: дофинъ оказывалъ ей холодное презрѣніе, д'ходившее иногда до грубости; Ришельё не скрывалъ своего неудовольствія и на всякомъ шагу досаждалъ новой фавориткѣ. Сатирическія пѣсенки язвили ее, интрига плела сѣти со всѣхъ сторонъ, надѣясь запутать ее, но она была тверда кредитомъ Париссовъ умомъ Вольтера, и безхарактерностію короля. Въ этой борьбѣ маркизы де-Помпадуръ съ министрами, удары падали большей частію на второстепенныя лица; печать сдѣлалась страшнымъ оружіемъ въ рукахъ противниковъ и главное гоненіе было на нее. Какая-бы партія ни торжествовала — либеллисты во всемъ были виноваты, какъ будто они заставляли нарушать всѣ законы справедливости, какъ будто пороки двора происходили отъ нихъ. Они говорили о томъ, что было извѣстно всѣмъ, но вина ихъ была та, что они доводили до свѣдѣнія короля обо всѣхъ злоупотребленіяхъ. Никогда ни въ одной странѣ печать не производила революцій; вездѣ онѣ были слѣдствіемъ фактовъ, слѣдствіемъ угнетеній и несправедливости. Печать возвышала свой голосъ, чтобъ предупредить грозящія бѣдствія, а между тѣмъ ее обвиняли въ возбужденіи народнаго неудовольствія. Какъ будто народъ такъ глупъ, что прочитавъ какую нибудь книгу — схватитъ оружіе и бросится на площадь. Двигатели народныхъ возстаній говорили не изъ книги, а изустно; вытерпѣвъ въ душѣ все, что вытерпѣлъ народъ, они находили въ сердцахъ своемъ то неотразимое краснорѣчіе, которое увлекаетъ массы!...

Но придворные Людовика XV, думали не такъ: всякое уязвленіе своего мелкаго самолюбія они считали преступленіемъ и пре-

слѣдовали литературу. Маркиза изъ личныхъ видовъ защищала ее — и борьба изъ сферы дворцовыхъ интересовъ переходила въ сферу государственную.

Мадамъ де-Помпадуръ знала, что въ основѣ характера короля лежитъ скука, и, развлекая его, управляла имъ самовластно. Гг. Гонкуръ думаютъ, что Людовикъ представлялъ олицетвореніе своего времени: что зло, охватившее человѣчество въ эту эпоху, была скука, совершенное пресыщеніе и разочарованіе, парализація желанія и воли. Мы думаемъ, что это справедливо только относительно короля. Отличительная черта XVIII вѣка скептицизмъ. Старые идолы оказались негодными; общество бросило ихъ, но не находило новыхъ; завѣтная будущность представлялась въ неясныхъ очеркахъ, между тѣмъ духъ анализа работалъ. Сомнѣніе нельзя назвать скукою, хотя оно мучительно не менѣе ея. Изъ сомнѣнія вытекаетъ истина, изъ скуки ничтожество. Сомнѣніе признакъ развивающагося духа, скука признакъ нравственнаго упадка, истощенія духовныхъ силъ. Мыѣніе гг. Гонкуръ справедливо только въ примѣненіи къ одной части французскаго общества: аристократіи и разжившейся буржуазіи. Эти привилегированные классы, пользуясь своей властью и связями, позволяли себѣ все: утратили уваженіе ко всѣмъ нравственнымъ законамъ; наслажденіе во-что бы то ни стало — было ихъ девизомъ: скука пожирала ихъ потому, что они были не образованы и не могли направить дѣятельности своей къ общеплезнымъ цѣлямъ; не могли въ наукѣ и искусствѣ найти лѣкарства отъ терзавшаго ихъ недуга; къ первой они были не приготовлены, плоды ея казались горькими для ихъ извращеннаго вкуса, отъ втораго требовали они развлечения, но не эстетическаго наслажденія, которое достается въ удѣлъ только натурамъ развитымъ. Другая половина Франціи страдала — не станемъ говорить о ея страданіяхъ, чтобы не повторять уже сказаннаго въ прежнихъ книжкахъ Русскаго Слова. (См. Тѣрго.) Только среднее сословіе составляло исключеніе: изъ среды его стали появляться люди мысли и слова. Великое умственное движеніе начинало приносить плоды. Помпадуръ представляла въ себѣ соединеніе этихъ разнородныхъ элементовъ. Принадлежа по образованію и рожденію буржуазіи, она, по общественному положенію, принадлежала къ аристократіи. Поставленная въ эту испорченную среду, она заразилась ея пороками тѣмъ скорѣе, что сердце ея давно уже высохло отъ честолюбія. Чего только не

позволяла себѣ эта женщина, втеченіе своего двадцатилѣтняго владычества? Ей было не довольно управлять королемъ—она хотѣла управлять государствомъ подобно Мэntenонъ. Придворныя интриги и жажда мести за насмѣшки Фридриха II, заставили ее вовлечь Францію въ семилѣтнюю войну. Потеря Канады и части Луизианы въ Америкѣ, потери въ Индіи и Сенегалѣ, уничтоженіе укрѣпленій Дюнкверена, истребленіе больше половины флота, пораженія при Деттингенѣ и Росбахѣ — вотъ чего стоила королевская любовница государству.

Она готова была на все для удержанія за собою мѣста *). Она прибѣгала къ возбуждающимъ напиткамъ и дѣлала надъ собою сверхъестественныя усилія, чтобъ не дать замѣтить королю перемѣны, произведенной въ ней лѣтами. Но природа взяла свое и тогда, видя невозможность удержать Людовика долѣе въ своихъ сѣтяхъ, она стала доставлять ему любовницъ и съ этой пѣлью учредила знаменитый *Parc aux cerfs*. Авторы разбираемой нами книги уменьшаютъ его значеніе: они говорятъ, что этотъ домикъ вмѣщалъ въ себѣ только четыре комнаты и нѣсколько кабинетовъ, и слѣдовательно могъ содержать не болѣе двухъ или трехъ женщинъ; но даже допустивъ справедливость ихъ мнѣнія, мы находимъ, что гнусность поступка отъ этого не меньше. Они не опровергли инструкцій данныхъ Лебелю (камердинеру Людовика) для того, чтобы интенданты оказывали ему всѣ пособія для отысканія и доставленія красавицъ въ «Олений Паркъ», они не опровергли безумныхъ издержекъ короля для содержанія этого гарема, — въ которомъ иногда растлѣвались дѣвушки тринадцати лѣтъ. Они уменьшили только число жертвъ, но не уничтожили подлости побужденій, которымъ онѣ приносились: если они не приняли большихъ размѣровъ, это надо приписать физической слабости короля, но никакъ не челоуѣколюбію палачей!.

Время не посвященное удовольствіямъ проходило у маркизы въ интригахъ, въ борьбѣ съ министрами. Принужденныя защи-

*) «Elle recourait aux irritants, aux excitants aux herbes et aux philtres que l'orient prête à la médecine pour donner la fièvre à l'amour. Elle leur demandait le zèle et les forces de son rôle de courtisane, la moitié de son métier de favorite... un jour vint où ce corps de favorite, tourmenté et amaigri forcé au plaisir et à bout de forces, se déroba sous la volonté de la femme». (268.)

щаться, они все время употребляли на отраженіе ударовъ, оставляя государственныя дѣла въ небреженіи.

Сравнивая добро сдѣланное маркизою, со зломъ, котораго служила она источникомъ, мы видимъ, что послѣднее несравненно перевѣшиваетъ первое, особенно если будемъ разсматривать причины дѣйствій. Устройство севрской фарфоровой фабрики, свадьбы, которыя она устроила въ Креси, не могутъ перевѣсить придворнаго разврата и раззоренія Франціи. Покровительство маркизы энциклопедистамъ и Мирабо — было защитой партіи, политическимъ расчетомъ, но не слѣдствіемъ уваженія къ человѣческой личности и свободѣ слова, какъ нѣкоторыя думаютъ: она слишкомъ высоко ставила себя и слишкомъ низко цѣнила другихъ, чтобъ возвыситься до такого пониманія, хотя безпрестанно слышала о правахъ человѣка. За самыя мелкія оскорбленія она мстила ужасно, и тридцати-четырехлѣтняя неволя Латюда останется навсегда чернымъ пятномъ на ея памяти.

За маркизой де-Помпадуръ слѣдовала графиня дю-Барри. Она была незаконною дочерью Анны Бекю (Bequs) и родилась 19-го Августа 1743 года. Мать ея, доведенная до крайности, обратилась къ г. Дюмонсо, который состоялъ въ духовномъ родствѣ съ ней. Онъ помѣстилъ молодую дѣвушку къ своей любовницѣ. Та пашла, что она слишкомъ быстро хорошеетъ и отдала ее въ общину св. Оры (Sainte-Aure). Это была община, устроенная съ цѣлью предупредить паденіе молодыхъ особъ. Простота, бѣдность, трудъ, молчаніе строго наблюдались въ ней. Жанна Бекю не могла подчиниться этимъ правиламъ; безпрестанныя наказанія нисколько не исправляли ее, и директриса рѣшилась отослать ее домой. Фредерика (любовница Дюмонсо) выгнала мать и дочь отъ себя, потому будто-бы, что первая находилась въ связи съ монахомъ Пикпусомъ Гомаромъ, истинною же причиною была зависть къ прелестямъ молодой Жанны.

Выгнанная на улицу, она занялась продажей галантерейныхъ товаровъ: съ маленькой коробкой, наполненной шурками, табакерками, пюльками ходила она изъ дому въ домъ: сколько оскорбленій, сколько обидныхъ предложеній ожидало ее... Наконецъ она поступила компаньонкой къ г-жѣ Лагардъ, по рекомендаціи отца Гомара, который былъ суфлеромъ при домашнемъ театрѣ этой барыни. Сыновья ея стали влюбляться за хорошенькой Жан-

ной, и она была снова изгнана; потомъ она поступила прикащицей въ модный магазинъ, познакомилась съ содержательницей игорнаго дома — и наконецъ заняла мѣсто султанши въ сералѣ графа дю-Барри.

Это былъ мотъ, игрокъ, кутила, но человѣкъ съ способностями. Онъ вступилъ въ тѣсныя отношенія съ Лебелемъ и Ришелье... Скоро король узналъ, что женщина, которой онъ интересовался, не замужемъ и не принадлежитъ къ привилегированнымъ классамъ общества. Онъ приказалъ Лебелю устранить эти препятствія. Жанъ дю-Барри, получивъ это извѣстіе, немедленно выписалъ изъ Тулузы брата своего Гильома, который съ радостью согласился на этотъ бракъ... На другой день послѣ свадьбы мужъ уѣхалъ въ Тулузу, а жена заняла комнаты Лебеля въ Версали, расположенныя надъ комнатами короля.

Блескъ и роскошь окружила новую фаворитку, но это казалось ей недостаточнымъ. Для полноты торжества необходимо было представленіе ко-двору. Герцогъ Шуазель всѣми мѣрами противился этому, но интрига Ришелье и Жана дю-Барри умѣла доставить ей крестную мать въ лицѣ графини де-Беарвъ.

Съ-этихъ-поръ началась борьба между партіями Шуазеля и герцога Эгильона. Сама мадамъ дю-Барри неохотно вмѣшивалась въ эти безпрестанныя интриги враждующихъ сторонъ: она была слишкомъ легкомысленна и безпечна, чтобъ принять въ нихъ дѣятельное участіе; и слишкомъ любила удовольствія; но Жанъ дю-Барри зналъ опасность своего положенія, зналъ что съ паденіемъ фаворитки разлетятся какъ дымъ его завѣтныя мечты, и потому безпрестанно подстрекалъ ее, училъ какъ вести себя въ отношеніи къ королю, какъ наносить удары непріятелю. Борьба кончилась паденіемъ Шуазеля и министерствомъ Эгильона; вмѣстѣ съ этимъ восторжествовала и реакціонная партія. Франція быстрыми шагами приближалась къ революціи. Смерть Людовика XV прекратила владычество дю-Барри: она была сослана въ монастырь, а потомъ получила позволеніе оставить его, но съ тѣмъ, чтобъ жить не ближе десяти миль отъ Парижа и Версаля.

Такимъ образомъ всѣ эти женщины изъ высшаго, средняго и низшаго сословія своимъ тщеславіемъ, жадностью и неразвѣтностью убили королевство, компрометируя волю короля и унижая

его достоинство. Еще раз повторимъ мы, что женщина во Франціи не могла получить въ то время хорошаго воспитанія: монастырская исключительность, развратъ двора, невѣжество массы, преданія католицизма, воскресшія по случаю яansenистскихъ конвульسیونеровъ — вотъ среда, въ которой должна была обращаться бѣдная женщина. Ни наука, ни общество не давала пищи ея сердцу: первая разбивала всѣ ея вѣрованія, вонзала анатомическій ножъ въ самыя сокровенныя складки сердца; второе не уважало ее, оно преклонялось предъ ней сегодня, а завтра топтало въ грязь: оно видѣло въ ней игрушку, а не живое существо, равное въ правахъ своихъ съ мужчиной. Герцогъ де-Тремъ считалъ за честь называться обезьяной мадамъ дю-Барри; герцогъ Орлеанскій обращался къ этой куртизанкѣ, чтобъ черезъ ея посредничество получить позволеніе на бракъ съ мадамъ де-Монтессонъ; принцъ Конде, герцогъ Шартрскій также прибѣгали къ ней изъ личныхъ выгодъ. Но стоило упасть женщинѣ и всѣ возставали противъ ней. Стоитъ только вспомнить сцену въ Мецѣ съ герцогиней Шатору.

Мудрено ли послѣ этого, что женщина изъ науки выносила только понятія о римскихъ оргіяхъ, и подобно мадамъ Тансэнтъ истощала всю силу разнузданнаго воображенія на возобновленіе и усовершенствованіе ихъ.

И такъ всѣ эти женщины вмѣсто того, чтобы исполнять свое призваніе: возродить гибнувшее общество, погружали его еще болѣе въ отчаянное положеніе. Избытокъ ума и недостатокъ чувства — отличительныя черты этихъ граціозныхъ образовъ. Страшныя слѣды оставили онѣ въ государственномъ и моральномъ положеніи Франціи. Любовницы Людовика стоили несравненно дороже ей, чѣмъ любовницы регента. Мадамъ де-Помпадуръ получила до тридцати-шести милліоновъ, ея преемница двѣнадцать; а Жанъ дю-Барри хвалился, что онъ издержалъ до восемнадцати милліоновъ ливровъ, пока жена брата его была въ милости. И это въ то время когда Франція стонала отъ несчастныхъ войнъ и дурнаго управленія; когда 50,000 нищихъ безъ хлѣба, одежды и пріюта блуждали по большимъ дорогамъ. Издавая законы, король самъ первый нарушалъ ихъ; желая казаться вѣрнымъ сыномъ церкви, уважающимъ ея уставы, онъ безпрестанно противорѣчилъ себѣ поступками. Вообще о немъ можно сказать, что вся жизнь его была безпрестанное противорѣчіе.

Пагубныя слѣдствія системы Лудовика XIV принесли свои плоды. Народъ непросвѣщаемый, но развращаемый правительствомъ, сбросилъ съ себя вѣковыя оковы и омылъ кровью разбитую цѣпь свою. Если революція была безжалостна, и десятки тысячъ заплатили головами за то, что происходили отъ притѣснителей — это надо приписать накопившемуся и долго скрываемому чувству мести. Образование не явилось, чтобъ смягчить ужасы возмездія — и кто-жъ виноватъ въ томъ?.. Мадамъ дю-Барри очистительною жертвою легла на эшафотъ, какъ будто за то что не заботилась объ этомъ народѣ, который теперь вель ее на казнь. Она имѣла вліяніе на короля, какъ и ея предшественницы: она могла обратить его намѣренія на пользу народа, на просвѣщеніе его; но ни она, ни прежнія фаворитки не сдѣлали этого; если въ ихъ головы и закрадывалась когда нибудь мысль о благосостояніи родины, они понимали его не иначе, какъ въ завоеваніяхъ и блестящихъ подвигахъ; они не хотѣли понять сколькихъ слезъ, проклятій и крови стоилъ всякій порывъ ихъ честолюбія — и когда пришла пора расплаты, одни заплатили жизнью, за другихъ расплатились потомки — а исторія наложила на этихъ безстыдныхъ женщинъ позорное клеймо навсегда.

В. ПОПОВЪ.

С М Ъ С Ь.

О жизни и трудахъ А. Токвиля.

1.

Во Франціи, по дорогѣ изъ Парижа въ Шербургъ, доселѣ сохранился одинъ старинный замокъ, замѣчательный великолѣпнымъ мѣстоположеніемъ и остатками феодальной эпохи. Въ этомъ замкѣ родился знаменитый публицистъ нашего времени — Алексѣй Токвиль.

Древняя благородная фамлія, изъ которой онъ происходилъ, питавшая глубокое уваженіе къ законной монархіи, хотѣла въ тѣхъ же самыхъ чувствахъ воспитать и молодого Токвиля. Но это намѣреніе не удалось, и онъ усвоилъ себѣ идеи широкія и благородныя, болѣе либеральныя, чѣмъ идеи стараго правленія. Ребенокъ быстро воспользовался первыми уроками матери, и скоро отъ опеки учителей и семейства, перешелъ къ самостоятельному и серьезному образованію. Въ концѣ реставраціи Токвиль назначенъ былъ судьей—аудиторомъ въ Версали, въ томъ самомъ городѣ, въ которомъ отецъ его былъ префектомъ. Молодой, даровитый, съ пріятною фizioноміей и мастеръ говорить, казался, Токвиль по своему рожденію и богатству могъ положиться на судьбу. Но онъ былъ подверженъ двумъ недостаткамъ, отъ которыхъ никогда не справился, недостаткамъ, которые не тревожатъ посредственность, но часто вредятъ людямъ высокаго таланта. Онъ былъ независимаго характера и въ то же время скромнень до застѣчивости. До 1830 года его считали однимъ изъ передовыхъ либераловъ, потому что онъ сочувствовалъ только

министерству Мартинакяка, министерству честныхъ людей, которые возбуждали въ современникахъ столько прекрасныхъ надеждъ; послѣ 1830 года, когда въ рядахъ государственныхъ дѣятелей стало новое поколѣніе, изъ сословія буржуазіи, Токвиль былъ забытъ, какъ человѣкъ, принадлежавшій къ партиі легитимистовъ, по рожденію и воспитанію. Но онъ мало заботился о своемъ возвышеніи на государственной карьерѣ и никогда не чувствовалъ особеннаго призванія быть чиновникомъ.

Какъ бы ни была почетна роль судьи, такую дѣятельную голову не могли удовлетворить занятія прокурора. Въ концѣ 1830 года онъ выпросилъ себѣ безденежную миссію въ Соединенные Штаты для изученія новаго устройства темницъ. (*Les prisons pénitentiaires.*) Въ то время это былъ капитальный вопросъ соціальной реформы. Побѣда 1830 г. вывела на сцену старую конституціонную партию; она съ жаромъ схватилась за благородныя идеи 1789 года, и чтобы обезпечить политическую свободу, рѣшилась дать нравственное образованіе народу. Распространеніе коммунальнаго воспитанія, уничтоженіе или, по крайней мѣрѣ, ограниченіе пауперизма, увеличеніе запасныхъ кассъ, смягченіе уголовного кодекса, возрожденіе преступниковъ къ политической жизни: вотъ нѣкоторые изъ проблемъ, поднятыхъ палатами въ эту эпоху увлеченія революціоннаго энтузіазма. Просьба Токвиля была очень кстати; ее благосклонно принялъ министръ внутреннихъ дѣлъ де-Монталиве. Молодой и полный энергіи, самъ министръ былъ тронуть благороднымъ желаніемъ молодаго Токвиля, изъ любви къ человѣчеству предпринимавшаго далекое путешествіе, по тогдашнему времени трудное и дорогое.

Токвиль отправился въ Августѣ 1831 года. Онъ былъ не одинъ: въ версальскомъ трибуналѣ, у одного изъ чиновниковъ онъ встрѣтилъ Густава Бомона, который достойно оцѣнилъ Токвиля, и тѣсная дружба связала ихъ такъ, что одна смерть могла разорвать на землѣ этотъ священный союзъ. Оба друга хотѣли на мѣстѣ изучить тюремный вопросъ и для этого рѣшились соединить свои труды, мысли и изысканія. Принятые благосклонно Американцами, которымъ пріятно было видѣть людей Стараго Свѣта въ своей школѣ, Токвиль и Бомонъ употребили около года на изученіе Соединенныхъ Штатовъ, и плодомъ ихъ труда было сочиненіе, написанное ими вмѣстѣ и появившееся въ 1832 году подъ заглавіемъ: «Система тюремнаго устройства въ Соединенныхъ Штатахъ, и примѣненіе ея къ Франціи.» Какъ только явилась въ свѣтъ эта книга, ее приняли общими похвалами и

совершенно-заслуженнымъ удивленіемъ — не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ. Увѣнчанная французскою академіей, которая присудила авторамъ Монтюновскую премію, это произведеніе тотчасъ было переведено на англійскій, нѣмецкій и португальскій языки. Оно всегда считалось въ Европѣ классическимъ по этому предмету и вызвало новыя изслѣдованія у другихъ народовъ. Англичане и Нѣмцы не хотѣли оставить безъ вниманія рѣшенія такой важной задачи, поднятой французскою критикою. Уильямъ Крафордъ и докторъ Юліусъ были посланы правительствами англійскимъ и прусскимъ, для новаго изслѣдованія американскихъ тюремныхъ заведеній. Отчеты ихъ только подтвердили наблюденія Токвиля и Бомона, и съ 1835 г. Англія дѣятельно принялась за реформу государственныхъ тюремъ. Во Франціи дѣйствовали не такъ скоро.

Какъ ни была настоятельна необходимость общаго преобразования тюремной системы, правительство однакожь медлило. Отъ судорожной поспѣшности во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, оно скоро перешло къ апатическому и лѣнивому застою. Притомъ, не въ его роли было предупреждать общественное мнѣніе. Но съ одной стороны увеличеніе преступленій, съ другой требованія общественныхъ совѣтовъ и счастливые опыты въ Парижѣ и Лионѣ не позволяли больше медлить. Менѣе, чѣмъ въ девять лѣтъ американскія теоріи уже такъ распространились во Франціи, что палата депутатовъ занялась проектомъ закона о темницахъ. По поводу этого проекта въ палатѣ было два засѣданія, въ которыхъ Токвиль въ оба раза былъ докладчикомъ. Къ сожалѣнію оба засѣданія не привели къ окончательному рѣшенію дѣла. Въ 1843 году, равно какъ и въ 1841, ему предоставлено было защищать передъ судомъ идеи, распространенныя имъ въ Европѣ. Докладъ 1843 года есть ничто иное, какъ сокращеніе и торжество его книги.

Какія же идеи проводить Токвиль, или, лучше, какія идеи проводятся двумя друзьями, потому что ихъ не возможно отдѣлять одного отъ другаго. Перечитывая тюремную систему, теперь, когда уже вопросъ объ улучшеніи нравственности осужденныхъ потерялъ бѣольшую часть своего интереса, я былъ особенно пораженъ дальновидностью выводовъ. Конечно, такимъ молодымъ людямъ, какими были Токвиль и Бомонъ, позволено увлекаться системой, которую они изучили вдали отъ родины, конечно имъ простибельно мечтать о возможности посредствомъ ея исцѣлить всѣ язвы человѣчества, а между тѣмъ они не были

людьми энтузіазма. Ихъ строгая логика и философскій синтезъ отячаютъ совершенной выдержанностью. Предлагая свою реформу, они ожидаютъ отъ нея того, что она дѣйствительно можетъ дать.

Защищаемый ими тюремный порядокъ, есть келейное устройство тюремъ въ Филадельфіи, т. е., раздѣленіе преступниковъ въ отдѣльныхъ камерахъ, какъ на день такъ и на ночь. Это уединеніе нельзя считать полнымъ аскетизмомъ, не допускающимъ возможности труда; наказаніе подобнаго рода было бы невыносимо, какъ это доказано опытами въ Питсбургѣ, гдѣ отъ него должны были отказаться. «Чтобы жить одному надобно быть Богомъ или скотомъ», говоритъ Аристотель; что же сказать о тюремномъ уединеніи, отдѣляющемъ человѣка не только отъ общества, но и отъ подобныхъ ему преступниковъ. Такое заключеніе походило бы на могилу, въ которую закапываютъ живое существо. Оно довело бы до изнеможенія самая крѣпкія натуры, или экзальтировало бы ихъ до безумія. Въ Филадельфіи эта система отвергнута; здѣсь раздѣляютъ преступниковъ такъ, что они не могутъ видѣться между собой, но ихъ не лишаютъ религіозныхъ утѣшеній, ихъ наставляють, и наставляютъ; ихъ учатъ работать, читать, размышлять, стараются пробудить раскаяніе и заставляютъ почувствовать всю мерзость порока, порождаемаго невѣжествомъ или нищетой. Въ основаніи этой системы лежитъ та справедливая идея, что человѣкъ, каково бы ни было его нравственное паденіе, всегда можетъ подняться и исправиться, если его только не лишаютъ необходимыхъ средствъ къ этому возрожденію. Къ тому же, современныя положительныя законодательства, обыкновенно, караютъ виѣшній фактъ, считая его злодѣяніемъ, но мало обращаютъ вниманіе на самый источникъ его. Не имѣя ни одной разумной гарантіи въ приобрѣтеніи и распредѣленіи собственности, они въ то же время, поражаютъ наказаніемъ воровство, какъ будто богачъ, позволяющій бѣдняку умереть съ голоду у воротъ своихъ, менѣе виновать передъ судомъ общества, чѣмъ бѣдная мать похищающая кусокъ хлѣба для спасенія дѣтей. Затѣмъ понятіе о преступленіи въ нашу варварскую эпоху самое произвольное; нѣтъ сомнѣнія, на галерахъ, въ темницахъ найдется не мало людей, потерянныхъ для общества, съ болѣе чистой совѣстью и болѣе благородными намереніями, чѣмъ тѣ судьи, которые судятъ ихъ. Пока законодательная власть будетъ привилегіей касты между правомъ и насиліемъ, нельзя провести точной грани... Тюремная

реформа, какъ и всѣ покушенія подобнаго рода, съ перваго же дня встрѣтила отъявленныхъ враговъ и друзей, не менѣе опасныхъ, чѣмъ самые враги. Токвиль и Бомонъ не оставили безъ отвѣта ни тѣхъ, ни другихъ, и вотъ уже шестнадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, а все еще не открывается ни одного доказательства, которое они упустили бы изъ виду.

Человѣкъ есть существо социальное, говорятъ противники этой системы; одиночное заключеніе убиваетъ его и доводитъ до состоянія животнаго. Не смотря на всѣ возможныя смягченія, тюремная келья тѣмъ не менѣе составляетъ наказаніе ужасное, ненормальное, и общество не должно дѣлать изъ него особенное орудіе казни. Общество, отвѣчая Токвиллю, имѣетъ полное право противостоять направленному противъ него преступленію. Но не въ этомъ главная его задача: оно обязано всѣми мѣрами содѣйствовать возрожденію падшихъ братій, часто увлеченныхъ къ злодѣянію однимъ нагляднымъ примѣромъ, безъ всякаго преднамѣреннаго побужденія. Такихъ фактовъ не мало. Во Франціи 10,000 освобожденныхъ преступниковъ, прошедшихъ тюрьму и каторгу; что же сдѣлано для спасенія ихъ отъ болѣе глубокаго разврата? Осудивъ, ихъ заключили въ общую тюрьму и какъ понало разсадили въ общихъ рабочихъ и спальняхъ; дѣти и старики, ожесточеніе и угрызеніе совѣсти, слабость и закоренѣлое преступленіе — все смѣшалось вмѣстѣ. Отсюда немовѣрная заразительность порока. Какъ скоро они живутъ вмѣстѣ, даже наименѣе виновные теряютъ этотъ остатокъ стыда, который могъ бы еще спасти ихъ. Армія зла организуется въ самой темницѣ, и внѣ ея имѣетъ своихъ вождей и наставниковъ. Эти самые безстыдные и преступные люди. Этыхъ-то вождей каждый беретъ себѣ въ примѣръ. И на каторгѣ есть также общественное мнѣніе, которое имѣетъ свою силу и побуждаетъ преступниковъ къ новому преступленію. Такъ какъ самый страшный злодѣй возбуждаетъ наиболѣе удивленія, то честолюбіе заставляетъ cadaго отличиться еще болѣе блестящимъ преступленіемъ и затмить имъ самыхъ дерзкихъ злодѣевъ. Есть ли же какое нибудь средство сокрушить эту ассоціацію, самую вредную въ социальномъ отношеніи? Есть только одно: препятствовать возможности сообщенія между преступниками и раздѣлить ихъ такъ, чтобы они въ тюрьмѣ, какъ и вездѣ, чувствовали себя одиночными и видѣли свою надежду только въ правльномъ возрожденіи. Келья и страхъ, внушаемый ею, вотъ настоящая защита общества; разъединить злодѣевъ такъ, чтобы они никогда не могли ни вредить другъ

другу, ни соединяться между собою, — вотъ законное право и первый долгъ государства.

« Не надо темницъ, восклицали филантропы, вѣрившіе въ свои мечты. Осужденные скорѣй несчастны, чѣмъ виноваты; общест-
«ство почти всегда такъ или иначе участвуетъ въ ихъ недостат-
«кахъ; его первый долгъ просвѣтить ослѣпленную душу и на-
«учить невѣдующихъ. Тюремныя кельи способны прозвести это
«чудо. Уединеніе, трудъ, чтеніе, размышленіе преобразуютъ за-
«ключеннаго; въ нѣсколько лѣтъ можно довести ихъ до раская-
«нія и исправленія.» Токвиль и Бомонъ никогда не раздѣляли
иллюзіи праздныхъ филантроповъ, но и не смотрѣли на уголов-
ные кодексы, какъ на орудіе одного истязанія и кары. Лишать
преступника всякой надежды возвратиться въ то общество, ко-
торое его отвергло, — имъ казалось также жестоко, какъ умир-
ить его медленной смертью. Но отвергая старое общинное
устройство ужасныхъ темницъ, гдѣ напрасно погибли миллионы
людей подъ ударами своевольнаго суда, они въ то же время
признавали ихъ необходимость въ современномъ состояніи Ев-
ропы, какъ одну изъ предупредительныхъ мѣръ административ-
наго порядка.

Вотъ идеи, которыя развилъ и поддержалъ Токвиль съ энер-
гіею и умомъ. Во имя обиженнаго общества, онъ требовалъ
учрежденія, которое безъ напрасныхъ жестокостей дѣлало бы
наказаніе дѣйствительнымъ и давало бы ему великую прав-
ственную силу. Въ то же время онъ не упустилъ изъ виду гу-
манныхъ цѣлей и показалъ, что какъ скоро удовлетворена спра-
ведливость, одна только келейная система заботится объ осуж-
денномъ и сохраняетъ ему будущность. Возвратить на путь добра
заблудшаго не есть ли первая забота законодателя; и если есть
средство возродить преступника, гарантируя въ то же время об-
щество, то ужели можно пренебрегать этимъ средствомъ, хотя
бы оно спасло немногихъ.

Въ практикѣ келейная система много потеряла, не отъ при-
ципа, а отъ небрежности правительствъ. Нѣкоторые департа-
менты и не послѣдніе по развитію массъ, сохранили келейную
систему для цѣлыхъ сутокъ, т. е., днемъ и ночью. Въ Парижѣ
Делангль энергически стоялъ за существующій порядокъ вещей.
Въ другихъ государствахъ сохранили систему разъединенія для
обвиняемыхъ и отказались отъ нея для преступниковъ. Система
Аубигн'а взяла верхъ: келья на ночь, общій трудъ и совершен-
ное молчаніе днемъ. Система эта исправила много злоупотребле-

ній и безпорядковъ прежнихъ тюремъ. Втеченіе срока наказанія—труда и молчанія довольно для предотвращенія ассоціаціи преступниковъ. Но какія гарантіи представляетъ для общества система Aubign'a, послѣ выпуска преступниковъ изъ тюрьмы? Какая выгода отъ нея освобожденному преступнику? Въ сущности ничто не измѣнилось. Преступникъ былъ завербованъ въ гибельную труппу, которой вліяніе не оставитъ его и по выпускѣ. Чтобы предотвратить возможность новаго преступления, общество принуждено было освобожденнаго изъ тюрьмы поставить подъ надзоръ полиціи. Мы уничтожили клеймо, которое прежде накладывалось на преступника раскаленнымъ желѣзомъ, но кто сотретъ это неэстетичное нравственное клеймо безславія? Для того, кто перешелъ въ центральный домъ (maison centrale) вѣтъ больше надежды; общество становится его смертельнымъ врагомъ и онъ навсегда остается смертельнымъ врагомъ общества. Этого-то зла избѣгаетъ система филадельфійская, единственная, которая, оставаясь вѣрною безопасности общества, не дѣлаетъ изъ временнаго наказанія вѣчной муки, единственная, которая въ одно и тоже время заботится о цѣломъ обществѣ и объ отдѣльной личности: предупреждаетъ гибельную ассоціацію между виновными и въ тоже время оставляетъ мѣсто раскаіанію. Если искренно жалѣють о преступникахъ, если хотятъ возвысить ихъ безъ вреда для честныхъ людей, то по неволѣ должны обратиться къ суточной келейной системѣ. При всей ея видимой строгости, это самая справедливая и гуманная система.

Каково бы ни было участіе Токвиля въ тюремномъ вопросѣ, не одна только любовь къ человѣчеству побудила его вторично отправиться въ Америку. Онъ былъ принужденъ къ этому страхомъ за отечество. Онъ хотѣлъ изучить въ Соединенныхъ Штатахъ условія демократической свободы. Событія 1830 года не могли не затронуть мозолаго Токвиля и не заставить его размыслить объ этихъ постоянныхъ революціяхъ, которыя съ 1789 г. возмущали Францію и, разрушая одно за другимъ шаткія правительства, сокрушали народную вѣру въ будущее. Въ этихъ политическихъ катаклизмахъ Токвиль видѣлъ не предсмертную агонію отжившаго общества, но усилія новой жизни, пробивающейся сквозь развалины прошедшаго. Эта гнѣвная, пѣнящаяся волна, поднимаемая внутренней бурей, — это періодическій приливъ демократіи, поглощающей всѣ привилегіи прежняго порядка вещей въ своемъ всемогущемъ единствѣ.

Для этого новаго міра, шумно вступающаго въ жизнь, Ток-

виль искалъ новой политики. Его не испугала демократія; онъ былъ сыномъ своей страны и своего вѣка. Въ политикѣ онъ принадлежалъ убѣжденіямъ того поколѣнія, которое было воспитано 1789 годомъ; онъ любилъ революцію, не за безумныя ея оргіи и кровь, а за великія начала, пренесенныя ею человѣчеству. Какъ гражданинъ новой Франціи и гражданинъ просвѣщенный, онъ недовольствовался одними словами. Какъ ип увлекательно имя демократіи, но оно не можетъ составить счастье народовъ, когда они сами останутся въ бездѣйствіи. Правленіе народное, какъ и всякое другое, имѣетъ свою слабую и опасную сторону. Опасность эта, которой никто не подозрѣвалъ такъ скоро послѣ Юльскаго революціи, уже была замѣчена Токвилемъ на политическомъ горизонтѣ. Одинъ, среди всеобщей безопасности, онъ съ безпокойствомъ указывалъ на эту черную точку, на это едва видное облако, которое скоро должно было разрастись въ грозную тучу и унести все, что было самаго лучшаго для Франціи. Политическимъ символомъ Токвиля были слова: свобода и равенство. Изъ этихъ двухъ словъ, второму посчастливилось; не было революціи, которая бы его не уважала. Не то съ первымъ; не разъ оно обращалось въ пустую игру народной фантазіи и въ опасное орудіе въ рукахъ мелкихъ честолюбцевъ. Вотъ что смущало Токвиля; онъ не допускалъ раздѣленія этихъ двухъ существенныхъ элементовъ новаго общества; онъ не хотѣлъ равенства безъ свободы. Онъ предвидѣлъ то, что очень немногіе Французы видѣли до него или послѣ, т. е., что равенство, составляя важный соціальный фактъ, играетъ второстепенную роль въ политикѣ; всѣ правительства могутъ съ нимъ помириться, потому что онъ приравнивается къ всѣмъ. И въ наше время равенство существуетъ въ Турціи, Египтѣ, Китаѣ, равно какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Мексикѣ, во Франціи и Швейцаріи, равенство существовало въ Римѣ, когда Коміціи посылали Сципіона въ Африку; оно было и въ Италиі, когда народъ отрекался отъ власти въ пользу Цезаря; преемники Августа не боялись распространять его по всему свѣту, и на немъ-то они основывали свой всеразлагающій деспотизмъ. Слѣдовательно, равенство есть не больше какъ обоюдоострый мечъ, который можетъ или служить свободѣ, или обратиться къ ея же погибели. Нѣтъ нужды, что всѣмъ гражданамъ дадутъ политическія права; равенство отъ этого не взмѣнится въ своей сущности. Взгляните на республику соціальнаго контракта (*contrat social*) — этотъ идеалъ Робеспьера и друзей его. Это правленіе основано на аб-

солютномъ равенствѣ, на первенствѣ большинства. Повидному это безукоризненная система; конечно Ж. Ж. Руссо не считалъ себя защитникомъ тираніи. Между тѣмъ посмотрите, куда привела его логика, когда онъ равенство, т. е. большинство, положилъ единственнымъ основаніемъ общества. Оно овладѣваетъ воспитаніемъ, конфискуетъ душу гражданина, оно запрещаетъ вѣрующему имѣть другую религію кромѣ убѣжденій большинства, однимъ словомъ, не понимая истинной свободы, оно приводитъ къ самому ужасному деспотизму, основанному на безотчетномъ произволѣ угнетаемой толпы. Токвиль думалъ иначе; онъ вышелъ изъ школы Монтеスキю; онъ не терпѣлъ ни грубой тираніи, ни грубой демократіи. «Для меня, какъ говоритъ онъ совершенно справедливо, когда я чувствую руку власти тяготящую на моей головѣ, все равно,—кому принадлежитъ эта рука, и мнѣ не легче «если я преклоню свою голову подъ иго отъ того, что оно держится миллиономъ рукъ».

Слѣдовательно свобода и равенство двѣ вещи разныя; но во Франціи не понимаютъ этого различія; нѣтъ страны, гдѣ такъ часто смѣшиваютъ свободу съ равенствомъ, какъ во Франціи. Даже кажется, что послѣднее особенно любятъ за то только, чтобы отдѣлаться отъ первой. Это зависитъ отъ нашего національнаго характера и находится въ связи съ нашимъ прошедшимъ. Предки наши долго терпѣли отъ привилегій и оставили намъ такую непримиримую ненависть къ прежнему порядку вещей, такую ревностную любовь къ равенству, что самая тѣнь различія насъ пугаетъ. Свобода съ виду похожа на аристократію; открывая широкую карьеру человѣческимъ способностямъ, и поощряя трудъ и экономію, она возвышаетъ превосходство натуральное или приобрѣтенное, она творитъ характеры, рождаетъ личное благородство; этого уже довольно, чтобы вооружить противъ нея честолюбіе, посредственность и зависть. Свобода популярна только для тѣхъ народовъ, которые къ ней привыкли и которые по опыту знаютъ всѣ ея благодѣянія. Она никогда не потворствуетъ страстямъ толпы. Вотъ что пугало Токвиля. Онъ постоянно боялся, чтобы Франція когда-нибудь по невѣжеству или апатіи не дошла до отрицанія свободы и не приняла всеобщаго рабства за торжество равенства.

«Демократическіе народы, говоритъ онъ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи, «любятъ равенство во всѣ времена; но есть «пзвѣстныя эпохи, въ которыя они доводятъ до безумія свое «пристрастіе къ ней. Это бываетъ въ тѣ эпохи, когда прежняя

«общественная іерархія, подрываемая долгое время, наконецъ падаетъ, послѣ окончательной внутренней борьбы. Люди бросаются на равенство какъ на завоеваніе и привязываются къ нему, какъ къ драгоценному сокровищу, которое у нихъ хотѣли отнять. Страсть къ равенству со всѣхъ сторонъ вторгается въ человѣческое сердце, она тамъ раскрывается и наполняетъ его совершенно. Не говорите тогда людямъ, что привязываясь къ какой-нибудь исключительной страсти, они становятся въ противорѣчіе съ самыми дорогими интересами. Тогда они глухи. Не указывайте тогда на ускользящую отъ нихъ свободу, когда они смотрятъ въ другую сторону; тогда они слѣпы, или лучше, они видятъ во вселенной одно только благо, достойное зависти.

«Мнѣ кажется, что демократическіе народы имѣютъ натуральное влеченіе къ свободѣ: предоставленные самимъ себѣ они ее ищутъ, они ее любятъ и съ сердечною болью смотрятъ на ея похищеніе. Но они жаждутъ равенства по своей горячей, ненасытимой, вѣчной, неукротимой страсти; они хотягь равенства въ свободѣ и если не могутъ найти его здѣсь, то ищутъ въ рабствѣ. Они вытерпятъ все и бѣдность, и варварство, но не свесутъ аристократіи.

«Это справедливо во всѣ времена и особенно въ наше. Всѣ люди и всякая власть, которая захочетъ бороться противъ этого непобѣдимого могущества, будетъ сокрушена и поражена имъ. Въ наши дни свобода не можетъ обойтись безъ его поддержки, и самый деспотизмъ не можетъ царствовать безъ него.»

Эти слова обличаютъ не только ясновиденіе публициста; ихъ живость, ихъ глубина даютъ намъ чувствовать еще сильнѣе современное, раздраженное состояніе Франціи.

II.

Съ цѣлію предупредить опасность въ будущемъ, Токвиль рѣшился изучить народъ, который осуществилъ трудную задачу сліянія свободы съ равенствомъ. Вотъ что повело его въ Америку. Въ 1831 году это намѣреніе не могло быть дѣломъ обыкновенной головы; наши государственные люди брали тогда уроки въ Англіи. Можно было сдѣлать дурной выборъ; но Токвиль чувствовалъ, что если Франція обратится когда-нибудь къ свободнымъ идеямъ, такъ не прихѣтъ Англіи совершить это чудо, не говоря уже о нашей національной гордости, которая

не позволить подражать нашимъ соперникамъ; въ установленіяхъ Англіи и въ самомъ обществѣ есть нѣчто, что насъ больше удивляетъ, чѣмъ наставляетъ. У сосѣдей нашихъ индивидуальная свобода выше всего; но она возникла изъ привилегіи и доселѣ удерживаетъ свой ветхій характеръ; въ частной жизни она почти не имѣетъ границъ, но въ государственномъ организмѣ ее постоянно душитъ аристократическое начало. Нравы и даже законы поддерживаютъ социальныя отличія; ничего великаго не дѣлается безъ вреда общественному равенству. Америка же представляетъ собою совсѣмъ другое явленіе. Ея нравы и идеи — упрекъ для Франціи. Они не только не отталкиваютъ, но напротивъ привлекаютъ насъ: не по чувству ли старинной дружбы это дѣлается?

Многіе думаютъ, что въ политикѣ намъ нечему учиться у Соединенныхъ Штатовъ. Америка — новая земля, и поэтому обитатели ея новички въ дѣлѣ социальнаго устройства. Когда журналы рассказываютъ про какую-нибудь дуэль на карбинахъ, случившуюся въ пустынѣ за 800 миль отъ Бостона или отъ Филадельфіи, то наши мудрецы утверждаютъ, что это признакъ еще младенчествующей цивилизаціи и что слѣдовательно было бы ребячествомъ изучать ее. Это презрѣніе, столь спокойное для невѣжества, отнюдь не могло быть усвоено Токвилемъ. Онъ ясно видѣлъ, что свобода Соединенныхъ Штатовъ есть та же самая англійская свобода, но отдѣленная отъ своей феодальной коры. Сѣверная Америка — это эмиграціонная Англія, но Англія, покинувшая въ Старомъ Свѣтѣ свое королевство, народную церковь, перство, дворянство и привилегіи. Америка не новое общество; — это самая старая демократія новаго времени. Тогда какъ Лудовикъ XIV разсѣвалъ даже тѣнь нашей муниципальной свободы, Пуритане насѣляли свою церковь и республиканскія общины въ странѣ, по справедливости названной новою Англіей. Жаждавшіе равенства подобно намъ, они никогда не принимали другихъ условій, они никогда не имѣли нужды поддѣлываться подъ свободу, какъ народъ, знавшій ее только по-именно. Переселенцы захватили съ собою всю волюность своего отечества. Преслѣдуемая нами проблема съ 1789 года уже два вѣка какъ разрѣшена Англо-Американцами, уже два вѣка какъ Новая Англія не жертвуя ни свободой, ни равенствомъ, мирно наслаждается обоими благами. Слѣдовательно не въ Англіи, а тамъ мы должны искать уроковъ. Атлантическій океанъ раздѣляетъ насъ мѣнѣе, нежели Ла-Маншъ. «Въ Америкѣ, писалъ тому назадъ 25

лѣтъ, Токвиль, демократія слѣдуетъ своимъ собственнымъ влеченіямъ. Ходъ ея натураленъ, всѣ движенія свободны. На мѣстѣ надобно видѣть ее, чтобы судить о ней. И для кого это изученіе было бы интересно и плодотворно какъ не для насъ, которыхъ ежедневно увлекаетъ неодолимое движеніе и которые идемъ ощупью какъ слѣпые, быть можетъ къ деспотизму, быть можетъ къ республикѣ, но навѣрно къ демократическому государственному порядку».

Въ 1835 году Токвиль обнародовалъ результатъ своихъ наблюденій подъ именемъ *«Демократія въ Америкѣ»*; успѣхъ этой книги былъ блестящій и, что рѣдко бываетъ съ подобнаго рода серьезными произведеніями, книга сдѣлалась популярною, и имѣла 13 изданій въ пятнадцать лѣтъ. Голоса, самые просвѣщенные, откликнулись въ похвалу этого труда. Французская академія, по краснорѣчивому представленію Вильмена, первая увѣчала этотъ великолѣпный трудъ и назначила ему цѣльную Монтесковскую премію. Ройе-Колларъ, котораго отзывъ такъ дорогъ, съ своей стороны, при всей скупости на похвалы, отзывался о ней, что со времени Монтескью не появлялось ничего подобнаго этому произведенію. И это уже не въ первый разъ ставили Токвиля рядомъ съ именемъ Монтескью, но надо замѣтить, что это сопоставленіе болѣе почетно нежели справедливо. У обоихъ писателей все различно: предметъ, воззрѣнія и стиль. Однимъ взглядомъ авторъ *«Духа Законовъ»* обнимаетъ цѣлое человѣчество; онъ все видитъ и изъ всего извлекаетъ результатъ; его слово также разнообразно, какъ и предметъ, онъ пробуетъ всѣ тоны, онъ краснорѣчивъ, веселъ, проныченъ и все-таки блестящъ. Демократія въ Америкѣ есть книга съ одной идеей, проглядывающей черезъ всѣ формы. Тонъ ея иногда строгъ до суровости и однообразія. Токвиль избѣгаетъ подробностей и анекдотовъ, которые любитъ Монтескью, онъ избрасываетъ отвлеченные термины, общія выраженія, желая въ картинѣ Америки или Франціи дать намъ образъ демократіи; слово его не имѣетъ ни живости ни граціи, ни оригинальности *«Духа Законовъ.»* Но въ немъ есть качества, которыхъ недостаетъ Монтескью. Въ этомъ горячемъ преслѣдованіи одной проблемы, въ этомъ безпрестанномъ указаніи на опасности, угрожающія современному обществу, видна пламенная страсть, которой нѣтъ у счастливаго и спокойнаго президента. Чувствуешь, что этихъ людей раздѣляетъ цѣлый вѣкъ революціи. Насъ ослѣпляетъ гений Монтескью, но грустное настроеніе Токвиля привлекаетъ насъ; печали его — наши печали, будущ-

ность, за которую мы боимся, будущность Франціи и цивилизаціи.

Безполезно представлять подробный анализъ книги, которая всѣми прочитана. Желающихъ я лучше отсылаю къ умному разбору, представленному де-Саси въ «Journal des Debats.» Я хотѣлъ бы изобразить состояніе духа Токвиля, когда онъ отправлялся изъ Франціи. Это состояніе полезно читателю «Демократіи въ Америкѣ.» Читая ее, не трудно указать, что поразило этого путешественника — изъ-за океана и закончило его либеральное настроеніе, которое онъ сохранилъ до могилы.

Французовъ часто упрекають въ незнаніи иностранныхъ языковъ и пренебреженіи къ чужимъ литературамъ, — въ томъ, что иностранцы называютъ французскимъ тщеславіемъ и что почти всегда есть только сознаніе превосходства своей страны; порокъ ли это или добродѣтель, но мы сохраняемъ эту слѣпую вѣру въ себя не въ одной литературѣ, но она же составляетъ нашу силу на войнѣ и нашу слабость въ политикѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что въ Америкѣ и въ Англіи государство построено совершенно иначе, чѣмъ во Франціи, но если сказать правду, мы понимаемъ и цѣнимъ только одинъ порядокъ — напѣ; въ минуту увлеченія мы низвергаемъ правителя, но не монархію. Политическія формы въ послѣдніи шестьдесятъ лѣтъ сильно измѣнились, но сущность правленія осталась та же. Послѣ каждой революціи перестраивали фасадъ зданія и измѣняли надписи; но не смотря на длинныя рѣчи и красныя обѣщанія, строители наши не шли далѣе фасада. Централизація, которая поглощаетъ и конспектируетъ силы и дѣятельность провинціи и общины, огромный бюджетъ, государственная церковь, по-крайней-мѣрѣ религія большинства, общественное воспитаніе, іерархическій порядокъ управленія, свобода печати всегда ограниченная и заключенная въ рукахъ правительства, — вотъ что находимъ мы у себя во всѣ эпохи и при всѣхъ формахъ правленія. Символомъ нашей силы можетъ служить пирамида, опрокиннутая внизъ своимъ конусомъ. Франція та же Римская имперія, но подкрашенная христіанствомъ. Въ хитро-слетенной сѣти нашихъ установлений, которыя сходятся въ одной всемогущей государственной рукѣ, Августъ узналъ бы свой духъ и свои законы.

Вотъ модель, которую въ 1831 году, носилъ въ умѣ Токвиль, вотъ идеалъ, которому удивлялись современные ему либералы. «Слово централизація, которой завидуетъ Европа, было тогда громкой фразой, которая не повторялась никогда безъ ув-

леченій и не принималась безъ восторженныхъ рукоплесканій. Мнѣ кажется, что и теперь это очень популярная система, но только заподозрѣнная въ негѣпости своихъ практическихъ приложеній къ народной жизни.

Черезъ годъ, Токвиль возвращался въ отечество съ грустью чловѣка, котораго вѣра поколебалась и который чувствуетъ себя чужимъ въ лонѣ своей церкви. Всѣ эти принципы, которые составляли во мнѣніи другихъ величіе Франціи, были разрушены въ немъ Соединенными Штатами, какъ роковыя ошибки, какъ корень зла. Правительственный порядокъ Вашингтона и его приверженцевъ, этотъ духъ правосудія и разума, которому Америка обязана своимъ безпримѣрнымъ прогрессомъ, все это представляетъ совершенную противоположность французской системѣ.

Между установленіями обѣихъ странъ не только глубокое различіе, но діаметральная противоположность, которой ничто не въ состояніи примирить. Во Франціи Токвиль видѣлъ только государство; въ Америкѣ передъ нимъ повсюду стояла личность на первомъ планѣ; тамъ государство не мѣшается въ народное воспитаніе; это дѣло предприимчивости и cadaго штата и между тѣмъ воспитаніе всюду распространено съ безпримѣрной щедростью. Предъ справедливостью, хранительницею конституціи, преклоняются сами палаты. Но власть ни сколько не терпитъ отъ этого повинненія, и судья не злоупотребляетъ имъ; наконецъ книгопечатаніе совершенно свободно и самъ конгрессъ не можетъ ограничить его. Оно придирчиво и часто грубо, но со всѣми этими недостатками гораздо менѣе опасно, нежели во Франціи. Неограниченная конкуренція дѣлаетъ изъ журналъ не властителя, а слугу общественнаго мнѣнія. Только такой твердый умъ, какъ умъ Токвиля, не смѣшался, пораженный такими рѣзкими контрастами.

Въ 1841 г. Токвиль публиковалъ продолженіе своей книги; въ немъ онъ изслѣдовалъ вліяніе демократіи на идеи, чувства и нравы Америки и Франціи. Эта вторая часть имѣла менѣе успѣха нежели первая, и это совсѣмъ не удивительно. Избранный авторомъ предметъ не можетъ быть разрѣшенъ односторонне. Показать необходимость свободы для ограниченія равенства, конечно задача трудная, но задача ясная и специальная, и Токвиль разрѣшилъ ее. Напротивъ, опредѣлить вліяніе демократіи на литературу, искусства и нравы, по моему, мнѣнію, — вопросъ не разрѣшимый при отдѣльномъ изученіи. Въ немъ придется болѣе предполагать и мечтать, чѣмъ говорить положительно;

потому что процессъ этого вліянія зависитъ отъ тысячи другихъ обстоятельствъ, неуловимыхъ для теоритическаго взрѣнія.

Именно этого недостатка не избѣжалъ проникательный Токвиль; онъ очень часто винить демократію въ независимыхъ отъ нея слабостяхъ. Если стремленіе къ благосостоянію составляетъ самую яркую черту въ характерѣ нашего вѣка, то неужели причиною этого равенство? Не лучше ли искать ее въ сильномъ развитіи промышленности и эманципации человѣческаго труда отъ рабскихъ ограниченій. Англія не есть страна демократическая, но ея торговля конечно не менѣе дѣятельна, чѣмъ въ Америкѣ. Не измѣняется ли отъ вліянія индустріи общество Германіи, Бельгіи, Швейцаріи. Въ Бостонѣ и Нью-Йоркѣ, говоритъ Токвиль, всѣ знанія сводятся къ полезному, и не думаютъ искать ихъ прямого назначенія; это такъ; но составляетъ ли это недостатокъ общественнаго состоянія, или, не есть ли это просто практической смыслъ, вызванный потребностями нашей эпохи?

Маленькой Женевской республикѣ демократическій духъ отнюдь не помѣшалъ воспитать множество натуралистовъ, ботаниковъ, медиковъ первой величины. Я не отвергаю того, что въ демократическихъ странахъ искусства и литература имѣютъ особенное значеніе, но утверждать, что все великое и прекрасное чуждо ихъ стремленіямъ — это значитъ клеветать на нихъ. Дѣло не въ томъ, чтобъ изящное было недоступно народнымъ учрежденіямъ, но оно уступаетъ мѣсто полезному, въ этомъ все различіе монархическихъ и демократическихъ обществъ.

Впрочемъ, хотя въ этой части «Американской демократіи» Токвиля и есть слабыя стороны, но онѣ искупаются множествомъ блестящихъ идей и выводовъ. Последняя глава—«О вліяніи демократическихъ идей на политическое общество»—изложена превосходно. Нигдѣ авторъ съ такою живостію не указываетъ на опасность необузданнаго ни чѣмъ равенства, нигдѣ такъ краснорѣчиво и доказательно не нападаетъ на централизацію. Достигнувъ въ своемъ трудѣ той высоты, на которую рѣдко восходятъ наши публицисты, Токвиль во всѣхъ своихъ взглядахъ и изысканіяхъ пришелъ къ одной истинѣ, которую развивалъ пѣлую свою жизнь, именно къ той, что главный и самый существенный предметъ для политики не государство, а отдѣльная личность. Личность есть одна дѣйствительная и живая сила. Задерживать ея развитіе въ пользу государства, значитъ жертвовать въ пользу без-

плоднаго формализма всеѣми лучшими интересами общества. Напротивъ, развить въ личности чувство своего могущества и отвѣтственности, сложить съ нея все, что тяготитъ ея мысль, волю и дѣйствіе, положить границей ея свободѣ единственную границу справедливости,—это задача будущаго. Въ ней надо искать спасенія современнымъ обществамъ, а не въ этихъ пустыхъ формахъ, которыя столько разъ доводили человѣчество до заблужденій и бѣдъ. Теперь уже начинаютъ ясно понимать, что съ этой стороны надобно приступать къ дѣлу. Вотъ уже 25 лѣтъ, какъ Токвиль умолялъ Францію выйти на этотъ путь, но его не слушали. Въ тоже самое время, великій гражданинъ, *Чаннингъ* проповѣдывалъ въ Соединенныхъ Штатахъ необходимость этой реформы. Не знаю, зналъ ли его Токвиль. Но поставленный на тоже поле дѣйствія, полнѣе тѣми же опасеніями, онъ часто говоритъ за одно съ нимъ. Слѣдующая страница, одна изъ лучшихъ написанныхъ Токвилемъ, могла бы быть цитирована американскимъ Фенелономъ:

«Въ аристократическихъ обществахъ, предшествовавшихъ нашему, были частные люди очень сильныя, и очень слабое общество. Самая идея общества была очень темна и безпрестанно терялась среди различныхъ понятій о различныхъ снахъ, уривавшихъ гражданами. Все усилія людей этого времени должны были стремиться къ увеличенію и укрѣпленію социальнаго могущества, къ развитію и гарантіи этихъ прерогативъ, и къ ограниченію индивидуальной независимости въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ и подчиненію частныхъ интересовъ общественному.»

«Другія опасности и другія заботы занимаютъ людей нашего времени.»

«У большей части новыхъ народовъ государь, какого бы онъ ни былъ происхожденія, каково бы ни было его имя и положеніе, сдѣлался почти всемогущимъ, а частные люди все болѣе и болѣе падали, до послѣдней степени слабости и зависимости.»

«Все было иначе въ обществахъ древнихъ. Стремленія къ единству и однообразію нигдѣ не встрѣчалось. Въ нашихъ же все стремится сдѣлаться такъ похожимъ одно на другое, что скоро всеѣмъ изгладится и окончательно потеряется въ общественной физиономіи самостоятельный образъ личности. Отцы наши всегда были склонны къ злоупотребленію тѣмъ правиломъ, что все частныя права должны быть уважаемы, а мы естественно стремимся къ преувеличенію другаго правила, что инте-

ресь личности всегда должна подчиняться интересамъ общества.

Политическій міръ измѣняется; нужно искать новыхъ лѣкарствъ отъ новыхъ золъ.

Поставить точныя и ясныя границы общественному могуществу, дать частнымъ дѣйствіямъ извѣстныя права и обезпечить имъ неоспоримое пользованіе этими правами; сохранить личности ту непремѣнную долю независимости, силы и оригинальности, которыя еще за ней остаются, возвысить значеніе ея въ обществѣ и передъ обществомъ, вотъ, кажется, главная задача законодателя нашего времени.

Скажутъ, что современные правители хотѣтъ дѣлать съ людьми великія дѣла. А я бы лучше желалъ, чтобы они немного побольше думали о великихъ людяхъ; чтобы придавали меньше цѣны работѣ и больше работнику, и чтобы всегда помнили, что нація не можетъ долго оставаться крѣпкой, когда каждая личность, отдѣльно слаба, и когда еще не найдены, ни общественныя формы, ни политическія комбинаціи, могущія сдѣлать народъ энергичнымъ, когда онъ состоитъ изъ безличныхъ и малодушныхъ гражданъ.

Успѣхъ «Американской Демократіи» открылъ Токвилю двери въ ученый институтъ Франціи. Въ 1839 г. онъ былъ избранъ въ члены академіи нравственныхъ наукъ. Въ 1841 г., онъ получилъ кресло, въ числѣ тѣхъ сорока, изъ которыхъ 39 ничего не дѣлаютъ. Его вступительная рѣчь носитъ на себѣ печать его убѣжденій. Молѣ, отвѣчавши ему, выразилъ это съ той тонкой ироніей, которой онъ отличался: «ваша рѣчь, милостивый государь, — это вы сами; что отличаетъ васъ отъ вашихъ современниковъ — это ваши глубокія убѣжденія; онѣ всегда проглядываютъ подъ вашимъ перомъ и постоянно приводятъ васъ къ одному результату.» Токвиль занялъ мѣсто Лакмѣ де Сесака, умереннаго республиканца, времени республики, и потомъ министра Наполеона I-го. Сесакъ, впрочемъ, больше извѣстенъ какъ администраторъ, нежели какъ ученый. Его жизнь мало представляла матеріаловъ для академической похвалы, и Токвиль, говоря о своемъ предшественникѣ, былъ очень скроменъ, представляя его, какъ умнаго, прямаго и непоколебимаго исполнителя намѣреній Наполеона; но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ одного изъ тѣхъ людей, слава которыхъ заключается въ исполненіи воли ихъ повелителя; настоящее же содержаніе рѣчи, составляла имперія и императоръ. И тутъ-то Токвиль являлся во всей своей силѣ.

По его словамъ, революція совершилась подъ двойнымъ потокомъ идей, изъ которыхъ одинъ стремился къ восстановленію стараго конституціоннаго порядка вещей, другой же во имя равенства и владычества народа увлекъ страну къ централизаци и абсолютной власти. Наполеонъ I понялъ это. Онъ не бросился въ волны свободы, но ринулся въ другой потокъ, и нашелъ въ немъ свое счастье. Онъ отдалъ геній на служеніе равенству, и подобно Цезарю, могъ сказать, что онъ имѣетъ право всѣмъ повелѣвать, потому что онъ одинъ говоритъ во имя народа. Таковъ портретъ Наполеона, обрисованный смѣлой рукой Токвиля, который, по обычаю академіи, закончилъ его общей фразею: «основатель имперіи, говоритъ онъ, умѣвшій поддержать свое созданіе, не есть ли удивительнѣйшій изъ феноменовъ, являвшихся, когда-либо. Онъ былъ на столько великъ, на сколько можетъ быть великъ человекъ безъ добродѣтели.

Въ Декабрѣ 1851 г. Токвиль навсегда оставилъ политическую карьеру, чтобъ никогда болѣе не вступать на нее. Но это былъ человекъ неспособный предаться безплезнымъ сожалѣніямъ. Сознывая, что общественная трибуна для него закрыта, онъ снова принялся за свои политическіе труды, чтобъ служить Франціи перомъ.

При глубокомъ умѣ, это былъ человекъ съ теплою душой. Въ неудавшихся предположеніяхъ, онъ искалъ урока для своей страны и для себя самого. Революція 1830 г. указала ему роль, предназначенную демократіи въ будущемъ. Паденіе правительства, которому онъ отчасти сочувствовалъ, навело его на вопросъ: отчего парламентская форма не укоренилась во Франціи и почему такъ мало понимаетъ и любитъ ее народъ?

Чтобы разъяснить этотъ вопросъ, ему надо было только сообразить уже собранные имъ факты и обратиться къ давно знакомой ему идеѣ. И онъ тотчасъ увидѣлъ, что свобода существовала во Франціи только номинальная. Мы имѣли хартіи, конституціи, всѣ повидимому гарантіи свободы, но сущность ея была далека отъ насъ. Эти блестящія формы ничего не значили. Машина повидимому такъ мудро устроенная, истиралась сама-собою отъ постоянного обращенія.

Слѣдствіемъ этихъ размышленій была книга, явившаяся въ 1856 году подъ заглавіемъ: «*Прѣжнее правленіе и революція.*»

Чтобы дать себѣ отчетъ въ новыхъ принципахъ, введенныхъ революціей, чтобы оцѣнить сдѣланныя ею завоеванія, Токвиль началъ изучать положеніе страны наканунѣ 1789 г. Онъ хотѣлъ

проникнуть въ самое сердце стараго порядка вещей, столь недалекаго отъ насъ по времени, и такъ далеко отброшеннаго другимъ ходомъ произшествій. Эти изслѣдованія, произведенныя съ жаромъ и постоянствомъ, привели его къ очень любопытному для исторіи и важному для политики заключенію, что административная Франція XIX вѣка чуть-чуть развита отъ Франціи Лудовика XV; что наконецъ централизація есть завѣщаніе древней монархіи, принятое и укрѣпленное революціею.

На первый взглядъ этотъ результатъ кажется страннымъ; но по зрѣломъ размысленіи видишь, что наблюденія Токвиля вѣрны и сужденія правильны. Чему удивляемся мы въ Филиппъ-Красивомъ, Лудовикѣ XI, кардинагѣ Ришелье и Лудовикѣ XIV? Что же за цѣль этой политики, не очень разборчивой въ выборѣ средствъ, но которой между тѣмъ писатели прощаютъ даже ея слабости и преступленія, ради преслѣдуемой ею цѣли? Это французское единство, это вѣчное стремленіе къ централизаціи. Эта политика, къ которой съ такимъ расчетомъ и часто съ такою геніальностію стремились наши короли, министры, породила монархію Лудовика XIV. Между тѣмъ, какъ въ Англии свобода мало-по-малу брала перевѣсъ надъ феодальными понятіями, во Франціи сильнѣе и сильнѣе развивалась идея государства. Въ послѣднемъ вѣкѣ, какъ и теперь, комуна находится подъ опекою; чиновничество подъ протекціею привилегированнаго законодательства. Парижъ, какъ и тогда, навязываетъ свои идеи и свою волю цѣлой странѣ: наконецъ къ довершенію схода ст. XVIII вѣкомъ бездна мѣстъ раздается министрами и бездна людей добивается власти. Выходить, что переимѣнились только названія, но не вещи и не люди. Во внутреннемъ управленіи самою важною реформою революціи было ослабленіе провинцій. Ихъ раздѣлили на департаменты, вмѣсто питатовъ; интендантовъ и субделегатовъ (намѣстниковъ), о которыхъ боялись вспомнить наши отцы, переименовали въ префектовъ и субпрефектовъ. Не правда ли, что переимѣна была только въ названіяхъ. Государственные люди послѣдняго вѣка говорили тоже самое, что и наши современники. Д'Аржансонъ приводитъ въ своихъ мемуарахъ разговоръ свой съ Лоу, относящійся къ тому времени, когда генералъ-контролеръ оставлялъ Францію, разрушивъ ее своею системою. Никогда, говорилъ ему Лоу, не повѣрилъ бы я тому, что видѣлъ своими глазами, занимая мѣсто контролера финансовъ. Знайте, что это французское королевство управляется тридцатью интендантами. У васъ нѣтъ ни парламента, ни питатовъ,

ни губернаторовъ: у васъ есть тридцать докладчиковъ изъ провинцій и отъ этихъ-то докладчиковъ зависитъ счастье или несчастье всѣхъ провинцій, ихъ богатство или бѣдность.

Но слѣдуетъ ли изъ всего этого, что революція была пустымъ звукомъ и бесплоднымъ дѣломъ? Токвиль не говоритъ этого. Революція была плодотворна своимъ разрушеніемъ и уничтоженіемъ того, что стѣсняло равенство. Она уничтожила привилегированные классы, которые внѣ арміи были бесполезны; отвергла территоріальныя права духовенства, она освободила отъ тягостныхъ налоговъ и запрещеній земледѣліе; спасла промышленность; установила однообразіе податей, и тѣмъ составила великую соціальную реформу. Но такъ какъ преобразования эти равно касались всѣхъ сословій, то власть государственная слѣжалась еще сильнѣе и непосредственнѣе. Доказательствомъ этому служить то, что вѣтъ въ Европѣ ни одной абсолютной монархіи, которая бы не брала французской администраціи за образецъ законченности и совершенства.

Скажутъ: разрушить привилегіи, не значитъ ли, однимъ ударомъ дать свободу народу. Такъ вѣрили отцы наши, этому учили и насъ дѣлыя шестьдесятъ лѣтъ, и это-то опровергаетъ Токвиль. Въ сущности, уничтоженіе привилегій касается только равенства, а равенство, какъ мы уже видѣли, не составляетъ еще свободы. На Востокѣ, хотя и неизвѣстны соціальныя различія, но правленіе тѣмъ не меньше всюду деспотическое, между тѣмъ, какъ на Западѣ, въ средніе вѣка, мы видимъ нѣсколько государствъ, въ томъ числѣ и Францію, гдѣ привилегія не мѣшаетъ нѣкотораго рода свободѣ, хотя очень не ровно распределенной.

Разбирая происхожденіе централизаціи, возстановляя истинную ея физиономію, Токвиль касался, какъ древняго управленія такъ и революціи, и однимъ ударомъ разсѣялъ вредное недерзуміе, продолжавшееся такъ долго. Прочитавъ его книгу, твердо вѣришь, что мы сдѣлали или лучше дозволили сдѣлать все, что разлучаетъ народъ съ истинной свободой и, можетъ быть, на долгое время.

Такъ Токвиль всю свою жизнь преслѣдовалъ одну и ту же идею. Изучалъ ли онъ древнюю конституцію или установленія Соединенныхъ Штатовъ, онъ постоянно стремился къ политической свободѣ. Изъ двухъ его сочиненій, посвященныхъ этому предмету, послѣднее по моему мнѣнію составляетъ плодъ обыкновенной умственной силы.

Къ несчастію, книга осталась неконченной.

Токвиль, освѣтивъ передъ нами картинѹ старой монархіи, обѣщаль представить и лицевую сторону революціи, со всѣми ея смутными явленіями и результатами. Вопросъ, достойный его вниманія и не превышавшій его силъ. Къ сожалѣнію онъ оставилъ только планъ этого тома въ общемъ очеркѣ.

«Я остановлюсь, говоритъ онъ, на томъ моментѣ, когда революція, по моимъ понятіямъ, окончила свое дѣло, породивъ новое общество. Часть этого труда уже набросана мною, но еще недостойна явиться въ печати. Не знаю кончу ли я ее? Кто можетъ сказать это. Судьба отдѣльныхъ личностей еще темнѣе, нежели судьба народовъ.»

Въ этихъ послѣднихъ словахъ проглядываетъ тайная грусть, и какъ будто горькое предчувствіе. Слабость его груди заставляла его искать менѣе суровыхъ зимъ, чѣмъ парижская. Медики послали его въ Канны (Cannes), гдѣ онъ умеръ 16-го Апрѣля, 1859 года. Ему было только 53 года отъ роду. Впереди его еще было много времени для великихъ трудовъ, и какого времени! — полнаго энергій мысли и зрѣлаго размышленія. Потеря этого знаменитаго публициста, вѣроятно, долго останется незамѣнимой въ ученомъ мірѣ Франціи.

По понятіямъ большинства, Токвиль имѣлъ право жаловаться на судьбу. Возвышенность и правота его характера, твердость его духа, обширный запасъ познаній, даръ слова пророчили ему великое политическое будущее. Трибуна закрылась для него именно тогда, когда опытность призывала его на служеніе и, можетъ быть, на управленіе странкою. Углубившись въ изученіе, онъ не могъ еще пустить въ практической оборотъ полнаго богатства своей мысли. Можетъ быть трудъ, составлявшій его утѣшеніе, содѣйствовалъ разрушенію его здоровья и безъ того слабого, тѣмъ болѣе, что онъ не очень заботился о немъ. Дважды въ жизни были обмануты его законныя надежды — революціей и смертью.

И много ли карьеръ выше карьеры этого человѣка, посвятившаго себя самого, свое здоровье и жизнь на служеніе самаго высокаго принципа?

Токвиль былъ увлеченъ бурей. Онъ видѣлъ паденіе любимыхъ имъ постановленій, обстоятельства ему измѣнились; но онъ остался несокрушимъ. Его труды, вдохновенные одной идеей, его постоянство въ мнѣніяхъ, его искренняя вѣра въ свободу, его любовь къ человѣчеству приобрѣли ему всеобщее уваженіе. Америка признала въ немъ одного изъ своихъ достойнѣйшихъ

сыновъ и гордая Англія глубоко уважала его; цѣлая Европа слушалась его совѣтовъ и цѣнила его мнѣнія. Наше время богато славными именами, но нѣтъ славы болѣе чистой и честной славы Токвиля.

Онъ не оставилъ наслѣдниковъ своего имени. Единственная рука, закрывшая глаза покойнаго, была рука любимой женщины, подруги его жизни втеченіе двадцати пяти лѣтъ, избранной имъ за прекрасныя душевныя качества. Оставляя за собою Францію далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ пламенно желалъ ее видѣть, Токвиль не потерялъ вѣры въ ея будущее. Онъ былъ убѣжденъ, что рано или поздно для нея наступитъ тотъ великій день, когда исполнятся лучшіе обѣты народа и, пролитая имъ кровь за ея счастье, сполна вознаградится исполненіемъ его упованій и стремленій. Но Токвиль лучше, чѣмъ кто илбудъ, понималъ, что общество готовитъ себѣ свободу не вдругъ, а вырабатываетъ ее медленно и тяжело, если только хочетъ выработать прочно и навсегда. Съ этой вѣрой, онъ сошелъ въ могилу, оставивъ своимъ преемникамъ великій трудъ перевоспитанія политической Франціи.

М. Д'ЮРБЭНЪ.

Парижъ. 1859 года.

Дорожныя Записки.

(Посвящается В. А. Даниловой.)

III.

Самое лучшее сообщеніе между азовскими прибрежными городами — на пароходѣ, который совершаетъ еженедѣльно рейсы по всему поморью. Но я уже упоминалъ въ предъидущемъ письмѣ, что мнѣ нельзя было воспользоваться этимъ удобнымъ путешествіемъ, и потому изъ Бердянска отправился я на почтовыхъ, подъ вліяніемъ грустнаго впечатлѣнія разнообразныхъ разсказовъ объ ужасахъ, ожидавшихъ меня въ пустынѣ. Не смѣйтесь и не удивляйтесь риторическому украшенію «пустыня». Увѣряю васъ, что степи, разстилающіяся по берегу Азовскаго моря, для путешественника, не много развѣ лучше Сагары; а если, Боже сохрани, вамъ придется ѣхать по нимъ осенью или

зимой во время грязи, то я не знаю съ тѣмъ можетъ сравниться эта пытка, особенно при устройствѣ нашихъ почтовыхъ станцій, въ этомъ брошенномъ углу, а преимущественно въ Землѣ Войска Донскаго, гдѣ станціи доходятъ до возмутительнаго безобразія. Начнемъ по порядку.

Изъ Бердянска отправился я рано утромъ, съ цѣлью проѣхать всю ночь и къ разсвѣту быть въ Таганрогѣ, рассчитывая, что 200 верстъ на перекладныхъ не весьма большое разстояніе. Октябрьское солнце ярко озаряло дикія окрестности и рѣзкій вѣтеръ гудѣлъ, ударяясь о проволоку телеграфа, когда поднявшись на гору, я выѣхалъ за городъ. На мѣстѣ деревьевъ, или по новоросійскому обычаю каменистыхъ столбовъ, большая дорога здѣсь окаймлена земляными кучами, насыпанными довольно густо, которыя, не знаю, служатъ ли во время мятежей средствомъ не сбиться съ пути, но сѣро-однообразнымъ видомъ наводятъ на душу какое-то печальное чувство. Спустившись подъ гору и миновавъ нагайскій аулъ, я имѣлъ удовольствіе переѣхать въ бродъ рѣку Берду, которая, говорятъ, весною чрезвычайно быстра и опасна. Мнѣ показалась она грязнымъ ручьемъ съ едва замѣтнымъ движеніемъ. Рѣчка эта замѣчательна развѣ тѣмъ, что у береговъ ея кончается гранитная гряда, идущая отъ Карпатъ чрезъ Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ и Самарь и образующая на первыхъ трехъ извѣстные пороги. Больше, мнѣ кажется, ничѣмъ она не замѣчательна, да и не каждый проѣзжій назоветъ ее рѣкою.

Первая станція лежитъ въ селеніи Новоспасскомъ, одной изъ станицъ азовскаго казачьяго войска. Если бы я не боялся наскучить читателямъ, я побесѣдовалъ бы не много объ этихъ казакахъ, но въ бѣглыхъ путевыхъ очеркахъ это неудобно, а историческія замѣтки только смахиваютъ на животрепещущую компиляцію. Я могу только упомянуть, что азовскіе казаки—прямые потомки запорожцевъ, ушедшихъ послѣ взятія послѣдней Сѣчи (1775) въ Турцію и возвратившихся въ Россію во время турецкой войны 1828 года. Разумѣется, теперь это уже смѣсь изъ разныхъ выходцевъ, и мало осталось стариковъ задунайцевъ,—но встрѣчается еще любопытный типъ истаго Запорожца, типъ отживающій и скоро невозможный. Войско это имѣетъ здѣсь недалеко свою главную резиденцію, гдѣ я былъ много лѣтъ тому назадъ, когда отыскивалъ остатки малорусской старины. Теперь я не имѣлъ времени своротить въ сторону, тѣмъ болѣе, что

и не надѣялся найти ничего любопытнаго для своихъ этнографическихъ сборниковъ.

Рядомъ съ Новоспасской станицей раскинулась богатая нѣмецкая колонія; чистые ея домики, освѣженные садиками, и обширныя хозяйственные постройки — свидѣтельствуютъ о матеріальномъ довольствѣ ея обитателей. Не смотря, что казаки пользуются далеко большими преимуществами, чѣмъ государственные крестьяне, что земли и угодій у нихъ гораздо болѣе, чѣмъ у послѣднихъ, и за всѣмъ тѣмъ Нѣмцы живутъ лучше, привольнѣе и что, страннѣе всего, въ казачьей станицѣ невидно никакого подражанія сосѣдямъ. Хоть бы легкій плугъ, хоть бы какое нибудь хозяйственное орудіе новаго устройства. Конечно я могъ не замѣтить многого, но довольно и мимоходомъ взглянуть на приемы и снаряды, чтобы сдѣлать безошибочное заключеніе. Добывъ себѣ лошадь и пригласивъ молодаго казака въ проводники, я объѣхалъ колонію и станицу. У Нѣмцевъ и казаковъ одинаково орошены усадебныя земли. Но сынъ Германіи изъ этой земли извлекаетъ, можетъ быть, вдвое болѣе выгодъ, при одинаковой массѣ труда сравнительно съ своимъ простодушнымъ сосѣдомъ. У казаковъ есть и садки, но заброшенные, представленныя собственнымъ средствомъ и заросшіе сорными травами; у Нѣмцевъ садовъ больше, каждое дерево получаетъ извѣстную долю попеченія, каждый кустикъ окопанъ, и вездѣ чисто прибрано и расчищено.

— Отчего вы такъ не дѣлаете? спросилъ я у своего проводника, когда мы возвращались назадъ по берегу рѣчки.

— Намъ некогда.

— Признайся лучше, что лѣнь.

— Нѣтъ не лѣнь, а служба и полевая работы.

— На службѣ то вы не всѣ, а не хочется видно заводить новыхъ порядковъ.

— Да и то правда. Начнешь что нибудь дѣлать по нѣмецки, всѣ стануть смѣяться.

Это уже не первый разъ приходилось мнѣ слышать въ Новороссіи. Впрочемъ, подобная черта, кажется, у насъ въ характерѣ. Возьмите наше высшее сословіе, которое такъ надко на подражаніе, и тамъ встрѣтите сильную оппозицію и насмѣшки, если дѣло идетъ о какомъ нибудь полезномъ нововведеніи. Иной помѣщикъ выпишетъ заграничную коляску, надѣнетъ какой хотите модный костюмъ, заведетъ, пожалуй, и молотильню; а пашетъ все-таки волами, по примѣру добрыхъ предковъ, и, по

обычаю же послѣднихъ, не куеть своихъ воловъ, потому что это можетъ показаться смѣшно сосѣдямъ. Да и мало ли надъ чѣмъ у насъ смѣются! Не такъ еще давно хохотали въ глаза, если начнешь говорить о несправедливости крѣпостнаго права, о несовременномъ обращеніи съ крестьянами! И что же, люди, такъ называемые, образованные не разъ мнѣ отвѣчали: «съ мужиками нѣтъ другаго средства обращаться, какъ палка и палка!

Новоспасская станица оставила мнѣ одно воспоминаніе, назидательное для пріѣзжаго, если кому случится путешествовать по этой дорогѣ. Упустивъ изъ виду позавтракать въ колоніи, гдѣ всегда можно найти кусокъ жирной ветчины, стаканъ сливокъ, творогъ и свѣжее масло, я почувствовалъ порядочный аппетитъ при возвращеніи на станцію. Толстѣйшая Еврейка предложила мнѣ порцію говядины, пригласивъ въ свое помѣщеніе, на что я согласился съ большимъ удовольствіемъ, потому что въ комнатѣ для пріѣзжающихъ было разбито одно окно и рѣзкій вѣтеръ продувалъ на сквозь. Жилпще содержателя станціи отличалось чистотою, чего трудно встрѣтить у небогатыхъ Евреевъ; да и у богатыхъ не вездѣ, развѣ уже у образованныхъ, чувствующихъ потребность комфорта. На стѣнахъ прибито множество картинъ — психихъ московскихъ литографій. Мебель въ высшей степени нечѣпая, но на которой можно было по крайней мѣрѣ сидѣть, тогда какъ на станціи неуклюжія, кожанныя кресла и диванъ до такой степени оборваны, что, при малѣйшей неосмотрительности, легко полатиться, если не параличами, то навѣрное кускомъ — собственнаго костюма. Я поблагодарилъ за обязательное предложеніе выпить рюмку водки и занялся жареной говядиной, обложенной тремя поджаренными картофелинами. При всемъ желаніи утолить голодъ, я не могъ разрѣзать говядины хозяйскимъ ножомъ, такъ она была тверда и жилиста; и хотя я вынулъ изъ сумки дорожный ножъ, однако и англійская сталь, исполнившая свое дѣло, не послужила мнѣ въ пользу: мясо оказалось какого-то деревяннаго свойства. Конечно, можно было обобрать около жила малую толику, но это составило золотника два пищи, и я довольствовался собственно тремя картофелинками, прогорклымъ масломъ.

— Однако у васъ говядина не хороша, отозвался я къ хозяйкѣ, присутствовавшей при моихъ тщетныхъ усиліяхъ разрѣзать жаркое.

— Самая лучшая.

— Ее невозможно ѣсть.

— Помыдуйте! передъ вами только что проѣхалъ генералъ и очень хвалилъ.

Я счелъ за лучшее прекратить критику, опровергаемую такимъ авторитетомъ, и спросилъ что слѣдуетъ за говядицу.

— Полтинникъ.

— За одну порцію?

— Мы такъ беремъ, господинъ, у насъ не трактиръ, а я удѣляю отъ своего обѣда.

Дѣлать было нечего и пришлось заплатить пятьдесятъ копеекъ за анатомическій опытъ надъ кускомъ говядины. «Одна бѣда не проходитъ» говоритъ пословица, и мнѣ чаще другаго доводилось испытывать приложеніе этого печальнаго вывода. При уплатѣ прогоновъ я узналъ, что до станціи 31 верста — обстоятельство не весьма пріятное, — а когда выѣзжалъ за ворота, то увидѣлъ, что лѣвая дышлавая лошадь хромала, а прочія не передвигали ноги.

— Такъ мы не доѣдемъ, сказалъ я писарю, равнодушно покуривавшему паппроску.

— О, нѣтъ, до ночи доѣдете.

Хорошо утѣшеніе: еще не было полудня.

— По крайней мѣрѣ есть ли по дорогѣ деревня, гдѣ можно перекусить?

— Не только по дорогѣ нѣтъ жилья, да и самая Камышевская станція стоитъ среди степи.

— Есть ли у насъ какойнибудь запасъ? спросилъ я съ отчаяніемъ у своего мальчика и спросилъ на обумъ, потому что въ Бердянскѣ ничего не покупалъ для дороги.

— Есть булки и десятокъ яблокъ.

— Ну слава Богу! подумалъ и пустился въ невѣдомый путь на хромающей и еле переступающей тройкѣ.

Ящикъ хотѣлъ было подогнуть клячъ, но потомъ съ улыбкой оборотился ко мнѣ и бросилъ кнутъ на дорогу.

— Антипка, подбери кнутъ, сказалъ онъ, обращаясь къ какому-то парню: все равно на водку не будетъ. По крайности, баринъ, позвольте покурить цигарки.

— Кури сколько хочешь. Значитъ такъ шагомъ и поѣдемъ.

— Еще хорошо, что не грязно, доплетемся къ ночи, а въ грязь!... И онъ махнулъ рукой.

Къ счастью, дѣйствительно погода была прекрасная. Послѣ полудня утихъ даже вѣтеръ, такъ что я много шелъ пѣшкомъ и охотился за куропатками, которыхъ удалось застрѣлать штуки

три, къ общему удовольствію ямщика, принявшаго на себя обязанность лягавой собаки.

— Отчего это у васъ такія дурныя лошади? спросилъ я.

— Извѣстно жидъ не кормить.

— А дальше лучше?

— На Камышеваткѣ не много лучше, въ Мариуполѣ хорошія, а по Дону (Земля Войска Донскаго) пойдете пѣшкомъ, баринъ.

— Какъ такъ?

— Лошади — одни кости да кожа, да и тѣхъ нѣтъ комплекту.

— Возятъ же какъ нибудь.

— Извѣстно возятъ, нельзя сказать чтобъ не возили.

На половинѣ дороги однакожъ и наши клячи остановились совершенно, такъ что ямщикъ попросилъ позволенія распречь и попасти маленько. Первый разъ въ жизни я пожалѣлъ о непривычкѣ спать днемъ, потому что бродить по степи утомился, за книгой не хотѣлось распаковывать чемоданъ, а бездѣйствіе предстояло томительное, въ полномъ смыслѣ этого слова. А тутъ еще голодъ съ своими притязаніями! Но булки и яблоки были принесены въ жертву двумъ желудкамъ, и я закурилъ сигару, лежа на перекладной подъ открытымъ небомъ, среди почтовой дороги; какъ нарочно подъ проволокой телеграфа. Торопить ямщика запрягать — было бы неблагоразумно, выходить же изъ себя и горячиться въ подобныхъ случаяхъ, казалось мнѣ всегда смѣшнымъ въ другихъ — слѣдовательно я смиренно предался терпѣнію. Запрягли мы уже въ сумерки, сблизись съ дороги, потерявъ телеграфные столбы — и не знаю какъ, очутились на слѣдующей станціи, куда однакожъ прибыли часу въ десятомъ вечера. Комышеватая станція, не смотря на свою неопрятность и неудобства, показалась мнѣ дворцомъ, особенно послѣ двухчасоваго страха ночевать въ полѣ. А когда мнѣ подали кипящій самоваръ и я за стаканомъ чаю закурилъ сигару, прошлое горе было забыто, и только голодъ отзывался не на шутку. Курепатокъ моихъ станціонная кухарка не изжарила, но такъ обуглила, что онѣ оказались не съѣдомы, и мнѣ оставалось довольствоваться увѣреніями писаря, что въ Мариуполѣ завтра найду «все что угодно». Убаюканный этою надеждою и совершивъ болѣе двадцати верстъ пѣшкомъ, я расположился по равьше спать, занявъ единственный диванъ, ухабистый словно зимняя проѣзжая великорусская дорога. Но увы, не одно это неудобство ожидало меня на безпокойномъ ложѣ; не успѣлъ я задуть свѣчу и закутаться, какъ меня со всѣхъ сторонъ осадили жданные, но не желанные жиль-

цы трактирныхъ и станціонныхъ кроватей и дивановъ. Дѣлать нечего, устроилъ я себѣ кое-какъ постель на полу, и хоть кровожадныя насѣкомыя безпоковли меня меньше, однако все въ такой степени, что я забылся сномъ не ранѣе разсвѣта. По этому случаю, я выѣхалъ только въ одиннадцатомъ часу. На всемъ перегонѣ, почти въ тридцать верстъ, встрѣтилось одно лишь греческое селеніе, жители котораго, повидимому, живутъ въ довольствѣ, судя разумѣется по наружности деревни, хорошо обстроенной, обставленной порядочными домиками. Лошади попались мнѣ плохія, и я едва къ двумъ часамъ прибылъ въ Мариуполь на станцію, которая помѣщается при въѣздѣ въ городъ. Первымъ дѣломъ было спросить объѣдать.

— У насъ нѣтъ ничего, отвѣчалъ мнѣ нисарь, но сходите въ городъ, въ клубъ, тамъ подадутъ все что угодно.

Мнѣ не было никакого дѣла въ Мариуполѣ, да и осматривать, сколько извѣстно, въ немъ нечего, такъ что я располагалъ какъ можно скорѣе выѣхать изъ него и спѣшить въ Таганрогъ, гдѣ по крайней мѣрѣ имѣлъ въ виду пріютъ и ежедневный обѣдъ, что для меня очень важно въ моихъ нутешествіяхъ по Новоросіи. Отдавъ подорожную и приказавъ приготовить къ моему пріходу лошадей, я пустился въ городъ, взявъ и своего мальчика, который тоже чувствовалъ сильное желаніе подкрѣпиться. На порядочной и кажется единственной улицѣ Мариуполя, достойной этого прилагательнаго, мнѣ указали на двухъ-этажный домъ, помѣщеніе клуба, гдѣ меня ожидало магическое, все что угодно. Долго я стучался въ стеклянную дверь съ лѣстницы, пока показался какой-то полусонный слуга, сосавшій прегадку напироску.

— Что вамъ угодно?

— Обѣдать, любезнѣйшій.

— Обѣдать?

— Ну да, и поскорѣе.

— Какой же теперь обѣдъ!

Меня обдало холодомъ.

— Значитъ нѣтъ ничего.

— Какъ есть ничего. Если хотите, подождите до вечера — приготовимъ ужинать.

— Но я уже другія сутки не ѣлъ.

— Сходите въ русскую ресторацію — напротивъ, можетъ быть, что нибудь и найдете.

Разочарованный переходилъ я улицу, но когда вошелъ въ

отвратительную ресторацію и полагъ прямо на кухню, гдѣ грязнѣйшая баба перекладывала руками рыбу на блюдо — у меня исчезъ всякій аппетитъ, и я опречетью бросился назадъ, какъ угорѣлый.

— А что? видно и здѣсь нѣтъ? спросилъ меня мой мальчикъ.

— Пойдемъ на базаръ, отвѣчалъ я.

Къ нашему благополучію на базарѣ было много винограду и грушъ, привезенныхъ крымскими Татарами, и съ помощью булки мы состряпали себѣ обѣдъ, если нероскошный, но крайней мѣрѣ утолившій голодъ на нѣкоторое время. Сколько позволялъ сакъ-воважъ, я сдѣлалъ запасъ плодовъ и на дорогу. Возвратясь на станцію, на вопросъ писаря «хорошо ли мы пообѣдали?», я произнесъ нѣсколько фразъ не въ похвалу города, но такихъ энергическихъ, которыя заставили меня тотчасъ же омониться и покраснѣть. Писарь къ тому же сдѣлалъ мнѣ знакъ, изъ котораго я понялъ, что фразы мои услышаны тѣми, кому слышать ихъ не слѣдовало, что еще болѣе привело меня въ смущеніе.

И такъ о Мариуполѣ я не могу рѣшительно ничего сказать, крохъ развѣ сдѣлать выписку изъ одесскаго календаря. Но я полагаю — неблагородно прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, тѣмъ болѣе, что я привыкъ описывать лишь видѣнное своими глазами и испытанное собственными наблюденіями. Не могу однакоже не замѣтить, что когда я зашелъ въ лавку купить себѣ фунтъ сыру, меня поразила разговоръ купца съ приказчикомъ, происходившій по-турецки.

— Вѣдь вы Греки спросилъ я.

— Греки.

— Зачѣмъ же вы говорите по-турецки.

— Мы всегда употребляемъ этотъ языкъ, еще съ предковъ.

— А по-гречески.

— У насъ рѣдко кто знаетъ по-гречески. Греки эти выходцы изъ Крыма, гдѣ въ старые годы ни одна національность не смѣла употреблять своего языка не только на улицѣ, но даже и въ семействѣ. Фактъ этотъ мнѣ былъ очень хорошо извѣстенъ во время путешествія по Днѣстру, гдѣ встрѣчалъ я Армякъ, Болгарь и Грековъ, которые говорятъ по-турецки и не знаютъ своего природнаго языка. Мнѣ рассказывали (впрочемъ подобнае обстоятельство встрѣчается у Геродота), что какой-то султанъ, желавшій заставить малоазійскихъ Грековъ позабыть

по-гречески, придумалъ довольно дѣйствительное средство. Онъ приказалъ у всего греческаго населенія обоаго пола выше семилѣтняго возраста — отрѣзать языки. Вазумѣется, новое поклѣвнѣе ни слова не знало по-гречески.

Переправаясь черезъ Колмиусъ, незначительную рѣчку проѣзжающій на почтовыхъ, а пожалуй и на курьерскихъ, долженъ припомнить стихъ Данте:

«Lasciate ogni speranza voi qu'entrate.»

Здѣсь относительно почтовыхъ станцій начинается такая область произвола, такіе беспорядки, такія вопіющія несправедливости, которыя врядъ ли у насъ гдѣ бывали и въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Однимъ словомъ трудно повѣрить, не испытавъ самому, до чего можетъ дойти несправность почтоваго сообщенія, встрѣчаемое между Мариуполемъ и Таганрогомъ. Здѣсь рѣшительно законы дремлютъ, и хотя по стѣнамъ прибиты почтовые постановленія, однако изъ всѣхъ только одно, а именно, что «безъ платежа прогоновъ никто неужьжается.» Остальныя всѣ висятъ для украшенія стѣнъ полумазанокъ, полуземлянокъ. Лошадей недостаетъ до комплекта, да и тѣ, которыя находятся на лицо, слоняются словно тѣни, потому что содержатель не выдаетъ денегъ на фуражъ. Комната для проѣзжающихъ сырая, грязная, не болѣе пяти аршинъ въ длину, четырехъ въ ширину, полъ которой ниже уровня земли, — зимой и осенью служить не мѣстомъ отдыха, но неизбежной пыткой, иногда увы на продолжительное время. По жалобной книгѣ, испи-санной въ первые мѣсяцы, видно, что нѣкоторые проѣзжіе жили по нѣсколько сутокъ, предоставленные въ жертву всевозможнымъ лишеніямъ на станціи, расположенные среди чистой степи. Невозможно себѣ представить чему подвергается человекъ, сидя въ сырой грязной избенкѣ, безъ продовольствія и часто безъ надежды на скорое избавленіе. На первой же станціи «Безъмянной» засталъ я двухъ проѣзжающихъ, которые по праву *primo occupanti* заняли единственный косои диванъ — и горевали о томъ, что холодно и негдѣ ночевать, а ѣхать дальше они не надѣялись. На требованіе мое лошадей, я получилъ отвѣтъ смотрителя, что лошадей нѣтъ, но къ разсвѣту онъ обѣщалъ мнѣ *подкормить курьерскихъ*. Освободивъ кое-какъ одинъ стулъ изъ подъ пассажирскихъ кульковъ и бросивъ свои вещи въ сырой уголъ, я рѣшился провести ночь, завернувшись въ шинель. Спать не было никакой возможности. —

Мы балагурили съ дорожными, пока не забрежжиль развѣтъ сквозь мутныя окна. Дѣйствительно, къ утру лошади были готовы, и я шагомъ на вурьерскихъ поплелся до слѣдующей станціи «Воробьевки.» Эта была въ такой же исправности, и когда я добрался до третьей, «Горькой», совершенно стемнѣло и не было средствъ ѣхать далѣе. Вотъ уже, мнѣ кажется, никогда названіе не приходилось болѣе кстати. Дѣйствительно, горько на ней приходится проѣзжему. Лошадей тоже нѣтъ, какъ и на прочихъ, только съ тою разницею, что староста считаетъ обязанностью дерзко обращаться съ проѣзжающими. Записывать жалобу, казалось мнѣ смѣшнымъ, принявъ во вниманіе, что ни одна изъ нихъ никогда не удовлетворялась, да кажется и въ книгѣ не было уже мѣста для нѣсколькихъ строчекъ. На другой день утромъ мнѣ кое-какъ набрали тройку. Процессъ этотъ продолжался довольно долго, и часу въ одиннадцатомъ я сѣлъ въ перекладную. Къ числу вопіющихъ неисправностей можно отнести еще и то обстоятельство, что на всѣхъ этихъ станціяхъ не выведена изъ употребленія неуклюжая русская телѣга и незамѣнена легкими почтовыми бричками. Ничего не можетъ быть негѣпѣ нашей телѣги съ узкимъ задкомъ, который гораздо выше передка, и съ тяжелыми допотопными колесами. Еще по сухой дорогѣ, при хорошихъ лошадяхъ, можно ѣхать въ этомъ коробѣ, но въ грязь, на клячахъ, несчастная тройка едва въ состояніи тащить одинъ экипажъ, который не свидѣтельствуешь о блестящихъ способностяхъ нашихъ предковъ. Почтовое вѣдомство давно уже озаботилось ввести на станціяхъ легкія брички, но какъ сказано: въ Землѣ Войска Донскаго (между Мариуполемъ и Таганрогомъ) не обращается вниманіе ни на какія постановленія. Станціи эти содержатъ какой-то подполковникъ, и на него нѣтъ суда и права. Говорю это смѣло, потому что собственными глазами видѣлъ вопіющіе безпорядки; притомъ же, если бы хоть десятая жалоба проѣзжающихъ была разобрана какъ слѣдуетъ, то не только станціи этого содержателя перешли бы въ казенное управленіе, а онъ самъ былъ бы подъ судомъ за не терпимыя нигдѣ злоупотребленія. Самыя почты отправляются здѣсь съ трудомъ со станціи, а что ѣдутъ шагомъ, — объ этомъ и говорить нечего. О верстовыхъ столбовъ здѣсь, кажется, никто и не слыжалъ отъ самаго учрежденія почтовой дороги. Когда я добился до Миуса и переѣхалъ границу Войска Донскаго, у меня словно спала тяжесть съ плечъ при входѣ на станцію Екатеринославской губерніи. Большая свѣтлая комната, от-

носительный порядокъ, заботливость смотрителя — все это недурно подѣйствовало на душу, и я доброй рысью поѣхалъ по дорогѣ къ Таганрогу. Но за то, Боже мой, что за убійственный путь на этомъ перегонѣ отъ Коровьяго брода! О немъ нельзя никакъ составить понятія, какъ проѣхать по свѣже-вспаханному полю: такъ много здѣсь рытвинъ и выбоинъ, которыя послѣ недавнихъ дождей, поминутно разбиваемыя обозами — лежатъ густыми рядами поперегъ дороги. Но эта непріятность мало имѣла на меня вліянія, потому что впереди въ вѣсколькихъ верстахъ ожидалъ городъ, первый въ Новороссіи послѣ Одессы, гдѣ я разволагалъ успокоить свои разбитые члены и отдохнуть порядкомъ. И вотъ, вскорѣ при спускѣ подъ гору показался Таганрогъ, раскинувшись на возвышенномъ мысѣ полукругомъ, и солнце озарило передо мною большіе дома и куполы церквей и колоколенъ.

— Куда же ты повезешь меня? спросилъ я у ямщика.

— Куда прикажете.

— Я не знаю ни одной гостиницы.

— Да ихъ всего двѣ: одна по большой улицѣ возлѣ клуба, другая у Кувалова.

— Которая же лучше?

— Кто ихъ знаетъ! ставимъ господъ въ обѣихъ, а тамъ куда угодно.

— Въ ту, которая ближе.

— Значить возлѣ клуба.

Подъ городомъ дорога сдѣлалась еще убійственнѣе, и надо было лавировать по такимъ ухабамъ и высионамъ, что я не понимаю, какъ можно отважиться ѣздить здѣсь ночью.

За то при въѣздѣ въ городъ встрѣчаетъ васъ прекрасное шоссе, и тутъ же направо вы видите большое зданіе, окруженное садомъ, гдѣ помѣщаются богоугодныя заведенія. Эта часть Таганрога еще не застроена, а городъ собственно начинается за шлакбаумомъ, возлѣ котораго красуется гербъ столицы азовскаго поморья. Въѣвъ долго еще тянется красивый и обширный городской садъ, а вправо начинаются уже дома большой или Петровскій улицы, которая можетъ поспорить съ любой улицей губернскихъ городовъ. Прекрасныя строенія, балконы, разнообразныя вывѣски и широкіе тротуары, усеянные гуляющими въ изящныхъ костюмахъ — произвели на меня пріятное впечатлѣніе. Кромѣ того, взадъ и впередъ проѣзжали самыя щегольскіе экипажи, запряженные бойкими лошадьми, и со всѣхъ

сторонъ сверкали черные глаза, опущенные длинными рѣсницами.

Ямщикъ мой остановился возлѣ деревяннаго дома невзрачной наружности, но окны котораго украшены занавѣсками, и кликнулъ дворника. Оказалось нѣтъ нумеровъ и мы поѣхали дальше. Но вотъ у гостиннаго двора своротили мы на право и очутились въ грязи по самыя ступицы. Тройка добрыхъ лошадей едва тащила повозку. Чѣмъ дальше тѣмъ больше грязи, только не такой вязкой, а за соборомъ мы чуть не вплавъ переправились чрезъ большую лужу, за которой по переулку, точь-въ-точь по проливу, достигли двухъ-этажнаго дома съ зеленою вывѣскою: гостинница.

— Это и есть Куваловъ, отозвался ямщикъ, предпочитавшій повидимому этого хозяина.

Въ домѣ нумеровъ не было, но мнѣ показали во флигелѣ порядочную комнату, окрашенную пестрыми узорами и убранную довольно патриархально. Разбирать было нечего, я остановился и спросилъ обѣдать. Но увы, не смотря на продолжительное сухояденіе, невозможно было ничего ѣсть съ кухни единственнаго Кувалова: въ борщѣ за второй ложкой попались мнѣ такія животныя, которыя, только безъ вѣдома повара и во вредъ его искусству, попадаютъ въ приправку нашихъ щей и селянокъ; это непредвидѣнное обстоятельство уничтожило во мнѣ всякое желаніе обѣдать; а когда я разрѣзалъ котлеты и нашелъ въ нихъ перья и какую-то щепку, самъ половой — свидѣтель этихъ событій — предложилъ мнѣ принести свѣжій порціи. Я отказался и долженъ прибавить, что доброе лицо полового сдѣлало такую печально-комическую гримасу, что я невольно сдержался отъ всякаго рѣзкаго замѣчанія.

— Какъ же, сударь, такъ и не будите обѣдать?

— Благодарствую.

— Хозяинъ очень будетъ обяженъ. Экая притча! Хоть компоту покушайте.

— Плохое, братъ, утѣшеніе компотъ человѣку, который три дня питался одними яблоками; я съѣзжу въ другую гостинницу.

— Эхъ, баринъ, тамъ развѣ маленько лучше нашего.

Дѣйствительно въ другой гостинницѣ обѣдъ былъ едва лучше Куваловскаго; но покрайней мѣрѣ я не нашелъ въ немъ рвотнаго изъ насѣкомыхъ.

И было приунылъ, но судьба устроила такъ, что я нашелъ прежнихъ знакомыхъ, приобрѣлъ новыхъ, которые были до того обязательны, что, зная недостатки Таганрога въ отношеніи про-

довольствія проѣзжающихъ, пригласили меня безъ церемоній ходить къ нимъ обѣдать, и я безъ зазрѣнія совѣсти пользовался этимъ приглашеніемъ. На этотъ разъ прожилъ я всего три дня въ Таганрогѣ, но на возвратномъ пути въ Декабрѣ провелъ здѣсь цѣлый мѣсяцъ по случаю невообразимой грязи, превратившей почву въ какую-то клейкую жидкость и сдѣлавшей изъ дороги — непроходимую тундру. По этому я скажу за одинъ разомъ о Таганрогѣ все, что успѣлъ замѣтить.

Далекій сѣверо-восточный край Азовскаго моря, отстоящій отъ Петербурга на 2,000 верстъ — построилъ себѣ на мысѣ очень порядочный городъ; хотя въ столицѣ и сѣчаютъ его глубочайшей провинціей, но въ сущности онъ имѣетъ гораздо менѣе провинціальнаго замашекъ, чѣмъ любой изъ нашихъ губернскихъ городовъ, зараженныхъ спесью, чванствомъ и жванствомъ другихъ ясныхъ качествъ, — собственно составляющихъ непроходимую провинцію. Таганрогъ, если хотите, невозможно въ родѣ Одессы — съ тою только разницею, что въ немъ нѣтъ аристократическаго кружка, который, надо сказать правду — вездѣ парализуетъ общественное движеніе. Въ Таганрогѣ общество болѣе или менѣе соединяется, и мнѣ приходилось у самыхъ первыхъ богачей встрѣчать въ гостяхъ самую скромную бѣдность, пользующуюся на равнѣ со всѣми гостепрѣимствомъ и почетомъ. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы это общество было маленькое и ровное по своимъ отношеніямъ. Здѣсь сталкиваются все-таки розныя элементы: свободные люди, чиновники и negociанты, но никогда нигдѣ не встрѣтите вы какого нибудь скандала, неизбѣжнаго во внутреннихъ городахъ, надутыхъ дворянствомъ, чинами, должностями и т. п.; болѣе десяти разъ бывалъ я на базахъ и вечерахъ Таганрога и могу сказать, положи руку на сердце, что трудно гдѣ нибудь въ провинціи встрѣтить такое милое женское общество, такъ чисто и даже роскошно одѣтое. Впрочемъ и удивляться нечего: Таганрогъ имѣетъ прямое сообщеніе съ чужими краями, которые вводятъ въ него большую долю жизни путемъ торговля. Но справедливость требуетъ сказать, что общественная жизнь Таганрога и ограничивается только базами и зваными вечерами. Въ остальные дни въ двухъ-трехъ домахъ вы можете провести время, а въ прочихъ просто не принимаютъ. У многихъ только по воскресеньямъ утромъ привязываютъ колокольчикъ, а въ понедѣльникъ, напримѣръ, вы можете сколько угодно звонить или воображать, что звоните — къ вамъ даже никто не выдетъ принять карточку. Если вы не познако-

живете въ нѣсколькихъ домахъ, о которыхъ я упомянулъ, вамъ не остается другаго средства какъ сидѣть дома. Въ этомъ отношеніи для пріѣзжаго Таганрогъ также непріятенъ, какъ и въ отношеніи жалкихъ гостинницъ. Желая быть правдивымъ, не могу также умолчать, что блестящая, наружная сторона общества не совсѣмъ отвѣчаетъ внутренней. Впрочемъ недостатокъ образованія, особенно женскаго, замѣтенъ и въ столицахъ, — значить въ провинціальномъ быту онъ не долженъ казаться рѣзкостью. Слова нѣтъ, пріятнѣе было бы при развитіи роскоши и модъ встрѣчать и другое развитіе, но глубокая болѣзнь нашего одряхлѣвшаго общества повсемѣстно останавливаетъ даже попытки вывести женщину на тотъ путь, который ей предназначенъ. Нѣкоторые Греки отдають однакожъ своихъ дочерей въ русскія учебныя заведенія, и молодыя особы кромѣ разговора о кружевахъ, танцахъ и женихахъ — ведутъ разговоръ и о другихъ предметахъ столько же современнымъ и не менѣе близкихъ человѣческому сердцу. Впрочемъ истинное образованіе составляетъ рѣдкое исключеніе. Большинство живетъ той животной жизнью, которая беретъ отъ воспитанія одну внѣшнюю, чисто-физическую сторону. Кто умѣетъ не совсѣмъ карикатурно одѣться и ловко танцовать, тотъ слыветъ во мнѣніи вполнѣ благовоспитаннымъ юношей.

Присутствовалъ я и на лотерей въ пользу бѣдныхъ, которая разыгрывалась въ клубѣ, и гдѣ сошлось все таганрогское общество. Розыгрышъ продолжался довольно долго, однако не смотря на это, по окончаніи, когда убраны были столы въ залѣ и поднесены билетки, — на хорахъ раздались звуки польки, и танцующіе закружились въ разныхъ направленіяхъ. На этомъ балѣ замѣтилъ я первый разъ много простенькихъ костюмовъ, которые удивительно шли хоршенькимъ личикамъ, въ-особенности два сѣренкихъ платья на сестрахъ А.... производили гораздо лучший эффектъ, чѣмъ самые дорогіе наряды. Всѣ хвалили, всѣмъ это нравилось, однако на слѣдующемъ вечерѣ ни у кого не было уже простоты, а кружева, бархатъ, шелкъ и тѣ, повидному, обыкновенныя легія платья, которыя поглощаютъ значительныя суммы. По моему, роскошь дамскихъ туалетовъ самый важный недостатокъ таганрогскаго общества, по крайней мѣрѣ уничтожающій или, лучше сказать, вредящій доброму обычаю собираться вмѣстѣ всѣмъ сословіямъ. Оно конечно, отчего богатой барыни не надѣтъ кружевнаго наряда, но на все есть время и мѣсто. Положимъ на балѣ въ частномъ домѣ можно наряжаться какъ

угодно; — но на клубные вечера, куда съѣзжаются и бѣдные семейства, — самая деликатность заставляетъ являться какъ можно проще; это сближаетъ и облагораживаетъ взаимныя отношенія общества. Я видѣлъ, напримѣръ на новый годъ, кружевное платье, какъ говорили, въ двѣ тысячи рублей; но смѣло можно сказать, что если бы особа, въ немъ явившаяся, пріѣхала въ простомъ кисейномъ, то отъ этого не проиграли бы ни ея черныя жгучія глаза, ни прелестный овалъ лица, ни тонкій, нѣжный и безъискусственный румянецъ.

Не всѣ греческіе негоціанты — русскіе подданные, но и приняшіе у насъ подданство — преимущественно жители Хиоса, которые издавна имѣютъ конторы въ южныхъ нашихъ портахъ — и не считаютъ необходимою учить дѣтей русскому языку грамматически. Всѣ они, разумѣется, говорятъ по-русски довольно плохо, а жены ихъ и дочери, тѣ, которыя не воспитывались въ нашихъ заведеніяхъ, еще хуже. Они оправдываются тѣмъ, что дочери ихъ выйдутъ замужъ за-границу — слѣдовательно имъ русскій языкъ будетъ совсѣмъ ненуженъ. Не знаю извинительно ли подобное оправданіе и можетъ ли быть лишнимъ иностранный языкъ, изученіе котораго не представляетъ никакой трудности, а литература начинаетъ входить въ семью литературъ европейскихъ; — но между хіонскими Греками существуетъ и до-сихъ-поръ странный обычай относительно супружества. Греческіе негоціанты продолжаютъ женить фирмы и капиталы, не справляясь съ склонностью молодежи, и нерѣдко сынъ, положимъ, Таганрогскаго купца женится на Триэстанкѣ, а дочь выходитъ замужъ за какого-нибудь ливорискаго франта. И надо сказать, что молодые люди не только не имѣютъ понятія другъ о другѣ, но и не видятся до самой свадьбы; въ послѣднее только время родные начали пересылать фотографическіе портреты. Помолвленные живутъ розно иногда лѣтъ пять, шесть и больше, смотря по обстоятельствамъ. Но хіосскіе Греки женятся преимущественно на своихъ соотечественницахъ, которыя разсѣяны, я думаю, по всѣмъ портамъ вселенной. Есть многіе богатые дома, торгующіе преимущественно хлѣбомъ, особенно пшеницей и шерстью. Для меня всегда было странно — отчего Греки наживаютъ у насъ миліоны хлѣбной торговлей, а мѣстные русскіе купцы, которымъ, казалось бы, проще всего заниматься этимъ дѣломъ, не обращаютъ на него ни малѣйшаго вниманія. Фактъ весьма замѣчательный. Не говорю о Таганрогѣ, гдѣ всѣмъ ворочаютъ Греки, но въ Одессѣ напримѣръ торгуютъ хлѣбомъ Евреи, Италиян-

цы, разные Славянѣ, а изъ русскихъ, кажется никто. Да не только негоціанты, смотрите какъ наживаются маклера, какіе строятъ дома — и все на счетъ пшеницы. Для хлѣботорговцевъ нѣтъ ни засухи, ни саранчи, ни неурожаевъ, они черпаютъ полными руками, и когда бѣдный земледѣлецъ пухнетъ съ голоду, — негоціанты набиваютъ себѣ карманы. Значить хлѣбная торговля выгодна, значить аккуратнаго купца можетъ она обогатить даже очень скоро, — отчего же русскіе купцы не занимаютъ ею въ портахъ морей Чернаго и Азовскаго. Они еще доставляютъ изъ внутреннихъ губерній хлѣбъ, но ограничиваются сбытомъ въ русскихъ городахъ, словно отправка за-границу сопряжена съ рискомъ потерять все состояніе. Все это объясняется не лѣнью, не отсутствіемъ капиталовъ, а не развитостью индустриальныхъ способностей и отчасти недовѣріемъ иностраннаго негоціанта нашему купцу.

А какое благотворное вліяніе оказала бы заграничная торговля на бытъ нашего купечества, на это царство систематическаго воровства, съ его возмутительнымъ самодурствомъ, выглядывающимъ изъ каждаго угла купеческаго дома. Надо правду сказать, что за малыми исключеніями провинціальное купечество наше тонетъ въ невѣжествѣ, доказательствомъ чему служить то, что многіе Великорусы, изъ этого сословія очень богатые — держатся старообрядства. Посмотрите на петербургскаго купца, имѣющаго сношенія съ иностранными землями, — вы нерѣдко увидите въ немъ — образованнаго человѣка, и взгляните на какую-нибудь богатую личность въ Новороссіи изъ сословія длиннокафтанниковъ, которая косится даже на папироску и крестить ротъ за каждымъ зѣвкомъ, чтобы дескать дьяволъ не прошелъ въ уста православныя!

Въ Таганрогѣ живетъ много консуловъ преимущественно изъ негоціантовъ, и здѣсь въ праздникъ вы увидите флаги всевозможныхъ государствъ, даже вольныхъ городовъ, корабли которыхъ не знаю, заходятъ ли когда въ Азовское море.

Таганрогъ построенъ на горѣ, но карантинныя и таможенныя зданія, а также многіе магазины расположены по берегу у пристани, къ которой впрочемъ подходятъ небольшіе суда и то не всегда. Здѣсь случаются отливы, хотя не тѣ, какіе бываютъ въ океанѣ, однако если береговой вѣтеръ угоняетъ воду, то передъ городомъ образуется далекое пространство настоящей суши. Портъ очень невыгодный. Рейдъ его растянутъ верстъ на сотрокъ, потому что самыя большія суда, входящія въ Азовское

море, не могут подходить близко къ городу, а бросают якорь далеко и получают грузъ посредствомъ кобатажа. Наконецъ, самая большая глубина этого моря не превосходитъ 43 футовъ, что конечно было бы достаточно, если бы вездѣ было одинаково. Но богатство окрестныхъ мѣстностей, можно сказать, хлѣбное Эльдorado, заставило коммерцію избрать уголъ своимъ главнымъ складомъ, вслѣдствіе чего и основались въ Таганрогѣ иностранныя конторы. Городъ впрочемъ началъ процвѣтать съ 1824 года, когда императоръ Александръ I обратилъ на него вниманіе. Съ-тѣхъ-поръ заговорили о Таганрогѣ и онъ не считался уже забытымъ уголкомъ имперіи. Но до того времени, должно быть, городъ не отличался ни красотой построекъ, ни роскошью своихъ обитателей.

Городъ застроенъ очень хорошо. Разумѣется преимущество принадлежитъ Большой или Петровской улицѣ, но и на другихъ встрѣчаются прекрасныя дома. — Я не говорю, напримѣръ, о палатахъ Н. Д. Азѣраки—это просто дворецъ по наружности, а еще больше по внутренней отдѣлкѣ, украшеніямъ, дорогимъ картинамъ, статуямъ; подобный домъ былъ бы замѣтенъ и въ столицѣ. Но есть хорошія строенія, разбросанныя по разнымъ частямъ города. За то улицы эти, исключая Петровской, рѣшительно непроходимы во время грязи. До-сихъ-поръ никто о нихъ не заботился. Въ настоящее время градоначальникъ хлопочетъ исправить эту погрѣшность и, не смотря на скудныя средства, предпринять многія работы. Главное, что сдѣлано—это спуски къ морю, а то, говорятъ, не было никакого проѣзда и, не забудьте, тамъ, гдѣ ежедневно проходятъ тысячи подводъ къ пристани. Я жилъ въ Таганрогѣ во время грязи и видѣлъ, что значило своротить съ шоссированной улицы. Но шоссе готовится въ разныхъ мѣстахъ, и есть надежда, что по городу можно будетъ проѣхать въ самую распутицу. Здѣсь, конечно представляется вопросъ: отчего же давно не подумали объ этомъ? Если бы каждый годъ мостили по одной улицѣ, теперь стоило бы только ремонтировать. Не трудно отвѣчать на это. Городскіе доходы берегутся у насъ неизвѣстно для чего. Не рѣдко вы слышите, что такой-то городъ имѣетъ столько-то десятковъ тысячъ, но изъ этой суммы не смѣетъ онъ употребить ни одного рубля, не спросившись у Петербурга, который скунится на чужія деньги и не разрѣшаетъ никакихъ издержекъ. Кромѣ того процедура смѣтъ тянется чрезвычайно долго—и вотъ почему города наши и не красивы и не проходимы. Вѣдь и частна-

го дома, если онъ превосходить извѣстные размѣры, вы не смѣете выстроить, пока не утвердятъ планъ въ Петербургѣ. Городскія деньги лежать въ бездѣйствіи, а городъ не имѣетъ мостовыхъ, фонарей, воды. Говорятъ, впрочемъ, городскія хозяйства получаютъ другое устройство и города сами займутся своими настоятельными нуждами, не спрашиваясь высшаго начальства. Въ Таганрогѣ при мнѣ былъ довольно любопытный случай. Тамъ театръ помѣщается въ частномъ домѣ, весьма уже ветхомъ, тѣсномъ и въ высшей степени неудобномъ. Одинъ изъ богатыхъ людей Н. Д. А. предложилъ выстроить зданіе на свой счетъ, съ тѣмъ, чтобы городъ нанималъ его за сумму, назначаемую для этого по смѣтѣ расходовъ. Кажется, если не ошибаюсь, издержки на постройку должны простираться до шестидесяти тысячъ рублей. Планъ сдѣланъ прекрасный, извѣстнымъ архитекторомъ, и соблюдены всѣ условія необходимыя при зданіяхъ этого рода. Послали на утвержденіе еще только генералъ-губернатору, въ полной увѣренности получить разрѣшеніе. Не тутъ-то было. Изъ Одессы пришелъ отвѣтъ, что разрѣшается такому-то выстроить театръ, но съ тѣмъ, если онъ исполнитъ разныя другія условія, показавшіяся Одессѣ необходимыми. Тогда Н. Д. А. просилъ увѣдомить Одессу, что онъ отказывается отъ постройки театра. Вотъ и опека. Не знаю успѣли-ль уговорить Н. Д. А. на принятіе условій, а если нѣтъ, то городъ останется безъ театра, потому что въ прежнемъ скоро будетъ опасно давать представленія.

Кстати о театрѣ. Не смотря на тѣсоту и невзрачность помѣщенія, не смотря на нелѣпое устройство сцены, — таганрогскіе спектакли, очень не дурны. Антрепренеръ г. Леоновъ, нѣкогда пѣвецъ петербургскій, если не составляетъ себѣ состоянія и какъ даже говорятъ ведетъ дѣла въ убытокъ, конечно не изъ любви къ искусству, а по недостатку распорядительности, — то справедливость требуетъ сказать, что труппа его была бы изъ лучшихъ и на большихъ провинціальныхъ сценахъ. Водевильи проходятъ весьма удачно, и хотя здѣсь нѣтъ блестящихъ талантовъ, какіе появляются въ статьяхъ нѣкоторыхъ корреспондентовъ изъ провинціи, однако, большая часть артистовъ порядочны и не грѣшатъ противъ, такъ называемаго, «антуража.» Много еще привлекаетъ публику группа танцовщицъ и танцоровъ подъ пышнымъ именованіемъ балета. Оно, если хотите, смѣшно видѣть на крошечной сценѣ, такія вещи, какъ «Фаустъ,» но съ другой стороны исполненіе нѣкоторыхъ танцевъ — право не дур-

но. У провинціальныхъ танцовщицъ, есть три отталкивающія вещи, если онѣ даже молоденькія и хорошенькія: гадкій костюмъ до трико включительно, неумѣнье держать себя на сценѣ и отсутствіе всякой граціи въ танцахъ. Еще нѣкоторыя изъ нихъ исполняютъ свою роль отчетливо, но всѣ тѣлодвиженія, при этомъ могутъ привести въ отчаяніе и не театралы.

Здѣсь же на театрѣ встрѣтилъ я одесскую знакомую Юлію Пастрану, заѣхавшую и въ этотъ уголокъ собрать обильную давь своей наружности. Видѣть ее разъ, конечно, любопытно, но потомъ, всегда ощущаешь какое-то тяжелое чувство при взглядѣ на это существо, на его прыжки, кривлянья. Ее нѣтъ уже на свѣтѣ — да и предметъ слишкомъ всѣмъ извѣстный, чтобы о немъ распространяться; но нельзя не сказать ни слова о господинѣ, который показывалъ этого рѣдкаго и несчастнаго уroda. Я жилъ въ одной съ ними гостинницѣ, и нумерной передавалъ мнѣ всѣ тайны домашняго быта этой странной четы, жившей въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ, (что оказалось впоследствии.) Господинъ этотъ, наживавшій большія деньги до-того былъ скупъ и до того деспотически властвовалъ Пастраной, что она не только мыла и гладила свои костюмы, но убирала комнату и подтирала полъ собственными руками. Онъ не держалъ даже горничной. А между-тѣмъ Пастрана, кромѣ денегъ, получала въ подарокъ дорогія вещи, которыя, разумѣется, антрепренеръ могъ считать безнаказанно своими. Я признаюсь, не могъ равнодушно видѣть на сценѣ этого красиваго, стройнаго, молодаго человѣка, объ отношеніяхъ котораго къ Пастранѣ зналъ положительно. Доступъ въ ихъ семейный кругъ, былъ не очень затруднителенъ, т. е., не дорогъ, и мнѣ однажды пришла фантазія отпра-виться къ Пастранѣ съ визитомъ. На сценѣ въ коротенькой юбки и театральномъ костюмѣ, она было отвратительно, но дома въ длинномъ платьѣ, въ изысканной прическѣ съ лентами на головѣ — просто невыносима. Здѣсь обѣдвяжка старалась быть любезной, но при каждомъ отвѣтѣ смотрѣла со страхомъ на своего покровителя. Я не могъ высидѣть болѣе десяти минутъ, и хотя меня приглашали вечеромъ на зотѣ, однако я обѣжалъ это посѣщеніе.

Но пора, что нибудь сказать о торговлѣ. О заграничной, т. е., хлѣбной распространяться не буду, ибо объ этомъ предметѣ любознательный читатель найдетъ свѣдѣнія въ «Одесскомъ Вѣстникѣ;» а я поговорю собственно о таганрогскихъ лавкахъ, которыя довольно многочисленны. Изъ магазиновъ съ предметами русско-

ши пользуется извѣстностью «Европейскій Базаръ» Декамиля. Здѣсь можно купить все необходимое, но съ вастъ за все возмуть такую цѣну, какой вы не воображаете: сколько могъ я замѣтить по мелочамъ, прибрѣтеннымъ у Декамиля, товары тамъ дороже на 50, а иные 75% противъ Одессы, которой тоже нельзя назвать дешевымъ городомъ. Даже къ такимъ обыкновеннымъ вещамъ, какъ пачка конвертовъ, флаконъ чернилъ — нѣтъ пристоупу. Нельзя не упомянуть для сравненія, объ одномъ обстоятельстве. Въ дорогѣ оборвался у меня чохолъ съ револьвера, и мнѣ хотѣлось его прибрѣсть у Декамиля. Съ меня запросили семь рублей! Разумѣется, не смотря на ргіх фіхе я протестовалъ, и обязательный хозяинъ согласился уступить одинъ рубль, но больше ни копейки. Я не купилъ однакоже чехла, рѣшась везти свой револьверъ въ дорожной сумкѣ. Въ Одессѣ у Вагнера я прибрѣлъ такой же точно чохолъ съ поясомъ лакированной кожи пальца въ три шириную за три рубля серебромъ. Въ магазинѣ же Декамиля принимаютъ заказы на мужское платье; и говорятъ у него закройщикъ лучший въ городѣ.

Есть еще другіе подобные магазины: Американскій (отдѣлъ одесскаго — Рубѣ), преимущественно оружейный, съ весьма небольшимъ выборомъ прочихъ товаровъ, и два еврейскіе съ какими-то остзейскими названіями, не помню, потому что въ разныхъ городахъ Евреи открыли магазины подъ именемъ митавскихъ, курляндскихъ и т. д. Вещи попадаются хорошія и можно купить недорого, только необходимо торговаться энергически. Я пробовалъ давать даже треть цѣны. Сперва слѣдовало пожатіе плечами и двусмысленная улыбка, потомъ отвѣтъ «мы не торгуемся,» но когда я молча брался за ручку замка, отправляясь изъ магазина, ироническая улыбка исчезала, глаза блестѣли, и мнѣ предлагалась уступка процентовъ на сорокъ. Я не поддавался и иную вещь покупалъ ровно за пол-цѣны: Эта особенная форма плутовства допускается въ нашемъ торговомъ мірѣ безъ всякаго стыда и упрека въ совѣсти.

Кстати о Евреяхъ. Въ Таганрогѣ по статистикѣ ихъ довольно, но въ торговлѣ очень мало; я даже не замѣтилъ лавокъ за исключеніемъ курляндскихъ, литовскихъ и т. д., только и встрѣчаются ветхозаветныя имена, что на вывѣскахъ ремесленниковъ: часовщиковъ, ювелировъ, портныхъ, мѣдниковъ, и пр. Чѣмъ далѣе къ сѣверо-восточному углу Азовскаго моря, тѣмъ рѣже попадаютъ дѣти Израиля, потому что здѣсь изобилуютъ два гораздо сильнѣйшія племена въ мелочной торговлѣ — Греки и Армяне. Еще

первые бросаясь въ большую коммерцію, но мелочная уже рѣшительно въ рукахъ нахичеванскихъ Армянъ, которые необыкновенно искусны на всевозможныя операціи подобнаго рода. Впрочемъ, есть нѣсколько и русскихъ лавокъ преимущественно бакалейныхъ. Изъ послѣднихъ славится магазинъ Перушкана, у котораго, кромѣ разныхъ гастрономическихъ принадлежностей, имѣется и погребъ съ иностранными винами. Съ этимъ купцомъ случилось интересное приключеніе въ прошломъ году, за достоверность котораго не ручаюсь, но о немъ громко и много говорили въ Таганрогѣ — слѣдовательно это не тайна. Пришло ему на мысль, что заграничныя вина должны доставлять значительную выгоду, если приобретать ихъ прямо на мѣстѣ, и онъ рѣшился послать сына во Францію, тѣмъ болѣе, что пароходы русскаго общества ведутъ сообщеніе съ Марселемъ. Почтенный купецъ и не подумалъ бы объ этой торговлѣ, если бы не подстрекало его удобство сообщенія посредствомъ компаніи, имѣющей въ самомъ Таганрогѣ большое агенство съ двумя помощниками. Надобно еще представить себѣ всю борьбу старика съ предразсудками, боязнью насмѣшекъ отъ собратьевъ, и наконецъ эту надежду на успѣхъ, которая прорвала вѣковую скорлупу нерѣшимости — войдти въ близкія сношенія съ басурманами и послать къ нимъ родное дѣтище. Отслуживъ напутственный молебенъ, молодой человѣкъ уѣхалъ за-границу. Отправился онъ въ разные мѣста, закупилъ вино и распорядился доставить его въ Марсель, гдѣ и сдалъ свой грузъ въ агенство русскаго общества пароходства и торговли, завязавъ сношенія съ извѣстными домами производителей. Не знаю долго ли погулялъ молодой человѣкъ въ чужой сторонѣ и какое произвело на него впечатлѣніе пребываніе во Франціи, но, возвратясь домой, онъ представилъ блистательный отчетъ въ порученіи и возможные квитанціи. Оставалось дожидаться груза и рассчитывать на выгоду отъ товара, приобретеннаго изъ первыхъ рукъ на мѣстѣ производства. Но прошло время приблизительнаго срока, — вино не являлось, уплыло еще столько же, — о винѣ рѣшительно никакого слуху. Купецъ всполошился, разослалъ письма — телеграфа еще не было — и наконецъ получилъ извѣстіе, что товаръ принесть въ Одессу. Странно показалось немного старику, отчего же грузъ не отправленъ прямо въ Таганрогъ, — но онъ вооружился терпѣніемъ. Каждую недѣлю пароходы появлялись у Таганрога, — но о заграничныхъ винахъ не было и помину. Наконецъ пришло извѣстіе, что грузъ въ Керчи — значитъ рукой подать, од-

нако много прошло времени, пока не получено уведомленіе, что вино уже прибыло къ Таганрогу. Надо было тотчасъ же нанять судно перегрузить бочки, потому что большіе пароходы останавливаются далеко отъ берега. Но снова случилось приключеніе. Пока нашли баркасъ, пока выгрузили нѣсколько бочекъ, подулъ свѣжій вѣтеръ, капитанъ не захотѣлъ ожидать, снялся съ якоря, и остальное вино снова ушло въ Керчь до болѣе благоприятнаго случая. Когда же грузъ окончательно былъ полученъ въ Таганрогъ, купецъ не только не могъ разсчитывать на барыши, а потерялъ значительную часть капитала. Оказалось, что вино, по какому-то недоразумѣнію, пролежало довольно долго въ Одессѣ. Общество за сохраненіе груза, если не является получатель, не отвѣчаетъ, если товаръ валяется и по ошибкѣ агентовъ, и извѣстно, что вино за отсутствіемъ надежныхъ погребовъ можетъ подвергнуться разнымъ случайностямъ. Перевезенное наконецъ изъ Одессы въ Керчь вино, снова, не попало, какъ-то въ Таганрогъ, и пролежала довольно долго, тоже вѣроятно по ошибкѣ, и когда дошло до мѣста назначенія, то предоставляю судить читателю въ какомъ видѣ оно было получено вино торговцемъ! Я говорилъ объ этомъ въ Одессѣ, нѣкоторымъ дѣятелямъ русскаго общества; многихъ это удивило и они спрашивали — отчего же не было жалобы? Но развѣ возможна жалоба на общество, которое считаетъ дѣйствія свои непогрѣшительными. И какой же могъ быть исходъ этого процесса! Грузъ дошелъ — и баста. Общество не принимало доставки на срокъ, такъ, какъ въ плаваніи по морю встрѣчается много непредвиденнаго. Общества не отвѣчаютъ за порчу груза, который можетъ пролежать не опредѣленное время въ его сараяхъ, значить возникла бы переписка и лишніе расходы. Изъ этого выходитъ, что нечего выписывать товаръ, который можетъ прокиснуть, вытечь, усохнуть и который можетъ быть выпить во время продолжительныхъ отдыховъ, случающихся хоть бы и по ошибкѣ общества. Я знаю, что мнѣ будутъ возражать, что меня могутъ заподозрить въ неприязни къ обществу парокходства, ибо я иногда выставляю на видъ непріятные для него факты, но я объ этомъ не хлопочу. Мое дѣло заявить фактъ, а нравоученіе его предоставляю вывести каждому.

Такъ называемыя красныя лавки — въ рукахъ Армянъ, которые имѣютъ всевозможные мануфактурные товары. Племя это чрезвычайно ловкое и предупредительное, но съ нимъ надо торговаться точно также какъ и съ Евреями, только слѣдуетъ гораз-

до больше остерегаться. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современемъ Армяне усилятся въ Таганрогѣ и отгѣснятъ прочія народности. За гостиннымъ дворомъ тянутся еще кожевенныя лавки, а базарная площадь усѣяна отдѣльными деревянными будочками, въ которыхъ бѣдные торгошники продаютъ разную мелочь, старое платье и тому подобныя товары, казалось бы ни кому ненужныя, но которые всегда находятъ множество покупателей. Базаръ здѣсь тоже, что въ столицѣ толкучій рынокъ. Не много дальше сидятъ цѣлыя ряды торговыхъ со всевозможными съѣстными припасами, начиная отъ хорошей булки до подсолнечниковыхъ сѣмячекъ включительно, а весь задній уголъ занятъ дешевыми рестораціями и чайными трактирами, въ которыхъ съ зори до поздней ночи происходитъ чаеванье и пьянство, во всемъ циническомъ его безобразіи. Къ сожалѣнію фраза «идти чай пить» у многихъ простолюдиновъ имѣетъ еще другой подразумеваемый смыслъ, и если вы полюбозытствуете зайти въ заведеніе, то замѣтите, что при требованіи какого нибудь количества *паръ*, слышатся также возгласы: ерофенчу, кизлярки, польиной и т. п. Извозчики на югѣ тоже повадились пить чай, и сначала меня это радовало, но разъ нѣсколько я заходилъ въ рестораціи и никогда не видѣлъ, чтобы дѣло обходилось безъ приношенія Бахусу. Таганрогскіе извозчики, которыхъ не весьма много, и нельзя сказать, чтобы они были хороши, слѣдуютъ общему обычаю своихъ новороссійскихъ собратьевъ. Впрочемъ, здѣсь отличаются они одной особенностью, если не бросающейся въ глаза, то дающей себя чувствовать сѣдоку другимъ образомъ. У всѣхъ безъ исключенія дрожки такъ коротки — такъ устроены, что при малѣйшемъ толчкѣ рискуешь разбить себѣ бороду собственными колѣнами. Съ непривычки нужно имѣть сноровку, тѣмъ болѣе во время грязи по ухабамъ, когда и на хорошихъ дрожкахъ необходимо соблюдать равновѣсіе. Такая существуетъ, но постоянно каждый проситъ прибавки, хотя бы онъ простоялъ все время у подвѣзда. Эта привычка, прикидываться нищимъ, доказываетъ не столько дѣйствительную нищету, сколько непониманіе личнаго достоинства и варварскую грубость характера.

Къ югу, на склонѣ горы надъ моремъ, разрушается упраздненная крѣпость, въ которой много еще стоитъ казенныхъ зданій, и въ томъ числѣ военный госпиталь, закрытый съ нынѣшняго года. Домиковъ однакоже довольно выстроено въ крѣпости, хотя нѣтъ ни одного значительнаго. Это что-то въ родѣ

предмѣстья, развитію котораго мѣшаютъ еще валы, тянущіеся ломаными линіями.

Изъ общественныхъ учреждений я видѣлъ больницу, богадѣльню и дѣтскій пріютъ, но ничего не могу о нихъ сказать, потому что, посѣтивъ по одному разу, слишкомъ смѣло было бы дѣлать какое бы то ни было заключеніе. Порядокъ и чистота бросаются въ глаза, а каковы содержаніе и администрація мнѣ неизвѣстно. Во время посѣщенія богадѣльни, мнѣ встрѣтился случай, который вѣроятно повторяется и въ другихъ мѣстахъ, а потому не мѣшаетъ упомянуть о немъ. Я былъ вмѣстѣ съ градоначальникомъ. Когда адмиралъ поздоровался съ призрѣваемыми калѣками и спросилъ ихъ — довольны ли они, одинъ вышелъ впередъ и, ворочая слѣпыми глазами, проговорилъ казенную фразу:

— Явите божескую милость, ваше превосходительство.

Адмиралъ распросилъ въ чѣмъ дѣло. Солдатъ, потерявшій зрѣніе, служилъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку и сданъ для презрѣнія въ богадѣльню. Онъ, кажется, въ Симбирской губерніи имѣетъ жену, семью, хорошее состояніе, просился на родину, но какъ слѣпыя нижніе чины должны быть призрѣваемы на казенный счетъ, то его и держать въ богадѣльнѣ. Градоначальникъ, которому слѣпецъ ни разу прежде не говорилъ объ этомъ, тотчасъ же приказалъ распорядиться написать куда слѣдуетъ, и я не знаю, какъ долго протянется томленіе этого несчастнаго.

Пріютъ не многочисленный, но дѣти содержаны опрятно и не имѣютъ того страдальческаго вида, какой замѣтенъ въ нѣкоторыхъ пріютахъ, а всѣ довольно бодры, веселы, отвѣчаютъ безъ робости, однимъ словомъ, какъ дѣти, которыхъ хорошо кормятъ и съ которыми обращаются по человѣчески. Кромѣ грамоты дѣвочки занимаются рукодѣльями.

Въ Таганрогѣ есть гимназія и женскіе пансіоны. Последніе однако же не весьма большіе, по причинѣ близости двухъ институтовъ керченскаго и ново-черкасскаго; а пока не было послѣднихъ заведеній, таганрогскіе пансіоны пользовались, если незначительной извѣстностью, то хорошими выгодами. Не такъ еще впрочемъ давно — лѣтъ пятнадцать назадъ, во время перваго моего путешествія на Донъ, я слышалъ отъ одной помѣщицы похвалы Таганрогу относительно женскаго воспитанія.

— И какія искусницы эти мадамы, говорила почтенная саповница, — пушай деньги берутъ, да за то не даромъ. Я отвезла свою Матрешу по шестнадцатому годку, и въ полгода за двѣ

тысячи (ассигнаціями) мою дѣвченку выучили танцовать, играть на фортепіано и говорить по-французскому.

Теперь, конечно, «другіе дни, другіе нравы,» а пятнадцать лѣтъ не бездѣлца.

Но есть вещь чрезвычайно утѣшительная въ Таганрогѣ— это прекрасный книжный магазинъ К. Д. Данилова, издателя известнаго корриктурнаго альбома. Это не такая лавка съ книгами, какую привыкли мы видѣть въ провинціальныхъ городахъ,— но магазинъ съ правильной торговлей подѣ видѣніемъ образованнаго человѣка, понимающаго современныя требованія и преданнаго своему дѣлу. Все что выходитъ въ столицахъ, является у Данилова въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ съ первою почтою, а остальное количество идетъ чрезъ контору транспортовъ. При магазинѣ устроенъ прекрасный кабинетъ для чтенія, снабженный едва ли не всѣми русскими и нѣкоторыми иностранными журналами. Для бѣдныхъ чиновниковъ за чтеніе уступается, если не ошибаюсь 50%. Порядокъ, услужливость и быстрота въ исполненіи требованій— не оставляютъ ничего желать, кромѣ одного желанія—увеличенія число абонентовъ. Впрочемъ, прошлый годъ было болѣе 200 постоянныхъ читателей— количество не незначительное въ полу-русскомъ городѣ. Но я былъ удивленъ, когда г. Даниловъ рассказалъ мнѣ, что большая часть его покупателей не требуютъ книгъ легкаго или пустаго содержанія, а все почти берутъ серьезныя; такъ напримѣръ, разошлось очень много экземпляровъ сочиненій Бѣлинскаго. Подобное заведеніе въ отдаленномъ краю дѣлаетъ честь учредителю, который не побоялся рискнуть капиталомъ для развитія просвѣщенія въ уголкѣ, отстоящемъ на тысячи верстъ отъ центра литературной дѣятельности. У г. Данилова можно также найти и иностранныя книги, особенно французскія, которыя въ этомъ году хотѣлъ онъ имѣть кратчайшимъ путемъ чрезъ Одессу. При магазинѣ есть также прекрасная литографія и лавка канцелярскихъ принадлежностей.

Въ Таганрогѣ нашелъ я Н. В. Кукозьника, который сдѣлался тамошнимъ гражданиномъ, купилъ мѣсто и собирается строить домъ на Петровской улицѣ.

Какіе же вынесъ я впечатлѣнія изъ Таганрога, проведя въ немъ цѣлый мѣсяцъ въ самое веселое время? На этотъ вопросъ, если бы кто-нибудь и сдѣлалъ его — я конечно отвѣчалъ бы, что личныя воспоминанія мои не могутъ быть ни для кого занимательны. Я замѣтилъ только одно: въ этомъ веселомъ и по-

видимому, единодушномъ обществѣ, какъ показалось оно мнѣ на первомъ балѣ, впоследствии обозначилось нѣсколько кружковъ не весьма дружественныхъ, хотъ связанныхъ условіями общегитія. Впрочемъ люди — вездѣ люди. Но я, какъ перелетная птица, по прекрасному таганрогскому обычаю ласкать пріѣзжихъ, — вездѣ встрѣчалъ привѣтъ и гостепріимство. Въ послѣднѣе время моего пребыванія показалаь тамъ одна личность не то что занимательная само по себѣ, но интересная по обстановкѣ. Это пріѣзжій изъ сосѣдняго города молодой откупщикъ, который удачнымъ оборотомъ дѣлъ, менѣ чѣмъ въ годъ, нажилъ, говорятъ, полмилліона состоянія. Фактъ весьма знаменательный, особенно теперь, при болѣе вѣрномъ взглядѣ на откупа, будто бы отживающіе свой золотой вѣкъ. По какому же закону экономическому или коммерческому этотъ золотой дождь льется въ одинъ карманъ? Если уже суждено было жителямъ заплатить этотъ излишекъ, отчего же по крайней мѣрѣ правительство не воспользовалось имъ для своихъ настоятельныхъ нуждъ, и зачѣмъ господинъ, который былъ бы счастливъ получить 25 тысячъ, приобрѣлъ 500 и еще надѣется нажать столько же? И вотъ баринъ, ходившій по необходимости пѣшкомъ, жившій едва не въ подпольѣ кабака, недавно довольный борщомъ и кашей, — теперь завелъ рысоковъ и экипажи на лежачихъ ресорахъ, вышисываетъ парижскіе обои, носитъ батистовыя рубашки, нанимаетъ дорогаго повара и угощаетъ пышными обѣдами кружокъ своихъ пріятелей. И вотъ у насъ образовалась новая аристократія, выѣзшая изъ зипуна и изъ-за стойки питейнаго дома, аристократія, созданная магической прелестью сивухи...

Съ какой-то легкой грустью, проникнутой вмѣстѣ отраднымъ чувствомъ, покидалъ я столицу азовскаго побережья. Неохотно оставляя я два-три дома, съ обитателями которыхъ пріятно было бы чаще встрѣчаться въ жизни; на душѣ было свѣтло при мысли, что втеченіе цѣлаго мѣсяца я не испыталъ ни одной серьезной непріятности.

И вотъ въ свѣтлое морозное утро тройка добрыхъ лошадей вынесла меня изъ Таганрога, по дороги къ молодому его сопернику. Конечно, нѣтъ надобности посвящать куда я выѣхалъ, а еслибъ кто и нашелся мало знакомый съ этимъ уголкомъ Россіи, тотъ въ слѣдующей статьѣ прочитаетъ продолженіе моихъ записокъ.

А ЧУЖБИНСКІЙ.

Херсонъ. 1860.

Русскій театръ.

Нѣтъ сомнѣнія, что драматическое искусство, всегда и вездѣ играло весьма важную роль въ развитіи общественной цивилизація; а тѣмъ самымъ имѣло свою долю участія и въ развитіи общественнаго прогресса. Живое разъясненіе вопросовъ, наиболѣе занимающихъ общество въ данную минуту, проведеніе въ массы идей, вырабатываемыхъ неотразимыми требованіями духа времени въ области человѣческой мысли — и есть и было преобладающею стороною драмы, едва ли не во всѣ времена. Но въ жизни народовъ бывають эпохи, когда значеніе театра получаетъ особенную важность. Это въ тѣ глубоко-знаменательные періоды существованія народовъ, когда общество, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго застоя, покоряясь вѣчному закону поступательнаго движенія впередъ, стремится къ своему органическому развитію съ особенною силой, свободно вытекающей изъ дѣятельности цѣлыхъ массъ. Въ настоящее время мы вступаемъ именно въ эту эпоху.

Не касаясь тѣхъ сторонъ общественной жизни, которыя не относятся къ избранному нами предмету, и въ которыхъ такъ ошутительно высказывается теперь неудержимое влеченіе къ прогрессу, — считаемъ не лишнимъ указать, что въ послѣднее время сочувствіе къ русскому драматическому искусству видимо проявилось у насъ въ той средѣ, которая, втеченіе многихъ лѣтъ, чуждалась русской сцены. Устройство благородныхъ спектаклей сдѣлалось потребностію въ образованнѣйшей сферѣ нашего общества, и — что весьма важно — сравнительно съ прежними, получило совсѣмъ другой характеръ: во-первыхъ, спектакли эти сдѣлались достуины для всей массы нашей публики, во-вторыхъ, не оскорбляя русскаго уха и національной гордости народа звуками словъ на чуждомъ намъ языкѣ, сумѣли отрѣшиться отъ тупаго, безжизненнаго и бесплоднаго представленія піесъ французской водевильной школы.

Но съ другой стороны, вліяніе застоя, оставило глубокіе слѣды, съ истинною грустью видныя нами и до-сихъ-поръ. Нельзя не согласиться съ однимъ изъ нашихъ новыхъ писателей, А. А. Майковымъ, сдѣлавшимъ весьма справедливое замѣчаніе въ разборѣ «Горькой Судьбины», напечатанномъ въ 63-мъ номерѣ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», что какая-то враждебная сила препятствуетъ у насъ хорошимъ драмамъ не-

рейдти на сцену, что дѣлая пропасть лежитъ между литературою и сценой, мѣшая благотворному воздѣйствію одной на другую. Кромѣ этой, дѣйствительно, враждебной силы, у насъ чувствуется еще недостатокъ драматической критики, которая бы вполне обнимала современную дѣятельность сценическихъ писателей и артистовъ. Конечно, по временамъ, въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, являются рецензіи драматическихъ произведеній, но всѣ они представляются слишкомъ изолированными, слишкомъ разрозненными одна отъ другой, для того, чтобъ достаточно удовлетворять требованіямъ полноты и послѣдовательности. Относительно же сценическаго исполненія этихъ произведеній — всѣ наши театральные рецензенты ограничиваются только самыми легкими замѣтками объ игрѣ того или другаго изъ артистовъ, тоже безъ всякой послѣдовательности и связи, и притомъ, безобразно протпворѣча одинъ другому, а иногда — и самимъ себѣ.

Имѣя въ виду представить критическій отчетъ о дѣятельности русскаго театра, считаю необходимымъ прежде обратиться къ послѣдовательному обзорѣ сценическихъ произведеній минувшаго театрального сезона.

Русскій театръ въ прошедшемъ году, послѣ обыкновеннаго закрытія на время Успенскаго поста, открылся 16-го числа Августа четырехъ-актной драмой «Соперница,» сочиненіе А. Б. Представленіе каждой новой піэсы всегда привлекаетъ въ Александринскій театръ многочисленную публику. Такъ было и съ піэсой А. Б., возбудившей любопытство тѣмъ болѣе, что этотъ писатель, авторъ «Честности» и «Богатой Невѣсты,» не въ первый разъ явился съ своимъ произведеніемъ. Къ сожалѣнію, новая драма его не оправдала даже и самыхъ скромныхъ ожиданій. Построенная по образцу французскихъ мелодрамъ, съ изуродованнымъ изображеніемъ человѣческихъ страстей, съ покушеніями на самые избитые эффекты, не представляющая ни внутренняго анализа, ни характеровъ — она оказалась даже слабѣй «Честности» и «Богатой Невѣсты,» хотя и эти піэсы не отличаются почти никакими достоинствами, и принадлежать къ разряду весьма посредственныхъ произведеній, терпимыхъ на сценѣ только вслѣдствіе крайней бѣдности современной драматической литературы. Въ представленіи «Соперницы» участвовали г. Самойловъ, г-жа Жулева и г-жа Ѳедорова. Но эти талантливые артисты ничего не могли сдѣлать изъ своихъ черезъ-чуръ эф-

«ектированных ролей, лишенных жизни, и, богѣ или шесте, пропитанных сначала до конца одними только общими мѣстами.

Послѣ «Соперницы,» въ бенефисъ режиссера русской труппы, Воронова, возобновлена была старинная комедія Фонвианна, «Бригадиръ». Мы не будемъ говорить ни о содержаніи, ни о достоинствахъ этой пьесы, принадлежащей къ извѣстнѣйшимъ произведеніямъ нашей драматической литературы. Замѣтимъ только, что участвовавшіе въ представленіи ея артисты — Гг. Мартыновъ (совѣтникъ) Максимовъ I, (Иванушка) г-жа Орлова (совѣтница) и Линская (бригадирша) прекрасно выполнили свои роли, изучивъ ихъ съ тѣмъ уваженіемъ къ творенію нашего знаменитаго комика, которое всегда должно составлять сознательную обязанность каждаго артиста, чество служащаго своему искусству. Въ тотъ же спектакль дана была въ первый разъ пьеса г. Даля «Ночь на распутъи». Можно съ достовѣрностію полагать, что авторъ не предназначалъ ея для сцены. Она написана лѣтъ за двадцать пять назадъ, съ цѣлію представить въ лицахъ фантастическія типы русской народной демонологіи. Изъ этой «Ночи» уже было заимствовано либретто для оперы г. Верстовскаго «Сонъ на яву». Въ сороковыхъ годахъ опера любимаго московскаго композитора, при хорошей обстановкѣ, пользовалась большимъ успѣхомъ; но теперь, въ настоящее время, вносить на сцену фантастическіе элементы, особенно въ драматическія представленія, было бы слишкомъ рѣзкимъ анахронизмомъ. Они постепенно исчезаютъ даже изъ оперъ, и если иногда могутъ находить зрительный пріютъ, такъ въ однихъ только балетахъ. «Ночь на распутъи», не смотря на уважаемое имя автора, упала въ первое же представленіе, чѣмъ между прочимъ обязана была и своей крайне неудовлетворительной обстановкѣ.

Данная за тѣмъ, въ бенефисъ г. Максимова, драма г. Куликова: «Яковлевъ актеръ», напомнивъ своимъ заглавіемъ одного изъ знаменитѣйшихъ артистовъ русскаго театра, обратила на себя весьма большое вниманіе, но съ перваго же представленія упала въ общемъ мнѣніи, оказавшись какою-то смѣсью біографическихъ фактовъ изъ жизни покойнаго трагика съ неудачнымъ вымысломъ, переполненнымъ явными анахронизмами. Авторъ ея, г. Куликовъ, уже нѣсколько лѣтъ является усерднымъ поставщикомъ пьесъ для бенефисныхъ спектаклей. Будучи коротко знакомъ со сценой, онъ, при нашей бѣдности въ драматическихъ произведеніяхъ, хотя и пользуется иногда, впрочемъ, весьма посредственнымъ успѣхомъ — но мы нѣсколько бы не пожалѣли,

еслибъ онъ, изъ уваженія къ искусству и современнымъ его требованіямъ, покончилъ свою авторскую дѣятельность.

Здѣсь встаетъ замѣтить, что всѣ новыя пьесы, за исключеніемъ «Совершицы», данной 16-го Августа для открытія Александринскаго театра, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ нынѣшнемъ году являлись на сценѣ «въ первый разъ» въ бенефисы нашихъ артистовъ. При крайнемъ недостаткѣ въ русскихъ оригинальныхъ произведеніяхъ, бенефицианты, по необходимости, должны были обращаться къ переводамъ и, по старой привычкѣ, заимствовали ихъ изъ французскаго репертуара, который въ настоящее время такъ мало представляетъ интереса. Такимъ образомъ въ бенефисъ г. Бурдина дана была мелодрама гг. Буржуа и Деннери «Сумасшедшій отъ любви», основанная на похищеніи одного и смерти другаго ребенка. Въ ней есть и обольщенная дѣвушка и помѣшавшійся на любви молодой человекъ, и два злодѣя — все какъ слѣдуетъ во французской мелодрамѣ, до которой русскому драматическому искусству не можетъ быть никакого дѣла. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о драмѣ гг. Деннери и Дюде «Картушъ», передѣланный г. Куликовымъ, и данный въ бенефисъ г-жи Шубертъ; хотя эта пьеса, отличающаяся вопіющею нечѣпостью содержанія, и пользовалась нѣкоторымъ успѣхомъ, вѣроятно потому, что въ массѣ публики еще много есть охотниковъ до забавныхъ сценъ, не смотря на ихъ изумительную пошлость. Послѣ «Картуша», въ бенефисъ г-на Каратыгина, поставлена была трагедія Брахмогеля «Нарциссъ», переведенная съ нѣмецкаго. Она также написана съ очевидными претензіями и расчетомъ на сценическіе эффекты, но въ ней нельзя отрицать присутствія идеи, есть характеры, видно изученіе той эпохи, изъ которой авторъ заимствовалъ свой сюжетъ, и потому она должна быть предпочтена какъ предшествующимъ ей пьесамъ французской фабрикаціи, такъ и послѣдовавшей за ней въ бенефисъ г-жи Жулевой мелодрамы «Идіотъ», о которой нечего сказать, кромѣ того, что она написана для парижскихъ бульварныхъ театровъ.

Но если артисты нашего театра для бенефисовъ своихъ обыкновенно прибѣгаютъ къ переводнымъ французскимъ пьесамъ, то въ прошедшемъ году были и счастливыя исключенія. Выше мы видѣли, что въ бенефисъ г. Максимова дана была драма: «Актеръ Яковлевъ» — хотя написанная г. Куликовымъ, но все же русская, а не французская. Послѣ того, г. Марковецкій возобновилъ въ свой бенефисъ комедію г. Тургенева. «Холостякъ»,

г. Леонидовъ поставилъ въ новомъ переводѣ г. Вейнберга драму Шекспира «Отелло», г-жа Линская — драму г. Островскаго «Гроза», надѣлавшую такъ много шуму между любителями и, даже, не любителями русскаго театра. Потомъ, въ Январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, г. Самойловъ далъ, нарочно для его бенефиса переведенную г-мъ А. Григорьевымъ, драму Шекспира «Шэйлокъ», а г. Мартыновъ — нарочно для него сочиненную г-мъ Чернышевымъ комедію «Отецъ семейства». Эти пьесы были замѣчательнѣйшими явленіями минувшаго сезона. Мы будемъ говорить о нихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдовали онѣ одна за другой.

Возобновленная г. Марковецкимъ комедія «Холостякъ» дана была на нашемъ театрѣ лѣтъ десять тому назадъ. Въ то время роль Мошкина, на которой, преимущественно, сосредоточивается интересъ пьесы, игралъ г. Щепкинъ, и имѣлъ огромный успѣхъ. Нашъ великій артистъ г. Мартыновъ, тогда еще не сознавалъ всей силы своего огромнаго таланта и изъ угожденія вкусу публики, являлся на сценѣ только въ пьесахъ водевильнаго содержанія, съ самыми рѣдкими исключеніями. Въ прошедшемъ году, при возобновеніи «Холостяка» онъ взялъ роль Мошкина и, исполнивъ ее выше всякихъ похвалъ, еще разъ представилъ доказательство, что истинное призваніе его дарованія не должно было и не могло ограничиваться прежнею его сценическою дѣятельностію, хотя онъ и въ ничтожныхъ пьесахъ, съ удивительнымъ искусствомъ умѣлъ создавать типы изъ самыхъ ничтожныхъ ролей. Комедія г. Тургенева, отличающаяся высокими литературными достоинствами, силой мысли, и вѣрностію психологическаго анализа, представила нашему комику такія данныя, какихъ, по нашему убѣжденію не можетъ представить ему ни одна изъ пьесъ современнаго русскаго репертуара. И онъ воспользовался этими данными, какъ истинно-великій артистъ, создавъ изъ роли Холостяка, по справедливымъ словамъ одного изъ нашихъ рецензентовъ — «позный и цѣльный характеръ, въ высшей степени симпатичный и трогательный, и между тѣмъ совершенно вѣрный дѣйствительности.»

Указавъ на возобновеніе «Холостяка», считаемъ не лишнимъ замѣтить, что г. Марковецкій, для бенефиса своего вызвавшій изъ забвенія прекрасное произведеніе г. Тургенева, оказалъ большую услугу и публикѣ, въ-особенности, искусству. Мы рѣшительно предпочитаемъ эту комедію цѣлой плеядѣ пьесъ нашихъ современныхъ драматурговъ, не исключая и постоянно

пользующейся весьма большимъ успѣхомъ извѣстной комедіи г. Чернышева, въ которой авторъ, во что бы то ни стало силится увѣрить, что «не въ деньгахъ счастье», а между тѣмъ, вопреки его видимымъ усиліямъ, изъ содержанія каждаго акта этой пьесы, съ большою логичностію можно вывести заключеніе, что безъ денегъ нѣтъ счастья; и наконецъ, даже становится жаль артиста, исполняющаго роль того дѣйствующаго лица, которое, по волѣ автора, въ послѣднемъ актѣ, очень серьезно увѣряетъ, что не можетъ и не хочетъ взять принадлежащихъ ему денегъ, между прочимъ потому, чтобъ не лишиться себя удовольствія — умереть въ больницѣ. Такого рода пьесы, находясь въ осязательномъ разладѣ и съ истиной, и съ здравымъ смысломъ, не въ состояніи доставить полнаго эстетическаго наслажденія, даже и при игрѣ г. Мартынова.

Кромѣ «Холостяка», г. Марковецкій возобновилъ въ свой спектакль старинную трагедію князя Шаховскаго: «Керимъ Гирей» — піэсу давно забытую и напрасно поднятую изъ театральнаго архива.

Переходя къ бенефису Г. Леонидова, мы не будемъ говорить о содержаніи данной имъ піэсы: оно такъ давно извѣстно читающей публикѣ; замѣтимъ только, что переводъ «Отелло», одной изъ замѣчательнѣйшихъ драмъ Шекспира, сдѣланный Г. Вейнбергомъ, принадлежитъ къ числу очень посредственныхъ переводовъ. Онъ никакъ не можетъ выдержать сравненія съ переводами г. Дружинина, передавшаго на русскій языкъ лучшія произведенія великаго писателя съ большимъ успѣхомъ, который для г. Вейнберга едва ли будетъ когда-нибудь достигимъ. Затѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о самомъ представленіи.

Послѣ того, какъ одинъ изъ нашихъ лучшихъ представителей драматическаго искусства В. А. Каратыгинъ, сошелъ со сцены русскаго театра, представленія шекспировскихъ драмъ сдѣлались у насъ большою рѣдкостью. Причина этого, безъ сомнѣнія, заключается въ томъ, что покойный В. А. Каратыгинъ, производившій громадное впечатлѣніе на массу публики, до-сихъ-поръ остается незамѣнимъ. Но тѣмъ не менѣе мы должны отдать справедливость тѣмъ изъ нашихъ артистовъ, которые изъ уваженія къ искусству стараются, время-отъ-времени возобновлять представленія піэсъ геніальнѣйшаго драматурга. Съ этой точки зрѣнія, г. Леонидовъ заслужилъ полную благодарность со стороны любителей театра. Онъ сдѣлалъ все, что только можно было требовать отъ артиста, проникнутаго любовью къ сцениче-

скому дѣлу — поставилъ въ свой бенефисный спектакль одну изъ замѣчательнѣйшихъ пьесъ Шекспира, изучилъ съ величайшимъ вниманіемъ — это видно было сначала и до конца представленія — трудную роль Отелло, и передалъ ее на столько удовлетворительно, на сколько достало у него средствъ и таланта. Г. Максимовъ 1, которому, замѣтимъ мимоходомъ, гораздо лучше другихъ нашихъ артистовъ, удаются роли изъ драмъ Шекспира, подтвердилъ это и въ «Отелло». Онъ выдвинулъ на первый планъ исполненную имъ роль Яго, и вполне заслужилъ рукоплесканія дѣлаго театра, вызванныя его умной артистической игрой. Г-жа Орлова тоже обратила на себя большое вниманіе въ роль Эмилиі, которая, обыкновенно, почти пропадаетъ, разыгрываемая не первоклассными артистками нашихъ театровъ. Но замѣчательнѣйшимъ явленіемъ въ этомъ спектаклѣ была г-жа Свѣткова З. Юная артистка, съ каждымъ шагомъ дѣлающая удивительные успѣхи, исполнила роль Дездемоны съ такою обаятельною граціею, съ такою поэтической вѣрностію идеѣ автора олицетворила въ этой роли покорную и любящую жену, что по всей справедливости оправдала присвоенное ей нашею театальною публикою названіе — перла русской сцены.

Въ бенефисъ г-жи Линской дана была «Гроза» г. Островскаго, и мы не помнимъ, чтобы какая-нибудь изъ его пьесъ возбуждала столько противоположныхъ толковъ и въ публикѣ и въ литературѣ. Прежде своего появленія на сценѣ здѣшняго театра, она представлена была въ Москвѣ, какъ говорятъ, съ величайшимъ успѣхомъ. У насъ — предшествовала ей молва. Но съ перваго же представленія ея, мнѣніе петербургской публики раздѣлилось на двѣ противоположныя стороны: одни находили ее глубоко-поэтичнымъ, и по мысли, и по исполненію лучшимъ произведеніемъ г. Островскаго, другіе, напротивъ, не видѣли въ ней ничего, чѣмъ бы она могла дѣйствительно превосходить прежнія пьесы этого автора, находили даже, что въ ней рельефнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, выразились вопіющія уклоненія отъ исполненія рациональныхъ требованій драмы.

Въ литературѣ «Гроза» возбуждала тоже различные и діаметрально противоположныя толки, что служатъ доказательствомъ шаткости и произвола въ нашей драматической критикѣ.

Но во всякомъ случаѣ, по мнѣнію многихъ, «Гроза» признается, если не капитальнымъ, то замѣчательнымъ произведеніемъ прошедшаго сезона, и потому считаемъ обязанностію остановиться на этой пьесѣ и изложить сущность отзыовъ, вызванныхъ

ею въ нашихъ главныхъ периодическихъ изданіяхъ, предпославъ краткій очеркъ ея содержанія.

Въ одномъ изъ уѣздныхъ городковъ находящемся гдѣ-то въ захолустьѣ, живетъ купчиха Кабанова съ сыномъ Тихономъ, дочерью Варей и снохою, женой ея сына, Катей. Старая Кабаниха — женщина лишенная всякихъ чувствъ. На основаніи своей родительской власти, она считаетъ себя въ полномъ правѣ тиранствовать и дѣйствительно тиранствуетъ надъ всей семьей. Отъ этого, сынъ ея, запуганный, забытый, безусловно исполняющій всѣ ея приказанія, пьетъ и кутитъ всякій разъ, какъ только вырвется изъ дома; дочь Варя, вслѣдствіе строгихъ мѣръ матери, учится лжи и обману, крадетъ ключи отъ казитки, бѣгаетъ по ночамъ на любовныя свиданія и, наконецъ, убѣгаетъ съ любовникомъ своимъ Ваней Кудряшемъ; а сноха Катя — героиня пьесы — отъ тяжелого, всеподавляющаго обращенія свекрови, не находя въ мужѣ ни защиты, ни утѣшенія, вдается въ любовную связь съ шеманникомъ купца Дикова, Борисомъ; но будучи воспитана въ страхѣ, мучится совѣстью, и какъ-то разъ, во время публичнаго гулянья, услышавъ сильный ударъ грома, при взглядѣ на картину, изображающую адъ, всенародно признается мужу въ нарушеніи супружеской вѣрности; мужъ бьетъ ее, по приказанію тиранки матери, и бѣдная Катя, убѣжавъ изъ дома, приходитъ въ помѣшательство и топится въ рѣкѣ.

На такой основѣ построена пьеса г. Островскаго. Первый отзывъ, послѣ появленія ея на сценѣ Александринскаго театра, принадлежитъ «Санктпетербургскимъ Вѣдотостямъ.» Критикъ этой газеты не принадлежитъ къ числу безусловныхъ почитателей автора, и отдавая справедливость его достоинствамъ, не благоговѣетъ предъ созданіями его съ умиленной покорностію.

«Мы никогда — говоритъ онъ, — не отрицали въ г. Островскомъ таланта, такъ рѣзко проявившагося въ первомъ и лучшемъ его произведеніи «Свои люди — сочтемся;» но со времени появленія этой пьесы авторъ ея шелъ не впередъ, а назадъ».

«Нерѣдко г. Островскій увлекался ложной мыслью и строилъ на ней пьесу въ родѣ драмы: «Не такъ живи какъ хочется», въ которой разгульный мужъ возвращается на путь истины, вслѣдствіе причины чисто-случайной, т. е., колокольнаго звона, удержавшаго его отъ паденія въ прорубь. Наряду съ этой пьесой, по внутреннему достоинству, должна быть поставлена и новая драма «Гроза». И въ ней опять-таки все основано на случайности, т. е. на дѣйствіи, какое можетъ произвести гроза на

впечатлительную душу. Авторъ, очевидно, задалъ себѣ огромную задачу, но, не имѣя силъ совладать съ нею, остановился на полудорогѣ и ограничился абрисомъ того, чему слѣдовало бы быть живою и интересною, въ драматическомъ отношеніи личностью.»

«Г. Островскій, не довѣряя пониманію публики, почелъ долгомъ заставить свою героиню подробно объяснять зрителямъ всѣ свою душевныя перипетіи, весь процессъ своихъ мыслей и чувствъ, и чрезъ это сдѣлалъ изъ нее какую-то натянутую резонерку, нѣчто въ родѣ женскаго Гамлета изъ купческаго быта».

«Вводныхъ, вовсе не причастныхъ къ главному дѣйствію лицъ, также не мало. Въ нихъ всего лучше задуманъ купецъ Савель Прокофьевичъ Дикой, самодуръ, въ полномъ смыслѣ этого слова, у котораго что ни шагъ — то самоуправство и ругательство. Но есть и такія лица, которыя не только бесполезны, но даже мѣшаютъ дѣйствію и охлаждаютъ его: сюда относятся мѣщанинъ Кулигинъ, часовщикъ-самоучка и, докрайности резонеръ, странница Оеклуша, неговорящая ни одного живаго слова и расхаживающая по сценѣ безъ малѣйшей надобности, и старуха барыня, поддерживаемая двумя лакеями, возстающая противъ молодежи и являющаяся чѣмъ-то въ родѣ фатума. Не лучше ли было бы обойтись безъ нихъ и сократить пѣсню, что бы придать ей болѣе связи и стройности».

Эти замѣчанія критика «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» о недостаткахъ пѣсы, высказанныя, какъ кажется, достаточно-спокойно, безъ всякой раздражительности, возбудили очевидное негодованіе въ «Новомъ Поэтѣ», который, въ замѣткахъ своихъ, въ декабрьской княжкѣ «Современника» успѣшилъ объявить, что «новая драма г. Островскаго принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ явленіямъ русской литературы и по мысли, заключающейся въ ней, и по выполненію», что «Катя принадлежитъ къ удачнѣйшимъ женскимъ характерамъ г. Островскаго» и что она «самое поэтическое изъ его созданій», что весь третій актъ, въ которомъ происходятъ любовныя свиданія Кати съ Борисомъ и Варей съ Кудряшемъ, подъ темнымъ покровомъ благоуханнымъ дѣтнихъ ночей» проникнуть обаятельною и при томъ чисто-народной поэзіей. Въ заключеніе, Новый Поэтъ замѣчаетъ, что фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», разбирая «Грозу» безъ должнаго къ автору ея уваженія. О такомъ авторѣ, какъ Островскій, — говоритъ новый поэтъ: «критика должна бы была отзываться съ нѣкоторымъ уваженіемъ, даже и въ такомъ случаѣ, если бы его произведенія дѣйствительно не представляли

чь себѣ ничего особенно замѣчательнаго.» Всего болѣе Новый Поэтъ не можетъ простить фельетонисту фразы: «мы никогда не отрицали таланта въ Островскомъ.»

Въ основательности этихъ замѣчаній Новаго Поэта, позволяемъ себѣ усомниться. Считаемъ не лишнимъ напомнить ему что самъ онъ, описывая петербургскую жизнь, очень нерѣдко нападаетъ на наше тупое благоговѣніе передъ разными превосходительствами. За чѣмъ же онъ старается навязать критикѣ какого-то литературнаго генерала въ лицѣ г. Островскаго?... Что случилось бы съ нашей литературой, если бы, напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Бѣлинскій и его послѣдователи, вопреки своимъ искреннимъ убѣжденіямъ, стали говорить съ уваженіемъ о произведеніяхъ современныхъ имъ литературныхъ превосходительствъ, не представляющихъ ничего замѣчательнаго?... А современные Бѣлинскому литературныя превосходительства — Марлинскій, и потомъ Кукольникъ, — не говоря уже о нѣкоторыхъ другихъ — вѣдь пользовались же въ свое время, не меньшею, сравнительно съ г. Островскимъ, пзвѣстностью, и не меньшимъ сочувствіемъ публики.

Между прочимъ, Новый Поэтъ, находя Катю самымъ поэтическимъ изъ созданій г. Островскаго, замѣчаетъ, что «отыскать поэзію въ томъ быту, въ которомъ родилась Катя — не легкое дѣло!» Съ этимъ мы совершенно согласны: отыскать поэзію въ какомъ бы то ни было быту, конечно, дѣло не легкое. И г. Островскій представилъ тому сильное доказательство: за трудностію отыскать дѣйствительно поэтическіе элементы, онъ внесъ въ новую свою драму: громъ, молнію, картину ада, блудъ, прелюбодѣяніе, помѣшательство и самоубійство — всѣ эти истасканные и истертые ресоры не поэзіи, а мелодрамы и школьной эффектаціи.

Въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» нынѣшняго года, г. Дудышкинъ, напечатавъ длинную статью о драмѣ г. Писемскаго «Горькая Судьбина», счелъ нужнымъ высказать въ ней свое мнѣніе и о «Грозѣ», съ очевидной цѣлью — написать нѣчто въ родѣ панегрика г. Островскому. Прежде всего, по поводу появленія этихъ драмъ, онъ радуется «не только самъ за себя и за русскую литературу, но и за русскую академію наукъ, которая, наконецъ, выведена изъ затруднительнаго положенія: кому присудить уваровскую премію. Теперь она смѣло можетъ располагать двумя преміями, если не будетъ искать въ драмахъ

того идеального академическаго совершенства, которое послѣ Расина (???) кажется не существуетъ на землѣ.

Какъ приметъ русская академія наукъ совѣтъ г. Дудышкина — не знаемъ. Во всякомъ случаѣ мы желали бы, чтобы и «Горькая Судьбина» и «Гроза» — обѣ увѣнчались уваровскими преміями, но.... вѣроятно, русская академія наукъ, при обсужденіи этихъ шісъ замѣтитъ, что между ними есть великая разница.

Въ «Грозѣ» — продолжаетъ г. Дудышкинъ: «мы увидѣли въ г. Островскомъ, можетъ быть, въ первый разъ, поэта, глубоко заглянувшаго въ ту жизнь, которую онъ рисовалъ съ разныхъ сторонъ, надъ которой онъ много думалъ, много ошибался, многимъ увлекался, и изъ которой вышелъ — побѣдителемъ. Честь ему и слава!»

Далѣе г. Дудышкинъ, желая придать сколь можно болѣе важности и прежней литературной дѣятельности г. Островскаго, увѣряетъ, что талантъ и направленіе этого автора отразили на себѣ всѣ колебанія споровъ западниковъ и славянофиловъ, что споры уклонялись то въ одну, то въ другую сторону и талантъ г. Островскаго слѣдовалъ за этими колебаніями, что въ немъ отражались попеременно разные теоріи; сначала гоголевскаго взгляда, потомъ крайности славянофильства, далѣе — какого-то безучастнаго индеферентизма и къ той и другой сторонѣ, и что наконецъ, явленіе истинной, неподдѣльной поэзіи выразилось блистательнѣйшимъ образомъ въ «Грозѣ.»

Все это слова и слова, текуція млекомъ и патокой: какія это колебанія между западниками и славянофилами, будто бы отразившіяся на талантѣ и направленіи г. Островскаго; гдѣ и когда они отразились? Не придумалъ ли ихъ нарочно г. Дудышкинъ для пополненія своей рецензіи о произведеніяхъ г. Островскаго? Колебаніе въ направленіи предполагаетъ извѣстную твердость убѣжденій, а убѣжденія вырабатываются подъ вліяніемъ глубокаго образованія, духа партій, той или другой политической вѣры. Легко говорить о нихъ тамъ, гдѣ ихъ было такъ мало и тому, кто ихъ никогда не имѣлъ. Притомъ отъ поэзіи, въ какомъ бы видѣ они не выражались, странно требовать строго выдержанныхъ идей и принциповъ. Художникъ живетъ больше внѣшними впечатлѣніями, чѣмъ внутренней и сосредоточенной мыслью; имъ волнуется страсть, и мѣшаетъ его спокойному наблюденію, ему нѣтъ дѣла до *мезамблимыхъ* вѣрованій публициста, критика, и профессора, когда художественный образъ возникаетъ въ его фантазіи; почему онъ возникаетъ такъ, а не иначе, съ тѣмъ или другимъ направле-

нѣмъ, это вовсе не зависитъ отъ личныхъ воззрѣній поэта. Игра признать эту свободу за искусствомъ, и не навязывать ему чужихъ и кое-какъ натянутыхъ взглядовъ. Что было новинкой подъ перомъ Бѣлинскаго, то не можетъ быть новымъ и оригинальнымъ подъ перомъ г. Дудышкина; потому что между полетами орла и воробья есть значительная разница.

Послѣ объясненія этихъ колебаній г. Дудышкинъ рассказываетъ содержаніе «Грозы» и въ заключеніе говоритъ: «Вотъ неудачно рассказанный нами скелетъ превосходной драмы. Нѣтъ поученія въ немъ, не доказывается истинъ новыхъ; но въ немъ (въ скелетѣ) все ново. Нова смѣлость постановки окружающихъ лицъ, нова обрисовка городка; нова драма, вышедшая изъ *кряко-поставленныхъ главныхъ основъ жизни*».

Что такое разумѣтъ критикъ подъ фразой: крѣпко-поставленные главные основы жизни — этого онъ не счелъ нужнымъ объяснить, а закончилъ свой пангирикъ г. Островскому слѣдующимъ диамантомъ: «Въ этой страсти, въ этой драмѣ разигравшейся въ душѣ молодой, неопытной и слѣпо вѣрившей преданіямъ женщины — все красота, все правда, и т. д.»

Книга эта, т. е., печатная драма г. Островскаго, явилась въ январской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», и уже съ большею подробностію была разбрана въ «Сѣверной Пчелѣ.» Въ разборѣ той газеты, положительно измѣнившей свои прежнія убѣжденія послѣ того какъ старые дѣятели ея сошли съ литературнаго поприща, — дебютировалъ новый ея рецензентъ, замѣнившій Зотова и К. Полеваго. Онъ началъ свою рецензію указаніемъ, что купеческій и мѣщанскій бытъ — среда, разрабатываемая г. Островскимъ въ его сочиненіяхъ — есть *темное царство*, въ которомъ самодуры — родители, самодуры — мужья, самодуры — хозяева владычествуютъ забитою, обезличенною, безотвѣтною молодежью, на основаніи свода патріархально-семейныхъ законовъ, сложившихся на Руси, подъ темнымъ вліяніемъ Сарая и Византіи, собранныхъ еще въ XVII столѣтіи знаменитымъ благовѣщенскимъ попомъ Сильвестромъ, и называемомъ: «Домострой»; что «Гроза» протестъ противъ этого самодурства, слышимый изъ устъ каждой жертвы, но всего сильнѣе изъ устъ часовщика — самоучки Кулигина; что протестъ Кулигина есть «протестъ просвѣщенія, уже проныкающаго въ темныя массы домостройнаго быта.» Съ этой точки зрѣнія критикъ «Сѣверной Пчелы» разсматриваетъ драму и придаетъ роли Кулигина весьма важное значеніе. Въ старой Кабанихѣ видитъ онъ верховную жрицу домо-

стройнаго алтаря, воздвигнутаго въ темномъ царствѣ семейнаго деспотизма, воспитавшую своего сына Тихона послѣдующими правилами Домостроя: «казни сына своего отъ юности его и покоитъ тя на старости».... «казни сына своего измлада и порадуешся о немъ въ мужествѣ».... И не даждь ему власти въ юности, но сокруши ему ребра». — У воспитаннаго по этой программѣ Тихова, замѣчаетъ критикъ: «ребра хотя и остались цѣлы, но самъ-то онъ вышелъ не человѣкомъ, а какимъ-то забытымъ, загнаннымъ, обезличеннымъ добрякомъ, почти идиотомъ, несособнымъ ни на что, кромѣ горькаго пьянства. И въ такую-то семью, за такого-то мужа выдали Катерину, женщину пылкую, мечтательную, въ характерѣ которой *мало рьятельности.*» Но въ дальнѣйшемъ анализѣ характера Катерины, умный критикъ впадаетъ въ нѣкоторое противорѣчіе самому себѣ, говоря: «А выросла Катерина съ задатками характера пылкаго и *рьяннаго.*».... «такой характеръ не подчинится легко самодурству и деспотизму такой ненавистной свекрови».

Самою мастерской сценой во всей драмѣ, рецензентъ «Сѣверной Пчелы» находитъ (и весьма справедливо) сцену отъѣзда Тихона, во второмъ актѣ; но извѣстною сценою съ ключемъ остается весьма недоволенъ. «Ключъ, — говоритъ онъ: — Варвара украла у матери и отдала Катеринѣ. За чѣмъ она отдала его? Развѣ только для того, чтобы представить Катеринѣ возможность разыграть мелодраматическую сцену, заключающую второе дѣйствіе драмы. Ключъ жжетъ ей руки, она хочетъ бросить его въ Волгу, а потомъ прячетъ въ карманъ. Все это пахнетъ французскимъ запахомъ, все это не изъ русской жизни. Если бы монологъ Катерины былъ короче, и притомъ безъ ключа, если бы отъ жалобы на свою горькую неволю, она прямо перешла къ рѣшимости видѣться съ Борисомъ — сцена была бы несравненно естественнѣе и даже болѣе удовлетворяла бы требованіямъ искусства.»

Далѣе рецензентъ замѣчаетъ, что г. Островскій не далъ никакого нравственнаго объясненія любви Катерины къ Борису Григорьевичу: она видѣла его только въ церкви, да одинъ разъ у себя дома, когда онъ приходилъ къ Кабановымъ съ своимъ дядей. Не перемолвившись ни однимъ словомъ — ни одна женщина не пойдетъ на ночное свиданіе съ мужчиной, незная даже любить онъ ее, или нѣтъ. Сцену въ оврагѣ, гдѣ Катерина сходится ночью съ Борисомъ, и гдѣ на вопросы ея: — за чѣмъ ты пришла?... — Ну, какъ же ты не погубилъ меня, когда я, бро-

сивши домъ, ночью иду къ тебѣ?... онъ отвѣчаетъ:— Вы сами велѣли мнѣ прійдти. Ваша воля была — находить рецензентъ также неудовлетворительной. — Намъ кажется, говоритъ онъ:— что если бы Катерина прямо бросилась въ объятія Бориса, и съ страстнымъ лепетомъ на устахъ прижала его къ себѣ, сцена была бы несравненно естественнѣе, и образъ Катерины былъ бы гораздо граціознѣе и даже, пожалуй, нравственнѣе. Тогда бы она представилась павшею въ самозабвеніи, въ упоеніи страстью, тогда бы понятнѣе и поразительнѣе было самое ея раскаяніе во время грозы. А теперь сна, какъ-будто торгуется въ оврагѣ съ Борисомъ, или развращаетъ его — сама еще вовсе неразвращенная женщина.»

Основную сцену всей драмы — сцену раскаянія Катерины, критикъ «Сѣверной Пчелы» признаетъ не весьма удачною. По мнѣнію его, она слишкомъ пропитана французскимъ духомъ, слишкомъ загромождена эффектами и мелодраматической обстановкой, и вмѣсто *добровольнаго* раскаянія, столь естественнаго въ такой женщинѣ, какъ Катерина, представляя раскаяніе *вынужденное*, какъ бы у дѣйствительно закоренѣлой въ развратѣ женщины, — много вредитъ тому участию, которое г. Островскій хотѣлъ возбудить въ читателѣ къ бѣдной Катеринѣ. — «Какое бы отрадное впечатлѣніе, восклицаетъ критикъ: — произвела на зрителя эта несчастная женщина, *добровольно*, по внушенію внутренняго голоса, признавшаяся въ своемъ грѣхѣ передъ мужемъ. Какъ бы высоко стала тогда Катерина.» — На основаніи этихъ причинъ, критикъ произноситъ свой строгій приговоръ надъ драмой г. Островскаго, высказанный въ слѣдующихъ словахъ: «Г. Островскому не угодно было представить добровольное раскаяніе, которое было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и естественнѣе, да при томъ и сообразнѣе съ русскимъ бытомъ. *Мелодрама, представленная имъ вовсе не въ нашихъ нравахъ, она годится для сцены парижскихъ бульварныхъ театровъ, но отнюдь не для народной русской сцены.*»

Но не смотря на этотъ весьма строгій приговоръ, произнесенный повидимому, надъ всею піэсой г. Островскаго, критикъ «Сѣверной Пчелы» отдаетъ справедливость сценѣ послѣдняго свиданія Катерины съ Борисомъ въ пятомъ актѣ и слѣдующему затѣмъ монологу Катерины, находи ихъ — «превосходными.» Въ особенности, этотъ монологъ онъ признаетъ «образцовымъ произведеніемъ нашей литературы. — За тѣмъ, послѣднюю сцену, когда Тихонъ бросается на трупъ жены, съ кликомъ: — *Маменька!*

вы ее погубили! — критикъ находить истинно трагической сценой. — Этотъ крикъ, говорить онъ, доведенной до отчаянія души, этотъ громкій протестъ забитаго человѣка противъ вѣчно-давящаго его деспотизма, достойно завершаетъ прекрасную драму.»

Что касается до побочныхъ лицъ, Кулигина и Феклуша, введенныхъ авторомъ безъ всякаго отношенія къ сюжету драмы, ни сколько не прикосновенныхъ къ содержанію ея — критикъ «Сѣверной Пчелы,» не видитъ въ томъ нарушенія художественныхъ требованій драматическаго искусства, кажется, на томъ основаніи, что «Кулигинъ — прекрасный типъ, типъ невымышленный, ни на іоту не опозитизированный, живымъ взятый изъ среды нашего народа,» что — странница Феклуша — личность характеристическая, олицетворяющая зло, лицемеріе и грубое невежество,» и что «пора, давно пора русской сатирѣ казнить, врьдъ всенародными очами этихъ проповѣдницъ невежества и самодурства.»

Мы готовы согласиться съ критикомъ «Сѣверной Пчелы,» что Кулигинъ и Феклуша — весьма интересные типы, живьемъ выхваченные изъ народной среды; но не можемъ не замѣтить, что какъ бы не былъ интересенъ какой либо типъ, какъ бы ни была, характерична, какая либо личность — внося ихъ въ художественную драму, необходимо позаботиться о томъ, чтобы они не представлялись, какъ Кулигинъ и Феклуша, рѣшительно изолированными отъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, неимѣющими никакой связи съ сюжетомъ драмы, не принимающими никакого участія въ дѣйствіи ея.

Въ публикѣ — какъ уже замѣтили мы выше — мнѣнія о «Грозѣ» также были различны. Въ-особенности, многіе никакъ не хотѣли согласиться въ сужденіяхъ своихъ о сценахъ любовнаго свиданія Катерины съ Борисомъ и Вари съ Ваней — Кудряшемъ, въ оврагѣ. Нѣкоторые находили, что сцены эти, начинающіяся зазывною пѣсней Кудряша, весьма поэтичны и обаятельны; что истинное искусство, отражая дѣйствительную жизнь, не должно останавливаться передъ изображеніемъ даже и такихъ картинъ, въ которыхъ любящіеся пары поочередно ходятъ въ кусты; другіе напротивъ сильно порицали внесеніе подобныхъ сценъ въ художественное произведеніе, въ особенности произведеніе, назначенное для сценическихъ представленій, и тѣмъ болѣе у насъ — по неимѣнію бульварныхъ театровъ.

Это послѣднее мнѣніе осталось не безъ вліянія на самыя пред-

ставленія «Грозы» и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Тамъ, въ продолженіи всей зны, считалось неприличнымъ вывозить въ театръ молодыхъ дѣвиць хорошаго общества, когда давалась новая драма г. Островскаго; а у насъ, ночныя сцены любовнаго свиданія въ оврагѣ шли только въ первое представленіе «Грозы; а потомъ, во всѣ послѣдующія представленія, исключены изъ піэсы, что замѣтимъ мимоходомъ, нисколько не повредило ея успѣху.

Но чтобы ни говорили о «Грозѣ», какія бы поэтическія достоинства не находили въ тѣхъ сценахъ ея, которыя пришлось сократить при представленіи, какую бы прелесть не придавали рѣчамъ вводныхъ лицъ, какое бы высокое значеніе не навязывали имъ — не этимъ объясняется огромный успѣхъ піэсы, сопровождавшій представленія ея и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. По нашему мнѣнію, главнѣйшая причина успѣха новой драмы заключается въ томъ, что авторъ ея весьма кстати затронулъ одинъ изъ насущныхъ вопросовъ современнаго общества — вопросъ о семейномъ диспотизмѣ, до-сихъ-поръ еще, такъ тяжело гнѣтущемъ нашу русскую жизнь. На эту тему и г. Чернышевъ написалъ драму свою, «Отецъ семейства,» о которой мы будемъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

В. И.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Исторія, поучительная для дѣтей и для многихъ. — Возможность сдѣлаться богатымъ и мечты. — Гулянья 1 и 22 іюля. — Мелкія новости и нѣчто о дороговизнѣ нашихъ гуляній. — Пѣвцы-любители и тонкое обращеніе новаго клуба. — Слово о лѣтнихъ сообщеніяхъ. — Подземныя трубы и слабая надежда. — Бумажныя трубы Жадуро и К°. — Рѣчныя пожарныя лодки — Пожаръ на Охтѣ. — Ученики г. Ричи. — Новый теноръ. — Переименованіе цирка въ театръ. — Новые дома. — Новый бульваръ. — Перестройка мостовъ. — Нѣсколько словъ о мостовыхъ на Петербургской сторонѣ. — Новая бібліотека. — Новая зала и новыя рукописи. — Новыя воскресныя школы. — Новости литературныя.

Ужасное происшествіе! сколько слезъ, сколько обмороковъ породило оно! Какъ непрочно все земное!... Давно ли, кажется, онъ плясалъ на эстрадѣ, гордый, упоенный своимъ могуществомъ, зная, что каждый звукъ созданной имъ польки заставляетъ тре-

петать сотни слабыхъ, женскихъ сердецъ, что каждый взмахъ его смычка, подобно мечу богатырскому, есть побѣда и торжество, что каждый взглядъ его есть завоеваніе. Давно ли, кажется, сотни глазъ, большихъ и малыхъ, черныхъ и голубыхъ, карихъ и сѣрыхъ, страстныхъ и нѣжныхъ, съ восторгомъ слѣдили за прыжками, напоинающими пляску св. Вита. Давно ли онъ былъ предметомъ тайнаго и явнаго обожанія, предметомъ зависти и ревности. Давно ли онъ ломался свободно, осыпавъ рукоплесканіями, букетами и записочками; давно ли и вдругъ.... этотъ маленькій идолъ, этотъ неподражаемый Штраусъ долженъ сознаться, что все земное — дымъ, и что всякому терпѣнію есть предѣлъ, *ego esse ne preidesse*. Вдругъ несчастіе, какъ лѣтняя дождевая туча, собралось надъ женскимъ базовнемъ и разразилось въ поученіи, какъ ему самому такъ и директорамъ-распорядителямъ павловскихъ увеселеній. Каждый хозяинъ, пригласившій къ себѣ гостей, долженъ быть вѣжливъ и внимателенъ къ нимъ; тѣмъ болѣе хозяинъ, которому гости заплатили деньги — это мудрое правило слѣдовало бы заучить г. Штраусу и директорамъ-распорядителямъ павловскихъ увеселеній и тогда не вышло бы исторіи; а исторія вышла прескверная....

Въ бенефисъ г. Штрауса назначенъ *bal masqué champêtre*; публика радуется: какъ это мило, какъ это ново; зелень, фантастическое освѣщеніе, музыка, таинственные маски, танцы, веселый ужинъ и проч. и проч. Публика надѣется, что бенефициантъ и директоры-распорядители позаботятся объ удобствѣ и полномъ удовольствіи своихъ посѣтителей, надѣется и спѣшить на желѣзную дорогу... Но, увя! всѣ пріятныя мечты и надежды разбиваются въ дребезги о печальную дѣйствительность. Никому нѣтъ дѣла до удобствъ и удовольствія публики, она должна заплатить деньги, а тамъ хоть трава не расти.... Въ незабвенный вечеръ 9-го Іюля, бенефициантъ, вмѣстѣ съ директорамъ-распорядителями, словно нарочно вздумали испытать терпѣніе почтеннѣйшей публики и оказалось, что терпѣніе почтеннѣйшей публики дѣйствительно велико, но безгранично. Началось испытаніе съ того, что пріѣхавшихъ съ первымъ вечернимъ поѣздомъ не пустили въ вокзалъ; не многіе изъ нихъ, голодные и болѣе рѣшительные, ворвались туда только силою, послѣ долгихъ и бесполезныхъ преній съ распорядителями. Менѣе рѣшительные, должны были ожидать спусходительнаго впуска, за который они заплатили два рубля, и наслаждаться чистымъ воздухомъ и пріятною надеждою на предстоящія наслажденія. Подготовленная та-

кимъ образомъ и, наконецъ ввпущенная въ залу, публика почувствовала желаніе высказать откровенно свое неудовольствіе и прана. Первые симптомы ея непріязненнаго расположенія обнаружались шиканьемъ, свистками, криками и даже ломаніемъ стульевъ, отъ которыхъ беарскимъ пѣвцамъ пришлось обратиться въ бѣгство. Общее раздраженіе росло съ каждой минутой; всѣ требовали бенефицианта; онъ, наконецъ, вышелъ; но какъ вышелъ?... На прекрасномъ лбу его выражалось чувство глубокаго оскорбленія и презрѣнія къ публикѣ, которая осмѣлилась требовать за свои деньги обѣщаннаго. Съ граціозною небрежностью, въ полуоборотъ къ публикѣ, г. Штраусъ сталъ дирижировать оркестромъ. Нѣсколько охотниковъ и охотницъ пустились плясать, съ тѣми развязными тѣлодвиженіями, которыми украшаются всѣ парижскіе загородные балы и маскарады Большой Оперы. Знаменитый капельмейстеръ не могъ вынести такого неприличія и ушелъ. Публика не поняла нравственныхъ побужденій и настоятельно требовала опять г. Штрауса на свое мѣсто т. е. на эстраду. Крики и беспорядокъ увеличились и дошли уже до порядочной суматохи. Въмѣсто г. Штрауса вышелъ какой-то музыкантъ; публика кричитъ и свистеть, исторія занутивается; на эстрадѣ является какой-то шутъ въ еврейскомъ костюмѣ; публика выходитъ изъ себя; долой шута, крики громче, свистки сильнѣе, мебель въ куски и, наконецъ, разгнѣванная толпа врывается на эстраду, ломаетъ инструменты, преслѣдуетъ бѣгущихъ музыкантовъ, ищетъ г. Штрауса, не знаю зачѣмъ и, не находя его, бьетъ на галереѣ стекла....

Милыя дѣти! могутъ сказать благоразумные родители, — смотрите и поучайтесь, какъ грустно оканчивается неуваженіе къ публикѣ и избалованное невѣжество. Милыя дѣти! припомните басню покойнаго Ивана Андреевича, о плотичкѣ, которая сорвала червячковъ съ двухъ удочекъ, на третьей зацѣпилась. Конечно, не хорошо, милыя дѣти, бить стекла, ломать мебель и особенно инструменты; но столь же не хорошо, собирая деньги съ публики, смотрѣть на нее, какъ на стадо, съ которымъ все возможно, что ни вздумается пастуху....

Надо сказать правду: публика наша, — хотя на нее и нападаютъ извѣстный писатель г. Иванъ Соколовъ и еще болѣе извѣстный редакторъ г. Аскоченскій, хотя дѣйствительно неслѣдовало бы ломать мебель и инструменты и бить стекла, — публика наша много выноситъ за собственныя деньги и пора бы всѣмъ господамъ,

наживающимся на ея счетъ, подумать, что не прилично плевать въ колодезь, изъ котораго пьешь.

И такъ первый *bal masqué champrétre* неудался, первый блинъ комомъ, и больше, говорятъ, этихъ блиновъ не будетъ. Пройдетъ нѣсколько времени и только изъ фельетонной лѣтописи узнаеть любознательный, что 9-го Юля 1860 года случилось въ павловскомъ вокзалѣ такое грязенькое происшествіе, отъ котораго извѣстный капельмейстеръ г. Штраусъ едва ноги унести: петербургская публика не злопамятна; она забудетъ всю эту безобразную исторію; да какъ и не забыть, когда со всѣхъ сторонъ, столько новостей, удовольствій и развлеченій. Вотъ, хоть бы въ настоящее время, напримѣръ, какое дѣло до павловскаго скандала всѣмъ, кто, снѣдаемый соблазнительною надеждою, съ безпокойнымъ трепетомъ, поглядываетъ на номеръ своего лоттерейнаго билета. Развѣ мысль, что я могу выиграть имѣніе, оцѣненное въ сто шестьдесятъ шесть тысячъ рублей серебромъ и еще тридцать три тысячи стало бытъ всего двѣсти тысячъ не можетъ поглотить всякія другія мысли. Съ какииъ волненіемъ думаетъ о такомъ счастьи бѣднякъ, едва-едва собравшій двадцать пять рублей на приобрѣтеніе билета. Какими лихорадочными ожиданіемъ бьется его сердце, сколько широкихъ и сладостныхъ мечтаній наполняетъ его голову, какія очаровательныя картины представляются его воображенію. Онъ, бѣднякъ, лишенный возможности ѣсть хорошую говядину, пить чистую воду и дышать свѣжимъ воздухомъ; онъ измученный, больной, голодный и оборванный, онъ, на котораго, каждый откормленный швейцаръ глядитъ нахально и презрительно, онъ, пропадающій, какъ червь, среди соблазняющей его роскоши и великолѣпія, вдругъ выиграеть двѣсти тысячъ рублей!... Да за чѣмъ такъ много? развѣ не будетъ онъ счастливъ, если судьба пошлетъ ему тридцать тысячъ даже *пять*? Онъ будетъ въ состояніи одѣтъ и накормить свою оборванную и голодную семью; онъ заплатитъ хозяйну, который гонитъ его изъ сырой и темной конуры, онъ раздѣлается съ завочникомъ, который пересталъ вѣрить ему и фунтъ хлѣба въ долгъ.... гнетущая, развѣдающая нужда смѣнится довольствомъ и, можетъ быть, — отчего непадѣяться, — роскошью. Имѣнье, великолѣпный домъ, прислуга, вкусный обѣдъ и тонкое вино, знатные друзья, почетъ и уваженіе, независимость — все это является, какъ яркія стеклышки казейдоскопа и складывается въ блестящійшія фигурки, и надѣется бѣднякъ, и бовтса. Бывали же примѣры: старуха, чуть не нищая, маркеръ грязнаго тракти-

ра и тому подобныя темныя личности выигрывали капиталы, о которыхъ имъ и ни снилось. Судьба капризнѣе и прихотливѣе самой хорошенькой женщины, почему-жъ бѣдняку не надѣяться?... И вотъ въ короткое время билеты на лотерею Царства Польскаго разобраны на расхватъ — надѣющихся много; кто-то будетъ счастливъ; на 25,000 билетовъ 6,000 выигрышей. Почти большая часть не богатаго петербургскаго населенія занята теперь мыслью и толками о лотереѣ; но это нисколько не мѣшаетъ желающимъ веселиться и наслаждаться рѣдкими у насъ красными днями.

Кромѣ обычныхъ гуляній, о которыхъ говорилось уже въ прошлой книжкѣ и которыя продолжаются своимъ порядкомъ, 1-го и 22-го Юля были особенныя, такъ называемыя *народныя* гулянья, съ великолѣпнымъ фейерверкомъ. Въ эти дни, Каменный островъ, Елагинъ и Крестовскій торжествовали полнымъ торжествомъ, а Нева пестрѣла яликами, гичками, лодками, барками и другими рѣчными экипажами, биткомъ набитыми любопытными всѣхъ половъ и возрастовъ. Елагинъ островъ оглашался разнообразнѣйшими звуками, начиная съ военной музыки до взвизгиванья остроумнаго «Петрушки» и дикихъ вскрикиваній подгулявшихъ, которыхъ, должно замѣтить, было весьма немного. Вообще вся публика, надо отдать ей справедливость, вела себя благообразно и скромно, давка была довольно приличная, никто не полетѣлъ въ воду, т. е., никто не ревѣлъ благимъ матомъ о спасеніи, какъ это случается очень часто на нашихъ народныхъ гуляньяхъ; къ сожалѣнію, 1-го Юля фейерверкъ былъ сожженъ чрезвычайно рано и слѣдовательно не могъ произвести, да и не произвелъ никакого эффекта. Фейерверкъ 22-го Юля удался гораздо болѣе. Нева, на пространствѣ между Елагинымъ, Крестовскимъ и Каменнымъ островами, представляла великолѣпнѣйшую картинку. Тутъ стояло безчисленное множество лодокъ, шлюпокъ, яликовъ и барокъ, пестрѣвшихъ народомъ; на мосту и по берегамъ тянулись также густыя массы зрителей; на темномъ фонѣ лѣса и неба красиво взвивались бураки, лопались и рассыпались разноцвѣтными звѣздочками, и горѣли великолѣпныя щиты. Въво отъ фейерверка, если смотрѣть съ Елагина, сквозь деревья, скромно выглядывалъ золотой мѣсяцъ, замѣчая, можетъ быть, что въ ту минуту, какъ на одномъ берегу Невы артиллерійскій солдатъ поджигаетъ ракету, на другомъ берегу, молодой человекъ пожимаетъ тихонько руку своей сосѣдки, а сосѣдь его запускаетъ руку въ карманъ своего ближняго и вытаскиваетъ оттуда платокъ, бумажникъ или табатерку. Мѣсяцъ,

какъ извѣстно изъ древнихъ и новыхъ поэтовъ, все видѣть: но молчать.

Къ новостямъ, по части публичныхъ гуляній, принадлежать: во 1-хъ: семь Шведокъ — пѣвицъ, появившихся, недавно, въ сопровожденіи скромнаго пьяниста, въ воксалѣ Петровскаго острова; во 2-хъ: цыгане въ Александровскомъ паркѣ. Первыхъ я слышалъ и могу только напомнить извѣстную поговорку о вкусахъ: о вторыхъ не имѣю ни малѣйшаго понятія.

Вообще на всѣхъ публичныхъ гульбищахъ замѣтны улучшения и нѣкоторая роскошь, о которой прежде не было и помину; но за то выросла и цѣна за входъ, цѣна, о которой за-границей и неслыхивали. Бѣдняку, просиживающему цѣлую недѣлю въ душевной комнатѣ, не разгибая спины, за работой, почти недоступны петербургскія лѣтнія развлечения. Откуда, напримѣръ, чиновникъ получающій рублей двадцать мѣсячнаго жалованья и обязанный на эти деньги содержать съ семьєю, возьметъ какихънибудь 1 р. 20 к., чтобы войти семьєю самъ четвертъ, въ самое скромное заведеніе, какъ Александровскій паркъ. А сколько такихъ, которые и не получаютъ двадцати рублей въ мѣсяцъ, при самомъ усидчивомъ и добросовѣстнѣйшемъ трудѣ, и, между тѣмъ, неужели бѣдному труженнику не позволено желать отдыха и эстетическаго наслажденія? Неужели въ головѣ бѣдной молодой дѣвочки не должна и шевельнуться, когданибудь мысль, что вотъ какъ бы хорошо было въ чистомъ платьицѣ и новенькой шляпкѣ пройтись по саду, освѣщенному разноцвѣтными фонариками, послушать музыку, цыганъ или пѣсенниковъ и поглядѣть на людей. Мелькнетъ такая мысль въ неопытной головѣ, а глядишь лукавый уже тутъ какъ тутъ, является, непрошенный, въ видѣ богатаго купчика, разбитнаго фата или предприимчиваго офицера, является во всеоружіи соблазна съ увлекательнымъ предложеніемъ ѣхать къ Излеру. И идетъ бѣдная рыбка на удочку, идетъ на дорогу, съ которой нѣтъ возврата, идетъ отъ семейной нищеты къ богатому разврату. И какими проклятіями, какими глубокимъ презрѣніемъ клеймитъ тогда эту споткнувшуюся дѣвочку та счастливая добродѣтель, которая ни разу не встрѣчала искушенія, щедро рассыпаемаго озябшей, голодной и страдавшей бѣдности.... но, все эта старая и грустная пѣсня; поговоримъ о пѣсняхъ болѣе веселыхъ.

Въ Петербургѣ, какъ я, кажется, уже говорилъ, образовалось небольшое общество пѣвцовъ-любителей, преимущественно изъ адыпскихъ Нѣмцевъ, по примѣру подобныхъ же обществъ, уже

давно существующихъ въ Германіи. Общество это разучиваетъ избранныя національныя пѣсни и потомъ, собравшись въ одно прекрасное утро или въ одинъ прекрасный вечеръ, отправляется, на примѣръ, въ Парголово и поетъ тамъ на парнасѣ, въ услуду многочисленныхъ слушателей, какъ это случилось въ Іюнѣ, или нанимаетъ пароходъ и катается съ пѣснями по Невѣ, какъ это было на дняхъ, т. е., уже въ Іюлѣ. Занятіе, какъ видите, столько же невинное, сколько и пріятное. Въ послѣднюю артистическую прогулку, общество это вздумало сдѣлать любезность другому обществу, тоже довольно невинному и пріятному, новому рѣчному яхтъ-клубу. Пѣвцы-любители остановили пароходъ противъ дачи Яхтъ-клуба и пропѣли нѣсколько пѣсень; новый Яхтъ-клубъ былъ тронутъ такою вѣжливостью. Къ пароходу нѣмецкихъ пѣвцовъ былъ высланъ денутатъ на лыжахъ, который въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ объявилъ пѣвцамъ-любителямъ искреннюю признательность новаго клуба. Такіе поразительные примѣры тонкости и деликатности должны, безъ сомнѣнія, дѣйствовать весьма благотѣльно на общество и смягчать напип, все еще нѣсколько татарскіе нравы. Пріятно и полезно.

Кстати, на мысль приходятъ пріятность и удобство нашихъ лѣтнихъ сообщеній. Нельзя не сознаться, что всѣ они улучшились и далеко ушли отъ прежней мерзости, но правда и то, что они еще очень далеки отъ вождѣлѣннаго совершенства. Особенно дурно дѣйствуютъ на глаза, бока и спину тѣ неуклюжія машины, которыя называются омнибусами, и въ которыхъ за весьма умѣренную плату, человѣку представляется чрезвычайно легкой способъ задохнуться; и такихъ машинъ, да будетъ вамъ извѣстно, въ Петербургѣ около полусотни. Если прибавить къ этому восемь легкихъ парашодовъ, совершающихъ до тридцати рейсовъ въ день, собственныя и извозчичьи экипажи, то легко будетъ представить себѣ, какое множество петербургскихъ жителей жаждетъ ежедневно подышать чистымъ воздухомъ. Казалось бы при такомъ всеобщемъ расположеніи къ загороднымъ прогулкамъ, легко и выгодно было бы завести порядочныя общественныя экипажи; но нѣтъ, публикѣ предлагаются всѣ тѣ же безобразныя рыдваны и она по прежнему должна трястись до ломоты въ костяхъ, глотать пыль и задыхаться. Ни благоразумный расчетъ, ни совѣсть не прошибаютъ ни одного изъ содержателей публичныхъ экипажей. Живетъ и такъ, думаютъ

они; да и дѣйствительно живетъ и еще приносить доходъ.... Впрочемъ, подождемъ....

Не все на небѣ будетъ ночь,
Авось и солнышко проглянетъ.

Вотъ уже новое газовое общество проложило трубы, по которымъ станетъ протекать быстрое и яркое освѣщеніе во всѣ углы Петербурга. Проложены и трубы, по которымъ должна разойтись по городу чистая, невская вода, но, дальше, пока запятая и, по всей вѣроятности, много воды убѣжить, прежде, чѣмъ невская пройдетъ по этимъ трубамъ. Говорятъ, что и этого много, будто канавы и каналы собираются вычистить; положимъ, что ихъ еще долго не вычистятъ, все же пріятно, что говорятъ объ этомъ.

Изобрѣтены новыя трубы, вмѣсто металлическихъ, просто бумажныя. Съ перваго взгляда это кажется не совсѣмъ правдоподобно; но дѣло вотъ въ чемъ:

Инженеръ штабсъ-капитанъ Энрольдъ, сообщая изъ Парижа редакціи журнала главнаго управленія путей сообщенія объ этихъ трубахъ, недавно имъ осмотренныхъ, говорить, что на центральной желѣзной дорогѣ во Франціи, онѣ предпочитаютъ даже металлическимъ, тамъ, гдѣ нельзя опасаться значительнаго боковаго напора. Какъ изъ его собственнаго описанія, такъ и изъ приложеннаго при немъ объявленія отъ заводчика Жалуру и К^о, въ Парижѣ, можно заключить, что трубы эти состоятъ изъ вѣстнаго числа листовъ просмоленной бумаги, наложенныхъ другъ на друга, въ перевязку, и связанныхъ между собою непромокаемою и неокисляемою смазкой такъ плотно, что онѣ выносятъ давленіе слишкомъ пятнадцати атмосферъ. Сопряженіе трубъ между собою, дѣлается или посредствомъ гуттаперчевой пластинки или, болѣею частью, посредствомъ накладки изъ того же матеріала, какъ и самая труба. Накладка эта имѣетъ видъ кольца, облегающаго концы двухъ трубъ, плотно одна съ другою сомкнутыхъ и соединенныхъ какъ между собою, такъ и съ самою накладкой, посредствомъ особой жидкой замазки, на подобіе того, какъ круныя трубы спаиваются свинцомъ. Преимущество этихъ бумажныхъ трубъ передъ свинцовыми трубами состоитъ въ томъ, что онѣ стоятъ въ шесть разъ дешевле и не могутъ служить къ образованію окиси и углекислой соли свинца, столь вредныхъ въ употребленіи. Трубы желѣзныя и даже чугуныя почти не употребляются теперь безъ осмолки, но какъ соеди-

неніе послѣдней съ металломъ, весьма несовершенно по причинѣ сотрясеній и различной степени разширяемости различныхъ тѣлъ, то и предохранительное дѣйствіе осмолки очень недостаточно. Дѣйствіе это, кромѣ того, уменьшается еще отъ множества причинъ; образующіеся гальваническіе токи, способствуютъ разложенію и окисленію, которыя и составляютъ главныя причины порчи и засоренія проводниковъ. Трубы изъ просмоленной бумаги, въ химическомъ смыслѣ представляютъ тѣла совершенно среднія и притомъ не проводятъ электричества, а потому и не способствуютъ ни разложенію, ни засореніямъ. Способъ соединенія листовъ между собою, т. е., навиваніе ихъ другъ на другъ въ перевязку, дѣлаетъ всякое пропитаніе жидкости, заключенной въ этихъ трубахъ, сквозь стѣнки, совершенно невозможнымъ.

Если уже зашла рѣчь о полезныхъ изобрѣтеніяхъ, то весьма кстати приходится сказать нѣсколько словъ о нововведеніи, очевидная польза котораго несомнѣнна. Я говорю о рѣчныхъ пожарныхъ лодкахъ. Вотъ что прочелъ я объ этихъ лодкахъ въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*:

«Устройства С. Петербурга, прорѣзаннаго въ разныхъ направленіяхъ рѣками и каналами, которые почти втеченіе полугода покрыты судами и барками, требуетъ особыхъ мѣръ относительно безопасности отъ огня. Пожары на рѣкѣ Невѣ, бывшіе въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, сдѣлали введеніе этихъ мѣръ необходимыми. Нынѣ съ Высочайшаго соизволенія, была отпущена изъ городскихъ капиталовъ, особая сумма на устройство рѣчныхъ пожарныхъ лодокъ, которыя бы, въ случаѣ пожара на Невѣ и ея притокахъ, могли быть употребляемы, давая возможность пожарнымъ командамъ дѣйствовать съ полнымъ успѣхомъ. Юля 10-го, въ часъ пополудни у домика Петра Великаго, на рѣкѣ Невѣ, двѣ такія лодки, окончательно устроенныя и снабженныя машинами и командой, были освящены въ присутствіи господина военнаго генераль-губернатора и другихъ лицъ. Были произведены опыты самого употребленія машинъ и движенія лодокъ, удостоившіеся одобренія. Лодки эти имѣютъ длины 50 футовъ и вмѣщаютъ въ себѣ 15 человекъ. На каждой баржѣ по двѣ огнегасительныя машины въ два поливные рукава. Построены онѣ на заводѣ Макферсона.»

Черезъ нѣсколько дней, именно 15-го Юля, представился случай показать на дѣлѣ, на глазахъ многочисленныхъ свидѣтелей, несомнѣнную пользу нововведенія. Въ этотъ день, въ полдень двѣнадцатаго часа утра, на большой Охтѣ, загорѣлся двухъ-

этажный деревянный домъ, охтенскаго мѣщанина и пламя съ быстротою распространилось по большому охтенскому проспекту, по набережной и по шести улицамъ. Сгорѣло, по оффиціальнымъ извѣстіямъ, девяносто домовъ, не считая дровянаго двора, будки и двухъ барокъ съ дровами. Мнѣ довелось видѣть пожаръ этотъ уже въ десятомъ часу вечера, когда догорали барки и кое-какой деревянный хламъ, валявшійся по берегу. На погѣ, за Охтой, расположился цѣлый лагерь несчастныхъ, которымъ некуда было преклонить голову, которымъ тутъ, на открытомъ погѣ, пришлось, конечно, провести и всю ночь. Чтобы представить себѣ, какъ прошла эта ночь, стоитъ только припомнить, что большая часть погорѣвшихъ мѣщанъ потеряли съ домою все свое достояніе, что на завтра, можетъ быть, многимъ изъ нихъ пришлось протянуть руку за милостынею. Само собою разумѣется, что въ настоящее время уже приняты нѣкоторыя мѣры помочь пострадавшимъ бѣднякамъ, но потеря такъ значительна, что едва ли вознаграждать ее всѣ частныя пожертвованія. Говорятъ, впрочемъ нашелся благотворитель, купецъ Тарасовъ, который изъявилъ готовность, пожертвовать въ пользу несчастныхъ охтенцовъ до тридцати тысячъ; если слухъ этотъ справедливъ, то Тарасову — честь и слава: такое пожертвованіе дѣйствительно можетъ оказать помощь многимъ изъ пострадавшихъ. Въ Петербургѣ было еще нѣсколько пожаровъ, въ разныхъ мѣстахъ, но, сравнительно съ охтенскимъ, они незначительны, и потому, умалчивая о нихъ, мы можемъ поговорить о предметахъ менѣ печальныхъ.

Вы, имѣющіе привычку и терпѣніе, пробѣгать постоянно лѣтотпись общественной жизни въ Петербургѣ, удивляетесь, можетъ быть, что я не говорю ни слова о театрѣ; но развѣ можно въ хорошей лѣтній вечеръ просидѣть часа два въ душевной театральной залѣ, чтобы видѣть страданія какогонибудь злополучнаго дебютанта, дебютантки или, наконецъ, плохаго актера въ хорошей роли, которую дали ему за отсутствіемъ хорошаго артиста. Въ Каменно-Островскомъ театрѣ лучшія представленія составляютъ оперы, исполняемыя учениками г. Ричи. Между ними самое видное мѣсто занимаетъ г. Мео, уже теперь любимецъ публики и любимецъ по заслугамъ. Г. Мео хорошо владѣетъ чрезвычайно пріятнымъ голосомъ и отличный актеръ. У него бездна веселости, развязности и ловкости; нѣтъ сомнѣнія, что онъ со временемъ будетъ украшеніемъ нашей оперной труппы. За тѣмъ хорошее слово слѣдуетъ сказать о молодой,

очень миленькой пѣвицѣ г-жи Кохъ. Голосъ у нея не высокій, но очень пріятный; она весьма ловко держитъ себя на сценѣ и поетъ съ толкомъ и чувствомъ. У г. Васильева I-го голосъ сильный и звучный, но... больше ничего нѣтъ, да кажется и никогда не будетъ. Недавно дебютировалъ еще г. Дюжиковъ, въ партіи Неморино, но это еще такой юный пѣвецъ, о которомъ я не рѣшаюсь и говорить. Голосъ у него очень низкій, мало выработанъ, игры никакой.

Къ зимнему сезону дирекція нашихъ театровъ ангажировала въ русскую оперную труппу молодого пѣвца г. Кравцова, который приобрѣлъ уже извѣстность въ Парижѣ и славится какой-то трудной нотой, доступной только Тамберлику. Меломанамъ нашимъ предстоитъ удовольствіе услышать хорошаго тенора и, главное, потолковать о немъ. По слухамъ, за вѣрность которыхъ не ручаюсь, русскія оперы будутъ даваться, во вновь отдѣланномъ Марининскомъ театрѣ, бывшемъ императорскомъ циркѣ. Такимъ образомъ исчезаетъ послѣдній слѣдъ и напоминаніе о былыхъ подвигахъ Карона, Кюзанъ, Пальмиры Анатто, Лоры Бассенъ, Федоровой и проч. Тамъ, гдѣ Пальмира Анатто разрывала бумагу и проскакивала въ обручи при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ, гдѣ щелкали бичи и подымался столбомъ песокъ, скромный Неморино станетъ пѣть о любви...

Между тѣмъ, какъ почти все петербургское человѣчество наслаждается то дождемъ, то невыносимыми жарами на такъ называемыхъ дачахъ, городъ чистится и даже мостовая поправляется. Новые дома строятся, и вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ и цѣна на квартиры, растутъ до того, что бѣднымъ людямъ придется скоро выселиться за городъ. Изъ новыхъ домовъ особенно замѣчательны: домъ графа Н. А. Кушелева-Безбородко, на Гагаринской улицѣ, потомъ домъ барона Штиглица, на Англійской набережной, и домъ Бутурлина, на Сергіевской улицѣ — все это великолѣпнѣйшіе дворцы. Говорятъ о предположеніи провести новый бульваръ отъ станціи царскосельской желѣзной дороги до Звенигородской улицы, т. е., на всемъ протяженіи Семеновскихъ казармъ. Говорятъ еще о предположеніи приступить, *въ скоромъ времени*, по составляющимся проектамъ, къ постройкѣ по образцу Семеновскаго и Симеоновскаго моста, также и мостовъ Обуховскаго, Измайловскаго и Вознесенскаго. Если слухи эти оправдаются, то петербургскіе жители, конечно, будутъ очень довольны. Хорошо бы подумать и объ отдаленныхъ

частяхъ города, напримѣръ: о Петербургской сторонѣ, гдѣ и лѣтомъ-то по многимъ улицамъ ни проходу, ни проѣзду. Такъ *Пушкарская* съ весны на большую половину лѣта превращается въ озеро, въ которомъ тонуть люди. Мнѣ говорили, что на мѣстѣ Петербургской стороны ассигновано 30,000 р.; городская дума выдаетъ эти деньги по частямъ, по 5000 ежегодно, но округъ ждетъ когда будетъ уплачена вся сумма, то есть, приступитъ къ работамъ черезъ шесть лѣтъ. Конечно, шесть лѣтъ немного въ сравненіи съ вѣчностью, но все лучше было бы округу не принимать этого въ соображеніе и не откладывать полезнаго дѣла въ долгій ящикъ. На 5000 р. можно вымостить двѣ, три улицы; какая же необходимость ждать всей суммы?... Впрочемъ, если будутъ мостить такъ, какъ вымощена большая часть Петербурга, то ужъ не лучше ли оставить болота и лужи въ ихъ натуральномъ состояніи. Мы не мечтаемъ о женевскихъ базальтахъ и парижскомъ макадамѣ; хоть бы положили намъ булыжникъ такъ, чтобъ не выпрыгивать изъ дрожекъ и не ломать спины.

Для доставленія возможности служащимъ въ 1-мъ округѣ путей сообщенія техникамъ, слѣдить за постояннымъ развитіемъ строительнаго искусства и имѣть подъ рукой всѣ необходимыя для составленія проектовъ справки, при правленіи 1-го округа учреждена библіотека спеціальныхъ сочиненій, прямо относящихся до строительнаго искусства и механики или имѣющихъ съ ними связь, на добровольно жертвуемая служащими суммы, которыя въ короткое время составили болѣе двухъ тысячъ рублей. Мысль образованія подобной библіотеки принадлежитъ начальнику округа, Г. М. Толстому. Для первоначальнаго состава библіотеки, а также и для дальнѣйшаго ея развитія, образованъ при ней особый комитетъ изъ шести членовъ и одного предсѣдателя изъ штабъ-офицеровъ округа. Члены комитета выбраны всѣми служащими, а одинъ изъ членовъ также и библіотекаремъ. Независимо отъ управленія библіотекою, комитетъ занимается разсмотрѣніемъ всѣхъ статей, какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ, писанныхъ кѣмъ либо изъ служащихъ техниковъ. Въ настоящее время библіотека, средства которой составляетъ единственно ежегодная добровольная подписка, открыта уже для всѣхъ служащихъ въ первомъ округѣ. А вѣсь эта библіотека устроитъ намъ хорошія мостовыя.

Въ публичной библіотекѣ двѣ новости: во 1-хъ старая чи-

гальная зала тѣсна для ежедневно умножающихся посѣтителей и потому положено построить новую залу. 29-го Іюня, по словамъ одной изъ нашихъ газетъ, въ часть пополудни во дворѣ императорской публичной библіотеки было совершено, по случаю положенія краеугольнаго камня для вновь сооружаемой читальной залы, протоіереемъ казанскаго собора М. Я. Морошкинымъ торжественное молебствіе съ водосвятиемъ, въ присутствіи помощника директора гофмейстера князя В. Ѳ. Одоевского, председателя строительной конторы министерства императорскаго двора тайнаго совѣтника Д. М. Прокоповича-Антонскаго и членовъ строительной конторы, равно почетныхъ членовъ библіотеки С. Д. Полтарацкаго и С. А. Соболевскаго, библіотекарей и многихъ любителей отечественнаго и общественнаго просвѣщенія. Это начало новаго дѣла на пользу русской науки было ознаменовано самымъ живымъ, самымъ теплымъ сочувствіемъ всѣхъ присутствующихъ и даже лица постороннихъ. Не только весь дворъ библіотеки, но даже крыши окрестныхъ домовъ были въ этотъ день наполнены народомъ, усердно молившимся за здравіа Царя, открывающаго для своихъ подданныхъ новыя средства просвѣщенія. Послѣ молебствія, гости, уступая русскому, столь сильно вкоренившемуся обычаю, приняли приглашеніе производителя работъ Н. А. Никитина участвовать въ закускѣ.

Что это за геніальные сочинители, которымъ дано описывать различныя торжества и писать некрологи. Простой смертный сказалъ бы напримѣръ: «послѣ молебствія была закуска,» и вышло бы скверно, а *геніальный* сочинитель говоритъ: «послѣ молебствія, гости, уступая русскому, столь сильно вкоренившемуся обычаю, приняли приглашеніе *участвовать въ закуску*» и вышло тонко, мило и глупо.

Вторая новость въ публичной библіотекѣ — рукописи, приобрѣтенныя барономъ Корфомъ за-границею.

Къ числу уже учрежденныхъ воскресныхъ школъ прибавилась еще одна, открытая на Васильевскомъ острову, куда на первый разъ явилось 99 желающихъ учиться, отъ 10 до 22-хъ лѣтняго возраста; бесплатное преподаваніе приняли на себя студенты здѣшняго университета. Кромѣ этой школы, учреждена еще одна, частная, въ помѣщеніи гальванической роты инженернаго вѣдомства.

Говорятъ, будто извѣстная писательница наша г-жа Туръ собирается основать новый журналъ, что съ будущаго года ста-

нетъ издаваться «Украинскій Вѣстникъ», что г. Потѣхинъ, братъ извѣстнаго автора, написалъ драму: «Кто лучше?» Не знаю, какъ рѣшенъ вопросъ въ комедіи, но въ дѣйствительной нашей жизни онъ становится самой трудной проблеммой. Дай Богъ г. Потѣхину разрѣшить ее.

Е. МОЛЛЕРЪ.

По поводу статьи М. Н. Лонгинова, о Полевомъ, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 г.

Н. А. Полевой, въ то время, какъ С. Н. Глинка издавалъ «Русскій Вѣстникъ», былъ вовсе неизвѣстенъ въ литературномъ мірѣ; изъ Курска, гдѣ онъ былъ сидѣльцемъ въ лавкѣ отца своего, прислалъ онъ въ первый разъ, кажется въ 1817 году, статью въ редакцію, при письмѣ, въ которомъ объяснялъ, что онъ молодой человѣкъ, только что начинаетъ писать и потому, не довѣряя себѣ, проситъ редактора пересмотрѣть и, если окажется надобность, исправить его сочиненіе. Почтенный Глинка, всегда готовый ободрять начинающихъ литераторовъ, охотно исполнилъ желаніе автора; статья была напечатана; Полевой сталъ присылать то прозу, то стихи. Наконецъ «Русскій Вѣстникъ» прекратился; Глинка ничего не зналъ о Полевомъ до двадцатыхъ годовъ, когда этотъ весьма замѣчательный человѣкъ, переселился въ Москву и издалъ программу объ изданіи «Московского Телеграфа»; прекрасная программа была оправдана первымъ номеромъ прекраснаго журнала, почти никогда не измѣнявшаго своему первоначальному тону и интересу. Глинка, пришелъ въ книжную лавку Глазунова и спросилъ о Полевомъ, рассказавъ, что кто-то съ этимъ именемъ присылалъ ему нѣкогда статьи; книгопродавецъ подтвердилъ, что это тотъ самый Полевой; Сергѣй Николаевичъ, бывшій въ нуждѣ, при большомъ семействѣ, просилъ Глазунова, поговорить Полевому, не возьметъ ли онъ его въ соудружники; но Полевой считалъ уже Глинку отсталымъ писателемъ и потому не обратился къ нему. Между тѣмъ, вышла въ свѣтъ Русская Исторія Глинки. Въ Московскомъ Телеграфѣ разгромили ее. Эта

критика имѣла такое дѣйствіе на нашихъ книжныхъ торгашей, что автору за второе изданіе, стали давать десятку, даже пятнадцатку тысячами рублей дешевле противъ прежняго; для бѣднаго Глинка, эта потеря была чувствительна. Въ это время, онъ былъ цензоромъ — въ Москвѣ; однажды сидѣлъ онъ въ комнатѣ и занимался; отворилась дверь: вошелъ военный штабъ-офицеръ съ тетрадью въ рукѣ, а за нимъ человѣкъ въ синемъ фракѣ съ металлическими пуговицами; послѣдній остановился у порога, а первый скорыми шагами приблизился къ цензору и подалъ ему рукопись, которую тотъ сталъ перелистывать.

Увидѣвъ въ чѣмъ дѣло, онъ сказалъ незнакомцу: — вы, вѣроятно, ошиблись: здѣсь ценсура. — «Я и пришелъ въ нее»; отвѣчалъ штабъ-офицеръ. — Но ценсура не принимаетъ доносовъ; продолжалъ ценсоръ. — «Такъ вы отказываетесь принять мою рукопись?» вспльщиво сказалъ авторъ ей. — Законъ запрещаетъ; спокойно молвилъ Глинка.

Штабъ-офицеръ ушелъ.

Это былъ полковникъ Свѣчинъ, авторъ Александрюды, уродливѣйшаго творенія, какое думаю только есть въ нашей литературѣ этого вѣка; разумѣется «Телеграфъ» ее отдѣлалъ и тетрадь, которую представлялъ онъ цензору, была наполнена вариациями на одну тему, а эта тема состояла въ томъ, что Полевой разругалъ его поэму, за то, что она воспѣваетъ славу Александра-Благословеннаго и Россіи, и что издатель «Телеграфа», человѣкъ не благонамѣренный, сомнительный патріотъ и либераль, не терпящій властей.

Не доносъ ли это? Слѣдственно Глинка имѣлъ право не принять рукописи.

Пока ценсоръ занимался, человѣкъ въ синемъ фракѣ, стоялъ неподвижно; но когда тотъ кончилъ и выходилъ; онъ остановилъ его въ слѣдующей комнатѣ словами: — «позвольте, Сергѣй Николаевичъ поблагодарить васъ за вашъ благородный поступокъ; если бы эту статью вы пропустили, она могла бы погубить меня; я Полевой.» Глинка подалъ ему руку, говоря: «очень радъ познакомиться съ вами, но благодарить вамъ меня не за что: я сдѣлалъ это не для васъ, а исполняя мою обязанность; но позвольте и мнѣ поблагодарить васъ за вашъ разборъ, моей «Русской Исторіи.» Что вы говорите о ней, въ чисто литературномъ отношеніи, можетъ быть, и справедливымъ; ни одинъ авторъ самъ своему сочиненію судьей быть не можетъ; что же касается до того, будто моя лѣтопись, не только не полезна, но да-

же вредна; что по ней можно разучиться русской исторіи — это не правда, это ложь; между-тѣмъ ваша критика, отвала у меня нѣсколько тысячъ; а я человѣкъ бѣдный и семейный. «Простите Сергѣй Николаевичъ, отвѣчалъ Полевой; это не я, а Вяземскій.» — «Все равно, кто-бы не писалъ, но статья въ нашемъ журналѣ; слѣдственно, вы раздѣляете ея мнѣніе.» Сворю послѣ Полевой, сильно заискивавшій и, вѣроятно, совѣстившійся передъ Глинкою, сблизился съ нимъ. Сергѣй Николаевичъ крестилъ у него нѣсколько дѣтей и, будучи добродушнымъ и безкорыстнымъ человѣкомъ, давно забытъ нанесенный ему «Телеграфомъ» убытокъ.

Журналъ Полеваго продолжался; въ одномъ изъ номеровъ его, была напечатана статья: *«Утро въ Кабинетъ Вельможи»*. Тогдашній предсѣдатель Московскаго ценсурнаго комитета; пріѣхалъ въ Комитетъ утромъ и такъ рано, что Глинки еще тамъ не было; онъ послалъ за нимъ; тотъ удивился, привыкнувъ къ тому, что предсѣдатель никогда не бываетъ въ комитетѣ. Онъ поспѣшилъ и едва вошелъ въ залу, какъ предсѣдатель нетерпѣливо вскочивъ съ мѣста, подбѣжалъ къ нему и сказалъ: — Какъ вы смѣли пропустить такую мерзость на князя Ю.? — О чемъ вы изволите говорить, спросилъ Глинка. — О статьѣ напечатанной въ «Телеграфѣ» «Утро въ Кабинетѣ Вельможи», отвѣчалъ предсѣдатель. — Тамъ нѣтъ Ю., тамъ князь Бузубовъ. — Еще бы назвали по имени! Но кто не знаетъ, что это писано на него. — По-крайней-мѣрѣ я не зналъ; да и теперь не вѣрю. — Послѣ я вамъ докажу: тамъ его любовница и собачки названы по именамъ. — Позвольте вамъ напомнить, что я ценсоръ, но списка ни чьихъ любовницъ и собакъ не имѣю; если вы только за этимъ меня вызывали, то позвольте заняться моимъ дѣломъ; у меня много работы накопилось. Глинка взялъ стулъ и сѣлъ къ столу; предсѣдатель разгорячился и закричалъ: — «вы забыли то, что уже разъ сидѣли на гауптвахтѣ, за вашъ недосмотръ». — Да; это было; но меня посадилъ государь, а не вы; что же касается до васъ, прошу васъ не горячиться, а когда вы находите меня виновнымъ; поступите по закону: статья такая-то ценсурнаго устава говоритъ, если ценсоръ, за одно съ издателемъ пропустить пасквиль, то ихъ обоихъ предавать суду. Кажется ясно? Вы насъ съ Полевымъ въ этомъ подозрѣваете; отдайте насъ подъ судъ; мы его не боимся, потому что правы и оправдаемся.

— Чѣмъ же вы можете оправдаться? спросилъ предсѣдатель.

— Тѣмъ, что прежде всего спросимъ, почему вы признаете

въ этой сатирѣ князя Ю. Потому спросимъ его, признаетъ ли онъ себя въ этой критикѣ.

Предсѣдатель ушелъ.

Тотчасъ это разнеслось по Москвѣ; въ англійскомъ клубѣ тотъ вечеръ не было другаго разговора; статью прочитали и тѣ, которые безъ того ее бы не замѣтили. Ю. отправился къ предсѣдателю. — «Скажи мнѣ, говорилъ онъ сердито, что ты надѣлалъ? Изъ чего взбударажилъ всю Москву? — «Помилуй, ты же на меня серднисься, тогда какъ я за тебя вступился! Кто тебя просилъ вступаться? Да, за что вступаться? Меня защищать не надо: меня никто не обижалъ. — А статья? — Какая статья? — «Утро въ кабинетѣ вельможи». — Какое мнѣ до нее дѣло? — Да вѣдь она написана на тебя. — Почему ты такъ думаешь? — Очень похоже съ тобой. — А мнѣ кажется она на тебя похожа; сказалъ Ю. и уѣхалъ.

Скоро послѣ Глинки по разстроеннымъ своимъ обстоятельствамъ нѣсколько времени жилъ съ семьей у родныхъ въ Смоленской губерніи, гдѣ я часто съ нимъ видѣлся *).

А. КОНОНОВЪ.

*) Отрывокъ изъ этихъ записокъ, въ которомъ говорится о Глинкѣ, напечатанъ въ 10-мъ номерѣ «Библиографическихъ Записокъ» 1859 года.

Примѣч. автора.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОВЪ.

№ 20.

(ВТОРОЙ ГОДЪ.)

Возраженіе на сужденіе кн. Урусова о Морфи. — Матчъ Морфи съ Ловента-лемъ: первыя шесть партій. — Шахматный отдѣлъ журнала New York Ledger. — Заимствованная отсюда партія Лабурдоне противъ Макъ-Доннея, съ примѣчаніями Морфи. — Журналъ «The Gambit», — Шахматы въ Гаваннѣ и Новой Зеландіи. — Партія Г-на Юкельсона съ Г***. — Отто Гейнрихъ Фонъ-Оппенъ. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Въ первой статьѣ, написанной княземъ Урусовымъ по поводу его состязаній съ Петровымъ, онъ, между прочимъ, говоритъ: «какое бы ни было начало, правильное или неправильное, и ка-кая бы ни была разстановка шашекъ въ началѣ партіи, я раз-верну игру безошибочно. Этого-то умѣнія развертывать игру, «я не вижу ни въ партіяхъ Морфи, ни въ партіяхъ Петрова» (Шахматный Лист. No. XI стр. 329). Сколь ни страннымъ по-казалось намъ, поклонникамъ Морфи, такое о немъ сужденіе, мы однако не возражали князю Урусову, а ограничились, въ подстроч-номъ примѣчаніи, изъявленіемъ желанія, чтобъ онъ подтвердилъ свое мнѣніе о Морфи анализами его партій. Вступать съ кня-земъ Урусовымъ въ споръ мы не сочли возможнымъ потому, что онъ не объяснилъ на основаніи какихъ данныхъ сложилось его невыгодное понятіе о побѣдителяхъ Гаррвитца и Андерсена, а какъ же опровергать мнѣніе выраженное голословно, безъ всякихъ доводовъ? Но теперь, послѣ того какъ въ іюньскомъ Листкѣ князь Урусовъ развилъ свое мнѣніе подробнѣе, изложилъ почему именно не признаетъ онъ въ Морфи умѣнья безошибочно раз-вертывать игру, критика дѣлается возможною и мы считаемъ обязанностью подвергнуть ей доводы князя Урусова, вполнѣ увѣ-ренные, что онъ приметъ ее съ тѣмъ безпристрастіемъ, которое

должно составлять неотъемлемое свойство великихъ шахматныхъ игроковъ.

Прежде всего князь Урусовъ замѣчаетъ, что, во всѣхъ почти партіяхъ «противники Морфи играли робко, ошибочно, далеко не «съ должною силою.» Но спрашивается, возможно ли допустить, чтобъ Лёвенталь, Гаррвитцъ, Андерсенъ, Стаунтонъ, всѣ эти игроки, такъ долго изумлявшіе шахматный міръ своимъ искусствомъ, вдругъ, Богъ-вѣсть съ чего, начинали играть и робко и ошибочно всякій разъ, когда имъ приходилось помѣриться съ американскимъ бойцомъ? Такое предположеніе болѣе чѣмъ невѣроятно, оно совершенно невозможно. Въ дѣйствительности они играли съ Морфи не чуть не слабѣе, чѣмъ между собою и съ прочими соперниками, но онъ гениально умѣлъ пользоваться ошибками, и тѣмъ самымъ дѣлалъ ихъ очевидными. Въ сущности всякій ходъ не *наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ* въ данномъ положеніи, есть уже ошибка, но ошибочность его обнаружится лишь *совершенно вѣрнымъ* отвѣтнымъ ходомъ противника. Не рѣдко случается, что маневръ, весьма повидному остроумный, доставлявшій побѣду противъ игроковъ равносильныхъ или слабѣйшихъ, ведетъ къ гибели съ противникомъ сильнѣйшимъ. Правда, въ нѣкоторыхъ, весьма не многихъ партіяхъ соперники Морфи дѣлали ошибки довольно грубыя, послѣ которыхъ и мѣнѣе сильный игрокъ одержалъ бы побѣду, но развѣ это не случалось имъ въ прежнихъ состязаніяхъ? Довольно вспомнить партіи всемірнаго турнира; въ одной изъ нихъ, напримѣръ, Андерсенъ проигралъ единственно оттого, что не замѣтилъ грозившаго ему слѣдующимъ ходомъ мата *). Во всѣхъ безъ исключенія матчахъ можно указать партіи проигранныя отъ невниманія, недосмотра, грубой ошибки и т. п., но никому не приходило въ голову ставить это въ упрекъ побѣдителю и сомнѣваться въ его превосходствѣ надъ побѣжденнымъ на томъ основаніи, что послѣдній игралъ дурно.

Далѣе князь Урусовъ утверждаетъ, что у шахматистовъ существуетъ будто бы странное обыкновеніе судить о силѣ игроковъ по частнымъ случаямъ. «Лабурдоне, говоритъ онъ, обыгралъ Макъ-Доннелля, — и всѣ заговорили, что Лабурдоне первый игрокъ въ свѣтѣ. Стаунтонъ побѣдилъ Сентъ-Амана, всѣ рѣшили, что

*) Чтoбъ не сочли это пуфoмъ приводимъ положеніе партіи въ моментъ пораженія Андерсена. См. діагр. на стр. 214.

Стаунтонъ первый игрокъ; когда же побѣдили Стаунтона*) прославили другихъ; наконецъ прославили теперь и Морфи. Можетъ быть на дняхъ Колишъ побѣдитъ Морфи, а Колиша побѣдятъ другіе и т. д.; очевидно, что титулъ перваго игрока надо раздавать съ большою осторожностью». Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, князь Урусовъ говорилъ напротивъ того, что «когда играютъ на пари или хотя и безъ денегъ, но на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ состязаются обыкновенно сильные игроки, — дѣло идетъ о репутаціи; слѣдовательно нѣтъ оговорокъ: *кто проигралъ, тотъ слабѣе*». (Шахм. Лист. XII стр. 327). Не будемъ, однако, останавливаться на этомъ маленькомъ противорѣчій, а посмотримъ основательно ли настоящія разсужденія кн. Урусова. Во-первыхъ, онъ, мы думаемъ, ошибается, полагая, что Лабурдоне провозглашенъ былъ первымъ игрокомъ своего времени вслѣдствіе побѣды надъ Макъ-Доннелемъ; можно скорѣе сказать, что Макъ-Доннель приобрѣлъ знаменитость оттого, что сопротивлялся ему успѣшнѣе всѣхъ прочихъ состязателей. Партіи Лабурдоне, не смотря на значительныя измѣненія, происшедшія въ послѣднее время въ теоріи дебютовъ, до-сихъ-поръ считаются образцовыми; многія изъ нихъ изумляютъ глубиною, смѣлостью и вѣрностью комбинацій, изумляютъ тѣмъ болѣе, что, по общему признанію современниковъ, Лабурдоне игралъ чрезвычайно быстро. Прибавьте къ этому, что онъ весьма рѣдко игралъ à but; даже сильнѣйшимъ изъ своихъ соперниковъ, — за исключеніемъ весьма не многихъ, — онъ давалъ пѣшку и ходъ впередъ, и, тѣмъ не менѣе, всегда почти одерживалъ верхъ**). Не удивительно послѣ этого, что онъ былъ признанъ величайшимъ игрокомъ своего времени, и если кн. Урусовъ находитъ это неосновательнымъ, то почему же не объяснить онъ кому, по его мнѣнію, слѣдуетъ отдать преимущество. Извѣстность Стаунтона основана тоже вовсе не исключительно на пораженіи имъ Сентъ-Амана: она ут-

*) На всемірномъ турнирѣ онъ побѣжденъ Уильямсомъ, однако никто не считаетъ Уильямса сильнѣе Стаунтона; это можетъ служить доказательствомъ, что титулъ перваго игрока раздается совсѣмъ не такъ неосторожно, какъ думаетъ кн. Урусовъ.

***) Къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ Макъ-Доннель; Лабурдоне пробоваъ давать ему пѣшку и ходъ впередъ, но не удачно, въ состязаніяхъ же à but французскій шахматистъ всегда одерживалъ верхъ. Они сыиграли около ста партій и притомъ подъ условіемъ испробовать всѣ почти дебюты; стало быть кн. Урусовъ совершенно напрасно признаетъ побѣду Лабурдоне надъ Макъ-Доннелемъ — частнымъ случаемъ.

верждена многими и многими побѣдами надъ весьма сильными игроками; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ не находилъ въ Англии ни одного соперника, который могъ бы успѣшно играть съ нимъ такъ и такъ. Наконецъ, если въ послѣдствіи слава Стаунтона нѣсколько поблѣднѣла отъ блестящихъ подвиговъ новыхъ шахматистовъ, то и въ этомъ мы не видимъ ничего страннаго или несправедливаго. Игрокъ, признававшійся сильнѣйшимъ изъ всѣхъ, уступаетъ въ мнѣніи шахматистовъ первенство тому, кто поразиť его въ серьезномъ состязаніи; это, по нашему убѣжденію, совершенно основательно, иначе даже быть не можетъ, и мы рѣшительно не понимаемъ почему кн. Урусовъ удивляется столь естественному факту. Надо бы напротивъ дивиться еслибъ, превозгласивъ однажды какого нибудь шахматиста первымъ въ мірѣ игрокомъ, его продолжали бы величать этимъ именемъ даже и послѣ многократныхъ поражений; это было бы не только чрезвычайно странно, но даже совершенно нелѣпо.

Впрочемъ, мы готовы согласиться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ общественное мнѣніе любителей, придавало слишкомъ большое значеніе какимъ нибудь отдѣльнымъ состязаніямъ и не совсѣмъ обдуманно признавало того или другаго шахматиста первымъ въ свѣтѣ игрокомъ. Но это никакимъ образомъ не примѣняется къ Морфи. Не одна, не нѣсколько, болѣе или менѣе случайныхъ побѣдъ, доставили ему славу: она упрочена непрерывной цѣпью побѣдъ надъ сильнѣйшими современными игроками. Съ перваго появленія своего на шахматномъ поприщѣ, Морфи всегда и вездѣ одерживалъ огромное превосходство надъ всѣми безъ исключенія соперниками. Вотъ нѣсколько числовыхъ данныхъ, которыя краснорѣчивѣе всякихъ похвалъ доказываютъ необычайную силу Морфи.

Обзоръ партій игранныхъ Пауломъ Морфи въ Нью-Йоркѣ осенью 1857 года.

(Цифры перваго столбца показываютъ число проигранныхъ имъ партій, втораго—число выигранныхъ, третьяго—число ничьихъ и наконецъ цифры послѣдняго столбца обозначаютъ сколько всего было сыграно партій.)

I. ПАРТІИ, ИГРАННЫЯ ТАКЪ И ТАКЪ.

Противъ Станлея	1	12	0	13
» » Шультена	1	23	0	24
» » Томпсона	0	8	0	8
» » Лихтенгейна.	0	4	3	7

Противъ	Фиске	0	3	0	3	
»	»	Марапа	0	3	0	3
»	»	Фоллера	0	2	0	2
»	»	Соломонса	0	2	0	2
»	»	Мэда	0	1	0	1
»	»	Перрина	0	1	2	3
»	»	Рафаэля	0	1	0	1
»	»	Пэрри	0	1	0	1
»	»	Паульсена	1	8	3	12
»	»	Гаммонда	1	7	0	8
»	»	Мика	0	5	0	5
»	»	Элькина	0	1	0	1
»	»	Монтгомери	0	1	0	1
»	»	Кенникотта	0	1	0	1
»	»	Кальтрона	0	1	0	1

II. ПАРТИИ, ВЪ КОТОРЫХЪ МОРФИ ДАЕТЪ ПЪШКУ И ХОДЪ.

Противъ	Марапа	0	3	2	5	
»	»	Станлея	0	4	1	5

III. ПАРТИИ, ВЪ КОТОРЫХЪ МОРФИ ДАЕТЪ ПЪШКУ И ДВА ХОДА.

Противъ	Перрина	2	8	0	10	
»	»	Ричардсона	1	3	0	4

IV. ПАРТИИ, ВЪ КОТОРЫХЪ МОРФИ ДАЕТЪ ПЪШКУ И ТРИ ХОДА.

Противъ	Бріана	2	8	0	10
---------	--------	---	---	---	----

V. ПАРТИИ, ВЪ КОТОРЫХЪ МОРФИ ДАЕТЪ ФЕРЗЕВА КОНЯ.

Противъ	Джюліена	3	10	3	16	
»	»	Бріана	18	30	7	55
»	»	Перрина	9	17	3	29
»	»	Рейфа	1	7	1	9
»	»	Мантина	0	1	0	1
»	»	Соломонса	0	0	1	1

VI. ПАРТИИ, ВЪ КОТОРЫХЪ МОРФИ ДАЕТЪ ФЕРЗЕВУ ЛАДЬЮ.

Противъ	Перрина	0	9	0	9	
»	»	Мантина	0	1	0	1
»	»	Брауна	0	1	0	1

VII. ПАРТІИ à l'aveugle.

Противъ Паульсена	0	2	0	2
-------------------	---	---	---	---

VIII. Консультационная партія.

Противъ Фиске, Фол- лера и Перрина	1	0	0	1
---------------------------------------	---	---	---	---

Общій результатъ	41	191	26	258
------------------	----	-----	----	-----

Еще болѣе блестящихъ результатовъ достигъ Морфи въ Парижѣ*); тамъ изъ 96 партій онъ проигралъ только 5 и то единственно потому, что въ болѣе части изъ нихъ давалъ что нибудь впередъ или имѣлъ дѣло съ нѣсколькими совѣщавшимися противъ него игроками, въ партіяхъ же, игранныхъ на равныхъ условіяхъ, — ихъ было 37, — онъ только разъ потерялъ пораженіе. Сближая этотъ фактъ съ вышеприведенными свѣдѣніями о нью-іоркскихъ состязаніяхъ Морфи, увидимъ, что изъ 134 партій, игранныхъ имъ на равныхъ условіяхъ, онъ проигралъ только 5, результатъ, неслыханный въ лѣтописяхъ игры! Но намъ могутъ замѣтить, что въ числѣ его нью-іоркскихъ и парижскихъ соперниковъ были нѣкоторые игроки довольно слабые, а потому припомнимъ результатъ его состязаній съ игроками первоклассными:

Матчъ съ Лѣвенталемъ	3	9	2	14
» » Гаррвитцемъ **)	2	5	1	8
» » Андерсенемъ	2	7	2	11
» » Монгредиеномъ ***)	0	7	1	8

Прибавьте ко всему этому, что никогда ни было еще игрока, который бы состязался съ такимъ огромнымъ числомъ соперниковъ какъ Морфи. Правда кн. Урусовъ видитъ особенную важность въ томъ, что «Морфи не игралъ еще ни съ Гейдебрантомъ ни съ Колишемъ,» но мы, признаемся, и въ этомъ случаѣ не раздѣляемъ его мнѣнія, ибо не имѣемъ достаточныхъ причинъ полагать, чтобъ Гейдебрантъ, и тѣмъ болѣе Колишъ, были сильнѣе Андерсена, Гаррвитца, Лѣвентала, а вѣдь эти игроки наголову разбиты американскимъ бойцемъ.

*) Таблица, объясняющая результатъ его парижскихъ состязаній, помѣщена была въ Листкѣ за июль минувшаго года, стр. 128.

**) Этотъ матчъ игрался на семь партій, но Гаррвитцъ, потерявъ всякую надежду на выигрышъ, сдался прежде конца.

***) Монгредиенъ безъ сомнѣнія слабѣе Лѣвентала, Гаррвитца и Андерсена, можетъ быть даже его нельзя причислить къ первокласснымъ игрокамъ, но это каково же и пораженіе.

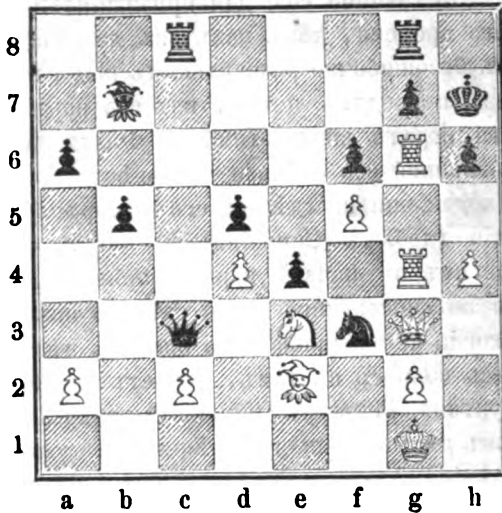
Какъ бы то ни было, князь Урусовъ находить, что всѣхъ этихъ побѣдъ недостаточно еще для признанія Морфи первымъ игрокомъ нашего времени, такъ какъ онъ не обладаетъ, будто бы, искусствомъ безошибочно развѣрывать игру; въ доказательство чего князь приводитъ четыре изъ его партій. Въ трехъ изъ нихъ Морфи игралъ контръ-гамбитъ Фишдора и *проигралъ бы*, еслибы противники его сдѣлали въ извѣстный моментъ партіи наилучшій ходъ; они не сдѣлали его и Морфи выигралъ; въ четвертой партіи (дебютъ Сициліанскій) онъ *проигралъ* вслѣдствіе сдѣланной имъ въ началѣ игры ошибки. Но развѣ есть какая нибудь возможность никогда не сдѣлать ошибки? Игрока идеальнаго, никогда не впадавшаго въ ошибки, нѣтъ, не было и не будетъ. Весь вопросъ въ томъ, играетъ ли Морфи сильнѣе Андерсена, Стаунтона, Гаррвитца и прочихъ первоклассныхъ игроковъ, и въ этомъ-то, по нашему мнѣнію, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Утверждать противное, на томъ основаніи, что помянутые игроки, сражаясь съ Морфи, часто дѣлали ошибки, нѣ въ высшей степени не логично, ибо именно это-то обстоятельство и доказываетъ, что они слабѣе того, который почти никогда не ошибается.

Намъ было бы весьма не трудно подтвердить наше высокое мнѣніе о Морфи выпискою тѣхъ партій, въ которыхъ во всемъ блескѣ выражается его гений; но это было бы не совсѣмъ добросовѣстно, ибо если кн. Урусовъ возбудилъ сомнѣніе въ превосходствѣ американскаго героя надъ прочими знаменитостями шахматнаго міра, то необходимо дать русскимъ любителямъ возможность ознакомиться и съ тѣми играми, которыя послужили основаніемъ этому скептическому воззрѣнію; иначе ихъ окончательный судъ могъ бы быть невольно пристрастенъ въ пользу нашего мнѣнія. По этому-то мы будемъ сообщать не выборку изъ партій Морфи, а всѣ безъ исключенія игры, относящіяся къ извѣстному состязанію или извѣстному періоду времени. Въ настоящемъ номерѣ мы помѣщаемъ первыя шесть партій матча Морфи съ Лѣвенталемъ, остальные будутъ напечатаны въ слѣдующемъ выпускѣ Листка *).

*) Матчи съ Гаррвитцемъ и Андерсономъ вполне напечатаны нами еще въ прошломъ годѣ.

Стаунтонъ.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Андерсенъ.

Въ этомъ положеніи Андерсенъ увелъ короля отъ шаха на f2*).

ПАРТІЯ № 115.

ПЕРВАЯ ИГРА МАЧТА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЗАЩИТА НА ВЫХОДЪ КОНЯ.

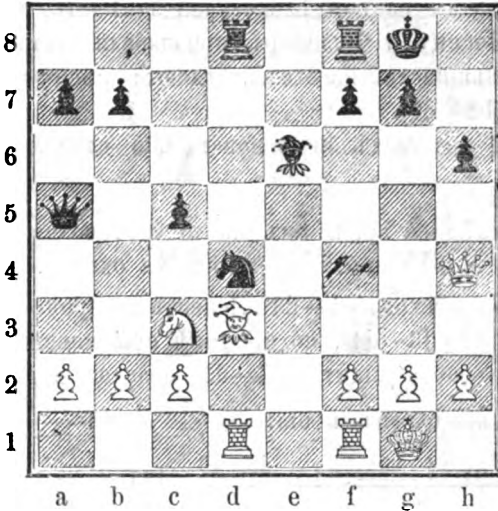
(Играна въ с. Джоржевскомъ клубѣ 7го іюля 1858 г. длилась 8 часовъ.)

Лёвенталь.	Морф.	9)	c1—f4(4)	c8—e6
(Бѣлые.)	(Черные.)	10)	d1—d2	d6—d5(5)
1) e2—e4	e7—e5	11)	e4—d5°(6)	f6—d5°
2) g1—f3	d7—d6(1)	12)	a1—d1	d5—f4°
3) d2—d4	e5—d4°	13)	d2—f4°	d8—a5
4) f3—d4°(2)	g8—f6	14)	e2—d3	a8—d8
5) b1—c3	f8—e7	15)	f3—g5	e7—g5°
6) f1—e2	0—0	16)	f4—g5	h7—h6
7) 0—0	c7—c5(3)	17)	g5—h4	c6—d4
8) d4—f3	b8—c6			

*) Эта діаграмма относится къ примѣчанію на стр. 208.

Морыи.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Левенталь.

Теперь силы обѣихъ сторонъ совершенно равны; игра черныхъ по крайней мѣрѣ столько же развита, какъ и игра его противника. Положеніе мелкихъ офицеровъ весьма симметрично; ферзи помѣщены на протввоположныхъ флангахъ, вообще можно думать, что игра кончится розыгрышемъ.

18) a2—a3(7)	f8—e8	36) b7—c8+	g8—h7
19) f1—e1	a5—b6	37) f5—d3	c6—e5
20) c3—a4	b6—a5	38) b3—d2	f6—h4+
21) a4—c3	f7—f5	39) f2—f1(12)	h4—b2°
22) e1—e5	e6—f7	40) d2—e4	h2—h1+
23) d1—e1	a5—b6(8)	41) f1—f2	h1—c1
24) e5—e8°+	d8—e8°	42) c8—c3	c1—f4
25) e1—c8°+	f7—e8°	43) f2—e2	h6—h5
26) h4—e7	e8—f7	44) e4—f2	h5—h4
27) c3—a4	b6—a5	45) c3—d2	f4—g3
28) a4—c5°	a5—d2	46) d2—e3	a7—a5
29) f2—f3(9)	d4—c6	47) e3—e4	f7—e6
30) e7—e2	d2—c1+	48) f3—f4	e5—d3°
31) g1—f2	c1—b2°	49) c2—d3°	e6—g4+
32) d3—f5°	b2—a3°	50) e2—f1	g4—f5
33) e2—b5	a3—c3(10)	51) e4—e7+	h7—h6
34) c5—b3(11)	c3—f6		
35) b5—b7°	g7—g6		

игра ничья.

Примѣчанія къ партіи No 115.

(1) Мы уже не разъ имѣли случай замѣчать, что:

а) Рюи Лопецъ и Филидоръ признавали этотъ ходъ наилучшимъ, но большинство писателей отдають преимущество защитѣ италіанской (b8—c6).

б) Многие изъ нихъ не основательно слишкомъ осуждаютъ ходъ 2) $\frac{d7-d6}{d7-d6}$.

в) Въ послѣднее время онъ часто употреблялся на практикѣ; Гаррвитцъ и Морфи играютъ его весьма охотно.

(2) Сильнѣйшій ходъ d1—d4°. Лёвенталь впрочемъ былъ прежде того мнѣнія, что f3—d4°, по причинѣ обыкновенно принимаемой противъ этого хода защиты d6—d5, опасенъ для черныхъ, ибо тогда партія продолжалась бы: 5) $\frac{e4-e5}{c7-c5}$ 6) $\frac{f1-b5+}{c8-d7}$ 7) $\frac{e5-e6}{d7-b5c}$

8) $\frac{e6-f7+}{e8-f7}$ 9) $\frac{d4-b5}{d8-a5+}$ 10) $\frac{b1-c3}{d5-d4}$ 11) $\frac{d1-b5+}{g7-g6}$ 12) $\frac{h5-d5+}{f7-e8}$

13) $\frac{b5-d4}{b5-d4}$ игра бѣлыхъ лучше. Онъ скоро однако убѣдился, что черные могли бы посредствомъ 9) $\frac{d1-e2}{d8-e8+}$ 10) $\frac{d1-e2}{e8-e2+}$ 11) $\frac{e1-e2}{b8-c6}$ и проч. привести свою игру въ хорошее положеніе.

(3) Этотъ ходъ не выгоденъ въ томъ отношеніи, что ферзева пѣшка остается безъ подкрѣпленія, тѣмъ не менѣе въ настоящемъ положеніи онъ почти необходимъ.

(4) вмѣсто этого слѣдовало бы играть 9) $\frac{c1-g5}{c1-g5}$, послѣдствіемъ чего было бы: 9) $\frac{g5-f6}{h7-h6}$ 10) $\frac{g5-f6}{e7-f6}$ 11) $\frac{d1-d2}{c8-e6}$ 12) $\frac{a1-d1}{a1-d1}$

и бѣлые имѣютъ сильную атаку на слабый пунктъ d6. И такъ ходъ c1—f4 былъ ошибоченъ, но полюбуйтесь, какъ Морфи ловко воспользовался этой ошибкой, какъ скоро съумѣлъ онъ обмѣнять свою слабо-подкрѣпленную ферзеву пѣшку.

(5) Очень хорошо. Этимъ черные уничтожаютъ атаку на ферзеву пѣшку и въ тоже время развиваютъ свою игру.

(6) Если вмѣсто этого бѣлые продвинуть королевскую пѣшку на e5, то 11) $\frac{f6-e4}{f6-e4}$, а потомъ f7—f5, и черные имѣютъ хорошее положеніе.

(7) Чтобы помѣшать атакѣ пѣшкою b7.

(8) Этимъ ходомъ Морфи теряетъ пѣшку, но она скоро и легко возвратится.

(9) Завоевывать коня посредством $e7-d8+$ было бы очевидно весьма дурно, ибо тогда черные дают шахъ ферземъ на $d1$, бѣлые должны закрыться слономъ и теряютъ ферзя. Что касается хода 29) $\frac{g2-g3}{h2-h3}$ то онъ велъ къ несомнѣнному проигрышу бѣлыхъ, а 29) $\frac{h2-h3}{h2-h3}$ къ вѣчному шаху. Очень можетъ быть, что лучше всего было бы отводить слона на $f1$.

(10) 33) $\frac{c6-d4}{c6-d4}$ имѣло бы послѣдствіемъ: 34) $\frac{b5-b7^\circ}{d4-f5^\circ}$ 35) $\frac{b7-c8+}{b7-c8+}$, ибо на 34-мъ ходѣ бѣлые не могутъ брать коня, не потерявъ ферзя, а именно: 33) $\frac{c6-d4}{c6-d4}$ 34) $\frac{b5-b7^\circ}{a3-c5^\circ}$ 35) $\frac{b7-b8+}{c5-f8}$ 36) $\frac{f5-h7+}{f5-h7+}$ и черные теряютъ ферзя.

(11) Брать конемъ $h7$ коня $b7$ нельзя, потому что черные дадутъ шахъ ферземъ на $d2$, потомъ пойдутъ конемъ на $d4$ и непременно выиграютъ партію.

(12). Лучшій ходъ.

ПАРТІЯ № 116.

Вторая игра матча.

ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЬ.

(Играна въ лондонскомъ клубѣ $\frac{1}{4}$ іюля 1858 г. длилась $4\frac{1}{2}$ часа.)

Морфи (Бѣлые.)	Левенталь. (Черные.)	14) $c4-b3$	$e7-d6$
1) $e2-e4$	$e7-e5$	15) $b1-d2$	$a7-a5$
2) $f2-f4$	$f8-c5(1)$	16) $b4-a5^\circ$	$a8-a5^\circ$
3) $g1-f3$	$d7-d6$	17) $h2-h4$	$f6-h5(6)$
4) $c2-c3$	$c8-g4$	18) $d2-f1$	$d7-c5$
5) $f1-c4(2)$	$g4-f3^\circ$	19) $b3-c2$	$a5-b5(7)$
6) $d1-f3^\circ$	$g8-f6$	20) $g5-c1$	$d5-e4^\circ(8)$
7) $b2-b4$	$c5-b6$	21) $d3-e4^\circ$	$b5-b2(9)$
8) $d2-d3$	$b8-d7$	22) $c1-b2^\circ$	$h5-f4+$
9) $f4-f5$	$d8-e7$	23) $e2-e1$	$c5-d3+$
10) $g2-g4(3)$	$h7-h6$	24) $c2-d3^\circ$	$f4-d3^\circ+$
11) $e1-e2(4)$	$c7-c6$	25) $e1-d2$	$d3-b2^\circ+$
12) $g4-g5$	$h6-g5^\circ$	26) $d2-c2$	$d6-a3(10)$
13) $c1-g5^\circ$	$d6-d5(5)$	27) $f1-d2$	$b6-c7(11)$
		28) $d2-b1$	и черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи No. 116.

(1) Это очень хорошій способъ отказывать гамбитъ, хотя онъ рѣже употребляется чѣмъ 2) $\overline{d7-d5}$.

(2) Этотъ ходъ слабѣе чѣмъ 5) $\frac{f1-c2}{}$, (см. четвертую игру этого матча).

(3) Вести впередъ свои пѣшки на обѣихъ флангахъ очень рисковано, и эта партія была бы непременно проиграна бѣлыми, если бы черные позже не сдѣлали ошибки.

(4) Лучшій ходъ.

(5) Цѣль этого хода состоитъ въ томъ, чтобы продвинуть пѣшку e5—c4, если бѣлые возьмутъ пѣшку d5, и потомъ сыграть d7—e5, стѣсняя положеніе бѣлыхъ.

(6) Положеніе черныхъ очень хорошо.

(7) Дурной ходъ; слѣдовало играть ладью на a3, и тогда можно было выиграть; напр. 20) $\frac{g5-d2}{b6-d5}$ 21) $\frac{a1-c1}{a5-c3}$ 22) $\frac{d2-c3}{a3-c3}$ (если 22) $\frac{e4-d5}{}$ то 22) $\frac{c2-d2}{}$ 23) $\frac{e2-d2}{c6-d6}$ 24) $\frac{c2-b3}{e5-e4}$ и положеніе черныхъ гораздо лучше). 23) $\frac{e4-d5}{e5-c4}$ 24) $\frac{c2-b3}{h5-f4+}$ и черные выигрываютъ.

(8) Здѣсь лучше было давать конемъ шахъ на f4, потому что если 21) $\frac{c1-f4}{}$, то 21) $\frac{c1-f4}{b5-b2}$ и игра черныхъ была бы очень хороша.

(9) Очень остроумный, но не ведущій къ выигрышу ходъ: черные по крайней мѣрѣ теряютъ ладью за офицера.

(10) Если тутъ играть конемъ на c4, то послѣдствія будутъ таковы: 27) $\frac{a2-a4}{0-0}$ 28) $\frac{h1-b2}{f8-d8}$ 29) $\frac{f3-c2}{}$ и бѣлые выигрываютъ.

(11) Непостижимо грубая ошибка; черные не видятъ, что протыкъ нападеніемъ на ферзя бѣлые завоюютъ офицера.

ПАРТІЯ № 117.

Третья игра матча.

РУССКАЯ ЗАЩИТА.

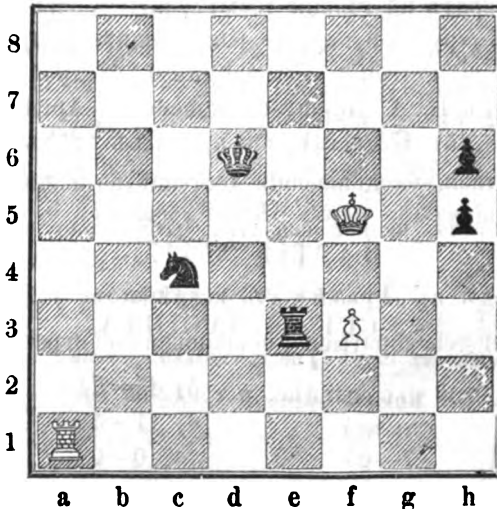
(Игра на въ лондонскомъ клубѣ $\frac{1}{2}$ поля, сколько времени длилась неизвѣстно.)

Левенталь	Морфи.	5) d2—d4	d6—d5
(Бѣлые.)	(Черные.)	6) f1—d3	f8—e7(2)
1) e2—e4	e7—e5	7) 0—0	b8—c6
2) g1—f3	g8—f6(1)	8) f1—e1(3)	f7—f5
3) f3—e5°	d7—d6	9) c2—c4	c8—e6
4) e5—f3	f6—e4°	10) c4—d5°(4)	e6—d5°

11) b1—c3	e4—c3°	34) c4—c5	f8—g7
12) b2—c3°	0—0	35) e5—e4	c1—c5°+(12)
13) c1—f4	e7—d6	36) g1—h2	c5—c1
14) f4—d6°	d8—d6°	37) h2—g1	d1—d2
15) f3—e5	a8—e8	38) e2—a6	d2—a2°
16) c3—c4(5)	d5—e6	39) a6—d3	a2—d2
17) e5—c6°	b7—c6°	40) d3—a6	d2—d1
18) d3—f1	e6—f7	41) g2—g3	f4—g3°
19) d1—d2	e8—e1°	42) g1—g2	c1—c5
20) a1—e1°	f3—d8	43) g2—g3°	c5—g1+
21) d2—a5(6)	d6—d4°	44) f1—g2	d1—d2
22) a5—c7°	d4—b6(7)	45) a6—f1	g1—f1°
23) c7—f4	g7—g6	46) g2—f1°	g7—f6
24) h2—h3	b6—b2	47) f1—c4	f7—c4°
25) f4—c7	b2—b6	48) e4—c4°	d2—d6
26) e1—e7(8)	d8—d1	49) g3—f4	d6—e6
27) c7—c8+(9)	d1—d8(10)	50) c4—d4	f6—e7
28) c8—c7	d8—d1	51) d4—a4	e7—d6
29) c7—e5	b6—b1	52) a4—a7°	c6—c5
30) e5—e2	g8—f8	53) a7—a1	c5—c4
31) e7—e5(11)	f5—f4	54) h4—h5	g6—h5°
32) f2—f3	b1—c1	55) f4—f5	e6—e3(13)
33) h3—h4	h7—h6		

Морфи.

ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

Левенталь.

56) f5—f4	e3—e8	69) f3—f4	e5—e4
57) a1—a6 †	d6—d5	70) f2—f3	e4—c4
58) a6—h6°	c4—c3	71) b7—h7	c1—d2
59) h6—h5° †	d5—d4	72) h7—h1	c2—c1♣
60) h5—h7	e8—c8	73) h1—c1°	c4—c1°
61) h7—d7 †	d4—c4	74) f3—e4	c1—e1 †
62) f4—e3	c8— e8 †	75) e4—d4	d2—e2
63) e3—f2(14)	c3—c2	76) f4—f5	e2— f2
64) d7—c7 †	c4—d3	77) d4—d5	f3—f4
65) c7—d7 †	d3—c3	78) f5—f6	f4—g5
66) d7—c7 †	c3—d2	79) f6—f7	e1—f1
67) c7—d7 †	d2—c1	80) d5—e6	g5—g6
68) d7—b7	e8—e5		и бѣлые сдаются.

Примѣчания къ партии No. 117.

(1) Этотъ способъ защиты долгое время признавался ошибочнымъ; Даміано, Лопецъ, Джіануціо, а за ними и всѣ почти шахматные писатели положительно его осуждали. Дѣло въ томъ, что они не видѣли, что на третьемъ ходѣ, послѣ какъ бѣлые возьмутъ пѣшку конемъ, слѣдуетъ играть 3) $\frac{d7-d6}{}$; правда, этотъ ходъ встрѣчается у италіянскаго писателя XVII вѣка Коціо, но на него не обратили должнаго вниманія. А. Д. Петровъ, никогда не читавшій Коціо, открылъ на практикѣ ходъ d7—d6, и очень часто игралъ настоящій дебютъ, почему онъ и извѣстенъ подъ названіемъ «русской партии» или «защита Петрова» (Russisches Springerspiel, Petroff's Vertheidigung). Подробный анализъ его принадлежитъ К. А. Яншу (Palamède 15 April 1842. Anal. nouv. t. II. p. 8—45). Въ послѣднее время въ этомъ дебютѣ открыты новыя атаки, уменьшающія достоинство защиты 2) $\frac{g8-f6}{}$ но при всемъ томъ нельзя сказать, чтобы оно вело къ проигрышу.

2) Этотъ ходъ въ первый разъ встрѣчается у Ланге въ его «Sammlung neuer Schachpartien»; обыкновенный играется 6) $\frac{f8-d6}{}$.

3) 8) $\frac{c2-c4}{}$ было бы сильнѣе, и тогда на 8) $\frac{c8-e6}{}$ слѣдуетъ отвѣчать 9) $\frac{d1-b3}{}$.

(4) 10) $\frac{d1-b3}{}$ доставило бы бѣлымъ продолжительную атаку.

5) Въ этомъ положеніи f2—f4 могло бы поправить игру бѣлыхъ.

(6) 21) $\frac{e1-d1}{c6-c5}$ было бы без сомнѣнія лучше; вѣроятно бѣлые не сыиграли такъ опасаясь 21) $\frac{c6-c5}{c7-c6}$, что заставило бы ихъ играть 22) $\frac{d4-d5}{c7-c6}$ и вызвало бы ходъ 22) $\frac{c7-c6}{c7-c6}$, ведущій повидимому къ потерѣ пѣшки. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣннн этой комбинаціи, оказывается, что она не представляла никакой опасности для бѣлыхъ. Вотъ для примѣра одинъ изъ поражаемыхъ ею варіантовъ: 21) $\frac{e1-d1}{c6-c5}$ 22) $\frac{d4-d5}{c7-c6}$ 23) $\frac{d2-c2}{g7-g6}$ 24) $\frac{f1-e2}{c8-d5^{\circ}}$ 25) $\frac{c4-d5^{\circ}}{f7-d5^{\circ}}$ 26) $\frac{e2-c4}{c6-d5^{\circ}}$, а за тѣмъ 27) $\frac{c2-b3}{c7-c6}$; или что можетъ быть, еще лучше: 24) $\frac{h2-h3}{c6-d5^{\circ}}$ 25) $\frac{c4-d5^{\circ}}{f7-d5^{\circ}}$ 26) $\frac{f1-c4}{c7-c6}$ и т. д.

(7) Этимъ ходомъ черные могли проиграть, если бы бѣлые отвѣчали: 23) $\frac{e1-e7}{d8-d1}$; возможные послѣдствія этого хода были бы: 23) $\frac{c7-a7^{\circ}}{d8-d1}$ (на 23) $\frac{c7-a7^{\circ}}{d8-f8}$ 24) $\frac{c7-c8+}{d1-d8}$ (если 24) $\frac{c7-c8+}{d1-d8}$ то 25) $\frac{c8-d8^{\circ}+}{d1-d8^{\circ}}$ 26) $\frac{e7-a7^{\circ}}{d1-d8^{\circ}}$ и т. д.) 25) $\frac{c8-f5^{\circ}}{d1-d8^{\circ}}$ и игра бѣлыхъ лучше.

(8) Теперь этотъ ходъ уже не такъ опасенъ для черныхъ, какъ до 23) $\frac{c7-a7^{\circ}}{d1-d8^{\circ}}$.

9) Если 27) $\frac{e7-f7^{\circ}}{d1-f1^{\circ}+}$ то 27) $\frac{g1-f1^{\circ}}{d1-f1^{\circ}+}$ 28) $\frac{g1-f1^{\circ}}{b6-b1+}$ 29) $\frac{f1-e2}{b6-b1+}$ и черные дѣлаютъ ничью посредствомъ вѣчнаго шаха.

(10) По этимъ ходамъ (d1—d8, d8—d1) можно видѣть, что черные уже заботятся только о ничьей; — если бы они сыиграли: 27) $\frac{c8-c7}{g6-g7}$, то 28) $\frac{c8-c7}{g7-g8}$ и игра пришла бы опять въ тоже положеніе. По нашему мнѣнію бѣлые также должны были бы въ этомъ положеніи довольствоваться ничьей.

(11) Если 31) $\frac{e7-a7^{\circ}}{d1-e1}$, то 31) $\frac{e7-a7^{\circ}}{d1-e1}$ и игра бѣлыхъ проиграна.

(12) Черные могли бы сыиграть 35) $\frac{e2-f2}{g7-f6}$ и пѣшка с5 отъ нихъ не ушла бы; — пбо если 36) $\frac{e2-f2}{f7-c4}$ то 36) $\frac{e2-f2}{f7-c4}$.

13) Конецъ партіи представляетъ большой интересъ. Бѣлые, имѣя двумя пѣшками меньше, могли бы однако, при совершенно безошибочной игрѣ, сдѣлать ничью.

(14) Гораздо лучше было бы идти королемъ на f4, ибо за тѣмъ бѣлые могли бы пожертвовать ладью за пѣшку. Ихъ

пѣшка f3, защищенная кородемъ, будетъ такъ сильна, что черныя тоже должны будутъ потомъ отдать за неѣ ладью и игра кончится розыгрышемъ.

ПАРТІЯ № 118.

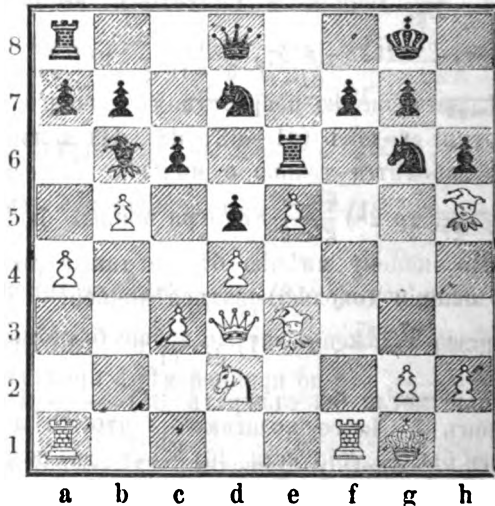
ЧЕТВЕРТАЯ ИГРА МАТЧА. ОТКАЗАННЫЙ ГАМБИТЬ.

(Играна въ с. Джоржевскомъ клубѣ $\frac{1}{2}$ іюля 1858 г. сколько времени длилась неизвѣстно.)

Морфи (Бѣлые.)	Левенталь. (Черные.)	9) d2—d4	e5—f4°
1) e2—e4	e7—e5	10) c1—f4°(2)	e7—g6
2) f2—f4	f8—c5	11) f4—e3	g8—f6
3) g1—f3(1)	d7—d6	12) b1—d2	0—0
4) c2—c3	c8—g4	13) 0—0	h7—h6(3)
5) f1—e2	g4—f3°	14) a2—a4	c7—c6
6) e2—f3°	b8—c6	15) d1—e2	f8—e8
7) b2—b4	c5—b6	16) e2—d3	d6—d5(4)
8) h4—b5	c6—e7	17) e4—c5	f6—d7
		18) f3—h5	e8—c6(5)

Левенталь.

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

Морфи.

19) a4—a5	b6—c7	22) h5—g6°	d8—g8
20) f1—f7°	g8—f7°(6)	23) e3—f2	d7—e5°(7)
21) d3—f5+	f7—e7	24) d4—e5°	a8—f8

25) f2—c5+	e7—d8	29) a5—b6°	e6—g6°
26) c5—f8°	e6—e5°	30) b6—c7°+	d8—c7°
27) f5—f2	g8—e6	31) a1—b1	и черные сдаются.
28) b5—b6	a7—b6°		

Примѣчанія къ партии No. 118.

(1) Этотъ ходъ вообще считается слабѣе 3) $\frac{d2-d4}{}$.

(2) Теперь силы бѣлыхъ очень хорошо развернуты, и они имѣютъ то превосходство, что оба слона ихъ готовы начать атаку.

(3) Безполезный ходъ, который влечетъ за собою позднѣйшія невыгоды для черныхъ, отнимая подкрѣпленіе у коня g6; лучше было бы играть a7—a6, или f6—d7.

(4) Ходъ, предупреждающій желаніе противника! Бѣлымъ послѣ него остается только продвинуть королевскую пѣшку, и для атакъ его ферзя линия открыта.

(5) Ошибка; Ланге (Paul Morphy, I часть, стр. 171) и Chess Monthly (Іюнь 1859 г. стр. 182) находятъ, что въ этомъ положеніи слѣдовало играть 18) $\frac{d8-h4}{}$; Дюфренъ (Paul Morphy's gewonnene Schachwettkämpfe стр. 95) съ своей стороны полагаетъ, что 18) $\frac{d7-f8}{}$ было бы лучше; а Стаунтонъ не безъ основанія замѣчаетъ (Chess Praxis стр. 459), что если бы черные сходили 18) $\frac{d7-e5°}{}$ то 19) $\frac{d4-e5°}{e8-e5°}$ 20) $\frac{e8-b6°}{}$ (если 20) $\frac{h5-g6°}{}$ то 20) $\frac{e5-e3°}{}$ 21) $\frac{g6-f7°+}{g8-h8}$ и бѣлые не могутъ спасти своего ферзя) 20) $\frac{d8-b6°+}{}$ 21) $\frac{g1-h1}{e5-h5°}$ и черные имѣютъ двѣ лишнія пѣшки.

(6) Теперь ясно почему 18) $\frac{d8-h4}{e8-e6}$ было не хорошо сыграно; но въ настоящемъ положеніи все же лучше было не брать ладьи f7, а пойти 20) $\frac{g6-h8}{}$, это по крайней мѣрѣ продлило бы партию.

(7) Стаунтонъ и Ланге полагаютъ, что слѣдовало играть 23) $\frac{d7-f8}{}$; но Chess Monthly приводитъ слѣдующій варіантъ, доказывающій, что чернымъ и въ этомъ ходѣ уже не было спасенія: 24) $\frac{f2-f4+}{e7-d7}$ 25) $\frac{g6-f7}{g7-g6}$ (если 25) $\frac{g8-h8}{}$ то 26) $\frac{f7-e6°+}{f8-e6°}$ 27) $\frac{f5-f7+}{}$ и бѣлые выигрываютъ) 26) $\frac{f7-g8°}{g6-f5°}$ 27) $\frac{g8-e6°+}{d7-e6°}$ и бѣлые имѣютъ лишнюю пѣшку.

ПАРТІЯ № 119.

ПЯТАЯ ИГРА МАТЧА.

РУССКАЯ ЗАЩИТА.

(Играна 14 июля.)

Лёвенталь. (Бѣлые.)	Морфи. (Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	36) d2—e2	e8—e2°
2) g1—f3	g8—f6	37) e1—e2°	f7—b3
3) f3—e5°	d7—d6	38) c5—f8+	f6—g8
4) e5—f3	f6—e4°	39) e2—e7	b3—d1+
5) d2—d4	d6—d5	40) g1—h2	d1—d4
6) f1—d3	f8—e7	41) e7—e8	d4—c4
7) 0—0	b8—c6	42) e8—a8	b5—b4
8) c2—c4(1)	c8—e6	43) a8—a7	c4—d4
9) c4—d5°	e6—d5°	44) a7—a6°	b4—b3
10) c1—e3	0—0	45) a6—a8(8)	d4—d5
11) b1—c3	f7—f5	46) a8—a7	d5—d4
12) c3—d5°	d8—d5°	47) a7—b7	d4—c3
13) d3—c2	g8—h8	48) f8—f7	h8—h7(9)
14) c2—b3	d5—d6	49) b7—b3°	c3—e5
15) d4—d5	c6—a5	50) b3—b7	h6—h5
16) e3—d4	e7—f6	51) b7—d7	g8—h6
17) f1—e1(2)	a8—d8	52) f7—d5	e5—f6
18) d4—f6°	e4—f6°	53) d5—d3+	h7—h8
19) f3—g5(3)	f6—g4	54) d7—d8+	h6—g8
20) g2—g3	d6—c5	55) d3—d4	f6—f3
21) d1—e2	a5—b3°	56) h2—g1	h8—h7
22) a2—b3°	d8—e8	57) d4—d5	f3—d5°
23) e2—f3	g4—e5	58) d8—d5°	g8—f6
24) f3—h5	h7—h6	59) d5—e5	h7—g6
25) a1—d1(4)	c5—c2	60) f2—f4	g6—f7
26) g5—e6	e5—g4	61) g1—g2	f7—g6
27) e1—f1(5)	c2—b2°(6)	62) g2—f3	g6—f7
28) e6—f8°	e8—f8°	63) e5—a5	f7—g6
29) h2—h3	g4—f6	64) a5—a6	g6—f7
30) h5—f5°	b2—b3°	65) f4—f5	f6—d5
31) d5—d6	c7—d6°(7)	66) g3—g4	h5—g4°
32) d1—d6°	b3—f7	67) h3—g4°	d5—c7
33) d6—d2	a7—a6	68) f3—f4	e7—d5+
34) f1—e1	b7—b5	69) f4—e5	d5—f6
35) f5—c5	f8—e8	70) a6—a7+	и черные сдаются.

Примѣчанія къ партіи №. 119.

(1) Въ этой игрѣ бѣлые сдѣлали правильный ходъ (см. примѣчаніе 3-е къ партіи № 117). Положеніе ихъ еще болѣе усилилось бы, если бы они сыиграли потомъ 9) $\overline{d1-b3}$.

(2) Правильный ходъ. Вообще бѣлые ведутъ эту партію съ бѣльшею энергіею чѣмъ черные; они уже теперь имѣютъ превосходство положенія, которое сохраняютъ до конца игры.

(3) Съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы промѣнять коня на ладью.

(4) Бѣлые хорошо дѣлаютъ, что не играютъ еще $g5-e6$, ибо черные могутъ отвѣтить: $c5-d5^\circ$ и потомъ $e5-f3+$.

(5) Бѣлые прекрасно дѣлаютъ, что не берутъ еще ладьи f8; ей уйти некуда, а подкрѣпить пѣшку f2 необходимо.

(6) Если бы черные вздумали уводить ладью на g8, то бѣлые имѣли бы очень сильную атаку, сыигравъ $d1-c1$, потомъ $c1-c7^\circ$.

(7) 31) $\overline{f6-h7}$ имѣло бы послѣдствіемъ: 32) $\frac{f5-f8^\circ+}{h7-f8^\circ}$ 33) $\overline{d6-c7^\circ}$ и бѣлые выигрываютъ.

(8) Это маневрированіе ладью, имѣющее цѣлью завоевать пѣшки a и b посредствомъ нападеній на слабые пункты g8 и g7, весьма остроумно.

(9) Только этимъ ходомъ черные могутъ спасти коня, потому что когда ладья ступитъ на b8, защитить его ферземъ уже нельзя будетъ.

ПАРТІЯ № 120.

Шестая игра матча.

СИЦИЛИАНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

(Играна $\frac{1}{2}$ іюля 1858 г. сколько времени длилась неизвѣстно.)

Морфи. (Бѣлые.)	Левенлаэль. (Черные.)	10) $b5-d7^\circ+$	$d8-d7^\circ$
1) $e2-e4$	$c7-c5$	11) $f1-e1$	$f8-d6$
2) $d2-d4$	$c5-d4^\circ$	12) $b1-c3$	$e5-e4$
3) $g1-f3$	$b8-c6$	13) $c1-g5$	$f6-g4$
4) $f3-d4^\circ$	$e7-e5$	14) $d1-d5^\circ$	$d6-h2^\circ+$
5) $d4-c6^\circ$	$b7-c6^\circ$	15) $g1-h1$	$d7-d5^\circ$
6) $f1-c4$	$g8-f6$	16) $c3-d5^\circ$	$0-0(2)$
7) $0-0$	$d7-d5(1)$	17) $f2-f3$	$c4-f3^\circ$
8) $e4-d5^\circ$	$c6-d5^\circ$	18) $g2-f3^\circ$	$g4-e5$
9) $c4-b5+$	$c8-d7$	19) $e1-e3$	$f7-f6$
		20) $h1-h2^\circ$	$a8-d8(3)$

21) e3—e5°	f6—g5°	26) c5—c6	d8—c8
22) h2—g3	h7—h6	27) c6—c7	c8—c7°
23) c2—c4	f8—f7	28) e5—e8+	f8—g7
24) a1—e1	g8—f8	29) d5—c7°	и черные сдаются.
25) c4—c5	g7—g6		

Примѣчанія къ партии No 120.

(1) Игра черныхъ очень стѣснена, по причинѣ защиты
 4) $\frac{e7-e5}{e7-e5}$; ходомъ 7) $\frac{d7-d5}{d7-d5}$ они надѣются развернуть свои слы, но Морфи ихъ до этого не допустить. Замѣтимъ здѣсь кстати, что брать королевской пѣшки нельзя, ибо тогда 7) $\frac{f6-e4}{f6-e4}$ 8) $\frac{f1-e1}{d7-d5}$
 9) $\frac{e1-e4}{d5-e4}$ 10) $\frac{c4-f7}{c4-f7}+$ и черные теряютъ ферзя.

(2) Это безъ сомнѣнія лучший ходъ, но игра черныхъ уже такъ слаба, что спасти партію нѣтъ возможности.

(3) По случаю этого хода Стаунтонъ справедливо замѣчаетъ, что партія, подобная настоящей, едва постижима въ серьезномъ матчѣ, такъ плохо играли черные.

Предположивъ себѣ сообщать въ Листкѣ, какъ можно чаще, партіи непобѣдимаго Морфи, мы считаемъ необходимымъ ознакомить также читателей съ его дѣятельностью по части шахматной литературы. Морфи не написалъ ни одного сочиненія о шахматной игрѣ, и даже участіе его въ журналѣ Chess Monthly, котораго онъ почитается однимъ изъ редакторовъ, болѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное, но, около года тому назадъ, онъ принялъ на себя редакцію шахматнаго отдѣла въ американскомъ еженедѣльномъ журналѣ New-York Ledger; объ этомъ то отдѣлѣ мы и скажемъ теперь нѣсколько словъ. Онъ не отличается ни полнотою, ни разнообразіемъ; партіи и задачи составляютъ все его содержаніе; чисто теоретическіе анализы исключены изъ него столь же безусловно, какъ и всякое изслѣдованіе по части шахматной исторіи и старины; нѣтъ также отдѣла корреспонденціи и это по причинѣ весьма оригинальной, которая можетъ служить новымъ доказательствомъ огромнаго распространенія шахматной игры въ Америкѣ. «Читатели не будутъ удивлены, говоритъ Морфи въ программѣ своего отдѣла, узнавъ, что я отклоняю всякую о шахматахъ корреспонденцію. Причина ясна; какъ частный человѣкъ, я получалъ ежедневно значительное число шахматныхъ писемъ, и потому могу заключать, какъ огромно будетъ

оно теперь, когда я принялъ на себя редакцію шахматнаго отдѣла. Отвѣчать на всѣ эти письма, рѣшительно невозможно; къ тому же большая часть заключающихся въ нихъ обыкновенно вопросовъ легко разрѣшается всякимъ шахматнымъ учебникомъ.»

Не смотря на бѣдность содержанія шахматныхъ столбцовъ New-York Ledger, они имѣютъ цѣну для истинныхъ любителей игры, такъ какъ помѣщаемыя въ нихъ партіи сопровождаются подробными примѣчаніями самого Морфи. Для начала онъ избралъ партію Лабурдоне съ Макъ-Доннелемъ. «Онѣ, замѣчаетъ Морфи, не разъ были уже обнародованы, но никогда еще не подвергались вполнѣ удовлетворительному анализу, и мы намѣрены еженедѣльно сообщать читателямъ одну или двѣ изъ этихъ партій, въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были играны.»

Лабурдоне. Макъ-Доннель
(Бѣлые.) (Черные.)

1) e2—e4 e7—e5
2) d2—d4 e5—d4°

Этотъ ходъ образуетъ такъ называемый центральный гамбитъ. Хотя онъ слабѣ классическаго хода 2) g1—f3, тѣмъ не менѣе его можно употреблять иногда для разнообразія.

3) g1—f3 c7—c5

Авторитеты шахматной игры признаютъ лучшимъ ходомъ въ настоящемъ положеніи f8—b4†. Мы не хотимъ оспаривать этого воззрѣнія, но полагаемъ однако, что избранный Макъ-Доннелемъ ходъ, напрасно абсолютно отвергается, ибо при правильномъ продолженіи, онъ порождаетъ игру, въ которой превосходство бѣлыхъ далеко не такъ значительно, какъ это многіе думаютъ.

4) f1—c4 b8—c6

Бѣлые могли играть тутъ c2—c3; на что черные должны бы отвѣтить ходомъ d7—d5, котораго, — странное дѣло, — не замѣтили даже знаменитѣйшіе шахматные авторитеты; всѣ они принимаютъ только ошибочный отвѣтъ d4—c3°.

5) c2—c0 d8—f6

Макъ-Доннель очень любилъ этотъ ходъ ферземъ въ защитѣ шотландскаго гамбита; въ настоящемъ положеніи онъ есть наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ.

6) 0—0 d7—d6
7) c3—d4° c5—d4°
8) f3—g5 g8—h6

Этот способъ продолжать атаку не хорошъ, потому что даетъ возможность чернымъ сохранить гамбитную пѣшку, тогда какъ играя 8) с4—b5 бѣлые немедленно её возвращаютъ съ превосходствомъ положенія.

9) f2—f4	f8—e7
10) e4—e5	f6—g6
11) e5—d6°	g6—d6°
12) b1—a3	0—0
13) c4—d3	c8—f5
14) a3—c4	d6—g6
15) g5—f3	f5—d3°
16) c4—e5	d3—c2

Черные, полагаясь на силу своихъ пѣшекъ, стремятся къ мѣнѣ ферзей. Но эта мѣна имѣетъ послѣдствіемъ, какъ дальнѣйшее теченіе партіи ясно обнаруживаетъ, лишь улучшеніе непріятельской игры, и, въ окончательномъ результатѣ, приводитъ къ розыгрышу. Еслибъ черные помѣнялись сперва конями, а за тѣмъ поставили ферзя на f5, то сохранили бы, по нашему мнѣнію, значительное превосходство силъ и положенія.

17) e5—g6°	c2—d1°
18) g6—e7°+	c6—e7°
19) f1—d1°	h6—f5
20) g2—g4	f5—e3
21) c1—e3°	d4—e3°
22) d1—d7	f8—e8
23) a1—e1	e7—g6
24) f4—f5	g6—f4
25) d7—d4	f4—h3+
26) g1—g2	h3—f2
27) d4—c4	a8—d8
28) h2—h3	h7—h6
29) e1—e2	b7—b5
30) c4—d4	d8—d4°
31) f3—d4°	a7—a6
32) g2—f3	f2—h3°
33) e2—e3°	h3—g5+
34) f3—f4	e8—e3°
35) f4—e3°	g7—g6
36) f5—g6°	f7—g6°
37) d4—c6	g5—e6

38) e3—e4	g8—f7
39) e4—e5	h6—h5
40) g4—h5°	g6—h5°
41) e5—f5	e6—c7
42) b2—b3	f7—e8
43) a2—a4	b5—a4°
44) b3—a4°	c7—d5
45) f5—g5	d5—e7
46) c6—b8	a6—a5

Изслѣдованіе настоящаго положенія показываетъ, что бѣлые могли бы также вынудить ничью посредствомъ иѣны коней.

47) b8—a6	e7—g6
48) g5—h5°	g6—f4 †
49) h5—g5	f4—e6 †
50) g5—f5	e8—d7
51) f5—e5	e6—d8

игра ничья.

Кромѣ этой партіи, первый номеръ шахматнаго отдѣла Морфи заключаетъ подробную его программу на будущее время и слѣдующее положеніе одной изъ игоръ Морфи съ Лѣвенталемъ, предлагаемое въ видѣ задачи. Бѣлые: король g1; ферзь e3; ладьи b1, c1; конь c4; пѣшки a2, d5, e4, f2, g2, h2. Чѣрные: король d7; ферзь f6; ладьи e8, h8; конь g4; пѣшки a7, b6, d6, g7, h7. Бѣлые начинаютъ и выигрываютъ.

Почти одновременно съ принятіемъ шахматныхъ статей на столбцы Нью-Йоркскаго Ledger, а, появился тамъ новый специально посвященный царственной игрѣ журналъ «The Gambit»; онъ выходитъ еженедѣльно подъ редакціею, переселившася въ Америку германскаго любителя, Лихтенгейна. Въ Гаваннѣ нѣкто Петро Пальмеръ тоже намѣревается издавать на испанскомъ языкѣ шахматный журналъ подъ названіемъ «Revista Mensal de Ajedrez*»). Вообще въ Гаваннѣ замѣчается любовь къ благороднымъ шахматнымъ упражненіямъ, тамъ существуетъ довольно многочисленный шахматный клубъ, въ члены котораго допускаются и негры. Сильнѣйшимъ игрокомъ и лучшимъ сочинителемъ проблемъ почитается тамъ невольникъ одного изъ членовъ этого клуба, г-на Сьерре.

*) Ajedrez или Agedrez — шахматная игра.

Но не въ одной Америкѣ распространяется шахматная игра; недавно образовался шахматный клубъ въ Новой Зеландіи, въ крошечной, со всѣхъ сторонъ окруженной лѣсами, колоніи Патумагѣ. Колонія состоитъ всего изъ пяти или шести семействъ, а клубъ считаетъ уже въ средѣ своей пятнадцать членовъ. Что если бы въ Россіи число любителей было въ такомъ же отношеніи къ числу жителей вообще, какъ въ этой Патумагѣ? Тогда и намъ пришлось бы можетъ быть, подобно Морфи, жаловаться на обиліе шахматныхъ писемъ; но пока до этого еще далеко, и мы, напротивъ того, съ глубокою признательностью принимаемъ сообщенія корреспондентовъ. Особенно пріятно намъ получать партіи, игранныя внутри Россіи; онѣ всегда найдутъ мѣсто въ Листкѣ, если только представляютъ хотя малѣйшую занимательность. Такъ, мы съ истиннымъ удовольствіемъ помѣщаемъ здѣсь присланную намъ изъ Умани г-мъ Юкельзономъ партію, которая, хотя и не можетъ быть названа образцовой (такъ какъ получившій ладью впередъ игрокъ проигрываетъ), но тѣмъ не менѣе, весьма интересна, по причинѣ прекрасно задуманной и искусно веденной черными атаки.

ПАРТІЯ № 121.

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

(Черные даютъ впередъ ферзеву ладью.)

Г. Юкельзонъ. (Черные.)	Г-нъ ***. (Бѣлые.)	11) c8—a6	d2—d3
1) e7—e5	e2—e4	12) e4—d3°	c2—d3°
2) g8—f6	b1—c3	13) d5—d4	c3—a4
3) f8—c5	g1—f3	14) f8—e8+	e1—f1
4) d7—d6	h2—h3	15) c5—b4	c1—d2
5) 0—0	f1—c4	16) a6—d3°+	f1—g1
6) b7—b5	c3—b5°	17) d3—e2	d1—c2
7) c7—c6	b5—c3	18) d4—d3	c2—c4
8) d6—d5	e4—d5°	19) b4—d2°	c4—f7°+
9) e5—e4	f3—h2	20) g8—h8	a4—c5
10) c6—d5°	c4—b3	21) d8—d4	c5—e6

Тутъ черные объявляютъ матъ въ четыре хода, и игра продолжается такъ:

22) d4—f2°+	g1—f2°	24) d2—e3+	f7—f2
23) f6—e4+	f2—g1	25) e3—f2°×	

Отто Гейнрихъ фонъ-Оппенъ.

Мы уже сообщали въ нашемъ Листкѣ о кончинѣ одного изъ замѣчательныхъ литераторовъ по шахматной игрѣ, г. фонъ Оппена, послѣдовавшей въ Берлинѣ 4 апрѣля нынѣшняго года, на 77 году отъ рожденія. Помимо заслугъ на шахматномъ поприщѣ, которыя умѣютъ цѣнить истинные знатоки и любители, общая любовь и уваженіе, какими пользовался фонъ-Оппенъ, свидѣтельствуютъ о рѣдкихъ свойствахъ этой прекрасной личности, а многолѣтняя, полезная и разнообразная его дѣятельность на разныхъ поприщахъ, обширный кругъ друзей, высоко-цѣнившихъ его умъ, знаніе и благородное сердце, единомышленный отголосокъ симпатіи цѣлыхъ провинцій Германіи даютъ намъ возможность сообщить нѣсколько отрадныхъ и примирающихъ съ жизнію фактовъ, какіе рѣдко встрѣчаемъ въ біографіи людей официальныхъ. Свѣтлая жизнь старца еще болѣе говоритъ сердцу, нежели полная увлеченій и порывовъ жизнь юноши.

Отто фонъ-Оппенъ родился въ Берлинѣ 13 апрѣля 1783 года; воспитывался въ Галльскомъ университетѣ, гдѣ, по случаю дуэли, подвергся заключенію въ крѣпости. Поступилъ въ 1805 году въ прусскую службу. Вскорѣ вестфальское владычество дало ему ходъ, но при чисто-германскихъ убѣжденіяхъ, онъ одинъ изъ первыхъ сталъ подъ знамена освободителей отчизны въ 1813 году. Вліяніе его дяди, генерала фонъ-Оппена доставило ему мѣсто въ генеральномъ штабѣ, но патриотическое чувство заставило предпочесть полевую службу. Въ кавалерійскомъ дѣлѣ подъ Клевши, онъ получилъ тяжелую рану въ голову и былъ взятъ въ плѣнъ. Въ походѣ 1815 года онъ не могъ принимать участія и взятый имъ изъ самыхъ благородныхъ побужденій отпускъ былъ утвержденъ королемъ. Съ 1819 года начинается блестящее время его благодатной служебной дѣятельности въ рейнскихъ провинціяхъ. Неусыпный въ дѣлахъ по судопроизводству, онъ съ тою же энергіею и предусмотрительностію входилъ въ экономическіе интересы края: въ личныхъ и въ официальныхъ отношеніяхъ, въ роли государственнаго сановника, юриста, представителя общества, оратора, всегда и всюду онъ являлся одинаковъ: неуклонно-вѣрный своему призванію, благосклонный и общительный съ каждымъ, кто имѣлъ съ нимъ сношенія.

Сочувствіе и признательность къ нему жителей рейнскаго края выразилось между прочимъ въ поднесенномъ ему въ день празднованія его служебнаго юбилея, написанномъ въ готическомъ

стилъ адресъ, отъ имени рейнскаго коллегіума адвокатовъ. (См. Berl. Schachzeitung, July 1855).

Въ 1819 оберъ-прокураторъ въ Кобленцѣ, въ 1823 генералъ-адвокатъ рейнскаго апелляціоннаго суда, въ 1828 предсѣдатель того-же суда, фонъ-Оппенъ, привсей сложности своихъ служебныхъ обязанностей, находилъ еще время и силы для стороннихъ занятій, вполнѣ заслуживающихъ всякой благодарности. Такъ въ области наукъ достойны особаго вниманія его статьи и изслѣдованія по важнѣйшимъ юридическимъ вопросамъ, представляющія рѣдкое сочетаніе теоретическихъ знаній и практической опытности. Сюда относятся разсужденія о контрафакціи, о дуэли, о правѣ наслѣдства, о правахъ крестьянъ, сравненіе законоположеній французскихъ и прусскихъ, между прочимъ, пересмотръ главы о присяжныхъ и судьяхъ. Почти всѣ эти работы относятся къ 1828—1835 годамъ. Онъ былъ посредникомъ въ спорномъ дѣлѣ кельнскаго и ахенскаго обществъ послучаю проведенія желѣзной дороги отъ Кельна до бельгійской границы, и исполнилъ возложенное на него порученіе съ такимъ достоинствомъ, что дирекція обонхъ обществъ была поручена ему. Занимая эту должность, онъ вступилъ съ Ганземанномъ въ тѣсныя сношенія, въ видахъ дальнѣйшихъ, обширнѣйшихъ предпріятій. Въ мартѣ 1839 года онъ прибылъ въ Берлинъ и поступилъ въ ревізійный и кассационный судъ; въ 1852 году перешелъ въ верховный судъ (Obertribunal) и праздновалъ три года спустя пятидесятилѣтній юбилей своей службы; три года еще бодро продолжалъ трудиться на пользу общественную, и только осенью 1858 года окончательно оставилъ государственную службу.

Трудно представить себѣ, какимъ образомъ человекъ, до такой степени поглощенный внѣшнею дѣятельностью, находилъ время и наслажденіе углубляться въ отвлеченнѣйшія комбинаціи шахматной игры. Но такова была сильная, неутомимая натура покойнаго. Изолированному, напряженному занятію классической игрой онъ умѣлъ сообщить пріятность интимной, дружеской бесѣды. Самое искусство онъ подвигалъ впередъ не одними поэтическими взмахами своихъ комбинацій, но и литературными трактатами, и полемикой по предмету событій въ шахматномъ мірѣ, которые умѣлъ оживлять порой тонкою шуткой, иногда же и ѣдкой, всегда благородно-сдержанной сатирой. Съ достоинствомъ правилъ онъ (1848—1852) должность президента шахматнаго общества; всегда привѣтливый съ каждымъ пріѣзжимъ, находчивый въ дни веселыхъ пиршествъ, онъ умѣлъ оживить собесѣд-

никовъ увлекательной рѣчью. Какъ главный членъ комиссiи для обсуждения партiй по перепискѣ, онъ блистательно поддерживалъ репутацію клуба, какъ великій мастеръ въ изобрѣтенiи проблемъ, много содѣйствовалъ введенiю строгихъ приѣмовъ въ игрѣ и его эстетическому усовершенствованiю. Не менѣе разнообразна была ея литературная дѣятельность въ области игры. Независимо отъ капитальныхъ трудовъ его по части проблемъ, онъ придалъ новый характеръ шахматной беллетристикѣ, облекая статьи свои въ форму замысловатыхъ разсказовъ, даже стихотворныхъ переложений.

Некрологическое извѣстiе не можетъ опредѣлить вполне значенiя незабвеннаго ветерана шахматнаго искусства. Мы ограничились фактами его жизни, которые свидѣтельствуютъ о необыкновенно гармоническомъ развитiи его умственныхъ и душевныхъ свойствъ. Къ специальнымъ трудамъ фонъ-Оппена мы еще не разъ будемъ имѣть случай обращаться.

РѢШЕНИЕ ЗАДАЧЪ.

№ 42.

1) e5—e4+	b1—b2
2) e4—c4+	a2—b1
3) c4—d3+	b1—c1
4) d3—f1+	c1—b2
5) f1—e2+	b2—c1
6) e2—e1+	c1—b2
7) e1—d2+	b2—b1
8) b4—b3	a1—c3+

(Хотя черные могутъ ходить и иначе, но всякій легко убѣдится, что отдалить мата они не имѣютъ возможности.)

9) b3—c3°	b1—a1
10) d2—b2×	

№ 43.

1) f4—g5+	h7—g5°
2) e3—d4+	d6—e5
3) f2—e4+	g5—e4°×

Такъ какъ положеніе шашекъ черныхъ и бѣлыхъ совершенно одинаковое, то, — если черные будутъ начинать, — имъ слѣдуетъ дѣлать ходы соотвѣтственные тѣмъ, которые показаны для бѣлыхъ.

№ 44.

1) d1—d3 d4—e3° (A)(B)(C)(D)(E)(F)

2) d3—d5° ✕

(A.)

1) c4—d3°

2) e3—c1 ✕

(B.)

1) e4—d3°

2) e3—e7 ✕

(C.)

1) c4—c3

2) d3—c3° ✕

(D.)

1) f3—куда бы ни ходилъ.

2) e3—c4° ✕

(E.)

1) g5—какъ бы ни пошелъ.

2) h4—e7 ✕

(F.)

1) g6—куда угодно.

2) h6—c6 ✕

№ 45.

1) e1—e5° † f5—e5°

2) d2—d4 † e5—f5(A)

3) b6—f6 † e8—f6°

4) h5—g7 ✕

(A.)

2) e5—d5

3) a4—b3 † c8—c4

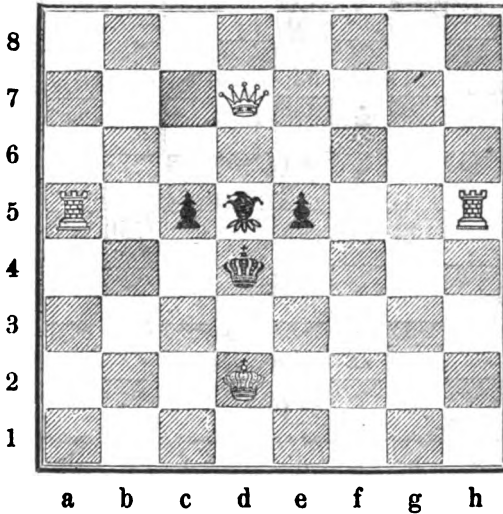
4) h5—f4 ✕

З а д а ч и.

№ 50.

Орденскій знакъ.
(Изъ Schachzeitung.)

ЧЕРНЫЕ.

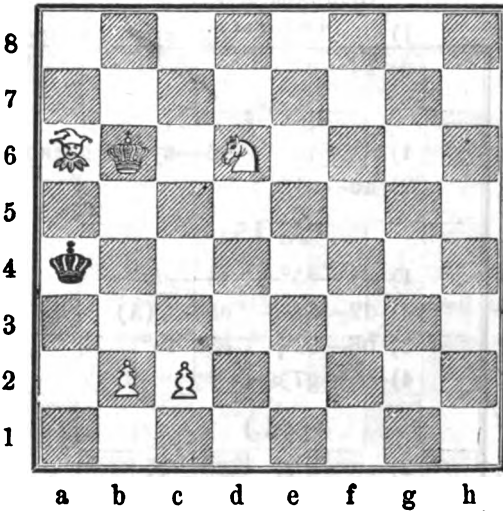
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

№ 51.

Г-НА КІЕЗЕРИЦКАГО *) (въ Нижнемъ-Новгородѣ).

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

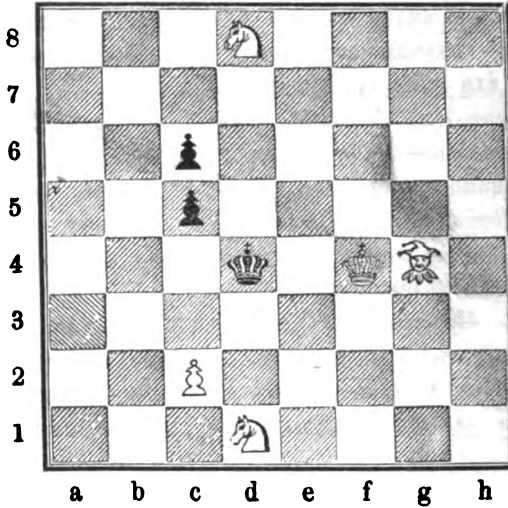
БѢЛЫЕ начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

*) Племянникъ знаменитаго умершаго шахматиста Кіезерицкаго.

№ 52.

Его-же.

ЧЕРНЫЕ.

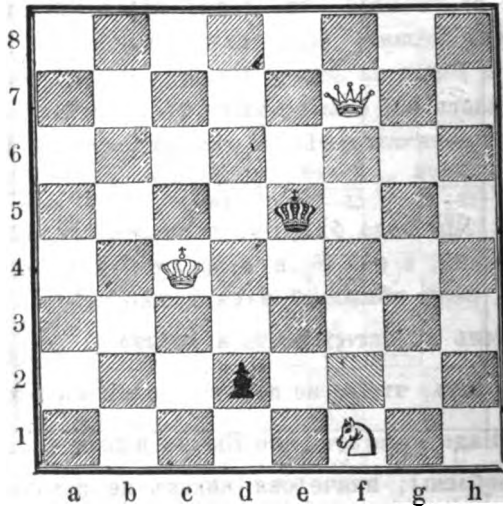
БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 53.

(Изъ Schachzeitung.)

ЧЕРНЫЕ.

БѢЛЫЕ.

БѢЛЫЕ начинают и даютъ матъ въ 4 хода.

Корреспонденція. Г-ну А. *Дрышну*. (Ставропольская губ. Екатериноградская станица) Ваше рѣшеніе задачъ гг. Байера и Пеликана — совершенно вѣрны; вполнѣ основательно также замѣчаніе относительно одного изъ положеній въ теоріи киперганій и проблемы «найденъшъ». О покупкѣ и высылкѣ Вамъ шахматъ мы не получали никакого требованія, и слова Ваши *жду и не дождусь* для насъ совершенная загадка.

Г. *Юкельзону* (въ Умани). Редакція весьма признательна Вамъ за сообщеніе партій, въ которой Вы такъ мастерски воспользовались ошибками противника; она напечатана въ настоящемъ Листкѣ. Рѣшенія Ваши вѣрны. Въ проблемѣ No 34 пѣшка с7 дѣйствительно не играетъ никакой роли, а поставлена единственно съ цѣлю усложнить положеніе.

Г-ну В. В. *Пассеку* (въ Харьковской губерніи). Подробный отвѣтъ на предложеніе Ваше, относительно сочиненія о гамбитѣ королевскаго коня, отправленъ къ Вамъ по почтѣ, 3-го мая; но окончательнаго заключенія Вашего по этому предмету мы еще не получали.

Г-ну *Ермакову* (въ Нижнемъ Новгородѣ). Мы весьма благодарны Вамъ за сообщеніе задачъ и партій. Задачи помѣщены въ настоящемъ Листкѣ; партій не печатаемъ потому, что онѣ не представляютъ интереса, какъ слишкомъ слабо игранныя черными; къ тому же Вы сами не увѣрены, вѣрно ли записана послѣдняя изъ нихъ. Убѣдительно просимъ Васъ и впредь сообщать редакціи Листка партій; игранныя въ Нижнемъ Новгородѣ. Само собою разумѣется, что тайна псевдонимовъ будетъ, согласно Вашему желанію, свято сохранена.

Замѣчанія Ваши на задачу Вильмерса невѣрны; Вы предлагаете передѣлать ее, снявъ пѣшку с7 и прибавляете, что тогда она была бы занимательнѣе и рѣшалась бы въ 4 хода такимъ образомъ 1) $\frac{a2-c4}{f3-f2}$ 2) $\frac{f3-e8}{f2-f1}$ 3) $\frac{d5-h5+}{e6-f6}$ 4) $\frac{c4-f7}{\text{матъ}}$. Но впервыхъ, послѣ 2-го хода бѣлыхъ, чернымъ слѣдовало бы играть не f2—f1 (ферзь), а e6—f6, и тогда не будетъ мата въ 4 хода; во вторыхъ, безъ пѣшки с7 матъ можно сдѣлать въ 3 хода, и при томъ очень не интересный, а именно 1) $\frac{a2-h2}{g4-g3}$ (черные обязаны такъ ходить, чтобы не получить мата въ 2 хода) 2) $\frac{h2-g3}{e6-d5}$ 3) $\frac{g3-d6}{\text{матъ}}$. Надо полагать, что Вы не нашли настоящаго рѣшенія этой проблемы; иначе она никакъ не показалось бы Вамъ легкою и не интересною.

Относительно вопроса вашего о Новомъ Уставѣ, редакція имѣеть честь сообщить слѣдующее: онъ составленъ секретаремъ общества любителей шахматной игры въ С. Петербургѣ, К. А. Янишемъ въ 1857 году, и по разсмотрѣніи его особомъ комиссією, составленною подѣ предсѣдательствомъ автора его, изъ И. С. Шумова, князя Д. С. Урусова и В. М. Михайлова, принятъ Обществомъ взаимнъ временнаго устава, изданнаго въ 1854 году. Онъ напечатанъ въ 1858 году особою книжкою, которая продается въ С. Петербургѣ у книгопродавца Дюфура, близъ Полицейскаго моста. Нѣкоторыя статьи этого устава, а именно о рокировкѣ, переименованіи пѣшекъ въ офицеры и за-прещеніи брать пѣшки на проходѣ приведены были въ Шахматномъ Листкѣ за октябрь минувшаго года.

Г. Ен—су (въ С. Петербургѣ). Редакція охотно принимаетъ Ваше предложеніе, относительно порядка печатной съ Вами корреспонденціи.

Г-ну Март..у (Лохвица, Полтавской губ.). Мы, къ сожалѣнію не можемъ напечатать сообщенныя Вами проблемы, ибо непремѣннымъ къ тому условіемъ Вы поставяете высылку Вамъ Русскаго Слова со всѣми приложеніями, а редакція Листка, не имѣеть никакого права на этотъ журналъ. — Отдѣльной подписки на Листокъ не существуетъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

	Стран.	
Митневъ. Повѣсть. Н. Х—ВИЧА.	1	✓
Параллели. (Окончаніе.) И. ПАЛИМИСЕСТОВА	64	✓
Исламъ. (Статья третья.) Н. А. КАЗЕМЪ-БЕКА.	129	✓
Нящій. Стихотвореніе М. П. РОЗЕНГЕЙМА	163	
Двѣ публичныя лекціи о Санскритскомъ эпосѣ. (Лекція вторая.) К. А. КОССОВИЧА.	166	✓
Горькая доля. Повѣсть. А. Г. ВИТКОВСКАГО	202	
Испанскіе Атриды. Стихотвореніе изъ Гейне. Л. А. МЕЯ.	270	
Изъ стихотворенія «GÖTTERDÄMMERUNG» Ø. Н. БЕРГА	279	

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛИТИКА. Хроника современныхъ событій	1	
Гаривальди. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА	17	✓
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Курсъ политической экономіи. Молиная. Г. Б—ВЪ.	29	
Пѣсни и думы изъ Гейне, переводъ А. Мантейфеля. М. Л.	42	
Учебникъ космической физики Д-ра П. Мюллера. — Ко- ренное лѣченіе сифилитической болѣзни. — Что такое же- лудокъ. — Портфель садовый для садовниковъ, цвѣтовод- цевъ и огородниковъ. — Руководство къ фармакологіи Ру- дольфа Бухгейма. В. Л. ХАНКИНА	47	
Западные Европейцы и Русскіе, доктора и ординарнаго про- фессора Паневица. Р. Р.	72	
ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Современники Шекс- пера. М. Л. МИХАЙЛОВА	76	
Любовницы Регента и Людовика XV. В. П. ПОПОВА	95	

ОТДѢЛЪ Ш.

Смѣсь. О жизни и трудахъ А. Токвиля. М. Д'ЮРБЭНА	1
Дорожныя записки. А. ЧУЖБИНСКАГО	22
Русскій театръ. В. И—ВА.	48
Общественная жизнь въ Петербургѣ. Исторія, поучительная для дѣтей и для многихъ. — Возможность сдѣлаться богатымъ и мечты. — Гулянья 1 и 22 іюля. — Мелкія новости и вѣчто о дороговизнѣ нашихъ гуляній. — Пѣвцы-любители и тонкое обращеніе новаго клуба. — Слово о лѣтнихъ сообщеніяхъ. — Подземныя трубы и слабая надежда. — Бумажныя трубы Жалуро и К°. — Рѣчныя пожарныя лодки. — Пожаръ на Охтѣ. — Ученики г. Ричи. — Новый теноръ. — Переименованіе цирка въ театръ. — Новые дома. — Новый бульваръ. — Перестройка мостовъ. — Нѣсколько словъ о мостовыхъ на Петербургской сторонѣ. — Новая бібліотека. — Новая зала и новыя рукописи. — Новыя воскресныя школы. — Новости литературныя.	
Е. О. МОЛЛЕРА.	63
По поводу статьи М. Н. Лонгинова, о Полевомъ А. А. КОНОНОВА.	76
Шахматный листокъ. В. М. МИХАЙЛОВА.	

—

При этой книжкѣ раздается въ приложеніи 2-я часть «Въ провинціи» М. Л. МИХАЙЛОВА.